

БЕРНСАР ВЕРБЕР

Юмор —
тот же экзорцизм.
Он изгоняет то,
что вызывает
у нас страх.

СМЕХ ЦИКЛОПА

Annotation

Когда в гримерке после выступления находят тело известного комика Дариуса по прозвищу Циклоп, за расследование берутся журналист Лукреция Нимрод и ее давний друг Исидор Каценберг. Единственные из всех они подозревают, что Циклоп умер не своей смертью. Очень скоро обнаруживается, что в происшествии замешано таинственное сообщество GNL. Кроме того, они находят некий ларец, содержимое которого несет гибель всякому открывшему его. А еще оказывается, что смех – явление куда более загадочное, сложное и опасное, чем принято считать. Неужто смех может убить?

- [Бернар Вербер](#)

-

- [Акт I](#)

- [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
    - [22](#)

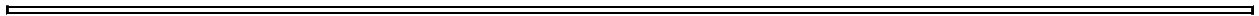
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [АКТ II](#)
  - [59](#)
  - [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)

- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [АКТ III](#)
  - [112](#)
  - [113](#)
  - [114](#)
  - [115](#)
  - [116](#)
  - [117](#)
  - [118](#)
  - [119](#)
  - [120](#)
  - [121](#)
  - [122](#)
  - [123](#)
  - [124](#)
  - [125](#)
  - [126](#)
  - [127](#)
  - [128](#)
  - [129](#)
  - [130](#)
  - [131](#)
  - [132](#)
  - [133](#)
  - [134](#)
  - [135](#)
  - [136](#)
  - [137](#)

- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [Послесловие](#)
- [Благодарность](#)
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

Бернар Вербер

Смех Циклопа

Посвящается Изабель

Человеку свойственно смеяться.

Франсуа Рабле

Я считаю, что телевизор очень способствует образованию. Как только кто-то его включает, я иду в другую комнату и сажусь за хорошую книгу.

Граучо Маркс

Смеяться можно над чем угодно, но не с кем попало.

Пьер Делрож

Мы – не люди, порой переживающие духовный опыт, но духовные существа, переживающие опыт человеческого бытия.

Пьер Тейяр де Шарден^{[\[1\]](#)}

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Акт I

Не смейте читать

1

Почему мы смеемся?

– ...И тогда он прочитал последнюю фразу, расхохотался и умер!

По огромному залу парижской «Олимпии» пробегает неудержимая дрожь. Но ее немедленно сменяет столь же безудержное ликование.

Взмывает волна коллективного восторга, округлая и твердая, как огромный бокал шампанского. Бокал лопается, зал разражается аплодисментами.

Юморист Дариус приветствует зрителей.

Это низкорослый человечек, один глаз у него голубой, другой закрыт черной пиратской повязкой, светлые волосы слегка выются, на нем розовый смокинг и розовая бабочка на белой рубашке с кружевным жабо.

Он скромно улыбается, делает реверанс, отступает на шаг назад. Вся публика в легендарном зале вскакивает и устраивает ему еще более бурную овацию.

Артист приподнимает свою черную повязку. Вместо отсутствующего глаза в глазнице помигивает лампочкой пластмассовое сердечко.

Зрители дружно прикрывают себе правой рукой правый глаз: это знак признательности, принятый среди поклонников комика.

Дариус возвращает повязку на место и медленно отступает в глубь сцены, слегка помахивая рукой и кланяясь.

Зал оглушительно скандирует его имя:

– ДА-РИ-УС! ДА-РИ-УС!

Но уже задвигается тяжелый бархатный занавес. Гаснут прожектора, освещавшие сцену, а в зале, наоборот, стремительно светлеет.

Публика все неистовствует:

– БРАВО! БИС! БРАВО! БИС! БРАВО! БИС!

Но комик, обливаясь потом, убегает за кулисами все дальше. Зал никак не унимается, он упорно скандирует:

– ЦИКЛОП! ЦИКЛОП! БИС! БИС!

Перед гримерной Дариуса собралась толпа его обожателей, закупорившая коридор.

Звезда пожимает протянутые руки, как будто срывает цветы. Отвечает на реплики, принимает подарки, благодарит.

По его спине бегут волны нервной дрожи. Утирая лоб, он приветствует, приветствует своих поклонников. Пробиваться через плотную возбужденную толпу очень нелегко. Проникнув наконец в

гримерную, он просит телохранителя постараться, чтобы его больше не беспокоили.

Он запирает дверь, на которой красуются его портрет и имя, на две защелки замка.

Проходит несколько минут.

Телохранителю удастся оттеснить толпу, он вступает в разговор с пожарным, как вдруг оба слышат взрыв смеха в гримерной Дариуса, потом звук падения.

И тишина.

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ.
РОЗОВЫЙ КЛОУН ОТКЛЯНЯЛСЯ.
ЛЮБИМЕЙШИЙ ФРАНЦУЗ ВСЕХ ФРАНЦУЗОВ УМЕР
В «ОЛИМПИИ» ОТ СЕРДЕЧНОГО ПРИСТУПА.
ПРОЩАЙ, ДАРИУС, ТЫ БЫЛ ЛУЧШИМ.

Под такими заголовками выходят газеты следующим утром.

Эта тема открывает выпуск новостей в час дня.

«Новость прогремела вчера в 23.30. Прославленный юморист Дариус, прозванный Дариусом Великим, а также Циклопом – настоящее имя Дариус Мирослав Возняк, – скоропостижно скончался от сердечного приступа после выступления в «Олимпии». Это ужасное событие потрясло всю Францию. Блестящая карьера жестоко оборвалась в зените славы. Наш специальный корреспондент находится на месте трагедии».

Длинная вереница фигур в плащах, прячущихся под зонтиками, тянется через телеэкран. Люди стоят под проливным дождем в очереди к кассе элитного мюзик-холла. Журналист машет микрофоном перед камерой.

– Увы, Жером, здесь вчера вечером скончался, к всеобщему изумлению, Дариус Великий. Но здесь же, как объявили сегодня утром, состоится торжественное представление в память о Циклопе. Это будет историческое шоу, на которое все его друзья-юмористы явятся в облике розового клоуна и представят его миниатюры. Как видите, лишь только об этом стало известно, масса поклонников бросилась приобретать билеты.

Ведущий благодарит корреспондента и сообщает с экрана:

– Президент республики направил родным Дариуса соболезнование, в котором говорится:

«Кончина Циклопа – утрата не только для мира театра, но и для всей страны. В лице Дариуса я лишился не просто одного из самых веселых моих сограждан, но и друга, дарившего мне, как и многим французам, мгновения радости даже в самых сложных ситуациях».

Отложив листок, ведущий по-ученически складывает руки.

– Дариуса Возняка похоронят узким кругом родных и близких на кладбище Монмартр в четверг в 11 часов утра.

«Будь у меня выбор, я хотел бы умереть спокойно, во сне, как мой дед. Главное, не орать в панике от ужаса, как 369 пассажиров «Боинга», который дед пилотировал за несколько секунд до гибели».

Из скетча Дариуса Возняка «После меня хоть потоп».

Вторник, 11 часов, время большого совещания в редакции «Общество» журнала «Геттёр Модерн». Оно проходит в кабинете заведующей редакцией Кристианы Тенардые, похожем на огромный аквариум.

Заведующая закидывает ноги в сапогах на мраморный столик.

На широких кожаных диванах расселись полтора десятка журналистов. Для пущей важности они шуршат газетами, вертят в пальцах блокноты, ручки, портативные компьютеры.

– Понятно, что захотят найти в нашем следующем номере читатели, поэтому за дело! Долой придирки! Перед нами зияющая брешь, и мы кидаемся в нее сломя голову. Делаем специальный номер «Смерть Циклопа».

По немногочисленным присутствующим пробегает ропот одобрения.

– Ежедневники уже высосали тему досуха, и теперь наша задача – раскопать что-то неожиданное. Свеженькое! Экстраординарное! Эксклюзив! Молниеносные предложения по кругу. Твои предложения, Максим?

Она указывает подбородком на журналиста, притулившегося справа к батарее.

– «Дариус и политика», – предлагает он.

– Слишком банально. Любому известно, что его обхаживали все партии, а он делал вид, что поддерживает их все, на самом деле не поддерживая ни одной.

– А мы разоведем тему. Он представлял собой среднего француза. Французские низы. Бедняки узнавали в нем себя, они наконец получили официального представителя. Потому его выбрали «любимейшим французом всех французов». Тут можно поискать свежий угол зрения, попробовать ответить на вопрос: «Почему его так любил народ?»

– Вот именно, возникает риск педалировать популизм. Давайте без демагогии. Дальше. Ален?

– «Дариус и секс». Составим список его побед. В его постели побывало немало знаменитостей. Некоторые выглядели довольно фотогенично в обнаженном виде. Наши страницы будут возбуждать!

– Слишком вульгарно. Это не соответствует имиджу нашего журнала, мы работаем не для черни. А главное, папарацци многовато дерут за свои снимки. Следующий.

Флоран Пеллегрини, ведущий криминальный репортер, являет свой

прекрасный лик со следами сорокалетнего пьянства и не спеша произносит:

– «Дариус и деньги». Я знаком со Стефаном Краузом, его бывшим продюсером, он с радостью поведает мне о его обширной экономической империи. Дариус владел настоящим замком в парижском пригороде. Учредил филиалы «Циклоп Продакшен» за границей. Следил вместе с братьями за всей маркированной продукцией и уже начал получать приличную прибыль. Поверьте, сердечко в глазу – выгодный торговый знак.

– Слишком материалистично. Другие предложения? Франсис?

– Тайны трудной молодости, обстоятельства несчастного случая, стоившего ему правого глаза. Как он использовал этот свой изъян, как превратил его в символ своей узнаваемости. Я уже придумал заголовок: «Реванш Циклопа».

– Слишком слащаво. Вся эта ностальгия, несчастный ребенок-инвалид, боровшийся за место под солнцем, – зачем нам выжимать столько слез? Не говоря о том, что все это видено-перевидено, читано-перечитано. Нет уж, напрягитесь, ставки очень высоки. Шевелите мозгами! Следующий. Клотильда? Есть предложения?

Журналистка вскакивает, как прилежная школьница.

– «Дариус и экология»? Он поддерживал борцов с загрязнением окружающей среды и даже участвовал в демонстрациях против атомных электростанций.

– Опять слащавость. Все звезды сейчас объявляют себя борцами за экологию, это модно. Какой примитив! Впрочем, чего еще от вас ждать...

– Но, мадам...

– Никаких «но, мадам»! Ваши идеи, моя бедная Клотильда, всегда либо пустые, либо не в тему. Вы напрасно теряете время, пытаетесь стать журналисткой, вам гораздо больше подошло бы... пасти коз.

Те, кому весело, не стесняются хихикать. Возмущенный взгляд бедняжки, уязвленной до глубины души.

– А вы... Вы вообще...

– Кто? Ну, кто я? Стерва? Сучка? Шлюха? Прошу вас, найдите точное определение. Если у вас нет предложений лучше этого идиотизма с «Дариусом и экологией», то замолчите, прекратите красть у нас время.

Клотильда Планкоэ срывается с места и выбегает, хлопнув дверью.

– Побежала реветь в туалет. Нервы ни к черту. А еще мнит себя крупным репортером! Следующий! Какие еще будут выдающиеся предложения?

– «Дариус и молодежь». Он открыл Школу смеха и театр молодых талантливых комиков, то и другое без всякой корысти. Все заработки шли на поддержку начинающих юмористов.

– Слишком просто. Нужно что-то поострее, чтобы выделиться на фоне других журналов. Что-то по-настоящему удивительное, о чем никто не подозревает. Ну же! Не вижу, чтобы вы шевелили мозгами!

Журналисты переглядываются, не находя вдохновения.

– А вдруг смерть Дариуса... – это убийство?

Заведующая редакции «Общество» Кристиана Тенардье оборачивается на произнесшую эти слова Лукрецию Немрод, молодую научную журналистку.

– Полный идиотизм. Следующий.

– Подождите, Кристиана, пусть разовьет свою мысль, – предлагает Флоран Пеллегрини.

– Глупее не придумаешь. Дариус убит? Почему тогда не самоубийство?

– Я в начале пути, – сообщает Лукреция нейтральным тоном.

– Ну, что это за «начало пути», мадемуазель Немрод?

Немного выждав, та отвечает:

– Пожарный зала «Олимпия» стоял перед гримерной Дариуса, когда тот скончался. Он утверждает, что слышал хохот Дариуса за несколько секунд до его падения.

– Ну и что?

– По его словам, Дариус хохотал во всю глотку, прежде чем рухнуть на пол.

– Бедная моя Лукреция, вы взялись конкурировать с Клотильдой в области тупых предположений?

Несколько журналистов шушукаются. Максим Вожирар, всегда спешащий поддержать начальство, говорит:

– Убийство? Это невозможно, Дариус находился в гримерке, запертой на ключ изнутри, перед дверью дежурили его телохранители, их еще называют «розовыми костюмами» – не люди, а шкафы. Последние сомнения исчезают по той причине, что на теле не было ни царапины.

Молодая журналистка не намерена отступать.

– Громкий хохот за несколько секунд до смерти... Лично мне это кажется очень странным.

– С чего бы это, мадемуазель Немрод? Договаривайте, сделайте одолжение.

– Комики редко смеются, – не лезет за словом в карман молодая

женщина.

Заведующая редакцией роется в сумочке и извлекает оттуда гильотинку. Потом, достав кожаный футлярчик, она берет из него сигару, нюхает и кладет под гильотинку, чтобы отрубить кончик.

Флоран Пеллегрини чиркает на листочке, как будто его посетила какая-то мысль.

Молодая научная журналистка выдерживает паузу и начинает объяснять:

– Обычно производители не употребляют того, что производят, потому что знают, из чего это сделано. Врачи не торопятся лечиться. Виктор Гюго, объясняя свое нежелание читать сочинения других романистов, говорил, что «коровы не пьют молоко».

Несколько коллег одобряют услышанное, и Лукреция Немрод набирается уверенности.

– Модные стилисты сплошь и рядом плохо одеты. Ну а журналисты... не верят написанному в журналах.

Небольшая аудитория перешептывается – свидетельство того, что она попала в точку. Флоран Пеллегрини незаметно пододвигает ей исчерканный листок. Молодая журналистка, глянув в него только мельком, продолжает:

– Мы, люди этой профессии, знаем, что вытворяют с информацией: здесь и манипулирование, и искажение, и неточность. Откуда взяться доверию? Думаю, для комиков тоже не секрет, как рождаются шутки, поэтому их очень непросто рассмешить.

Две женщины молча, с вызовом смотрят друг на друга.

Одна состязающаяся – заведующая редакцией «Общество» журнала «Геттёр Модерн» Кристиана Тенардье: костюм «Шанель», блузка «Шанель», часики «Шанель», духи «Шанель», крашенные в рыжий цвет волосы, в карие глаза вставлены голубые линзы. Возраст 52 года, из них 23 в журналистике. Многие засвидетельствовали бы, что она доросла до нынешнего завидного поста благодаря своему таланту к кулуарным интригам. Не написав за всю карьеру ни одной статьи, не имея на своем счету ни одного журналистского расследования, она неуклонно карабкалась наверх. Ходят слухи, что она обязана своим успехом тому, что спала с начальством с верхнего этажа, но, учитывая ее внешность, в это слабо верится.

Другая состязающаяся – Лукреция Немрод, 28-летняя журналистка. В редакции «Общество» она трудится недавно и имеет статус «постоянного внештатного сотрудника», специализирующегося на научных сюжетах. Не нажив титулов, она все же имеет в своем активе шесть лет расследований и

сотню репортажей. Молодая женщина тоже рыжая, но, в отличие от своей начальницы, может похвастаться натуральностью масти, о чем свидетельствуют веснушки у нее на щеках. Глаза у нее миндалевидные, изумрудно-зеленого оттенка. Что до лица, то остренький носик делает ее похожей на землеройку, но с грациозной шеей и с мускулистой подвижной фигурой, стройность которой подчеркивает черная блузка с китайской стойкой и с вышивкой – пронзенным мечом золотым драконом. Да, еще круглые голые плечики.

Кристиана Тенардье закуривает сигару и молча попыхивает – у нее это признак напряженного раздумья.

– «Циклоп – жертва убийства» – это была бы оглушительная сенсация, не так ли? – выдавливают Флоран Пеллегрини. – Так мы поставили бы шах и мат ежедневным изданиям.

Заведующая редакцией выдыхает долгожданное облако дыма.

– ...или утратили бы всякое доверие и превратились в посмешище для всего Парижа. – Она сверлит взглядом молодую журналистку, но та не опускает глаз. В этой безмолвной дуэли сквозит та враждебность, которой всегда захлебываются претенденты на власть: Александр Великий бросал вызов своему отцу, македонскому царю Филиппу II, Брут пристально смотрел на Цезаря, прежде чем ударить его кинжалом, Даниэль Кон-Бендит не боялся в 1968 году вооруженного до зубов спецназа. Того, кто моложе, всегда обуревают одна и та же мысль: «Прочь с дороги, старый хрыч, твоё время прошло, теперь будущее – это я».

Кристиана Тенардье знает это. Ей хватает ума, чтобы понимать, как кончатся эти схватки: редко в пользу старшего. Знает это и Лукреция.

«Образование, – думает она, – да и иерархия в структуре в конечном счете нужны только для одного: принуждать молодежь к терпению, пока старые бездари не закончат свою игру во власть и не уступят ей место».

– Смерть Циклопа – убийство?.. – задумчиво бормочет Тенардье.

Журналисты уже шепчут друг другу на ухо скабрёзности. Они готовы поднять выскочку на смех, демонстрируя свою преданность заведующей.

Та поднимается и плющит свою сигару в пепельнице.

– Прекрасно, мадемуазель Немрод, я даю вам разрешение на расследование. Но учтите две рекомендации. Во-первых, все должно быть всерьёз, с доказательствами, надёжными показаниями, фотографиями, не противоречащими друг другу, и проверяемыми фактами.

Журналисты дружно кивают, ценя естественную начальственную властность.

– И второе: удивите меня!

«Когда сотворено было тело человеческое, все его части захотели быть главными.

МОЗГ говорил: «Раз я управляю всей нервной системой, то главным быть мне».

НОГИ говорили: «Раз мы поддерживаем все тело в прямом положении, то главными должны быть мы».

РУКИ говорили: «Раз мы делаем всю работу и зарабатываем деньги, чтобы кормить тело, то мы и должны быть главными».

ГЛАЗА говорили: «Раз мы поставляем всю информацию о внешнем мире, нам и быть главными».

РОТ говорил: «Раз я всех кормлю, то главным должен быть я».

И так далее: СЕРДЦЕ, УШИ, ЛЕГКИЕ.

Наконец высказалось ЗАДНЕПРОХОДНОЕ ОТВЕРСТИЕ, потребовавшее главенства для себя. Остальные части тела высмеяли саму мысль, что ими может помыкать простая задница.

Тогда ЗАДНЕПРОХОДНОЕ ОТВЕРСТИЕ разгневалось, закрылось и отказалось действовать. Скоро воспалился МОЗГ, остекленели ГЛАЗА, ослабли и перестали ходить НОГИ, бессильно повисли РУКИ, повели борьбу за выживание СЕРДЦЕ и ЛЕГКИЕ. И все стали умолять МОЗГ, чтобы он уступил и позволил быть главным ЗАДНЕПРОХОДНОМУ ОТВЕРСТИЮ.

Так и вышло. После этого все части тела вернулись к своим делам под руководством ЗАДНЕПРОХОДНОГО ОТВЕРСТИЯ, занявшегося в основном, как и подобает всякому начальнику, достойному так называться, устранением «неприятностей».

МОРАЛЬ: чтобы стать главным, вовсе не обязательно быть мозгом, гораздо больше шансов на успех у простой ЗАДНИЦЫ».

Из скетча Дариуса Возняка

«У задницы есть будущее».

Глаза Лукреции Немрод прочли современную басню о «мозге и заднице», поэтому ее рот улыбается. Рука сминает бумажку, незаметно подsunутую ей на редакционном совещании Флораном Пеллегрини.

«Простенькая, но своевременная шутка способна здорово подбодрить», – думает она.

Крупный репортер, специалист по уголовным делам, подходит к ней после совещания и садится на свой письменный стол, что напротив ее стола.

– Ты с ума сошла, Лукреция? Что на тебя нашло, зачем ты понесла эту абракадабру про убийство Дариуса? Ты здорово влипла! Забыла, что ли, что и так у Тенардые под прицелом? Ты же хотела к концу года перейти в штат! Что ж, теперь готовься к пособию по безработице.

Молодая женщина с изумрудными глазами, морщась, массирует себе плечи.

– Я люблю загадочные убийства в закрытом помещении. Это настоящий вызов а-ля Гастон Леру.

Ее собеседник ухмыляется.

– Ни ранений, ни улики, ни свидетеля, ни мотива! И вообще, ни малейшей возможности что-либо сделать!

Лукреция Немрод замечает краем глаза стопку корреспонденции на углу своего стола. Никуда не денется, решает она.

– Люблю, когда репортаж – крепкий орешек.

– Ты хоть понимаешь, куда суешься?

– Мне нравился Циклоп.

Он смотрит на нее с искренним сочувствием.

– Меня ты не переубедишь своими фокусами с Виктором Гюго, говорившим, что коровы не пьют молока.

Старый журналист корчит гримасу, и она знает, что его беспокоит печень. Он слишком много пьет, несколько курсов дезинтоксикации не пошли впрок. Чтобы унять боль, он прибегает к привычному обезболивающему: достает рюмку и бутылку виски. Немного помедлив, он хлебает прямо из горлышка.

Нет, я не закончу свою жизнь, как Флоран, в страхе перед начальством, стремясь всем нравиться, постоянно идя на компромиссы с собственной совестью.

Он надолго присасывается к бутылке, потом с гримасой отвращения продолжает:

– Осторожнее, Лукреция, ты не отдаешь себе отчета, что ходишь в «Геттёр Модерн» по лезвию бритвы. Если оступишься, никто тебе не поможет. Даже я. Твоя идея расследовать смерть Дариуса кажется мне попросту бредовой.

Он протягивает ей бутылку. Она, поколебавшись, отрицательно крутит головой.

Что, если он прав? Что, если я сильно просчиталась с выбором сюжета? Что ж, теперь уже поздно. Начал – доведи дело до конца.

Она смотрит на листок с анекдотом про задницу, мнет его, скатывает в шарик, бросает в направлении мусорной корзины под столом у старого пьяницы-журналиста и промахивается всего на пару миллиметров.

Флоран Пеллегрини поднимает бумажку дрожащей рукой и тоже бросает. 1:0!

Он парит высоко в небесах. Другие кружат вокруг. Наконец ворон с блестящими антрацитовыми крыльями планирует на треснутый надгробный камень. Рядом опускаются соплеменники, подхватывающие его крик. Их сварливая песня по душе им одним.

Похороны Циклопа на кладбище Монмартр – главное событие дня.

Процессия медленно движется за катафалком, увешанным розовыми флажками с символом усопшего – глазом-сердечком.

В длинной веренице людей бредут члены семьи Дариуса, его друзья и, конечно, первые шутники страны, мастера фарса, игры слов. У всех понурый вид, и все облегченно переводят дух: дождь на время перестал.

Сзади напирают политики, актеры и певцы.

Фотографов на флангах едва ли не больше, чем людей в самой колонне. Спецназ полиции и «розовые костюмы» – верзилы из частной охраны «Циклоп Продакшен» – не позволяют прорваться на кладбище толпе зевак.

Наконец голова скорбного кортежа застывает перед открытой могилой. На розовом мраморе надгробного камня выгравировано золотом: «Я БЫ ПРЕДПОЧЕЛ, ЧТОБЫ В ЭТОМ ГРОБУ ЛЕЖАЛИ ВЫ, А НЕ Я».

Священник поднимается на помост, проверяет микрофон и начинает:

– Эта высеченная на мраморе эпитафия – средний палец, показанный им напоследок миру...

Постепенно скорбящие окружают священника плотным кольцом.

– Дариус взял с меня слово, что на его могиле будет начертана эта фраза, потому что знал, что Всевышний мог призвать его в любой момент. «Я бы предпочел, чтобы в этом гробу лежали вы, а не я» – какая ирония и одновременно какая искренность! Дариус поделился со мной мыслью, что если не лицемерить, то так сказал бы любой усопший, присутствуй он на собственных похоронах.

В толпе шмыгают носами и хихикают. Бурно рыдает всего одна женщина, чье лицо скрыто черной кружевной вуалью. Пожилой господин не удерживается от громкого смеха, чем заслуживает укоризненные взгляды.

– Не стесняйтесь, – продолжает священник, – можете смеяться. Дариус смеялся надо всем. Он бы и свои похороны высмеял, если бы мог на них

прийти. Его смех был добрым. Щедрым. Смирненным. Мало кто об этом знает, но Циклоп был верующим человеком. Каждое воскресенье, почти тайком Дариус ходил к мессе. Он говорил: «Для комика нехорошо, если увидят, что он идет в церковь».

Снова несколько смешков среди общего молчания.

– А еще Дариус был моим другом. Он делился со мной своими тревогами, сомнениями, своим желанием стать лучше, поэтому я лучше любого другого могу открыть вам главное: Дариус был на свой манер святым. Он не только хотел счастья для своего окружения и для публики, он поощрял в своей Школе смеха, в своей телепрограмме, в своем собственном театре юные таланты.

Женщина в вуали плачет навзрыд.

– Иисус сказал: «Бог – это любовь», но можно добавить, что «Бог – это юмор».

На нескольких лицах читается одобрение.

– Всем нам надо постоянно проверять не только свое чувство любви к ближнему, но и свое чувство... юмора.

Сморкание в платочки. Некто в широкополой шляпе, не скрывающий слез, сочувственно поддерживает женщину с вуалью.

– Вот, Дариус, наш возлюбленный, всеми любимый Циклоп, ты и покинул нас, оставил безутешными сиротами. Увы, твоя последняя шутка не вызвала у нас смеха...

Теперь преобладают слезы, смеха больше не слышно.

Одинокая плакальщица продолжает солировать, громко и пронзительно.

– Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху. Теперь можете подойти для последнего прощания. Первая – мадам Анна Магдалена Возняк, мать почившего.

Служитель церкви подает плачущей женщине лопату с землей. Она поднимает свою вуаль и бросает землю на гроб, на знаменитую фотографию смеющегося Дариуса, приподнимающего повязку и показывающего сердце в глубине правой глазницы.

Стоящая тут же Лукреция вглядывается во все лица и запоминает их.

«— Доктор, я очень встревожен. Вы поставили совсем не тот диагноз, что ваш коллега.

— Знаю. Так происходит не впервые. Но вскрытие докажет мою правоту».

Из скетча Дариуса Возняка «Доверяйте медицине, и она ответит вам взаимностью».

Поднимается ветер. Гнутся деревья. Трепещут кусты. Дрожат черные шляпки и вуали, с трудом удерживаемые руками в перчатках.

Лукреция Немрод, долго протомившаяся в длинной очереди, бросает свою лопатку земли на крышку гроба. Потом оглядывает погребальный кортеж и поклонников за оградой.

Дариуса больше нет. Даже те, кого я считаю своей духовной родней, уходят. Бросают меня одну.

Ты бросил меня, Циклоп.

Как бросили меня мои родители.

Так же поступают все, с кем я сближаюсь: они меня бросают. Такое впечатление, что Бог-шутник там, наверху, дарит нам встречи с чудесными людьми, чтобы полюбоваться нашей удрученной гримасой, когда он их у нас отнимет.

Лукреция Немрод отходит в сторону и садится на надгробие отвергнутого поэта. Ветер швыряет в нее листьями.

Ее бьет озноб.

Меня никто не придет проводить в последний путь. Ни семьи, ни друзей. Надеюсь, моим любовникам хватит ума не встретиться над моим трупом.

Она сплевывает на землю. Издали доносится голос кюре, все еще обращающегося к тем немногим, кто его слушает.

– ...Дариус Возняк был прожектором в ночи, освещавшим своим жизнерадостным словом наш безрадостный мир.

Прожектор в ночи...

Однажды он сыграл эту роль для меня самой, в моих собственных потемках. Потому я и попробую прояснить обстоятельства его смерти, раз не смогла встретить его и в ответ озарить его жизнь.

Научная журналистка «Геттёр Модерн» делает издали несколько снимков и седлает свой мотоцикл с коляской «Гуцци» с объемом двигателя 1200 см³.

Она запускает на своем «Блэкберри» композицию «Страх темноты» английской хард-рок-группы «Айрон Мейден» и мчится в сторону парижской окружной дороги. Она без шлема, рыжие волосы развеваются на ветру.

Она жмет на рукоятку, посылая стрелку спидометра к отметке 130 км в

час.

В день накануне своей смерти я буду в больнице одна.

Буду умирать в одиночестве.

И останусь одна, когда мое тело будут предавать земле.

А после меня, как бродяг, как когда-то актеров, швырнут в общую могилу, потому что не найдется желающих заплатить за гроб, а кюре посчитает, что я слишком нагрешила, чтобы хоронить меня в освященном месте.

Никто не будет обо мне сожалеть.

А потом меня забудут. От меня останутся только статьи в архиве «Геттёр Модерн» – те немногие, которые Тенардьё разрешила подписать моим именем.

Вот и весь след моего пребывания на земле.

«Псих залезает на стену своей психбольницы, с любопытством рассматривает прохожих и обращается к одному из них:

– И много вас там?»

Из скетча Дариуса Возняка «С необычной точки зрения».

Лукреция Немрод возвращается домой, смотрит на спящего в ее постели мужчину, на его аккуратно сложенную на стуле одежду. Она открывает окно. Под простыней начинается шевеление, между двумя складками белой ткани возникает физиономия, приподнимается веко.

– А, Лулу! Вернулась?

Лукреция выбрасывает в окно его пиджак. От этого немедленно поднимается второе веко.

– Ты что творишь, Лулу? Взбесилась? Мне это приснилось или ты вправду выкинула в окно мой пиджак? С четвертого этажа!

Молодая рыжая женщина ничего не отвечает, но отправляет туда же носки. Потом берет нечто в кожаном чехле и держит над бездной.

– Нет, только не его, Лулу! Это же мой ноутбук! Он разобьется!

Лукреция Немрод разжимает пальцы, снизу доносится треск пластмассы и звон стекла.

– Убирайся, – спокойно произносит она.

– Что на тебя накатило? Ум за разум зашел, что ли? Почему ты так со мной поступаешь, Лулу?

– По трем причинам. 1) Я на тебя нагляделась. 2) Мне надоело. 3) Ты меня больше не забавляешь. Есть и еще: 4) Ты меня раздражаешь. 5) По утрам у тебя воняет изо рта. 6) Во сне ты скрипишь зубами, терпеть этого не могу. 7) Не выношу, когда меня называют уменьшительными именами вроде «Лулу». По-моему, это способ унижить.

Она бросает в окно его рубашку.

– Заинька моя...

– 8) И тем более не люблю такие дурацкие прозвища, ими называют бессмысленных девиц и собачонок.

Наступает очередь трусов.

– Да что с тобой, моя Лулу, дорогая, я же тебя люблю!

– А я тебя нет. И никогда не любила. И я не «твоя», я тебе не принадлежу. Меня зовут Лукреция, Лукреция Немрод. Не Лулу и не зайка. Выметайся. Вон отсюда!

Она хватается за брюки и намеревается выбросить и их, но он подскакивает к ней, отнимает брюки и торопливо их натягивает.

– Можно мне все-таки узнать, моя Лу... то есть зай... Лукреция?

Она оставляет ему ботинки, и он поспешно обувается на пороге.

– Конечно. Я уже выяснила, что такое твоя любовь, теперь хочу проверить твое... чувство юмора. Вижу, ты сильнее привязан к своим шмоткам, чем ко мне, вот и ступай вниз, к ним. Быстрее, пока я не придала тебе ускорение.

– Клянусь, я люблю тебя, Лукреция, ты для меня всё!

– «Всего» недостаточно. Я уже сказала: ты меня больше не забавляешь.

– Зато я могу тебя рассмешить!

Она делает вид, что колеблется.

– Что ж, предоставляю тебе последний шанс: валяй, рассмеши меня. Если получится, ты сможешь остаться.

– Тогда приготовься.

Она разочарованно опускает ресницы.

– Неважное начало.

– Дальше будет лучше. Плывет, значит, римская галера, барабанщик объявляет гребцам: «Есть две новости, хорошая и плохая. Хорошая: этим вечером вы получите двойную порцию супа. – Гребцы вопят от радости. – А вот и плохая: капитан попытается заняться водными лыжами».

Молодая журналистка не впечатлена.

– У меня тоже две новости, хорошая и плохая. Хорошая – что ты тоже волен заняться водными лыжами. Плохая: только без меня. Сказано тебе, пошел вон.

– Но...

Она швыряет в него футболкой и хочет захлопнуть дверь.

– Нет, ты не можешь...

Она тянет за дверную ручку, но он подставляет ботинок. Она с размаху защемляет ему ногу, он корчится от боли и оставляет позицию. Она выталкивает его и запирает дверь.

Он принимается колотить в дверь кулаками и звонить.

– Лукреция! Не надо так!

Она выглядывает из двери.

– Ты забыл это.

Она бросает его мотоциклетный шлем, он катится вниз по ступенькам.

Перед этим она уже врубила на полную мощь «Извержение» рок-группы «Ван Халлен». Теперь она садится за письменный стол, раскладывает журналы, включает компьютер.

На мониторе портрет Циклопа.

Что со мной? Мне срочно нужно прочистить мозги. Мужик в постели в половине третьего дня, небритый и воняющий горным козлом,

несовместим с предстоящим сложным расследованием, на которое я поставила все, что только можно.

Мне нужна не эта неподъемная гиря, а реактивный двигатель.

И вообще, этот тип никогда бы меня не понял, так что не будем терять время.

Сначала действовать, философствовать будем после.

«Почему Бог создал сначала мужчину, а женщину потом? Потому что перед шедевром ему нужно было потренироваться на черновике».

Из скетча Дариуса Возняка «Война полов с вашим участием».

Чиркает спичка. Загорается огонек. Рука подносит спичку к кончику самокрутки. В пламени сгорают несколько волосинок усов. Рот неторопливо выпускает дым, скручивающийся в ленту Мебиуса.

На Франке Тампести, пожарном зала «Олимпия», старая хромированная каска и толстая куртка из черной кожи с позолоченными галунами.

Глядя на огонек, он щурит глаза.

Лукреция Немрод говорит себе, что его пример продолжает парадокс насчет производителей, чуряющихся собственной продукции: пожарный, играющий с огнем.

– Я уже все рассказал вашим коллегам, можете прочесть, все напечатано.

Как я погляжу, дружок, ты не понимаешь, с кем имеешь дело.

Лукреция Немрод представляет себе связку из пары десятков толстых ключей. Который из них легко отопрет эту упрямую башку?

Она начинает с купюры в 10 евро.

Деньги – это ключик, отпирающий большинство дверей.

– За кого вы меня принимаете? – оскорбляется он.

Она добавляет вторую купюру.

– Можете не усердствовать, – говорит усач и отворачивается, показывая, что разговору с ней предпочитает курение.

А если три?

Деньги исчезают в его кулаке так быстро, что ей кажется, что это сон.

– Дариус вернулся на сцену после четырех лет отсутствия. Собрались все шишки, включая министров – культуры, по делам ветеранов, даже транспорта. Полный успех! Циклоп раскланялся и не вышел на бис, скрылся за кулисами. На часах было то ли двадцать пять, то ли двадцать шесть минут двенадцатого, точно не скажу. Дариус был весь в мыле. Видно было, что два часа на сцене совсем его измотали. Он машинально, не глядя помахал мне. Видит засаду: куча поклонников перед гримеркой. Раздал автографы, поболтал, принял цветы и подарки. Все как всегда. Прежде чем уйти в гримерку, он попросил охранника ни под каким видом его не беспокоить. И заперся на ключ.

– А что потом? – нетерпеливо спрашивает Лукреция.

Пожарный так глубоко затягивается, что разом сгорает половина его

самокрутки.

– Я остался в коридоре, у гримерки, проследить, чтобы никто не вздумал там закурить, это же нарушение правил противопожарной безопасности. – Говоря это, он выпускает огромное облако синего дыма. – И тут мы с телохранителем слышим из гримерки Дариуса хохот. Я решил, что он читает заготовки для следующего спектакля. Хохот усиливался, потом раз – и прервался. Я услышал стук, как будто он упал.

Молодая рыжая журналистка все заносит в блокнот.

– Говорите, он смеялся? Что это был за смех?

– Очень громкий, что называется, до икоты.

– Вы сказали, он долго смеялся?

– Нет, секунд десять-пятнадцать, максимум двадцать.

– Что было потом?

– Я же говорю: звук падения, больше ничего. Дальше – мертвая тишина. Я хотел войти, но телохранитель имел строгое приказание никого не впускать. Тогда я пошел за Тадеушем Возняком.

– Братом Дариуса?

– Братом и заодно продюсером. Он разрешил мне отпереть дверь моим ключом, и мы вошли. Дариус лежал на полу. Мы вызвали «Скорую». Врачи пробовали делать массаж сердца, но бесполезно, все было кончено.

Пожарный тушит окурки и нажимает кнопку, включая противопожарную тревогу.

– Можно мне в его гримерку?

– Запрещено. Только с ордером на обыск.

– Как удачно, как раз захватила с собой!

Она сует ему еще одну бумажку в 10 евро.

Он смотрит на деньги, как курица, сомневающаяся, клюнуть ли червяка.

– Не похоже на документ с прокурорской подписью.

– Извините, забыла подписать у кого надо. Какая рассеянность!

Молодая журналистка лезет за новой купюрой.

Пожарный забирает обе и впускает ее в гримерку.

На полу обведен мелом контур тела.

Лукреция Немрод изучает положение трупа и делает фотографию своим «Никоном» со вспышкой.

– Это тот розовый пиджак, который был на нем на сцене?

– Да, здесь никто ни к чему не прикасался, – заверяет ее пожарник.

Она проверяет карманы пиджака и находит список скетчей для последнего выступления.

Это, наверное, чтобы не забыть, что за чем следует.

Чтобы как следует рассмотреть пол, она опускается на колени и видит под гримерным столиком деревянную шкатулку размером с детский пенал, покрытую синим лаком, с инкрустацией.

Не очечник и не шкатулка для драгоценностей. Пыли не видно. Прележала здесь недолго.

На крышке начерчены позолотой три заглавные буквы: BQT.

И под ними мелким курсивом:

Не смейте читать.

Пожарный Франк Тампести заинтригован.

– Это что?

– Возможно, орудие преступления.

Он подозревает, что она над ним подтрунивает, но уверенности нет, поэтому он только озадаченно качает головой:

– Не пойму, как этим можно причинить себе вред, разве что в глотку запихнуть!

Лукреция Немрод фотографирует находку, вертит ее так и этак, потом открывает. Внутри синий, в тон крышке, бархат и продолговатое углубление.

– Футляр для ручки? – предполагает пожарный.

– Для ручки или для свернутого листка. А так как сверху написано не «не смейте писать», а «не смейте читать», то я склоняюсь ко второму варианту.

– Свернутый листок?..

«Револьвер найден, теперь поищем гильзу от пули», – думает молодая научная журналистка.

Она берет со столика листок бумаги, отрывает от него клочок чуть меньше синей шкатулки, свертывает, расправляет.

– Что-то вроде этого...

Она ставит ноги туда, где, как следует из рисунка мелом на полу, находились ноги Дариуса Возняка, руки располагает на той высоте, где должны были находиться руки читающего мужчины, и выпускает свою бумажку.

Бумажка опускается зигзагами и пропадает за бахромой кресла.

Журналистка плюхается на живот, чтобы проследить траекторию.

Бумажка легла рядом с такой же, явно сначала скрученной, а потом расправленной, только толще, черной с одной стороны, белой с другой.

– Вот и гильза! – сообщает она победным тоном.

– А это что такое?

Лукреция Немрод выпрямляется, держа кончиками пальцев свой трофей.

– Фоточувствительная бумага.

Франк Тампести принимается скручивать новую сигарету.

– Ну вы даете! Вы заткнете за пояс сыщиков! Где вы такому научились?

– Один друг, опытный журналист, научил меня осматривать место преступления и вещественные доказательства. Из размеров синей шкатулки следует, что там не поместилось бы ничего больше свернутой бумажки.

Еще полюбовавшись синей лакированной шкатулкой и черно-белой бумажкой, Лукреция Немрод поворачивается к пожарному.

– Значит, так. Никому это не нужно, поэтому я все конфискую. – В карман пожарного перекочевывает очередная купюра. – Не припомните, кто дал ему эту синюю шкатулку?

– Нет, но я знаю, как это выяснить. Надо просмотреть в комнате видеонаблюдения диски с записями.

– Отлично, идемте!

Пожарный удерживает ее одной рукой, не выпуская из другой сигарету.

– В этот раз одного ордера на обыск будет мало.

Она достает три бумажки по десять евро.

– Я рискую местом, мадемуазель. В этическом плане это совершенно неприемлемо.

Заглянув в свой кошелек и убедившись, что купюры иссякли, Лукреция Немрод утрачивает терпение.

Что ж, прибежем к ключу номер два.

Не давая пожарному опомниться, она хватается за запястье и так резко выворачивает, что у него от боли лезут на лоб глаза. Он роняет сигарету и жалобно стонет.

– Все так хорошо начиналось, – произносит она вкрадчиво. – Через две минуты вам придется выбирать: вспоминать мой визит либо хорошо...

Она подносит к его носу последнюю купюру.

– ...либо плохо. Решать вам.

Он корчит рожу.

– Раз происходящее противоречит моей воле, проблемы с этикой больше не существует.

Лукреция Немрод разжимает хватку и небрежно выпускает деньги. Пожарный ловит их на лету и прячет в карман.

Потом он пожимает плечами, как ни в чем не бывало подбирает свою

сигарету и ведет Лукрецию к запертой двери. В комнате видеонаблюдения он садится перед экраном, переписывает видеофайл на лазерный диск и, поглаживая усы, отдает диск журналистке.

– Будем считать, что вы нашли это в мусорной корзине.

«В чем разница между политиком и женщиной?

Если политик говорит «да», это значит... «может быть».

Если политик говорит «может быть», это значит... «нет».

Если политик говорит «нет», все считают его мерзавцем.

А если женщина говорит «нет», это значит... «может быть».

Если женщина говорит «может быть», это значит... «да».

Если женщина говорит «да», все считают ее шлюхой».

Из скетча Дариуса Возняка «Война полов с вашим участием».

Рука вставляет диск в компьютер и запускает программу воспроизведения.

В чем загадка синей шкатулки?

На экране появляются четыре картинки – изображения с четырех камер, висящих на потолке за кулисами «Олимпии».

Она устанавливает время на несколько минут раньше трагедии.

23 часа 23 мин. 15 сек.

Перед дверью гримерной толпятся поклонники с цветами и подарками. Некоторые в масках, некоторые раскрашены под клоунов.

Великий репортер Флоран Пеллегрини, ее сосед по кабинету, садится рядом.

– Что за клоуны в розовом?

– Помнишь программу Дариуса «Я всего лишь клоун»? Ну вот... Даже зрители в первых рядах обычно гримируются под клоунов, одеваются в розовое и закрывают правый глаз черной повязкой.

23 часа 24 мин. 18 сек.

Вид сверху: в коридоре появляется Дариус.

23 часа 25 мин. 21 сек.: он направляется к своей гримерке.

Двое журналистов смотрят запись в замедленном режиме. Несколько человек протягивают Дариусу пакеты, он берет их на ходу. Вот он останавливается и разговаривает с кем-то, вручающим ему маленький предмет.

23 часа 26 мин. 9 сек.

Она останавливает и увеличивает изображение.

Картинка мутная, но видно, что некто, загримированный под клоуна, сует ему лакированную шкатулку. У клоуна большой красный нос, волосы спрятаны под красную кепку.

Лукреция делает масштаб еще больше и убеждается, что грим у клоуна не такой, как у остальных. Нарисованный рот не улыбается, уголки губ грустно опущены вниз, на правой щеке блестит слеза.

– У меня была глухонемая сестра, я умею читать по губам, – сообщает Флоран Пеллегрини. – Возможно, я смогу тебе помочь.

Журналистка выводит на экран огромный рот и запускает замедленный пофразовый просмотр.

Пеллегрини пододвигается к самому экрану.

– Он говорит ему: «Это то... что ты... всегда... хотел... узнать».

Лукреция Немрод отматывает назад, ищет самый четкий кадр с грустным клоуном и увеличивает его.

С принтера сходит распечатка.

Флоран Пеллегрини подносит к глазам синюю шкатулку и рассматривает ее через очки.

– Ты держала ее без перчаток? Теперь твои отпечатки перемешаны с чужими.

Надо же, не сообразила! Вот дура!

Репортер почти касается стеклами шкатулки.

– BQT. Что бы это значило?

– Посмотрим в интернете.

Он запускает «Гугл».

– Boeuf Qui Tourne^[2], сорт барбекю.

– Belle Queue Tordue^[3], порносайт.

– А если по-английски? – предлагает Флоран Пеллегрини.

– Boston Qualifying Time^[4].

– Be Quiet^[5].

– Big Quiz Thing^[6]. Одно другого бессмысленнее!

Флоран Пеллегрини водит пальцем по позолоченным буквам на крышке и по надписи «Не смейте читать!».

– Внутри находилось вот это, – говорит ему она.

Он осторожно берет у нее бумажку, черную с одной стороны, белую с другой.

– Это фотобумага «Кодак» с медленным затемнением. Наверное, на ней был текст. Дариус прочел его, а потом бумага почернела, и текст стал нечитаемым. Если так, то встает три вопроса: 1) что за текст был на фотобумаге? 2) как умер Дариус? 3) кому понадобилась его смерть?

Лукреция задумчиво убирает со лба длинную рыжую прядь.

– Что, если он умер от смеха?

Великий репортер неприязненно морщится.

– От смеха? Какая ужасная смерть!

– Ну, не знаю... Может, наоборот, приятная.

– Брось, ты не представляешь, какая это может быть боль! Доводилось тебе неудержимо хохотать? Сводит ребра, живот, горло, вся голова в огне, ты задыхаешься! Умереть от смеха? Ужас!

Молодая женщина силится вспомнить, когда она неудержимо хохотала в последний раз.

– В общем, – продолжает репортер, – твоё расследование взяло хороший старт. Наша Тенардье хотела удивиться, и ты её не разочаруешь. «Убийственный текст» – это уже кое-что новенькое, но «текст, после которого умираешь от смеха», – настоящий эксклюзив! Сначала я не очень-то верил в твою версию убийства, но теперь должен признать, что ты не промах. Bravo, малышка!

– Не называй меня малышкой, – огрызается она.

Флоран Пеллегрини улыбается, заглядывает ей в глаза.

– Почему ты заинтересовалась этой историей, Лукреция? Только честно. Ведь это не только профессиональный интерес? Слишком энергично ты за это взялась. Я умею видеть разницу между простым любопытством и одержимостью.

Молодая женщина роется в ящике коллеги и достаёт бутылку виски и две рюмки. Налив одну, она смотрит в никуда.

– Как-то раз, давным-давно... мне было... как тебе это объяснить? Немного тоскливо. Но я вовремя услышала по радио сценку Циклопа и воспрянула духом. Так Дариус, сам того не зная, стал близким мне человеком.

– Понимаю.

– Теперь у меня такое чувство, словно я потеряла «дядюшку-шутника». Знаешь, который после ужина, когда все темы исчерпаны, поднимает всем настроение своими анекдотами.

Она одним глотком выпивает янтарную жидкость.

– Ты вздумала мстить за «дядюшку-шутника»?

Лукреция Немрод пожимает плечами.

– Вызывать смех – щедрый дар. В молодости, в важный для меня день, этот дар пролился и невероятно мне помог. В память о том дне я и хочу пролить свет на его смерть, подобно тому, как он озарил мою жизнь.

– Смотри-ка, ты становишься поэтессой, это первый шаг к алкоголизму.

Флоран Пеллегрини наливает и себе полную рюмку виски и чокается с ней. Ей хочется его остановить, но он показывает жестом, что знает, что делает, и сам несёт ответственность за последствия. Корчась, он опрокидывает рюмку.

– Слишком сложное для тебя дело, Лукреция. Если ты ничего не добудешь, Тенардье тебя не пощадит. Она зажгла тебе зелёный свет не ради твоего удовольствия. Она хочет доказать, что ты не справишься с такой темой. Это западня.

– Знаю.

- Не любит она тебя, Лукреция.
- Почему?
- Она вообще не терпит женщин. Все они для нее в первую очередь соперницы. Ты молодая красавица, а она старая уродина.
- Знаю-знаю, я читала «Белоснежку»: «Свет мой, зеркальце, скажи, кто на свете всех милее?»
- Я не шучу, Лукреция. Тенардые ждет повода, чтобы вычеркнуть тебя из списка постоянных внештатников. Ты бросила ей вызов перед всей редакцией и теперь должна раскрыть это дело, иначе потеряешь место.
- Молодая журналистка умолкает в невеселой задумчивости.
- Самое время выпить еще виски.
- Что ты мне посоветуешь, Флоран?
- Тебе нужна помощь. Одна ты не справишься. Один прокол ты уже допустила: не позаботилась о сохранности отпечатков пальцев.
- Он прав, какое постыдное легкомыслие!*
- Может, поработаешь вместе со мной?
- Нет уж, сама знаешь, я едва держусь на ногах. Спиртное – способ бегства для журналистов, переживших неприятных тайн. В особенности в «Геттёр Модерн». Начиная с определенного возраста выпивка – средство заглушить больную совесть и побороть бессонницу. Я наглядился в редакции невероятных гадостей, и что же? Полное безразличие! А сколько глупости, сколько вранья под шапкой «эксклюзивных расследований»...
- Флоран Пеллегрини хочет налить себе еще, но его рука так дрожит, что рюмка наполняется только с третьего раза, и то с помощью Лукреции, поддерживающей его за локоть.
- Единственный, кто способен помочь тебе в расследовании такого рода, – это сама знаешь кто...
- Молодая журналистка и седовласый репортер заговорщически переглядываются.
- Не переживай, Флоран, я сама сразу о нем подумала.
- Не сомневаюсь. Вижу, ты мечтаешь снова с ним сотрудничать, для того и выбрала именно такую историю, которая может его заинтересовать. Я прав?
- Лукреция Немрод воздерживается от ответа. Старый журналист понимающе подмигивает.
- Беги к нему на башню! Уверен, он не откажется.

«Альпинист карабкается на головокружительную вершину.

Его нога соскальзывает с уступа, и он летит вниз.

Кольшки выпадают из скалы один за другим, но в последний момент он успевает уцепиться руками за камень и повисает над пропастью.

Альпинист в панике, он кричит:

– Помогите, помогите! Кто-нибудь, спасите!

Тут раздается Божий глас:

– Я здесь. Разожми пальцы, я тебя поймаю. Доверься мне, я тебя спасу.

Альпинист колеблется, потом снова кричит:

– Есть еще кто-нибудь, чтобы меня спасти?»

Из скетча Дариуса Возняка «После меня хоть потоп».

– И речи быть не может! Даже не мечтайте.

– Но...

– Мне очень жаль. Я не стану помогать вам с расследованием. Я теперь отставной научный журналист, я все прекратил и не готов начать снова. Я хочу одного: чтобы меня оставили в покое.

На Исидоре Каценберге цветастая гавайская рубашка навывпуск, желтые пляжные шорты с фиолетовыми полосами, на носу узенькие солнечные очки, на ногах пляжные шлепанцы.

Лукреция Немрод удивлена, что он опять перешел с ней на «вы». Но после их последней встречи прошло целых полгода, и она заключает, что таким способом он дает ей понять, что она стала ему чужой.

Она вздыхает и окидывает взглядом берлогу журналиста-отшельника, бывшего вундеркинда этой профессии. Он давно поселился в башне, но башня эта особенная – водокачка на границе Парижа, торчащая за метро «Порт-де-Пантен», посреди пустыря.

Исидор Каценберг переделал ее под жилье. Туда ведет центральная лестница. Гость попадает на островок диаметром два метра, засыпанный белым песочком, с двумя пальмами посередине. Островок окружен бассейном диаметром 50 и глубиной 5 метров.

По скрепленному лианами бамбуковому мостику гостя переходит на берег, где стоит кое-какая мебель, придающая этому жилищу подобие нормального вида. Роль спальни исполняет кровать с балдахином, роль кабинета – столик с компьютером, вместо кухни здесь кухонный уголок, вместо ванной – раковина в углу, «гостиная» отгорожена широким диваном, перед телевизором стоит низкий столик.

Невысокий бортик не позволяет волнующейся бирюзовой воде выплеснуться из цистерны.

Благодаря прозрачной крыше из любой точки этой круглой квартиры видно солнце, луну и звезды.

Настоящий райский островок где-нибудь посреди Индийского океана – чуть ли не в центре города!

– Почему ты... почему вы отказываетесь мне помочь?

– Дариус мне не нравился.

– Не нравился Дариус? Он же был ЦИКЛОПОМ! Любимейшим французом всех французов! Дариуса любили все.

– Что ж, я – не все. То, что ошибающихся много, не значит, что они правы.

Это я уже слышала...

– Дариус никогда меня не смешил. Его юмор всегда казался мне тяжеловесным и вульгарным. Он насмехался над женщинами, иностранцами, больными. Он смеялся надо всем и не уважал ничего.

– Разве не для этого существует юмор?

– Если так, то я задаю вопрос: «Зачем мне юмор?» У меня вызывают презрение люди, которым обязательно нужно испытывать спазмы диафрагмы, когда какой-нибудь бедняга поскользывается на банановой кожуре или стоит мокрый после того, как его нарочно окатили водой из ведра.

– Но...

– Не настаивайте. По-моему, насмехаться над неудачниками, слабыми, над не такими, как мы, – недостойное занятие для развитого существа. Что главное в юморе? Приглашение подвергать поношению рогоносцев, пьяниц, безногих, толстяков, карликов, блондинок, бельгийцев, женщин, святых отцов, всех на свете. Не вижу ничего достойного в этом коллективном помешательстве. Смерть Дариуса Возняка – благо для всех, кому еще не изменили ум и хороший вкус.

– Но...

– И вообще, он не сам писал свои миниатюры. Он крал их или собирал анекдоты неизвестных авторов и подписывал их своим именем. Ему все сходило с рук.

Лукреция Немрод встряхивает рыжей копной волос.

– Я же говорю, начало расследования...

– Что там у вас? Орудие убийства – синяя шкатулка с буквами BQT и предостережением «не смейте читать»? Почерневшая фотобумага? Видеозапись с грустным клоуном? И вы называете все это «началом расследования»? Надеюсь, вы шутите, мадемуазель Немрод?

Он намеренно мотает мне нервы!

Она внимательно его разглядывает. Бывшая звезда научной журналистики после их последней встречи заметно похудела. Но впечатление, что перед тобой большая кукла, никуда не делось: то же припухлое лицо, толстые губы, лысина, круглые точеные уши, высокий для таких габаритов рост – больше 1,8 м.

– Больше не могу тратить на вас время. Увы, у меня встреча с друзьями.

Друзья? Если я правильно помню, у него не было никаких друзей.

Он сбрасывает полосатые шорты, под ними обнаруживаются плавки в красный и синий цветочек. Он заменяет темные очки такими же узкими очками для плавания и затягивает на плавках шнурок.

Подойдя к своему бассейну, он изящно ныряет, не произведя ни малейшего всплеска.

Из воды весело выпрыгивают, приветствуя друга, два дельфина.

Это не пресная, а морская вода!

В прошлый раз она уже любовалась дельфинами в этом бассейне, придуманном специально для этих чудесных созданий.

Как красиво!

Как удивительно!

Как жаль, что я для него ничто!

Пока Исидор Каценберг плавает, она сидит и терпеливо ждет.

– ОСТОРОЖНО! – внезапно кричит она. – ТАМ...

Она указывает на треугольный плавник, стремительно режущий воду.

Научный журналист высовывает голову из воды и деликатно сплевывает.

– ОСТОРОЖНО! АКУЛА! – вопит она.

Плавник приближается к беспечному пловцу.

Когда от страшных челюстей уже не увернуться, Исидор Каценберг протягивает руку и гладит чудище по спинке.

– Вас напугал Жорж? Я спас его, когда его прибило волнами к кубинскому берегу.

Он подплывает к ней и кладет локти на бортик.

– Жорж проглотил крючок, заброшенный кубинским рыбаком. Рыбаки собирались отрезать ему плавники, из них делают китайский суп, якобы усиливающий потенцию. Искалечив бедняг, рыбаки отпускают их. После этого акулы гниют заживо в океанской глубине, испытывая страшные муки. Но кого занимают страдания акул, принесенных в жертву ради эрекции у китайцев? Мой приятель из «Гринпис» пробрался на кубинский баркас и хотел вытащить акулёнка из воды. Но его изрядно потыкали гарпуном, пришлось его лечить. И главное, подбадривать.

Что он несет? Как это – подбадривать акулу?

– Я называю его Жоржем, чтобы он не оставался безымянным. Жорж панически боялся людей, считал всех нас опасными. У него была... как это назвать?... Человекофобия.

Она провожает взглядом удаляющийся плавник.

– У него развивалась паранойя. Необходимо было забрать его из океана, кишящего опасностями.

Да он совсем свихнулся!

– Я решил его усыновить. Сначала я боялся, что это будет трудно, но все получилось. Жорж считает себя Джорджем и отлично ладит с Джоном, Ринго и Полом, моими дельфинами. Жорж – белая акула. Его соплеменников ошибочно называют людоедами. Это существо из далекого прошлого. Акулы были современницами динозавров и с тех пор не претерпели никакой психологической эволюции. Она им ни к чему, потому что они – само совершенство. Фильм Спилберга «Челюсти» сильно им навредил, а теперь я пытаюсь реабилитировать этот вид.

Исидор Каценберг не спешит вылезать из воды. Он пытается прицепиться к плавнику акулы, чтобы та его покатала, но робкое существо не желает повиноваться и спешит прочь. Бывший научный журналист преследует его безупречным кролем. Акула ищет спасения на дне бассейна, он ныряет за ней, гладит ее, но, не добившись взаимности, выныривает.

– Знаю я его! Он боится. Это из-за вас, мадемуазель Немрод. Ваше присутствие его нервирует. Он знает, что я не причиню ему зла, а вот насчет вас сомневается. Я вас не выпроводил, вот он и не желает иметь со мной дела. Мостик у вас за спиной, вы знаете обратную дорогу, не так ли?

И Исидор снова спешит в глубину, к зубастому другу.

Лукреция Немрод сидит неподвижно, следя за его грациозно скользящим в воде силуэтом.

Он высовывает голову и приподнимает очки.

– Вы еще здесь? Кажется, я вас отпустил. Спасибо. До свидания, мадемуазель Немрод.

Это сказано крайне сухим тоном.

Она мысленно ищет ключик к этому непроницаемому мозгу.

– Мне кажется, что вы – любитель игр и дерзких вызовов, Исидор. Давайте сыграем в «три камешка»: проиграете – придется мне помогать.

Он удивленно таращит глаза.

– Разве вы помните правила?

– А как же! Все просто. Каждый берет три спички, прячет в правом кулаке ноль, одну, две или три, вытягивает сжатый кулак. Играющие по очереди угадывают сумму спичек в обоих кулаках.

Из воды выпрыгивает дельфин, но она, не обращая на него внимания, продолжает:

– Получается цифра от нуля до шести. Если один из двоих называет правильную цифру, он выбрасывает одну спичку. Игра возобновляется. Кто первым остается без спичек, выиграв трижды, тот и победитель.

Исидор Каценберг колеблется, потом вылезает из своего огромного

бассейна, вытирается, обматывает полотенцем бедра.

Заглядывая в ее изумрудные глаза, он говорит:

– Почему бы нет, собственно? Согласен, сыграем в «три камешка» и решим, буду ли я вам помогать. Но если вы проиграете, я запрещаю вам беспокоить меня под любым предлогом.

Каждый берет по три спички, прячет у себя за спиной, потом вытягивает сжатый кулак.

– Ladies first^[7], мадемуазель Немрод.

– Думаю, в двух наших кулаках всего... четыре спички.

– Три! – возражает он.

Оба разжимают пальцы. На ладони у Лукреции две спички, на ладони у Исидора одна.

Журналист аккуратно кладет перед собой одну спичку.

Игра возобновляется. Теперь приходится угадывать цифру между 0 и 5.

Поскольку Исидор выиграл в первом раунде, он называет цифру первым.

– Пять.

– Четыре, – отвечает она.

Они разжимают пальцы. Спичек пять.

Исидор выкладывает следующую спичку. Дальше.

– Ноль! – говорит он.

– Одна.

Оба демонстрируют пустые ладони.

Она в полном недоумении и не верит собственным глазам.

– Вы выиграли три раза подряд, а я ни разу. Как у вас это получилось?

– В конце, когда вы поставили максимум, я сказал себе, что в следующий раз вы для разнообразия поставите минимум. Простая штука, элементарная психология.

– С последним раундом понятно, а до того?

– Вы боялись проиграть и были предсказуемой.

Как же он меня раздражает, как раздражает!

Он уже налил себе овощного соку и украсил бокал зонтиком.

– Всего хорошего, Лукреция.

Она смотрит на мостик и не шевелится.

– Вы мне нужны, Исидор...

– Я не ваш отец, Лукреция. Сами справитесь.

Она подходит к нему, вынимает из кармана шкатулку и сует ему под нос.

– Хотя бы один совет, чтобы расследование двинулось в нужную сторону! Пожалуйста!

Он размышляет, глядя на шкатулку с буквами BQT и с требованием «не смейте читать!».

– Гм... Первым делом надпись. Вспоминается знаменитый психологический принцип закрепления наоборот, предложенный Милтоном Эриксонем. Этот американский психотерапевт выстроил целую легенду на основании случая из своего детства. Его отец, фермер, затаскивал корову в коровник, тянул ее за веревку, а скотина упиралась. Девятилетний Эриксон поднял отца на смех, а тот ему и говорит: «Раз ты такой умный, сделай лучше». И ребенок вместо того, чтобы тянуть корову вперед, потащил ее за хвост назад. Упрямая скотина сразу рванулась вперед и оказалась в коровнике.

– Какая связь между Эриксонем и Циклопом?

– Тот, кто нацарапал это на шкатулке, хотел побудить Дариуса прочесть. Иначе он, возможно, не сделал бы этого. Надпись «Прочти!» могла вызвать у него недоверие.

– Забудьте вашу науку, лучше помогите мне, Исидор! Я без вас не обойдусь.

Он меряет ее взглядом, улыбается. Медлит, потом небрежно произносит:

– Судя по тому немногому, что вы мне рассказали, я могу высказать догадку, что эта история со странной смертью выходит за пределы круга ее участников.

– Как это понимать? Перестаньте говорить загадками!

Он не торопится с ответом.

– Для меня, – слышит она наконец, – настоящий вопрос, над которым вам надо задуматься, чтобы раскрыть это дело, звучит так: «Почему на земле возник юмор?»

321 255 г. до н. э.

Восточная Африка, примерно там, где потом возникла Кения.

Два племени гоминидов заметили друг друга издали. Обычно небольшие бродячие стаи людей старались друг друга избегать. Но в этот раз, наверное из-за хорошей погоды, они решили схлестнуться с целью захвата чужих самок.

Вышла знатная свалка, все что было мочи лупили друг дружку палками и обработанными камнями, чтобы нанести неприятелю максимум потерь.

В центре поля боя два вождя, встав друг напротив друга, пытались испепелить друг друга взглядом.

Вождь племени с севера был низкорослым, с большими ногами. Вождь племени с юга был рослым и широкоплечим.

Вот они двинулись друг на друга.

Все внимание оказалось приковано к ним. Драка прекратилась, толпа присмирела и встала в два полукольца, чтобы поглазеть на столкновение своих главарей.

Те мерили друг друга взглядами, подбадриваемые криками соплеменников, грозно рычали, строили пугающие рожи, топали ногами, бешено вращали глазами.

Все предчувствовали великое единоборство, которое решит, какое из двух племен выживет.

С хриплым ревом вождь южного племени швырнул в глаза противнику горсть песка, и пока тот тер глаза, бросился на него и опрокинул. Потом южанин схватил здоровенный валун и высоко поднял, чтобы расколоть, как орех, голову поверженного врага.

За его спиной ликующее племя выкрикивало неразборчивое, но с явным смыслом: «Убей его, убей!»

Вождь южан приноравливался, как лучше ударить, чтобы череп северянина сразу раскололся.

На мгновение все затаили дыхание, притихла сама природа.

В этот самый момент с неба шлепнулся кусок помета стервятника, здоровенный, липкий, и куда – прямиком в глаз человеку, замахнувшемуся камнем!

От неожиданности ослепленный южанин уронил камень прямо себе на

ногу.

Он издал истошный визг, означавший «ой!», и запрыгал на месте, обхватив обеими руками ступню.

Для поваленного на землю все происходило замедленно. Сначала он чувствовал невыносимый страх смерти, потом это чувство сменилось другим – щекотным жжением в горле. Жар в голове и в горле распространился на рот, спустился в живот, у него свело диафрагму, изо рта с бульканьем вырвался воздух.

Все это длилось какие-то доли секунды, но, начавшийся физиологический процесс было уже не укротить.

Вождя северян скрутили сопровождаемые какими-то звуками судороги.

Он хихикал и не мог остановиться.

Тут же, словно мгновенно подхватив от него заразу, все остальные члены северного племени захихикали и заквакали от облегчения и от изумления этой свалившейся с неба нелепой развязкой.

Южное племя поколебалось и тоже дало волю целительному спазму.

Так происходило не впервые, но до сих пор смех возникал у отдельных людей, иногда охватывал семью, но внутри ее и стихал. В этот же раз несколько десятков собравшихся вместе людей смеялись почти что от души над одним и тем же происшествием.

Вождь южан, стерев с лица помет, хотел было продолжить то, что так успешно начал, но, видя, как веселится его племя, смекнул, что так поступать негоже. Подражая остальным, он тоже засмеялся. Убийство? В обоих племенах ни о чем таком больше не помышляли. Что-то изменило их настроение на противоположное.

Дошло до того, что два племени решили слиться в одно.

История о том, как в роковой момент с неба упал помет стервятника, передавалась из поколения в поколение. Ее раздували, разыгрывали в лицах, прославляли, обогащали подробностями. Но слушатели и зрители всякий раз покатывались со смеху, как будто поразительное событие происходило у них на глазах.

Так родился первый анекдот в коллективной истории смеха. Гораздо позже историки обнаружили, что именно тогда человеческий род сделал новый шаг в своей эволюции.

Большая история смеха. Источник: GLH.

Вороны устроили драку из-за расклеванного трупa мышонка с вывалившимися внутренностями, от которых идет пар.

Лукреция Немрод вернулась на кладбище Монмартр, где, миновав могилу певицы Далиды, добрела до могилы комика Дариуса.

«Я бы предпочел, чтобы в этом гробу лежали вы, а не я».

Вместо его фотографии на надгробии могло бы быть зеркальце.

«Любуйтесь собой, после меня настанет ваш черед кормить червей».

Уверена, такие мысли могли бы его позабавить.

Она застывает перед могилой комика в глубокой задумчивости.

Я не откажусь от расследования.

Я найду твоего убийцу, Дариус.

Что посоветовал Исидор? Погрузиться в историю. Выяснить, как родилась первая человеческая шутка. Что могло впервые рассмешить наших предков?

Новый порыв ветра обрывает с деревьев листву.

Не пойму, в чем интерес, и вообще, где мне искать эту информацию? Кто мог ее записать? Кто это видел? Кто слышал? Кто мог рассказать другим? Никто. Именно, что никто.

Ветер гонит облака, и они мчатся, как по срочному делу.

А взять меня: кто впервые рассмешил меня саму?

Она силится вспомнить первые мгновения собственной жизни.

Свое рождение.

Это было на кладбище.

Вот уж шутка что надо.

Она запускает руку в сумочку, достает пачку сигарет, пытается закурить, но ветер упорно гасит огонек зажигалки. Она наклоняется, загораживает огонек ладонями. Когда у нее наконец получается, она сильно затачивается, закрыв глаза.

Родители положили ее в могилу, на крышку гроба. Могильщик, найдя младенца, отнес его в больницу.

Начать там, где все всегда завершается, – не изысканная ли шутка судьбы?

Потом ее поместили в католический сиротский приют для девочек Нотр-Дам-де-ла-Совгард.

Давление религиозной морали приводило у нее и у ее товарок к

пресловутому эриксоновскому «закреплению наоборот», о котором говорил Исидор.

Только вместо «Не смейте читать!» им твердили: «Никакого секса!», «Никакой радости!», «Никакого удовольствия!»

Чем настойчивее от девушек требовали благопристойности, тем сильнее им хотелось познать грех.

Само это место словно подталкивало к грехопадению. Приют для девочек Нотр-Дам-де-ла-Совгард во всем совпадал с представлением Лукреции о замке Синей Бороды: провонявшие селитрой каменные стены, сырые подвалы, скрипучие дубовые двери и узкие темные коридоры.

В 15 лет под предлогом медосмотра (ее считали «отсталой») ее облапал «гость» приюта, родной братец матушки-настоятельницы, тоже священник и управляющий сиротским приютом, только для мальчиков. Позднее Лукреция выяснила, что развратник отказался от сана и заделался... председателем международного конкурса красоты.

По крайней мере нашел дело в соответствии со своей порочностью.

После этого инцидента у нее развилось глубокое отвращение:

1) к мужчинам,

2) к собственному телу.

В ее юном мозгу это были связанные вещи.

Не любя мужчин, она естественным образом потянулась к женщинам.

Не любя свое тело, она естественным образом стала... мазохисткой.

На следующий год она встретила необыкновенную возлюбленную.

Мари-Анж Джакометти была высоченной худющей брюнеткой с волосами до самых ягодиц и с духами, валившими наповал.

С ее лица никогда не сходила широкая улыбка, смех был мощный, как сирена.

Стоило Лукреции ее увидеть, как она «влюбилась».

Странное выражение – «упасть в любовь»^[8]. Почему не «взлететь»? Наверное, потому, что все понимают: это падение, потеря. В глубокой «любви» теряешь себя.

Облака у нее над головой дробятся на хрустальные осколки.

В памяти явственно всплывает лицо бывшей любовницы.

Мари-Анж все было смешно, все вызывало у нее желание шутить, ее невозможно было представить угрюмой. Черные бездонные глаза, незабываемые, опиумные духи.

После неприятности с братом настоятельницы Лукреция занялась самоистязанием. Тело, причину ее мучений, следовало наказать. Она загоняла себе под ногти иголки, резала себя лезвием, чтобы чувствовать

боль и учиться ее переносить.

Как-то раз Мари-Анж застала ее за нанесением себе порезов стрелкой от компаса и ласково сказала: «Хочешь, я тебе помогу?»

Она отвела ее к себе в комнату и закрыла дверь на засов. Раздела ее. Связала. Стала лизать, грызть, до крови укусила за шею.

Первый сеанс оставил у Лукреции приятное ощущение «нарушения запретов».

После этого девушки часто уединялись в комнате Мари-Анж. Чем сильнее Лукреция отдавалась извращенным играм с ней, тем больше верила в себя. В свою жизнь. Самоистязание осталось в прошлом. Она сделала себе пирсинг на языке и на соске. Наконец-то она могла сама решать, страдать ли ей, и если да, то как. Она выбрала себе палача, сама назначала себе пытки, и теперь никто не мог сделать ей так больно, как любовница.

Постепенно Лукреция Немрод становилась обаятельнее, сильнее. Улучшилась успеваемость. Не стало подавленности, тревоги. Девушка с изумрудными глазами постройнела, пристрастилась к спорту. Теперь ей хотелось, чтобы ее тело стало мускулистым, точеным, совершенным.

Готова служить. Готова наслаждаться.

У них выработался ритуал: Мари-Анж запирала дверь, зажигала свечи, включала музыку, чтобы заглушить стоны, – обычно моцартовский «Реквием».

После укусов начинались избиения розгами и истязания хлыстом. Изобретательности не было предела, и раз от разу Лукреция все больше наполнялась гордостью. Она могла предстать перед драконом и восторжествовать над ним, пускай измученная, могла обуздать свой страх, довериться палачу, переступить через мораль; если бы за ней наблюдали, то она повергла бы наблюдателей в шок.

Наконец-то хоть кто-то полюбил ее тело, проявил к нему внимание. Она знала, что, разыгрывая покорность, на самом деле сама принимает все решения, определяет заметность следов на теле, силу их любви. Выражение «подчиниться, чтобы главенствовать» как нарочно придумали для их игр.

А потом произошел «инцидент».

Вторая великая шутка в моей жизни после рождения на кладбище.

Дело было в субботу вечером.

Небо хмурится, вдали сверкают молнии, гремит гром, пока еще без дождя.

Лукреция Немрод глубоко вдыхает теплый воздух, медленно выдыхает,

опускает веки.

Суббота, 10 вечера.

Как было у них заведено, две воспитанницы приюта сошлись в комнате Мари-Анж и разделись.

В этот раз любовница привязала ее к четырем углам кровати. Лукреция лежала на спине, совершенно голая, с завязанными глазами, с кляпом во рту.

Пошли ласки, поцелуи, укусы, розги.

Каждым нервом, каждым сантиметром кожи Лукреция чувствовала нарастающее запретное наслаждение, стонала, невзирая на кляп, под *Lacrimosa* Моцарта, звучащую все громче.

Вдруг поцелуи прекратились.

Лукреция ждала в волнении и нетерпении. Странно было чувствовать обдувающий живот поток свежего воздуха. «Мари-Анж забыла закрыть дверь», – мелькнуло в голове.

Но вскоре послышались какие-то звуки, шуршание. Потом громкое «тсс!».

Все стало ясно, когда Мари-Анж сорвала с ее глаз повязку.

В комнату набилось десятка три девушек. Они окружили ее, вооруженные фотоаппаратами и телефонами.

Лукреция умирала от унижения. И тут Мари-Анж произнесла два страшных слова:

– АПРЕЛЬСКАЯ РЫБА!^[9]

Суббота, 1 апреля!

Взяв фломастер, любовница нарисовала между ее грудей рыбину. Такого жуткого смеха, каким она это сопровождала, Лукреция не слышала ни до, ни после этого.

Ее великая любовь не только предала ее, но и выставила на посмеище перед всеми обитательницами их этажа в честь Дня смеха.

Ненавистное 1 апреля.

Мари-Анж не унялась: она отдала фломастер девчонкам, чтобы желающие разрисовали «апрельскими рыбами» все тело жертвы.

К первой рыбине добавился целый косяк, голов двадцать.

Все от души хохотали над удавшейся шуткой.

Ненавистное 1 апреля!

Когда хохотушки убрались, Мари-Анж отвязала ее и погладила по голове.

– Ты ведь поняла, что это шутка?

Лукреция молча оделась.

– Я рада, что ты не злишься. Я боялась, что ты начнешь орать и перепугаешь младших. Ключ к юмору – удивление. С первым апреля, Лукреция.

Она ласково потрепала ее по щеке и поцеловала в кончик носа.

Небо раскалывается от грозди ослепительных молний. Лукреция Немрод по секундам вспоминает все, что последовало за тем забываемым 1 апреля.

Сначала она, глотая слезы, забилась в свою каморку. Потом необходимость погнала ее в душ. Там она бесконечно, до крови терла себя губкой, избавляясь от рыб у себя на груди, животе, руках и ногах. Но чернила успели въестся в кожу. Пришлось смириться и положиться на время. За недели и месяцы естественное отшелушивание должно было вернуть ее коже нормальный вид.

Завернувшись в полотенце, вся красная, с кровоточащим сердцем, она вернулась к себе, упала на кровать и дала волю неудержимым рыданиям.

Через некоторое время она машинально включила маленький транзистор у изголовья. Разглядывая себя, она не обращала внимания на шелестящий голос. Краснота спадала, и рыбы снова всплывали на поверхность, проявляясь на розовой коже. При их виде у нее отпали последние сомнения.

Юная Лукреция достала бритву и занесла ее над запястьем, над рыбьим хвостом. «С первым апреля!.. Это шутка» – звучало у нее в голове.

Она отчетливо помнит прикосновение ледяного лезвия к коже, помнит уже появившуюся бурую каплю крови.

«Подожди, не делай этого!»

Она замерла и услышала продолжение:

«...Не делай этого! – повторил голос. – Что толку? Здесь нет рыбы.

Огорченный эскимос бредет дальше. Снова он пилит лед, снова опускает в воду леску с наживкой на крючке. Он ждет, сидя над полыньей.

– Здесь тоже нет рыбы, – снова раздается голос.

Рыбак оборачивается, ищет того, кто ему мешает, но никого не видит. Решив, что стал жертвой галлюцинации, он идет дальше, делает во льду новую полынью, опускает леску и ждет. Серьезный раздраженный голос не заставляет себя ждать:

– Сказано тебе, нет здесь никакой рыбы!

Рыбак встает, грозит небу кулаком и кричит:

– Кто со мной говорит? Бог?

И голос отвечает:

– Нет, директор катка».

Из транзистора льется хохот.

Лукреция поневоле хихикает, вторя веселью в эфире, и ручеек жизни понемногу гасит испепеляющую лаву обиды.

Смеяться и одновременно кончать с собой затруднительно. Мышцы расправились, рука машинально положила бритву, чтобы сделать громче звук, она свернулась в калачик, как побитая собачонка, замороженная обращаясь к ней голосом. Принуждая ее смеяться, Дариус понемногу возвращал ее к жизни. Когда она наконец уснула, слезы успели высохнуть. У нее появился новый друг, она не знала его в лицо, только по голосу, но судьба одарила ее этой дружбой в нужном месте, в нужный момент.

Теперь Дариус Возняк, этот комик от бога, лежал под мраморной плитой. А тогда его еще не прозвали Циклопом, он еще не стал знаменитостью, только-только начал выбиваться из неизвестности.

Сам того не зная, понятия не имея о ее существовании, он вызвал у нее смех и спас ей жизнь.

Все последующие годы Лукреция не оставляла попыток узнать о нем побольше. При любой возможности она посещала его выступления. Видя его на сцене, дыша одним с ним воздухом, смеясь над шутками, которыми он веселил публику, она чувствовала, как в ней возрождается и крепнет драгоценное чувство облегчения и довольства, которое она впервые ощутила, когда попыталась выпустить из себя кровь. Незаметно для нее Дариус превратился в члена семьи. Она, лишенная семьи, имела роскошь выбрать ее самой.

– Я перед тобой в долгу, Дариус, – шепчет она, обращаясь к надгробному камню.

– Я предпочла бы лежать в этом гробу вместо тебя, Дариус.

Лукреция Немрод покидает кладбище.

Проклятое 1 апреля!

Она бредет по улицам Монмартра, поднимается по улице Сен-Венсен. Она впитывает очарование старинного района, настоящей деревни, помнящей былые времена.

От порыва сырого ветра хлопают ставни в окнах кирпичных домов.

Добравшись до базилики Сакре-Кёр, она опускается на ступеньку высокой каменной лестницы и любуется панорамой Парижа. Столица полна бликов, тут и там поднимается дым, во все стороны движутся потоки красных и белых огней.

Короткая вспышка в небе, гром вдалеке, самая черная из туч

проливается дождем. Люди, прогуливавшиеся и отдохавшие вокруг нее, по большей части туристы, бросаются врассыпную, спасаясь от ливня.

Лукреция ежится, вбирает голову в плечи, с трудом зажигает новую сигарету и закрывает глаза.

Становится темно, и она остается одна, насквозь промокшая и стучащая зубами, на ступеньках Сакре-Кёр, в тусклом свете фонаря.

«Жильбер навещает в больнице соседа-японца, попавшего в серьезную аварию.

Зайдя в палату, он видит соседа всего в трубках, в гипсе, настоящую мумию. Японец не может шелохнуться, видны только глаза; кажется, он спит. Жильбер молча сидит у койки, наблюдая за ним. Вдруг японец открывает и таращит глаза.

– САКАРО АОТА НАКАМИ АНИОБА! – кричит он.

И выпускает дух.

На похоронах Жильбер подходит к вдове и к матери умершего.

– Примите мои соболезнования... – Обнимая их, он продолжает: – Перед самой смертью он произнес последние слова: САКАРО АОТА НАКАМИ АНИОБА. Знаете, что они значат?

Мать падает в обморок, вдова смотрит на него в гневе.

– Скажите, что это значит? – не отстает Жильбер.

– ТЫ ЗАЖАЛ МОЮ КИСЛОРОДНУЮ ТРУБКУ, КРЕТИН!»

Из скетча Дариуса Возняка «Первые будут последними».

Выглядывает солнце – сначала охряное, потом оранжевое и наконец правильный желтый круг над горизонтом.

Позади у Лукреции Немрод бессонная ночь, полная блуждания под дождем и напряженных раздумий с сигаретой в зубах.

Она закашливается.

Надо бы бросить курить, не хватало стать как эта Тенардые или как пожарный из «Олимпиа»: преждевременно состариться, покрыться морщинами и очерстеть душой.

Она давит сигарету каблуком.

Уже 9 часов утра, и она торопится к муниципальному моргу, где как раз открываются двери.

Заведение провоняло формалином, жиром и разложением.

Она блуждает по лабиринту коридоров.

Сюда попадают все трупы: и людей без имени, и знаменитостей.

Ее приветствует патологоанатом – стройный улыбчивый красавец, др-р П. Боуэн, судя по табличке на халате.

– Очень жаль, но раз вы не его близкая родственница, я не вправе делиться с вами информацией, мадемуазель.

Почему тем, кто хочет двигаться вперед, всегда чинят преграды?

Она роется в памяти, перебирая отмычки, отпирающие чужие души.

Купюра в 50 евро?

– Подкуп должностного лица? – звучит в ответ. – Подсудное дело, мадемуазель.

Молодая научная журналистка закопалась в своих отмычках. Приходится вспомнить перечень мотиваций, выявленных в ходе прошлого расследования:

- 1) боль,
- 2) страх,
- 3) материальный комфорт,
- 4) секс.

Она предполагает, что здесь, в случае с особью мужского пола, мог бы сработать ключик под номером 4.

Как бы ненароком, притворяясь, что ей жарко, она расстегивает две верхние пуговицы своей черной китайской блузки из шелка с вышитым красным драконом, пронзенным мечом. Появляется возможность

полюбоваться полукружьями ее груди, не стесненных бюстгальтером.

– У меня всего пара вопросов.

Патологоанатом мнется, поедая глазами ее грудь, пожимает плечами и подходит к полкам с папками.

– Что именно вы хотите узнать о Дариусе Возняке?

– Что стало причиной его смерти?

– Остановка сердца.

Лукреция Немрод включает в своем «Блэкберри» диктофон, но для отвода глаз заносит карандаш над блокнотом.

– Любая смерть вызывается остановкой сердца, не так ли? Даже от укуса змеи или повешения. Я спрошу иначе: что вызвало остановку сердца?

– По-моему, переутомление. После выступления он был без сил. Мы не догадываемся, как это утомительно: два часа кряду заставлять публику смеяться. Это требует колоссального нервного напряжения.

– Как бы вы расшифровали три буквы: BQT?

Патологоанатом показывает на свои инструменты из нержавеющей стали.

– Так называется мой профессиональный комплект ланцетов, я покупаю их по скидке наборами по десять штук: «инструменты базового качества», по-английски Basic Quality Tools. Получается «Би-Кью-Ти», похоже на «бигуди». Трупам ни к чему инструменты из чистого серебра.

Он посылает меня по ложному следу. Напряжение не должно ослабевать, иначе он воспользуется любым предлогом и смоемся. Пускаем в ход призывной взгляд 24-бис, полуулыбку номер 18 – и берем его тепленьким.

– Мог ли Дариус умереть... от смеха? – спрашивает она.

Специалист в удивлении.

– Нет, смех не убивает, а лечит. Смех приносит только пользу. Существует даже смеховая йога, люди принуждают себя смеяться, чтобы подстегнуть иммунную систему и улучшить сон.

– От чего тогда можно умереть в закрытом помещении, если смерти предшествовал взрыв хохота?

Доктор Патрик Боуэн аккуратно закрывает папку и ставит ее на место.

– Наверное, у него были нелады со здоровьем. То, что он хохотал, прежде чем умереть, – чистое совпадение. С тем же успехом он мог бы играть на пианино или кататься на велосипеде. Это не значило бы, что его пианино или велосипед – убийцы. Скажем так: в процессе чего-то у него отказало сердце. Не более того.

Он берет колбу с формалином, в ней покачивается человеческое

сердце.

– Уверен, если вы расспросите его родных, они подтвердят, что у него и раньше случались остановки сердца.

45 тысяч лет до н. э.

Восточная Африка, примерно нынешняя Эфиопия.

Лил дождь.

Стая людей, позже нареченных кроманьонцами, увидела пещеру и захотела в ней спрятаться.

Первых, кто туда сунулся, сожрала семейка львов-параноиков.

Остальные заколебались.

Решение подсказало небо: подожгло молнией валявшуюся рядом ветку. Ее схватил один из кроманьонцев.

Огонь помог прогнать львов, как те ни упорствовали.

В пещере племя собрало сухие листья и ветки и разожгло большой костер. Все, усевшись вокруг костра, наслаждались светом и теплом. И тут у входа в пещеру появились человеческие силуэты.

Они были почти такими же, но не совсем: чуть пониже ростом, чуть коренастее, лоб пошире и пониже, с сильнее выпяченными надглазными дугами, на шкурах, в которые они были одеты, было больше швов.

Кроманьонцы этого не знали, но позднее пожаловавших к ним в пещеру нарекут неандертальцами.

Дождь лил все сильнее, два племени, кроманьонцы и неандертальцы, изучающе смотрели друг на друга. Те и другие слишком устали, чтобы затевать ссору.

«Нам и так достается от капризов матушки-природы, не хватало добавить к ним внутриродное насилие», – рассуждало большинство.

Вновь прибывшим позволили разместиться у живительного пламени.

Все разбились на семейные кучки и для пущей уверенности почесывали друг дружку, ища блох.

При вспышках молний матери прижимали к себе испуганных грозой малышей.

Один кроманьонец, превосходивший соплеменников любопытством, встал, подошел к чужакам и проворчал нечто означавшее:

– Ничего погодка, бывает и похуже, вы так не считаете?

На что неандертальцы ответили ворчанием, означавшим:

– Что вы такое говорите?

Так зародился диалог.

– Вам не будет трудно повторить? Что-то я вас не пойму.

Но собеседник в ответ только гримасничал и мотал головой.

– Положительно, я вас не понимаю. А не понимаем мы друг друга потому, что говорим на разных языках.

Другой подошедший кроманьонец спросил:

– О чем это он тебе толкует?

– Не знаю. Я предупредил его о возможности проблем с взаимопониманием, потому что мы определенно изъясняемся на разных языках.

В конце концов раздраженный неандерталец встал, подобрал обожженную палку и нарисовал на стене пещеры зигзаг, означавший молнию.

Кроманьонец, наклонив голову и расшифровав послание, в ответ поднял уголек и нарисовал рядом с зигзагом стоящего человечка с удивленно разинутым ртом.

Это означало: «Я ничего не понимаю».

Довольный, что завязался этот диалог в виде картинок, превосходящий эффективностью звуковой, неандерталец изобразил над зигзагом кружок – пухлую круглую тучу, сыплющую молниями.

Кроманьонский человек предположил в этом намек на плод со стеблем и указал на свой рот, имея в виду: «Полагаю, вы нарисовали еду, значит, вы голодны?»

Пока собеседник раздумывал, кроманьонец нарисовал человечка побольше, разинувшего рот, чтобы съесть плод.

Соплеменники сопровождали каждый этап диалога одобрительными в целом комментариями.

Наконец, разозлившись, что его не понимают, неандерталец вышел из пещеры и ткнул пальцем в небо, указывая на темную тучу.

В этот момент ударившая из облака молния угодила в мокрый палец, сыгравший роль громоотвода. Гоминид рухнул как подкошенный.

Это было так неожиданно, что все неандертальское племя застыло с разинутыми ртами.

Кроманьонца же осенило: «Ага, он говорил не о плоде, а о грозовой туче!»

Осознание собственного замешательства повлияло на него странным образом: он почувствовал щекотание в животе и расхохотался.

Это возымело последствия.

Пока все кроманьонцы давились от смеха, неандертальцы, потрясенные гибелью своего смышленного соплеменника, решили не есть и не выбрасывать его, а зарыть в глубине пещеры.

Так благодаря юмору человечество перешагнуло важный рубеж в своем развитии. Теперь неандертальцы хоронили своих мертвецов, а кроманьонцы рисовали на стенах пещер. Часто это был кружок, от которого отходил зигзаг, и человечек не рядом, а под ним, как того требовала приверженность истине.

И всякий раз, когда какой-то кроманьонец рисовал круглое облако, молнию-зигзаг и человека с разинутым ртом внизу, его племя покатывалось со смеху.

Так кроманьонец изобрел карикатуру и комикс.

Считается, что именно тогда гомо сапиенс превратился в гомо сапиенс сапиенс, то есть в современного человека.

Что касается неандертальцев, то они, не додумавшись до юмора второй степени, вымерли.

Большая история смеха. Источник: GLH.

У мужчины низкий лоб, широкие плечи, квадратный подбородок, роль разговора у него играет исходящее из живота урчание. Только розовый костюм прямоугольного покроя не позволяет признать в нем прикинувшуюся человеком гориллу.

Молодая журналистка Лукреция Немрод показывает свою карточку прессы. Охранник звонит своему начальнику, тот – своему, только после этого ее пропускают в частный парк.

Лукреция едет по парку на своем мотоцикле и восторгается открывающейся ее взору красотой.

Дариус Возняк построил не просто виллу, он создал настоящий миниатюрный Версаль с такими же гравийными аллеями, французскими садами, фонтанами и скульптурами.

Перед U-образным дворцом Дариуса выстроились роскошные машины.

В центре двора стоит вместо статуи Людовика XIV статуя самого Дариуса с приветственно поднятой рукой.

Высоко на флагштоках трепещут на ветру розовые знамена с символом комика – глазом с сердцем внутри.

Стоит молодой журналистке поставить свой мотоцикл с коляской рядом с вызывающе шикарным авто, как к ней подбегает ливрейный лакей, вооруженный зонтом.

Мать Дариуса, Анна Магдалена Возняк, – дама 78 лет с несколько скованными манерами, на ней черное декольтированное платье с кружевными рукавами. На шее у нее ожерелье из крупного жемчуга. Жир на лице прорезают глубокие морщины, на голове сооружена сложная старомодная прическа.

– Болезнь сердца у Дариуса? Ничего подобного! Я даже больше вам скажу, мадемуазель: как раз наоборот! У моего Дариуса было железное здоровье. Он занимался спортом, в том числе требующим выносливости. И не испытывал никаких проблем. У него было крепкое, тренированное сердце, как у всех наших родственников. У нас в роду есть даже чемпион марафона. Его дед был олимпийским чемпионом по плаванию.

– Пожалуйста, расскажите мне о его детстве, мадам Возняк.

Старая женщина опускается в глубокое кресло, накрытое вышитой накидкой, и, не переставая говорить, принимается вязать, удлиняя на глазах

не то шарф для карлика, не то носок для великана.

– Хотите услышать правду, милая девушка? Правда в том, что все мы были ужасно бедны. Польская семья, приехавшая во Францию после Первой мировой войны и работавшая в шахтах на севере страны... Потом шахты закрылись, и мои родители потеряли работу. В семидесятых мы переехали в северный пригород Парижа. Там, на свадьбе родственников, я познакомилась с моим будущим мужем. Он тоже был поляком, работал механиком в гараже. Но он был алкоголиком, в конце концов врезался на машине в платан и погиб. Мне было очень трудно: ни гроша и четверо детей.

– У Дариуса были братья и сестры?

– Я родила трех мальчиков и девочку. Старший – Тадеуш, потом Леокадия, третий – Дариус и последний – Павел.

Лукреция строчит в блокноте, не поднимая глаз.

– Насколько обаятельным был Дариус – я называла его Дарио, – настолько Павел был робким. У Леокадии был решительный характер. Один Тадеуш был по-настоящему суров, но в младшем брате души не чаял. Странно, Павел очень похож на Дариуса.

Лукреция старается, чтобы собеседнице было с ней легко. Она не забывает, что вежливость и улыбка – полезнейшие насосы для выкачивания информации.

– Каким был Дарио в молодости?

– В нем очень рано проснулся талант шутника. Хотите, скажу, мадемуазель? Он побеждал беду смехом. Когда погиб его отец, он сочинил сценку про «платан, не увидевший папу». Он рассказывал об аварии с точки зрения дерева. Слушать было тяжело, но при этом... ужасно смешно.

При этих воспоминаниях взгляд Анны Магдалены устремляется ввысь, на губах появляется неуверенная улыбка.

– Это была его изюминка: взять голую, страшную, пугающую правду, перевернуть ее вверх дном и превратить в шутку, которая позволит нам расслабиться. Смеяться над смертью родного отца, перейдя на точку зрения убившего его платана, – для этого, скажу я вам, нужна смелость.

Лукреция Немрод внимательно разглядывает гостиную. Здесь тоже чувствуется влияние другого, королевского дворца. Потолок блещет позолотой, комната перегружена тяжелой мебелью, увешана зеркалами, заставлена античными скульптурами. На полу ковры с разными мотивами, как цветочными, так и гораздо более сложными. Не соответствует излюбленной эпохе всего одна, но важная деталь: лица и сюжеты на фотографиях в позолоченных рамках. Это диктаторы, атомные грибы и

всевозможные катастрофы. Подпись гласит: «По-вашему, это смешно?» И ниже автограф Дариуса. Похоже, ему было важно взглянуть на все это по-своему.

Его мать, оставив мизинец, наливает чай.

– Потом, когда моя дочь Леокадия умерла от рака поджелудочной железы, Дариус и это превратил в шутку: поставил скетч «Моя сестра поторопилась».

– Как вы сами пережили смерть мужа и дочери?

– Я нищенствовала с тремя детьми на иждивении. Подруга, находившаяся в таком же положении, предложила мне подрабатывать по вечерам официанткой в баре. Сначала я отказалась, но потом согласилась. Следующее предложение подруги было зарабатывать больше: она привела меня в бар, где надо было раздеваться. Я опять сначала отказывалась, а потом согласилась. Но подруга все не унималась: теперь она пригласила меня работать в доме терпимости.

– Вы отказались?

– Там я больше зарабатывала.

– Учтите, я не прошу все мне выкладывать.

Пожилая дама поправляет свою сдобренную лаком прическу, встряхивает драгоценностями.

– Хотите начистоту? Я не боюсь своего прошлого, мадемуазель. Я принимаю его. Хотите понять, кем был Дариус, – постарайтесь понять, кем была я. Его мать.

– Конечно, простите. Я слушаю.

Она облегченно продолжает:

– Я стала работать в борделе в парижском пригороде. Вот я это и произнесла.

Лукреция Немрод делает вид, что записывает.

– Это оказалось не так сложно, как я представляла. Мужчины – дети. Большинству клиентов хотелось поболтать, хотелось, чтобы их слушала женщина, ни в чем их не упрекающая. Не то что жена!

– Конечно.

Сейчас она начнет описывать во всех подробностях каждого клиента. Спасите! Набираемся терпения, улыбаемся.

– Я переодевала их в девочек, в рыцарей, в хулиганов, в младенцев. Лучше всего мне удавалось их пудрить, посыпать тальком зад, шлепать по попе. Это все равно что психоанализ, только дешевле, больше внимания, а еще их не стесняются трогать. А им страсть как хочется прикосновений. Это и убивает современное общество – нехватка телесного контакта.

Она хватает журналистку за руку и сильно стискивает.

– Естественно! – поддакивает та.

– Среди моих клиентов был клоун по кличке Момо. Тощий верзила в парике, с повадками хорька, но он меня смешил. Я ему и говорю: «Каждый раз, когда ты будешь меня смешить, я не стану брать с тебя деньги за любовь». Ну, он и рад стараться...

– Естественно.

Лукреция опасается, что ее набор стимулов уже на исходе.

– У Момо хорошо получалось! Это помогало мне терпеть жизнь за стенами борделя. После смерти дочери три сына не давали мне соскучиться! Дариуса выгнали из школы: он намазал учительский стул клеем. Шутка в дурном вкусе, скажу я вам! Я заперла его дома, пусть лучше бездельничает, чем слоняется по улицам.

– Могу себе представить.

– Потом он взорвал здоровенную петарду, разнес витрину магазина, тяжело ранил прохожего и провел три дня в катажке. Тогда я решила, что пора пристроить его к какому-нибудь достойному делу, не то будет худо. Вовремя пришли на память слова моей матери: «Лучше укреплять сильные места, чем удерживать слабые». Будь он постарше, я бы отвела его работать в магазин, но для семнадцатилетнего требовалось что-то другое... Вот я и надумала использовать знакомство с клоуном Момо. Я подумала, что человек, умеющий вызывать смех, не может быть злым. Ну, вы меня понимаете...

– Прекрасно понимаю.

– Я сказала Момо: «Мой сын – гений юмора, он как никто умеет вроде бы в шутку говорить правду! Но его юмористическая энергия направлена не в ту сторону».

– Понятно.

– Момо не был знаменитым комиком, но его представления кое-как посещали, и он умудрялся зарабатывать на жизнь. Я познакомила его с моим Дарио, он разыграл сценку «Мама наконец нашла работу», в которой насмеялся надо мной, официанткой, пошедшей в проститутки. Не надо вам объяснять, что у него был талант надавить на больное место. Момо был покорен.

– Неудивительно.

Теперь Лукреция тщательно все записывает, жалея, что не делала этого раньше.

– Момо мне говорит: «У него врожденный талант, но этого мало. Я стану его учить. Но нужно уважение. Одну вещь ему придется уважать:

юмор». Вот ведь какой парадокс: юмор – это очень серьезно!

– Несомненно.

– «Серьезность юмора» – это вам не шутка. Момо потребовал, чтобы мой Дарио называл его учителем, а сам стал называть его учеником. Уроки проходили в заброшенном цеху, потому что Момо считал, что у занятий не должно быть свидетелей. Он учил его благородному клоунскому искусству: жонглировать, играть на трубе, плевать огнем, даже, простите, смешно рыгать и пукать. По его словам, это входит в арсенал комика, на случай если не работает все остальное.

– Неужели?

– Однажды, когда Момо и Дарио занимались в своем заброшенном цеху, на них свалилась сверху стальная балка. Момо погиб, мой сын был тяжело ранен.

– Это тогда он лишился глаза?

– Глаз ему выбила торчавшая из балки арматура. Он тяжело переживал случившееся. Но, поправившись, сочинил свой знаменитый скетч «В стране зрячих одноглазые – короли». Ну, вы помните: «Хватит одного глаза, второй – излишество, особенно при аллергии на пыльцу...»

Мать комика, вспоминая его драму, тяжело вздыхает.

– Момо успел обучить Дарио. Я знала, что мой малыш встал на правильный путь и в один прекрасный день станет лучшим из лучших, добьется всеобщего признания. Я это знала, он тоже, я поощряла его идти по этому пути. Дарио обратился к продюсеру представлений Момо, вы знаете эту фамилию – знаменитый Стефан Крауз, и предложил его нанять.

– Что?.. – переспрашивает утомившаяся Лукреция.

– Тот ответил: «Ну-ка, рассмеши меня». Перевернул песочные часы и сказал: «У тебя есть три минуты».

– Три минуты на то, чтобы насмешить незнакомого человека?

– Это же мой Дарио! У него получилось. Стефан Крауз включил его в программу и предоставил средства, чтобы он стал звездой.

Рассказчица вдруг замолкает и недовольно щурится. Ее беспокоит что-то, происходящее за спиной у Лукреции.

Та оборачивается и видит за окном розовый «Роллс-Ройс» и розовый мотоцикл «Харли Дэвидсон», тормозящие на гравии двора.

Из лимузина вылезают два недомерка и один широкоплечий верзила.

Троица поднимается по ступенькам и вваливается в гостиную.

– Тадеуш, Павел! Я как раз рассказываю о вас.

Старший презрительно указывает подбородком на Лукрецию.

– Что еще за новости? – спрашивает он.

Мать разливает чай.

– Успокойся, Таду. Это журналистка крупного еженедельника «Геттёр Модерн». Она пришла взять у меня интервью о Дарио.

Лукреция видит, что младший брат Павел похож на Дариуса, только более щуплый и робкий. Третий, детина во всем розовом, – их охранник, выдрессированный питбуль.

– Мама, мы уже все рассказали всем на свете журналистам! Сколько еще будет длиться этот базар? Хватит! Есть время говорить и время заткнуться. Ты слишком болтлива, мамочка, жаль, что ты этого не понимаешь.

– Я рассказала ей только самое главное.

– Главное, ты не знаешь, что такое стыд. Надеюсь, ты умолчала о своем прошлом?

В этот раз пожилая дама ставит свою чашку на стол.

– Иногда мне кажется, что ты меня стыдишься, Таду.

– Пойми, мама, журналисты – это гиены, пожиратели трупов. Не видишь, что ли, как они нюхают еще теплую могилу нашего брата, чтобы что-то из нее выжать? Эта особа – наемница, она работает за деньги. Как она их зарабатывает? Понятно как: вывалив самое жареное, самое неудобное для нас. Рассказывая ей о своей жизни, ты делаешь ей подарок, на который она ответит плевком.

– Это правда, мадемуазель Немрод? Вы такая?

Благородная мать уязвлена до глубины души.

Тадеуш обращается к своему двуногому псу:

– Вышвырни ее вон!

Лукреция вскакивает и отбегает в сторону.

– Я интересуюсь только жизнью и смертью Дариуса. У меня есть версия, которую никто еще не выдвигал.

Тадеуш Возняк останавливает своего телохранителя.

– Выкладывайте!

– Я считаю, что Дариус умер не от сердечного приступа. Это убийство!

Воцаряется тишина. Семья удивленно переглядывается.

– Не верю! – скрежещет зубами Тадеуш.

– Пожарный говорит, что, прежде чем упасть, он несколько минут громко хохотал.

Старший брат напряженно морщит лоб.

– А еще я нашла вот это, – добавляет молодая журналистка и достает синюю шкатулку с буквами BQT и надписью «Не смейте читать».

Теперь Тадеуш не может не нахмурить брови.

– Это лежало в его гримерке, под креслом.

Тадеуш берет шкатулку, внимательно ее разглядывает и отдает обратно.

– А как вам вот это?

Она показывает ему нечеткую фотографию грустного клоуна с большим красным носом и вытекающей из глаза слезой.

Он долго не выпускает снимок из рук, потом, качая головой, возвращает и его.

– Если вы спросите, кому выгодно это преступление, я могу назвать вам конкретное имя. Если есть кто-то, заинтересованный в смерти моего брата, то только этот человек.

«В далеком канадском лесу охотник начинает заготавливать дрова в преддверии больших холодов.

Через час он делает перерыв и задумывается: «Хватит ли мне дров, чтобы продержаться всю зиму?»

Тут появляется старый индеец, шаман-ирокез.

– Скажи, мудрец, – обращается к нему охотник, – суровая будет зима?

После долгих раздумий индеец отвечает:

– Да, бледнолицый, суровая зима.

Охотник, решив, что нужно еще дров, возобновляет работу.

Еще через час он снова задумывается, не довольно ли нарубил дров, и снова спрашивает шамана-ирокеза:

– Ты давно здесь живешь, скажи, зима и вправду будет суровой?

И снова индеец отвечает, глядя на него:

– Да, очень суровая зима.

Испуганный охотник снова начинает махать топором.

Индеец опять появляется через час, опять слышит вопрос и опять предупреждает:

– Суровая-суровая зима.

Охотник прерывает работу и спрашивает мудрого индейца:

– Как же вам удастся предсказывать погоду?

– У нас есть старая поговорка, – отвечает шаман. – Чем больше дров заготовит бледнолицый, тем суровее будет зима».

Из скетча Дариуса Возняка «Странные иностранцы».

По извилистым улочкам гуляет ледяной ветер.

Март на дворе, а похоже на разгар зимы.

На обратном пути Лукреция Немрод останавливается у зоомагазина и покупает золотую рыбку, вернее, сиамского императорского карпа. В дополнение к карпу приобретается аквариум, гравий, баночка дафний, флуоресцентная лампа, насос, набор пластмассовых водорослей, домиков и разных предметов.

Дома она вываливает свои покупки на стол, рядом с компьютером.

Засыпает дно аквариума цветным гравием, монтирует насос, раскладывает по дну пластмассовые украшения, наливает воду, включает лампу, запускает насос. Вверх поднимается столбик пузырей.

Отлично.

Лукреция запускает карпа в его новое жилище.

Возможно, у меня не такие способности к журналистским расследованиям, как у Исидора, зато у меня есть рыбка. Для начала подберем ей имя. Что-нибудь посolidнее, чем Джон-Пол-Жорж-Ринго. Например, имя страшного кита – Левиафан. Быть тебе сказочным Левиафаном!

Молодая журналистка наблюдает за рыбкой, подносит палец к круглому люку.

– Давай, Левиафан! Знаю, я почерпну у тебя вдохновение!

Она сыплет в воду щедрую горсть дафний.

– Не бойся разжиреть! Если ты сильно вымахашь, я переселю тебя в более просторный аквариум. Кто знает, может, я еще познакомлю тебя с рыбками из аквариума Исидора. Они, конечно, мастера выпендриваться, но на самом деле симпатичные ребята. У акулы, конечно, невроз, но тебе так только спокойнее.

Карп выпускает несколько пузырьков, гадая, что за чудовище маячит за прозрачной стенкой.

Потом, с достоинством махнув волнистым оранжевым хвостом, он исследует свою новую квартиру, отдает должное рифу, пускающему пузыри миниатюрному пиратскому кораблику и водорослям, смекает, что угодил в стеклянную тюрьму, и прячется за рифом, чтобы там, в покое, осмыслить все предшествовавшие пятьдесят дней своей жизни.

– Рыбка станет рыбиной, – говорит Лукреция. – Пусть мы меньше

некоторых, это еще не значит, что у нас не получится надавать им по физиономии, ты согласен, Левиафан?

Она строит гримасы, и рыбка говорит себе: «Пока опасность так близко, я буду прятаться за камнем. Уберется – тогда, так и быть, помассирую себе брюшко пузырьками».

Рыбка ждет. «Только без паники. Здесь меня все пугает, но есть же у этой ситуации какой-то смысл? Где моя мать? Мои братья? Мои друзья? Куда подевалась Природа? Я – свободная рыба, а не неодушевленная цифра! Глядите-ка, еда! Наилучший способ побороть стресс – насытиться. Фу, сушеные трупики!»

Лукреция Немрод довольно наблюдает, как карп поедает замороженных дафний.

– Уверена, малыш Левиафан, мы с тобой натворим больших дел!

Она решает принять душ и заодно вымыть голову.

Она долго стоит под горячим душем.

Выйдя из ванной с мокрыми волосами, она подумывает, не посетить ли салон – для нее это лучшая психотерапия. Она всегда считала, что среди людей, способных слушать про чужие беды, первые места распределяются так:

- 1) парикмахеры-стилисты,
- 2) гадалки,
- 3) психоаналитики.

Предпочтение без всяких оговорок отдается стилистам: они не только вас слушают, но при этом еще и массируют вам скальп.

Увы, ее финансы находятся в плачевном состоянии, и она вынуждена признать, что стилисты – самая дорогая для нее профессия «слушателей». Тем более что ее мастер с недавних пор величает себя «ландшафтным дизайнером по уходу за волосами», и это сразу серьезно увеличило его тариф за консультацию.

– Ничего не поделаешь, – бормочет она.

Придется уделить время совершенно необходимым в кризисный момент процедурам: 10 минут на обработку шевелюры шампунем, 5 минут на втирание в кожу головы освежающего геля-бальзама, 15 минут на сушку, расчесывание, укрепление волос при помощи профессионального суперфена «Самсунг» мощностью 2000 ватт – последнего писка сушильной моды и самого ценного оружия в ее арсенале.

Суша волосы, она раздумывает о своей хрупкости и уязвимости. У нее разработана система выживания, препятствующая новым суицидальным порывам:

1) обильное потребление «Нутеллы» (при этом она втайне лелеет надежду, что в продаже появится «Нутелла» с нулевой жирностью, хотя это было бы чудом, а в чудеса ей слабо верится);

2) обгрызание ногтей (это занятие заброшено пять лет назад, но может быть возобновлено при любом пикировании настроения);

3) стилист Алессандро заразил ее страстью (в порядке убывания) к Элтону Джону, принцессе Диане, фильму «Приключения Присциллы, королевы пустыни», спортивным велосипедам марки «Ралей» и греческой кухне на оливковом масле (правда, в данный момент он переживает личную драму и ходит мрачный);

4) анксиолитики в смеси с солодовым виски 15-летней выдержки (крупное неудобство – сильная изжога);

5) изгнание своих любовников (правда, она только что это проделала – и не исцелилась).

Можно было бы добавить шестую позицию: завести настоящего друга.

Высушив волосы, она навещает свою рыбку.

Как насчет того, чтобы стать моим другом, Левиафан?

– Чувствую, ты не станешь меня обманывать, в отличие от других побывавших здесь самцов.

Цмокнув аквариум, она случайно роняет на пол целую банку дафний и вынуждена собирать их кофейной ложечкой.

Может, я слишком нервничаю?

Далее она приступает к занятию, не доставляющему ей сильного удовольствия, но помогающему справиться с чувством тревоги. Оно идет под седьмым номером и называется «удаление рыжих сорняков» – волос с тела.

После длительных колебаний и очередной констатации, что гардеробчик маловат, она выбирает, что надеть.

Забыла про еще один способ расслабиться: 8) шопинг. Какая женщина посмеет признаться мужчине, что настоящая точка G – та, которой заканчивается слово «шопинг»?

Она улыбается. Эта шутка тоже из репертуара Дариуса. Она тут же решает вернуться к расследованию гибели утраченного друга.

Она запускает видео с подборкой самых знаменитых сценок Дариуса Великого «Друзья наши звери».

Что сказал Исидор? Что Дариус либо воровал чужие шутки, либо ставил свое имя под безымянными. Может быть, но он умел представлять их на сцене – этого у него не отнять.

Она вспоминает белобрысого человечка в розовом костюме, с черной повязкой на глазу и красным носом.

Какая энергия! Какой мимический талант, какой постановщик, какое обаяние! Он играл легко.

Теперь, когда она кое-что знает о его прошлом, его скетчи о смерти отца, о смерти сестры, о матери-проститутке кажутся ей верхом честности и небывалой отваги.

Он по-своему подвергал себя психоанализу, призывая миллионы людей в свидетели своих терзаний. Смех как способ справиться с несчастьем.

Лукреция Немрод останавливает видео с Дариусом и закуривает сигарету.

Справиться с несчастьем.

Она вспоминает «дни после происшествия с Мари-Анж».

Сперва неделя прострации в своей комнате.

Ни прически, ни «Нутеллы», ни анксиолитиков в виски, ни золотой рыбки, ни любовника, которого можно было бы выставить за дверь. Только и оставалось, что до крови грызть ногти.

Естественно, весь приют Нотр-Дам-де-ла-Совгард был в курсе «происшествия 1 апреля». Ей объявили бойкот. Ее избегали, как прокаженную, как будто боялись заразиться ее несчастьем.

Юная Лукреция Немрод перестала посещать занятия, и никто ее за это не корил.

Никто ее не беспокоил. Работница столовой приносила ей на подносе еду.

Она стала полнеть. Много спала. Не желала никого видеть.

Потом одна девушка все же захотела с ней поговорить. Сказала, что поступок Мари-Анж был «неправильным», что воспитанницы обсудили его и сожгли все фотографии.

Молодая Лукреция надменно ответила:

– Жаль, уверена, среди них были очень удачные.

Она включила запись скетча «Эскимос и рыба» и внимательно прослушала, как будто искала в анекдоте скрытый смысл.

Рыба здесь не водится... Это директор катка.

Ее вывод: она тоже неверно ставила проблему, цель, зря злилась. Вместо рыбалки надо было встать на коньки, раз это был каток. Надо было меняться.

Одна шутка ее убила.

Другая шутка спасла.

Новая шутка возродит.

Но сначала предстояло принять болезненные решения.

При линьке змея слепнет.

Она взяла на кухне большой мясницкий нож и пошла убивать Мари-Анж.

...Так кончаются хорошие шутки, думала она, сжимая рукоятку ножа. В голове уже звучал ее собственный голос, произносящий при погружении ножа в сердце: «Апрельская рыба!»

Удар ногой – и замок не выдержал, дверь распахнулась. Мари-Анж не оказалось в комнате.

Ее мучительница сочла за благо улизнуть. Но она оставила ей записку: «Не обижайся, Лукреция. Это была просто шутка. Я тебя люблю и всегда буду любить. Твой ангел Мари».

К записке была приклеена скотчем фотография, сделанная 1 апреля.

Так и не смогла удержаться от смеха.

Девушка порвала фотографию с невыносимым чувством, что у нее украли месть.

В голове сложилась фраза, чтобы остаться там навсегда: «Никогда больше я не буду жертвой».

После этого она стала усиленно осваивать боевые искусства. В корейском тхэквондо она обнаружила подходящий для нее уровень насилия и эффективности боя. Китайское кунг-фу она сочла танцем, японское карате – слишком первобытным. Сочетание тхэквондо с израильской крав-мага показалось ей приемлемым способом достойного выхода из безвыходных с виду ситуаций. Это сочетание она назвала сначала «приютским квондо», потом «квондо Лукреции». В нем не было запрещенных приемов, рекомендовались самые сокрушительные.

Проверяя действенность своего искусства, она заделалась хулиганкой. Она обожала драки, искала конфликтов, наносила первый удар, не вступая в спор.

Малейший жест мог вызвать у нее ярость.

А поскольку слабых неудержимо притягивает насилие сильных, особенно неспровоцированное, у Лукреции появлялось все больше подруг. В конце концов она стала главарем банды.

Отныне законы в спальнях Нотр-Дам-де-ла-Совгард диктовала она.

Ее размышления прерваны настойчивым стуком в дверь.

Возвращение к действительности.

Она смотрит в глазок и видит за дверью любовника, выгнанного накануне.

– Прости, я виноват. Я сожалею! – слышит она.

Лукреция позволяет ему позвонить раз, другой, третий, после чего отпирает дверь. И, ни слова не говоря, наносит удар головой. Звук как при ударе молотком по кокосовому ореху. Парень отшатывается, качается, его лоб разбит в кровь.

– Знаю, это паршиво выглядит, просто я собираюсь бросить курить и заранее нервничаю.

После этих слов она захлопывает дверь и закуривает.

Она ждет, он не возвращается.

Она бредет обратно в комнату, садится, запускает последний скетч Дариуса, заканчивающийся словами: «И тогда он прочитал последнюю фразу, расхохотался и умер».

Ее тревожит эта фраза.

Неужели Дариус знал, что умрет? Может, он этого хотел? Если так, то это был не пророческий скетч, а вызов убийцы.

Она смотрит на Левиафана, взбодренная новым поворотом.

– А что смешит тебя?

Карп подплывает к стеклу и, глядя на тревожащую его массу за стеклом, выпускает пузырь.

«Жилец спорит с хозяином.

– Уверяю вас, в моей квартире есть мыши.

– Ничего подобного, – отвечает хозяин, – эта квартира без изъёнов.

Жилец кладет на пол кусочек сыра, и мышь шмыгает через комнату так быстро, что ее трудно заметить.

– Мало ли что... – бормочет хозяин.

Жилец бросает несколько крошек сыра. Появляется одна, вторая, третья мышь, золотая рыбка, четвертая мышь.

– Ну, теперь видели?

– Видел. Еще я видел золотую рыбку. Что это значит?

Взбешенный жилец кричит:

– Сначала разберемся с мышами, проблему сырости будем решать потом!»

Из скетча Дариуса Возняка «Друзья наши звери».

Громыхающий, плюющийся выхлопом «Гуцци» останавливается перед дверью, за которой, судя по крупной надписи по бронзе, расположена фирма SKP, «Стефан Крауз Продакшен».

Само здание, одно из детищ барона Османа, громоздится в 16-м парижском округе. Пол в холле выстлан толстым зеленым ковром.

Секретарь направляет гостью в комнату ожидания, где уже томятся несколько человек. Всем, похоже, не по себе, как будто их ждет прием у немилосердного дантиста.

Никто не разговаривает, даже не поднимает глаз. Девушка пилит ногти, молодой человек заучивает наизусть текст. Солидный мужчина читает несвежий журнал с принцем и принцессой на обложке.

Афиши на стенах зовут на представления Дариуса и других, не столь знаменитых исполнителей.

Дверь открывается, из нее выходит человек в состоянии полной подавленности.

Изнутри доносится:

– ...И не возвращайтесь! Убогий юмор двухтысячных уже не ко двору!

Изгнанный удаляется с понурой головой, его место торопится занять другой... терпящий не менее позорную неудачу.

– ...Вам позвонят. Спасибо. Следующий! – зычно зовет все тот же голос.

Свежий изгнанник делает жест, означающий пожелание всем остальным не меньшей порции удовольствия.

Наконец наступает очередь Лукреции Немрод.

Кабинет встречает ее огромными фотографиями Стефана Крауза, пожимающего руки или обнимающего звезд музыки, кинематографа и политики.

У самого героя всех этих фотографий удлинённая голова, тонкие очки, двухдневная щетина. На нем черная кожаная куртка и модные джинсы. Сидя в полосатом, как зебра, кресле, он колотит по клавишам ноутбука. Тут же красуются заброшенные на стол ноги в ковбойских сапогах.

Лукреция Немрод ждет. Сначала она думает, что он составляет список прослушиваний, потом замечает, что он сидит в социальной сети и общается одновременно с несколькими собеседниками. Через некоторое

время он, не глядя на нее, цедит:

– Ну, рассмешите меня.

Заученным жестом, даже не здороваясь, он переворачивает песочные часы.

– У вас три минуты.

Молодая женщина хранит молчание. Он бросает на нее взгляд.

– Теряете время, мадемуазель.

Струйка песка неумолима. После падения последней песчинки человек за столом снова утыкается в свой компьютер.

– Не судьба.

Он нажимает на кнопку переговорного устройства.

– Карин, сколько вам повторять, не допускайте сюда случайных людей, крадущих мое время! Следующий!

Но Лукреция Немрод не намерена уходить.

– Я пришла не с целью вас насмешить, – четко произносит она.

Он озадаченно скребет щеку.

– Вы актриса?

– Еще чего!

– Надо было догадаться, у вас не вид истерички. Сейчас угадаю... Вы из налоговой инспекции? За этот год ваши церберы посещали меня уже дважды, пора и честь знать.

– Снова мимо.

В дверь уже просовывает нос следующий кандидат.

– Вас вызывали? Не видите, я занят с мадемуазель!

Посетитель явно испытывает облегчение оттого, что его прослушивание откладывается. Он бормочет извинения и бесшумно закрывает дверь.

– Игра в угадку продолжается. Не комик, не актриса, не из налоговой. Если вы моя дочь от одной из любовниц, то учтите, шантажировать меня бесполезно, я признаю вас своей наследницей только после анализов в медицинском центре, который сам назову.

– Опять не то.

– Торгуете страховыми полисами? Кухнями, стеклянными дверями?

Он засовывает пальцы под подтяжки.

– Все, сдаюсь.

Она дает ему визитную карточку.

– Журналистка. Меня зовут Лукреция Немрод. Я работаю в «Геттёр Модерн».

– Надеюсь, речь пойдет не о Дариусе.

Он хмурится. Лукреция перебирает в голове свои отмычки.

Какой ключик подошел бы здесь?

Передо мной законченный эгоист. Как всякий, живущий чужими талантами, он мечтает о восхвалении его собственного таланта.

– Дариус нас, конечно, интересуется, но никто не знает, что без вас он был бы никем. Вот с какой точки зрения мы хотели бы подготовить большой материал об «истинном творце феномена Дариуса».

Она побаивается, как бы ключ не оказался слишком грубым и не застрял в замочной скважине.

– Карин? – говорит он в переговорное устройство. – Пять минут. Никаких звонков. Никого не впускай.

Он смотрит на молодую журналистку.

– Я хочу прочесть статью до публикации, это понятно? Даю вам право задать пять вопросов.

– Почему именно пять?

– Потому. Четыре.

Но ее не сбить с толку.

– Я знаю от Тадеуша Возняка, что вы судились с Дариусом. Он хотел вернуть себе права на свои первые альбомы. Это правда?

– Правда. Остается три вопроса.

– Вам грозил проигрыш в суде по причине неотъемлемых, согласно французскому закону, «моральных прав художника на свое творчество». Приговор должны были вынести через неделю. Его кончина делает это решение бессмысленным и позволяет вам по-прежнему использовать его произведения. Это я тоже знаю от Тадеуша. Вы это подтверждаете?

– Подтверждаю. У вас еще два вопроса. Интересно, вы действительно готовите обо мне хвалебную статью?

– Таким образом, вам выгодно его исчезновение за несколько дней до решения суда. Оно вас не только спасает, но и обогащает. Вы переиздаете дебютные альбомы, самые любимые публикой, потом выпускаете избранное, устраиваете гала-концерт в память о нем в «Олимпии». Все права на исполнение и на штамповку DVD у вас. Я права?

– Да. Жду последнего вопроса.

– Это вы убили Дариуса?

– Нет. – Продюсер широко улыбается. – Вы меня провели. Больше не могу терять время. Благодарю, мадемуазель. Всего хорошего. Либо я читаю статью перед печатью, либо отправляю к вам моего адвоката. Он работает за проценты и очень сильно мотивирован. К тому же по личным причинам имеет зуб на прессу.

Глядя на него, Лукреция Немрод идет ва-банк.

– Думаю, вы лжете. Это вы убили Циклопа.

Стефан Крауз окидывает взглядом свою коллекцию брелоков – резиновых человечков с кнопкой на животе. Взяв один, он жмет на кнопку. Раздается взрыв смеха.

– Знаете, что это? Машинки для смеха. Когда у меня нет желания шутить, я прибегаю к такой игрушке. Очень практично при моей профессии. Так я щажу лицевые мышцы и предотвращаю появление морщин. Знаете, вы мне симпатичны, возьмите, это подарок. Можете выбрать. Вот этот, например, «смех крестьянина».

Он нажимает на другой брелок, и раздается утробный смех.

– Это не ответ, мсье Крауз.

Он кладет брелок и пожимает плечами.

– А как вам такое? – Он берет третий брелок в виде хорошенькой девушки. – Смех испуганной юной девы.

Раздается пронзительный смех, перемежаемый икотой. Он становится все громче и начинает смахивать на вопли при оргазме.

– Примите мой дар. Нет, не надо благодарностей. Я заказываю их в Китае, это моя реклама.

Она берет странную игрушку и видит на ярлыке аббревиатуру SKP.

– Каков же ваш ответ? – невозмутимо спрашивает она.

– Ваше обвинение настолько смехотворно, что достойно одного – механического смеха. Как вы себе это представляете? Я что, умею проходить сквозь стены или проник в гримерку Дариуса по тайному подземному ходу и задушил его, пока его телохранитель стоял за дверью?

Стефан Крауз нажимает на брелок с надписью «Смех старого маньяка» и перестает улыбаться.

– Поймите, мадемуазель: злиться непрофессионально. В этом ремесле ничто не стоит на месте, все движется, сегодняшние друзья завтра становятся врагами, а послезавтра, гладишь, они снова друзья неразлейвода. Суды, ссоры, угрозы, крики – а потом примирение. Шоу-бизнес прежде всего – большая семья, суматошная, но, что бы ни думали те, кто в него не вхож, дружная. Уличные скоморохи, умельцы, веселящие толпу, ремесленники расслабления – сплоченный народ. У нас социальная функция, мы сродни врачам. Да что там, мы важнее врачей, без нас люди не могли бы выносить своих коллег, начальников, подчиненных, жен, детей, любовниц, мужей, налоговых инспекторов, не говоря о болезнях.

– Вы не отвечаете на мой вопрос.

– Довольствуйтесь этим ответом.

Он вздыхает.

– Да, Дариус меня подвел. Я был зол на него за то, что он от меня отвернулся, даже предал меня. Да, я с ним судился. Я проиграл бы суд, что правда, то правда. Но этим представлением в «Олимпии» я увековечу его славу. Можете думать что хотите. Но здесь дело не в деньгах. Если он сейчас наблюдает за мной из рая, то, знаю, единственное, что ему хочется мне сказать, – «спасибо, Стефан».

Продюсер прижимает руку к сердцу и устремляет взгляд в окно, за горизонт. А потом жмет на еще один брелок, издающий визгливый хохот.

– Где вы были в момент его смерти? – спрашивает она.

– В зале, аплодировал тому Дариусу, которого извлек из неизвестности и который вознесся на вершину мастерства. В соседнем кресле сидел министр культуры, хотите, спросите у него. Такое алиби сгодится?

Лукреция отвечает ему искусственным смехом подаренной ей резиновой девицы.

– Поговорим серьезно. Кому, кроме вас, выгодна смерть Дариуса?

– Тадеушу, его брату. Настоящий наследник – он. Теперь он – главный в «Циклоп Продакшен».

– Кто мог бы хотеть его убрать, не считая Тадеуша?

– Если побудительная причина – не деньги, значит, слава. В этом случае я бы сказал, что если это преступление, то оно выгодно в первую очередь его главному сопернику, становящемуся первым номером в мире смеха.

Он теребит фигурку в виде клоуна.

– Кстати, у него эксклюзивный контракт с «Циклоп Продакшен».

4803 г. до н. э.

В междуречье Тигра и Евфрата, где ныне расположен Ирак.

После долгих скитаний людские племена набрали на достаточно плодородные земли, где смогли осесть.

Из охотников-собирателей люди постепенно превратились в земледельцев.

Общины создали первые деревни с прочными домами из глиняных кирпичей. Для пропитания они стали сеять семена и ждать урожая, в основном пшеницы и ржи. Животных, бродивших вблизи деревень и питавшихся отбросами, – коз, овец, крупный рогатый скот, – люди приручали и держали в загонах, так возникло животноводство.

Век за веком поля и стада множились. Деревни становились городищами. Городища тоже расширялись и в конце концов становились большими городами с сотнями, а потом и многими тысячами жителей.

Первые мегаполисы, возникшие за 6 тысяч лет до нашей эры, назывались Урук, Эреду, Лагаш, Умма, Ур.

То была первая цивилизация – шумерская.

Город Ур был одним из самых могущественных и передовых.

Вышло так, что в 4803 г. до н. э. шумерский город Ур затеял войну с городом Киш, принадлежавшим соперничающей цивилизации – аккадской.

Война шумеров и аккадцев была долгой и высасывала силы обеих сторон.

Так продолжалось до тех пор, пока царство Киш не одержало крупную, но не решающую победу. Тогда аккадский царь Энби-Астар предложил шумерскому царю Эн-Шакушану подписать перемирие. Враждующие армии сошлись в долине на нейтральной территории.

Цари сели друг напротив друга, между ними расположились переводчики.

– Итак, – начал по-шумерски царь Эн-Шакушана, – что он предлагает? Переводчик перевел вопрос.

За происходящим внимательно следили министры.

Ответ Энби-Астара в переводе звучал так:

– Он говорит, что желает мира.

– Очень хорошо. Ответь ему, что мы тоже желаем мира, эта война нас изнурила.

Переводчик перевел. Аккадский царь Энби-Астар посоветовался с двумя своими министрами и с переводчиком. Родилась реплика.

– Что он говорит? – спросил шумерский царь.

– Он говорит, что последнее сражение выиграл он, а значит, войну выиграл тоже он и в ответ на обещание не разрушать город Ур хочет пятилетней выплаты податей, всех запасов зерна, пяти тысяч рабов и трех тысяч рабынь, которых отберут он и его военачальники.

Шумерский царь Эн-Шакушана медлил с ответом.

– Что мне сказать ему? – не выдержал переводчик. – Он ждет, о повелитель.

И подался царь шумерский к царю аккадскому со странной гримасой. Разинул он рот, будто собираясь что-то сказать, но звук, звучный и протяжный, издал не ротовым, а анальным отверстием.

Звук этот прогремел, как трубный глас. Таков был ответ царя Эн-Шакушана царю Энби-Астару.

Результата не пришлось ждать: все шумерские министры покатались с хохоту.

Но аккадский царь не засмеялся, а побагровел, оскорбленно и гневно завращал глазами. Потом отдал приказ, оставшийся непереуведенным, и его военачальники покинули шатер.

Шумерский царь Эн-Шакушана и его войска, оставшись одни, никак не могли насмеяться.

Царь призвал своего писца.

– Это должно остаться в веках. Пусть все смеются, как смеялись мы.

Писец по имени Син-Леке-Уннинни покорно поклонился, но остался в замешательстве. Как запечатлеть выпуск газов? Как выразить комизм ситуации глифами?

Весь вечер он раздумывал, как ему передать юмор этой сцены. Думал он и назавтра, и все последующие дни.

Через два месяца шумерский царь Эн-Шакушана одержал вторую победу над царем Энби-Астаром. Эта победа стала решающей. Шумеры захватили город Киш, и побежденные аккадцы подчинились закону Ура.

Торжественно шествуя по улицам города Киша, царь вспомнил о неудавшемся мирном договоре и спросил своего писца Син-Леке-Уннинни, как обстоят дела с записью. Ответ писца был неопределенным.

Но некоторое время спустя Син-Леке-Уннинни пришла дерзкая мысль: не нарисовать увиденное, а прибегнуть к слоговому письму. Вместе слоги сложились бы в слова, которые выразили бы не только то, что видишь, но и невидимые вещи и даже отвлеченные мысли, то есть чувства.

Вместо того чтобы рисовать острой палочкой по мокрой глине, Син-Леке-Уннинни принялся ставить штрихи в форме клинышков.

Потом он решил отождествить с каждым сочетанием вертикальных и горизонтальных клинышков тот или иной слог.

Так родилась клинопись.

Писец Син-Леке-Уннинни добросовестно описал встречу своего царя с вражеским и тот неожиданный способ, каким он закрыл спор.

Син-Леке-Уннинни не только изобрел слоговое письмо, но и впервые в истории человечества зафиксировал шутку.

Большая история смеха. Источник: GLH.

– Какой делаешь цвет?

Лукреция Немрод сидит в кресле у стилиста Алессандро. Он только что вымазал ей голову чем-то зеленым, скорее липким, чем текучим.

– Приблизительно красное дерево.

– Уходим от морковки?

– Среднее между морковью и красным деревом. И чуть-чуть покороче. Если не хочешь, чтобы я покромсал их ножницами, позволь просто убрать лишнее. Поверь, Лукреция, будет лучше, чем сейчас.

– Нет уж, спасибо, хочу ходить с длинными.

Стилист принимается ловко массировать ей кожу головы. Он открывает и нюхает разные флакончики, источающие сложные ароматы.

– Хочешь анекдот?

– Нет, благодарю, Алессандро, у меня временное... скажем, несварение от анекдотов.

Алессандро погружается в молчание: слово клиентки – закон.

Знаю, этот сеанс – безумие, но так надо. Вся испсиховалась из-за этого расследования. Такое впечатление, что мне надо понять что-то важное. Можно ли убить человека, вызвав у него хохот?

И кто мог ненавидеть любимейшего француза всех французов?

В...Q...Т... Bienheureux celui Qui se Tait?^[10]

А что думать о Стефане Краузе? Тадеуш Возняк прав, главный выгодоприобретатель – он. Ну а Крауз, ясное дело, называет таковым Тадеуша.

– Что ты думаешь о комике Дариусе, Алессандро?

– Я его О-БО-ЖАЛ. Это был гений. Меня очень удручила его смерть. Прямо аппетит пропал на три часа. Поужинал одними чипсами.

– Что тебе в нем нравилось?

– Всё! Он был таким остроумным! Чувствовалось, что человек себя не щадил. Не принимал себя всерьез и любил людей. Знаешь, Лукреция, здесь долго обсуждали его смерть. Может, его прикончили тайные правительственные службы? Как Леди Ди.

– Зачем?

– Слишком много знал о крупных политиках. Понимаешь, он со всеми ними был знаком. Они могли между шутками наплести ему лишнего. А потом пожалеть об этом. Так же было с Мэрилин Монро, потом с

Колюшем^[11]. Политики подсылают убийц, а потом смерть маскируют под несчастный случай. Всякое бывает. Дураков нет.

– Преступление секретных служб? Откуда ты это взял, Алессандро?

– Из интернета. Об этом стали писать тем же вечером. Один утверждает, что он располагает секретными сведениями и работает в обороне, свое имя назвать, конечно, не может, зато может о многом рассказать. Кончики и корни одного цвета? Как насчет светлых прядей? Мелируем?

– Он боится последовать за нашим дорогим Дариусом?

– Этот тип – его псевдоним Глубокая Глотка – обвиняет в убийстве ЦРУ. Дескать, у них есть такая мушка – может, комар, а может, муравей, в общем, крохотная тварь, – которая пробирается по вентиляционной системе и вонзает в жертву иголку, не оставляющую никаких следов.

– Я читала про это в фантастическом романе «День муравьев».

– Вот-вот, именно! Но главное – мотив!

– Да ну? Какой же?

Совсем забыла: парикмахер – не только психотерапевт, но и кладезь сведений, каких нигде больше не найти.

– Только не говори, что не поняла! – И он шепчет ей на ухо: – Он же метил в президенты! Совсем как Колюш. Это очевидно! Его избрали бы. Точно избрали бы. Никого так не любили, как его!

– Понятно. Но при чем тут ЦРУ?

Он снова наклоняется к ее уху.

– Наш теперешний президент – и так агент ЦРУ, зачем им конкуренция?

И Алессандро прижимает палец к губам – мол, все понятно, а ты молчи!

– Ну как, мадемуазель Немрод, красим корни тоже или оставляем на следующий раз? – тараторит он, чтобы сбить с толку возможных подслушивающих.

– Во сколько это обойдется?

– Для такой хорошей клиентки, как ты, сегодня все за полцены. Если хочешь, я попрошу Луизу сделать тебе маникюр. Мы как раз получили новейшие американские ногти из усиленного пластика, на них березовый лес и заход солнца. Вообрази, на каждом ноготке – березки и закат. Можно и на ногах сделать, если пожелаешь.

Ее ответ заглушен звуком трубы. На улице оглушительный тарарам.

Карнавальное шествие? За несколько дней до 1 апреля? Еще одно извращенное следствие потепления климата?

По улице шествует колонна ряженных, трое играют на духовых инструментах: трубе, кларнете, саксофоне.

Откуда берется эта потребность устраивать праздник и давиться со смеху в определенную дату, а потом дружно грустить в День Всех Святых? Можно подумать, все обязаны одновременно испытывать одни и те же чувства.

Лукреция не может отвести взгляд от зеркала, где отражается запрудившая улицу процессия. Внезапно одна деталь вызывает у нее оторопь.

Среди веселящихся, облепивших огромную фигуру на повозке, она замечает клоуна с толстым красным носом, с опущенными уголками рта и со слезой на щеке.

ГРУСТНЫЙ КЛОУН собственной персоной!

Она выбегает на улицу.

– Эй вы!

Заметив ее, клоун спрыгивает с повозки и пускается наутек. Волосы Лукреции вымазаны зеленой гадостью, но это не мешает преследованию. Клоун ныряет в толпу, чтобы спрятаться от погони.

Но она карабкается на повозку и видит, куда он направляется.

Она догадывается свернуть и выскочить из проулка ему наперерез. Повалив его на мостовую, она нажимает ему локтем на кадык, не давая дышать.

Дав ему полежать придушенным несколько секунд, она ослабляет нажим.

Потерев ему щеки краем накидки из салона и удалив слой грима, она убеждается, что сбила с ног юнца лет шестнадцати, не больше.

– Зачем ты удирал?

– Клянусь, это не я воровал мобильники! Я не виноват!

Она отпускает его, и он бросается прочь, не разбирая дороги. Ее удивленно разглядывают прохожие. Липкая гадость грозит затечь ей в глаза.

Надо же было вообразить, что мне вот так, без усилий, удастся поймать убийцу!

Вдруг все дело Циклопа – плод воображения, как бредни Алессандро о заговорах?

Уголовное преступление? Слабо верится.

Творческое соперничество? Слишком сложный способ убийства.

Крауз, алчный продюсер? Не нахожу в нем такого мерзкого двуличия.

Тадеуш, брат, которому не терпелось получить наследство? Тоже

вряд ли.

Остается синяя шкатулка... Кроме нее, у меня ничего нет. Шкатулка и три буквы: В, Q, Т.

Что, если Тенардые права? Что, если я такая же неумеха, как Клотильда? Думай, думай!

Флоран Пеллегрини дал мне хороший совет: я должна добиться помощи Исидора, опытного сыщика. Одна я ничего не добьюсь.

Но этот заносчивый толстяк отказывается мне помогать.

Может, опустить руки и приползти к Тенардые с повинной? «Сжальтесь, Кристиана! Вы были правы, это был сердечный приступ, преступление – моя фантазия на пустом месте. Захотелось поинтересничать, каюсь!»

Невозможно! Гордость не позволит. А раз так, придется продолжать расследование, чего бы это ни стоило. Я слишком далеко зашла, чтобы дать задний ход.

Она возвращается в салон.

– Что стряслось, Лукреция? Мимо пробежал твой суженый? – насмешливо спрашивает Алессандро.

– Представь, привиделось! Но я обозналась, это был не он, – серьезно отвечает она, садясь в кресло.

Она не замечает, что из глубины зала за ней внимательно наблюдает мужчина, делающий вид, что читает газету.

«В 2 года успех – не ходить под себя.
В 3 года успех – иметь зубы.
В 12 лет успех – иметь друзей.
В 18 лет успех – иметь водительские права.
В 20 лет успех – быть хорошим любовником.
В 35 лет успех – иметь деньги.
В 50 лет успех – иметь деньги.
В 60 лет успех – быть хорошим любовником.
В 70 лет успех – иметь водительские права.
В 75 лет успех – иметь друзей.
В 80 лет успех – иметь зубы.
В 85 лет успех – не ходить под себя».

Из скетча Дариуса Возняка «Любящему всегда двадцать лет».

Мандраж достигает предела. Комик Феликс Четтэм так взмок, что вынужден то и дело вытирать полотенцем пот, его руки сводит судорога.

Лукреция Немрод прокралась за кулисы и наблюдает за ним издали. Подходит к концу срочная репетиция, сейчас поднимется занавес.

Феликс Четтэм оттачивает последние подробности с ассистентом. Тот, вооружившись хронометром, напоминает ему реплики.

– Твои слова «милая подружка» должны вызвать смех, ты позволяешь им смеяться четыре секунды, переводишь дух и продолжаешь. Тебе должны аплодировать. Теперь – твой текст.

Феликс Четтэм декламирует:

– Возможно, но, учитывая положение, это было бы слишком просто...

– Отлично! Закатываешь глаза, приподнимаешь на 35 градусов подбородок. Три шага вправо, поворот, желтый прожектор освещает твой профиль в три четверти. Следующая реплика, гримаса, улыбка номер 32-бис. Валяй!

Из громкоговорителя раздается:

– Зал не может больше ждать. Они уже недовольны, пора выходить!

За кулисами слышны крики:

– ФЕ-ЛИКС! ФЕ-ЛИКС!

Комик близок к панике. Ассистент берет его за плечи.

– Нет! Не расслабляйся. Твой текст.

– Значит, я говорю: «Другое дело, если бы они были в курсе. Если я не замаруюсь, вы все тоже останетесь в стороне».

– Четче артикулируй, «были в курсе» вышло невнятно. Повтори.

– Бы-ли-в-кур-се. Годится?

– Получше. Ладно, сойдет. Тут опять должны засмеяться. Ты ждешь. Если из зала донесется громкий смех, ты скажешь: «Вас, мадам, это в первую очередь касается». Что-то в этом роде, да? Если нет, считаешь до пяти, изображаешь досаду и выдаешь следующую реплику: «Ладно, но чтобы быть в курсе, надо знать». Минута двадцать секунд после начала сценки. Смотри, не сбейся с ритма. Улыбочка номер 63, она тебе хорошо удастся, при ней у тебя на щеках ямочки. Садись. Переводишь дух и выдаешь длинную тираду. Не бубни, не глотай слова, не шепелявь в словах «статистика» и «распущенность».

На взгляд Лукреции Немрод, репетиция смахивает на автогонки, когда

сидящий рядом с пилотом напарник подсказывает виражи, препятствия, напоминает, где добавить газу, где переключить передачу.

Она уже хочет подойти, но ей на плечо ложится рука.

– Сейчас их нельзя беспокоить.

Это Фрэнк Тампести, курящий пожарный.

– Он может опасть, как суфле. Вы не представляете, сколько напряжения и труда стоит за юмористической программой. Все расписано по минутам, даже по секундам.

Ей слышно, как зал надрывается:

– ФЕ-ЛИКС! ФЕ-ЛИКС!

Голос из громкоговорителя:

– Опоздание двадцать минут. Глядите, если так продолжится, они примутся все крушить! Вперед!

Феликс Четтэм проявляет признаки паники.

Ассистент обнимает его за плечи, призывает к спокойствию, предлагает закончить разогрев. К ним подходит мужчина в черном.

– Кто это? – шепотом спрашивает она.

– Боб, его панчер.

– Какой еще панчер?

– Специалист по юмору, чья обязанность – убрать после подготовки все лишнее, подтянуть гайки, отладить эффект, подсказать, где усилить интонационный нажим, где поиграть глазами. Вызвать смех – сложная задача. А сложный механизм всегда хрупок и ломок.

Артист и ассистент так увлечены, что не замечают ничего присутствия. Вдруг Феликс Четтэм таращит глаза.

– Готово, голос сел! Снова-здорово, Боб! Теперь мне крышка. Живо вызывай врача!

Из громкоговорителя несется нетерпеливый хрип:

– Публику не унять. Опоздание двадцать пять минут.

Зал уже топает ногами, скандируя:

– ФЕ-ЛИКС! ФЕ-ЛИКС!

От отчаяния артист потеет еще сильнее.

– Невозможно. Катастрофа. У меня пропал голос. Я отказываюсь выходить. Возвращайте деньги.

– Мёду ему! – приказывает панчер.

Пожарный Тампести бежит за коричневой банкой. Феликс съедает ложку, другую, третью, пытается заговорить, но только хрипит, как простуженный соловей.

Он уплетает всю банку, опасно прочищает горло и разражается

кашлем.

– Возвращайте деньги! – требует багровый от натуги юморист.

– Выкатываем артиллерию. Я зову врача! – решает Боб.

Лукреция Немрод не верит своим глазам и ушам. Она присутствует при переломном моменте.

– Рассчитайтесь со зрителями! Я все отменяю! Не могу говорить, голос сел, – твердит обезумевший Феликс.

– Сейчас придет врач, – успокаивает его Боб.

Пожарный Фрэнк Тампести шепчет Лукреции на ухо:

– Не переживайте, каждый раз одно и то же. Это у него от испуга, судорога голосовых связок.

– Они и впрямь отменяют спектакль и вернут деньги за билеты?

– Какое там! Психология! Комики – самые большие трусы. Большинство – комки натянутых нервов, только и делают, что плачутся. Но даже если причина в голове, для снятия блокировки нужен врач.

– Куда задевался этот эскулап? – негодует Боб.

Наконец появляется старичок с толстым портфелем.

– Как вчера, доктор. Как вчера.

Врач колеблется.

– Сами знаете, это запрещено. Опасно делать это каждый день. Так возникает привыкание. С кортизоном шутки плохи.

В зале беснование.

– ФЕ-ЛИКС! ФЕ-ЛИКС!

– У нас нет выбора, доктор, приступайте.

Врач достает шприц, медленно наполняет его из ампулы, делает Феликсу укол в области голосовых связок, зажимает красную точку ваткой.

– А-Э-И-О-У. Карл у Клары украл кораллы. Ба-бе-би-бо-бу. На дворе трава, на траве дрова, – разминается излеченный комик.

Зал упорно скандирует его имя. Громкоговоритель волнуется не меньше:

– Можно тушить свет? Начинаем, ребята?

Молодая журналистка остается за кулисами и продолжает наблюдать.

Сцену озаряют софиты, под аплодисменты публики разъезжается пурпурный бархатный занавес. Феликс Четтэм, новый комик № 1 после смерти Дариуса Возняка, начинает свой первый скетч.

– Ну что, публика, собралась, наконец? Я замучился ждать!

Он подражает голосу президента республики. Зал благодарно смеется.

– Внимание, братцы, есть две новости, хорошая и плохая. Хорошая: спектакль начался. Плохая: вам придется меня терпеть битых полтора часа.

Но полтора часа – это лучше, чем пятилетка.

Зал хохочет.

Панчер Боб облегченно переводит дух, две первые волны смеха прокатились, худшее позади, дальше симфония будет исполняться согласно партитуре.

Он следит за текстом с хронометром в руке.

Пожарный Фрэнк Тампести подходит к Лукреции.

– Лично я недолголюбиваю пародистов. Обычно эти люди сами по себе – пустое место, вот и заимствуют чужие голоса.

Похоже, пожарному не терпится поделиться воспоминаниями.

– Я знал всех прежних комиков, потому что они здесь выступали: Дариус был немного Колюшем, Феликс – это больше Тьерри Ле Люрон^[12]. У них был один и тот же агент, Ледерманн.

Она пытается слушать скетч, но пожарный разошелся:

– Пародировать – подобие болезни. У них дробление личности, им бы лечиться в психбольнице, а они зарабатывают на жизнь, выставляя напоказ свою патологию.

Лукреции нравится эта его мысль, она говорит себе, что, возможно, он недалек от истины.

Хохот прокатывается по залу волнами, как океанский прибой, захлестывающий скалу. Волны вздымаются все выше.

Последняя волна сокрушительна. Вся «Олимпия» вскакивает на ноги и стоя разражается оглушительной овацией.

– Еще! Еще! ФЕ-ЛИКС! ФЕ-ЛИКС!

Комик косится на Боба, тот показывает жестом, что они укладываются в хронометраж. Упрашивать Феликса не приходится: он исполняет еще два скетча, в одном пародируя папу римского, в другом президента США.

Успех перерастает в триумф.

Пора закругляться. Феликс говорит, что посвящает этот спектакль Дариусу, и уточняет, что примет участие в гала-представлении здесь же, в «Олимпии».

Пурпурный занавес задвигается. Артист пятится, продирается сквозь скопление поклонников, требующих автограф, и ныряет к себе в гримерную.

Служба охраны теснит поклонников к выходу, где их пытаются усмирить обещаниями, что Феликс скоро к ним выйдет.

После завершения эвакуации Лукреция Немрод требует, чтобы Боб, караулящий дверь гримерной, позволил ей взять у Феликса интервью для «Геттёр Модерн».

– Феликс устал. Его нельзя тревожить, обратитесь завтра к его пресс-секретарю.

Она хватается за руку Боба, заламывает ее за спину и врывается в гримерку.

– Что вы себе позволяете? – испуганно кричит Феликс, застигнутый за удалением грима.

– Я журналистка. Хочу задать вам несколько вопросов.

– Сейчас не до этого. Совершенно неудачный момент.

Вбежавший следом за нахалкой Боб сыплет угрозами и готов позвать охрану.

Она спешно вспоминает свой набор чудесных отмычек.

Какая подойдет для него? Деньги не годятся. Обольщение тоже. Слава – не то. Перед выступлением он паниковал. Этот человек живет в страхе. Страх – вот лучший ключ.

Она поворачивается к комику.

– Я здесь, чтобы спасти вам жизнь. Здесь был убит Дариус. Это был не сердечный приступ, а преступление. Если вы мне не поможете, вам тоже не жить.

Он впивается в нее взглядом, потом, смеясь, смотрит на Боба, которому не до смеха.

– Прекрасная шутка!

Кажется, ключик найден: это юмор. Это доказывает, что я ошибалась: некоторые юмористы любят посмеяться.

– Ладно, раз вы меня рассмешили, я позволю вам меня проинтервьюировать, но при одном условии: попробуйте снова меня рассмешить.

Лукреция в очередной раз убеждается в том, что мужчины – неисправимые дети, манипулировать которыми проще простого: достаточно втянуть их в игру. Исидор не устоял перед игрой в «три камешка», этот соблазнился игрой в лучшую шутку.

У нее есть право всего на одну попытку, надо бить наотмашь.

– Откуда слепой парашютист знает, что скоро земля?

Движением подбородка юморист требует продолжения.

– Когда ослабевает поводок его собаки.

Феликсу не смешно.

– Это из репертуара Дариуса, я только сейчас вспомнил. Честно говоря, я плохо запоминаю чужие шутки, своих хватается... Ладно, задавайте ваши вопросы, а я буду пока снимать грим.

– Какими были ваши отношения с Дариусом?

– Циклоп был моим учителем, другом, сердечным братом. Это он

всему меня научил. Он заключил со мной контракт и стал создателем моей славы. Я всем обязан ему.

– Его смерть вас подкосила?

– Вы даже не представляете, как сильно! Это вопиющая несправедливость. Он же был молод, всего сорок два года. Для такого талантливого комика это значит быть сбитым на взлете. По-моему, его ждали новые высоты. Его последнее шоу поражало мастерством и новизной. Оно же подорвало его силы. Я увидел мастера в зените, но я знаю, какая боль, какое самопожертвование скрыты за кажущейся легкостью комического представления.

Молодая журналистка, кивая, заносит все в блокнот, машинально поправляя свою новую прическу.

– Я вовсе не шутила, – говорит она. – Я уверена, что его убили. Если я права, то кто, по-вашему, мог быть заинтересован в его устранении?

Этот вопрос заставляет Феликса замереть перед зеркалом, выронить вату, посмотреть на нее совершенно по-другому.

– Никто. Циклоп был всеобщим любимцем. Этот человек владел всеми сердцами.

– Подозреваю, при достижении такой известности автоматически приобретаешь завистников. Быть первым – значит провоцировать ревность.

– Знаю, куда вы клоните. Но вы ошибаетесь, мадемуазель, если думаете, что я мог его убить. В тот день я сидел в зрительном зале. Все время, пока не открылись двери после конца представления, я оставался в обществе моих друзей. Нам, комикам, важно чувствовать зал.

– Предположим все же, что его убили. Кто мог хотеть его смерти?

– Если хорошо поискать...

Феликс оборачивается и напускает на себя загадочность, подражая голосу знаменитого детектива из телесериала:

– Если вы ищете, кто может быть заинтересован в смерти Дариуса, то вам нужно обратить внимание не на первый номер, а на того, кто заклеимен нулем.

– Вы это о ком?

Он вытирает руки и выбрасывает вату в корзину.

– О том, кого Дариус уничтожил профессионально, о том, кто по его милости оказался в чулане под лестницей. У такого человека были бы все основания его ненавидеть, более того, мечтать убрать его с дороги, – звучит все тот же телевизионный голос.

Феликс Четтэм удаляет с лица последние остатки грима, как убирают с глаз долой картины, посвященные чудом выигранной войне.

– Вы любите загадки? Мне вспомнилась одна, могу вам ее загадать. Должен же я заплатить вам вашей же монетой.

– Внимательно слушаю.

– Человек ищет сокровище. Попадает на перекресток, оттуда идут две дороги. Он знает, что одна приведет к сокровищу, другая – к битве с драконом и к гибели. У начала каждой дороги стоит всадник, его можно спросить, но один все время врет, а другой говорит только правду. Герой может задать всего один вопрос. К которому из двоих обратиться и что спросить?

Подумав, Лукреция отвечает:

– Увы, я всегда была несильна в логике. А такие загадки... они не совсем для меня, вы меня понимаете? Я вам позвоню, если догадаюсь. Скажете номер вашего телефона?

Когда она выходит из театра, идет дождь.

Черт, не хватало, чтобы все старания стилиста пошли прахом... Я так на него потратилась, а тут...

Она смотрит издали на сияющую огнями «Олимпию».

Не знала, какое это изматывающее занятие! То, что делал Дариус и делает теперь Феликс, – ужасно тяжелый хлеб. Теперь, зная, как он им достается, я бы ни за что не согласилась зарабатывать на жизнь смехом. Я бы с ума сошла, если бы моя публика не смеялась или смеялась недостаточно.

Она зажигает сигарету и глубоко затягивается, чтобы прийти в себя.

«Несколько друзей – записные шутники. Они знают столько анекдотов, что уже могут их друг другу не рассказывать, достаточно назвать номер. Первый говорит:

– 24!

Все валятся со стульев от смеха.

– Теперь я! – торопится другой. – 73!

Снова взрыв хохота.

Поднимает руку третий.

– 57!

Никто не смеется.

– В чем дело? Вам не нравится 57-й? – огорчается он.

– Нравится, – отвечает один из членов клуба. – Просто ты его плохо рассказываешь».

Из скетча Дариуса Возняка «Школа смеха».

Пальцы перебирают подола. Лукреция Немрод останавливает выбор на атласной тунике сливового цвета. Потом она достает из холодильника банку «Нутеллы» и запускает палец в густую приторную массу. Сев за компьютер, она печатает девятью чистыми пальцами. Ее замысел – изучить профили модных комиков.

Кроме Дариуса Возняка и Феликса Четтэма, на олимпе комической профессии теснятся еще два десятка человек.

На их официальном профессиональном сайте написано, что одно выступление Дариуса приносило 100 тысяч евро, а Феликс не зарабатывает больше чем на 60 тысяч.

Молодая журналистка убеждается, что умеющие забавлять публику могут зарабатывать колоссальные деньги, но при этом никто им не завидует, не то что промышленникам и политикам.

А ведь это безупречная профессия.

Она открывает свой блокнот на странице с загадкой Феликса Четтэма.

Это не анекдот, тут целая философия.

Вдруг ее внимание привлекает золотая рыбка: что-то она нервничает, быстро снует по аквариуму, выписывая вместо обычных степенных кругов отчаянные восьмерки.

Левиафан хочет что-то мне сообщить.

Она подходит к аквариуму и долго смотрит на карпа. Потом озирается на свой книжный шкаф.

Папки стоят в неправильном порядке. Некоторые не стоят, а лежат на полках.

Кто-то здесь побывал, кто-то рылся в бумагах!

Неизвестный старался не наследить, из чего следует, что это человек опытный.

Вряд ли грабитель, скорее частный детектив. Я расшевелила омут, и кому-то стало тревожно. Кто-то начал проявлять ко мне интерес. Уж не убийца ли?

Она возвращается к аквариуму. Сиамский императорский карп спрятался в длинных водорослях, колеблемых пузырьками, выпускаемыми пластмассовым пиратским корабликом.

– Что ты об этом думаешь, Левиафан? Буду тебя просить наблюдать за происходящим в комнате. Если здесь еще кто-нибудь побывает, потрудишься

выразиться яснее. Поступи, как дельфины: выпрыгни из воды.

Левиафан немедленно разгоняется и выпрыгивает, как ему велено.

Лукреция успевает заметить тень. Кто-то, прятаясь за занавеской, успевает прошмыгнуть в дверь.

Она бросается за ним.

Неизвестный сбегает по лестнице, она тоже.

Он был там! Левиафан пытался меня предостеречь!

У неизвестного тренированные ноги, он набирает скорость.

Что ему понадобилось у меня дома?

Поднятый капюшон не позволяет разглядеть его лицо. Он мчится вниз по лестнице метро, преследовательница не отстает, он перепрыгивает через турникет и выбегает на перрон. Она едва успевает влететь в вагон отъезжающего состава и видит в окно капюшон в проходе, ведущем с перрона к выходу. Она понимает, что незнакомец провел ее, сделав вид, что входит в дверь вагона. Поезд набирает ход.

Раз такое дело, я не стану скромничать. Я должна знать.

Она дергает ручку стоп-крана. Состав тормозит, оглушительно скрежеща колесами. Надрывается звонок. Она вылетает в разъехавшиеся двери и мчится туда, где мелькнул капюшон.

Знакомая фигура ныряет в толпу впереди.

Не дать ему скрыться!

Она решает срезать и сворачивает в боковой коридор, где меньше народу. Она бежит, высматривая его, забывает смотреть себе под ноги и поскользывается на чем-то желтом. На мгновение она теряет ориентацию в пространстве и во времени.

Только не банановая кожура! Только не сейчас!..

Она тяжело плюхается на ягодицы.

Сидящий поблизости нищий с одетой как маленькая девочка обезьянкой на поводке весело хохочет.

«Слепой входит в бар, где полно блондинок, проталкивается к стойке, заказывает пиво и кричит барменше:

– Хочешь анекдот про блондинок?

В баре тишина. Соседка отвечает ему хриплым басом:

– Пока вы не начали, мсье, позвольте рассказать вам о том, чего вы явно не заметили. 1. Барменша – блондинка. 2. Вышибала – блондинка. 3. Во мне метр восемьдесят, я вешу 85 кг, у меня черный пояс по карате, и я блондинка. 4. Рядом со мной сидит еще одна блондинка, чемпион по греко-римской борьбе. 5. Вон там сидит еще одна блондинка, чемпион по поднятию тяжестей. Всем нам безразлична эта тема. А теперь хорошенько подумайте, мсье: вы все еще хотите рассказать этот анекдот?

– Нет, – отвечает слепой, – будет скучно повторять одно и то же пять раз».

Из скетча Дариуса Возняка «Друзья наши звери».

Зрителям в зале «Дыра мира» не смешно. Артист в перекрестье прожекторов заикнулся на анекдотах про заика. Некоторые уже тянутся к выходу. Тем временем комик приступает к очередному скетчу.

Человек в первом ряду уснул и громко храпит, ему не мешает голос комика, неестественно хохочущего над собственными шутками.

– Знаете девиз общества заика? «Дайте нам до... до... до... договорить!»

В конце звучат жидкие хлопки, раздаются даже свистки, кто-то улюлюкает. Комик невозмутимо кланяется, как будто ему устроили овацию.

Зрители не стыдятся отворачиваться от сцены, некоторые, не понизив голоса, называют представление никчемным.

Зал опустел, комик стоит на сцене один, он в растрепанных чувствах.

К нему направляется молодая красотка на высоких каблуках, с осиной талией, с изумрудными глазами.

– Вам понравилось? – удивленно спрашивает он ее и достает ручку, чтобы дать автограф.

У нее в голове крутятся слова Феликса о том, что низвергнуть первый номер – это мечта нуля.

Она представляется. Реакция на слово «журналистка» – улыбка до ушей. Но ее вопрос вызывает у комика разочарование.

– Нет, Себ – это не я. Себ выступает в малом зале «Дырочка» наверху. Поторопитесь, он сейчас начнет... Подождите, как вам мое выступление? Так, для сведения?

– Очень хорошо, очень! – бросает она и торопится в маленький зал этажом выше.

Занавес поднимается, и комик Себастьян Долин, сценический псевдоним Себ, начинает свой первый скетч с акробатики на стуле. При этом он смотрит в зал.

Там пятьдесят мест, но зрителей всего пять.

Он прерывается.

– Знаете что, раз народу очень мало, а уходить мне не хочется, сыграю-ка я кое-что именно для пришедших: изображу вас, публику.

И Себ создает живые карикатуры каждого из пяти зрителей. Первый удивлен импровизацией. Второй озадачен и не торопится смеяться. Третьему хоть палец покажи, все равно прыснет – не зря же платил за

билет. Четвертый устал, вот-вот уснет. Наконец, пятый не в состоянии поверить в происходящее на сцене.

После этого юморист просит всю пятерку пересест в первый ряд и приступает к импровизациям на темы утренних новостей о событиях в стране и в мире.

Получается трогательно и интригующе.

Кто этот человек? Почему его упомянул Четтэм?

Себастьян Долин излучает обаяние, и Лукреция не может остаться равнодушной. Он способен с неподражаемой легкостью импровизировать в любой обстановке, фонтанируя юмором. Пятерка счастливиц очарована, хохочет и аплодирует с таким шумом, словно зал набит под завязку. В конце Себ раздает бесплатные билеты на свое следующее выступление.

Наконец счастливицы расходятся.

Лукреция Немрод, оставшаяся в заднем ряду, ждет, что будет дальше.

На сцене появляется директор.

– Ты молодец, – говорит он Себу Долину. – Отлично выступил!

– Неужели? Вы считаете?

– Вот только публики кот наплакал. Дальше так нельзя.

– Дайте мне еще немного времени, пусть на меня поработает молва. Я готов отдавать вам шестьдесят процентов выручки! – умоляет директора комик. – Для успеха шоу нужно время, сами знаете.

– Шестьдесят процентов от трех платных билетов и двух бесплатных – это как-то не очень, Себ...

– Вы слышали, они смеялись! Они были на седьмом небе! Так и быть, семьдесят процентов!

Директор зала морщится.

– Ничего не поделаешь, Себастьян, рано или поздно каждому приходится собирать манатки и откланиваться.

– Мне тридцать семь лет!

– Солидный возраст для юмориста. Ты начал молодым, в двадцать. Семнадцатилетняя карьера. Ты уже юморист в летах, твоё поколение вкусило славы, но теперь вас теснит молодежь.

– Уговорили, восемьдесят процентов выручки вам, двадцать мне. Сами знаете, я делаю качественный продукт. Публика тоже в курсе.

– Брось, Себастьян. Чтобы приманить публику, одних бесплатных билетов мало. Я не открою тебе Америку: в наши дни успех зависит от телевидения.

– Но качество моего...

– Сначала телик, качество потом.

Себастьян Долин – красавец-мужчина, спортивный, с волевым подбородком. Директор «Дыры мира», наоборот, толстяк с замашками бюрократа в сером костюме, желтом галстуке и дорогих часах. Разговаривая, он разглядывает носки своих надраенных ботинок.

– Девяносто процентов! – хватается за последнюю соломинку юморист.

– Театр – как булочная: здесь важен оборот. Что толку предлагать самые лучшие круассаны, если нет покупателей? Раз так, остается только сунуть ключ под дверь или уйти в закат. Пойми меня правильно, Себ, мне очень нравится то, что ты делаешь, здесь не о чем говорить. Я самый преданный твой зритель. Но я не меценат, не министр культуры, я просто накопил денег и купил зал. Я в долгах. У меня и так беда с балбесом, выступающим внизу, я не могу себе позволить рисковать.

– Поставьте себя на мое место.

– На него приходят девяносто простофиль, и они разочарованы. От тебя ушли окрыленными пятеро. Арифметика говорит в его пользу. Касса – вот мерило успеха. Для меня это лучший показатель. Ты скорее всего самый остроумный и самый талантливый из всех, кто выступал в этом театре, но люди этого не знают. А почему? Потому что у тебя нет прессы. А молва – это слишком долго. Пойми меня. Я возьму комика Бельгадо.

– Алена Бельгадо? У него все шутки про пинки в задницу.

– Возможно, зато он нравится молодежи, его показывают по главным телеканалам. Наверное, штука в том, что пинки в задницу – греховная тема. Ты бы мотал на ус. Шутил бы более греховно, что ли.

– Как насчет некрофилии? Совокупление с трупами для вас достаточно греховно?

– Почему бы нет? Я серьезно, Себ, пора сбросить маску, наскандалить, не бояться шокировать. Юмор должен тревожить. Пинки в задницу – это просто, но ниша занята, на этой площадке царит Ален.

Себ глубоко вздыхает.

– В общем, так: только не выгоняйте, позвольте играть. Сто процентов выручки ваши.

Расчувствовавшийся директор кладет руку ему на плечо.

– Это было бы непрофессионально. Ты и так сидишь без гроша. Я не могу допустить, чтобы ты работал бесплатно, ты же не собака!

– Это мой сознательный выбор. Я слишком люблю сцену, чтобы бросить это ремесло.

– Меня совесть замучает. Негоже разорять бедных талантливых комиков.

– Как будто нравственнее выпускать на сцену богатых бездарностей! Сами знаете, кто такой Ален Бельгадо: сынок производителя сахарной свеклы, от безделья занявшийся стенд-апом. В телевизор он пролез благодаря папаше, скупающему рекламное время.

– Не надо злобствовать. К чему эта ругань в адрес коллег? Ты забываешь одно: только когда ты попадешь на телеэкран, ты – не хочу тебя обижать – станешь нормальным человеком.

Юмориста перекашивает: для человека его профессии это худшее оскорбление.

– Остынь, Себ, послушай дружеского совета: в твоём случае желание продолжать карьеру – это проявление болезненного упрямства.

Лукреция Немрод, сидящая в тени, в последнем ряду, боится шелохнуться, чтобы не пропустить ни одного слова.

Себастьян Долин хочет что-то ответить, уже открывает рот, но потом машет рукой и, тяжело шагая, уходит.

Лукреция незаметно юркает за ним следом.

Себастьян Долин толкает дверь ближайшего кафе, здоровается с несколькими посетителями, садится за стойку и просит водки.

Хозяин кафе радушно его приветствует, но его ответ – как холодный душ:

– Мне очень жаль, Себастьян, но я больше не могу тебя обслуживать. Ты уже задолжал мне больше тысячи евро.

Он тычет пальцем в висящий над бутылками лозунг:

«МЫ ДОРОЖИМ НАШИМИ ДРУЗЬЯМИ, ПОЭТОМУ НЕ ОТПУСКАЕМ В КРЕДИТ».

– У меня был тяжелый день. Одну рюмку! Я дам тебе бесплатные места на мое следующее шоу.

– Я уже ходил на твоё шоу с сыном, ему не понравилось.

– Ему всего три года! Он все время плакал и всем мешал.

Но хозяин кафе неумолим.

– Комическое представление не должно расстраивать детей до слез. Ты бы задумался, что ты делаешь не так, Себ.

Хозяин кафе смотрит на него с укоризной, потом в нём просыпается совесть, он тянется за бутылкой водки и наливает полную рюмку.

– Это в последний раз.

Через час шатающийся Себастьян Долин покидает закрывающееся заведение. Хозяин не сдержал свое обещание.

Комик приваливается к тумбе с афишами, потом сползает по ней на тротуар. Помочь ему встать некому, и он расплывается, как

беспозвоночное.

Молодой человек в кепке делает вид, что хочет его поднять, но вместо этого запускает руку ему в карман и похищает кошелек.

Лукреция Немрод, видевшая издали эту сцену, преследует вора, хватая его и наносит удар в печень. Пока он корчится на земле и хватается ртом воздух, она завладевает кошельком, чтобы вернуть хозяину, боящемуся отцепиться от фонаря.

Себастьян Долин открывает один глаз и вместо благодарности бормочет:

– Все равно он пустой.

Она помогает ему идти. Он опирается на ее плечо, возвышаясь над ней, как готовая рухнуть каланча.

– Я была на вашем выступлении, а потом слышала ваш разговор с директором зала. Я журналистка и...

Он отталкивает ее, чуть не падает, но умудряется сохранить более-менее вертикальное положение.

– Не лезьте не в свое дело! Оставьте меня в покое! Обойдусь без вашей жалости!

Лукреция делает вывод, что ключик «признание» здесь не подходит.

Придется изобрести новый ключ от защитного барьера этой пташки, выпавшей из гнезда. Ему хочется катиться по наклонной плоскости? Попробуем облегчить ему путь.

– Можно пригласить вас на рюмочку? Вам надо выплеснуть эмоции.

Он склонен отказаться, но у него не выходит.

Они идут дальше вместе.

– Я проголодалась, – сообщает она.

Она находят индийский ресторан, один из немногих, еще открытых в этот поздний час. Он падает на стул, она заказывает бутылку вина.

13,7 градуса? Хватит, чтобы развязать ему язык.

Он торопливо осушает первый бокал.

– Мне не нужна ничья помощь, – бормочет Себастьян Долин. – Тем более от журналиста. Ик! Они никогда мне не помогали. Они всегда игнорировали или презирали мою работу. Где они были, когда могли меня спасти? А теперь пусть идут к черту. Поезд ушел.

– Скажите, мсье Себ, сколько дней вы не ели?

Торчащие скулы и общая худоба – свидетельства вынужденного поста. Она заказывает цыплят тандури и лепешки с сыром.

– Я не голоден.

Она подливает ему бордо.

– Что вам от меня надо?
– Я работаю над репортажем о смерти Дариуса.
– Не собираюсь его обсуждать. Лучше поговорим обо мне. Меня интересует одно: я сам.

– Вы не могли оставить незамеченной его смерть.

– Заметил, заметил!

Он пьяно хохочет.

– Я очень рад, что этот пузырь лопнул, что его пожирают черви, что он гниет в земле! Я как раз собирался помочиться на его могилу. Довольны?

Переходя от слов к делу, он поднимается, чтобы выпустить в туалете часть поглощенной за вечер жидкости. Вернувшись, он безнадежно возится с ширинкой.

– Вы были знакомы? – спрашивает Лукреция.

– Были. Он посетил мое первое представление. Я усадил его в первом ряду, заставил зал аплодировать ему: «Сегодня у нас праздник, в зале присутствует лучший среди нас, Циклоп, Дариус Великий собственной персоной!» Он встал, и все зрители, мои зрители, не щадили ладоней в его честь. Тогда я собирал по 150–200 человек. После представления он пришел ко мне и сказал – я запомнил слово в слово: «Три твои скетча мне очень приглянулись, я буду их исполнять». Я решил, что ослышался. «Хотите их у меня приобрести?» – спрашиваю. А он и говорит: «Нет, идеи принадлежат всем, я их беру, и дело с концом». Я ему: «Это же я написал скетчи, я – их отец». Он взял меня за плечо. «Идеи принадлежат не тем, кто их создал, а тем, у кого есть средства их распространять. Если бы твои скетчи были живыми существами и должны были выбрать себе отца, они, бесспорно, остановили бы выбор на мне, знаменитом комике, а не на тебе, Себ, мелком и неизвестном. Не будь эгоистом, отнесись к своим скетчам как к выпущенным на свободу детям, которым хочется поменять семью, чтобы полностью развиваться».

Кажется, Себастьян Долин снова переживает эту сцену наяву.

Официант в тюрбане и в туфлях с загнутыми носами приносит ему цыплят тандури, и он жадно набрасывается на еду.

– Хорошо помню его следующие слова: «Считай меня щедрым приемным отцом. Я дам твоим детям образование, засыплю их подарками, покажу им мир». «А я, их биологический отец, не позволю их похитить» – был мой ответ. Тогда он заговорил совсем другим, угрожающим тоном: «Кажется, ты не отдаешь себе отчета, с кем разговариваешь. Что ж, дело твое, Себ. Я бы предпочел договориться полюбовно, но раз ты не хочешь устроить все по справедливости, я попросту заберу то, что мне требуется, а

если тебе это не понравится, если ты вздумаешь встать у меня на пути, я тебе ребра переломаяю, ты пожалеешь, что появился на свет».

– Мы точно говорим о Дариусе Возняке? – не верит своим ушам Лукреция.

– А вы решили, что я все это выдумал? О нем самом, о Циклопе! О человеке с сияющим сердечком в глазу. Об идоле толпы.

Она молча смотрит на него.

– Как ни трудно мне вам поверить, продолжайте. Что было потом? – Лукреция Немрод прилежно записывает, показывая ему, что сохранит сказанное им.

– Дариус не соврал: он стал исполнять мои скетчи, не меняя в них ни словечка. Правда, зрителей у него набиралось тысячи, не то, что у меня. Этот негодяй все продумал: он включил на моем спектакле диктофон своего мобильного. Три моих лучших скетча! Это как если бы у меня была галерея и он украл оттуда и перепродал три лучших картины. Форменный грабеж!

Себ в сердцах швыряет на пол вилку, тут же поднимает ее под укоризненными взглядами других посетителей и вытирает салфеткой.

Чтобы разрядить обстановку, Лукреция достает подарок Стефана Крауза, брелок со смехом. Механический хохот позволяет всем перевести дух.

Себастьян Долин рассказывает дальше.

– Представляете, полные залы аплодировали моим шуткам, моим диалогам, моим персонажам. Он своровал у меня даже мимику, даже позы и повороты головы.

Она подливает ему вина, уже чтобы успокоить, потому что язык развязался полностью.

– Я подал на него в суд, было разбирательство. Но вы знаете поговорку: «Хороший адвокат знает закон, очень хороший – судью».

И он сам смеется своей шутке.

– У Дариуса был именно такой защитник, дорогуший адвокат, всеобщий знакомец. Якобы не проигравший ни одного процесса. Мой он выиграл без малейшего труда. Но это были еще цветочки. Суд не только закрепил за ним право использовать мои скетчи, но и приговорил меня к возмещению всех ЕГО расходов в связи с моим «злоупотреблением правосудием с целью причинения ущерба публичному лицу». Мне еще пришлось с ним расплачиваться!

Вилка опять летит на пол, но Лукреция ловит ее на лету и отвлекает рассказчика, наливая вино в его бокал. Желая его успокоить, она говорит:

– Прав был Лафонтен: у сильного всегда бессильный виноват.

– У сильного – бессильный, так и есть. Но и это еще не конец. Моя адвокатесса, скорчив рожу – мол, очень жаль, не повезло, аргументы противной стороны лишили нас всяких шансов, – подошла к Дариусу за автографом! Никогда ей этого не прощу! Ладно бы она одна, так еще и судья: «Я не для себя, а для сына, он в вас души не чает». После этого встал в очередь весь зал, как будто это был не суд, а спектакль Дариуса. Гиньоль поставил на колени Ньяфрона!^[13] Роль Ньяфрона сыграл я.

Себастьян Долин с саркастическим смехом рвет зубами лепешку и продолжает с полным ртом:

– Но его ненависть ко мне еще не была утолена. Дариусу мало было украсть у меня спектакль, разорить, унизить в суде, ему понадобилось исполнить обещание и в фигуральном смысле переломать мне ребра. Он постарался, чтобы я фигурировал во всех стоп-листах всех телеканалов.

Торговец цветами, приняв их за влюбленную парочку, предлагает букет жасмина, издающий сильный искусственный запах. Лукреция отрицательно крутит головой, но торговец не отстает.

– Поздно, мы уже переспали, – говорит она ему, чтобы отшить.

Бедняга пятится от их столика и предлагает свое чудо цветоводства другой паре.

– Как один комик может запретить другого? – недоуменно спрашивает она.

– Очень просто: обронить фразочку вроде: «Если в вашей передаче появится Себ, меня можете не звать». Достаточно сказать это всего раз одному-единственному журналисту – и пороховая дорожка добежит куда надо, ему даже не нужно повторять свою угрозу, ее успешно разнесут и намотают на ус.

– Вы его ненавидели?

– Слишком слабое слово, чтобы передать мое отвращение к этому субъекту.

– Вас обрадовала его смерть?

– Я отпраздновал ее шампанским. Плясал один перед домашним телевизором, когда показывали его похороны.

– Это вы его убили?

Он нервно давится.

– Нет, мне не хватило бы смелости. Но я очень сожалею об этом. Если бы я это сделал, то мог бы без стыда смотреться в зеркало, это точно.

– Если предположить, что это убийство, то кому, по-вашему, хватило бы на это смелости?

Он задумывается.

Индуc приносит десертное меню. Лукреция выбирает блюдо с непонятным названием «гулаб джамун». Им подают залитые медом шарики из манки с шафраном.

Себастьян Долин ест с аппетитом, самозабвенно, размашисто двигая челюстями, словно перекусывая хребет невидимому врагу.

Он делает неопределенный жест.

– Любому из комиков, всех не перечислить. Все, кроме шайки его сообщников, были настроены против него. Я имею в виду тех, кто знал, что он собой представляет.

Опять требуется разрядить атмосферу, для этого годится брелок со смехом. Себ озадаченно глядит на «испуганную деву».

– Хуже всего то, что суд имел губительные последствия. Усилиями прессы он послужил предостережением для всех остальных. Комики перепугались. Теперь их можно безоглядно грабить.

– Мне трудно представить Дариуса таким, каким вы его рисуете. Но так же трудно счесть все эти подробности вашей выдумкой...

Он плещет вино в свой недопитый бокал, вино течет на скатерть.

– Дариус был вором. Он похищал шутки у их создателей. Собирал ничейные шутки, не стесняясь их присваивать.

А Исидор может оказаться прав!..

– Когда все остальные комики смекнули, что это за человек, они встали в нейтральную позицию: при его появлении они прерывали выступление. Это был единственный способ заявить о неприятии его сомнительных приемов.

– С другой стороны, он помогал молодым, создал Школу смеха, продвигал новые таланты, разве нет? Он не боялся создавать себе конкуренцию.

– Это было хуже всего! Если у вас остаются сомнения, советую посетить его великий благотворительный проект, так называемый Театр Дариуса, открывающий юные комические таланты. И как следует присмотритесь. Там вы получите ответ на вопрос, кем был на самом деле Дариус.

Лукреция Немрод не знает, что подумать.

Себастьян Долин все пьет и пьет, пока не напивается совершенно допьяна.

За его спиной картина во всю стену, на ней блещет золотом и серебром великолепный дворец.

3212 г. до н. э.

Индия, город Хараппа.

Девушка танцевала на цыпочках, под завораживающую мелодию бубна, флейты и арфы.

Люди, преодолев проблемы с пропитанием, безопасностью, архитектурой, общественным устройством, политикой, гигиеной, получили возможность посвящать свободное время не самым обязательным занятиям. К ним относились религия, живопись, музыка, танец, игры, литература.

После представления к танцовщице пришел молодой принц. Он показал ей папирус, на котором его писец изобразил всевозможные сексуальные позиции, и указал на ту, что была обозначена индийской цифрой 83.

Молодая танцовщица повертела рисунок и сообразила, что предлагает ей принц.

Она согласилась, и они поднялись в спальню, где громоздилось огромное ложе, заваленное алыми подушками.

Она встала на четвереньки, он пристроился к ней так, как было указано на рисунке, их ноги переплелись.

Потом руки. Слияние двух ртов, сладострастное колыхание тел. Принц был танцором не хуже ее. Рядом с ними курился ладан.

Наслаждению не было конца.

Кожа девушки пахла цветами магнолии.

Наконец мужчина забился в сладостной судороге, женщина издала долгий стон.

Они хотели разъединиться, но не тут-то было: он застрял у нее внутри.

Сначала им было забавно, но затруднение не проходило, и обоим стало не до смеха. Принц решился вызвать слуг. Те, прибежав на зов, увидели два сплетенных тела и не смогли удержаться от хохота.

Контраст между счастливым мгновением и постыдной развязкой разил наповал.

Так родился анекдот, сопровождаемый картинкой.

Дело было в четвертом тысячелетии до н. э. Тогда и была изобретена первая сексуальная шутка.

Один из слуг – его звали Пребод, – занимавшийся йогой, вдохновился

этой шуткой и изобрел смеховую йогу: это когда человек делает все, чтобы смеяться как можно дольше.

Большая история смеха. Источник: GLN.

Снаружи Театр Дариуса похож на цирк. Афиши и розовые неоновые объявления заключены в рамки из мигающих лампочек.

Каждая дверь украшена, как гербом, флажком с символом Дариуса. На каждом флажке черная ленточка – напоминание о недавнем уходе основателя театра в мир иной.

Лукреция Немрод встает в длинную очередь зрителей. Дойдя до окошечка кассы, она предъявляет свою карточку прессы, надеясь на скидку, но кассир объясняет, что бесплатные места предоставляются только специально приглашенным журналистам, а скидка предназначена только для инвалидов, студентов, безработных и вдов воинов, погибших в боевых действиях.

– Во Франции это проблема, – считает нужным развить тему кассир, говорящий с сильным славянским акцентом. – Французы – противники неравенства, но сторонники привилегий.

Он очень доволен собой, хотя подсмотрел эту фразу в заголовке театральной афиши.

Лукреция платит и проходит билетный контроль.

Зал вмещает более 400 зрителей. Вокруг центральной сцены расположены удобные кресла. В сущности, это боксерский ринг, окруженный канатами и освещенный мощными прожекторами.

Все рассаживаются и ждут. Под оглушительную музыку из фильма «Рокки» на ринг выходят две команды, синие и красные, по шесть человек в каждой.

Лукреция Немрод узнает членов Лиги импровизации, уже выступавших по телевидению, юных комиков-выпускников новой Школы смеха.

Еще одно детище Дариуса.

Прожекторы освещают участников по одному, каждому достаются аплодисменты. Они по-боксерски поднимают руки и расходятся по углам ринга.

Гремят фанфары, в центр сцены выходит новый персонаж.

Это человек в розовом костюме, светло-розовой рубашке, темно-розовом галстуке. Сегодня роль ведущего исполняет родной брат Дариуса Тадеуш Возняк.

Он приветствует зал, ждет, пока стихнут аплодисменты, и берет

микрофон.

– Дамы и господа, сегодня особенный день. С нами больше нет Дариуса Великого.

С потолка спускают огромную матерчатую фотографию: Дариус, приподнимающий свою повязку и демонстрирующий глазницу со сверкающим сердечком.

– Дариус не хотел бы, чтобы вы грустили, – продолжает Тадеуш. – Знаю, будь он в этот вечер с нами, он счел бы лучшей памятью о себе сумасшедший хохот.

Одни зрители хлопают, другие заставляют себя смеяться.

– Дариус говорил: «Люди умирают, шутки остаются». И я предлагаю, чтобы в сегодняшней битве импровизаций над рингом парил дух Дариуса.

Зал поддерживает его слова бурей аплодисментов.

– Тем, кто здесь впервые, я напоминаю принцип импровизационного турнира. В качестве арбитра, я вытягиваю из шляпы записку с темой. Команды выставляют тех, кто за нее возьмется.

В зале свист: с правилами все знакомы, не тяните!

– Сражаться можно один на один, двое на двое и так до шести. А можно один против двоих, двое против четырех, даже один против шестерых. Всё решают капитаны команд. После каждого тура вы аплодируете, а наш прибор, измеряющий силу аплодисментов, определяет, кому отданы ваши симпатии. Всего туров двенадцать. Потом вам будут представлены по одному члены команды-победительницы, и вы выберете среди них лучшего.

Новый взрыв одобрения.

– Победителю предоставляется право выступить со скетчем в телепрограмме «Шоу Дариуса».

Лукреция делает записи.

Тадеуш представляет 12 участников. Те снимают плащи и остаются в шортах и футболках соответствующего цвета, с большой цифрой на груди и на спине, совсем как у хоккеистов. Синие против красных.

Лукреция вспоминает, что турниры юмористической импровизации родились в Квебеке и завоевали успех у «кузенов» в Монреале, прежде чем перебраться во Францию.

Двенадцать юмористов обмениваются рукопожатиями.

После этого Тадеуш Возняк вызывает обоих капитанов, и те бросают жребий, кому начинать.

Капитан красных запускает руку в шляпу Тадеуша, разворачивает бумажку и громко зачитывает:

– «Ваша мать узнаёт, что вы наемный убийца. Придумайте диалог».

Капитаны совещаются с командами. Синие выставляют азиатку с номером 4, красные, для контраста, – угрюмого чернокожего на роль сына.

Команды поддерживают своих выдвиженцев и шепотом дают советы. Капитаны благословляют соперников на бой.

Те встают друг напротив друга и начинают диалог.

После третьей реплики за спиной у Лукреции раздается крик:

– СМЕШИТЕ ИЛИ ВЫМЕТАЙТЕСЬ!

Зал подхватывает это требование, подстегивающее шутников.

Девушка из синей команды, изображающая мамашу, постепенно берет верх, парень из красной все больше пасует, занимая оборонительную позицию, странную для наемного убийцы.

Зал снова орет:

– СМЕШИТЕ ИЛИ ВЫМЕТАЙТЕСЬ!

Хохот все громче, кто-то уже близок к истерике, гримасы двух комиков все смешнее, волнение все более осязаемо. Публика молодая, восприимчивая, перевозбужденная, она свистит, хлопает, возмущается.

Звучит гонг. Соперники, совсем как изнуренные боксеры, возвращаются в свои углы, где их ждут капитаны.

Тадеуш приглашает обоих в центр ринга. Он задирает руку девушке, зал аплодирует, прибор показывает 14 баллов из 20. Когда он задирает руку парня, аплодисменты достигают только 11 баллов.

Тадеуш объявляет, что в первом туре победила девушка.

Он вызывает капитана другой команды, и тот вытягивает следующую тему: «Скандал на совещании совладельцев жилого дома: они не могут договориться, можно ли ездить в лифте с собаками». Обе команды выставляют полные составы.

Лукреция Немрод спохватывается, что поневоле хохочет. Это подтверждает высокое качество представления и талант комиков.

Остальные 400 зрителей не отстают от нее.

Кто-то опять кричит:

– СМЕШИТЕ ИЛИ ВЫМЕТАЙТЕСЬ!

Два часа пролетают для Лукреции, как пятнадцать минут. Победа остается за синими.

Все участники выходят на ринг по одному, молодая азиатка, изображавшая мать убийцы, получает, судя по прибору, максимальное одобрение.

Она и объявляется победительницей матча.

Тадеуш Возняк протягивает ей микрофон.

– Я выиграла, – радостно говорит она, – потому что в меня вселился дух Циклопа. Я все время спрашивала себя, что делал бы на моем месте Дариус.

– Твое имя?

– Ин Ми. Я хочу сказать, что для всех юмористов Дариус останется примером для подражания.

Волнение зала достигает предела, все аплодируют стоя.

Тадеуш ждет, чтобы шум немного утих, и объявляет:

– Мы увидим блестящую Ин Ми в следующем выпуске телепрограммы «Шоу Дариуса».

Из колонок раздается голос Дариуса:

«В один прекрасный день весь мир засмеется, и тогда не останется нищих детей, умирающих от голода бедняков, люди откажутся воевать. Мир не будет уже ни черным, ни серым, ни белым, он станет розовым».

Начинает звучать «Адажио для струнного оркестра» Сэмюэла Барбера, исполнявшегося на похоронах Джона Кеннеди. Контраст с музыкой из «Рокки», которой открылось представление, потрясает.

Музыка смолкает, весь зал встает и аплодирует огромной фотографии Дариуса.

Росказни Себастьяна Долина – клевета. Не мог такой человек красть чужие идеи. Это был творец, создатель, без него не было бы этого театра. Благодаря ему эти молодые таланты могут демонстрировать свои возможности и набирать высоту. А Себ всего-навсего завистливый артист-неудачник.

На выходе Лукреция Немрод настигает победительницу, Ин Ми.

– Я – журналистка «Геттёр Модерн», – представляется она. – Как вы объясняете свой сегодняшний триумф?

– Я одержала победу, потому что в меня вселился дух Дариуса, – заученно произносит Ин Ми. – Все состязание я спрашивала себя, как действовал бы Дариус.

Лукреция понимает, что у девушки уже выработан стиль общения с прессой: она сообразила, что, чтобы быть понятой, надо твердить одно и то же.

– Вы входили в число его учеников? Каким он был наставником?

– Внимательным и великодушным. Он стремился помогать. Исправлял наши ошибки, неизбежные для начинающих. Всегда подбадривал, никогда не упрекал и не осуждал. Например, нам запрещалось насмехаться над работой коллег. За одно это мы должны быть ему признательны. Такого прекрасного человека не будет еще долго.

– А что вы думаете о юмористах нового поколения?

– У меня впечатление, что они разучились стараться, трудиться. Люди воображают, что получают все в готовом виде. Свою сегодняшнюю победу я выковала неустанными двухлетними усилиями.

Ин Ми считает необходимым завершить беседу шуткой:

– Знаете, даже форма египетских пирамид свидетельствует, что еще в далекой древности рабочие норовили работать как можно меньше.

– Ваша шутка?

– Нет, Дариуса. Так он нам говорил, когда мы слишком ленились.

2630 г. до н. э.

Египет. Мемфис.

– Как, говоришь, его зовут?

– Имхотеп, ваше величество. Он хороший писец родом из Гебелейна, деревушки в южном предместье Фив. Не знаю, что на него нашло, – продолжил первый министр. – Не иначе, с ума сошел. Не тревожься, о великий, он получит по заслугам.

Фараон Джосер, основатель III династии, почесал смазанную жиром цилиндрическую бородку. На разложенных перед ним папирусах было изображено нечто очень странное.

До сих пор монарх читал только донесения о битвах, списки сокровищ, карты неведомых краев. Теперь же его вниманию предлагалось невиданное: история выдуманного фараона, названного сочинителем Сисебеком.

– Повелеваю: читай!

Робкий министр, преодолев смущение, стал громко читать по папирусным свиткам:

– «У этого фараона была привычка есть перед сном. Но однажды вечером, сев за стол, он обнаружил, что все блюда несъедобны. У мяса был вкус глины, у всех напитков – вкус воды. Он лег спать, и все его тело покрылось потом.

Сисебек позвал своих врачей. Те сообщили, что он болен той же болезнью, от которой умер его отец. По их словам, средства от нее не было. Фараон Сисебек заподозрил их в желании отомстить ему за введение нескольких законов против врачей. Он бросил обвинение, врачи оправдывались, фараон угрожал, уверенный, что они могут его вылечить, но злобно отказываются. Под нажимом врачи сознались, что выход есть: надо позвать колдуна Мерите. Вспыльчивый фараон разгневался и обвинил своих врачей в том, что они не додумались раньше сообщить ему о существовании колдуна с исключительными способностями».

Министр умолк и опасливо посмотрел на своего фараона.

– Должен ли я приказать схватить глупого писца, сочинившего эту оскорбительную историю?

Фараон Джосер ответил коротко:

– Читай дальше!

Ревностный министр простерся ниц и, упершись лбом в пол, возопил:
– Это конец. Все это неправда. Вспыльчивый фараон, неумелые лекари, колдун, лечащий любую хворь... Никакой логики. А уж картинки...

Фараон Джосер не спускал глаз с текста, но при последних словах своего министра обратил внимание на рисунки и понял, в чем состоит затруднение первого министра. Фараон Сисебек был изображен с львиной головой, лекари – с шакальими головами, слугами были мелкие бабуины, первый министр – крысой. При этом всех можно было опознать по одежаниям и по символам должностей.

– Животные, выраженные в людей, – это оскорбительно и для тебя, владыка, и для нас.

Фараон Джосер немного поразмыслил, как поступить, а потом рассмеялся. Он потребовал, чтобы к нему немедленно привели автора этой сказки, знаменитого писца Имхотепа.

Стражники нашли виновного, схватили и приволокли во дворец.

Там его швырнули к ногам фараона Джосера. Тот, встав с трона, приблизился к молодому человеку, удерживаемому стражниками в позе покорности. Тому было на вид не более двадцати лет.

– Прости, владыка, я не ведал, что творю, у меня и в мыслях не было тебя обидеть! – бормотал он, не поднимая глаз на властелина.

– Казнить его? – осведомился первый министр.

Но фараон вопреки ожиданиям помог молодому писцу встать.

– Хочу задать тебе вопрос, Имхотеп. Ты написал продолжение рассказа про фараона, лекарей и колдуна?

– Я...

– Не бойся. Мне понравилось. Хочу узнать продолжение.

Стражник развернул еще несколько папирусных свитков. Фараон вернулся на трон и повелел продолжить чтение.

Первый министр повиновался.

– «Волшебник Мерите простукал Сисебека и заявил, что знает, как его лечить, вот только со снадобьем не все так просто. Чтобы исцелить фараона, волшебник должен будет принять смерть».

Фараон разразился хохотом.

– Замечательно! Откуда у тебя такие мысли?

– Придумал... Это же все неправда. Для того я и нарисовал их с головами зверей, чтобы это не приняли за правду.

– Читай! – велел Джосер.

– «Принести в жертву волшебника было единственным способом

спасти фараона. Тот начал торговаться, суля Мерите щедрые награды за согласие на спасительную смерть.

Волшебник все не соглашался, Сисебек повышал ставки. Он пообещал сыну волшебника привилегии при дворе после смерти отца. Но этого было мало. Тогда фараон объявил, что провожать волшебника в последний путь будет в слезах весь Египет, что будет учрежден его посмертный культ с прославлением во всех храмах, начиная с Геолиполиса, где его имя выгравировуют на стенах. Но волшебник все еще колебался. Он говорил, что ему будет жаль умирать теперь, когда он узнал о доброте великого фараона, с которым ему повезло увидеться. Он находил это несправедливым».

Фараон Джосер засмеялся еще громче.

Первый министр продолжил чтение, а к Имхотепу вернулась надежда.

– «Наконец волшебник уступил, но продиктовал свои условия: властелин клялся богом Птахом держать взаперти его жену, чтобы не позволить ей встречаться с другими мужчинами. Еще он потребовал, чтобы вместе с ним приняли смерть все лекари, презиравшие его и скрывавшие его существование.

Фараон на все согласился.

В назначенный день волшебник Мерите умер. Его путешествие в страну мертвых было долгим. Наконец он повстречал богиню Хатор и спросил ее, что происходит на земле. Богиня рассказала, что после его смерти фараон взял себе его жену и назначил ее царицей. Тогда Мерите решил вернуться назад и все поправить».

Первый министр дочитал папирус до конца. Фараон Джосер вдоволь нахохотался.

– Хочу продолжения. Я требую! Я люблю твои истории, Имхотеп, они такие забавные!

– Дальше я еще не придумал.

– Назначаю тебя моим официальным писцом-юмористом. Твоя обязанность – смешить меня рассказами о приключениях волшебника-призрака, этого Мерите. Хочу, чтобы он отомстил, понятно?

Изучив рисунки, фараон Джосер добавил:

– Очень мне по сердцу твоя идея изобразить героев с головами зверей!

В этот миг Имхотеп стал изобретателем мультипликации, комиксов и принципа сказки про животных. Некоторые картуши с текстами Имхотепа рисовали на вазах и изображали в виде барельефов на стенах домов.

Люди чаще всего не понимали эту историю, но им забавно было смотреть на львов, выряженных в фараонов, на лис в пастушьих плащах, ведущих к озеру стаи уток, на обезьян, играющих на арфах мышам в

женских одеяниях, принимающим подарки от солдат с шакальими головами.

Большая история смеха. Источник: GLN.

Выражение замкнутости и осуждения на лице.

– Не верю ни единой секунды!

Молодая научная журналистка отшатывается, словно с целью избежать ядовитых стрел, выпущенных в нее начальством.

– Я на верном пути.

– Какой еще «путь»? Вы смеетесь надо мной, мадемуазель Немрод? Целых три дня возитесь с этой темой – и какие-то жалкие обрывки!

Молодая женщина не может шелохнуться. Кристиана Тенардье зажигает свою толстую сигару и продолжает ее словесно уничтожать.

– Предположим почти невероятное – убийство. Как вы это себе представляете практически?

Лукреция Немрод не позволяет сбить ее с толку.

– Тут что-то хитроумное, какое-то доселе неведомое оружие. Умудренный, изощренный убийца. Тайный мотив.

– Вы понимаете, что все это – фальшивая журналистика, поверить в это могут разве что читатели из провинции?

Твердо стоять на своем. Ни шагу назад.

– Я приготовила для вас улики.

Завредакцией брезгливо толкает ногтем предметы, разложенные по ее мраморному столу. Здесь синяя шкатулка с буквами ВQT и предупреждением «Не смейте читать», почерневшая фотобумага, нечеткий снимок грустного красноносого клоуна, физиономии Стефана Крауза, Себастьяна Долина, Феликса Четтэма.

– Ну и что? Дариус находился один в запертой гримерке. Ранений не обнаружено, следов взлома тоже. Никто на свете, кроме вас, не считает его смерть насильственной.

– «То, что ошибающихся много, не значит, что они правы», – цедит сквозь зубы Лукреция.

Никогда еще этот лозунг Исидора не звучал так уместно.

– Я слышала, не сомневайтесь. То, что вы одна несете чушь, не значит, что вы правы, – не лезет за словом в карман завредакцией.

Две женщины распинаят друг друга взглядами. Кристиана Тенардье окутывается густым облаком дыма.

– Кем вы себя возомнили, мадемуазель Немрод? Решили, что вам все можно, раз у вас грудь торчком и попа как орех? Вздумали квохтать, как

перепелка из холодильника в супермаркете?

Но этим Лукрецию не проймешь.

– Дайте мне еще немного времени. Это непростое дело.

– Сколько?

– Неделю.

Кристиана Тенардье чиркает спичкой о свою подошву и раскуривает грозившую потухнуть сигару.

– У вас пять дней, не больше и не меньше.

Шикарно! Хватит и трех.

– И не забудьте, что ваше место у нас в редакции висит на волоске. Безработных журналистов пруд пруди, как и желающих занять ваше место. Все это усердные, серьезные люди, способные добывать неопровержимые доказательства.

Лукреция готова сгрести все ее сигары и запихнуть ей в глотку.

Она уверенно кивает.

– Конечно, я понимаю.

– Я жду эксклюзива! Сказано вам, я хочу удивиться. Уравнение проще простого: либо успех, либо на выход. Третьего не дано. Улавливаете?

Лукреция Немрод сжимает кулаки, представляя разные способы сократить земные дни начальницы, один другого экзотичнее.

– Кстати, мне просто любопытно: кажется, вы побывали в Театре Дариуса. Кто выиграл в турнире Лиги импровизации, китайка?

Не надо ее недооценивать. Она все слышит, много знает, она в курсе всего происходящего. Неумение писать еще не неумение наблюдать.

– Она самая, китайка.

– Красивая?

– Почему вы спрашиваете?

– У меня своя теория: функция создает орган. Отсутствие функции приводит к атрофии органа. Остроумными бывают только дурнушки. Потому что иначе им нельзя.

Глядя, как начальница сгибается пополам от смеха, Лукреция Немрод убеждается, что смех может быть ужасно неуместным.

– Представьте, эта китайночка и красива, и остроумна, – отвечает она. – Она очаровательна!

1268 г. до н. э.

Северный Китай. Царство Шан, ныне провинция Хэнань.

21-й правитель династии Шан в нетерпении ждал прибытия своей армии.

Генерал, командовавший войсками в войне с враждебным царством Туфан, вошел, опустился на одно колено и доложил:

– Победа осталась за нами, о повелитель.

Правитель облегченно перевел дух.

– Браво, генерал.

Военачальник снял шлем и тряхнул длинными волнистыми волосами. Это была принцесса Фу Хао, фаворитка правителя У Дина из его гарема.

Он вспоминал, как сам громил племена И, Ба и Куан, возглавив 5-тысячную армию. Но принцесса Фу Хао настояла, что сама поведет армию на войну с правителем Туфана. У Дин не сомневался, что она потерпит неудачу, но был так впечатлен волей и решимостью молодой женщины, что подчинил армию ей.

Никогда еще на женщину не возлагалось такой ответственности.

Принцесса-воительница сняла с плеча суму и возложила к ногам своего властелина шар, оказавшийся головой правителя Туфана.

– Вся вражеская армия уничтожена, все их города захвачены, о повелитель, – доложила она.

– Не думал, что ты добьешься успеха, – признался он.

Правитель У Дин знал, с кем имеет дело. Фу Хао была жестокой, властной, тираничной. Он наблюдал, как она командовала войсками, издавая крики нетерпения, как казнила командиров, которых сочла неумелыми.

– Хочу просить тебя о милости, о великий.

– Говори.

– Хочу, чтобы никто не забывал, что победу в величайшей войне Шана одержала женщина.

Он встал и поправил меч на поясе.

– Не тревожься, я велю это провозгласить.

– Нет, о повелитель, я хочу не только провозглашения этого подвига. Пусть он будет записан во всех подробностях с моих слов.

– Это лишнее, все и так узнают.

– Все в этом поколении, но следующее забудет. Никто уже не сможет поверить, что женщина привела армию из одних мужчин к победе.

Правитель усадил ее.

– Я не шучу, о повелитель. Хочу, чтобы ты вызвал писца. Я продиктую ему подробности нашей великой победы.

Правитель У Дин трижды хлопнул в ладоши. Прибежавший писец поприветствовал своего повелителя, как должно.

– Писец! Записывай приключения...

– Подвиги, – поправила она.

– Извини, подвиги принцессы.

– Правительницы.

– ...правительницы Фу Хао против армии...

Он взгляделся в застывшую гримасу на лице мертвого вражеского правителя.

– ...против армии Туфана.

– Их было восемь тысяч. Отметь численное превосходство неприятеля, – потребовала правительница.

Писец поклонился, вооружился заточенным обрезком камышового стебля, обмакнул его в чернила осьминога и стал записывать рассказ правительницы.

Потом по приказу Фу Хао всех пленных построили во дворе дворца, и жрецы, вооруженные мечами, принялись приносить их одного за другим в жертву великому божеству Сан Ди, что значит «Высочайший». Их кровь собирали в сосуды, которые выстраивали здесь же.

Собравшаяся толпа приветствовала каждую казнь аплодисментами.

– Ты хочешь убить всех пленных? – спросил правитель У Дин правительницу Фу Хао. – Можно было бы использовать их как слуг.

– Я женщина. Солдаты не должны считать меня слишком мягкосердечной. Для сплочения нашей армии важно показать, что я не уступаю суровостью мужчинам.

Вздых У Дина не был вздохом облегчения. Вопли обреченных сопровождались криками толпы.

Правительница повернулась к писцу:

– Все началось на рассвете. Наши войска построились на холме над долиной. Накануне я сама провела разведку. Земля была жирной.

Писец стремительно строчил.

– Всадников я приказала поставить позади...

Правитель поманил своего главного придворного и спросил его на ухо:

– Что ты обо всем этом думаешь, Ли?

– Правительница Фу Хао – великая военачальница и великая жрица, а теперь и великая писательница. О сражении узнает весь мир, победа царства Шан над царством Туфан навечно останется в памяти.

– Довольно, я спрашиваю тебя не об официальной версии, мне интересно твое собственное мнение.

– Правительница Фу Хао – само совершенство. Тебе очень повезло, о повелитель.

– Говори правду, Ли.

– Сказать вам правду – значит рискнуть жизнью.

– Значит, ты думаешь, что...

– Нет, о повелитель, я никогда не осмелюсь...

– А ты осмелся! Это приказ.

Снаружи снова донеслись вопли обреченных и крики толпы. Правительница продолжала диктовать писцу.

– Что ж, я думаю...

– Правду, Ли! Можешь сказать мне что хочешь, но я требую правды.

На лбу придворного выступили крупные капли пота.

– Я думаю... думаю, в паре женщина – вы, а мужчиной стала она.

Правитель удивленно уставился на собеседника, тот низко поклонился, не скрывая страха.

Правитель расхохотался.

– Она мужчина, а я женщина!

Хохот правителя У Дина стал так громок, что правительница Фу Хао прервала диктовку.

– Что тебя так рассмешило, о повелитель?

В последующие дни главного придворного подвергли страшной казни. Из южных провинций вызвали особого палача и повелели ему содрать с преступника всю кожу мелкими лоскутами.

Так, своеобразным образом, придворный по имени Ли Кван Юизобрел принцип придворного шутовства.

При дворе царства Шан эта первая попытка не получила продолжения. Прошло много времени, прежде чем кто-то в Китае снова рискнул шутить на такие темы.

Что до династии Шан, то, невзирая на первые победы, впоследствии она стала терпеть поражение за поражением. Царство неуклонно сжималось, пока не было уничтожено династией Чжоу. Но история с «шуткой придворного Ли» сохранилась в памяти, в отличие от самой династии Шан, ее правителей и правительниц. Это доказывает, что удачные шутки порой оказываются долговечнее памяти о властелинах.

Большая книга смеха. Источник: GLN.

В центре бассейна – остров, на острове железная дверь. Она со скрипом приоткрывается, из щели появляется голова.

– Тук-тук! – заявляет о себе Лукреция. – Никто не отвечал, люк был не заперт, вот я и позволила себе войти... Я вас не потревожила?

Исидор Каценберг сохраняет позу лотоса – скрещенные ноги, прямая спина, полузакрытые глаза, под задом шелковая подушка цвета фуксии. Лицо бесстрастно. Он похож на Будду, и если бы не чуть заметное колыхание кимоно, то можно было бы подумать, что он не дышит.

– Если потревожила, так и скажите.

На ней платье с белыми цветами на сиреновом фоне, на шее ожерелье в виде китайского дракона, изумрудного, как ее глаза.

Она покидает остров по мостику из бамбука и лиан.

Исидор Каценберг так и не пошевелился.

Дельфины и акула и те не высовываются из бассейна – знают, должно быть, что нельзя тревожить хозяина во время медитации.

Покружив вокруг него и убедившись, что он скорее жив, молодая журналистка садится напротив.

Достав брелок, она извлекает из него неподражаемый смех испуганной девы. Но Исидору хоть бы что.

– Не спешите, Исидор. Предупредите, когда закончится ваша гимнастика.

Неподвижность длится еще полчаса.

Она использует это время, чтобы порыться в его библиотеке, а главное, еще раз изучить его Древо возможностей – огромную схему с трепещущими, как листочки, записками – вариантами человеческого будущего.

Она обращает внимание на новые листья на ветвях древа. Он оставил компьютер включенным на сайте www.arbredespossibles.com. Добавлять варианты к своему древу он начинает в интернете, очередь схемы на ватмане наступает потом.

Лукреция Немрод приглядывается к новым листочкам, имеющим одно общее – слово «если».

«Если всю поверхность планеты укутает снег».

«Если из-за роста температур вода станет такой редкостью, что за доступ в последний оазис будет драка».

«Если бы на всей планете была общая обязательная религия».

«Если банды вооруженных хулиганов завладеют целыми областями и полиция не сможет с ними справиться».

«Если изменится гравитация планеты, и каждый шаг утяжелится».

«Если исчезнут все дикие виды»...

Лукреции Немрод понимает, что эти мрачные варианты будущего придуманы в состоянии удрученности. Есть и другие, не столь пессимистические.

«Если на Земле останутся одни женщины».

«Если отказаться от роста экономики».

«Если обуздать демографический рост».

«Если учредить мировое правительство, которое не позволяло бы появляться диктаторам и гарантировало бы равное распределение богатства».

Она снова садится перед хозяином водочки и наблюдает за ним. Его дыхание замедленно, почти незаметно.

Какой у него красивый рот!

Исидор Каценберг открывает глаза, встает, не здороваясь с гостьей, наливает себе чашку обжигающего чая, нюхает, пьет мелким глоточками с большим удовольствием.

— Исидор, вы должны...

— Вон!

— Но...

— Кажется, я ясно выразился. Не имею ни малейшего желания вести вместе с вами расследование.

— Есть новости, Исидор.

Лукреция Немрод скороговоркой рассказывает Исидору Каценбергу о состоянии своего расследования.

— Теперь у меня есть подозреваемые.

Он не отвечает.

— Спросите, кто они? Во-первых, Стефан Крауз, первый продюсер Дариуса. Во-вторых, Феликс Четтэм, новый комик номер один. В-третьих, Себастьян Долин, комик, которому досталось от Дариуса сильнее всего. Из-за него у Долина теперь нулевая позиция.

Кажется, что Исидор Каценберг ее не слушает. Он достает из холодильника огромный говяжий бок и бросает Жоржу, своей акуле, которая яростно кидается на мясо.

Она наливает себе чай и, отхлебнув, продолжает:

— Я серьезно, Исидор, это дело разрастается на глазах, одна я с ним не

справлюсь, без вас я как без рук.

– А мне вы не нужны.

– По-прежнему не хотите мне помогать?

– Нет.

– Тенардые предупредила, что неудача будет стоить мне места.

– Какая неприятность!

Для такого характера нужны особо тонкие отмычки.

– Сыграем еще раз в «три камешка». Если я выиграю, вы мне поможете.

Он колеблется, с сомнением глядя на нее. Страсть к игре берет верх, он пожимает плечами и покорно вздыхает.

– Ладно, давайте.

– Расследовать?

– Нет, доверим решение о моем участии в расследовании игре в «три камешка».

Он показывает на коробок спичек. Она берет три штуки, он тоже. Он вытягивает сжатый кулак.

– Три, – говорит она.

– Одна.

Она разжимает ладонь с одной спичкой.

Он разжимает свою, пустую.

Он выигрывает.

Еще раз.

И еще.

Она – ни разу.

– Как все-таки у вас это получается, Исидор?

– Практиковали бы смирение – были бы непредсказуемой и могли бы выигрывать.

Он действует мне на нервы.

Он кидает спички на пол. Она подбирает их, складывает в коробок и прячет в ящик.

– Помогите мне, ну хоть капельку! Подскажите дорогу, угол зрения, подход.

Он мнетя, потом бурчит:

– В прошлый раз я вам уже подсказал: вернитесь в историю, проследите, как рождался юмор. Вы это сделали?

– Дело в том, что я думала, что расследование преступления начинается с...

Она прикусывает язык.

– Видите, вы меня не слушаете. Зачем вам тогда советы?

– Пока что я иду классическим путем: патологоанатом, семья, подозреваемые. Потом я возьмусь за психологическую и научную стороны вопроса.

Исидор Каценберг кидает в бассейн селедки, его дельфины ловят угощение на лету.

– Вы заблуждаетесь, но... Памятуя былые наши приключения, я готов немного помочь в вашем классическом, как вы говорите, расследовании.

Так-то лучше! Спасибо, спасибо, спасибо!

Он бросает последнюю селедку и манит Лукрецию к своему письменному столу, к ноутбуку.

– Что сказал вам последний подозреваемый?

– Это тот, кого предпоследний назвал «комиком под нулевым номером», Себастьян Долин. Он посоветовал мне побывать в Театре Дариуса.

– Его вы по крайней мере послушались?

– А как же! Я присутствовала на соревновании молодых учеников Школы смеха. Они состязались в импровизации.

– Ну и как вам?

Он наливает себе еще ароматного чая, не предлагая гостю.

– Выше всяких похвал! Перед их состязанием Дариуса воспевал Тадеуш, его брат.

– Что вы увидели? – нетерпеливо спрашивает научный журналист.

– Все, что я увидела, – место, где поощряют молодежное творчество. Я слышала слова признательности великому профессионалу, Дариусу. Его по-прежнему любят, им по-прежнему восхищаются, он продолжает вдохновлять новые таланты.

Осмелевшая Лукреция наливает себе чаю.

Исидор, поразмыслив, включает экран ноутбука.

– По-моему, надо продолжать копать в Театре Дариуса. Раз Себастьян Долин вас туда послал, значит, у него есть на то причины. Больше внимания к знакам.

– Он комик-неудачник, обозленный пьяница, завистник, мечтающий о мести. Он разговаривал со мной в полувменяемом состоянии.

– Тем более надо было прислушаться к его словам. Алкоголь снимает зажатость и выявляет истинные намерения. По-моему, он заслуживает доверия. Театр Дариуса, «выявляющий юные комические таланты», – первая кажущаяся мне многообещающей ниточка.

Лукреция Немрод недоуменно молчит.

– Вам кажется, что без помощи вы ничего не добьетесь, – продолжает Исидор. – Помогая, я на самом деле только мешаю вам нащупать ваш собственный стиль расследования.

На ее лице появляется упрямое выражение.

Мужчина в кимоно запускает программу просмотра изображений со спутника, укрупняет масштаб. На экране Театр Дариуса. Он переходит в режим 3D, включает StreetView и изучает здание во всех ракурсах. На экране фасад театра, потом соседние стены.

Внезапно он останавливает изображение и начинает масштабировать детали.

– Полюбуйтесь вот на это. Необычно!

Она приглядывается.

– Надпись «Выходной – понедельник». То же самое написано на их сайте.

– Что с того? В понедельник вечером все театры закрыты. Что в этом необычного?

Исидор Каценберг сохраняет некоторые снимки из интернета в памяти компьютера, пробует попеременно дневной и ночной режим.

– Посмотрите, когда сделан этот снимок.

– В понедельник, в 23.58.

– Театр закрыт, но во всех окнах горит свет. Вас это не настораживает?

– Бухгалтеры, наверное.

– Во всех окнах?

– Значит, в разгаре уборка. Уборщицы любят включать весь свет.

Он запускает программу за программой, переписывает фотографии, собирая их в папку «Расследование «Дариус»». Потом на экране возникает график с цифрами.

– Это потребление электричества в Театре Дариуса. В понедельник в полночь все горит. Все работает. Можно подумать, идет спектакль. Но официально все закрыто.

– Частные вечеринки? Может, зал сдают для мероприятий?

Исидора это не убеждает.

– Смотрите, я подключаюсь к городским камерам видеонаблюдения. Видите? Входная дверь заперта, но во двор заезжают машины.

– Какие у вас догадки, Исидор?

– В понедельник, день, который вы считаете выходным, там происходит что-то таинственное и любопытное. Съезжаются богатые люди – машины у них сплошь шикарные лимузины. Дорогая Лукреция, если хотите более конкретный совет, чем в прошлый раз, то он таков:

отправляйтесь туда вечером в понедельник и разберитесь, что за неофициальные дела там творятся.

– Это весь ваш совет?

Он рывком встает.

– Не выводите меня из себя, Лукреция! Не я к вам пришел, а вы ко мне. Я пошел вам навстречу, ответил на ваш вопрос, но вы не способны его оценить. Сами не знаете, чего хотите! О чем-то просите, получаете, что просили, но, видите ли, недовольны!

Он прав: я не знаю, чего хочу. Вот пусть и поможет выяснить, чего мне недостает. Чувствую, он знает...

– Зря я вам уступил.

Он подходит к ней вплотную и говорит прямо в лицо:

– Вы избалованный капризный ребенок, вот и все. Убирайтесь!

Я свободная женщина.

– Я не ваш отец и не психоаналитик. Узнайте, что там делается в понедельник в полночь, больше ничего не стану вам подсказывать.

Напряженно глядя на него, она выпаливает:

– Почему вы мне так необходимы?

– Потому что вы лишены того, в чем заключается моя сила: женской интуиции.

Он уже выключил компьютер и повернулся к ней спиной.

– Ну и пожалуйста! – зло выкрикивает она. – У вас она есть, у меня нет. Так научите! Объясните, как обзавестись этой самой «женской интуицией», будь она неладна!

Он оборачивается.

– Очень просто. Подключитесь к своему «глубинному я», свободному от всех влияний и улавливающему все детали и знаки, незаметные для остальных. С его помощью я уловил непорядок. Отправляйтесь в Театр Дариуса в полночь понедельника. Это все.

Судя по громкому плеску, один из дельфинов занялся акробатикой.

Она набирает в легкие воздух и выдает тираду:

– Жаль, Исидор, я была о вас лучшего мнения. Вы только изображаете всезнайку, а на самом деле вы – засевший в башне из слоновой кости человек из прошлого, оторвавшийся от жизни, хоть и воображающий, что все постиг. Обещаю больше вас не беспокоить.

Он раздевается, прыгает в воду и плавает с дельфинами, не обращая на нее никакого внимания.

Несколько секунд она наблюдает за ним, потом пробегает по мостику и вылетает в дверь.

Вот, значит, в чем состоит его фокус: слышать одного себя, не поддаваясь ничьему влиянию. Даже своему собственному!

«Разговор верблюдицы и верблюжонка:

– Мама, почему у меня такие огромные трехпалые ноги?

– Чтобы не вязнуть в песке, когда ты пересекаешь огромную пустыню.

– Понятно.

Немного погодя малыш спрашивает:

– Мама, почему у меня такие длинные ресницы?

– Они защищают твои глазки от песка.

– Понятно.

И снова:

– А этот горб на спине зачем?

Матери надоели все эти вопросы.

– В нем накапливается вода для наших длинных переходов через пустыню. Благодаря ему можно десятки дней обходиться без питья.

– Если я правильно понял, мама, большие ноги – чтобы не вязнуть в песке, длинные ресницы – чтобы песок не попадал в глаза, горб на спине – чтобы сберегать воду для долгих переходов через пустыню... Но ответь мне тогда, мама...

– Спрашивай, малыш.

– Что мы в таком случае делаем здесь, в Венсенском зоопарке?»

Из скетча Дариуса Возняка «Друзья наши звери».

Научная журналистка из «Геттёр Модерн» подготовилась по всем правилам. На ней черная кожаная курточка, черные лосины для бега трусцой, черная шапочка, ботинки на нескользкой подошве, за спиной рюкзак.

На календаре понедельник, время позднее: стрелка миновала 23.30.

Она разглядывает маленький Театр Дариуса, устроившись на террасе ближайшего кафе.

Пока что все выглядит безмятежно. Фасад театра тонет в темноте, двери закрыты, на улице ни души.

Ну, не дура ли я, что поверила?

Исидор – это вчерашний день, он пыжится и изрекает громкие фразы, но на самом деле он – пустое место. «Женская интуиция» у него, скажите пожалуйста... Залез на свою водокачку и отрезал себя от мира: ничего не знает, ничего не видит, ничего не понимает, только притворяется.

Наконец справа от нее появляется стайка студенток, они курят и смеются.

Она вспоминает себя в их возрасте, в день, когда она простилась с приютом. По чистой случайности это произошло 1 апреля.

Проклятое 1 апреля.

Ей было 18 лет. Перед воротами курили и болтали пятеро. Все девушки знали, что это сутенеры.

Как гиены, караулящие на опушке джунглей новорожденных газелей.

Приют совершенно не заботился о дальнейшей судьбе своих воспитанниц. Девушка выходила за ворота с чемоданчиком и с пятью сотнями евро, не зная, где приклонить голову.

Спрос рождает предложение. Перед благородным учреждением постепенно образовалась особая фауна, перерабатывавшая эти «отбросы общества».

На первые несколько ночей доброхоты предоставляли девушкам места в дешевом отеле и дешевую еду. Дальше, по логике вещей, следовал ночной клуб.

Сиротки коротали первую ночь в отеле с циничным названием «Убежище», утоляли голод в дешевом ресторанчике «Оазис». Там им, как правило, предлагали места официанток, а потом звали танцевать в ночной

клуб «Черный филин».

Собственно, путь, пройденный матерью Дариуса, не так уж отличался от траектории, предлагаемой девушкам из приюта.

Потом сутенеры и наркоторговцы делили жертвы. Вторые орудовали первыми: они соблазняли бедняжек и накачивали наркотиками, чтобы было проще их контролировать и сдавать на руки сутенерам. Лукреция тоже переночевала в «Убежище» и поела в «Оазисе», но потом свернула в сторону. Вместо того чтобы пойти в официантки, она своротила скулу хозяину ресторана. Вместо того чтобы начать танцевать в «Черном филине», она сломала руку вышибале и подожгла ночной клуб. Проституткой она тоже не стала, показав нос сутенеру, предлагавшему работу из желания ей «помочь».

После чего пошла ночевать под мостом.

У нее составилась план профессионального роста.

Главное – независимость. Если уж трудиться, то на саму себя.

Сначала она шарила по карманам, потом отнимала сумочки, потом занялась квартирными кражами.

Юная Лукреция работала по ночам, обчищая отдельно стоящие виллы и замки. Ее черный рабочий костюм был чрезвычайно удобным. Она определяла, куда залезть, по количеству рекламных проспектов в почтовых ящиках, по пыли на пороге, по закрытым ставням. Она научилась отключать сигнализацию. Она влезала в окна и забирала предметы, которые легко могла продать знакомой антикварше, скупщице краденого. Та, 80-летняя старуха, ценя способности подопечной и заботясь о ее совершенствовании, обучила ее благородному ремеслу взламывания сейфов. «Любой сейф – человеческое изобретение. Пойми изобретателя – и ты поймешь механизм. Представь, что сейф – это мозг человека, подлежащий дешифровке, и мысленно подбирай отмычку, пока не поймешь механизм запора. После этого отпереть его – чистая формальность».

Очарованная этой логикой, она превратилась в специалистку по вскрытию самых сложных сейфов. Она научилась находить их за картинами, фальшивыми перегородками, резными шкафами. Научилась подбирать отмычки для самых несговорчивых запоров.

В конце концов она купила квартиру-студию в Самбре и повела почти нормальную жизнь. Она считала себя «независимой ремесленницей», оптовым продавцом подержанных вещей.

Карьеру юной Лукреции прервала одна неприятность. В процессе ограбления пустой по всем признакам виллы она наткнулась на владельца, которому вздумалось провести эту ночь у себя дома.

Он был тщедушен, она одолела бы его без всякого труда, но он предложил поговорить: его, дескать, мучает бессонница, и этот ночной визит ему даже на руку.

Лукреция растерялась. Когда прошел первый страх, ситуация показалась ей даже забавной. Чувствуя, что ей ничего не угрожает, она согласилась сесть.

Человек в пижаме поведал, что занимается делом, которое раньше его воодушевляло, а теперь наскучило своим однообразием.

Он оказался главным редактором местной ежедневной газеты.

Они проговорили всю ночь.

Он рассказал, каким видит свое ремесло, где раньше задавали тон люди, со страстью преданные делу информирования, а теперь возобладали сынки и дочери, блатные, лентяи, циники и профаны.

Человек в пижаме разочаровался в деле всей своей жизни.

Он объяснил, что нынешняя журналистика сродни чиновничеству. Профессия никем не контролируется, журналисты плетут неведь что, не боясь, что их бредни проверят, охотно поддаются влиянию, об этике никто не вспоминает, о морали и подавно.

Хозяина виллы звали Жан Франсис Эльд. Когда-то он был военным репортером журнала «Геттёр Модерн». Ему светило место заведующего редакцией, но его подсидела интриганка, некая Кристиана Тенардье. Он удалился в провинцию и стал главным редактором газеты «Пароль дю Нор». Но, уже не веря в свою профессию, испытывая отвращение к нечистоплотности коллег, он считал дни перед выходом на пенсию.

Он угостил ее сливовой наливкой и осведомился, каким она представляет свое собственное будущее.

Почему-то он вызвал у нее доверие. Решив выложить на стол все карты, она рассказала ему про приют, бродяжничество, грабежи. По мнению человека в пижаме, она, по крайней мере, не ведала страха – важное и притом редкое достоинство в его пропадающем ремесле.

Последовал вопрос, не желает ли она поработать у него. По его мнению, у успешной грабительницы было не меньше шансов превратиться в хорошую журналистку, чем у любого выпускника университета. «Перо – чепуха, главное уметь находить информацию», – уверял он ее. В случае ее согласия работать в газете он брался научить ее писать статьи и фотографировать.

– Мне никогда не научиться писать статьи!

– Это любому по плечу. Все очень просто, главное – следовать правилу пяти W: Who? What? When? Where? Why?^[14] Ты задаешься вопросом: «Что

произошло ночью 5 декабря на улице Акаций?» Дальше вводишь действующее лицо: «Возможно, об этом известно мэру Камбре». Ну и даешь свои ответы на все пять вопросов: «Дело в том, что именно тогда...» и так далее. В конце ты можешь задать новый вопрос: «Разве все это не сводится к общественным деньгам?» Так или иначе, все всегда сводится к ним, родным. Разоблачение местных властей нравится читателям.

– И все?

– Чего же еще? Увидишь, даже если ты станешь работать задней левой, этого будет вполне достаточно. В королевстве слепцов кривые – короли. А уж зрячие...

Она доверила свою судьбу монетке. Решка – быть ей журналисткой, орел – оставаться в грабительницах. Монетка зависла в воздухе и долго не падала. Назавтра Жан Франсис Эльд принял ее на работу в газету северного города Камбре «Пароль дю Нор», в рубрику «Из жизни». Лукреция стала с жадностью набираться опыта.

Она обожала расследовать, писать, фотографировать. Ей было любопытно буквально все.

За несколько месяцев она выросла в важную фигуру местного масштаба. В отличие от других местных журналистов, смотревших в рот чиновникам мэрии, Лукреция сама шевелила мозгами, лезла в самые дебри и в конце концов добывала сенсацию.

Ее любимым жанром стали уголовные расследования. Она сама раскрыла два убийства, о которые обломала зубы полиция.

Она разоблачила коррупционный заговор на муниципальном уровне.

Она выводила на чистую воду предприятия, загрязнявшие все вокруг, хватала за шкирку мошенников, привлекала внимание к несправедливостям и к их жертвам.

– Ты превзошла мои ожидания, – похвалил ее Жан Франсис Эльд. – Но не путай журналистику и охрану порядка. Последнее не твоя задача. Мне уже жалуются. Если суешь нос в дела сильных мира сего, даже местного пошиба, если высмеиваешь их – жди расплаты.

Молодая Лукреция сделала вид, что не поняла. Пришлось Жану Франсису Эльду расставить точки над «i». Один из «героев» безжалостных статей Лукреции, друг хозяев газеты, потребовал ее немедленного увольнения.

– Я слишком горд тем, что тебя откопал, – продолжил главред, – чтобы бросить тебя на произвол судьбы. Держи письмо и отправляйся в редакцию «Геттёр Модерн», оно откроет тебе ее двери.

И добавил со значением:

– Доберешься до вершины – не останавливайся, лезь дальше.

Рекомендательное письмо сработало. Лукрецию Немрод приняли на испытательный срок, стажеркой-внештатницей, в редакцию «Общество», в отдел «Наука» – на единственное в тот момент вакантное место.

Наука ее совершенно не интересовала, но она сказала себе: «Я должна оправдать доверие Жана Франсиса Эльда».

Так все началось. Потому она и очутилась глубокой ночью перед темным театральным фасадом.

Она медленно пьет крепкий кофе.

Внезапно ее внимание привлекает кое-что новенькое.

Мимо Театра Дариуса медленно следуют один за другим роскошные автомобили, сворачивая в соседнюю улочку.

Она смотрит на часы: без пяти минут полночь. Она расплачивается, берет рюкзачок, выходит на улицу и идет к машинам.

Все они, как оказывается, заезжают через служебные ворота во двор.

Из нескольких десятков лимузинов выходят люди в вечерних нарядах и исчезают в освещенной двери.

То ли частная вечеринка, то ли праздник в честь дня рождения компании.

Но люди, входящие в театр со двора, не похожи ни на чинные семейства, ни на сотрудников компании.

Это мужчины в смокингах под руку с молодыми женщинами в вечерних платьях.

Их пропускает охрана в розовых костюмах.

Лукреция Немрод понимает, что ей не проникнуть внутрь без приглашения, и идет своим путем – через крышу.

Она лезет вверх по водосточной трубе, добирается до балкона, перепрыгивает с крыши на крышу. Так она оказывается на куполе Тетра Дариуса и, озаряемая луной, крадется по железным листам, испытывая не меньше удовольствия, чем кошка, гуляющая на бархатных лапах над головами людей.

Добравшись до откидного окна, она легко справляется с замком и проникает внутрь театра.

Там она блуждает по верхним ярусам, прежде чем притаиться над сценой, среди хаоса стальных конструкций.

Ей все видно, сама же она почти невидима.

В телеобъектив своей камеры «Никон» с фокусным расстоянием 200 мм она изучает лица людей в зале. Мест там с полтысячи, зрителей две-три сотни.

Внезапно сцену-ринг озаряют прожектора.

Посреди ринга стоят два кресла. Над ними висит телеэкран.

В центр выходит Тадеуш Возняк с микрофоном.

– Вот и настал момент общего сбора. Это лучше петушинных боев, лучше бокса, лучше казино, лучше скачек, лучше покера. Начинается Игра с большой буквы, зрелище не для слабонервных, машина по выжиманию истинных эмоций. Великий Турнир ПЗПП. Это значит «Первый Засмеявшийся Получает Пулю». Пулю калибра 22, всаженную в упор, в затылок, из пистолета «Бенелли» МР 95Е. Такова будет участь проигравшего.

Взрыв нервных аплодисментов.

– Что до выигрыша, то это не 1000, не 10 000, не 100 000, а целый миллион, да, я не оговорился: тот, чья шутка вызовет смех в правильный момент, получит миллион евро.

Овация взбудораженного зала, скандирующего:

– П-З-П-П! П-З-П-П! П-З-П-П!

– Итак, миллион евро наличными или кусок свинца? Что выберут наши дуэлянты?

Лукреция забивается в тесную нишу и настраивает камеру, максимально раскрывая диафрагму.

Исидор оказался прав. Он вымотал мне все нервы. Тем хуже – и тем лучше. Тенардые захотелось жареного? Что ж, она получит желаемое, и даже с хрустящей корочкой!

Тадеуш Возняк в идеально сидящем розовом костюме умиряет зрителей мановением руки.

– Дамы и господа, сегодня нас ждут три дуэли ПЗПП. Представляю участников первой. Встречайте Ин Ми, свежую победительницу «официального» представления Лиги импровизации.

На ринг выходит первая участница. Она в халате с поднятым капюшоном, на лице маска.

Надо же, они скрывают лица...

– Ин Ми прозвали Пурпурным Тарантулом. Попрошу аплодисменты!

Ин Ми сбрасывает капюшон и вскидывает в знак приветствия руку.

Появляется вторая фигура, почти такая же тщедушная, с торчащим над маской чубом.

– Она сразится с Артусом, Белозубым Палачом.

Артус задирает руки с победно выпяченными пальцами и показывает зубы, как готовый укусить хищник.

– Артус, что ты купишь на миллион евро?

– Этот театр!

В зале смешки.

– Замечательно, уже забавно. Мы в предвкушении. А ты, Ин Ми, что купишь на свой миллион ты?

– Ресторан для моей семьи. Будем готовить суши.

– Суши – японское, а не китайское блюдо.

– Много вы знаете японских ресторанов, принадлежащих японцам?

Снова смех.

– Рассмешила! Браво! Делайте ваши ставки. Их принимают наши миленькие хостес, Дариус-гёльз.

По рядам снуют полуодетые девицы с корзинками, похожие на продавщиц сладостей. Из рук в руки передаются пачки сотенных купюр, взамен игроки получают розовые жетоны. Загорается огромный экран, на нем цифры и лица двух дуэлянтов в масках.

Не иначе, суммы ставок.

– Представление ПЗПП начинается! – провозглашает Тадеуш.

Звенит колокольчик – сигнал, что прием ставок завершен, пятна света на ринге становятся ярче. Дуэлянтов ставят в центр ринга, Тадеуш предлагает им пожать друг другу руки.

– Ваш выбор? – обращается он к ним.

– Черная, – говорит Артус.

– Белая, – говорит Ин Ми.

Она запускает руку в мешок и достает белую фишку. Начать выпало ей.

Они садятся в свои кресла, две девицы в ритуальных одеяниях связывают им руки кожаными ремнями, лишая способности шевелиться.

Затем девицы отступают к треногам с пистолетами, дула которых приставлены к затылкам дуэлянтов. Взведенные курки обоих пистолетов соединены проводами с маленькими приборами.

Ассистенты крепят датчики к сердцу, горлу, животу обоих.

Лукреция перестает дышать. Ее мозг отказывается верить в то, что видят глаза.

– Напоминаю правила игры ПЗПП. Дуэлянты по очереди рассказывают анекдоты. Один говорит, другой слушает. Датчики, соединенные с гальванометром, фиксируют колебания электрического сопротивления. Шкала проградуирована от 1 до 20. Если показания достигают 19, что соответствует взрыву хохота, срабатывает курок. Вызвавший смех живет, а тот, кто не удержался от смеха, умирает.

Зал гудит от нетерпения.

Изображение на экране меняется: теперь под каждым лицом в маске горят цифры, указывающие электрическое сопротивление.

К дулу пистолета прикреплен микрофон.

По сигналу Ин Ми рассказывает первый анекдот – про сексуальную прыть кроликов.

Цифры под лицом Артуса меняются, но несильно, до 11 из 20, что свидетельствует, что шутка ему знакома и он не считает ее смешной.

В ответ он шутит на тему регистра проституток, достигая чуть более отчетливого эффекта – 13 из 20.

Дуэлянты меряют друг друга взглядами.

Шутка про лесбиянок против шутки про бельгийцев. Фекальная шутка против бессмыслицы в английском духе.

Далее юмористы обмениваются шутками про блондинок, но показания гальванометра у обоих не превышают 15.

После этого из зала доносится крик, подхваченный сразу несколькими рядами:

– РАССМЕШИ ИЛИ УМРИ!

Ин Ми очень старается нащупать в системе обороны Артуса брешь, но не тут-то было.

– РАССМЕШИ ИЛИ УМРИ! – повторяет зал.

Ин Ми рискует и бросается в лобовую атаку: в ее шутке подвергнута сомнению сексуальная состоятельность ее соперника.

Неожиданность срабатывает: тот от удивления достигает цифры 17, чем вызывает поощрительный вопль зала. Но Артус, Белозубый Палач, все же справляется с желанием смеяться, до крови прикусывая себе язык.

Он отвечает пространным заковыристым анекдотом. Китайка не понимает, куда он клонит. Но когда анекдот достигает кульминации, эффект страшен. Показатель Ин Ми взлетает до 16. Публика думает, что этим дело ограничится, но за первой волной эмоций следует вторая, появляются цифры 17, 18, 19. Раздается пистолетный выстрел, голова юмористки-любительницы прострелена пулей.

Зал вскакивает в дружном порыве и вопит, как вопили римляне при гибели гладиатора:

– П-З-П-П! П-З-П-П! П-З-П-П!

На победителя обрушивается шквал оваций.

– Вот уж воистину убийственная шутка! – С этими словами Тадеуш Возняк поднимается на сцену, расстегивает на выигравшем ремни и велит убрать проигравшую, бросив на труп красный цветок.

У Лукреции такое чувство, будто это ей прострелили голову, руки

ходят ходуном.

Этого не может быть.

– Победу одержал Артус, Белозубый Палач.

Великан показывает белые зубы, слегка выпачканные кровью из прокушенного языка.

Лукреция, не веря в происходящее, фотографирует сцену, потом вздрагивает, давится. Она торопится обратно на крышу, где ее выворачивает наизнанку.

Больные! Больные на всю голову!

Она снова влезает в откидное окно и бежит по коридору к двери декораторской части. Там она взбирается на лестницу и смотрит на происходящее внизу.

Хостес выплачивают выигрыш победившим, ставившим на Белозубого Палача.

Она надеется скрыться, пробежав по коридору между гримерками, но у нее за спиной раздается голос:

– Что вы здесь делаете, мадемуазель Немрод?

1012 г. до н. э.

Империя майя. Обсерватория Чичен-Ица.

Астрологи, собравшиеся в зале предсказаний, силились заглянуть в будущее.

Одного из них, Икстатихуатля, привлекло своеобразное расположение звезд. Он справился с картами и с календарями и в волнении объявил:

– Мир погибнет через 2480 лет.

Астрологи майя бросились в свои собственные обсерватории и уставились на звезды, но не нашли ничего особенного.

– Ты болтаешь неведь что, Икстатихуатль. Ничто в небе не предрекает такой катастрофы.

Тут явился великий жрец. Посмотрев на карты, он изрек:

– Икстатихуатль прав. Мир сгинет ровно через 2480 лет, в четверг, часов в 11 утра.

Никто не посмел перечить великому жрецу. Все писцы майя записали на табличках, камнях, пергаментах, что в означенный день и час мир прекратит существование.

Все майя приготовились к страшному обратному отсчету, приближающему конец народа и цивилизации.

Напрасно Икстатихуатль уверял, что придумал все ради смеха, что просто хотел пошутить: никто не осмеливался поставить под сомнение приговор великого жреца.

Все это имело огромные последствия для цивилизации майя, потому что через 2480 лет, в 8 утра в среду, майя, следуя текстам астрологов и по побуждению тогдашнего своего правителя, решили самоуничтожиться, не дожидаясь следующего, рокового, дня.

По непонятному совпадению, то был канун появления первых конкистадоров, 1492 год по испанскому календарю.

Впоследствии много говорилось о загадочно исчезнувшей цивилизации. Никто так и не узнал, что всему виной стала дурацкая шутка астролога.

Икстатихуатль изобрел губительный юмор.

Большая история смеха. Источник GLH.

Мужчина настроен мирно, просто озадачен этой встречей.

– Вы сами-то что здесь делаете? – задает встречный вопрос не менее озадаченная Лукреция Немрод.

Ответ для него очевиден:

– Я буду участвовать в ПЗПП. Кажется, моя дуэль – третья этим вечером.

– Это же опасно!

Себастьян Долин безмятежно улыбается.

– У вас дар к эвфемизмам. Это смертельно!

– Умоляю, не ходите туда!

Он берет ее за руку, ведет в гримерную, закрывает дверь на ключ, чтобы им не мешали.

– У меня не осталось выбора. Либо это, либо полная нищета. Знаете, сколько получит победитель финала? Миллион евро! Миллион евро тому, кто правильно пошутит в правильный момент с правильным человеком. Для меня это непреодолимый соблазн рискнуть и пошутить. Главное, он меня обобрал, теперь он мой должник. Я всего лишь забираю старый долг.

Он посмеивается.

– Вы не боитесь умереть?

– По крайней мере это будет смерть за любимым делом, перед замершей в напряжении толпой. Что может быть лучше?

Себастьян Долин опускается в кресло и, глядя в обрамленное лампочками зеркало, начинает гримироваться. Понизив голос, он говорит:

– Вы были правы насчет Дариуса.

– То есть?

– Это убийство.

Это произнесено буднично и непринужденно.

– А убийца – вы?

– Ничего подобного. Сказано вам, на это у меня не хватило бы смелости. Но я знаю убийцу.

В зале и в гримерной звучит объявление о начале второго раунда ПЗПП.

– Все по местам! Представление продолжается. Во втором поединке ПЗПП сойдутся победитель первого раунда, Артус по прозвищу Белозубый Палач и Кати по прозвищу Серебристая Ласка. Напоминаю, Кати остается

непобедимой уже несколько недель.

Под овацию зала Тадеуш продолжает:

– Победительница или победитель этого раунда сразится с многоопытным Себастьяном по прозвищу Многомудрый Себ.

Лукреция Немрод хочет задать вопрос, но он останавливает ее жестом.

– Хотела вам сказать, что...

– Тс-с! Я должен слушать, иначе не узнаю манеру победителя.

Он делает громче звук репродуктора в гримерке.

Они молча смотрят друг на друга, готовые к трансляции дуэли между Белозубым Палачом и Серебристой Лаской.

– Скажите хотя бы... – не выдерживает Лукреция.

– Тс-с!

Себастьян Долин хватает блокнот и строчит.

Репродуктор с хрипом разражается сексуальной шуткой Артуса.

– Он сразу начинает с того, что принесло удачу в прошлой дуэли, – комментирует Себастьян.

Кати парирует сюрреалистической шуткой.

Лукреция понимает, что дуэлянты, прибегая к психологии, не чужды и стратегии.

Это больше похоже на партию в шахматы, чем на диалог. Нужно не просто находить смешные шутки, но и учитывать психологические слабости противника.

Артус Белозубый Палач наносит удар анекдотом про психов. Слышно, как Серебристая Ласка хихикает, но до приступа смеха еще далеко. Публика скандирует:

– РАССМЕШИ ИЛИ УМРИ!

Лукреция Немрод вздыхает.

– Артус очень силен, настоящий мастер...

– Тихо, я слушаю! – шепчет Себ, строча в блокноте.

Кати, опомнившись, отвечает детским анекдотом про лягушек.

Результат неубедителен.

– Она выиграет, – предрекает с видом знатока Себастьян Долин.

Артус делает выпад шуткой про гомосексуалов.

Она отражает его шуткой про блондинок.

Белозубый Палач не в силах сдержаться, приступ его смеха становится неудержимым... и завершается сухим звуком выстрела.

Толпа вне себя.

– П-З-П-П! П-З-П-П! П-З-П-П!

Слышно, как по залу шмыгают Дариус-гёлз, раздавая выигрыш.

Тадеуш Возняк снова берет микрофон.

– А теперь – третий раунд ПЗПП. В нем перед вами, как и обещано, предстанут победительница, Кати Серебристая Ласка, и Себастьян по прозвищу Многомудрый Себ.

Зрители не щадят ладоней, кто-то рвет глотку:

– П-З-П-П! П-З-П-П! П-З-П-П!

Лукрецию колотит.

Себастьян встает, одергивает клетчатый пиджак, завязывает на затылке ленточки маски.

– Не ходите! – молит его Лукреция.

– Не беспокойтесь, я выиграю. Для меня у этой Серебристой Ласки туповаты зубки.

Он перечитывает шутки Кати, как полководец, изучающий воронки от вражеских снарядов, и несколько раз подчеркивает последнюю, убийственную.

– Недурно, недурно... С виду овечка, а на самом деле крепкий орешек.

Он ставит в блокноте галочки, отмечая места, где Ласку начинал разбирать смех: видимо, это ее слабые места, туда ему и надо будет бить.

– Если вы проиграете, я не узнаю имя убийцы...

– Я не могу проиграть. Дело профессиональной чести!

Он поправляет узел галстука.

– Могу для смеха и в качестве доброго предзнаменования прямо сейчас назвать вам убийцу.

– Разумно.

– Учтите, всему вашему расследованию придет конец. Вы не будете жалеть?

– Хватит меня изводить!

Из репродуктора доносится:

– Себастьян, Многомудрый Себ, на сцену!

– СЕБ! СЕБ! СЕБ! – скандирует зал.

– Простите, мне пора. Скажу вам имя убийцы после дуэли.

Он уже берется за дверную ручку.

– Нет, говорите сейчас! – требует она, еле сдерживаясь, чтобы не броситься на него с кулаками.

– Думаете, я проиграю?

– Мало ли что! Всякое может случиться. Так что лучше выкладывайте.

Себастьян Долин меняется в лице, теперь он серьезен.

– Как я погляжу, вы не понимаете, с кем имеете дело, мадемуазель. Я профессиональный юморист. Пусть я алкоголик, пусть разорен, все равно я

лучше всех. Я не боюсь единоборств с любителями, даже находчивыми и везучими. Я вернусь со щитом, тогда и назову вам имя убийцы Дариуса. Обещаю.

Он смотрит на нее с бодрой улыбкой.

– Бойтесь, что ли? Что-то не пойму, за меня или что не получите информацию?

– Больше за...

– А вы красивая. Поцелуйте меня. Если мне суждено умереть, пускай я испущу дух со вкусом ваших губ на моих.

Она, помедлив, целует его, поцелуй затягивается, становится глубоким. Он все не прекращается, как ни скандирует где-то далеко толпа:

– МНО-ГО-МУД-РЫЙ СЕБ! МНО-ГО-МУД-РЫЙ СЕБ!

– Пожалуйста, Себастьян, скажите мне, кто убил Дариуса?

Так бы и врезала тебе промеж глаз, чтобы развязать язык!

Ладно, продолжим в режиме «обольщение».

Себастьян Долин гладит ее длинные волосы, и она говорит себе, что не зря посетила салон.

– Слушайте внимательно, Лукреция. С незапамятных времен враждуют два типа юмора: светлый и темный. Дариус принадлежал к лагерю «темных». «Святой Михаил сразил мечом дракона».

Она в недоумении.

– Как это понимать?

– Дариус представлял юмор тьмы, несмотря на его розовый смокинг и изысканные манеры. Настоящие жулики все как на подбор симпатяги.

– СЕБ! СЕБ! СЕБ! – заходится нетерпеливыми криками толпа.

Себастьян Долин в полном восторге, он упивается атмосферой, как будто смакует аромат вкуснейшего кушанья.

– Хотя бы ради того, чтобы услышать, как толпа выкрикивает ваше имя, стоит пойти на этот риск, вы не находите, прекрасная мадемуазель Немрод? Сегодня день моей славы, возможно, последний. Вперед, в лучи прожекторов!

Он хватает и покрывает поцелуями ее руку

– Умоляю вас, Себ, скажите! Кто убил Дариуса?

– Трист...

– Думаете, мне будет грустно^[15] это услышать?

– Убийцу зовут Тристан Маньяр.

Вот и все. Дело сделано. Я добила своего, теперь я знаю имя убийцы. Кристиана Тенардье будет мной гордиться.

Но эйфория сразу проходит, и ей уже странно, что подозреваемый

после стольких уверток все же произнес имя убийцы. Что-то тут не так...

– Тристан Маньяр, бывший комик?

– Он самый, моя милая.

– С чего вдруг?

– Из-за этого.

Он берет лист бумаги и пишет на нем толстым фломастером три заглавные буквы: GLH.

Сначала BQT, теперь это... Кажется, Себу нравится задавать загадки.

– Найдите Тристана Маньяра, попадите в GLH, и убийство Дариуса будет раскрыто.

– Что такое GLH?

– Тайное общество, которое...

Тут резко распаивается дверь, на пороге Тадеуш Возняк. Лукреция едва успевает схватить листок, сунуть его в карман и спрятаться за дверью.

– Что ты возишься, Себ? Не слышишь, что ли, как они разошлись? Если ты сейчас же не появишься, они начнут ломать кресла.

Тадеуш Возняк принохивается.

– Чем это ты душишься? Тут пахнет женщиной.

– Это мой лосьон после бритья, бергамот и лилии.

Себ поправляет маску, выбегает и захлопывает за собой дверь.

Громкие фанфары свидетельствуют о продолжении турнира. Лукреция ждет, пока стихнут торопливые шаги, и крадучись возвращается на свой наблюдательный пост наверху.

Тадеуш в блестящем стиле конференса представляет соперников в последнем раунде:

– Встречайте нашего нового бойца, опытного среди нас! Аплодисменты Многоумному Себу!

Зал взрывается, как по щелчку:

– СЕБ! СЕБ! СЕБ!

– Когда-то Себастьян был близким другом нашего Дариуса. Они даже делились идеями скетчей. Все это поросло быльем, все забыто. Тем не менее для всех юмористов Себ остается примером высочайшего качества, не так ли, Себ? Поприветствуем его!

Лукреция Немрод устраивается поудобнее и готовится фотографировать.

– Его соперница – победительница прошлых раундов, удивительная и отважная Кати Серебристая Ласка. Напоминаю, допустимы любые удары, главное, чтобы было смешно!

Себастьян Долин достает из мешка белый камешек. Начинать ему.

Его привязывают к креслу.

Он выглядит расслабленным, не то что его противница, еще не опомнившаяся после предыдущей схватки.

Сигнал начинать.

Себастьян Долин подыскивает правильный дебют, следя за Лаской, и спокойно шутит.

В зале смех.

Но сопернице не очень смешно: гальванометр показывает всего 12 из 20.

Зал в нетерпении, раздается свист, улюлюканье. Потом по рядам прокатывается волной:

– РАССМЕШИ ИЛИ УМРИ!

Кати отвечает анекдотом про собачек.

Зал смеется, Себ нет: он полностью владеет своими эмоциями. Его гальванометр замирает на цифре 11 из 20.

Предстоит упорная схватка.

Дуэлянты обмениваются шутками.

От шутки про младенцев у Кати 13 из 20.

От шутки про испанцев у Сэба 11.

От русского анекдота у Кати 14.

От анекдота про врачей у Себа 11.

Анекдот про священников: 13 у Кати.

– СЕБ! СЕБ! СЕБ! – скандирует половина зала.

– КА-ТИ! КА-ТИ! – отвечает вторая половина.

Дуэлянты полностью владеют собой, у обоих средний показатель реакции – 12. Публика недовольна, напряжение в зале растет. Цирковой номер недостаточно жесток, зрители проявляют нетерпение.

Половина зала орет:

– РАССМЕШИ!..

Другая половина подхватывает:

– ИЛИ УМРИ!

Себастьян Долин выстреливает шуткой про военных. Реакция Кати – 15 из 20.

Ее ответ – шутка про полицейских. У Себа всего 11.

Судя по всему, обоим трудно найти слабое место в психологических доспехах соперника. Обоим надо поднажать.

Шутка Себастьяна про коров. Неудача: всего 10 из 20.

Ответная шутка про кур еще неудачнее: 9.

Два мозга сталкиваются и не находят зацепок. Зал уже на грани срыва

ГОЛОСОВЫХ СВЯЗОК:

– РАССМЕШИ ИЛИ УМРИ!!!

Новое столкновение с теми же результатами. И тут Себастьян вопреки всем ожиданиям, возможно, от усталости, дает слабинку: у него сокращается мышца щеки. Он корчит гримасу, хотя противница молчит.

Вот он, подлый подвох – нервный смех от напряжения. У Ласки фора в 5 очков еще до того, как она откроет рот. Уж не выпил ли он для храбрости?

Впервые шутка Кати преодолевает психологический барьер Себа. Его гальванометр не останавливается на 13, где пролегает его линия обороны, а прыгает к 15.

Шутка, как торпеда, пробивает второй защитный рубеж. 16 из 20. Вот позади и третий рубеж: 17. 18...

В зале слышно, как пролетает муха. Слышно и хриплое дыхание Себа, улавливаемое микрофоном на пистолетном дуле.

19 из 20...

Лукреция Немрод щелкает затвором со скоростью автоматной очереди, запечатлевая, как при замедленной съемке, все подробности развязки.

В нескольких метрах ниже, пробуждаемый электромагнитным импульсом, приходит в движение курок пистолета на треноге.

Удар бойка по гильзе, врыв пороха, пролет пули по стволу в огненном вихре, вылет наружу. Пуля 22-го калибра пролетает несколько сантиметров, пробивает кожный покров, кость черепа и мозговую массу, чтобы вылететь с другой стороны. С тем же перекошенным судорогой лицом Себ размякает в кресле.

Публика получила свое, она вскакивает и радостно вопит:

– П-З-П-П! П-З-П-П! П-З-П-П!

Выбежавшие на ринг полуодетые женщины отвязывают от кресла теплое еще тело, накрывают красной попоной и уносят на носилках.

Тадеуш Возняк произносит в микрофон:

– Так завершил свои дни опытейший Многомудрый Себ.

Зал доволен, и конференсье с улыбкой продолжает:

– Как сказал уже не помню кто: «Опыт – это имя, которое каждый дает своим ошибкам»! А сегодняшняя победительница – Кати Серебристая Ласка. Она – наша чемпионка недели, ей выступать в следующем матче. Продержится ли она еще неделю? Мы узнаем это на очередном состязании ПЗПП уже... в следующий понедельник!

– ПЗПП! ПЗПП! ПЗПП! – отвечает толпа.

Тадеуш Возняк поднимает руку и закрывает тремя пальцами правый

глаз. Зал дружно повторяет его жест.

Лукрецию Немрод сейчас опять вывернет наизнанку. Усилием воли она предотвращает новый приступ рвоты.

Она настраивает камеру, чтобы увеличить лица, но тут бумажка с буквами GLH, полученная от Себастьяна Долина, выпархивает из ее кармана и планирует, как мертвый листок, пока не опускается между двумя ярко освещенными креслами.

Зрители задирают голову и видят притаившуюся над ними молодую женщину с фотоаппаратом.

«Спорят три мыши.

Первая гордо сообщает:

– Я нашла мышеловки и стащила сыр, оставшись невредимой. Просто не надо медлить.

Вторая отвечает

– Подумаешь! Знаешь, такие розовые шарики? Крысиный яд? Я ем их на закуску.

Третья смотрит на часы и говорит равнодушно:

– Жаль, девчонки, уже пять часов, мне пора вас оставить. Пойду изнасилую кота».

Из скетча Дариуса Возняка «Друзья наши звери».

Стиснутые зубы, скрежет тормозов, ветер треплет выбившиеся из-под шлема длинные рыжие волосы.

Лукреция Немрод крутит рукоятку газа, ее мотоцикл с коляской лихо разгоняется, издавая нарастающий стальной рев.

В зеркальце стремительно увеличивается мотоцикл ее преследователя.

С каждым виражом расстояние между ними сокращается. Она уже может разглядеть мотоцикл, розовый «Харли-Дэвидсон», и седока – телохранителя с физиономией питбуля. На нем флуоресцирующий розовый жилет с зеленой надписью DARIUS на груди. Шлема нет, он держится в седле спокойно и уверенно, как будто знает, что сейчас ее догонит.

Ошибка мужчин – хроническая недооценка женщин. Века сменяются тысячелетиями, но предрассудки мачо неизменны. Особенно у байкеров.

Молодая журналистка пролетает на красный сигнал светофора, устраивает дерзкий слалом между машинами.

К преследователю присоединилось подкрепление – еще двое на таких же мотоциклах и в таком же наряде.

На счастье, в этот поздний час движение в столице вялое. Лукреция несется, обгоняя ветер.

Свой трехколесный мотоцикл она знает, как всадник – четвероногого скакуна, даже лучше. Она вслушивается в рык его мотора, как если бы это было дыхание галопирующего чистокровного рысака, звук покрышек для нее так же выразителен, как стук копыт, она выжимает из чуда итальянской инженерии даже больше его расчетных возможностей. Но коляска – вот помеха!

Трехколесное чудище уступает маневренностью и скоростью двухколесным байкам.

Лукреция Немрод приобрела его на свою первую получку в «Геттёр Модерн».

Ни о чем лучшем она и не помышляет. В коляске можно возить чемоданы, всевозможный хлам, пассажиров.

На всем скаку она минует неуклюжий дом на колесах, чудом не врежется в грузовик, сворачивает на улицу с односторонним движением и едет в противоток, потом заезжает на тротуар, распугивая пешеходов.

Но трое байкеров по-прежнему висят у нее на хвосте.

Мотоцикл с коляской вылетает на широкий проспект.

На спидометре 110 км/час. При постоянном риске куда-нибудь врезаться быстрее уже некуда.

Окружная. Снование между фурами. Три кляксы в ее зеркальце не растут, но и не уменьшаются в размере.

Внезапно мотоциклист с песьей головой открывает пальбу. Одна пуля свистит у нее над головой, другая раскалывает фару встречной машины, третья разбивает вдребезги драгоценность Лукреции – фотокамеру.

Ого, игра пошла всерьез! Они никак не поймут, с кем связались. Тем хуже для них. Не на ту напали!

Она мысленно перебирает экстренные меры воздействия.

И останавливается на худшей.

«Двое за столом. Один режет пирожное на две неравные части и берет ту, что больше. Второй возмущен:

– Тебя не учили вежливости?

– А что сделал бы на моем месте ты?

– Я бы взял меньший кусок.

– Вот и не ной, ты его и получил!»

Из скетча Дариуса Возняка «По логике вещей».

Нет такого замка, который не поддался бы всемогущей Лукреции Немрод.

Она толкает крышку люка и, запыхавшись, вылезает на остров.

На сей раз Исидор Каценберг не плещется с дельфинами и не медитирует, а ест перед телевизором под выпуск новостей. Звук выключен, вместо голоса ведущего над водой плывут звуки классической музыки.

Это «Нептун» из симфонии Густава Холста «Планы».

На экране бригады спасателей раскапывают развалины, оставленные землетрясением, сотни скрипок из стереоколонок – подходящий аккомпанемент к картинке.

Научный журналист, как околдованный, не отрывает взгляд от страшных кадров, не желая слышать комментариев. Потом на экране возникает лидер пережившей катастрофу страны в военном мундире, яростно грозящий кулаком – вероятно, вулкану. Возможно, его проклятия адресованы министру, не позаботившемуся о мерах предосторожности, возможно, соседней страны.

– Живо! – командует Лукреция Немрод.

Заслонив от Исидора телеэкран, она жестикулирует, чтобы привлечь его внимание.

Он наклоняет голову, чтобы продолжать смотреть.

– Опять вы? – бормочет он безразличным тоном. – Вот упрямая.

Он наливает себе янтарной жидкости и жестом приказывает ей подвинуться.

– Исидор! Некогда объяснять, но...

– Вон!

Она подбегает к окну и видит три фары, выстроившиеся в ряд возле ее мотоцикла.

– Скорее, Исидор, они уже здесь!

– Вот еще, стану я торопиться!

– Они гонятся за мной, потому что я все узнала.

– Мне-то что до ваших мелких личных неприятностей?

– Исидор! Меня хотят убить!

Она показывает свою уничтоженную пулей камеру. Ноль впечатления.

– Без смертей не проходит дня.

– Быстрее, надо подготовиться к обороне.

– Начнем с того, что когда приходишь, принято здороваться. Или хотя бы стучаться, звонить.

– Виновата.

– Придется придумать более замысловатый замок для этого люка.

Она никак не отдышится.

– Вы были правы насчет полночи понедельника. В это время там творятся жуткие вещи. Это опасные безумцы!

– О ком это вы?

– О Театре Дариуса. Полночь понедельника. Там убивают при помощи анекдотов и пистолетов.

Бывший научный журналист соизволит наконец обратить на нее внимание. Судя по растрепанной рыжей копне на голове и пыльному кожаному обмундированию, ей здорово досталось.

– Ничего не понимаю. Что вы несете?

– Сейчас они будут здесь. Они вооружены!

Тем временем в теленовостях начался новый сюжет. Папа римский выступает перед толпой. Судя по субтитрам, он отговаривает верующих пользоваться презервативами. Теперь музыка до смешного не соответствует теме.

– Опомнитесь, Исидор, послушайте меня!

Она выключает стереосистему. Он, не выходя из своего флегматичного состояния, включает звук телевизора.

Она хватает пульт и гасит телевизор.

– Вы что, не понимаете? За мной гнались. Они знают, что я здесь.

– Вариантов всегда три: 1) драться, 2) подавить, 3) сбежать, – перечисляет Исидор.

Черт, это от него я заразилась манией все превращать в цифры!

Раздаются шаги троицы, поднимающейся на водокачку по винтовой лестнице.

Исидор включает охранную видеокамеру. На экране трое в розовом, с оружием, приближающиеся к их убежищу.

– Похоже, вы правы.

– Как быть?

– Вариант номер три: бегство.

– Лестница-то всего одна!

– На случай непредвиденной ситуации у меня есть аварийный выход.

– Что угодно, лишь бы скорее! Они здесь!

– Прекратите истерику, вы становитесь предсказуемой. Спокойно, идите за мной.

– Но они уже...

Когда непрошеным гостям остаются последние метры, Исидор преспокойно переходит по мостику на остров и закрывает люк. Троица пытается высадить дверь, стреляет в замок, издающий колокольный звон. Железная дверь вот-вот поддастся.

– Ну и где ваш аварийный выход? Тоннель, вторая лестница, лифт, вертолет, катапульта? – тараторит, захлебываясь, Лукреция.

Исидор вытягивает из шкафа матерчатый мешок, достает и разматывает длинную веревочную лестницу и выбрасывает ее в иллюминатор.

– Вы шутите? Вы имели в виду эту ерунду?

Под оглушительные удары в дверь журналисты лезут в иллюминатор и быстро спускаются по веревочной лестнице вниз.

Вокруг них беззвучно носятся летучие мыши.

Чувствую, когда мы спустимся, он скажет мне что-то неприятное. Все мужчины одинаковые: или жалуются, или упрекают.

Вот они и на земле.

Лукреция ведет Исидора к своему мотоциклу с коляской, вынимает из-под кожуха шлем и мотоциклетные очки и сует ему.

Он садится и накрывает себе колени кожаным фартуком.

– Вы отдаете себе отчет, что я спокойно смотрел у себя дома телевизор, а вы вторглись ко мне в час ночи? Надеюсь, у вас есть убедительное оправдание, – ворчит он.

Она хочет дать ему револьвер, но он смотрит на него с омерзением. Схватив револьвер за дуло, он отшвыривает его далеко в темноту.

– С ума сошли? Это же коллекционный «Манурин» 1973 года, калибр 357 «магнум», он стоил мне целое состояние!

– Огнестрельное оружие мешает думать. Возникает ощущение, что оно решит проблемы за нас, но оно ложное.

– Они станут нас преследовать, как нам отстреливаться?

– Насилие – последний аргумент идиотов.

Это я идиотка! Я сделала глупость, приехав к нему. Всё моя гордыня: не выношу, когда меня отвергают.

Она толкает педаль газа.

– Ну, так по какой такой причине вы примчались ко мне в неподобающий час и вытащили на холод?

Мотоцикл заводится и, содрогаясь, издает оглушительный стальной скрежет.

– Вперед, к приключениям!

И они уносятся в ночь.

964 г. до н. э.

Иудейское царство. Иерусалим.

До сих пор страной управляло собрание мудрецов 12 колен Израилевых. Профессиональная армия отсутствовала. Страну защищали пастухи и крестьяне, бравшиеся за оружие при нападении на ее рубежи. Но попытки вторжения учащались и становились все опаснее: с севера напирала филистимляне, с юга египтяне. В конце концов древние евреи решились на создание постоянной профессиональной армии. Но чтобы платить жалованье солдатам, приходится собирать налоги, а для их сбора требуется администрация. Для управления администрацией нужна центральная исполнительная власть. Так жители Иудеи перешли от системы правления мудрецов 12 колен к системе египетского типа, с царем во главе правительства и администрации.

Первым назначенным царем был Саул. Выбор пал на него в силу его способностей стратега и природного обаяния.

Вторым царем стал Давид, тоже тонкий стратег, победитель филистимлян и великана Голиафа.

Третьим царем был сын его, Соломон.

Соломон укрепил армию, подписал мирные договоры с соседями и решил построить огромный храм, воплощение величайших архитектурных и художественных достижений той эпохи.

Он собрал мудрецов 12 колен и попросил о небольшом повышении налогов в связи с этим монументальным замыслом, пообещав облегчить налоговое бремя, когда будет установлен полный мир и вырастет храм.

Когда Соломонов храм был построен, а на границах воцарился мир, 12 колен потребовали немедленного собрания мудрецов, чтобы Соломон объявил там, что теперь он сдержит свое обещание.

Но царь попал в тяжелое положение. Его администрация разрослась, слуг стало множество, и как ни легко было поначалу нанимать префектов, субпрефектов, полицию и военных, уволить их теперь было трудно, даже опасно. Оказалось, что налоговая система легко работает в сторону увеличения, но буксует, когда наступает время сокращения.

Поэтому когда мудрецы 12 колен потребовали на своем экстренном собрании изменения налоговой политики, Соломон почувствовал, что теряет власть. И тогда один из его дипломатических советников, некий

Ниссим Бен Иегуда, решил вмешаться и рассказал для смягчения обстановки анекдот.

12 мудрецов изумились, сначала они не знали, как реагировать, но потом их разобрал смех. Дебаты о снижении налогов пришлось отложить.

Соломон испытал удивление пополам с облегчением. Подозвав Ниссима Бен Иегуду, он поблагодарил его за неожиданное избавление.

– Если бы не твой анекдот, мне бы пришлось пересмотреть всю мою экономическую политику.

– Юмор – путь духа, – сказал на это Ниссим. – Разве Всевышний не любит шутку? Не Он ли повелел Аврааму принести в жертву сына, а в последний момент, когда тот уже привязал к жертвенному камню своего единственного сына, сказал, что пошутил? Не это ли юмор? И не носил ли спасенный имя «Исаак», что значит «тот, кто смеется»?

– А ведь верно, мне это как-то не пришло в голову.

– Юмор – решение всех проблем, о великий царь!

– По крайней мере так мудрецы 12 колен легче согласятся с налогами.

После этого царь Соломон решил назначить Ниссима Бен Иегуду своим советником по связям с общественностью в дополнение к его дипломатическим обязанностям.

Убедившись, что фразы, подсказываемые Ниссимом, делают покладистыми не только представителей колен Израилевых, но и всех подданных, Соломон снова призвал его к себе.

– Хочу, чтобы ты научил меня шутить даже в твое отсутствие.

– Дело в том, о великий царь, что юмор – целая наука.

– Брось, это просто интуиция, главное – уловить, а дальше пойдет как по маслу.

– Вовсе нет. Смотрите. Каждый анекдот действует по принципу третичной ритмики.

– Ты это о чем?

– Приведу пример. Праздник. Появляется некто в зеленой тунике с красными полосами. Все удивлены. Появление второго человека в такой же тунике удивляет еще больше. Третий в зеленой тунике с красными полосами вызывает хохот. Это магия цифры 3.

– Ты прав! Научи меня юмору, Ниссим.

– Первое правило: никогда не предупреждать «я вас насмешу» или «а вот еще хороший анекдот». Смех должен быть спонтанным.

Царь заинтригован.

– Второе правило: не смеяться раньше времени. Иначе вы задерете планку слишком высоко, и потом до нее будет не допрыгнуть. Говорите: «Я

знаю одну историю» и рассказывайте ее нормальным тоном. Комический эффект производится неожиданным финалом. Попробуйте, о великий царь.

– Что попробовать?

– Пошутите. Например, расскажите загадку.

– Не знаю ни одной.

– Как занять красивую, умную, добрую женщину?

– Не знаю.

– Взять сразу трех.

– Недурно! Снова твоя цифра 3?

– ...и учет аудитории. У вас гарем из 900 женщин, и для вас эта шутка приобретает особый смысл, о великий царь.

Соломон, сначала не уловивший этого момента, засмеялся снова.

– Теперь расскажите что-нибудь мне.

Царь набрал воздуха.

– Нет, вы уже улыбаетесь. Не надо, сохраняйте серьезность.

Царь Соломон попробовал снова.

– Нет, в конце шутки вы не можете сдержать улыбку. Хотите рассмешить других – сами не смейтесь.

Царь повторил свой анекдот.

– Всегда старайтесь подловить слушателя. Давайте для практики обратимся к вашей повседневной работе. Чем займется ваше величество нынче днем?

– Днем у меня суд.

– Вот и заготовьте сюрприз, не важно, какой будет ситуация. Это будет первая ваша юмористическая тренировка.

Царь Соломон согласился принять вызов.

И привели к нему двух женщин, не поделивших ребенка.

Ниссим Бен Иегуда, стоя в сторонке, подбадривал властелина.

Тот как прилежный ученик поразмыслил и произнес фразу, показавшуюся в той драматической ситуации верхом нелепости:

– Раз обе хотят одного и того же, пусть младенца разрубят надвое, тогда каждой достанется половина.

Никто не засмеялся. Но поразительной была реакция истиц.

Одна промолвила:

– Покоряюсь решению моего царя.

А другая вскричала:

– Нет, только не это! Лучше пусть мой сын останется жив и достанется плохой матери, чем умрет вместе со мной.

И тогда царь Соломон, быстро опомнившись и не показывая досады,

изрек:

– Отдайте его этой женщине, ибо та, кому всего дороже жизнь ребенка, и есть настоящая мать.

Аплодисменты. Все восславили мудрость царя.

– Между прочим, я не добился желаемого эффекта, – пожаловался Соломон Ниссиму.

– Это так, никто не смеялся, слишком велико было удивление. Эффект надо дозировать. Мы над этим поработаем, о великий царь.

Тем не менее история о младенце, чуть было не разрубленном надвое, прогремела. Все ее повторяли, и не смеха ради, а чтобы поразмыслить. Теперь цари всех стран мечтали встретиться с этим правителем, умеющим так мудро разрешать тяжбы.

Свет его мудрости привлек и царицу Савскую.

Ниссим Бен Иегуда подготовил Соломона к ее визиту.

– Чтобы рассмешить, сделайте противоположное тому, что от вас ждут. «Разлом», «сюрприз», «шоковый эффект», «нарушение логики» – вот что должно быть у вас на уме.

В тот же вечер в зале приемов собрался весь двор: министры, жрецы, дипломаты. Всем не терпелось встретиться с делегацией африканской царицы. Тут же были несколько сотен женщин из царского гарема. Царица Савская велела возложить ее дары к ногам Соломона и произнесла длинную хвалебную речь под последовательный перевод на древнееврейский.

После этого воцарилось молчание. Все ждали ответа Соломона. Царь покосился на Ниссима Бен Иегуду, тот поощрительно подмигнул.

– Бесценная царица великой земли Савской, твои слова покорили меня, как и твоя несравненная красота. Поэтому вместо длинных речей я предлагаю тебе... почтить этим вечером мое ложе.

Царь заулыбался, предвкушая взрыв смеха. Но ответом ему была тишина. Все застыли, не поверив своим ушам.

Неудобно стало обеим сторонам. Оскорбленные женщины гарема поспешно покинули зал.

Никто не осмеливался нарушить молчание.

Царь Соломон нашел взглядом Ниссима, тот сокрушенно качал головой.

Правитель хотел было исправить положение, объясниться, загладить свой промах смехом. Но тут он вспомнил совет Ниссима: «Никогда не смейтесь над собственными шутками».

Решив идти до конца, он взял царицу Савскую за руку и повел ее мимо

потрясенных присутствующих в царские покои.

Соломон не признал свое поражение и с упорством, какое проявлял в любом деле, продолжил работать с Ниссимом, развивая в себе чутье на «фразы, вызывающие смех».

– Юмор – тот же экзорцизм, – внушал ему Ниссим. – Он изгоняет то, что вызывает у нас страх. Вот чего больше всего страшится ваше величество? Попробуем подействовать на это смехом. Таково будет наше следующее упражнение.

– Что меня больше всего страшит? Моя мать, Версавия. Нервничая, она превращает меня в дитя.

– Прекрасно. Не станем называть ее имени, будем говорить об «идише мамэ».

Царь Соломон попытался вспомнить о своей матери что-нибудь смешное, но нет, тема была слишком табуированной.

– Помоги мне, Ниссим.

– Давайте разберемся. Что вас сильнее всего в ней раздражает?

– Она во всем меня контролирует. Обо всем высказывает свое мнение.

Что бы я ни сделал, такое впечатление, что этого мало.

Ниссим улыбнулся.

– Как проще всего опознать идише мамэ?

– Не знаю.

– Вы встаете ночью в туалет, возвращаетесь – а ваша постель застелена.

Соломон прыснул.

– Теперь ваша очередь, о царь.

– Даже не знаю... Подскажи мне что-нибудь на ту же тему.

Ниссим Бен Иегуда порылся в памяти и вспомнил:

– Три идише мамэ судачат на лавочке. Одна вздыхает: «Ой-ой-ой», вторая: «Ай-ай-ай». Третья: «Мы же договорились: о наших детях ни слова!»

Новый взрыв монаршего хохота.

– Ты так легко их вспоминаешь, Ниссим! Как у тебя это выходит?

– Я наблюдаю за людьми на улице и подмечаю все их причуды. А потом придумываю, как это применить.

Так, в обществе царя Соломона, Ниссим сочинил первые анекдоты про еврейских мам.

Назавтра он обратился к царю со странной просьбой:

– Мне хочется создать группу для разработки юмора как новой науки, повелитель.

– Не понимаю. Юмор – не наука, а развлечение.

– Пока что не наука, но может ею стать. Я бы собрал здесь таланты и создал юмористический цех. Для начала мне хватило бы трех помощников, которых я бы сам отобрал, и скромного зала, где нас не беспокоили бы. Возможно ли это, о царь?

Соломон согласился, не понимая, правда, что толку в таком «юмористическом цехе».

Позднее царь Израиля написал сборник анекдотов с шуточным названием «Песня песней» (труднопереводимая игра слов). Второе свое сочинение он назвал просто «Шутки», в переводе оно для пущей серьезности известно как «Притчи».

В этом состояла драма царя. Любую его шутку воспринимали либо как мудрость, либо как высокую поэзию. Скрытый смысл оставался недоступен. Царю не полагалось шутить, уделом царя оставались серьезность и важность. Это очень его удручало. Одна из его шуток из века в век имеет огромный успех: «Прах ты и в прах возвратишься». Эти слова должны были веселить, но, неверно истолкованные, превратились в мистическое изречение и звучат из уст служителей практически всех культов над телом почившего.

Тем временем в недрах дворца, в потайном подземелье, Ниссим Бен Иегуда и трое его учеников изобретали новую науку – науку смеха. День за днем они все больше восторгались невероятными возможностями этой науки.

Большая история смеха. Источник: GLH.

Комиссар Малансон медленно сплетает и расплетает пальцы. У него короткая седоватая бородка и разочарованный вид.

Над его столом соседствуют два портрета: президента республики и его личного кумира, Генри Фонды в фильме «Меня зовут Никто».

Из камеры-вытрезвителя доносятся громкие вопли, там колотят в дверь.

– Должен признаться... Все, что вы рассказываете, звучит как-то надуманно, все это как-то, я бы сказал, притянута за уши, а то и за волосы, – говорит комиссар, довольный своим красноречием.

Лукреция Немрод старается сохранять спокойствие.

– Я журналистка. Я рассказываю о том, что видела собственными глазами в ходе профессионального расследования.

Полицейский устало морщится и смотрит на настенные часы: 2.02 ночи. У него слипаются глаза, парочка, вторгшаяся в его кабинет, помешала ему дремать на раскладушке. Он бы охотно вытолкал их вон, но изгнанию помешала надпись «Геттёр Модерн» на визитной карточке с триколором.

– Допустим... Но журналисты, в отличие от нас, не присягают говорить только правду и никогда не лгать. Насколько мне известно, не существует никаких контролирующих инстанций, которые следили бы за тем, что вы публикуете.

Исидор не может не одобрить его слова кивком.

– Над полицией стоит другая полиция. А какая, хотелось бы мне знать, полиция ловит вас на ошибках, сознательных и невольных? Вы можете позволить себе любые преувеличения, ничем не рискуя. А как учит меня мое ремесло, бесконтрольность побуждает человека злоупотреблять имеющейся у него властью.

– Он прав, – говорит Исидор.

Еще один взялся пудрить мне мозги! Не мое дело защищать журналистскую профессию. А тут еще Исидор со своим поддакиванием, только этого не хватало!

Входит женщина в костюме цвета морской волны и отдает начальнику бумаги на подпись.

Исидор, вывернув голову, видит в дежурном помещении играющих в карты и позевывающих полицейских в форме. Кто-то печатает одним

пальцем рапорт, перед ним сидит бродяга с разбитым в кровь лицом.

– В *вашей* профессии совесть и этика – весьма относительные понятия. Поэтому, поймите, ваш рассказ представляется мне крайне сомнительным.

Соотношение сил не в мою пользу. Остается прибегнуть к сильному средству.

– Придется напечатать в журнале чистую правду о вашем нежелании сотрудничать. Как вам такой заголовок: «Комиссар, которого нельзя беспокоить»? Дальше я поведаю о том, как гражданку, избирательницу и налогоплательщицу преследовали трое вооруженных злоумышленников. Как они ломились ночью в частное жилище. И как она, сумев от них оторваться, обратилась за помощью в полицию, где услышала от комиссара, что ее журналистский статус лишает ее показания достоверности.

– Она права, – произносит Исидор.

– Без сомнения, мне придется также написать о не интересующих полицию преступлениях, совершаемых по понедельникам на глазах у четырехсот сообщников. А на вас мне придется подать жалобу по факту неоказания помощи человеку, которому угрожает опасность.

Они меряют друг друга взглядами.

Исидор помалкивает, улыбка, с которой он смотрит на слугу закона, говорит: «Сами с ней разбирайтесь. Знаю, с ней нелегко. Лично я умываю руки».

Комиссар со вздохом берет трубку телефона.

– Алло, говорит Малансон. У нас есть патрульные экипажи в районе метро «Ледрю-Ролен»? Пусть едут к Театру Дариуса. Цель – обычная проверка. Что? Знаю, что два часа ночи. Да, знаю, что в понедельник закрыто. Все равно... Пусть перезвонят мне.

Он кладет трубку.

– Теперь остается ждать.

Он нервно барабанит пальцами по столу. Телефон звонит, он хватается трубку, слушает, кивает, бормочет: «Да, хорошо». Разговор окончен.

– Они доложили, что театр закрыт. Нигде никого нет, пусто и тихо. Ах да, перед дверями лежат на картонках трое замотанных в одеяла бродяг. Полагаю, это и есть ваши «убийцы».

Лукреции Немрод изменяет терпение.

– Не станут же они вас дожидаться! Должны были остаться следы. Пусть взломают замки и войдут!

Комиссар Малансон снова сплетает и расплетает свои длинные

пальцы.

– Дело в том, что... В такой поздний час нельзя получить подпись судьи на ордере на обыск. Тем более в помещении, принадлежащем известному лицу. Если пресса об этом пронюхает, меня поднимут на смех. Я не могу так рисковать.

Лукреция Немрод вскакивает и хлопает ладонью по столу.

– Пресса – это я!

Но комиссара Малансона нелегко смутить.

– Не только. Вы не единственная представительница профессии. Не хочу из-за какой-то мелочи закончить карьеру где-нибудь в захолустье.

– Клянусь, там убивают!

– Работа в захолустье имеет свои преимущества, – не удерживается от комментария Исидор.

Комиссар качает головой, смотрит на фотографию Генри Фонды и, воспроизводя позу актера, произносит, чеканя слова:

– Возвращайтесь домой и прислушайтесь к моему совету: не связывайтесь с семейкой Возняк... Они так могущественны, что с ними не сладить даже объединенным силам полиции и прессы. У нас с вами кишка тонка.

«Женщина потеряла работу, мужа, сбережения.

Она идет за советом к раввину. Тот говорит:

– Купите козу.

– Козу?..

– Именно. Все очень просто. Поселите у себя дома козу, и все сразу наладится.

Женщина недоумевает, но следует совету: покупает и приводит домой козу.

Коза всюду гадит, все грызет и жует, распространяет невыносимую вонь.

Женщина в ужасе бежит к раввину и говорит, что жизнь стала совсем невыносимой: дом превратился в хлев, она уже боится сунуть туда нос, потому что коза бодается.

– А теперь, – говорит ей раввин, – уберите козу.

Женщина опять повинуется и в радости бежит к раввину.

– Вы были правы, рабби, без козы жизнь так хороша! Теперь я дорожу каждым мгновением. Спасибо за могучее средство!»

Из скетча Дариуса Возняка «По логике вещей».

Три часа утра. Лукреция Немрод и Исидор Каценберг медленно едут по пустым парижским улицам. Из динамика «Гуцци» льются звуки «Мьюз».

– Что ж, – заключает Лукреция, – придется нагряться в следующий понедельник с фотоаппаратами и видеокамерами. Надо убедить их, что за фасадом Тетра Дариуса, «открывающего молодые таланты», прячется преступная организация.

Исидор отвечает, перекрикивая музыку:

– Действуйте исподтишка. Комиссар Малансон прав, они слишком сильны. Тадеуш Возняк – брат любимейшего француза французов, обладатель не только огромного состояния, но и бескрайней народной симпатии. Пресса воспевала Дариуса, теперь по принципу наименьшего сопротивления вся она займет сторону Тадеуша, «Геттёр Модерн» тоже завоюет вместе с остальными волками. Вы – пушинка против такой тяжести.

– Убивать людей забавы ради – тоже, по-вашему, пушинка?

– А вы уверены? По-моему, ценность человеческой жизни на этой планете неуклонно снижается. Десять заповедей уже не в моде. Здесь задействовано слишком много интересов: экономические, политические, религиозные, даже комические.

– Нельзя же, в самом деле...

Она умолкает на полуслове, останавливает мотоцикл и замирает.

Они подъехали к водокачке Исидора.

Тот срывает с головы шлем и тоже лишается дара речи.

В окнах верхнего этажа плещется вода.

Журналисты торопятся наверх по винтовой лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и выскакивают на остров посреди цистерны.

Гостиная, кухня, спальня, все служебные помещения затоплены. Дельфины и акула плавают где хотят, огибая кровать, диван, всплывшие подушки. Дельфины забавляются, открывая мордами ящики и вытаскивая рубашки и брюки, которые распластались в воде, как медузы.

Исидор Каценберг в трансе, он полностью уничтожен.

– Мне страшно жаль, Исидор, – обращается к нему Лукреция. – Так жаль, что и...

Он в прострации.

– Это все костоломы Дариуса в розовых костюмах, – бормочет она. –

Это их месть.

Он ныряет, подплывает к трем открытым кранам бассейна и закручивает их. Вода перестает прибывать.

Он вылезает на островок.

Чувствую, сейчас он скажет, что виновата я.

Пока что она видит, как он сжимает кулаки.

– Все так, вы не желали иметь со мной дела. Все так, всего этого не произошло бы, если бы я не притащила к вам моих преследователей. Я признаю свою вину. Признанная ошибка уже наполовину прощена, разве нет?

Лукреция получает кулаком в скулу и падает в воду. Он прыгает следом за ней, и начинается возня в воде. Жорж, Ринго, Пол и Джон подплывают и смотрят на двух людей, как будто решивших поиграть.

Исидор хочет наносить сокрушительные удары кулаком, но их смягчает вода. Лукреция не обороняется, она только увертывается от толстых фаланг, твердых, как бетон.

Обессилив, они выползают на остров в тяжелой, как кандалы, мокрой одежде.

– Ненавижу вас, Лукреция. Больше не желаю вас видеть.

Сколько раз я это слышала? Еще я «приношу несчастье», «все, кто мне доверяет, потом жалеют», я «не улучшаю, а порчу людям жизнь». Знаю, знаю.

– Сказано вам, я сожалею. Вы что, хотите меня убить? – спрашивает она, задыхаясь.

– Наконец-то разумное предложение!

– Нет, Исидор, вы ошиблись с предметом гнева. Я вам не враг. Враг – Тадеуш Возняк.

Но он по-прежнему смотрит на нее, как разъяренный бык на красную тряпку.

– Я поселился здесь, сбежав от людской агрессивности и глупости. Я выбрал водокачку в уверенности, что здесь меня не потревожат. А теперь из-за вас...

– Да уж, я добавила соли в вашу пресную жизнь. Вы должны меня благодарить.

Глядя на свое затопленное жилище, он пытается до нее дотянуться, но она успевает отскочить.

– Не хочу больше драться, Исидор. Лучше вытащим вашу мебель наружу, пусть сохнет на солнышке. Да, кое-что придется заменить, но это не конец света, вас не первого малость затопило. Смотрите на вещи

позитивно, у ваших водоплавающих друзей никогда не было такого простора для игр. Взгляните, как они счастливы!

Его кулаки сжимаются сами собой.

– Не забудьте ваш собственный девиз, Исидор: «Насилие – последний аргумент идиотов».

Он кидается на нее, и борьба продолжается на острове. Исидор сильнее, зато Лукреция проворнее, только не смеет причинять ему боль, а ограничивается тем, что увертывается от ударов.

Наконец он застывает, совсем обессилив.

– Ну что, разрядились? Теперь мы можем говорить как взрослые люди?

Он испепеляет ее взглядом, мертвенно-бледный от ярости.

– Мне больше нечего вам сказать. Убирайтесь отсюда, убирайтесь из моей жизни и больше никогда не возвращайтесь. НИКОГДА!

Она неподвижно стоит перед ним, готовая отразить новое нападение.

– Полюбуйтесь на себя, вы мокрый как мышь, и вам негде ночевать. Будьте благоразумны, Исидор. Проще всего расслабиться и принять помощь. Идем ко мне, там по крайней мере суше.

Он опять бросается на нее, в этот раз с намерением задушить.

«Женщина собирает купленный в разобранном виде шкаф. Закончив, она отходит и любуется результатом. Но по улице проезжает автобус, и шкаф разваливается.

Женщина снова собирает шкаф, не понимая, что произошло. Потом ждет, глядя на шкаф. Снова проезжает автобус, и снова шкаф – груда досок.

Не находя объяснения происходящему, она звонит в магазин, где приобрела эти дрова. Выслушав ее, владелец отправляет к ней мастера. Тот уверенно собирает шкаф. Они ждут вместе. При проезде по улице автобуса шкаф опять разваливается.

– Видите, мне это не приснилось, – говорит женщина.

– Ничего не понимаю, – отвечает мастер. – Может, шум двигателя вызывает вибрацию, рушащую шкаф? Но для очистки совести я попробую еще разок.

Он снова собирает шкаф и лезет внутрь, чтобы определить, какие болты дают слабину. Аккуратно закрыв дверцы, он замирает.

Оба ждут: мастер в шкафу, женщина в комнате. Тут возвращается домой ее муж. При виде шкафа он восклицает:

– Гляди-ка, ты купила новую мебель?

Жена не успевает глазом моргнуть, как он распахивает дверцы шкафа и видит спрятавшегося внутри мужчину.

Тот, багровый от смущения, бормочет:

– Знаю, это прозвучит невероятно и вы мне, конечно, не поверите, но... я жду автобус».

Из скетча Дариуса Возняка «По логике вещей».

Приближаясь, они слышат рвущие барабанные перепонки завывания сирены, потом видят в окнах языки пламени.

Жаром пышет на десятки метров вокруг.

Люди с озаренными пожаром лицами, столпившиеся за санитарным кордоном, переговариваются: «У кого загорелось? – У девчонки, наряжающейся китаянкой. Она журналистка, то ли в «Рapid», то ли в «Геттёр Модерн». – А-а, та, что с мотоциклом, он еще страшно грохочет и вечно стоит там, где нельзя? – Вроде та самая».

Пожарные разматывают и подсоединяют шланги, стрела крана медленно поднимается к двум окнам, из которых вырывается огонь.

Лукреция Немрод слезает с мотоцикла и медленно поднимает очки.

О нет! Только не это!

Она произносит всего одно слово:

– Левиафан!

Она бросается к оцепленному дому, расталкивает пожарных, опрокидывает заграждение и мчится вверх по лестнице.

Проходит несколько секунд, и она снова появляется – вся в саже, с дымящимися растрепанными волосами. Она надсадно кашляет, судорожно ловит ртом воздух.

Слева она зажала под мышкой наполовину расплавившийся лэптоп, закопченный фен и синюю лакированную шкатулку с надписями «BQT» и «Не смейте читать». В правой руке она держит что-то обугленное, с вытаращенными бельмами, ни дать ни взять жареная сардина.

Видя то, что пыталась спасти из огня Лукреция Немрод, Исидор Каценберг не скрывает удивления.

– Его звали Левиафан. Они заплатят за свое преступление! – скорбно произносит она.

Она помещает останки Левиафана в спичечный коробок.

Она уже прыгает в седло мотоцикла и готова его пришпорить, чтобы мчаться к Театру Дариуса.

Но Исидор глушит мотор и забирает ключ, чтобы принудить Лукрецию его послушать.

– Все, хватит дергаться и вытворять не пойми что. С этого момента действует испытанный принцип: 1) информация, 2) размышления, 3) действия. Для начала, правило 1-бис: никогда не реагировать сгоряча. Как

насчет того, чтобы удалиться для анализа ситуации на нейтральную территорию?

Воплощая свое предложение в жизнь, он забирается в коляску и отдает ей ключ. Мотоцикл трогается с места.

«Два старика вспоминают, как когда-то сидели в ресторане, где выступал актер, раскалывавший детородным органом три ореха. Они возвращаются туда. Им говорят, что представление продолжается. Появляется тот же артист, только сильно постаревший. Загораются прожекторы, и артист раскалывает членом один орех, зато кокосовый!

Старики идут за кулисы и спрашивают артиста, почему он перешел на кокосы.

– Сами знаете, как дает о себе знать возраст, – отвечает артист. – Зрение уже не то».

Из скетча Дариуса Возняка «По логике вещей»

Гроб осторожно закрывают.

Руки копают рыхлую землю кладбища Монмартр и опускают в могилу саркофаг – спичечный коробок.

Роль надгробия исполняет деревяшка, на которой Лукреция написала толстым фломастером «ЛЕВИАФАН».

Ниже эпитафия: «Рожден в воде, погиб в огне, похоронен в земле».

Исидор сочувственно качает головой.

– Уверен, это была замечательная рыбка. Незаурядный карп.

– Королевский сиамский. Он был мужского пола. Да, очень незаурядный, с сильным характером, с убеждениями. Левиафан подал мне знак, что в моей студии рылись в мое отсутствие. Аквариумной золотой рыбке трудно общаться с людьми, а он...

– У меня было деревце бонсай, разом сбросившее все листочки.

– Это тоже был намек на обыск в вашем доме?

– Нет, просто деревца бонсай очень чувствительные и хрупкие.

Двое научных журналистов едут в ближайший отель на улице Монмартр с выразительным названием Hotel de l’Avenir^[16].

Дежурный, тощий флегматичный человек-жердь со впалыми щеками, удивлен появлением пары без вещей: вымазанная сажей растрепанная девушка и мужчина в мокрой одежде.

– Нам разок перепихнуться, – выпаливает Лукреция, предотвращая лишние вопросы.

Дежурный вежливо улыбается, как будто оценил ее шутку, и кладет на стойку ключ.

– Вам повезло, у нас всего один свободный номер.

Они поднимаются по лестнице и находят нужную дверь. Лукреция отпирает замок.

– Не пойдет, – бросает Исидор, окинув комнату взглядом.

– Не обращайтесь внимания на цену, Исидор, я запишу это в статью «расходы». Пусть платит Тенардь.

– Я не об этом.

– А о чем?

Исидор в смущении.

– Здесь всего одна кровать. Ладно, буду спать на ковре.

Он подходит к окну, смотрит на панораму Парижа, закрывает штору,

зажигает лампу и плюхается в кресло.

Достав айфон, он набирает номер.

– Алло! Жан-Луи? У меня на водокачке проблема с водой. Нет, не кран потек. Нет, не труба. Наводнение.

Он слушает.

– Небольшое? Если бы! Колоссальное! Когда пускаются вплавь ковер и кровать, а телевизор пускает пузыри, как ты это назовешь в технических терминах? Сможешь быстро привести все в порядок? Очень тебя прошу! Придется вынести всю пострадавшую мебель и проверить, не прохудились ли бетонные переборки. Все проверь и сообщи, во сколько обойдется ремонт. Можешь купить необходимую мебель и подкрасить, что надо, – я все оплачу.

Он переводит дух.

– А еще накорми Пола, Джона, Ринго и Жоржа. Дельфинов селедкой, Жоржа нежирной говядиной. Жилы удали, если будут. Сообщай мне о продвижении работ. Спасибо, Жан-Луи.

Он завершает разговор с озабоченной гримасой.

– Проклятье! – вскидывается Лукреция. – Война так война! Эти мерзавцы жестоко поплатятся.

– «Не плакать, не смеяться – понимать».

– Ашилль Заватта?^[17]

– Нет, Спиноза. Попав во власть эмоций, мы перестаем думать, видеть и понимать.

– Тут и понимать нечего. Тадеуш Возняк и его банда в розовых костюмах уничтожили наши дома, чтобы дать понять, что нельзя совать нос в их тайны.

– Мы лишились крыши над головой. Зато стали обладателями никому больше не известной информации: что происходит в полночь по понедельникам в Театре Дариуса. «Большее уравнивается меньшим».

– Лао-Цзы?

– Исидор Каценберг. Но этот универсальный принцип ясен не мне одному.

Лукреция Немрод нервно кружит по комнате.

– Нельзя медлить. Надо им помешать, иначе они не успокоятся.

Исидор не встает с кресла.

– Нет, сначала надо подумать.

– Вы что, хотите сидеть здесь и разглагольствовать?

– Вот именно. Порой для активного человека это единственный правильный вариант.

Молодая женщина с палеными волосами и с сажей на руках рывком отодвигает штору и любитесь огнями ночного Парижа.

– У меня есть друзья, имеющие друзей, знакомых с шишками в политике. Те не испугаются замахнуться даже на семейку Дариуса.

– Это совсем не то, что надо.

– Терпеть не могу бесполезную болтовню. Вы сами-то что предлагаете, мсье Хитрейший Из Людей?

– Первым делом – успокоиться. Вернуться на стартовый рубеж. Не отвлекаться на побочные обстоятельства. Только решив загадку смерти Дариуса, вы сможете загнать их в угол.

Она воинственно поворачивается к нему.

– Появились более срочные дела, чем разоблачение убийцы Дариуса?

– Нет, наоборот, самое срочное это. Когда мы отгадаем загадку, нас будут считать официальными защитниками имиджа Циклопа. Мы ведем расследование «ради него». Все, кто его любил и ценил, будут на нашей стороне.

Лукреция Немрод начинает понимать. Она молча ждет продолжения.

– Все, что мы станем делать, будет «за Дариуса». Ради него, во имя его славы и его таланта мы сможем взять в оборот его преступного братца, предавшего его и марающего его память своими смертельными поединками. Нам помогут эмоции людей.

Лукреция поворачивается к Эйфелевой башне, которая перестает помигивать и показывает время.

– Что, если Дариус был осведомлен о турнирах в понедельник вечером? – спрашивает Лукреция.

– Вы шутите? Он все знал, можете не сомневаться. Наверное, он и придумал это ПЗПП. Но он зарекомендовал себя святым в миру, на него нельзя нападать в лоб.

– Что конкретно вы предлагаете, Исидор?

– Расследовать гибель Циклопа, как подобает добросовестным журналистам, жадным до истины. Потом, когда мы прослышем его «мстителями», мы сможем, действуя «от его имени», разоблачить его брата. Это будет приемлемо для публики и для прессы. Полиции останется только ринуться в проделанную нами брешь. У Тадеуша Возняка не будет больше той политической поддержки, которой он пока что пользуется. Он будет разоружен, и мы схлестнемся с ним на равных.

Я плохо расслышала?

– Вы сказали «мы»? Вы согласны мне помогать, Исидор?

Он устало роняет руки.

– Нет, это я так, к слову. Я не согласен участвовать в расследовании. Я убежал с вами, потому что вы меня заставили, заманив ко мне ваших «преследователей».

– Я думала, что потоп на вашей водокачке...

– ...так меня взбесит, что я соглашусь на насилие? Я был готов применить его к вам, но не к ним. У меня вызывают гнев только те люди, которых я уважаю и которые меня разочаровали. На остальных я не обращаю внимания.

– Прикажете благодарить вас за ваш гнев?

– Я противник насилия. Меня самого все разрушает, но я не бык, бросающийся на красную тряпку.

– Вы сами сказали, что причина всех этих событий – мое расследование и что вернувшись в исходную точку и найдя правду...

Лицо Исидора Каценберга каменеет.

– Вам не надоело меня торопить? Для меня ничего не изменилось. Хотите моей помощи – извольте ее заслужить.

– Что я должна делать?

– Соблюдать вами же установленные правила игры...

Она смотрит на него по-другому.

Никогда не пойму этого человека.

– «Три камешка»?

– Они самые.

– Вы хотите сказать, что после всего происшедшего ваше решение участвовать в расследовании будет зависеть от результата игры в «три камешка»?

Он не возражает.

– Вы сами предложили это правило, когда в первый раз ко мне пришли.

Поглощен детскими играми, но безразличен к взрослым драмам.

Этот тип действует наперекор правилам остальных смертных.

С ним всегда приходится поступать вопреки очевидной логике.

Они садятся за стол. Лукреция находит в ящике коробок спичек, и они приступают к церемонии.

На протяжении всей партии Исидор сосредоточен и спокоен, как будто позабыл, из-за чего здесь оказался.

– Четыре, – объявляет он.

– Пять, – отвечает она.

Они показывают ладони. У нее три спички, у него одна.

Первая партия за ним.

Вторая тоже.

Как обычно, он воздерживается от комментариев.

В третьей партии выигрывает она.

В четвертой – тоже она.

В конце у каждого остается по одной спичке.

Протянув сжатые кулаки, они смотрят друг на друга, не мигая.

– Одна, – говорит она.

– Ноль, – отвечает он.

Она разжимает кулак и показывает пустую ладонь.

Его кулак остается сжатым.

– Браво, Лукреция, вы победили.

И он торопливо собирает спички.

*Я ВЫИГРАЛА! Я ЕГО ОБЫГРАЛА! ПОБИЛА САМОГО ИСИДОРА
КАЦЕНБЕРГА В ИГРЕ «ТРИ КАМЕШКА»!*

– Я последовала вашему совету, – объясняет она. – Перестала думать и мысленно бросила кости, положившись на чистую случайность.

Он признает эффективность этой стратегии.

– Итак, вы соглашаетесь участвовать. С чего начнем?

– Сейчас четыре утра. Предлагаю начать со сна.

Она подходит к нему.

– Знаете, Исидор, постель большая, я разрешаю вам спать со мной.

– Сказано вам, я предпочитаю спать в одиночестве, на ковре.

*Невероятно! Он меня не видит? Не видит мою грудь, ягодицы? А ведь
я сейчас гиперсексуальна: глаза мерцают, как огни на Эйфелевой башне,
вся обтянута черной кожей... Да я – ожившая мужская фантазия! Ни
один мужчина против меня не устоит!*

– Обещаю, мы ляжем по краям, я к вам не прикоснусь. Я даже не храплю.

– В отличие от меня.

Она подходит еще ближе, поднимает руку, чтобы его приласкать, но он отшатывается.

– Почему вы меня отвергаете? Я вам не нравлюсь?

– Повторяю, разница в возрасте делает любую идиллию совершенно... гротескной.

Она в ответ кривится.

*Он намекает на инцест. Хлебом не корми, дай испачкать одно из моих
редких приятных воспоминаний!*

– Вам напомнить, Исидор, что наши тела уже обменивались жидкостями? Тогда мне показалось, что вам понравилось...

– Это не имело отношения к любви. Вы – сирота в поисках отца. Если хотите, чтобы от нашей совместной работы был толк, воспринимайте меня как партнера по работе, а не по койке. Поэтому запомните три правила: 1) запрет ко мне прикасаться, 2) запрет меня возбуждать, 3) запрет... Хотя нет, хватит двух пунктов.

Он отправляется в ванную, там приготовлена пластмассовая зубная щетка и тюбик с пастой. Он чистит зубы, принимает душ.

Вернувшись в комнату в трусах и в футболке, он принимает в кресле позу лотоса.

– Чем это вы занимаетесь?

– Я забываю.

– Простите?

– Все забываю, даже вас. Это способ сохранить чистоту. Перед отходом ко сну я: 1) полощу рот, 2) моюсь, 3) чищу душу. Чтобы не осталось ни угрызений совести, ни сожалений, ни страха, ни огорчений. Я все вспоминаю и стираю мысль за мыслью, по мере поступления. Не остается вообще ничего: ни еды во рту, ни жира на коже, ни мыслей в голове.

– О чем вы думаете, когда ни о чем не думаете?

Он приподнимает одно веко, вздыхает.

– Сегодня не получится. Чувствую, что не готов.

– Сожалею, Исидор. Надеюсь, я не виновата.

– Не сожалейте, лучше займитесь психологической подготовкой. Набирайтесь сил. Приготовьтесь к тому, что с вами начнут происходить невообразимые вещи. Лично я уже готовлюсь.

Он вытаскивает из шкафа одеяло, заворачивается в него и растягивается на ковре.

В конце концов, он просто мужчина, как все остальные.

Словно подтверждая ее вывод, здоровенный и толстый научный журналист засыпает и принимается громко храпеть.

Акт II

Дуновение первобытности

489 г. до н. э.

Греция. Афины.

Эпихарм был молодым студентом, недавно с почетом завершившим учебу в престижнейшей школе Пифагора. Ему был 21 год, и он намеревался писать пьесы для театра. Он уже сочинил две трагедии, но их никак не ставили, и он, отчаявшись, подумывал о более прозаическом занятии – торговле сандалиями.

Как-то вечером он прогуливался близ Большого рынка в Афинах, в этот час пустынного, как вдруг увидел, как пятеро преследуют одного. Поймав беглеца, преследователи повалили его на землю, попинали, обшарили и обобрали.

В школе Пифагора Эпихарм научился не только математике, литературе, истории и философии, но и искусству драки. У него развился особый талант к обращению с палкой, превращавшейся в его руках в страшное оружие.

Он вырос перед пятью злоумышленниками и не только отогнал их своей палкой, но и обратил в бегство.

После этого он помог жертве нападения подняться. По тому, как тот был одет, Эпихарм сразу догадался о его происхождении. То был выходец из Иудеи.

Благодаря пифагорейскому образованию Эпихарм бегло говорил на древнееврейском языке, и диалог быстро налачился. Парень, поблагодарив его, пожелал без промедления продолжить путь. В темноте Эпихарм не заметил большого красного пятна на одежде иудея: того пырнули ножом в живот. Пройдя сотню шагов, он рухнул.

Эпихарм учился медицине у самого Гиппократы и владел наукой врачевания. Он остановил у раненого кровотечение и, порвав собственную одежду, перевязал его.

Придя в сознание, раненый пробормотал: «Мне лучше, я пойду», но через несколько шагов опять упал.

Молодой грек взвалил иудея себе на плечи и отнес к себе домой.

Всю ночь он без устали врачевал рану, и раненый уснул. Во сне он заговорил о великой тайне, которую должен был сохранить любой ценой.

Сначала Эпихарм решил, что речь идет о какой-то еврейской секте. Он

слышал, что в этой монотеистической вере время от времени возникают тайные ячейки, занимающиеся эзотерическими практиками. Иудей пробредил весь следующий день, но выжил благодаря бальзамам и припаркам из трав.

На рассвете он назвал свое имя. Звали его Эммануилом из колена Вениаминова.

Эпихарм был осведомлен об израильских новостях. Он знал, что после смерти царя Соломона на трон взошел его сын Ровоам, после чего представители 12 колен потребовали снижения налогов. Царь Ровоам отказался, и произошел раскол. Десять колен подчинились новому царю, Иеровоаму.

Колена Вениамина и Иуды сохранили верность сыну Соломона.

В ходе долгих бесед между двумя молодыми людьми завязалась дружба.

Эпихарм учил Эммануила древнегреческому, тот помогал ему совершенствовать древнееврейский.

– Во сне ты обмолвился о какой-то великой тайне. О чем ты говорил? – спросил студент.

И Эммануил поведал ему невероятную историю. Во времена царя Соломона советник по имени Ниссим Бен Иегуда собрал якобы группу по изучению силы смеха, сделавшую крупное открытие. То было настоящее духовное сокровище. Потом образовалась группа хранителей тайны.

На север страны вторглись ассирийцы. Они проведали о духовном сокровище, но его природа осталась им неизвестна. Они без устали ее допытывались и выслеживали носителей тайны. Пятеро, напавшие на Эммануила, были ассирийцами.

Он признался, что принадлежит к тайному ордену защитников великого духовного сокровища.

– Оно не должно попасть в руки врагов. Это сокровище живое, его надо подкармливать, оберегать, как ручного зверька, и не давать ему кусаться.

– Зверек?

– Дракон. Его укус смертелен.

Эта встреча перевернула жизнь Эпихарма. Иудей не только посвятил его в тайну, но и полностью познакомил его с новой, захватывающей философией. Закончил Эммануил обучение друга сведениями о кодах и об оружии рыцарей, защищающих тайну Ниссима Бен Иегуды. После этого молодой афинский студент стал совершенно другим человеком: изменилась его одежда, взгляды, общение. Он сказал себе, что ошибался, желая

сочинять греческие трагедии так же, как это делали другие молодые драматурги. Он понял, что самая могучая мысль – не трагическая, а комическая.

Эпихарм стал искать в греческой мифологии самое смешное, что в ней было, и наткнулся на персонажа по имени Мом.

Мом был второстепенным богом, сыном богини ночи Никты и бога тьмы Эреба, братом бога смерти Танатоса и шутком олимпийских богов.

Он потешался над Гефестом, упрекая его в том, что, создавая человека, тот не предусмотрел дверцы в груди, через которую можно было бы подглядывать за мыслями.

Мом издевался над Афродитой, выставляя ее богиней, способной только болтать и демонстрировать свои сандалии.

Мом высмеивал самого Зевса, обвиняя его в жестокости и в одержимости сексом.

В конце концов шут Мом допек своими насмешками богов, и они низвергли его с Олимпа.

Дружбу с ним сохранил один Дионис. Его Мом и посвятил в искусство комического стиха. Главное, он раскрыл ему тайну юмора: «Смех и питье воды несовместимы. Чтобы придумывать остроумные фразы, нужна магия вина».

Воспользовавшись этим мифологическим персонажем, Эпихарм сочинил свою первую комедию.

Эммануил помог ему с комической структурой фраз, со сценографией и с костюмами.

Самому Эпихарму отлично давалась красота диалогов и психология персонажей.

И вот настал день премьеры в маленьком театре близ Акрополя.

Публику удивил незнакомый тон, но в конце концов она заулыбалась, а потом по рядам стали прокатываться волны хохота.

В конце она не знала, как ей быть, и долго молчала. Два друга сомневались, успех ли это. Эммануил решил захлопать, и тогда зааплодировал весь зал. Это был настоящий триумф.

После этого слава Эпихарма облетела всю Грецию. За «Момом» последовали «Безумие Геракла» и «Одиссей-перебежчик». Он брал темы трагедий и превращал их в комедии. Так увидели свет 35 пьес на мифологические темы.

Потом по совету Эммануила из колена Вениаминова он перешел от героических фигур к простонародью и сочинил «Горшки», «Селянин», «Кражи». Прежняя слава среди аристократов была подкреплена славой в

народе. Всем, и богатым, и бедным, хотелось прийти посмеяться на знаменитых спектаклях Эпихарма.

Сочинители трагедий презирали его, клеймили за «легковесность», считали, что его театр нельзя принимать всерьез.

Он возражал, что все так и задумывалось – чтобы его не принимали всерьез. Чтобы доказать мощь комического театра, Эпихарм заинтересовался животными, выводя их на сцену в виде людей в звериных масках.

Это принесло немедленный и долго державшийся успех. Эпихарм написал полсотни театральных пьес.

И вот, пребывая в зените славы, он призвал старого своего друга Эммануила из колена Вениаминова.

– Помнишь, – обратился он к нему, – нашу первую встречу? За тобой гнались люди, желавшие украсть твою тайну. Ты говорил мне о живом сокровище, о драконе, чей укус смертелен. Порой я думаю об этом. Что это за тайна?

92-летний Эпихарм весь трясся, 95-летний Эммануил был не в лучшем состоянии.

Тем не менее взгляд дряхлого иудея излучал странный свет.

– Ты действительно хочешь это узнать? Учти, если я скажу, ты можешь умереть.

Старый греческий комик медленно кивнул. Он соглашался на риск.

Тогда Эммануил из колена Вениаминова достал маленький сейф с древнееврейской надписью.

– Погоди, я сам переведу, – сказал Эпихарм, желая показать старому другу, как хорошо он помнит его уроки, и начал: – Бевакаша Ло Ликро... Пожалуйста, не читайте.

Эммануил отдал ему ключ от сейфа и торжественно молвил:

– Вот сокровище, не дававшее покоя ассирийцам. Поступай как знаешь. Я никогда его не отпирал, просто возил с тобой. Выбирай сам, подносить ли тебе к глазам спрятанный внутри свиток.

Большая история смеха. Источник: GLH.

Он размазан, не успев понять, что происходит.

Рука сметает красный трупик с простыни.

Не выношу комаров.

Но по комнате кружит еще один.

Лукреция Немрод не может уснуть. Она встает. На часах 5.05 утра.

Он согласился заниматься расследованием вместе со мной. САМ ИСИДОР КАЦЕНБЕРГ СОГЛАСЕН СО МНОЙ СОТРУДНИЧАТЬ!

Она разглядывает освещенный лампой потолок в поисках второго кровопийцы.

Отлично. Не важно, что это стоило мне квартиры и незабвенного Левиафана. У всего есть цена. Я сама на это пошла.

Она замечает комара на шторе и ловко уничтожает его шлепком ладони. Звук вызывает ворчание спящего на ковре мужчины.

Он сказал, что хочет вернуться к первоначальной проблематике.

Молодая женщина вынимает из пластикового пакета компьютер и поднимает крышку. Компьютер разрядился и не включается. Она достает синюю шкатулку.

Выходит, будь Циклоп слепым на оба глаза, он остался бы в живых.

Его погубил зрячий глаз.

Что такого он там прочел, что привело его в такое состояние?

Внезапно вся жизнь этого артиста, любимца толпы, объекта всеобщей зависти, обладателя всего, чего только может пожелать человек – денег, власти, женщин, уважения, восхищения, – кажется ей жалкой.

Вся его жизнь была, должно быть, сосредоточена на жажде власти. Вся эта избыточная роскошь, фальшивый версальский дворец, братья на ролях слуг, мамаша – главная поклонница... Его тоже, наверное, мучила бессонница, он грустил, да так, что делал вид, что ему все смешно. Эта жизнь протекала во тьме, что было обратной стороной его умения смешить других.

«Большее уравнивается меньшим», – как сказал Исидор.

Дариус превосходил среднего человека юмором, потому что больше его печалился и тревожился.

Она останавливается перед зеркалом.

Взять меня: все, чего у меня в избытке, – это компенсация того, чего мне недостает. Исидор прав. Потому на него и не действует мой шарм.

Лукреция берет стул и ставит его рядом с ковром, на котором дрыхнет ее товарищ по приключениям.

Кто ты, Исидор Каценберг? Почему ты так меня злишь и так завораживаешь?

Она вспоминает их знакомство. Она занималась тогда очень сложным исследованием, и Флоран Пеллегрини посоветовал ей обратиться за помощью к этому журналисту-фрилансеру, «Шерлоку Холмсу научной журналистики». Но при этом предостерег: «Он – слон-одиночка».

Она быстро убедилась в его оригинальности. Чего стоило одно его жилище – водокачка в форме песочных часов в парижском пригороде!

Тогда он обходился без телефона, и она даже не смогла договориться о встрече.

Пришлось явиться без предупреждения. Сами их фигуры оказались взаимодополняющими: насколько миниатюрной была она, настолько грузным он.

Слон и мышка.

Она поделилась с ним своими мыслями о смерти палеонтолога, связанной с поразительным открытием в области происхождения человека. Он в ответ сказал: «То, что вы интересуетесь прошлым человечества, означает, что существует проблема в вашем собственном прошлом. Наверное, вы сирота». Эта фраза подействовала на нее как удар тока.

Слон раздавил мышь.

Но отступать было не в ее характере. Лукреция вернулась и уговорила его, совсем как сегодня. Они отправились в африканские джунгли, где их ждало открытие за открытием. В конце концов они решили загадку появления «Отца наших отцов». Загвоздка состояла в том, что их находка оказалась слишком невероятной и опасной, чтобы делиться ею с широкой публикой.

У обоих осталось ощущение, что они докопались до тщательно скрываемой истины.

Спустя несколько лет она предложила ему исследовать странную гибель шахматиста. Он немного изменился, похудел. Теперь к ним было применимо другое сравнение из мира фауны.

Медведь и кролик.

В этот раз он оказался разговорчивее и поделился с ней своей страстью – поиском Пути Наименьшего Насилия. Он рассказывал ей об эволюции совести, прибегая к символике цифр, о своем Древе возможностей.

Расследование привело их в необычную психиатрическую лечебницу на острове близ Лазурного Берега, напротив Канн.

Они раскрыли «Последний секрет» и в самом разгаре напряжения, в кульминационный момент расследования, занялись любовью. Это длилось два невероятных часа. Его огромное тело двигалось как в невесомости. Он был само внимание, он оберегал, ободрял ее, при этом был и порывистым, и неожиданным, и полным грации.

Когда они прощались, она не сомневалась, что Исидор ей позвонит.

Как все мужчины, занимавшиеся с ней любовью.

Но, думая так, она не учитывала, что имеет дело с «медведем-одиночкой».

Пришлось его возненавидеть. Она сказала себе: «Кем он себя возомнил? Он толстый. Он старый. У него нет друзей».

Впервые ей не ответили на ее чувство.

Чтобы отомстить Исидору, она стала встречаться с мужчиной, похожим на него. Потом она его бросила. Но эта месть оставила у нее горькое чувство.

После этого ей понравилось завязывать тесные связи с сексуальными партнерами, чтобы испытывать еще большее удовольствие от их недоуменного вида, когда она без всякой причины отвергала их.

Сколько любовников она вот так огорошила, чтобы отомстить Исидору? Она далеко заходила сначала в слиянии, потом в отторжении. Это превратилось у нее в искусство, доведенное до пароксизма. Один из ее брошенных любовников наложил на себя руки, двое впали в депрессию.

Она заносила их уязвимость в свой список достижений.

Впрочем, в большинстве случаев она не колебалась их предостерегать: «Учтите, обычно мужчинам от меня сильно достается, вы уверены, что готовы на риск?» Услышав это, они не бежали прочь, наоборот, влечение только усиливалось, словно им не терпелось принять вызов.

Недаром Исидор твердил: «Противника нельзя недооценивать». Они ее недооценивали, она же маленькая, молоденькая, а главное, она же женщина. Дорого обходилась им наука!

Лукрецию обуяли воспоминания.

Она стала «фам фаталь»: 1,55 м роста, 50 кг веса, рыжая копна волос, высокая грудь, мускулистые бедра и изумрудные глаза.

Случались у нее и женщины, но к доминированию она не стремилась. Она поняла, что настоящий садизм – это когда мазохист просит сделать ему больно, на что партнер отвечает: «Нет, меня это не интересует».

Лукреция смотрит на спящего Исидора.

Благодаря ему она познала глубину чистого любовного чувства. Без доминирования, в сообщничестве двух душ, с человеком, способным

понять, – на это ему хватало тонкости. Он был...

Нет, я не смею в это поверить.

...тем, кому хватило наглости ответить: «Нет, это меня не интересует».

Исидор улыбается, не открывая глаз. Наверное, переживает во сне чудесные приключения.

Таким он еще больше похож на толстого младенца.

Так и хочется его баюкать. Она гладит его гладкий лоб.

Вместе мы сила. Как он этого не понимает?

Она медленно наклоняется и легонько целует его в ключицу. Он машинально поднимает руку, чтобы прихлопнуть комара.

– Не пойму, кто ты, как работают твои мозги. Но наступит день, когда ты поймешь, что не можешь жить один, – шепчет она ему на ухо. – Я тебе нужнее, чем ты думаешь, Исидор.

«Человек заблудился в пустыне, он совсем обезвожен, умирает от жажды.

Внезапно он видит другого человека и кричит ему:

– Воды, воды!

– Воды? Извините, у меня только галстуки.

– Галстуки – посреди пустыни? Они же здесь бесполезны!

Бедняга в отчаянии бредет дальше.

Ему попадаетесь обнесенный стеной оазис с запертыми воротами.

Он кидается к сторожу.

– Воды, воды! Сжальтесь, дайте попить!

– Это частная собственность, мсье. Здесь строгий дресс-код. У вас есть галстук?»

Из скетча Дариуса Возняка «После меня хоть потоп».

Сначала кукарекает петух, потом звучит длинный гудок грузовика-рефрижератора с продуктами для гостиничного ресторана.

Встает солнце, постепенно меняя форму с полукруга на круг и цвет с пурпурного на розовый, оранжевый, желтый, белый.

За завтраком в ресторане Исидор Каценберг не выпускает из рук айфон, где завел рубрику «Расследование смерти Дариуса».

– Перечислите-ка мне все собранные вами улики и свидетельства. Я вас слушаю, Лукреция.

Она не шевелится. Ее взгляд прикован к телеэкрану у него за спиной.

Он удивленно оборачивается и видит на экране лицо Себастьяна Долина.

Она встает и делает громче звук.

В новостях сообщают о самоубийстве комика Себастьяна, застрелившегося в результате неудачной карьеры, завершившейся беспробудным пьянством.

– Это уже седьмой покончивший с собой одним и тем же способом комик, – продолжает ведущий, рассказывая об эпидемии «профессиональных» самоубийств. – Сначала сводили счеты с жизнью работники телекоммуникаций, потом автоиндустрии, теперь настал черед очень закрытой среды – комиков.

– Почему, начиная расследование, вы включаете телевизор? – спокойно осведомляется Исидор.

– Перед самой смертью Себастьян, этот самый Себастьян Долин, назвал мне имя убийцы Дариуса.

Исидор недоверчиво кривится.

– Кто же, по его мнению, убийца?

Она повторяет, деля на слоги, два слова, произнесенные Себастьяном Долином, прежде чем умереть:

– Три-стан Ма-ньяр.

– Тристан Маньяр собственной персоной?

– Представьте себе.

– Мы оба имеем в виду прославленного комика, загадочным образом пропавшего несколько лет назад?

– Именно его. Себ выразился так: «С незапамятных времен бьются два типа юмора: светлый и темный. Дариус принадлежал к лагерю темных.

Святой Михаил сразил мечом Дракона». Сказал – и погиб на сцене.

Исидор Каценберг жует и глотает круассан.

– Ну, что вы на это скажете? – интересуется она.

– Я не любитель юмора. Не люблю анекдоты. По-моему, это бесполезное занятие, придуманное для маскировки отчаяния – естественного состояния человека.

Он с сомнением смотрит на второй круассан и откладывает его.

– Именно благодаря существованию юмора человек мирится с этим недостойным состоянием. Иначе он восстал бы. Это как анальгетики, притупляющие боль. Человек терпит то, против чего должен бороться.

Лукреция Немрод встает, идет за тостами и «Нутеллой», возвращается и принимается делать тартинки.

– Я не об этом, – говорит она с набитым ртом. – Что вы думаете о версии с Тристаном Маньяром?

– Ее возникновение в нашем досье удивляет. Из этого может развиваться серьезное направление. Часто интересная загадка решается при помощи еще более крупной загадки.

И Исидор продолжает поиск в интернете.

Найдя несколько статей о комике, он говорит:

– Тристан Маньяр был хотя бы талантливым артистом. Он не довольствовался бородатыми шутками. Его я обожал. Этот человек сумел превратить свою жизнь в хороший анекдот, завершающийся словами: «Его концом стало необъяснимое исчезновение».

Он изображает жестом испаряющееся облачко.

– Я думала, вы не любитель юмора.

– Напротив, именно потому, что я слишком его люблю как чистое искусство, мне невыносимо наблюдать, как его выхолащивают, превращая в вульгарное развлечение.

– Я вас не понимаю.

– Это потому, что вы не понимаете одного из трех главных законов постижения мира – парадокса.

Он делает паузу, завладевая ее вниманием, и развивает свою мысль:

– Я не люблю юмор... низкого качества. А так как телевизионный юмор чаще всего принижает человека, издевается над ним, я его отвергаю. Его Себастьян и назвал, наверное, «темным». Таким юмором успешно торговал Дариус.

– Вы передергиваете.

– А вот тонкий юмор я люблю. Люблю самоиронию, абсурд. В том и в другом Тристан Маньяр был очень силен. Я говорю, что не люблю юмор,

как мог бы сказать, что не люблю дешевое пойло. Но я очень даже ценю бокал «Бувэ-Ладюбэ» 1978 года правильной температуры или чилийского «Кастильо де Молина» 1998 года.

– Штука в том, что понятие «качественный юмор» субъективно. Вино – другое дело: здесь почти никто не стал бы спорить.

Он взмахивает ложечкой, как дирижерской палочкой.

– Ваша правда. Но Тристан Маньяр объективно был крупным, очень крупным юмористом, потому что нашел юмор третьей степени: не сальный, не сексуальный, не расистский. Он швырял в зал настоящие самородки. Такой юмор пробуждает, а не развращает.

Он читает то, что накопал в интернете.

– Карьера Тристана Маньяра была на подъеме. Его, как и Дариуса, считали в то время комиком номер один. Он снял несколько фильмов. Но как-то вечером, после спектакля, он, наверное, сорвался. Больше его никто не видел. Никаких объяснений не последовало. Осталась жена с двумя детьми. Самая распространенная версия – депрессия и бегство в далекую страну с изменением внешности и документов.

Он добавляет в чай сахар и яростно перемешивает.

– По мне, все это – сильное упрощение. Правду о его исчезновении еще предстоит выяснить.

Исидор что-то записывает в айфоне.

– Резюмируем. Что у нас имеется?

1) Орудие преступления: шкатулка цвета морской волны.
2) Надписи позолотой: «BQT» и «Не смейте читать».
3) Клочок фоточувствительной бумаги марки «Кодак», побывавший на свету.

4) Стоп-кадр видеосъемки с убийцей, загримированным в клоуна.

Далее:

5) Имя подозреваемого, названное перед смертью другим подозреваемым. Отсюда особая ценность этого обвинения. Тристан Маньяр...

Недурно для начала! Чего недостает?

6) Мотив преступления.

7) Доказательства.

8) Найти Тристана Маньяра.

Исидор Каценберг просит Лукрецию еще раз показать ему кадр с грустным клоуном. Она выуживает из своей сумочки портативный «Блэкберри». Он ищет в Google Image фотографии Тристана Маньяра.

Они сравнивают два лица.

– Грим такой густой и яркий, что лица не разобрать, – печально сообщает Лукреция. – Да еще этот здоровенный толстый нос...

– Не говоря о плохом качестве видео, снятого сверху и не позволяющего определить рост типа, загримированного в грустного клоуна.

– Он выше Дариуса, это несомненно. Если судить по телосложению, это мог быть Тристан Маньяр.

– Или нет, – фыркает Исидор и отхлебывает зеленый чай.

– Что вы предлагаете?

– Искать Тристана будете вы, Лукреция.

– Без вас?

– Я буду действовать параллельно, по-своему. По сути, а не по форме.

– То есть?

– Повторяю, для меня ключ в поиске самого источника юмора. Вот что представляется мне главной задачей. Почему на Земле стали смеяться? Я прослежу происхождение этого биологически бесполезного явления.

Она разочарованно вздыхает.

– Значит, я буду вести расследование одна?

– Мы будем держать друг друга в курсе.

Лукреция Немрод злится, но не смеет это показать. Она окунает палец в «Нутеллу» и принимается его облизывать.

Обдумываем практические нужды. Первым делом покупки. Главное – вместительный рюкзак. Трусики, бюстгальтеры. Колготки. Косметичка со всем наполнением. Губная помада. Духи. Лак для ногтей. Револьвер калибра 7,65 мм. Патроны. Шампунь для полужирных волос. Расслабляющий ночной крем. Фен для волос мощностью 2000 ватт, отельный слабоват. Зубная щетка. Фотоаппарат 18-115 мм с картами памяти. А еще презервативы – на случай, если я заставлю его передумать.

389 г. до н. э.

Греция. Афины.

Публика вскочила и наградила аплодисментами пьесу «Женщины в народном собрании». В ней афинянки выходили на площадь, чтобы взять власть в свои руки и проголосовать наконец за смелые меры, на которые не решались их трусы-мужья.

Весьма дерзкий для той эпохи сюжет.

Драматург, низенький толстяк, поднялся на сцену и поприветствовал радостных зрителей. Его звали Аристофан, уже несколько месяцев он был любимцем афинской публики. Он уже сочинил пьесу «Облака», где позволил себе открыто высмеять великого философа Сократа, выставив его педантом-женоненавистником. В «Осах» он высмеивал судей, показанных как продажные себялюбцы, и аристократов, судившихся из-за пустяков.

Он ни перед чем не останавливался. Посмеявшись над философами, судьями и аристократами, он принялся за своего главного конкурента Еврипида, подняв его на смех в своих «Лягушках». В «Птицах» он смеялся над афинянами, вечно норовящими под любым предлогом объявить войну соседям. Во «Всадниках» он замахнулся уже на самого главу государства, Клеона, выставив его глупым тираном. В «Плутосе» он разоблачил то, как несправедливо распределены богатства между аристократами и простолюдинами.

Этот драматург первым прибег к грубому языку, используя истинную речь простых людей. Аристофан не боялся применять бранные словечки, у него встречаются и зады, и половые органы, не говоря о деньгах и о политике. Он предложил новый театр со вставками – хором, музыкой, танцем. Он изобрел интермедию, «парабасу», где главный исполнитель, сняв свой сценический наряд, начинал серьезно говорить от имени автора о морали.

Эти находки превратили его театр в подлинную народную трибуну.

Все гадали, как далеко зайдет в своем бесстрашии драматург, а власть – в своем терпении.

А тем временем он собирал полные залы, и афинская публика хохотала, на жалея животов. Никто не смел выступить против «звезды», веселившей весь город.

Сам того не зная, Аристофан изобрел ангажированный юмор.

В тот вечер он еще раз поприветствовал зрителей, после чего аплодисменты разом смолкли. В театр вошли люди в доспехах. Заблокировав выходы, они поднялись на сцену, схватили драматурга и увели его под улюлюканье толпы.

У юмора обозначились границы. У Клеона иссякло терпение, и он приказал своей страже арестовать юмориста.

Спустя месяц начался суд.

Аристофана обвиняли в нарушении общественного порядка и в подстрекательстве народа к бунту. Сам Платон давал свидетельские показания против него: дескать, посягнув на своего учителя Сократа, Аристофан стал прямым виновником его смерти. Другие драматурги, интеллектуалы, артисты, мучимые завистью, говорили о пагубном влиянии этого писаки на неискушенную молодежь.

Защитников у него не нашлось, смягчающих обстоятельств тоже. Прозвучал приговор.

Аристофану запретили заниматься драматургией и присудили выплатить штраф тем, кого он оскорбил.

Но это было только начало.

В 388 г. до н. э. народное собрание Афин приняло закон о запрете любых личных нападок, а также политической критики в пьесах. Комические театры были закрыты.

Аристофан был разорен, ему пришлось нищенствовать на афинских улицах, всеми забытому, презираемому бывшими конкурентами и толпой, которую он некогда развлекал.

Но однажды к нему подошел человек, представившийся сыном великого Эпихарма.

– Я знаю, кто ты, и хочу тебе помочь, – сказал он.

– Я старый писатель, со мной покончено. Нам не платят пенсию, – попробовал пошутить Аристофан. – Я хотел изменить общество при помощи юмора, но потерпел не-удачу.

Сын Эпихарма повел его в иудейский квартал Афин.

– Твоя борьба – наша борьба. Мы не позволим тебе сгинуть. Ты наш герой.

– Ваш? Кто вы такие?

– Нас десятки, сотни, тысячи.

Наследник Эпихарма объяснил Аристофану, что состоит в тайном обществе, защищающем свободу слова, право смеяться над педантами, диктаторами, менторами. Первые члены этого тайного общества пришли из Иудеи и теперь собирались в катакомбах.

– Очередная секта смутьянов-иудеев?
– Нет, мы – сторонники специфической формы духовности. Мы считаем, что твой труд, Аристофан, так важен, что достоин поощрения и поддержки.

Старый драматург отнесся к услышанному скептически, но он знал, что в создавшемся положении ему терять нечего. Он последовал за сыном Эпихарма в подземелье. Они вошли в залу. Там его приветствовали полсотни собравшихся.

В последующие дни группа на свои средства купила Аристофану дом, предоставила ему всю необходимую помощь и все, что требовалось для удобной жизни.

Благодаря этой помощи он нашел силы написать свою последнюю пьесу «Кухня Эола».

Шло время, Клеона сменил другой правитель. Пьесу поставили, она имела громкий успех.

Однако Аристофан очень устал, он болел, чувствовал, что конец близок, и говорил, что пора ему умереть, раз он снова в чести и вернул себе зрителя.

Тогда сын Эпихарма вручил ему синюю шкатулку с древнееврейской надписью.

– «Бевакаша Ло Ликро», – прочел он.
– Что это значит?
– Это просьба не читать.
– Почему ты даришь это мне?
– Чтобы ты прочел. Это – тайное духовное сокровище храма Соломона.

И старый сочинитель комедий потянулся дрожащей рукой к диковинной шкатулке.

Большая история смеха. Источник: GLH.

– Яичный шампунь?

Лукреция Немрод мнется.

– Почему бы нет?

– Знаешь анекдот? Стилист спрашивает: «Яичный шампунь?» «Нет, головной», – отвечает клиент.

Она морщится.

– Извини, Алессандро, сейчас шутки – тема моей работы, если их переест, то есть угроза несварения. Если сможешь заняться моей головой без анекдотов, я смогу расслабиться.

– Ты не любишь юмор, Лукреция?

– Еще как люблю! Но это как вино, мне подходит только хорошего качества.

– О-ля-ля, ну и речи!

Не обессудь, я попала под мужское влияние.

Больше не рискуя шутить, обладатель парикмахерского диплома пробует нейтральную, на его взгляд, тему:

– Ты знаешь о гибели Себастьяна Долина? Седьмой по счету комик-самоубийца, ничего себе! Это что, заразная болезнь, косящая одних шутников? Что ты об этом думаешь, Лукреция?

Не тушуйся, ты ничем не рискуешь.

– Между прочим, – продолжает мастер, – я видел этого Себастьяна Долина на сцене. Как говорят у меня на родине, «подражающий льву – не лев, а обезьяна».

– Что, если это Дариус подражал Долину?

– Ты шутишь? Дариус – это величина, орел, паривший над миром юмора. Кстати, вспомнил анекдот про орлов: встречаются два орла-гомосексуала на свадьбе стервятников...

Уши не заткнуть, приходится прервать контакт ментально. Слух Лукреции больше не воспринимает звуков, разговор превращается в далекий слабый гул.

Исидор прав, шутки – способ заполнить пустоту для людей, которым не о чем разговаривать.

Но она ценит проворство умелых пальцев в своих волосах. Прическа готова, она платит бешеные деньги – неотъемлемую часть психологического сеанса, и прыгает в седло своего мотоцикла с коляской.

Развивая скорость, она врубает на полную мощь композицию Man of Our Time группы «Дженесиз».

Остановившись на торговой улице, она покупает одежду, косметичку, косметику, плюшевых мишек. В оружейной лавке она обзаводится маленьким револьвером калибра 7,65 мм.

Спустя час она ставит мотоцикл с коляской под зданием в 17-м округе, у станции метро «Терн». Изучив фамилии рядом со звонками в парадном, она находит искомую: Карин Маньяр.

Носительница фамилии не возражает ее принять.

Множество фотографий в гостиной напоминают о том, какой дружной была эта пара. Здесь же фотографии их двоих детей в рамках.

– Болтали, будто Тристану попала шлея под хвост, и он скрылся на Маркизских островах. Были и еще более бредовые гипотезы: что он впал в депрессию и покончил с собой, что его похитили террористы... На самом деле никто ничего не знает. Меньше всего знаю я сама.

Лукреция строчит в блокноте.

– Перед его исчезновением вам не бросилось в глаза что-нибудь необычное? Что-то такое, о чем никто не упоминал. Ничего не значащая мелочь.

Карин Маньяр медленно качает головой.

– Как насчет букв «В», «Q», «Т»? Они вам ничего не говорят?

– Увы, ничего.

– «G», «L», «H»?

– Тоже ничего.

Совершенно пустой диалог. Лукреция снова вспоминает свой мысленный набор отмычек и ищет подходящую.

Как поступил бы на моем месте Исидор? Помнится, когда мы с ним занимались «Последним секретом», он научил меня одному фокусу...

– Вы не возражаете, если мы с вами проведем маленький эксперимент? Я предлагаю слово, а вы сразу говорите, с чем оно у вас ассоциируется.

Карин Маньяр скромно соглашается.

– Попробуем...

Они садятся друг напротив друга в кресла.

– Только чур, отвечайте сразу, не тяните. Свободные ассоциации, понимаете? Расслабьтесь, и вперед. Белое!

– Не знаю.

– Первое пришедшее в голову слово. Итак, белое.

– Ну... молоко.

- Молоко!
- ...теплое.
- Тепло!
- ...семья.
- Семья!
- ...любовь.

Лукреция довольна, психологический механизм заработал.

- Любовь!
- ...Тристан.
- Тристан!
- ...малодушие, – тут же звучит ответ.
- Малодушие!
- ...юмор.
- Юмор!
- ...исчезновение.
- Исчезновение!
- ...Джимми.

Лукреция делает стойку. Обе женщины поражены вырвавшимся у Карин словом.

- Кто такой Джимми?

– Так называли Жана-Мишеля Петросяна, его импресарио и лучшего друга. Забавно, я совсем о нем не думала, но ваша игра вытащила из моей памяти его имя, – удивленно говорит женщина.

- Между Джимми и исчезновением Тристана есть какая-то связь?

Карин Маньяр начинает нервничать.

– Через неделю после исчезновения Тристана пропал и Джимми. Но он не знаменитость, это не обсуждалось.

- Пропал, как Тристан?
- Точно так же.
- И тоже оставил жену с детьми?
- Да.
- Жена больше ничего о нем не слышала?
- Ничего.
- У вас есть адрес этого Джимми?

Попросив также фотографию Тристана Маньяра, молодая журналистка убегает.

Снова она мчится на мотоцикле под музыку «Дженесиз».

Она окрылена. Кровь в ее жилах вспенена знакомым гормоном.

Это гормон приключений.

«Мама, я хочу познакомить тебя с моей новой девушкой. Посмотрим, сумеешь ли ты отличить ее от шести других девушек.

Мать приглашает семерых девушек и угощает их пирожными. Под конец сын взволнованно спрашивает:

– Ну как, отличила?

– Это та, что в красном платье.

– Чудесно! Ты угадала, это она. Как тебе это удалось?

– Только она совсем мне не понравилась».

Из скетча Дариуса Возняка «Война полов с вашим участием».

Квадратное лицо, густые обесцвеченные брови, такая же обесцвеченная борода.

– По данным самых пытливых исследователей, история юмора началась примерно 4000 лет назад, в Шумере. Там была официально записана первая шутка.

Исидор находится в Музее естественной истории. На его собеседнике белый халат с надписью на кармашке: «Проф. Лёвенбрюк».

– Оттуда же родом сама письменность. То есть шутки мы находим там же, где первые тексты, – дополняет Исидор.

– Совершенно верно, – соглашается с ним ученый.

– Похоже на поиски оброненных ключей под уличным фонарем. «Вы здесь их потеряли? – спрашивает желающий помочь. – «Нет, но здесь светло». Продолжайте, профессор Лёвенбрюк, я вас внимательно слушаю.

– Мне нравится ваша метафора. Клинописные тексты на глиняных табличках – это первый пролитый свет на мысль наших предков. Да, поиски ведутся именно там.

– Хотя могли быть и другие, еще древнее, – считает необходимым вставить Исидор Каценберг. – Это сродни скелетам «первых людей» из торфяников. Могут быть и другие, но они, увы, не угодили в торфяники.

Они бродят по залам Музея естественной истории, среди чучел животных, застывших в воинственных позах.

– Мой английский коллега профессор Пол Макдональд из Университета Вольверхэмптона первым всерьез занялся в 2008 году происхождением шуток. Проштудировав древнейшие тексты, он нашел это «ископаемое духа».

– Какой же была эта первая шумерская шутка?

Профессор Лёвенбрюк достает из большого шкафа папку.

– Учтите, вне контекста это не смешно.

Он вынимает фотографию в пластиковом файле. На ней запечатлена глиняная табличка, вся в клиновидных насечках.

– Как помечено на полях, надпись нанесена в 1908 году до нашей эры, то есть 3908 лет назад. Согласно углеродному анализу, конечно. Вот текст слово в слово, как его перевели лингвисты. Слушайте внимательно.

ШУТКА 1, ШУМЕРСКАЯ:

«Чего никогда не будет? Красавица никогда не пукнет, сидя у мужа на

колених».

Смущенное молчание. Исидор покашливает.

– Вы уверены, что это и есть первая человеческая шутка? – спрашивает он, занося услышанное в айфон.

– Во всяком случае, первая официально признанная таковой учеными. Историки совершенно не рассчитывали наткнуться на текст такого рода, когда начали переводить. Тут важно понимать культуру и нравы той эпохи.

Профессор Лёвенбрюк роется в своих записях.

– Профессор Макдональд поработал и в других странах. Вот вторая по давности шутка, найденная им. Египет, 1500 лет до нашей эры.

И он декламирует, как волшебное заклинание:

ШУТКА 2, ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ:

«Как побудить фараона отправиться на рыбалку? Взять на борт несколько голых девушек в одних рыболовных сетях».

Снова длительное молчание. Исидор приставляет палец к губам.

– Понятно. В первой комическое – это шумный выпуск газов, во второй – женская нагота.

Профессор не возражает.

– Такова основа древнего юмора. Шутки, обнаруженные нашими коллегами в Древнем Китае, тоже сплошь ниже пояса, в лучшем случае про иностранцев и про женщин. Потом пошли шутки про тех, кому не повезло: рогоносцев, толстяков, карликов, лысых. Древние евреи шутили про собственных матерей и про свои неприятности. Они практически первыми нащупали самоиронию. Потом древние греки додумались шутить на темы логики и вообще человеческой глупости.

Он демонстрирует еще один защищенный пластиком документ.

– А это филогелос. Греческая этимология слова такова: «фило» – «люблю», «гелос» – «смеяться». Это первый сборник шуток и анекдотов. Оцените!

ШУТКА 3, ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ:

«У человека пахнет изо рта. Он жарит себе колбасу, а потом дышит на нее, и она превращается в собачий помет».

– Когда это записано?

– «Филогелос»? В 365 году до нашей эры. Или вот это...

ШУТКА 4, ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ:

«Что делает житель Кум, застигнутый грозой в термах? Ныряет в бассейн, чтобы не промокнуть».

– Жители Кум были для них, как для нас теперь бельгийцы?

– В каком-то смысле. У каждого народа есть другой народ, обычно из

страны поменьше, про который принято шутить. Хотите еще?

ШУТКА 5, ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ:

«Муж ненавидит жену. Она умерла, его спрашивают на похоронах: «На кого снизошел покой?» – «На меня, – отвечает он, – я теперь вдовец».

– Прямо Саша Гитри^[18] из античности!

– Вообще-то, скажу я вам, новых шуток раз-два и обчелся. Чистое творчество – огромная редкость. Большинство из тех, что циркулируют, особенно в интернете, на самом деле придуманы столетия, а то и тысячелетия назад. Просто их адаптируют к современности и к местной культуре.

Профессор Лёвенбрюк усердно листает сборник.

– Вот еще один древнегреческий шедевр!

ШУТКА 6, ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ:

«Мужчина спрашивает женщину: «Почему вы меня презираете?» Та отвечает: «Потому что вы меня любите»».

– Это вызывало смех?

– Надо полагать. Слушайте:

ШУТКА 7, ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ:

«Мужчина встречает евнуха с женщиной и спрашивает: «Это твоя жена?» Тот отвечает, что он евнух и не может иметь жены. «А-а, тогда это твоя дочь».

Профессор Лёвенбрюк ставит папку на нижнюю полку и тянется к верхней.

– А здесь у нас римские анекдоты. Прочсть? Вы убедитесь, что они совсем другие.

ШУТКА 8, ДРЕВНЕРИМСКАЯ:

«Путешествуют цирюльник, лысый и профессор. На ночь они ставят в лесу палатку и по очереди несут караул. Цирюльник решает со скуки побрить профессору голову. Тот просыпается и щупает свою голую голову. «Ну и болван этот цирюльник, разбудил лысого вместо меня!»»

– Я уже предпочитаю римлян грекам, – замечает Исидор, записывая анекдот в айфон.

– Тогда вам понравится вот это:

ШУТКА 9, ДРЕВНЕРИМСКАЯ:

«Встречаются двое. «Гляди-ка, а говорили, что ты умер!» – восклицает один. «Сам видишь, я очень даже жив!» – обижается другой. «Штука в том, – возражает первый, – что тот, от кого я это слышал, больше заслуживает доверия».

Наконец-то Исидор улыбается.

ШУТКА 10, ДРЕВНЕРИМСКАЯ:

«Провинциал гуляет по Риму. На него обращают внимание: он – вылитый император Август. Тот, узнав об этом сходстве, велит привести своего двойника во дворец, озадаченно на него смотрит и спрашивает: «Твоя мать служила в этом дворце?» – «Нет, это мой отец работал садовником у твоей матери».

Профессор Лёвенбрюк читает разъяснение к прозвучавшему анекдоту:

– «Приписывается Флавию Макробию, написавшему в 431 г. до н. э. книгу «Convivia primi diei Saturnaliorum»^[19]».

– А есть что-нибудь посовременнее?

– Профессор Пол Макдональд, англичанин, раскопал древнейшую из известных на сегодня британских шуток, датированную 930 годом.

ШУТКА 11, БРИТАНСКАЯ:

«Что висит у мужчины ниже пояса, что он любит вставлять в семейную дыру? Ответ: ключ».

Снова смущенное молчание. Профессор Лёвенбрюк любовно проводит ладонью по своим папкам и ведет журналиста в отдел, где собраны артефакты древних цивилизаций.

– Юмор питается разрывом или нарушением табу. Его общественная функция – сбросить давление. Почему мужчины насмеются над женщинами, евнухами, чужестранцами? От страха. Точно так же люди боятся евреев и собственных матерей.

– Как вы считаете, может существовать универсальная шутка, понятная всем без исключения народам?

– Иными словами, наименьший комический общечеловеческий знаменатель? На основании моих собственных исследований я бы сказал, что это – «какающая собака».

Исидор опять пишет в айфоне.

– Никто – ни тибетский монах, ни пигмей в буше, ни папуасский шаман, ни ребенок, ни старец – не удержится от смеха при виде испражняющейся шавки. Между прочим, мне самому стало смешно, когда я выяснил, что самое продаваемое приложение для гаджетов, вроде вашего, – это собачий пердеж.

Исидор погружается в невеселые раздумья.

Профессор Лёвенбрюк подводит его к колбе с плавающим в формалине мозгом.

– Вот планета, которую пора изучать: мозг. В его дальнем углу скрыта великая тайна смеха. Но не мне проводить для вас экскурсию по его закоулкам. Обратитесь к неврологам, специалистам по смеху. Запишите

адрес: больница Помпиду, 15-й округ.

Франсуаза Петросян удивительно похожа на Карин Маньяр. Лукреция не может не подумать, что два партнера выбрали себе похожих жен.

– Джимми был раздавлен исчезновением своего главного клиента и лучшего друга, Тристана.

Лукреция Немрод просит ее продолжать.

– Он говорил, что догадывается о причинах исчезновения Тристана, но не знал, как именно это произошло и куда тот подевался.

По мнению Джимми, у Тристана был «пунктик» – происхождение анекдотов. Он без конца твердил: «Когда-нибудь я отправлюсь туда, где они рождаются».

У Лукреции Немрод вспыхивают глаза.

– Речь шла обо всех бродячих, анонимных анекдотах, – продолжает Франсуаза Петросян. – Тристан пересказывал их в своих выступлениях, но помнил, что у них должны быть авторы. Ему не нравилось сознавать себя вором, халявщиком, если хотите, пользующимся тем, что в этой сфере не действует авторское право. Он говорил, что многие шутки слишком четко выстроены и продуманы, чтобы зародиться спонтанно. Ему обязательно нужно было познакомиться с их авторами, с творцами...

Молодая журналистка признается себе, что никогда еще не задавалась этим вопросом.

– Однажды Джимми сказал мне: «Тристан мечтает подняться вверх, к истокам шутки, подобно тому, как лосось поднимается против течения к истокам реки».

– Какая именно шутка поманила его в это путешествие?

– Не помню. Зато я помню, с кем именно он хотел познакомиться первым делом. В одном кафе регулярно собирались любители анекдотов...

Спустя час Лукреция Немрод входит в кафе «Встреча приятелей» в 5-м округе. Это старая пивная, большинство ее завсегдатаев – люди с сединами. В одном углу режутся в карты, в другом мерцают мониторы ноутбуков. Еще несколько человек приросли к стойке и гипнотизируют взглядом свои стаканы.

За стойкой царит хозяин заведения в красной бабочке, с паутиной синих вен на лице.

Его то и дело окликают:

– Эй, Альфонс, мне того же!

– Налей-ка пивка, Альфонс, только не скупись!

Короткие передышки Альфонс использует для болтовни со стайкой жизнерадостных стариков. Он что-то им рассказывает, они важно слушают, кивая головами.

Время от времени компания разражается громким смехом.

Альфонс поправляет свою бабочку и наливает дедам-весельчакам пива из крана.

– Мне, мне! – кричит выпивоха в фуражке. – Я вспомнил еще один, животики надорвете!

Лукреция Немрод терпеливо ждет, пока они утомятся, – так артиллерист ждет прекращения неприятельской пальбы. Спустя примерно час становится относительно тихо. У патрона в бабочке, явно дирижирующего этим странным оркестром, перерыв. Она решает этим воспользоваться.

Она заказывает виски и выпаливает:

– Я расследую исчезновение Тристана Маньяра. Знаете такого?

– Бывший комик? Нет. Он пришелся бы здесь не ко двору.

Она достает фотографию, полученную от мадам Маньяр.

– Чудеса! Вы уверены, что это Тристан Маньяр? Этого типа я видел года три назад. Он зашел и назвался журналистом, изучающим уютные заведения Парижа. Тогда у него была борода.

– Он завел с вами разговор об анекдотах?

– Да, ему было любопытно, почему здесь бьет фонтан хороших шуток. Я объяснил, что весельчаками были еще мои родители. Благодаря анекдотам они познакомились и поженились. Вот и я посвятил жизнь благородному искусству смеха. Мои клиенты знают это.

Альфонс указывает на свою картотеку – шеренгу коробок от обуви – и объясняет, что расставляет их по «сезонному» принципу. Каждой эпохе соответствует особая шуточная мода. Взять хотя бы анекдоты про блондинок. Он не может отказать себе в удовольствии и извлекает из коробки листок.

– «Как называют блондинку, перекрашенную в брюнетку? – Искусственный интеллект».

Или сезон кроликов. «Чем пахнет кроличий помет? Морковкой». А вот бельгийцы. «Как узнать бельгийца на оргии? Только он приходит туда со своей женой».

Лукреция жестикулирует, моля о пощаде.

– Раньше были шотландцы, венгры, евреи, арабы, югославы, негры.

– Ага, расистские шуточки.
– Не только, еще про инопланетян.
– Разве можно быть расистом по отношению к инопланетянам? – удивляется Лукреция

Альфонс достает обувные коробки, набитые карточками, как библиотечные ящики.

– Духовность бок о блок с выпивкой, – объясняет он, снова поправляя свою бабочку.

– Значит, Тристан Маньяр явился к вам в накладной бороде и выдал себя за журналиста. О чем он вас спрашивал?

– Откуда я знаю анекдот про телеведущего.

– Если я не ошибаюсь, Тристан использовал его в своем скетче?

– Что-то такое припоминаю... Я полез в свою «библиотеку» шуток про телевизор, нашел имя того, кто его мне рассказал, и продиктовал адрес. Слушайте, вы мне симпатичны. Хотите хороший анекдот?

Исидор прав, юмор может быть подобен «винному» пьянству и при плохом качестве «красного вина» приводит к похмелью.

– Нет, устала смеяться. Просто дайте адрес и имя того, к кому направили Тристана Маньяра.

Альфонс разочарован, но старается это скрыть.

Лукреция Немрод чиркает в блокноте и говорит себе, что «подъем вверх по течению» на манер лосося грозит затянуться и вымотать силы. Особенно если напарываться на шутников только такого сорта.

- «Древний Рим, рынок.
- Мое ремесло – кастрация рабов, – говорит покупатель.
  - Как вы это делаете? – любопытствует собеседник.
  - Сажаю раба на стул с дырой – и шарах снизу двумя кирпичами по яйцам!
  - Больно!.. – невольно морщится собеседник.
  - Да ладно, я приноровился! Главное, когда бьешь кирпичами, – поджать большие пальцы. Еще ни разу не отшиб!»
- Из скетча Дариуса Возняка «Наши понятливые предки».

Крик из-за двери. Воздух пропах эфиром. Мужчины и женщины в белом возят кресла-каталки.

Там, где сходятся коридоры, ждут в волнении люди.

– Здесь, в больнице Жоржа Помпиду, мы создали «Ячейку изучения и понимания явления смеха». Мысль об этом пришла одному сотруднику соцобеспечения после опроса, показавшего, что безрадостность и пессимизм влекут рост психосоматических нарушений. Это причина 30 % всех нервных и сердечно-сосудистых болезней.

Ученая, к которой направил Исидора Каценберга профессор Лёвенбрюк, превосходно владеет темой.

– Здесь мы «официально» боремся с подавленностью. Ведь в чем парадокс? Мы живем в красивейшей стране, у нас и моря, и горы, у нас демократия, однако все население ворчит, все видит в черном цвете, вечно ноет. Не говоря о ненормально высоком проценте суицида среди молодежи.

Исидор включает на айфоне диктофон.

– Я хорошо понимаю, почему министры считаются первыми комиками и почему комиков заманивают в политические партии.

– Структуры социального обеспечения высоко ценят нашу работу. Смех – сильное средство от чувства безнадеги.

– Лучше уж профилактика, – замечает научный журналист.

– Самое естественное и наименее затратное средство от тоски называется Юмор. Лекарства называются Шутками. Прием без ограничений. Но мы хотим разобраться, как именно они действуют. Мы применяем самую современную технику, включая томографию, сканирование и рентгеноскопию. Нам стала доступна траектория шутки в мозгу от исходной точки до места назначения. Идемте.

На кармашке белого халата женщины написано «Д-р. К. Скалезе». Она ведет гостя по коридорам современной лечебницы, похожей на космический корабль.

– Так вы журналист? Из какого журнала?

– «Геттёр Модерн», – отвечает Исидор. – Как, собственно, действует смех в нашем мозгу?

– Это ошибка, которую совершает мозг для компенсации другой ошибки – воображаемой тревоги. Поэтому остальные звери не смеются. Они не ведают тревог и не нуждаются в компенсации.

– По-моему, обезьяны и дельфины смеются.

– Нет, это мимика, сходная с нашими улыбками. Они раздвигают рты и прерывисто дышат. Смех – чисто человеческое проявление. «Человеку свойственно смеяться», – сказано у Рабле.

– Так что же такое шутка?

– Это когдадвигающаяся в мозгу мысль в последний момент заменяется совсем не тем, что все представляли сначала. Так нарушается равновесие. Сознание как бы сбито с толку и выигрывает время. Анри Бергсон называл смех «механическим, наложенным на живое».

– Витиевато.

– Здесь, в этой лаборатории, мы отслеживаем зарождение механики смеха.

Доктор Скалезе просит в переговорное устройство привести подопытный объект номер 133.

Это прыщавый студентик.

– Он доброволец. Отобран по параметрам культурности, коэффициента умственных способностей и состояния здоровья.

Ассистенты кладут его на раздвижную кровать и обвешивают датчиками. По сигналу ложе вместе с распластанным телом заезжает внутрь огромного белого цилиндра.

Наружу торчат одни ноги.

Доктор Скалезе включает несколько экранов, на них под разными углами красуется совершенно прозрачная голова испытуемого. Мозг, глаза, зубы, язык, внутренность носа и ушей – все на виду.

Звучит анекдот.

Сначала испытуемый изумлен, потом хохочет во все горло. Цилиндр усиливает его смех гулким эхом.

Исидор видит на экране крохотную вспышку.

Доктор Скалезе увеличивает зону вспышки и замедляет кадры. Исидор не верит собственным глазам: перед ним участки, активированные анекдотом. Исходная позиция – белая точка в основании мозжечка, трасса ведет в лобную долю.

– Шутка – заряд мельчайших электрических импульсов, пробегающих из точки А в точку В. Сила тока зависит, естественно, от качества шутки.

– А возможна ли... шутка-убийца?

Доктор Скалезе удивлена.

– Нет, юмор врачует, юмор не может причинить вред. Смех – это массаж живота, он полезен для пищеварения, он активизирует желудочки и хорош для сердца, он даже участвует в укреплении иммунной системы.

Она с улыбкой пожимает плечами.

– Если сомневаетесь, побывайте в Клинике смеха, там смехом лечат шизофрению и даже эпилепсию. Существует смеховая йога, йоги смеются вместе, приходя в состояние опьянения. Здесь в такое не слишком верят, мы больше по части биохимии и радиологии.

Ассистент помогает испытуемому № 133 выбраться из белого цилиндра.

Исидор видит в уголках его глаз слезы удовольствия. Студент всех благодарит и вежливо, почти смущенно спрашивает, куда идти за деньгами.

Исидор Каценберг медитирует в номере отеля «Авенир», приняв в кресле позу лотоса.

Войдя, Лукреция Немрод обходит коллегу, как скульптуру, наклоняется и заглядывает под его кресло.

– Не обращайтесь на меня внимания, я ищу свой мобильный.

Поиски продолжаются. Наконец телефон найден.

– Надеюсь, я вас не разбудила, то есть не помешала вашей медитации. Простите, но без «Блэкбэрри» я чувствую себя как без рук и без головы.

Он открывает один глаз.

– Вот он, видите? Продолжайте спокойно медитировать.

Он закатывает глаза, потом растирает себе колени, локти.

– Чувствую, меня ждет выволочка, просто я подумала...

Он встает, демонстративно отворачивается, шествует в ванную и там запирается.

– Ты... вы сердитесь, Исидор?

Она слышит, как в ванну льется вода.

– Как продвигается расследование? – доносится через дверь его голос.

– Я нашла жену Тристана Маньяра, она направила меня к жене его агента Джимми Петросяна, а та рассказала, что Тристан искал истоки юмора. То, что он называл «местом, где рождаются шутки».

Он сует голову под струю, чтобы успокоиться, потом слышит сквозь стену продолжение рассказа:

– ...пошла туда, где он начал погоню за шуткой. Это бар, посетители которого с утра до вечера травят тупые анекдоты.

– Давайте без мелких подробностей, не хочу терять время.

– После бара у меня была встреча с молодым программистом Эриком Витцелем, он отправил меня на сайт blagues.com.

– Еще быстрее!

– В штаб-квартире сайта я познакомилась с заведующим и с ответственным за шутки. Все они знают шутку, автора которой искал Тристан.

– Можно совсем без подробностей? – злится Исидор.

– Как выяснилось, шутка была родом из Бретани, конкретно из Морбиана, еще конкретнее – из Карнака.

– Кто ее запустил?

– Некий Гислен Лефевр.

– Он ее и придумал?

– Возможно, во всяком случае она оттуда.

Он намыливает себе пальцы ног.

– По-моему, – продолжает она, – то есть если верить моей женской интуиции, там мы бы оказались совсем близко от источника.

Исидор погружает голову в воду и задерживает дыхание. На поверхность поднимаются ленивые пузырьки.

– Исидор?

Он не отвечает.

Она стучит в дверь ванной – сначала неуверенно, потом изо всех сил.

– Исидор!

Он вылезает из воды, завертывается в халат, выходит и, не обращая на нее внимания, заносит в айфон свои мысли.

– А как ваши успехи, Исидор?

Он, не оборачиваясь, отвечает:

– Я познакомился с историком, изучающим шутки. Он показал мне шутки многовековой давности. Я узнал, над чем смеялись наши предки, и надумал завести папку с историей и эволюцией юмора во времени и пространстве. За ерундовыми на первый взгляд анекдотами кроется нечто большее. По-моему, каждый из них – маленький рубеж в нашем расследовании.

Он показывает ей страницу с шапкой PHILOGELOS.

– Это значит «любящий смеяться».

Она быстро просматривает записанные им греческие и римские шутки.

– Теперь я их коллекционирую, как филателист – марки, – продолжает лысый журналист, надевая свои очки. – Для меня это внове. Оказалось, это интереснее, чем я думал сначала.

– Что дальше?

– Дальше я познакомился с прелестной ученой.

– С прелестной?

– Мы со смехом обсудили «почему» и «как».

Судя по его интонации, он поддался на чары этой сучки из-за ее дипломов, громкого звания и белого лабораторного халата. Меня он всегда будет презирать как необразованную дуру.

Она подходит к нему и массирует ему плечи. Сначала он пытается увернуться, потом смиряется.

– Мне нравится наше сотрудничество, Исидор. У меня впечатление,

что наше расследование пойдет дальше простого изобличения убийцы.

Его пробивает дрожь.

– Вы замерзли, Исидор?

Она растирает его махровым халатом.

– Говорите, шутка, которую искал Тристан Маньяр, родом из Карнака?

Там же нашли старейшую французскую шутку.

Исидор жмурится и трет себе переносицу, чтобы лучше сосредоточиться.

Потом он подходит к окну, за которым раскинулась панорама Парижа.

– Нам пора в отпуск, в Бретань. Тамошний воздух насыщен йодом. Это полезно для здоровья.

«Человек приходит к директору большого магазина и говорит:

– Возьмите меня на работу, я лучший в мире продавец.

– К сожалению, у нас нет вакансий, – отвечает директор.

– Говорю вам, я лучший в мире продавец.

– Тем не менее вакансий у нас нет.

– Кажется, вы не поняли, с кем имеете дело. Вот мое предложение: примите меня на испытательный срок, безвозмездно. Вы поймете, что такое лучший в мире продавец.

Директор соглашается.

Назавтра он из любопытства приходит взглянуть на того, кто называет себя лучшим в мире продавцом. Тот говорит покупателю:

– Очень вам советую крючки в форме мухи. Они лучше всех. Специально придуманы для ловли на удочку.

Покупатель соглашается на крючки и на удочку.

– Еще вам понадобится жилет с карманами для крючков. У нас есть как раз такой со скидкой, весь в карманах, очень удобно.

Покупатель приобретает и жилет.

– А теперь – темные очки против отражения солнечных лучей от воды. Советую самые дорогие, они лучше всех остальных!

Очки тоже куплены.

– Ну а если вы хотите ловить самую крупную рыбу, вам нужна лодочка, чтобы отплыть подальше от берега.

Покупатель идет с ним в секцию лодок и платит.

– Теперь – прицеп, без него никуда.

Оплачен и прицеп.

– Чтобы тянуть прицеп, нужна мощная машина, У вас мощная?

Продавец ведет покупателя в соответствующую секцию и загоняет ему дорожный внедорожник.

Когда оформлены все покупки, директор подходит к продавцу.

– Честно говоря, вы меня убедили, это невиданно! Начать с крючков и дойти до шикарного внедорожника! Мне просто любопытно, что собирался купить этот клиент в самом начале?

– Упаковку прокладок для жены. Я ему и говорю: «Выходные испорчены, уж лучше на рыбалку!»

Из скетча Дариуса Возняка «После меня хоть потоп».

Менгиры^[20] стоят как невозмутимые вечные часовые.

Исидор Каценберг и Лукреция Немрод мчатся мимо со скоростью 150 километров в час.

Она в шлеме и в авиаторских очках. Наклоняясь вперед в кожаном седле, она улучшает аэродинамику.

Он сидит в коляске, сложив на груди руки и похож на толстого ребенка, которого везут любоваться феерическими пейзажами.

Меняется сам воздух, делаясь все легче, здоровее, насыщаясь солью.

В 8.30 они были в Шартре, потом пролетели Ле-Ман, Ренн, Ван, Оре, Плуарнель.

В 12.30 они уже в центре Карнака.

Городок состоит из фахверковых домиков с шиферными крышами, пропах устрицами и травами, насквозь продуваем ветром.

Научные журналисты посещают блинную «У Мари» на Церковной площади.

Единственный столик занят парой, американскими туристами. В марте здесь мертвый сезон.

Морщинистая беззубая хозяйка в высоком фольклорном колпаке и двухцветном платье подходит принять заказ.

Журналисты успели изучить меню. Лукреция выбрала блинчик с рубленой говядиной, помидором и луком, Исидор – салат без заправки. Оба пьют сидр: он – сладкий, она – брют.

– Почему вы не берете блины, Исидор? Это главное местное кушанье.

– Я решил соблюдать диету. Девяносто пять кэгэ – это многовато. Надо сбросить до семидесяти пяти. Думаю, это расследование поможет мне похудеть на двадцать кэгэ. Начинаю прямо сейчас.

Лукреция пожимает плечами.

Все-таки в нем очень заметна женственность.

– Пардон, мадам...

– Мадемуазель, – поправляет старуха.

– Простите, мадемуазель, простое любопытство: вы, случайно, не видели здесь вот этого человека?

Лукреция показывает ей фотографию Тристана Маньяра.

Поглядев на нее, хозяйка качает головой и удаляется на кухню.

– Куда дальше ведет нас в охоте за шуткой этот ваш лосось Тристан

Маньяр? – осведомляется Исидор, в который раз вглядываясь в лицо на снимке.

– Непосредственно к Гислену Лефевру. Я нашла его адрес, кажется, это здесь недалеко.

Они рассматривают оформление ресторанчика. На стене красуется лакированное чучело лосося с разинутой пастью.

– Нас преследует образ лосося, – констатирует Лукреция. – Немудрено, в Бретани их разводят. Я знала, что детей находят в капусте, но еще не освоилась с тем, что анекдоты вызревают в Бретани.

Американцы, муж и жена, бурно изучают карту региона.

– Я еще не бывала в этом городке, – говорит Лукреция. – Здесь мило. Что вы знаете об этом местечке?

Исидор закрывает глаза. Она ждет, что он выудит информацию из глубин памяти, но он хватается айфон.

– Пожалуйста. «Карнак – от слова «карн», по-кельтски это «бугорок». Люди наследили здесь еще 450 тысяч лет до нашей эры. Священное место. 7 тысяч лет назад здесь был возведен курган в 125 метров длиной, 60 метров шириной, 12 метров высотой. Он служил могильником для вождей, которых хоронили вместе с ценными предметами. Через тысячу лет здесь стали воздвигать мегалитические сооружения. Всего здесь насчитывается 2934 менгира. Это двенадцать ровных рядов огромных обтесанных камней. Высота самых крупных менгиров достигает 4 метров. С запада на восток их рост увеличивается. Самые низкие не превышают 60 см».

– Мы их видели по пути, – кивает журналистка.

Исидор листает виртуальные страницы и выбирает отрывок для зачитывания.

– «Согласно легенде, святой Корнелий, преследуемый римскими солдатами, обернулся и одним взглядом превратил их в камни».

– Очаровательно! А что-нибудь поновее?

– «В 1900 году на бывших болотах создали курорт. Получился двуглавый город: Карнак-Виль на суше и Карнак-Пляж на море».

– Значит, мы видели только половину.

– «В 1974 году на месте осушенных соленых болот возник центр талассотерапии. Он и казино – главные источники дохода для 4444 нынешних жителей».

– Спасибо, мне было лень заглянуть в туристическую брошюру.

Исидор, морщась, предрекает бурю.

– Странный март!..

Старуха в колпаке приносит окутанный паром гречневый блин и салат.

Журналисты набрасываются на еду.

Она остается стоять рядом.

После ухода американцев она смотрит налево, направо, потом наклоняется и шепчет:

– Вас ждут.

Журналисты переглядываются, обоим кажется, что они плохо расслышали.

– Мы ни с кем не договаривались о встрече, – говорит Лукреция. – Видимо, вы обознались...

Но Исидор дожевывает свой салат, допивает сидр, расплачивается, встает и торопится следом за хозяйкой в фольклорном наряде.

Приходится и Лукреции тащиться за ними.

Хозяйка запирает дверь блинной, вешает табличку «Закрыто» и манит гостей за собой.

Снаружи уже моросит, влага проникает повсюду.

– У вас, случайно, нет зонтика, мадемуазель? – спрашивает Лукреция, тревожась за свою свежую завивку.

– У нас есть старая поговорка: «Дождик мочит только болванов».

Они идут и идут под мелким дождем. Тропа, поначалу узкая и извилистая, постепенно расширяется, взбирается на холм, приводит к белой часовне с гладкой крышей и заостренной колоколенкой.

Небо грозно хмурится.

Хозяйка блинной толкает тяжелую дубовую дверь часовни. Скрип старой древесины. Внутри темень, за высокими окнами чернеет антрацитовое небо.

Провожатая исчезает.

Внезапно небо прочерчивается ослепительным зигзагом. Молния высвечивает поджидающих журналистов четверых людей.

Лукреция не столько видит, сколько чует наставленное на них охотничье ружье.

– Ну и зачем вам понадобился Тристан Маньяр? – раздается глухой голос.

175 г. до н. э.

Италия. Рим.

Оживленный столичный рынок рабов.

– Плачу 200! – крикнул кто-то.

– 400!

– 500!

– 500!

– 500, кто больше? 500 денариев за молодого мужчину!

Густая толпа вокруг помоста, где работорговец выставил новые поступления из недавно захваченного города Карфагена.

13-летнему пареньку полезли в рот, требуя показать зубы, проверили грудные мышцы, потыкали в гладкие локти и колени.

– Мой юный карфагенец – картинка! Свежий красавчик! Налетай! Вы только полюбуйтесь на него! Первый сорт: с такими глазищами хоть конюшни чистить, хоть завтрак подавать. Молодой раб – удачное вложение! Будет таскать ваши вещи, послужит сексуальной игрушкой для ваших оргий, будет вашим спутником, когда наступит старость.

Парень ни на что не обращал внимания и позволял себя щупать.

– Ну что, матроны? 500 денариев – это себе в убыток! Кто даст 600? Никто? Не проходите мимо, редкостное предложение! Это не такой раб, как остальные! Карфагеняне сказали мне, что он обладает знаете чем? Чувством юмора! В море, в клетках, он заставлял их кататься от хохота. Он и вас будет смешить, он станет жемчужиной ваших оргий. Налетайте! В наши дни развлечение бесценно. Всего 600! Остроумный раб, не скупитесь!

– 1000! – решился кто-то.

Все разом умолкли. 1000 денариев за подростка – неслыханная сумма.

Новый хозяин увел свое безучастное приобретение.

Дома он назвал себя:

– Я – римский сенатор Теренций Лукан. Ты понимаешь мой язык?

Парень, судя по всему, не понимал ни слова, но Теренций Лукан не унывал. Он всегда действовал по наитию. Аргумент «остроумный раб» показался ему таким нелепым, что он принял это за знак.

Как человек мудрый, сенатор Теренций Лукан знал, что из раба можно вылепить что угодно. Научишь его скрести пол – и он станет отменным

службой. Но ему вздумалось обучить раба более сложным премудростям.

Его посетила мысль одарить парня тем, о чем мечтал весь мир: образованием римского аристократа.

Окружение сенатора было немало удивлено его щедростью в отношении карфагенского раба, но сенатор повторил слова работоторговца: «Раб – удачное вложение, на нем можно заработать».

Молодой раб оказался способным учеником. Завершив его обучение, Теренций решил отпустить его на свободу и нарек тоже Теренцием, добавив «Афр», что значило «из Африки».

Затем Теренций Лукан ввел его в лучшее римское общество, начав с семьи Сципионов, разбогатевшей и прославившейся благодаря полководцу, победившему Ганнибала Карфагенского.

Полководцу Сципиону понравилось беседовать с Теренцием Афром о театре, в особенности комическом, к которому он питал пристрастие. Видимо, под влиянием Сципионов и приемного отца, Теренция Лукана, Теренций Афр и написал в 166 г. до н. э. свою первую пьесу «Девушка с Андроса».

Ориентируясь в своем творчестве на греческий образец, Менандра, он тем не менее изобрел собственный стиль.

Идя вразрез с модным народным театром с карикатурными персонажами и повторяющимися сюрпризами, Теренций Афр углублялся в психологию героев и играл на нюансах. Он сочинял кисло-сладкие сентиментальные комедии, вызывая радостные улыбки. Зрителю предлагалось догадаться, каков персонаж на самом деле.

Теренций Афр отказался от хоров и от песенных сочленений сюжета, он писал для актеров длинные психологические монологи вместо коротких диалогов. Благодаря шести быстро появившимся комедиям бывший карфагенский раб сделался любимым автором культурной римской аристократии. В двух пьесах, «Евнухе» и «Братьях», он открыто отдавал должное Менандру. Недаром Юлий Цезарь окрестил его впоследствии Полуменандром.

Подобно своему славному предшественнику, Теренций Афр находил броские формулировки, работавшие на его популярность. Вот самые известные.

«Лицемерие приносит друзей, искренность – ненавистников».

«Без Цереры и Либера хладеет Венера».

«Все, что ни скажешь, уже сказано до нас кем-то другим».

В возрасте 30 лет, в 160 г. до н. э., Теренций Афр решил постигнуть истинный смысл и тайну комического театра и отправился в Грецию. Там

он провел год. Сначала он перевел с греческого на латынь больше сотни пьес Менандра, а потом приступил к дальнейшим поискам. Познанную «тайну комического искусства» он решил углубить, предприняв большое путешествие в Иерусалим, Афины и Галлию.

В 159 г., в 31 год, он таинственно исчез.

Родные придерживались мнения, что он утонул при крушении своего корабля в заливе Лёкат у берегов Галлии.

Большая история смеха. Источник: GLH.

Дуло охотничьего ружья все ближе.

При следующей ослепительной вспышке молнии Лукреция стремительно разворачивается и бьет в дуло ногой. Ружье взмывает в воздух. Трое других не успевают опомниться, а она уже наносит одному из них удар по горлу ребром ладони, еще одного валит на пол ударом острого каблука.

Исидор Каценберг спокойно подходит к двери и ищет рядом с ней выключатель. Электричество не включается. Тогда он находит свечи и спичечный коробок и зажигает свечи одну за другой.

Тем временем четверка опомнилась. Теперь четверо пытаются осилить одну.

Получив ногой в живот, Лукреция врывается в стену. В следующую секунду она бьет обидчика двумя скрюченными пальцами в лоб и чуть не раскалывает ему голову, как орех.

– Вы бы помогли мне, Исидор! Между прочим, мне сейчас приходится непросто.

– Не хочу мешать вашему общению с местным населением.

Воспользовавшись ее секундным невниманием, один из четверых подбирает ружье и стреляет. Пуля свистит в сантиметре от ее виска. Перед новым выстрелом она успевает плюхнуться на пол. Тогда он наносит ей удар прикладом промеж лопаток. Она, снова валясь, перекачивается на бок и поражает ногой ближайшую к ней промежуток. Тут же хватает ружье и, заехав нападающему прикладом в подбородок, отправляет его в полет, завершающийся в исповедальне.

– Тс-с... – с упреком шепчет Исидор. Так персонаж в исполнении Лино Вентуры говорил в одном из фильмов по сценарию Мишеля Одиара: «К фарсу претензий нет, есть только к справедливости в раскладе сил».

Четверо решаются на совместное нападение. Самый здоровенный хватает Лукрецию за локти, еще один за шею, третий, самый сильный, бьет ее в живот, потом в подбородок. Она вырывается, но тщетно, и снова видит приближающийся кулак.

– На помощь, Исидор! – кричит она.

– Мужайтесь, Лукреция. Чувствую, скоро вы их одолеете.

Третьего удара, приняв два, она избегает, пригнувшись, и кулак силача врывается в стену. Хрустит кость. Ей удается встать спиной к стене, так

можно не опасаться нападения сзади. Она превосходит своих противников верткостью и уже не пропускает ударов, приседая, танцуя и сама разя без промаха.

Вспышки молнии создают стробоскопический эффект: каждая высвечивает отдельную мизансцену.

Вся в поту, совсем запыхавшаяся, она обрушивает последнего, кто еще стоит на ногах.

– Все? Вы закончили? – нетерпеливо спрашивает Исидор. – С вами приходится терять много времени на формальности.

Подойдя к одному из лежащих – тому, кто целился из ружья, – она угрожает ему своим собственным оружием – маленьким новеньким «Глоком».

– Что вам от нас надо? Кто вы такие?

– Я Гислен Лефевр, учитель местной школы.

Гислен Лефевр? Я не ослышалась?

– Еще здесь, судя по одежде, – встречается Исидор, – местный кюре и звонарь. Четвертый, думаю, – друг или родственник господина Лефевра.

– Зачем вы устроили нам засаду? – спрашивает Лукреция.

– Вы показали хозяйке блинной фотографию Тристана Маньяра, – высказывает предположение Исидор, – вот она и вспомнила появление Тристана и дальнейшие события.

– Франсуа Тилье, шурин Гислена, – представляется один из лежащих.

– Вы, наверное, коллекционируете анекдоты?

Франсуа трогает свой пострадавший от кулака журналистки подбородок.

– Так и есть. Откуда вы знаете?

– Простая дедукция, наблюдательность, немного интуиции. Тристан спросил вас, откуда шутка, вы ответили, что слышали ее от кюре...

– Ваша правда, – присоединяется к беседе человек в черном одеянии. – Паскаль Легерн. Можете называть меня отец Легерн.

– ...а кюре, в свою очередь, указал на звонаря.

– Это я, – подает голос самый молодой, рослый и сильный.

– Вот и ответ на ваш вопрос, Лукреция. Эти четверо господ – четыре порога, преодоленные лососем Тристаном Маньяром, искавшим истоки шуток.

Исидор помогает всем четверым встать и усаживает их рядом с горящими свечами, зажженными как будто в предвидении этого момента.

Кюре прижимает платок к разбитой губе.

– Вы ведь из их числа? – спрашивает он.

– Не поняла, – говорит Лукреция.
– Вы из тех, других? Вы не принадлежите к GLH? Вы из другого лагеря?

Молодая журналистка подходит ближе.

– Вопросы задаю я! – Она хватается кюре за воротник. – Что такое GLH?

– Это охрана... охрана BQT.

Безумный диалог!

– Что такое BQT?

Четверо удивленно переглядываются. Лукреция снова хватается за пистолет.

– Облик и поведение некоторых из нас вводит в заблуждение, – говорит Исидор Каценберг, желая ее успокоить. – Мы – журналисты, репортеры из «Геттёр Модерн». Мы расследуем смерть Дариуса Возняка.

Исидор запускает руку в рюкзак Лукреции и достает синюю шкатулку с буквами BQT и надписью «Не смейте читать».

Четыре лица выражают ужас.

– Vade retro, Satanas!^[21] – кричит кюре и крестится, зажмурив глаза.

Остальные трое отворачиваются, как при виде адского отродья.

По подсказке интуиции Лукреция подсакивает к звонарю и сует шкатулку ему под нос.

– Говори, или я ее открою!

Никогда еще она не видела такого смертельного ужаса на человеческом лице.

– Не делайте этого! – умоляет кюре. – Он ни при чем, он ни в чем не виноват. Он не заслуживает такого наказания. Я сам все скажу.

Вдали снова грохочет мартовский гром.

«У самца лягушки депрессия. Он звонит ясновидящей, надеясь, что она его ободрит.

Ясновидящая пророчит:

– Вы встретитесь с очаровательной девушкой, которая захочет все о вас узнать.

– Отлично! Когда это произойдет? В праздник у нас на болоте?

– Нет, в следующем семестре, на уроке биологии».

Из скетча Дариуса Возняка «Друзья наши звери».

Ноги вязнут в грязи, из ноздрей валит пар.

Все шестеро идут по пустоши под моросящим дождем. Впереди вырисовываются шеренги мегалитов.

– Нам неизвестно, что такое BQT. Мы знаем одно: три буквы GLH обозначают тайное общество, члены которого называют себя «стражей BQT». А про само BQT мы знаем только, что это «смертельный яд для ума».

– Расследование становится интересным, – бормочет Исидор.

В небе опять перекачивается гром, гроза возвращается.

Они идут среди валунов, кажущихся при всполохах молний ожившими великанами.

– За кого вы нас приняли? – спрашивает Лукреция.

– За врагов GLH, Лукреция! – торопится Исидор. – Какая вы невнимательная! Делайте записи. Нас приняли за тех, кто хочет разоблачить BQT. Ваша агрессивность подтвердила их опасения. Не забывайте, что они идут с нами потому, что боятся, как бы вы не открыли шкатулку.

Она борется с желанием заткнуть ему рот.

Терпеть не могу, когда он лезет вперед других. Как же он меня раздражает!

Кюре указывает на взъерошенное ветром поле сорняков.

– Здесь мы видели Тристана Маньяра в последний раз. Тогда мы еще не знали, что это он. Потом, после статьи в газетах, Гислен сказал: «Это же тот самый, кто выяснял, откуда берутся шутки!»

– Ну и откуда они берутся?

Все смотрят на звонаря, тот колеблется, а потом, переглянувшись с остальными и видя, что те доверяют двум парижанам, бормочет:

– Оттуда.

Он указывает на дольмен из трех огромных камней, образующих подобие гигантского стола. Снизу в камне проделана дыра.

– Вот здесь, в ржавой железной банке, лежал по утрам в субботу полиэтиленовый пакет, а в нем – анекдот на листочке.

– И давно? – спрашивает Лукреция.

– Я приходил сюда за анекдотами с девятилетнего возраста, – объясняет как ни в чем не бывало звонарь. – До меня этим занимался мой

отец, до него – дед.

– Кто же их писал?

– Этого никто никогда не знал. Отец мне наказал: «То, что ты там найдешь, ты должен отдавать кюре». Как он мне велел, так я и поступал.

Лукреция Немрод снимает памятник своим новым фотоаппаратом.

– Вы привели сюда Тристана?

– Да, мсье. Он остался, чтобы сидеть здесь и наблюдать день и ночь. А потом он пропал.

– Куда он мог уйти? – спрашивает Лукреция.

И снова Исидор Каценберг опережает звоняря с ответом:

– Он нашел того, кто оставлял здесь анекдоты, и последовал за ним.

Франсуа Тилье азартно кивает в знак согласия.

– Что было потом? – торопится Лукреция.

– После исчезновения Тристана Маньяра анекдоты продолжили появляться в банке по утрам в субботу. Но кое-что изменилось, возникли проблемы...

Ветер завывает все сильнее.

– Что за проблемы? – продолжает допрос Лукреция.

Кюре Легерн поднимает к небу глаза.

– Понаехали парижане с вопросами о Тристане Маньяре. Куда, мол, он подевался...

– Они вам и сказали, что он боролся с GLH. А GLH – это, дескать, тайное общество, стерегущее BQT, – выпаливает Исидор.

– И дескать, если BQT распространится, то это будет как «атомная бомба для ума». Поэтому эту угрозу надо устранить любой ценой.

– У некоторых были фотографии Тристана Маньяра, как у нас. Поэтому все, что связано с Тристаном, вызывает у вас недоверие, так ведь? – допытывается Исидор.

– Так, мсье.

Моросить перестало, но в небе все еще грохочет гром. Они идут по пустоши дальше, чавкая грязью.

– Куда отправлялись все эти люди? – спрашивает молодая журналистка.

– В Карнак-Пляж, там они садились в лодки, – отвечает Гислен Лефевр. – Я знаю об этом от людей из лодочного клуба.

– Ну да, ведь до них этим же путем отсюда убрался Тристан Маньяр, – договаривает за него научный журналист.

– Вы перестанете меня нервировать, Исидор? Прекратите отвечать за других!

Звонарь хихикает.

– Ваша подружка права, лучше не говорите вместо меня, а то у меня впечатление, что я ни к чему. Очень неприятно.

– Это для ускорения, Лукреция. А вам, мсье, это побережет связки. Разве до сих пор я ошибался?

– А потом? – спрашивает Лукреция, не желая слушать Исидора.

– С тех пор железная банка пустует, Лукреция.

– Что верно, то верно, – кивает звонарь. – Шутки иссякли.

– Это случилось за несколько дней до смерти Дариуса?

– Точно! – удивленно подтверждает звонарь.

Исидор озирает бескрайнюю пустошь с рядами торчащих камней.

Снова гром сопровождается зигзагами молний. Он бормочет себе под нос:

– Только бы не опоздать!

140 г. н. э.

Лёкат, Нарбоннская Галлия.

К берегу подошел римский корабль.

В те времена Галлия была разделена на три части: Кельтику – центр, восток и запад страны, Аквитанию – небольшой район на юго-западе и Нарбоннскую Галлию между Гаронной и Альпами, занимавшую все средиземноморское побережье.

Корабль бросил якорь в порту Лёката, городка в Нарбоннской Галлии. Это было роскошное судно, и все галло-римляне, находившиеся в порту, гадали, кому оно принадлежит.

Оказалось, что хозяин – высокопоставленный римский вельможа, сочиняющий заодно комические пьесы.

Глашатай объявил, что пьесу этого римского автора по имени Лукиан из Самосаты (он был родом из этого города в провинции Сирия) сыграют в городском амфитеатре.

То была «Похвала лысине», пользовавшаяся огромным успехом у римских зрителей.

В тот же вечер спектакль показали публике, состоявшей в основном из богатых и образованных жителей Лёката. Успех был огромный.

В следующие дни труппа сыграла «Похвалу мухе» и «Диалоги мертвецов», принятые на ура в столице империи шедевры Лукиана Самосатского.

Пока произведения Лукиана развлекали галло-римскую публику, неизбалованную гастролями римских артистов, сам он наведалься к городскому старшине по имени Руф Гедемо.

Он объяснил, что интересуется, не поднимали ли со дна моря близ Лёката остатки корабля его предка, затонувшего здесь некогда.

На счастье, Руф Гедемо видел пьесу талантливого драматурга и согласился ему помочь. Он предоставил ему доступ к городскому архиву.

Так Лукиан Самосатский узнал, что кораблекрушение «Калипсо» в 159 г. до н. э. было записано в анналы. Среди погибших фигурировал римский гражданин по имени Теренций Афр.

Лукиан возрадовался этой находке. Он спросил Руфа Гедемо, были ли подняты со дна предметы с борта «Калипсо». Руф Гедемо ответил, что вероятность невелика, но что все бесхозные предметы хранятся в особом

помещении, куда можно заглянуть.

Тогда Лукиан Самосатский решил продлить свое пребывание в этом городе, так сердечно принимавшем его сочинения.

Утром он написал странную пьеску про человека, отправляющегося на Луну. Так, сам того не зная, он стал основоположником научной фантастики.

Днем он при помощи двух рабов стал разбирать содержимое зала находок, надеясь наткнуться на предметы с «Калипсо».

Потом, снова нанеся визит Руфу Гедемо, он сообщил, что обнаружил искомое. Теперь ему предстояло вернуться в Рим, чтобы утрясти кое-какие дела, но он дал слово, что вернется с намерением завершить свои дни в этом чудесном городке, удаленном от римской суеты.

В Риме Лукиана ждали небывалые почести: публика, прознав о его успехе у галльских варваров, возжелала его еще сильнее.

Сам император Марк Аврелий пригласил его к себе во дворец и сообщил, что жалует ему в знак признательности земельные владения. По его словам, Лукиан сумел показать варварам, что римляне не только воины, но и высококультурная нация.

Но император Марк Аврелий умер. Его сын, Цезарь Луций Коммод Аврелий, не жаловал «папиного любимчика». Он надавил на театры, чтобы они перестали ставить пьесы Лукиана Самосатского.

Вскоре Коммод затеял строительство гигантской арены, Колизея, чтобы «по-настоящему веселить народ» гладиаторскими боями и умерщвлением приговоренных.

Лукиан не был любителем цирковых игрищ. В одной из последних его пьес, которую разрешалось играть, он вложил в уста персонажу реплику, что «радость от смеха превосходит радость от зрелища казни на плахе или пожирания львами».

Император Коммод счел эту реплику нестерпимой провокацией. Он повелел схватить смутьяна и бросить его на растерзание львам, дабы «проверить, что воистину веселит толпу: шутка комика или поедание того же комика львами».

Горстка сенаторов, сохранивших верность прежнему императору, предупредила Лукиана о готовящейся расправе, и тот успел уплыть на корабле, прежде чем за ним пришли. И снова его парусник взял курс к берегу Нарбоннской Галлии, на Лёкат. Там его, местную знаменитость, встретили как героя и провозгласили почетным гражданином.

Вместе с друзьями из местных он вернул себе то, что называл «сокровищем с «Калипсо».

Тем временем ищейки императора Коммода шли по его следам.

Переодевшись в галла, Лукиан Самосатский оседлал коня и отправился на запад Галлии, в Кельтику, страну бретонцев.

Большая история смеха. Источник: GLH.

С трудом проклевывается заря. Маленький желтый парусник выходит в открытое море. Берега Бретани тают вдали.

Исидор Каценберг держит штурвал, Лукреция Немрод управляет на носу кливером.

Журналист следит на своем айфоне за данными GPS. На экране спутниковая карта и движущаяся точка – их местоположение.

– Думаете, Тристан Маньяр уплыл в эту же сторону? – спрашивает Лукреция. – Опять следуете своей женской интуиции?

– Просто логическое умозаключение. На суше ничего не спрячешь: сплошные туристы, мельтешение, любопытные местные. Хочешь создать по-настоящему тайное общество, свободное в своих действиях, – выйди в море.

Впереди показывается остров, определяемый GPS как остров Уа. В его бухточке снуют туда-сюда катера и лодки.

– Такой остров годится?

– Нет, нужен совершенно голый, чтобы ни ресторана, ни гостинцы, ни порта.

Дальше на их пути лежит остров Эдик, славящийся менгиром Венеры, который можно разглядеть с моря.

– И чтобы без памятников истории. Без туристических приманок, побуждающих причалить.

Яхточка ускоряет ход, подгоняемая ветром с залива Морбиан.

По правому борту виден остров Бель-Иль со своими зданиями и кораблями.

– Ищете гладкую скалу? Но из кого состоит тайное общество? Правильно, из людей. А людям положено есть, пить, согреться, иметь крышу над головой...

Взгляд Исидора Каценберга без усталости мечется между спутниковой картой GPS и горизонтом.

Его молчание провоцирует у Лукреции Немрод приступ горькой обиды.

– Почему вы мне не помогли, когда их было четверо против меня одной?

– «Насилие – последний аргумент идиотов».

– Меня бесят эти ваши заготовки! К тому же вы пускаете их в ход

только тогда, когда это вам выгодно.

– Я видел, что вам нравится лупить мужчин, и не хотел прерывать развлечение. Радуйтесь, что я не занял их сторону. Вы же сначала бьете, а потом думаете.

Ушам своим не верю!

– Вы!.. Вы...

– Да, знаю, вы меня любите, только это невозможная любовь, Лукреция.

– Да вы попросту...

– Старый одинокий медведь, и лучше мне им и оставаться. Я уже утомился вам это повторять, вы же ничего не слышите. Так что продолжайте изучать горизонт. Увидите голый островок – доложите.

Они миновали Бель-Иль, и теперь впереди и вокруг них простирается бескрайний океан. Вся суша осталась за кормой.

Они долго скользят по волнам, замечая вдали только тяжелые неповоротливые танкеры.

Наконец Исидор обнаруживает нечто похожее на клочок суши.

– Здесь? Это же одни камни!

– Тем интереснее.

Они пристают к берегу, вытаскивают свою посудину на гальку и приступают к обследованию крохотного островка.

– Что мы ищем? – ворчит Лукреция. – Люк? Пещеру? Подземелье? Пластмассовую скалу?

Исидор снует среди камней, как геолог в поисках жилы. Через полчаса он устало садится.

– Здесь ничего нет, – сообщает он.

– Иногда ваша «женская интуиция» дает сбой.

Она достает из рюкзаков консервы.

– Раньше я вам этого не говорил. Я был знаком с Дариусом, – неожиданно сознается Исидор.

– А я думала, что вы никогда не спускаетесь с вашей водокачки.

– Водокачка – подарок моих друзей.

Лукреция Немрод разводит костер и кладет сверху банку телятины с фасолью.

– Меня разбирало любопытство, что он за человек. Рассмешить меня ему не удавалось, но я понимал, какая это важная для нашей эпохи личность, и хотел потолковать с ним с глазу на глаз. Ну, как с президентом республики, с римским папой или с какой-нибудь рок-звездой...

Он совершенствует сложенный Лукрецией очаг, перекладывая камни

для лучшей тяги.

– В тот вечер он собрал три сотни гостей. Кажется, ему нравились такие людные сборища, иначе он не устраивал бы их каждые три дня. В его «версальском» дворце собрались звезды прессы, политики, журналисты, актеры, комики, топ-модели – весь бомонд.

– В общем, вся его будущая похоронная процессия.

– Это был его двор. Двор короля Шута XIV.

– Меткое выражение!

– Это слова Пьера Депрожа. Один из устроенных Колюшем приемов вдохновил его на скетч именно с этим названием – «Король Шут XIV».

– Продолжайте.

– В больших блюдах с табличками «Угощайтесь» лежали горы стоевровых купюр. Были еще блюда вроде бы с мукой, а на самом деле с кокаином, под табличками «От всей души».

– Щедро!

Лукреция достает фляжки с водой и предлагает рассказчику хлебнуть.

– Весь вечер я наблюдал за Дариусом, как за хищным зверем в зоопарке. Брат беспрерывно его снимал. Даже когда ему понадобилось в туалет, съемка не прекратилась, пришлось сказать: «Нет уж, туда я иду один». Все это было очень смешно.

– Брат вел круглосуточную видеосъемку?

– Именно. Окружающие ловили каждое слово Дариуса и с готовностью хохотали, твердя, что он гений.

– Ему это не досаждало?

Решив, что консервы готовы, Лукреция достает пластмассовые тарелки и накладывает Исидору еды.

– Наоборот! Помню, кто-то вздумал рассказать анекдот про поляков. На самом деле это была завуалированная похвала хозяину дворца. Сначала Дариус делал вид, что смеется, а потом вскочил, жестом приказал своим телохранителям держать беднягу и стал колотить, пока тот не распластался на полу. Никто пальцем не пошевелил. По-моему, он был страшно обидчивым. Над всеми смеялся, но не выносил шуток над собой или над своим польским происхождением. Еще один парадокс: юморист без чувства юмора.

– Не могу себе представить такого Дариуса!

– Это еще не все. Ему вздумалось подарить кому-то из друзей девицу, манекенщицу-шведку, а когда та отвергла домогательства, он отвесил ей пощечину и крикнул: «Вышвырнуть отсюда эту стерву!» Он бесился по любому поводу. По-моему, его все боялись.

– А вы не преувеличиваете? Вы не предвзяты?

Их разглядывает севшая рядом чайка.

– В тот вечер он велел сыграть сценку очередному открытому им таланту. Сценка началась, но никто не обращал на комика внимания. Тогда Дариус отнял у одного из охранников револьвер и выстрелил в потолок. Все замерли. «Вы никого не уважаете? – крикнул он. – Банда прихвостней! Паразиты! Только и можете, что лизать чужие сапоги! Не видите, как этот парень старается вас развлечь? Обжираетесь, презирая чужой труд? Смешить – это труд! С вас даже не берут денег, всего-то и нужно, что заткнуться и послушать. Вы и на это не способны?»

– Поддержка коллеги – это совсем другое дело...

– В зале воцарилась мертвая тишина. Его друг-юморист продолжил свою сценку. Все изображали смех, чтобы сделать приятное Дариусу. Ничего не скажешь – король Шут XV, наследник Шута XIV – Колюша...

Не бывает ни полностью белых, ни полностью черных. Думаю, Дариус был по-настоящему талантлив. Его часто заносило. Но при этом он уважал тех, кто трудился наравне с ним.

Спасибо Исидору за честность, благодаря ему у меня есть причины и ценить, и ненавидеть Дариуса.

– Особенность империи Шута XV – присвоение анонимных шуток. Он поступал как американские первопроходцы, кравшие земли индейцев и ставившие потом таблички с запретами, обматывавшие все колючей проволокой, придумывавшие права собственности... Он пользовался юридической лакуной. Это был вор, а не творец.

– Значит, его талант заключался в умении с правильной интонацией, в правильной манере подавать чужие шутки. В конце концов, комик – это скорее актер, чем сценарист.

Исидор подносит ложку к своей тарелке.

– Лично мне было бы очень страшно шутить перед полными залами, надеясь вызвать смех, – говорит Лукреция.

– По-моему, у вас бы получилось.

– А вы вообразите себя перед полутысячным залом, заплатившим за смех и готовым вас распять, если вы провалитесь.

Исидор кипятит воду и делает ей растворимый кофе. Себе он заваривает зеленый чай. Потом берет бинокль и изучает окрестности.

– Эти шутки без авторства – все равно что воровство, о котором никто не знает, потому что некому пожаловаться, – продолжает он.

Она встает и тоже вглядывается в морскую даль.

– Думаете, мы найдем GLH?

– Тристан Маньяр верил, что найдет. Для того он и вышел в море.
– Маленький вопрос: почему вы решили, что мы на правильном острове?

– Перед отплытием я нашел планы плавания судов, на которых вышли в море преследователи Тристана Маньяра.

– Маршрут обрывается здесь?

– Примерно. Не могу уверенно утверждать, что именно на этом островке...

Лукреция настораживается.

Не может?..

– Я думал прочесать этот сектор. Это не должно было занять много времени. По-моему, мы в правильном месте.

– Мы в открытом море! Это все равно что...

– ...искать иголку в стоге сена? Мой ответ вам известен.

Ага, всего-то поджечь стог и потом пошарить в золе магнитом. Одна из его любимых формулировок.

– Выше голову, Лукреция. Я нашел на мореходной карте этого участка залива Морбиан три островка, отличающихся тем, что ни одно судно ни за что к ним не пристанет, настолько они неинтересные. Нас ждут еще два. Во времени мы не ограничены.

Она вскакивает и запихивает в рюкзаки снаряжение, бормоча неясные угрозы.

Они погружаются на яхту и отплывают в сторону начинающего хмуриться горизонта.

«Урок логики. Учительница спрашивает учеников:

– Три вороны сели на провода. Одну подстрелил охотник. Сколько осталось ворон?

– Конечно, две, – торопится с ответом один ученик.

– Нет, ни одной, – возражает учительница. – От выстрела две другие улетели. Ответ неверный, он свидетельствует о примитивном направлении ваших мыслей.

– Можно мне тоже задать вам вопрос, мадам? – спрашивает тот же ученик.

– Почему нет, лишь бы по теме нашего урока логики.

– Три женщины едят на пляже мороженое. Одна лижет, другая кусает, третья сосет. Какая замужем?

– Я бы сказала, что третья.

– Нет. Правильный ответ – та, у которой обручальное кольцо. Ваш неверный ответ свидетельствует о направлении ваших мыслей».

Из скетча Дариуса Возняка «По логике вещей».

Смеркается, веет прохладой. У обоих побелели руки, так давно и напряженно они тянут за снасти.

Небо похоже на непрерывно меняющиеся театральные декорации. Маленький парусник все шустрее бежит навстречу ночи.

Внезапно взгляд Исидора падает на экран айфона, и он резко меняет курс, разворачиваясь левым бортом.

– Скоро мы достигнем места назначения.

– Приступ вашей прославленной интуиции? – усмехается Лукреция. – Хорошо хоть прогноз обнадеживает.

Но тут нахмурившееся небо озаряется молнией. Гремит гром, рассыпающийся на тысячи мелких молоточков. Начинается дождь.

Ленты на парусах начинают трепетать, флюгер на мачте вращается вокруг своей оси. На воде вскипают пенные барашки, издали приближаются, вздуваясь на глазах, грозные валы.

Маленькую яхту треплет буря. Волны подбрасывают ее к небесам. В ушах свистит ветер. Двое журналистов цепляются за снасти, кажется, их мчит в самую преисподнюю.

Исидор Каценберг жестом приказывает ослабить кливер. Она выполняет команду, парус опадает, она крепит снасть.

– Что теперь? – кричит она, перекивая ураган.

– Идем ко дну! Воды уже почти по колено!

– Я впервые на паруснике! – вопит она.

– И я!

Что?! Мне не слышалось?

– ЧТО ВЫ СКАЗАЛИ?

– Я УЧУСЬ, ЛУКРЕЦИЯ!

Яхта взлетает ввысь и под адский шум летит в бездну.

От удара Исидор выпускает штурвал, и яхту начинает разворачивать, она резко кренится.

Мачта со свистом разрезает воздух и бьет Лукрецию в лоб. Журналистка оглушена, но ледяная волна приводит ее в чувство. По ее щеке ползет струйка крови.

Исидор, встревоженный сильнее, чем готов показать, торопится к ней.

– А все ваша жизненная позиция! – кричит он, пригибаясь, чтобы его не смыло волной. – Вы вечно обозлены. Вселенная отвечает вам тем же. Вы

наносите удар и получаете от нее сдачу.

– Мне не нравятся ваш юмор и ваша философия, Исидор, – огрызается она, щупая шишку на лбу.

– Осторожно! Втяните голову в плечи!

Мачта пятиметровой яхты снова со свистом режет воздух. Журналистка едва не получает новый удар по голове.

– Умный человек не совершает дважды одну и ту же ошибку, – наставляет он ее под шум разыгравшейся стихии.

Их подбрасывает и роняет очередная волна. Он опять выпускает штурвал, и его волочит вперед. В этот раз по лбу достается ему. Под треск лопающихся переборок он валится на палубу.

«Кажется, я нащупал пружину юмора, – проносится у него в голове. – Лезешь с советами – получаешь ими же по физиономии. Поделом мне!»

Поднеся ладонь ко лбу, он убеждается, что тоже заработал шишку.

Перемещаясь по палубе чуть ли не ползком, они пытаются убрать парус, тянут за снасти, чтобы унять их биение на взбесившемся ветру.

Небо из темного становится черным. Теперь не видно ни зги.

Буря разгулялась не на шутку. Несколько раз яхта каким-то чудом удерживается от того, чтобы перевернуться кверху килем, двое горемореходов, уже без стеснения стоящие на карачках на захлестываемой водой палубе, из последних сил цепляются за все, до чего дотягиваются.

Лукрецию рвет от болтанки. Она свешивается за борт. Исидор пока еще крепится, но и ему осталось недолго.

Огромная волна грозит отправить их на дно.

Неуправляемая яхточка сама противостоит стихии.

Они шатаются, полубезумные от ветра, холода, скорости, задыхаются, захлебываются.

Внезапно дно утлой посуды пробивает вынырнувший из пенной воды острый риф.

Дальнейшее похоже на замедленное кино.

Движение разом прекращается, удар подобен взрыву.

Маленький парусник, как вставший на дыбы скакун, отправляет двух людей в полет. На свое счастье, они лишаются чувств.

421 г. н. э.

Кельтская Галлия. Броселиандский лес.

Римская империя терпела крах.

Римская цивилизация откатывалась, как отступающая волна, под натиском наступающих варваров, атаковавших ее одновременно на всех границах.

XVII легион, расквартированный на бретонских землях, покидал Галлию одним из последних.

Свертывая свои лагеря, офицеры оставляли для защиты провинции Кельтика от варварских вторжений обученных ими воинов, сыновей галло-римской аристократии. Саксы, уже изгнавшие бриттов из Англии, теснили их все дальше на юг, наступая с севера.

Тогда галло-римские бритты и решили избрать себе короля, который поведет их в бой. Выбор пал на лучшего стратега по имени Артур.

Тот быстро сколотил отряд из лучших воинов, получивших выучку в XVII римском легионе, и нарек их рыцарями Круглого стола, так как они собирались за столом именно этой формы. Они были кельтами, принявшими под влиянием римлян христианство. Артур выбрал в отряде двенадцать – по аналогии с Христовыми апостолами – наиболее отличившихся в боях рыцарей.

Сражения с саксами и пиктами (пришедшим из Шотландии народом, носившим название «пикти» за крашеные лица) были жестокими, но рыцари стояли насмерть.

По совету друида Мерлина Артур решил, что получит поддержку суеверного местного населения, если одержит также и психологическую победу. Друид придумал священную миссию, порученную дюжине рыцарей-апостолов: найти священный Грааль – чашу, в которую была якобы собрана кровь Христа.

Однажды рыцарь Ланселот, вернувшийся из Иерусалима, предъявил золоченую чашу. «Я нашел Грааль!» – провозгласил он. Никто не усомнился, что так оно и есть, и легенда пустила корни. Король и двенадцать рыцарей приобрели легитимность. То был апогей удачной преемственности между Римской империей и будущим королевством франков.

Но рыцари столкнулись с препятствием. Это была молодежь с кипучей

кровью, с которой трудно было поладить. Рыцарь Гавейн обвинил рыцаря Ланселота Озерного в том, что тот переспал с королевой Гвиневрой, женой самого короля Артура. На поединке Ланселот убил Гавейна, и прекрасный союз соратников короля разлетелся на куски: одни стали союзниками Ланселота, другие остались преданы Артуру.

Друид Мерлин сказал королю: «Наша проблема в том, государь, что мы, одолев внешнего врага, тут же придумываем себе внутреннего. Все пороки порождаются бездельем. Твоих рыцарей пора чем-то занять».

Тут как раз вернулся из Иерусалима Галахад. Он рассказал, что наслышан об истории «второго Грааля», прозванного некоторыми фантазерами «Мечом Соломона».

– Если первый Грааль материален, – объяснил он, – то второй, Меч Соломона, сугубо духовен.

– Отлично! – ухватился Артур за подвернувшуюся возможность отвлечь рыцарей. – Отправим экспедицию на поиски второго сокровища.

В этот раз король послал в поход рыцарей Карадога, Галахада и Дагонета.

По прошествии двух лет эта троица выяснила, что и впрямь существует ларец, происходящий из храма Соломона, и «хранится в том ларце не золото, не серебро, не драгоценности, а сокровище духа, невесомое, как мысль. И зовется сия диковина Мечом Соломоновым».

Эта загадка их заинтриговала.

После полугода поисков оказалось, что ларец унес некий иудей, спрятавший его от захватчиков-ассирийцев в Греции.

Еще год ушел на то, чтобы выйти на след того иудея. Звался он Эммануилом Вениамином и укрывался в Афинах.

Рыцари устремились в греческую столицу. Там им открылось, что Эммануил передал драгоценность некоему Эпихарму, каковой Эпихарм ее тоже спрятал.

Трое рыцарей Круглого стола не унывали. Они долго изучали вопрос и в конечном счете напали на другие следы Меча Соломона. Им владел грек Аристофан, называвший его «непобедимым оружием, затыкающим рты дуракам». Следующим владельцем Меча был римский автор Теренций, бежавший от имперской полиции в Лёкат, где, видимо, его и спрятал. Он называл Меч Соломона «серпом для хвастливых голов».

Трое рыцарей-расследователей отправились в Нарбоннскую Галлию, тогда еще хранившую римские традиции, и продолжили поиски там. Рыцарь Дагонет узнал, что ларец действительно был спрятан в Лёкате, однако потом некий Лукиан, он же Люсьен Самосатский, крупный римский

аристократ, увез его на северо-запад.

Велико же было их удивление, когда оказалось, что поиски приведут их практически туда же, откуда они выехали.

Теперь Меч Соломона предстояло искать... в Бретани. Таким было их сногшибательное открытие. «Стоило так утруждаться, чтобы найти искомое у себя под носом!» – воскликнул в сердцах Дагонет, доказав тем самым, что в их троице он самый остроумный.

В конце концов, еще после года поисков, трое рыцарей смекнули, что Люсьен Самосатский спрятал Меч Соломона под менгиром в Броселиандском лесу, недалеко от того места, где король Артур добыл из скалы другой священный меч, Эскалибур.

Рыцарь Карадог, самый здоровенный, приподнял менгир и нашел под ним большой сундук. Внутри взломанного сундука оказался сундучок поменьше.

«Меч Соломона – это, должно быть, кинжал или нож», – рассудил Карадог.

На меньшем сундучке-ларце было начертано золотом на латыни: NIS NUNQUAM LEGENDUM EST^[22].

Первым вскрыл ларец Дагонет. Он достал из него свиток, который не смог перевести, ибо не знал латыни. Он протянул его Карадогу, тот прочел – и упал замертво. Галахад, прочитавший свиток через его плечо, тоже сразу умер.

Выжил один рыцарь Дагонет, спасибо его неосведомленности в латыни.

Сознавая, что в его руки попало страшное оружие, он решил спрятать ларец и основать тайный рыцарский орден Хранителей Меча Соломона. Таких набралось очень немного, всё потому, что критерием для посвящения в орден было незнание латыни.

Большая история смеха. Источник: GLH.

К Лукреции подлетает чайка, острый кончик клюва почти касается ее закрытых век.

Птица колеблется, она клюет совсем рядом всякую мелочь, словно проверяя реакцию. Поскольку Лукреция не шевелится, чайка наглеет и запрыгивает ей на голову. Клюв, поднесенный к уху, щиплет мочку.

В этот раз реакция стремительна. Рука прогоняет птицу. Открываются глаза.

Открыв оба глаза, молодая журналистка видит одни черные камни.

Что-либо еще трудно разглядеть из-за окутавшего остров густого тумана.

Над ней со скандальными криками кружат чайки.

По ее мнению, дело происходит утром, об этом свидетельствует светло-серый оттенок тумана и серебристое свечение вверху, там, где положено находиться солнцу.

Во рту чувствуется вкус крови. Она кое-как меняет лежащее положение на стоячее.

Сделав несколько шагов, она убеждается, что их судно выбросило на торчащую из океанской пены скалу.

– Исидор! Исидор! – зовет она.

Никто не откликается. Она рассматривает разбитую посудину, вглядывается в даль. Наконец она различает маячащую на скалистом мысу фигуру.

Это Исидор, тычущий своим мобильным телефоном в разные стороны.

– Могли бы ответить, я уже решила, что с вами приключилась беда.

– Я не слышал, – отвечает он, не оборачиваясь. – Главное, что вы живы.

Лукреция Немрод наблюдает, как он поднимает и опускает айфон. Он весь в синяках и ссадинах. Похоже, при кораблекрушении он тоже потерял сознание.

– На ваш предполагаемый вопрос «Вы в порядке, Лукреция?» ответ такой: «Более-менее, не считая синяков и ушибов». Если бы вы отреагировали на это вопросом: «По крайней мере ничего серьезного, Лукреция?», то я бы ответила: «Не беспокойтесь, Исидор, до свадьбы заживет». Так, во всяком случае, должен разговаривать джентльмен с юной леди из хорошей семьи после серьезного происшествия.

– У нас есть задачи поважнее созерцания собственного тела.

– Я бы назвала это элементарной вежливостью.

– Должен ли я напоминать, что вы сирота и что я наблюдал, как вы с решимостью дикого буйвола били в кровь физиономии робким местным селянам? Вам тоже не мешало бы пересмотреть систему общения с ближними. Когда здороваешься, необязательно втыкать каблук в живот визави.

– Это была законная самооборона, ваши «селяне» явились с охотничьими ружьями.

Он пожимает плечами и снова пытается поймать связь мобильным телефоном.

– Кое-какие сигналы есть. Мы заплыли за маяк Гран Кардино, но остров Оэдик не очень далеко. Что удивительно, этого места нет ни на одной карте.

– Вдруг это «Затерянный остров»?

– Полагаю, вы намекаете на телесериал. Увы, я смотрю по телевизору одни новости. Этого острова нет даже на карте «Гугла». Но больше всего меня удивляет вот что!

Он указывает направление, и она различает в тумане что-то круглое.

– Маяк?

– Да, вот только его не должно существовать. В моем списке бретонских маяков он отсутствует. Идемте.

Они идут к маяку, постепенно проступающему из тумана. С виду он недействующий и вообще заброшенный.

На дубовой двери красуется ржавый замок.

– Думаю, мы добрались туда, куда хотели, – сообщает Исидор, осматривая дверь.

– Это было бы странно. Велика ли вероятность, что буря выбросила нас напрямик на тот остров, который...

Исидор Каценберг молча наклоняется и подбирает с земли розовую табличку с глазом, в который вставлено сердце.

Он меня бесит, бесит, бесит.

Лукреция Немрод без всякой пользы дергает дверную ручку. Пока Исидор изучает дверь, она бьется в нее плечом и взывает от боли.

После этого оба приглядываются к подгнившей от непогоды двери.

– Тайное общество, поклоняющееся юмору, должно действовать нестандартно...

Ее пронзает догадка.

– Дверь повешена наоборот!

Настоящая замочная скважина обнаруживается слева, рядом с ненастоящей дверной петлей. Настоящие петли замаскированы справа. Теперь достаточно толкнуть дверь с правильной стороны, и...

– Браво, Лукреция.

– Двери и замки – моя епархия, – скромно сознается она.

Кажется, он впечатлен.

Они входят, светя перед собой мобильными телефонами, и находят две двери. Одна ведет вверх, другая вниз. Принимается решение сперва подняться.

Лестница ведет на верхушку маяка. За стенкой беснуется ветер.

Лукреция ежится.

Хватит с меня дождя! Ветра, дожди, грозы... Такое впечатление, что само небо на нас обозлилось!

Исидор посещает наблюдательный пост маяка. Посередине большой фонарь с красной лампой и четырьмя оптическими линзами. Все это накрыто чехлом из стекла и меди.

Дальше, на столике, лежат карты, компасы, секстант под густым слоем пыли.

Сюда давным-давно никто не совался.

Лукреция толкает дверь, ведущую на внешнюю галерею вокруг верхушки маяка, и ее чуть не сбрасывает вниз порывом сырого ветра.

Зато от круговой панорамы у обоих захватывает дух.

– Здесь пусто, – выносит вердикт молодая женщина с взъерошенными ветром волосами.

– А что вы рассчитывали здесь найти?

– Только не говорите, будто знали, что здесь ничего нет, Исидор!

– Что поделать, знал.

– Зачем тогда было лезть наверх?

– Чтобы удостовериться. И кое-что проверить...

Исидор возвращается на наблюдательный пост, открывает дверцу сундучка и достает бутылку рома. Она отхлебывает из горлышка, он тоже.

– Я думала, ваш ром – это морковный сок, зеленый чай и миндальное молоко.

– Так и есть. – Он опять прикладывается к бутылке. – Но в исключительной ситуации...

Они молча смотрят в океанскую бесконечность. Вдали угадываются соринки-корабли.

– Почему вы так упорно отвергаете мои ухаживания, Исидор?

– Ваше заболевание можно назвать «острой брошенностью». Вас

бросили родители. Эта рана не зарубцовывается. Возможна терапия, такая или иная степень обезболивания, позволяющая поддерживать нормальную связь с окружающими. Но у вас колоссальная потребность в ободрении, защите, любви. Можно сказать, болезненная. Ни одному мужчине не под силу ее удовлетворить. Вы ведь ищете отца, а так как я вас оттолкнул, вы приняли за отца меня. Любой, кто вас отвергнет, бросит вам такой же вызов.

Она слушает, не шевелясь, каждое слово проникает ей в кровь, достигает клеточных ядер.

– Если отвергающий вас мужчина сначала ведет себя по-отечески, то вы еще больше его жаждете. Ваше влечение ко мне – всего лишь желание свести счеты с жалким призраком. Потому я вас и отверг.

По крайней мере ясно.

Она сглатывает и четко артикулирует:

– А какая болезнь мучает вас, Исидор?

– Мизантропия в острой форме. Неприятие людей. Я вижу в них вялость, примитивность, влечение к заведомой падали, желательно смердящей как можно сильнее. Поодиночке они трусливы, но становятся опасными, собираясь в стаи. Порой мне кажется, что я окружен гиенами. Они любят смерть, любят смотреть на мучения соплеменников, лишены всякой морали, беспринципны, не уважают других, плюют на природу. Они считают подходящим образованием для своих детей фильмы, где пытаются себе подобных, – это, дескать, «развлечение»!

Не весь мир таков. Он сгущает краски, сильно преувеличивает. Это его личный невроз.

– Итак, у меня острая брошенность, у вас – острая мизантропия. Что дальше?

Небо опять раскалывается, опять припускает дождь.

– Я отвечаю вашей потребности в отце. Вы отвечаете моей потребности примириться вопреки всему с человечеством.

– Расследование – способ обмануть тоску?

– Нет. Гроза заставила меня поразмыслить. Работая научным журналистом, я сеял своими статьями знания. Сейчас мне этого не хватает. Распространять знания, раскрывать тайны, находить неведомые истины – в этом смысл всей моей жизни. Когда я сижу взаперти у себя на водокачке, у меня ощущение, что пропадает мой природный дар. Я – гоночная машина, стоящая в гараже. В этом нет ничего хорошего. Я жестоко ошибался. Я спал. Вы меня разбудили.

Не смей раскисать, Лукреция.

- Вы хотите вернуться в журналистику?
- Я не переставал быть журналистом. Правда, за рамками журналов.
- Не понимаю.
- У меня новые устремления. Желание посвятить себя занятию, оставляющему свободу рук и позволяющему сеять знания шире, чем при работе в журнале. Что-то вроде популяризации науки, но другим способом.
- Я молчу и слушаю.
- Я буду писать романы.
- Вы шутите?
- Нельзя ли без оскорблений? Считаете, я не потяну? Наши расследования часто завершаются открытиями, которые нельзя обнародовать, так почему бы не использовать их как материал для сочинительства?

Тучи сбиваются вдали в грозный, неумолимо надвигающийся ком.

- Людям, читающим вашу правду, придется принимать ее за вымысел?
- Пусть так. Зато правда будет запечатлена. Читая, они автоматически станут задавать вопросы и размышлять.
- Жанр романа дискредитирует информацию.
- Подумаешь! Их подсознание, не участвующее в вынесении суждения, обогатится новым знанием.
- Возьмем пример – нашу историю с «недостающим звеном».
- Если бы я написал роман об Отце наших отцов, то они прочли бы, что у нас и у свиней восемьдесят процентов общих генов и что употребление этого животного в пищу – один из пережитков каннибализма. Кто знает, вдруг это изменило бы их рацион? По меньшей мере они отказались бы от копченостей.
- А история «Последнего секрета»?
- Она заставила бы их задуматься о глубинной мотивации поступков и о сидящем в каждом безумии. Они стали бы задаваться вопросом, лежащим в основе индивидуального развития: «Что же, собственно, доставляет удовольствие именно мне?»

Лукреция Немрод наблюдает за скользящими в небе и ежесекундно меняющими форму облаками.

И то правда, что же доставляет удовольствие лично мне? Он прав, мы часто заботимся об удовольствии других, наших родных, друзей, сослуживцев, начальства, соседей... Когда же мы станем доставлять радость самим себе?

- Теперь мы расследуем смерть Циклопа.
- Думаю, мы вскроем величайшую тайну того, что больше всего

характеризует человека. Тайну смеха.

Звучащий в эту секунду крик чайки сильно смахивает на насмешку.

– Я говорил, почему согласился участвовать в расследовании, но пока что не услышал, что такого интересного в этом деле лично для вас, – невозмутимо произносит Исидор

– Это связано с одним случаем в моей ранней юности.

Он понимает, что надо довольствоваться этим, и, боясь, как бы в маяк не ударила молния, кричит:

– А теперь – вниз!

451 г. н. э.

Галлия. Близ Орлеана.

Римская империя неумолимо крошилась.

Но особенно сильному натиску подвергались ее восточные границы.

Прежний союзник римлян стал ее наихудшим врагом. Это был Аттила, вождь племени гуннов, происходившего из долины Тисы в Венгрии.

Долгое время Аттила находился в мирных отношениях с римлянами, требуя с императоров в обмен на свой нейтралитет регулярную дань.

Но случилось землетрясение, разрушившее стены Константинополя, и Аттила усмотрел в этом знак судьбы и не смог смирить желание стать, как он сам это называл, «владыкой вселенной». Он напал на полуразрушенный город.

Это нападение и другие, дальнейшие, складывались по-разному. В конце концов, отказавшись от затеи завоевать империю с востока, он весной 451 года решил собрать все свое войско, объединить силы с германцами и монголами и развернуть мощную кампанию завоевания с севера, через Галлию, историческую союзницу Рима. Одна армия вторглась туда через северо-восточную границу, вторая – через северную. На востоке Аттила взял сначала Страсбург, потом Мец и Реймс, на севере Турне, Камбре, Амьен, Бове. Города разграбили и сожгли, мужчин частью перебили, частью обратили в рабство.

Два крыла его армии должны были сойтись в Париже, но когда пронесся слух, что в городе свирепствует холера, Аттила развернул армию и двинулся на Орлеан.

В нескольких километрах оттуда он напоролся на неожиданное сопротивление. Собралась армия обороны, сумевшая его остановить.

В битве на Каталаунских полях сошлись две силы. С одной стороны, это были гунны и их германские и монгольские союзники: аламаны, остготы, вандалы, герулы, руги, паннонийцы, акациры и гепиды. Этой полумиллионной армией командовал сам Аттила.

Им противостояли галло-римляне в союзе с вестготами, бриттами, франками, аланами, бургундами, армориканами, багодами и сарматами. Их 120-тысячной армией командовал римский военачальник Флавий Аэций. Маленькая, но важная подробность: Флавий Аэций хорошо знал Аттилу. В детстве ему пришлось побывать римским заложником во дворце гуннов.

Там юный римский аристократ водил дружбу с юным принцем Аттилой.

Поэтому Флавий Аэций был единственным из римлян, прекрасно знакомым с нравами врага.

Конница Аттилы ударила по галло-римлянам, стоявшим на возвышенности. Битва длилась с полудня до наступления ночи. В конце концов гунны были отброшены. Обе стороны потеряли по 15 тысяч человек.

Оправившись от шока, оба лагеря стали готовиться к следующему сражению.

Гунны взяли в плен низенького рыжего человечка в зеленом одеянии, назвавшегося бретонским друидом Лоигом.

Бритты были союзниками римлян, и Лоиг вызвал сильнейшее подозрение, тем более что говорил на нескольких языках.

Его пытал сам Аттила. Но даже в разгар страшных мучений Лоиг твердил: «Ты и есть великий Аттила? Я несколько разочарован, я думал, что ты еще более жесток, мне даже не больно, так, девчачья щекотка!»

Аттилу поразила отвага несчастного на пороге гибели. Он захохотал и решил оставить Лоига при своем дворе.

Тем временем в обоих лагерях осложнились дебаты о дальнейшей стратегии. Между союзниками галло-римлян пробежала кошка. Вестготы, потерявшие в первой битве своего короля, ушли, не желая воевать дальше. Но и среди союзников гуннов, вандалов и остготов, не было согласия. Монголы не могли сговориться с германцами. В конце концов вожди увеличи свои племена. Поэтому у сражения не осталось победителей: оба союза развалились.

Пришлось Аттиле отказаться от намерения завоевать Галлию. Уходя, он забрал с собой Лоига.

Тот получил официальное назначение – «королевский шут». Бритт в зеленой одежде, в дурацком колпаке, с палкой, увешанной колокольчиками, обязан был болтать во время царской трапезы и смешить гостей «комическими сценками».

Приск Панийский, византийский историк, приглашенный ко двору царя Аттилы в 449 г., признавался, что сильнее всего его поразил там «королевский шут» – бритт, говоривший на нескольких языках и развлекавший гостей удивительными историями.

Но Приск Панийский не знал, что Лоиг не только развлекал короля. Он управлял тайной сетью осведомителей и снабжал римлян сведениями о военных замыслах своего господина. Потому-то Аттила и не преуспел во всех своих последующих походах. Когда же гуннский вождь пошел в

последнее крупное наступление, Лоиг стал действовать сам.

Он подложил ему на ложе синюю шкатулку с надписью на латыни.

Следующим утром Аттилу нашли мертвым.

Большая история смеха. Источник: GHL.

Изготовив из подручных материалов два факела, Лукреция и Исидор, светя на ступеньки, начинают спуск в глубокий подпол.

Минут через десять они оказываются на площадке, вокруг которой нет ни одной двери.

– Ума не приложу, почему я до сих пор вам доверяю, Исидор.

– По той простой причине, что вы в меня влюблены.

На это у Лукреции не находится ответа. Она светит на стену факелом, разглядывая кирпичи.

– Тут что-то есть!

– Что?

– В этом месте не такие кирпичи, как вокруг.

Она щупает стену и находит кнопку. Под железный скрежет ложная стенка отползает, открывая проход.

Они поднимают факелы.

– Думаете, мы приближаемся к Источнику Юмора? – спрашивает она.

Он, не отвечая, бодро шагает вперед.

По стенам коридора стекает вода.

– Как поживает ваша женская интуиция?

– Я родился с этим талантом.

– Вы серьезно в это верите?

– Дело не в вере, а в экспериментальном подтверждении. Пробуя свою интуицию, я обнаружил, что обладаю ею. Может, взяться за мольберт? Вдруг я еще и художник?

– По-вашему, ребенку надо предлагать разные инструменты, чтобы он определил, в чем состоит его талант?

– Совершенно верно. Так поступают тибетские буддисты: раскладывают перед ребенком десятки предметов и смотрят, какими он заинтересуется больше всего инстинктивно или интуитивно.

До них доносится какой-то шум.

Лукреция достает свой револьвер.

Исидор светит факелом в направлении звуков.

Ложная тревога: это всего лишь мечущиеся под потолком летучие мыши.

Они осторожно движутся дальше.

– Но каждое крупное достоинство сопровождается таким же крупным

недостатком. Он тоже определяется экспериментальным путем.

– Какой недостаток у вас?

– Слабая память.

– И всё?

– Нет, еще я непригоден для совместной жизни – в смысле, с женщиной.

– Это я подтверждаю.

– По крайней мере я не пытаюсь впарить вам порченный товар.

Коридор расширяется.

– Мне также присуща цепкость. Вы так и не сказали мне, Лукреция, почему вас так заинтересовала гибель Дариуса.

– Его смерть меня задела. Он так упорно карабкался на вершину...

– Взобрался – и рухнул вниз. Оскар Уайльд говорил: «Когда боги хотят наказать нас, они отвечают на наши молитвы».

– Не выношу эти ваши шаблонные цитаты! Дариус был само остроумие. Он выполнял важную общественную функцию. Смех лечит, смех кормит, смех...

– Вас спас смех? – выпаливает он.

Она не отвечает.

– Юмора у Дариуса было не отнять. Эпитафия «Я бы предпочел, чтобы в этом гробу лежали вы, а не я» свидетельствует о его смелости.

– Такой юмор доступен любому. Саша Гитри сказал своей бывшей возлюбленной Ивонн Прэнтам, ставшей его женой: «Эпитафией на твоей могиле будут слова «Наконец холодна».

– ...на что Ивонн Прэнтам ответила: «А на твоей – «Наконец тверд».

Исидор Каценберг одобряет кивком эту дуэль двух остроумий.

– Раз вы такой умник, то угадайте, что напишут на вашем надгробном камне, Исидор.

Он задумывается.

«Меня плохо поняли: я хотел кремации».

– Неплохо. Другие варианты?

– Давайте по очереди. Что напишут на вашем надгробии, Лукреция?

– Сейчас... «Разве я говорила, что больна?»

– Уже было, и не раз. Не засчитывается. Что-нибудь другое.

– «Наконец угомонилась».

– Ладно, один – один. Теперь моя очередь: «Лучшие всегда уходят первыми».

– «Все хорошо, что плохо кончается».

Они продолжают шутить, продвигаясь по коридору.

– Такое впечатление, что эти стены вдохновляют на юмор, – говорит она.

– Нет, это наше воображение. Мы ему верим и воплощаем в жизнь.

С каждым шагом все явственнее становится отвратительный запах. Это не вонь гниющей воды. Приходится закрывать рукавом нос.

Коридор приводит их в большой подземный зал.

Храм под маяком...

Лукреция освещает факелом барельефы на стенах.

Зловоние разлагающейся плоти уже невозможно выносить.

Посередине, на маленькой арене, стоят друг напротив друга два кресла. Позади каждого тренога, на треноге пистолет с прикрепленным к курку проводом.

– Совсем как в Театре Дариуса!

– Что?..

– Все это: кресла, камеры! Там это называется ПЗПП.

– Что еще за абракадабра?

– Первый Засмеявшийся Получает Пулю. Расшифровка Тадеуша Возняка.

Она замечает на креслах бурые пятна – не исключено, что это засохшая кровь.

Они медленно обследуют подземный храм. Внезапно Лукреция наступает на что-то мягкое и слышит отвратительный треск. Она светит факелом себе под ноги и вздрагивает всем телом. Она угодила ногой в живот трупа.

– Вот и источник зловония.

Исидор нагибается и светит на разлагающееся тело. Смерть наступила несколько дней, а возможно, и неделю назад.

Лукреция пытается осветить окружающую тьму.

– Еще, еще!.. Целый десяток трупов, и это только здесь!

Журналист приподнимает маску не лице первого мертвеца. Убитый – старик. На его голове фуражка с позолоченными буквами GLH.

Исидор Каценберг внимательно изучает пол.

– Это не коллективное самоубийство. – Он делает несколько шагов. – Здесь устроили бойню. Людей, пришедших сюда, встретили с доверием, они миновали все шлюзы и не были задержаны. Потом начался спор, и, судя по положению тел, гости достали автоматы и открыли пальбу.

Научный журналист расхаживает по залу, глядя себе под ноги. Нагнувшись, он собирает и показывает своей коллеге гильзы.

– Вот здесь шли переговоры, потом произошел расстрел. В этом месте

больше всего погибших. Те, кто пытался бежать, получили по несколько пуль, потом раненых добили. Те, кому удалось спастись, ударили...

Он продвигается по невидимым линиям.

– ...туда.

Лукреция семенит следом за ним.

Снова коридоры. По пути они натываются на новые трупы в сиреневых комбинезонах с аббревиатурой GLH.

– Пуля в спину, примерно в область сердца, потом – в голову, – бормочет Лукреция.

Коридор приводит их в спальное помещение.

– Похоже, здешние обитатели постоянно жили в темноте, – делится Лукреция своими умозаключениями.

Свет факелов озаряет столовую, кухню, душевые.

– Целый поселок! Тут могли разместиться сотни людей.

Они оказываются в помещении, набитом сложной аппаратурой. Она опознает сканер, компьютеры.

– Целая научная лаборатория!

Дальше их ждет огромная библиотека.

Там тоже валяются трупы.

Кроме книг, здесь теснятся бюсты: Мольер, Граучо Маркс, Чарли Чаплин, Бастер Китон, Гарольд Ллойд, Вуди Аллен.

– А это кто такая? – указывает Лукреция на голову египтянки.

Исидор светит факелом на бюст.

– Хатор, египетская богиня смеха.

Он подходит к скульптуре карлика в тоге.

– Знакомьтесь: Мом, шут олимпийских богов. Я познакомился с ним у профессора Лёвенбрюка. Древние персонажи плохо известны широкой публике, но они стояли у истоков первых человеческих шуток.

Лукреция Немрод освещает гравюры, книги, статуэтки. Целый комический мир!

– Где мы, Исидор? Боже, куда мы попали?

– Туда, где рождаются шутки. Не сюда ли рвался Тристан Маньяр? Мы прошли по его следам и делаем то же открытие, которое сделал несколько лет назад он.

Лукреция чуть не спотыкается об очередного мертвеца, но успевает через него перешагнуть.

– Довольно мрачное местечко!

– Прославленный закон парадокса, правящий миром. Возможно, именно это мрачное подземелье – месторождение шуток, заставляющих

хохотать и стар и млад.

– Не ждала от вас лирики, Исидор.

– Тренируюсь в своем будущем ремесле романиста.

– Вы собираетесь это описать?

– Без малейшего стеснения.

– Ваша теория о том, что комики – на самом деле трагики, приобретает здесь неожиданно глубокий смысл. Источник юмора оказался форменной жутью.

– Не торопитесь с суждениями и тем более с выводами, Лукреция. Доверьтесь своим чувствам. Давайте попробуем отгадать секреты этого странного святилища. Похоже, мой роман о юморе в конце концов окажется... черным-пречерным детективом.

Лукреция Немрод высоко поднимает факел.

– Все признаки логова секты. Может, это и была секта смеха, но не забудем, что она устраивала дуэли ПЗПП.

– ...и при этом собрала фантастически богатую библиотеку юмора! В жизни не видел столько книг с анекдотами... – благоговейно шепчет Исидор, водя факелом вдоль полок.

На корешке одного из фолиантов, похожих на колдовские гримуары, написано «Филогелос».

Лукреция тем временем читает надписи на стенах.

СМЕХ – ЭТО ПРОТЕСТ ЖИЗНИ ПРОТИВ НЕУМОЛИМЫХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ, МЕШАЮЩИХ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЮ.
Анри Бергсон.

Я БЫ РИСКНУЛ РАССТАВИТЬ ФИЛОСОФОВ ПО ПРИЗНАКУ КАЧЕСТВА ИХ СМЕХА. Ницше.

– Уголок философов, – замечает она.

Исидор находит посвященные смеху труды Аристотеля, Платона, Декарта, Спинозы.

Продолжению подъема по хронологической лестнице мешает новый труп в комбинезоне и в маске.

Дальше журналисты натываются на другие, еще более древние книги заклинаний, на пергаменты под стеклом.

– Точно, секта! – повторяет Лукреция.

– Не совсем. Скорее тайное общество. Типа иллюминатов, тамплиеров, розенкрейцеров.

– Или франкмасонов?

Научный журналист освещает большой щит у них над головами.

– GLH... Эврика! Grande Loge de l'Humour^[23].

– Кому понадобилось всех их перебить? Зачем уничтожать масонскую ложу, оберегающую юмор? – волнуется Лукреция.

– Вдруг не всем нравились их шутки?

В столь драматический момент эта реплика так вопиюще нелепа, что Лукреция не удерживается от нервного смеха.

Они вставляют свои факелы в держатели, и их взорам открывается весь зал библиотеки, усеянный разлагающимися телами. Внезапно Исидор замирает.

– Тихо! – произносит он одними губами, прикладывая к ним палец.

Он подходит к шкафу с книгами, освобождает одну полку и пытается что-то расслышать через деревянную перегородку.

– На помощь!.. – доносится откуда-то слабый голос.

1095 г.

Франция. Париж.

Не желая дальше мириться с гибелью в Сирии и Турции паломников, направляющихся в Иерусалим, папа Урбан III призвал 27 ноября 1095 г. к крестовому походу с целью обезопасить паломнический маршрут.

В ряды участников Первого крестового похода созывали под девизом «Этого хочет Бог!» Решение папы привело к формированию нескольких христианских армий, взявших 15 июля 1099 г. Иерусалим. Рыцарь Годфрид Бульонский, предводитель крестоносного воинства, провозгласил себя новым королем Иерусалима.

Через 20 лет, 23 января 1120 г., двое рыцарей-крестоносцев, Гуго де Пейн и Жоффруа де Сент-Омер, решили созвать специальное ополчение, которое заботилось бы о безопасности паломников из Европы, стремящихся в Иерусалим.

Они поставили своей задачей охрану всех святых мест и назвались Орденом бедных рыцарей Христа и храма Соломона, которые позднее стали известны как рыцари Храмового ордена, храмовники, или тамплиеры.

Орден был весьма успешен. Вступить в него мечтали все молодые рыцари, из-за чего один из предводителей ордена, Бернар Клервоский, составил список обязательных требований к новым членам. Ожидалось, что они будут:

- не моложе 18 лет,
- не обручены.

Кандидат не должен был:

- состоять в каком-либо другом ордене,
- иметь долги.

Он должен был:

– обладать отличным физическим и психическим здоровьем, иметь две руки и две ноги, не пытаться вступить в Орден Храма путем подкупа, быть свободным, а не крепостным или рабом, не быть отлученным от Церкви.

В 1201 г. у ордена тамплиеров появился Великий магистр – глава ордена, проживавший в Иерусалиме и главенствовавший над магистрами других стран.

Богатство ордена тамплиеров составляли священные реликвии:

кусочки тернового венца Христа и деревяшки, считавшиеся осколками Его креста. Были здесь и более древние сокровища из храма Соломона.

Тамплиеры отличались от других рыцарей внешним видом: коротко стриглись, брили усы и бороды, носили белую накидку с красным лапчатым крестом.

Они возвели десятки крепостей на Ближнем Востоке и в Западной Европе и основали более семисот братств – школ для военного и религиозного обучения будущих братьев ордена тамплиеров.

Тамплиеры завели традицию собираться закрытыми капитулами для тайного комментирования священных текстов.

Они поддерживали множество военных походов и спасали от грабежа несчетные караваны паломников. Долгие века их деятельность и финансовая поддержка становились определяющими для побед сил Запада.

Чтобы выкупать у арабов заложников-христиан, они скопили огромные богатства – серебро, золото, архивные документы, – которые хранили в особом ларе.

Ларь прятали в Доме Храма в Иерусалиме.

В 1187 г. войска арабов под командованием Саладина захватили Иерусалим. Христиан убивали и изгоняли. Считая тамплиеров лучшими рыцарями-христианами, Саладин подверг мученической смерти триста пленных. Тогда тамплиеры перенесли свой храм и ларь в Сен-Жан-д'Акр. Но и этот город Саладин захватил в 1291 г. Снова тамплиеры бежали на ближайшую христианскую территорию – остров Кипр. С Кипра орден тамплиеров во главе с Великим магистром Жаком де Моле, выбранным во время бегства, вернулся во Францию.

Однако череда военных неудач помешала престижу ордена. Неспособные больше защищать христианских паломников, тамплиеры утрачивали самый смысл своего существования и превращались в глазах французского короля Филиппа Красивого в соперничающую экономическую и политическую силу, владевшую обширными землями и сокровищами легендарного ларя. К тому же король сильно задолжал тамплиерам, которым случалось ссужать деньги главам государств.

И тогда за дело взялся Гийом де Ногаре, министр юстиции.

Под предлогом вырванных у одного из тамплиеров признаний в сексуальных непристойностях Гийом де Ногаре уговорил Филиппа Красивого издать указ о поголовном аресте французских тамплиеров. Операция была проведена в пятницу 13 октября 1307 г. (отсюда суеверный страх пятницы 13-го).

Тамплиеры не сопротивлялись аресту, уверенные, что справедливый

суд быстро установит их невиновность.

В Париже, Кане, Жизоре полиция бросала тамплиеров в тюрьмы, где их долго пытали, заставляя признаться в извращениях. Из 137 тамплиеров, схваченных в Париже, 38 умрут от пыток в первые же дни. Остальные сознаются во всем: и в отступничестве от Христа, и в регулярной содомии, и в поклонении идолу Бафомету. Только трое проявили стойкость.

Это были сам Великий магистр Жак де Моле и двое других магистров. Их заживо сожгли на костре на острове Сите 18 марта 1314 г.

«Бог отомстит за нашу смерть. Папа Клемент, король Филипп, рыцарь Гийом, не пройдет и года, как на вас обрушится кара за эту несправедливость. Все вы будете прокляты вместе с вашими потомками до тринадцатого колена». Таковы были последние слова Великого магистра тамплиеров.

После смерти Жака де Моле Филипп Красивый устроил систематический грабеж имущества ордена тамплиеров.

После кончины Гийома де Ногаре король назначил доминиканца Гийома Юмбера, Великого инквизитора Франции, новым управляющим делами тамплиеров. Тот докопался до заветной тайны сундуков, где хранились их богатства. Однако одной шкатулки, числившейся в описи, он не досчитался.

Пленники, подвергнутые новым пыткам, признались, что Жак де Моле считал эту шкатулку самой ценной, называя ее «секретным оружием против злодеев». Они дали ее точное описание: деревянная, крашенная в синий цвет, с латинской надписью.

Но даже под пытками тамплиеры не смогли поведать, что лежало внутри недостающей бесценной шкатулки. Они твердили лишь, что в «ларчике» не было ни денег, ни драгоценностей, ничего материального и что Великий магистр Жак де Моле упоминал «сокровище духа», входившие в Соломоново наследие.

Один из выживших тамплиеров, Гуго де Пэро, показал, что по наущению некоего тамплиера из Бретани в храме Соломона велись настойчивые поиски, в результате которых сокровище было обнаружено в глубоком замаскированном погребке под Святой Святых.

Филипп Красивый впал в страшный гнев. «Требую, чтобы мне принесли эту синюю шкатулку!» – завопил он. «Ларчик», сокровище из которого, судя по всему, превосходило ценностью все содержимое «большого ларя», превратилось для него в наваждение. Он приказал Гийому Юмберу любой ценой добыть этот загадочный ларчик.

После длительного расследования и новых пыток Великий инквизитор

прознал, что несколько тамплиеров сбежали от облав и направились в Бретань, чтобы спрятаться в тамошнем Броселиандском лесу.

Гийом Юмбер устремился по следу беглецов. Последовали новые аресты и пытки. Так были добыты новые сведения: тамплиеры якобы уплыли из порта Карнак в сторону Англии.

Шпионы инквизитора напали на след беглых тамплиеров в Шотландии.

Гийом Юмбер убедил Филиппа Красивого обратиться к королю Англии. Но Эдуард I, недоверчиво относившийся к высокомерному французскому соседу, отказал ему в помощи.

С тех пор во Франции стихли разговоры о «ларчике», знаменитой «синей шкатулке с сокровищем» – с сокровищем неведомого, нематериального свойства».

Большая история смеха. Источник: GLH.

Слабый голос повторяет:

– Сжальтесь... Помогите...

Лукреция спешит на зов и находит в глубине библиотеки узкую щель.

– За деревянной перегородкой есть дверь, – сообщает она. – Здесь должен быть какой-то механизм...

Исидор уже простукивает перегородку, потом хватается револьвер и стреляет в механизм. После нескольких выстрелов устройство разваливается, они толкают панель, и она со скрипом отъезжает.

На полу неподвижно лежит бородатый человек в фиолетовом плаще. Лукреция падает на колени и кладет ладонь на его сердце.

– Он еще жив.

Бородач издает стон и бормочет:

– Надо... Надо... Вы должны...

– Кто вы? – спрашивает она.

– Не надо лишних вопросов, Лукреция. Вы же видите, кто это. Тот, кого мы искали, – Тристан Маньяр.

Произнеся эти слова невыразительным тоном, научный журналист отправляется на поиски воды. Выбежав с полным стаканом из ванной, он помогает бедняге сесть.

– Пейте, только медленно.

Исидор осматривает его и находит рану в животе.

– Наверху, на маяке, – шепчет Исидору Лукреция, – ваш телефон может поймать сеть. Вызовем подмогу?

– Я... Я... По...

Глаза раненого закрываются.

– Поздно, – шепчет Исидор. – Ему уже ничем не поможешь, он потерял слишком много крови, минута-другая, и он умрет.

Глаза Тристана Маньяра внезапно открываются. Смертельная усталость бессильна против удивительного огня в его взоре. Он пытается что-то произнести:

– Вы... Вы должны... Вы...

Исидор нежно приподнимает его за плечи, обнимает, старается успокоить, как малое дитя.

Лукреция боится шелохнуться.

Раненый успокаивается, но не перестает шевелить губами и пытаться

что-то им сказать:

– Вы должны... вы... вы...

– Не напрягайтесь. Все хорошо. Медленнее, тише, так вам будет легче.

Исидор подносит ухо к самым губам раненого.

– Я хорошо вас слышу. Говорите.

Раненый что-то шепчет ему на ухо.

Похоже, что, высказавшись, Тристан Маньяр испытал огромное облегчение. Он широко распахивает глаза, пытается растянуть рот в улыбке, чтобы поблагодарить человека, который его выслушал, потом с его уст слетает последний стон.

Исидор опускает ему веки.

– До скорого, в другой жизни, – произносит он вместо эпитафии.

Журналист поднимает мертвое тело и кладет на стол.

– Будет ли прилично спросить вас, что он вам сказал перед смертью?

Исидор молчит с загадочным видом.

– Между прочим, я процитировала вам предсмертные слова Себастьяна Долина, а вы со мной скрытничаете. Это несправедливо, Исидор.

Он остается нем.

– Я думала, это наше общее расследование! – напирает она.

– Я все равно не скажу. Прощу больше не допытываться.

Она в растерянности.

– Вы просто... просто...

– А вы, Лукреция, такая...

– Глупая?

– Нет, молодая.

Она снова не понимает, насмешка это или своеобразный комплимент. Лучше бы он окончательно пал в ее глазах, тогда она бы его не пощадила. Но он не доставляет ей этого удовольствия.

– Вы...

– Нет, вы...

– Что?

Он улыбается.

– Я тоже вас очень ценю, Лукреция. Спасибо. Давайте вспомним наши принципы: 1) информация, 2) размышление, 3) действие.

Он осматривает комнату и видит сундук со взломанным замком.

– Что здесь произошло?

Он указывает на выпотрошенные ящики.

– Подтверждается первое впечатление. Здесь побывали гости. Их

встретили люди из GLH.

– Это объясняет, почему им не пришлось проникать в храм способом взлома.

– В храме возникли разногласия. Гости – полагаю, не меньше пяти человек, скорее шесть – в процессе разговора решили прибегнуть к силе. Они явились сюда с оружием и принялись палить не глядя.

Он закрывает глаза, как будто представляет подробности расстрела.

– Первые погибли там, где их настигли пули. Те, кто понял, что происходит, бросились бежать. Некоторых догнали пули, потом их добились выстрелами в голову. Тристан Маньяр был среди тех, кто пытался убежать. Он спрятался в секретной комнате.

Один из преследователей ворвался сюда, прежде чем дверь закрылась, поэтому мы и здесь не видим следов взлома. Он всадил пулю Тристану Маньяру в живот. Его, в отличие от других, собирались не прикончить, а допросить. Вероятно, цель состояла в том, чтобы открыть сундук.

– Все верно, Лукреция. Потом неизвестный забрал его содержимое и бросил Тристана здесь, закрыв потайную дверь.

– Если так, то Дариуса убил не Тристан Маньяр.

– Я этого не говорил. Получается, существуют две враждующие группы. Одна, тайное общество смеха GLH, пряталась под этим маяком. К ней принадлежал Тристан Маньяр. Другая – это Дариус, его братья и их «розовые костюмы».

– «Юмор света против юмора тьмы»...

– Что вы сказали?

– Не я, а Себастьян Долин. По его словам, два эти направления враждовали с незапамятных времен.

Исидор размышляет, внимательно изучая комнату.

– Занятно это слышать. Вы все больше напоминаете мою племянницу Кассандру. Она, как и вы, была сиротой и, подобно вам, сравнивала всех с героями кинофильмов, особенно фантастических. Теперь я понимаю, что меня так в вас трогает: ваше сходство с Кассандрой.

Лукреция Немрод осматривает полки, где недостает книг.

– Продолжайте, Исидор. Вы рассказывали о столкновении между людьми с маяка, защитниками юмора света, и «розовыми костюмами», защитниками юмора тьмы.

Научный журналист предлагает Лукреции сухари из своего рюкзака.

– По-вашему, Исидор, мне сейчас до еды?

Он ожесточенно грызет сухари.

– Ну, развивайте вашу гипотезу.

– Если две группы играют в эту вашу игру ПЗПП, – говорит он с набитым ртом, – то изобрели ее скорее всего здесь, а Дариус и его розовые костоломы ее позаимствовали.

– И?..

– Это все, – отвечает он, яростно двигая челюстями.

– Как это все?

– Пока что это все, что я могу сказать.

– А как же пустые ящики, этот секретный кабинет?

– Наверное, GLH прятала здесь свои богатства. Чужак, выследивший и смертельно ранивший Тристана Маньяра, их похитил.

– Сторонники юмора тьмы одержали верх?

– Да. На этой стадии расследования я бы назвал это вполне вероятным.

– Не согласна! По вашей теории, адепты юмора тьмы – это Дариус с братьями. Но ведь Дариус убит.

– Убит.

– Это значит, что как минимум один рыцарь юмора света, член GLH, сумел спастись, выжить и отомстить за своих собратьев.

Исидор перестает жевать.

– Надо еще убедиться, что Дариуса убили.

– Вы в это не верите?

– На этой стадии я воздерживаюсь от любых выводов.

– Признайте по крайней мере, что ставки чрезвычайно высоки. Силы, сражающиеся за эту проклятую синюю шкатулку, ничем не гнушаются: тут и смертельные турниры ПЗПП, и обыски у нас, и бойня на этом острове...

Научный журналист снимает свои очки, шарит в рюкзаке, выгребает последние сухари и торопливо их грызет.

– Вкуснятина! Как Тристан мог убить Дариуса? Он же агонизировал здесь! Разве что отправил синюю шкатулку с почтовым голубем...

Она бьет себя кулаком по ладони.

– Не с почтовым голубем, а с грустным клоуном!

Он снова кривит губы в улыбке, так раздражающей Лукрецию.

– Я прекращаю расследование, – говорит он. – Нам осталось только найти способ вернуться назад. Там мы сообщим полиции о трупах.

Мне надо успокоиться. Вся эта история вымотала мне последние нервы. Здесь произошли ужасные события. Не цапаться с Исидором, а приручить его – вот моя задача.

Она соблазнительно изгибается и в такой позе, вынув из рюкзака фотоаппарат, начинает снимать.

– Как думаете, мне хватит материала на статью?

– Половина – еще не целое, Лукреция. Нет смысла публиковать статью, пока у нас нет завершающего ключа. Здесь мы его уже не найдем. Думаю, часть членов GLH сбежала через тайный ход.

Он зажигает оба факела и отправляется искать выход, она за ним.

На звездообразном перекрестке нескольких коридоров они останавливаются.

– Наверное, здесь они оторвались от преследователей, – предполагает Исидор.

Он светит факелом в каждый проход и, подмечая, куда тянет сквозняком дым, находит путь к лестнице, ведущей вверх.

Там они видят надувные катамараны, и Исидор стаскивает один к кромке воды.

– Так что сказал вам на ухо Тристан Маньяр?

– Что мне лучше вернуться к моим дельфинам и акуле. И добавил, что погода улучшается и что нас ждет подходящий денек для морской прогулки. Полезайте в лодку, Лукреция. Я такими никогда не управлял, как и любыми другими, но у меня уже сформировалась привычка тренировать мои мореходные навыки в вашем обществе.

Она послушно устраивается в лодке. Он дергает шнур зажигания, мотор всхрапывает и начинает мерно стучать.

Они отплывают от острова с маяком. Горизонт постепенно светлеет.

– Все, хватит скрытничать, выкладывайте, что вам сказал Тристан Маньяр.

– Ничего связанного с расследованием. Это сугубо личное.

Он запускает мотор на полный ход, и они мчатся к берегу Бретани.

1314 г.

Шотландия. Глазго.

Тайное сокровище царя Соломона было спрятано в Шотландии, у старинного братства тамплиеров.

Для Шотландии то были трудные времена.

Шотландское войско, разбитое английской армией в битве при Фолкерке, осталось обезглавленным. Предводитель шотландцев Уильям Уоллес был пленен и потом повешен, выпотрошен, обезглавлен, четвертован и сожжен (порядок казни соблюден) по приказу английского короля Эдуарда I. После этого население Шотландии подвергалось систематическим репрессиям.

Тем не менее под влиянием приплывших из Франции тамплиеров, и в частности Давида Байоля, не отходившего от вождя клана Роберта Брюса, тот набрался смелости и снова взялся за оружие. Он собрал новую армию, и 23 июня 1314 г. в сражении при Баннокбёрне нанес англичанам поражение. Под именем Роберта I Роберт Брюс был провозглашен королем Шотландии.

Едва усевшись на трон, монарх почуял опасность. Он знал, что Лондон никогда не откажется от намерения овладеть этим богатым северным краем.

Давид Байоль предложил ему использовать остатки тамплиеров и устроить англичанам ловушку. Он предложил сочинить фальшивое письмо о законных правах на французский трон... короля Англии.

– Придется ему отправить войска не на север, а на юг, – объяснил Давид Байоль.

Успех замысла превзошел надежды тех, кто его затевал.

Новый король Англии, тоже Эдуард, мня себя внуком Филиппа Красивого, предъявил права на трон франков.

Так началась Столетняя война.

Шотландия получила наконец передышку: английские солдаты были слишком заняты борьбой с французами.

Английская армия, вооруженная новыми дальнобойными луками (успешно опробованными против шотландцев при Фолкерке), быстро одолела неповоротливых французских рыцарей в тяжелых железных латах. Битва при Азенкуре наглядно показала, что маленькая армия лучников с

новым оружием способна возобладать над тяжелой кавалерией, пусть и превосходящей ее численностью. Война во Франции продолжалась, но преимущество быстро перешло на сторону англичан.

Шотландцы испугались, что, одолев французов, англичане опять примутся за них.

Новый король Шотландии Яков I решил по совету Давида Байоля ударить по англичанам тем, что тот назвал «хорошей шуткой».

Осуществить это было не так-то легко.

Юная пастушка по имени Жанна, невинная душа, услышала глас (спрятавшиеся за деревом люди применили в качестве громкоговорителя рог): «Жанна, ты должна освободить Францию от английских захватчиков. Такова твоя священная миссия».

Шутка была настолько наглой, что шутники-актеры еле удержались от хохота.

Но реакция была немедленной. Юная наивная пастушка приняла глас всерьез. Она объявила, что общается с ангелами. Жанна д'Арк вещала настолько убедительно, что ее окружение бросилось ей помогать и добилось ее встречи с самим французским королем Карлом IV.

Она на полном серьезе заявила ему, что получила послание свыше. Король, решив оседлать мистическое движение, всегда полезное для управления слабыми душами, приставил к Жанне нескольких французских рыцарей. Этого хватило, чтобы изменить соотношение сил на франко-английском фронте.

Королю Англии пришлось прислать подкрепление для усмирения этой «невесты откуда взявшейся одержимой». В Шотландии ликовали и прославляли Давида Байоля как спасителя.

Благодаря этой затее Шотландия получила небывалый в своей истории по длительности период независимости, спокойствия и культурного расцвета. Яков I и его сын Яков II претворяли в жизнь «Акт об образовании», создавая университеты Сент-Эндрюс, Глазго и Абердина. Укрывшимся в Шотландии французским тамплиерам разрешили учредить орден с градацией на послушников, кавалеров, служителей, магистров и великих магистров. Поскольку подвизались они главным образом в ремеслах, связанных со строительством, появилось название «франкмасоны».

Наряду с этим крупным религиозным движением стала развиваться скромная второстепенная ветвь, занятая не материальным, а духовным строительством.

Великим магистром в нем был старик Давид Байоль, переваливший –

огромная редкость в те времена – через столетний рубеж. Вдохновляясь трудами Ниссима Бен Иегуды, он учредил орден GLH, Великую ложу юмора, и назвался ее Великим магистром.

Эта ложа оказалась еще более тайной и более динамичной, чем ее предшественница. Через королевских шутов она поддерживала сеть обмена информацией во всей Европе.

Давид Байоль прятал в закоулках своего храма ларь, считавшийся прямым наследством Соломона и содержащий, как говорили, «абсолютное оружие против тиранов, педантов и идиотов».

Большая история смеха. Источник: GLH.

Проклевывается утро. Без дождя.

В небе над покрытым бурыми водорослями берегом кружат чайки.

Исидор и Лукреция снова сидят в блинной Мари, теперь у них завтрак. Лукреция заказала блины с «Нутеллой», Исидор – зеленый чай.

– Так не худеют, – замечает она. – Если будете пропускать еду, организм станет накапливать жир.

Он как будто ее не слышит.

Через кружевную занавеску они наблюдают за погрузкой на пожарные машины черных мешков с трупами.

По договоренности с офицером жандармерии Исидор и Лукреция не привлекают к себе внимания и, не желая прерывать расследование, временно помалкивают об уголовщине, выдумав простой несчастный случай: будто бы во время прогулки под парусом они наткнулись на окруженном рифами острове на потерпевшее кораблекрушение судно, набитое телами погибших туристов.

На опознание и вскрытие тела отправляют теперь в судебно-медицинский институт Ренна. Это позволяет выиграть время и избежать паники и вспышки любопытства.

Собравшись на главной площади, жители Карнака провожают взглядами черные мешки, нисколько не ставя под сомнение официальную версию.

Старуха в фольклорном колпаке приносит Лукреции еще один блин – с вишневым ликером. Ставя им на столик кофейник с черным кофе, она наклоняется и шепчет:

– Кюре ждет вас в часовне Святого Михаила, той, куда я отвела вас в прошлый раз. Если хотите, я снова вас туда провожу.

Исидор охотно следует за ней. Лукреция Немрод раздраженно запихивает в рот горячий блин и нагоняет их.

Они идут той же дорогой, только на этот раз не в темноте и не под дождем.

Поднявшись на холмик, они входят в белоснежную церковь. Священник Паскаль Легерн ждет их, у него озабоченный вид.

– Я не все вам рассказал, – начинает он, стоя к ним спиной. – Теперь, когда вы частично разгадали загадку тайного общества, у вас есть право знать.

– Мы уже знаем.
Священник оборачивается.
– Что вы знаете?
– Две недели назад сюда нагрянули парижане. «Розовые костюмы».
– Верно.
– Они нервничали. Среди них был комик Дариус.
– Полагаю, да. Я не интересуюсь шоу-бизнесом, но среди них был человек, которого все слушались, маленький блондин.
– С повязкой на правом глазу? – спрашивает Лукреция, отвергающая роль статистки.
– Да. Они поехали в Карнак-Пляж и там арендовали моторный катер.
– Сколько их было? Пятеро, шестеро?
– Шестеро.
– Отлично. Три брата Возняки и трое телохранителей. Об остальном я ничего не знаю. Что было потом?
Кюре Легерн смотрит на них с недоверием.
– Откуда мне знать, может, вы с ними заодно?
– Вам известно про трупы. Их похоронят по-христиански.
– Это ничего не доказывает.
Лукреция Немрод чувствует, что священник хочет что-то сказать, но не решается. Она знает, что отмычка «подкуп», отмычка «соблазн» и отмычка «угроза» на него не подействуют. Придется подождать, что предпримет Исидор.
– Получается, вы нас позвали, чтобы что-то нам рассказать, но раздумали? – спрашивает она.
А все Исидор, обязательно ему нужно показать себя всезнайкой!
– Как относился к юмору Иисус Христос? – выпаливает Исидор.
Паскаль Легерн не скрывает удивления.
– Иисус Христос? К юмору?
– Да. Как вы считаете, был Христос шутником, любил посмеяться с друзьями, ценил шутку или всегда ходил серьезный и всем читал нотации?
– Ну...
Исидор и тут отвечает сам:
– Не он ли сказал: «Любите друг друга»? Уморительная шутка, учитывая тогдашние нравы. Людям, изготавившимся забросать камнями женщину, совершившую супружескую измену, он сказал: «Пусть тот, кто никогда не грешил, бросит в нее первый камень». Тоже недурно! А это: «Чем искать соринку в глазу у ближнего, вынь бревно из собственного глаза». Или: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

Даже превращение воды в вино и умножение хлебов похожи, по-моему, на сессию с рассказчиком хороших шуток.

Священник в смятении.

– Не смейте говорить так о нашем Господе! Тем более в доме Его.

– Думаю, если бы Он существовал, Он бы мне разрешил.

Один воинственно смотрит на другого.

– Куда вы, собственно, клоните, мсье Каценберг?

– Все указывает на то, что воины юмора света с незапамятных времен воюют с воинами юмора тьмы. Здесь грянуло очередное сражение. Помогите нам биться на стороне света.

Человек в сутане окончательно сбит с толку.

Лукреция Немрод говорит себе, что Исидор тоже пользуется набором ментальных отмычек, но его отмычки сильно отличаются от ее.

Так не пойдет, он слишком сильно на него давит, это уже запугивание.

– Собственно, – вмешивается она, – вы сами нас позвали. Что вы собирались нам рассказать?

Священник опускает глаза.

Ему надо исповедаться.

– ...Это произошло две недели назад. Через несколько часов после отплытия компании в розовых костюмах к берегу пристал десяток надувных моторных катама-ранов.

Спасшиеся члены GLH.

– На них приплыло полсотни человек. Это были совсем другие люди, ни одного в розовом костюме. Раньше я их не видел. Среди них были раненые. Они сказали мне, что за ними гонятся, хотят убить. Им нужно было спрятаться. Я не мог бросить их на произвол судьбы. Церковь по определению – убежище гонимых. Я их спрятал.

Исидор одобительно кивает.

– Целых пятьдесят человек? Непростая задача!

– Под этим холмом хватает места. Потом вернулись шестеро «розовых», вооруженные до зубов и не скрывавшие своих намерений. Это были их преследователи.

Дариус и его приспешники.

– Они все здесь облазили, но, не зная истории наших мест, не догадывались о существовании пещеры под церковью, – завершает свой рассказ Паскаль Легерн.

– Можно нам туда заглянуть? – спрашивает Лукреция.

Священник кивает и открывает дверь с огромным замком, ведущую в

подпол.

– Пять лет назад мы перестали пускать сюда туристов во избежание скверны.

Лукреция и Исидор видят наскальные художества доисторических людей и средневековые изображения.

– Я кормил и выхаживал их.

– Кто они: молодежь, старики, дети? – допытывается Лукреция.

– Многие в преклонных годах, мужчин и женщин поровну, без детей. Они провели здесь три дня. Они очень нервничали и спорили о причинах своего поражения, осыпая друг друга упреками.

Исидор светит своим мобильником на стены. Сюжеты на них похожи на мультипликацию. Первый барельеф – мужчина в короне во дворце. Над мужчиной написано «СОЛОМОН». Ниже кучка людей изготавливает подобие дракона, над самым маленьким из них написано «НИССИМ БЕН ИЕГУДА». Рядом с драконом выбиты три буквы древнееврейского алфавита.

На втором барельефе сундук и три буквы, уже не древнееврейские, а греческие.

Дальше человек в тоге открывает сундук, рядом группа людей, сгибающихся от хохота.

На третьем барельефе римский солдат садится в лодку, пересекает море, причаливает в порту.

Вот он верхом, вот прячет в гроте под церковью сундук с тремя буквами, теперь уже не греческими, а латинскими.

И надпись: «NIC NUNQUAM LEGENDUM EST».

На четвертом барельефе – сундук и лежащие вокруг люди с веселыми лицами, но с закрытыми глазами.

Священник горестно хватается за голову.

– Я не знал!.. – стонет он.

– Чего вы не знали?

– Я спас их, потому что не знал, кто они такие.

Священник сжимает Лукреции руку.

– Я не знал, что это GLH.

На пятом барельефе едущий в Иерусалим рыцарь и надпись «ДАГОНЕТ».

– Мы считаем, что это GLH – юмористическая масонская ложа.

– Они обманули меня, я не знал, кто они такие на самом деле, – твердит безутешный священник. – Они выдавали себя за стражу Дракона, а в действительности они – его создатели и кормильцы!

От волнения священник переходит на маловнятное бление.

– После вашего ухода я еще раз изучил фрески, хотя считал, что знаю их наизусть. Я не понимал, что они означают...

Священник подскакивает к Исидору и тычет пальцем в деталь шестого барельефа. Там монгольский вождь готовится напасть с войском на город. Но человек в шутовском одеянии открывает сундук – и монгол повержен наземь.

На сундуке буквы BQT и надпись «Hic Nunquam Legendum Est».

– Раньше я всего этого не понимал. Я считал это просто буквами.

И кюре отшатывается, как будто его ужаснули собственные слова.

– Теперь я понял: BQT – это Bel Qzebu Th – Вельзевул, одно из имен Сатаны. Видите, как приверженцы GLH поклоняются своему сундуку?

Священник близок к безумию.

– Люди в розовых костюмах тоже его ищут, им нужен этот дьявольский дракон. Видите, стоит открыть сундук – и весь мир гибнет! А их лица? При виде Вельзевула они сходят с ума!

Он хватается Исидора за ворот и трясет.

– Теперь вы знаете! Откажитесь от познания BQT, иначе и вас ждет сумасшествие! Не пытайтесь его отыскать! Отступитесь! ОТСТУПИТЕСЬ!

Он пятится с невидящим взглядом и мелко крестится.

– Vade retro, Satanas! Вы тоже подвластны этому идолу, выбравшемуся из тьмы времен. Возвращайтесь в свой Париж, парижане! Вы навлекаете на нас одни несчастья. Вы поклоняетесь языческим идолам, не знаю, чего вы ищете, но это воплощение Зла давно покинуло землю Бретани, оно переселилось в вашу проклятую столицу власти и страданий. Там вы обретете его, там и погибнете от безумия, которое оно воплощает!

1450 г.

Франция. Париж.

Подходила к концу Столетняя война с англичанами, Франции хотелось вырваться из этой эпохи тьмы и насилия и начать веселиться.

Группа студентов-правоведов, улавливая свежие веяния, возродила античные сатурналии.

То было прославление бога Сатурна, который, согласно мифам, должен был освободить людей и даровать им золотой век. Римляне на сатурналиях переворачивали вверх дном свою социальную иерархию. Целый день все происходило наоборот: рабы не должны были повиноваться хозяевам, могли без страха говорить с ними, критиковать, даже требовать, чтобы те им прислуживали. Дети не подчинялись родителям, жены – мужьям, горожане – политикам. Казни прекращались, школы и суды были закрыты, работать запрещалось.

Нельзя было ни карать, ни приказывать.

Во Франции сатурналии переименовали в Праздник дураков. Церемония сразу полюбилась. Раз в год давление ослабевало, бедные и слабые получали передышку.

От этого был всего шаг до реванша.

Праздник устраивали в феврале. На виселицах болтались чучела вельмож, люди танцевали и пили.

Популярность Праздника дураков встревожила церковь и знать, которые с тревогой наблюдали это народное ликование, грозившее перерасти в настоящий бунт. В конце концов папа Лев X наложил запрет на Праздник дураков, пригрозив ослушникам отлучением.

Тем не менее осталась группа молодежи, не собиравшаяся отказываться от «дня разнузданности». То были студенты-правоведы, принадлежавшие к ордену Святого Михаила. Они называли себя «беззаботными детьми». Издревле они собирались в день своего святого и ставили сатирические сценки, потешаясь над политиками.

Под их влиянием День святого Михаила стал Праздником дураков с переодеванием в королевских шутов – наполовину в желтое, наполовину в зеленое. Напяливали на головы колпаки с колокольчиками и ослиными ушами, размахивали дурацкими жезлами. Эти ежегодные сборища

разгоняла конная полиция.

Один из «беззаботных детей», Франсуа Вийон, был особенно шумным студентом. На Празднике дураков в 1455 г. он ранил священника, годом позже участвовал в краже со взломом. Сообщник выдал его под пыткой. Франсуа Вийон бежал из Парижа в Анже, где принялся сочинять длинные поэмы: «Баллада противоречий», «Баллада пословиц», «Баллада примет».

Одновременно Франсуа Вийон продолжал подворовывать. Полиция схватила его и бросила в тюрьму Шатле, его пытали и приговорили к повешению. В ожидании смерти он написал «Балладу повешенных».

В камеру смертника явился таинственный незнакомец в фиолетовом плаще.

– Ты меня помнишь? – спросил он.

Франсуа Вийон взгляделся в посетителя и просиял.

– Помню, ты был на Празднике дураков! Ты – Уильям Алесийский по прозвищу Шотландец.

Это был один из его прежних друзей из «беззаботных детей», только теперь седовласый и бородатый.

Они обнялись и стали вспоминать старые добрые времена, когда вместе сражались с угрюмостью и алчностью.

Посетитель предложил смертнику контракт. Зная, что у того золотое перо, он предложил поставить его отныне на службу комедии.

– Такого я еще не писал! – вскричал Франсуа Вийон. – Что, если не справлюсь?

– Брось! Ты остроумен по жизни, а пишешь печально. Начни писать остроумно, и я тебя спасу.

Стараниями Уильяма Алесийского 5 января 1563 г. смертный приговор Франсуа Вийону был заменен на 10-летнее изгнание из Парижа.

Поэт отправился в Бретань.

Официально о Франсуа Вийоне больше не слыхали. Но на самом деле вместе с Уильямом Алесийским и другими бывшими «беззаботными детьми» он занялся амбициозным проектом.

Они решили поставить комический спектакль, выгодно отличающийся психологизмом от обычного ярморочного фарса.

Целый коллектив авторов занялся вместе с Франсуа Вийоном написанием «комического шедевра».

В 1464 г., всего через год после его чудесного освобождения из тюрьмы, было опубликовано новое произведение, «Фарс мэтра Потлена». Оно было написано на народном языке и имело следующий сюжет. Мэтр Потлен – адвокат-мошенник, дурачащий всех вокруг. Он заказывает

торговцу Гийому шерстяную одежду, за которую, накормив торговца ужином, обещает заплатить позже. Придя за деньгами, Гийом находит жену мэтра Потлена в слезах, а его самого якобы при смерти. Гийом не смеет просить об оплате и уходит без денег. Потом за помощью в тяжбе к мэтру Потлену обращается пастух Тибо: его подозревают в краже у хозяина овец. Адвокат требует с клиента огромные деньги и предлагает хитрость: прикинуться дурачком и вместо ответов на вопросы по-бараньи блять. Якобы, к изумлению мэтра Потлена, истцом оказался тот самый торговец шерстью Гийом. Хитрость сработала: бляющего Тибо признали невиновным. Казалось бы, хитрец одержал победу, но когда он потребовал у Тибо деньги за свои услуги, тот заблеял. Так адвокат был наказан за свою нечистоплотность.

«Фарс мэтра Потлена» стал первой ярмарочной комедией с прописанной интригой и со сложными персонажами. Комичность в нем была тоньше, менее вульгарной, чем в обычных народных фарсах.

Комедию сразу приняли на ура и стали играть в настоящих театрах по всей Франции.

Власти и священники угадали в ней подспудную критику общества и непочтительность к его институтам, но не смогли найти оснований для обвинений в диффамации и для запрета.

Так Великая ложа юмора, тайно обосновавшаяся в Бретани, нашла новый вектор смеха – народный фарс.

Большая история смеха. Источник GLH.

По рыжей луне ползут клочья тумана. В честь наступления полуночи Эйфелева башня мигает всеми лампочками.

Мотоцикл с коляской «Гуцци» останавливается на прилегающей к Театру Дариуса улице.

Лукреция Немрод снимает шлем и меняет обмундирование мотоциклистки на спортивное, предназначенное для лазания.

Исидор Каценберг забирает из коляски рюкзачок со всем необходимым для диверсионной операции.

Сначала молодая журналистка фотографирует при помощи телеобъектива стоящие во дворе театра автомобили.

Потом, забросив на крышу крюк, она лезет вверх по веревке.

– Увы, Лукреция, я для этого слишком тяжел.

– Вам нужна суровая диета, Исидор, – ухмыляется Лукреция.

– Я подумываю об этом. Поможет также психоанализ. Неплохо бы еще поменять тело, мозги, жизнь.

– Вы серьезно?

– Почти.

Он бросает ей веревочную лестницу. Она крепит ее к дымовой трубе и манит его за собой.

Последние метры подъема он преодолевает с ее помощью.

Оба сидят на цинковой крыше Театра Дариуса. Исидор никак не отдышится: карабкаясь по веревочной лестнице, он несколько раз чуть не упал.

– У вас кружится голова? – спрашивает Лукреция шепотом.

– Не только. Мне здесь нечего делать. Вы – мускул, я – нерв, – тихо отвечает он.

– В идеале неплохо бы совместить.

– Повторяю, я – мертвый груз. Можете на меня не рассчитывать, я никого не стану бить кулаками и ногами, применять против кого-то оружие – не мой стиль, – вредничает он.

– Я поняла. Опять вся тяжесть ложится на женские плечи, пока мужчина отдыхает.

– То же самое у львов. Самки охотятся, самцы ждут. Таков закон природы.

– Что меня сильнее всего в вас раздражает, Исидор, – это ваши

познания. Вечно у вас есть в запасе пошаговое объяснение, почему я ошибаюсь, а вы правы.

– Это так, – соглашается Исидор.

Они осторожно крадутся по цинковой крыше. Вот и люк, которым молодая журналистка воспользовалась в первый раз. В этот раз он заперт.

Она достает из рюкзака свой чудо-набор, открывает два плоских лезвия и вставляет в отверстие замка. Несколько неуловимых движений – и дверной засов отодвинут. Она бросает вниз узловатую веревку, и они друг за другом спускаются по ней в коридор гардероба.

Затем они пробираются в место, откуда хорошо видны ринг и постепенно заполняющийся зал.

Исидор Каценберг подносит к глазам маленький бинокль. Дариус-гёрлз провожают зрителей на места.

Лукреция все исправно фотографирует. Они ждут.

Звучат фанфары.

Появляется Тадеуш Возняк в безупречном розовом костюме в сопровождении своего неизменного телохранителя с песьей головой. Тот сразу смотрит в сторону насеста, где притаились журналисты.

Лукреция едва успевает нагнуть своему коллеге голову.

Пользуясь камерой как перископом, она удостоверяется, что угроза миновала.

На их счастье, телохранитель садится под таким углом, что не может их увидеть.

Музыка звучит все громче.

Тадеуш Возняк поднимается на залитый лучами прожекторов ринг.

– Первый Засмеявшийся Получает Пулю – замечательное развитие игры в русскую рулетку. Чтобы рисковать жизнью, нужна сильная мотивация. Выигравший получает миллион евро, проигравший – пулю калибра 22 из пистолета «Бенелли МР 95Е».

– П-3-П-П! П-3-П-П! П-3-П-П! – взрывается зал.

– Как приятно! Чувствую, сегодня вечером зал особенно заряжен! Это обещает еще более свирепые поединки. Предвижу вопрос: какова программа? Вам повезло, у нас программа-сюрприз с участниками-звездами и с аутсайдерами. Перво-наперво позвольте представить вам новичка.

На сцену выбегает человечек в маске, в атласном плаще, с белой бородкой.

– Как вас зовут?

– Мое имя? Жак Лустик, что значит «балагур».
– Нет, меня интересует ваша кличка.
– Мой сценический псевдоним Капитан Игра Слов.
– Это само по себе целая программа! Капитан Игра Слов!
– Плохая игра слов порождает дураков!
– Сильное начало! погоди, Капитан, побереги силы, дождись соперника.

– Соперник – это лучше, чем кошка, гуляющая сама по себе!
Зал улюлюкает, Капитан вежливо кланяется.
– Все это чудесно. Откуда вы, милый друг?
– Моя мамаша – девушка, папаша – дедушка, брат – массажист, дядя – онанист!

Теперь зал выражает недвусмысленное неодобрение, но Жак не обижается, он вскидывает руки, как будто услышал крики поддержки.

– Итак, Капитан Игра Слов сойдется с нашим давним знакомцем, о котором не устают писать газеты его родной Ниццы. Встречайте Фрэнки по прозвищу Зеленый Ястреб!

Появляется рыжий парень во всем зеленом: трико, плаще, маске. Встав в центре ринга, он задирает руки.

– Фрэнки из Ниццы, Фрэнки Зеленый Ястреб, скажи нам в микрофон, как ты себя чувствуешь перед этим боем.

– Этому «бою», – он тычет пальцем в соперника, – передо мной не устоять.

Залу нравится, Тадеушу Возняку тоже. Он поднимает руку, утихомиривая зал.

– Друзья, друзья! Давно у нас не было этого удовольствия – двоих участников, освоивших благородное искусство игры слов. Виктор Гюго изысканно назвал ее «пердежом мысли». Предвкушаю редкое удовольствие!

Дариус-гёрлз снимают с юмористов плащи, сажают в кресла, пристегивают ремнями.

Потом они возвращаются в зал и, расхаживая между рядами, собирают ставки, сразу высвечивающиеся на большом экране над рингом.

Фаворит игроков – Фрэнки Зеленый Ястреб, на него ставят 5 против 1.

– Клички и маски у них, как у рестлеров, – замечает Исидор. – Детский сад какой-то!

– Через несколько минут «детский сад» обернется бойней!

– Это все равно не приближает нас к BQT – предмету наших поисков, если вы забыли, Лукреция.

– Не забыла. Но моя цель – экстраординарный репортаж для «Геттёр Модерн». Это вы у нас ищите материал для фантастического романа.

Она долго щелкает затвором фотоаппарата.

– Теперь комиссар Малансон не сможет поставить под сомнения наши обвинения.

Тадеуш Возняк подает сигнал. В зале гаснет свет, ринг делается еще ярче.

Начать выпадает Фрэнки, он выстреливает довольно действенной шуткой – кажется, собственного изобретения.

Капитан Игра Слов с ходу достигает интенсивности смеха порядка 15 из 20.

Его ответный выстрел – бородатая шутка с простейшей игрой слов.

Он не достигает ею почти ничего. Фрэнки едва кривит рот, его датчик показывает всего 5 из 20.

Зал улюлюкает. Звучит зловещий призыв:

– НАСМЕШИ ИЛИ УМРИ!

Но Капитан Игра Слов самоуверенно улыбается. Шутка Фрэнки опять вызывает у него 15-балльный смех.

Эффективность его ответной шутки в два раза меньше – всего 7 баллов.

Исидор шепчет Лукреции:

– Выиграет Капитан Игра Слов.

– Фрэнки Зеленый Ястреб гораздо остроумнее.

– Дело не в остроумии, а в психологии, в самообладании. Капитан Игра Слов застрянет на своих 15 из 20.

– Его шутки жалки.

– Что есть, то есть. Зато он подстраивается под реакцию противника.

– Фрэнки моложе и энергичнее, – не уступает она.

Новый обмен шутками. Капитан Игра Слов снова смеется на 15 из 20, зато Зеленый Ястреб – уже на 11.

В следующий заход повторяется тот же сценарий. Старый комик утвердился на 15, хотя публика готова его разорвать, молодой же соперник постепенно ухудшает свое положение, несмотря на поддержку зала.

Наступает момент, когда Лукреция перестает снимать и ловит себя на том, что заморожена напряженным состязанием.

Внизу совершается преступление, но мне интересно. Понимаю, почему для некоторых эта смесь юмора и смерти становится наркотиком.

Хотелось бы мне подсказать Фрэнки, как шутить. Ему бы оседлать

сексуальную тему – так он легче пробил бы заслон Капитана. Бородачи всегда вызывали у меня подозрение. Они что-то прячут, хотя бы свой подбородок.

Исидор Каценберг и увлечен, и напуган этим причудливым представлением, всю драматичность которого ему еще предстоит осознать.

Ну же, Фрэнки! Поддай жару!

Капитан Игра Слов наносит удар шуткой с сомнительной игрой слов. Его противнику очень смешно, о чем говорит цифра – 14 из 20.

Зал в бешенстве.

– ФРЭН-КИ! ФРЭН-КИ! – скандирует хор голосов.

– РАССМЕШИ ИЛИ УМРИ! – не боится сорвать голос кто-то.

Дуэли не видно конца.

Теперь оба соперника идут ноздря в ноздрю, выдавая по 15 из 20. Результат непредсказуем.

Наконец сбывается пророчество Исидора. Старый комик непоколебим, молодой же начинает испуганно потеть, невзирая на поддержку зала.

Вот теперь Капитан Игра Слов достает из заглашника шутку на мочеполовую тему, диссонирующую с прежней белибердой.

– Прощай, Фрэнки, тебе конец, – бормочет Исидор.

Кривая подлетает к 16, потом ее траектория становится вертикальной: 17, 18, 19, 20!

– Бабах! – На секунду опережает выстрел Исидор.

Пуля 22-го калибра под разочарованный выдох зала прошибает череп Зеленого Ястреба.

Дариус-гёрлз раздают выигрыш тем немногим, кому хватило ума поставить на человечка с белой бородашкой, сидящего в кресле с улыбкой спокойного торжества.

Черт, он подловил его игрой слов на тему секса! Это все равно что огреть рапириста шваброй!

На сцену поднимается Тадеуш Возняк. Отстегнув победителя, он поднимает его густо татуированную руку.

Капитан Игра Слов по-кошачьи приглаживает бородку.

– Итак, наш Жак, Капитан Игра Слов, одерживает первую победу и, быть может, станет сегодня обладателем миллиона евро!

– Не могу поверить, что такой низкий уровень может возобладать! – шепотом негодует Лукреция.

– Первое правило всякой дуэли – противника опасно недооценивать. Ваш Фрэнки, эта дешевка, недооценил старикашку из-за его возраста, примитивных шуток и быстрого взлета к 15 баллам. Оказалось, тот пускал

ему пыль в глаза. Это была ловушка. Опытный дуэлянт сначала вселяет в противника уверенность, а потом его приканчивает.

Как же он меня бесит!

Фанфары выводят молодую журналистку из ступора.

Тадеуш уже объявляет следующий матч ПЗПП, в котором сойдутся победительница прошлой недели Кати Серебристая Ласка – она выходит в серебристом плаще и в такой же маске и приветствует публику – и Мими Багровый Ужас. На той, тоже молодой женщине, красные плащ и маска.

– Скорее, воспользуемся шумом в перерыве и сбежим! – шепчет Исидор.

Но белая, как привидение, Лукреция не может сдвинуться с места.

– Что с вами, Лукреция?

Она не шевелится, только раздувает крылья носа.

Внизу дуэлянтки тянут жребий. Их пристегивают к креслам, приставляют к затылкам пистолеты.

– Что-то не так, Лукреция?

Молодая журналистка не может даже моргнуть.

Под ними начинается второй поединок ПЗПП.

Первая шутка, про пингвинов, веселит Багровый Ужас на 11 из 20.

Ее ответная шутка про слонов слабее – всего на 10 из 20. Сыплются какие попало шутки – про смерть, ожирение, адюльтер, кроликов, крестьян, водителей, автостопперов, врачей, медсестер.

Кати Серебристая Ласка одерживает верх, с Мими крупными каплями катится пот. Первая выдает 14 из 20, вторая, мелко трясясь – 16. До фатальной развязки ей остается всего два балла.

Измученная Мими шутит про лесбиянок, воздействуя на противницу всего на 11 баллов.

Из зала несется улюлюканье.

– РАССМЕШИ ИЛИ УМРИ! – скандируют первые ряды.

– В этот раз я ставлю на Кати Серебристую Ласку, – не может удержаться Исидор. – Еще две шутки – и ее противнице крышка.

Лукреция никак не выйдет из окаменевшего состояния. Серебристая Ласка заводит длинный анекдот про двух мужчин в раю. Ее самоуверенная улыбка предвещает его неожиданную развязку.

Противница нервно скрипит зубами.

Каждое слово анекдота усиливает ее волнение. 15, 16, 17, 18...

Зал перестает дышать.

В этот момент Лукреция бросает вниз веревку, по которой влезла на крышу, и скользит по ней в центр ринга.

На гальванометре уже 19, и...

Ударом ноги Лукреция сбивает пистолет с треноги. Звучит выстрел, пуля уходит в потолок и разбивает светильник, погружая в темноту половину зала.

Пользуясь эффектом неожиданности, Лукреция освобождает Мими Багровый Ужас от пут и гонит ее за кулисы.

Они прячутся в шкаф уборщицы и слышат удаляющиеся шаги преследователей.

Женщины странно смотрят друг на друга.

Молодой журналистке трудно сдержать хриплое дыхание.

Судя по шагам в коридоре, «розовые костюмы» вернулись и обыскивают гримерные. Шаги приближаются, и беглянки знают, что обречены.

Мими находит силы, чтобы произнести одними губами:

– Спасибо, что спасла мне жизнь... Лукреция.

Молодая женщина, не глядя на нее, так же беззвучно отвечает:

– Не знала, что ты все это время хранила верность юмору, Мими Багровый Ужас. Или напомнить твоё прежнее имя, Мари-Анж? Тебя выдала татуировка на руке.

1459 г.

Голландия. Роттердам.

Его звали Дезидерий Эразмус, но позднее он стал известен просто как Эразм.

Незаконнорожденный сын священника и дочери лекаря, он родился в городе Роттердаме. После нескольких лет учебы он был рано рукоположен в священники фламандского города Гауда. Но Эразму хотелось путешествовать, он бросил приход и отправился набираться ума-разума на дорогах Европы.

В одном из университетов Шотландии он подружился с другим таким же любопытным студентом, Томасом Мором. Их объединяла страсть к анекдотам и загадкам. Томас рассказал Эразму о тайном обществе, ставившим цель поднимать самосознание общества рычагом юмора.

Эта идея покорила юного Эразма, и он решил ближе познакомиться с загадочной премудростью.

Томас Мор и Дезидерий Эразмус получили не только поддержку тайного общества, но и допуск в его сказочную библиотеку уникальных книг, в том числе самых древних.

Двое страстных любителей книг и юмора решили перевести сатирические пьесы основателя тайного общества Лукиана, известного под именем Люсьена Самосатского.

Томас Мор написал свою «Утопию», где развил мысль о лучшем, счастливом мире. Юный Эразм тоже написал оригинальный труд, чрезвычайно дерзкий для своей эпохи – «Похвала глупости».

Посвятив его своему другу Томасу Морю, он вывел в виде главного персонажа богиню глупости. Она не стесняется смеяться над суеверием священников, монахов, высшего духовенства. Устами этой странной, безумной героини Эразм высмеивал также богословов, философов и других педантов, всех учивших морали, себе же позволявших прямо противоположное собственным поучениям.

Обозревая в «Похвале глупости» все профессии, гильдии и сообщества, автор выставял напоказ смехотворность их устаревших традиций и принципов.

Восхвалял же он обратное – мир без разделений, без привязки к почве.

К огромному его удивлению, «Похвала глупости» имела массовый

успех. Написанную на латыни книгу перевели на французский, а потом и на английский и снабдили шуточными иллюстрациями Ганса Голбейна Старшего.

Этим своим трудом Эразм готовил церковную Реформацию (подхваченную Лютером и Кальвином), а также гуманистическое движение, развернувшееся в Европе в годы после появления его «Похвалы глупости».

Тем не менее Эразм, убежденный сторонник терпимости и пацифизма, не примкнул к Лютеру с его излишним радикализмом и не поддержал предложенную им реформу Церкви.

За это папа Павел III предложил ему ватиканский пурпур с перспективой самому стать когда-нибудь римским папой. И снова Эразм отказался, предпочтя свободу мысли.

Он продолжал писать, переводил Библию, работал над учебником для детей. В эссе о свободе воли он отстаивал мысль, что человек способен самостоятельно, без помощи политиков и церковников, принимать решения о своем спасении или низвержении. Этим он настроил против себя всех богословов.

Оказавшись один против всех, он был вынужден бежать к своим друзьям из тайного общества, только они были готовы оказать ему помощь.

Чувствуя приближение конца, он вернулся весной 1536 г. в Базель, там вскрыл сундучок с надписью «BQT» и тут же умер.

Ватикан объявил умершего еретиком, все его книги сожгли на площади, пропаганда его воззрений была строжайше запрещена.

Большая история смеха. Источник GLH.

Зловещий треск, дверь гримерки не выдерживает ударов.

«Розовые костюмы» хватают двух женщин, не обращая внимания на их сопротивление, и волокут к Тадеушу Возняку.

– Вы чуть было не испортили праздник во второй раз, мадемуазель Немрод. Но я так легко не отступаю. Раз вы помешали последнему поединку, чтобы спасти Мими Багровый Ужас, придется вам сразиться с ней на сцене.

Как ни отбивается молодая журналистка, «розовый костюм» с песьей головой держит ее железными ручищами.

Он толкает ее перед собой. Через несколько минут она сидит, прикрученная к креслу, посреди ринга. Напротив нее Мими Багровый Ужас, но у той вид почти безмятежный.

Тадеуш Возняк поднимается на сцену и берет микрофон, чтобы успокоить зал.

– Дамы и господа! Все в полном порядке! Ситуация полностью под контролем, через несколько секунд представление продолжится.

Но шум не стихает. Зрители стоят, они готовы разойтись.

Тадеуш Возняк делает распорядителю знак погасить свет. Освещенным остается только ринг и две женщины на нем.

– Благодарю за внимание. Повторяю, вам совершенно нечего опасаться. Небольшая неприятность устранена, и вы можете наслаждаться продолжением нашего вечера.

Некоторые садятся, у них быстро находят подражатели, таких все больше.

Но тут встает некто в черном костюме, окруженный собственной охраной. Он требует объяснить, что только что произошло.

– Что ж, – уступает Тадеуш, – вы вправе знать. Внезапно возникшая перед вами особа – журналистка «Геттёр Модерн».

Зал в смятении, некоторые опять вскакивают.

– Спокойствие! У меня простое предложение: давайте понаблюдаем, как она умрет. Раз ей понадобилось проникнуть в тайну наших игр, предоставим ей это удовольствие и доставим удовольствие себе! Пусть сразится с той, кого пыталась спасти!

Все послушно садятся.

Лукреция Немрод извивается, но кожаные ремни не ослабить. Она

скрежещет зубами, трясет рыжей гривой, изумрудные глаза мечут молнии.

– Напоминать вам правила излишне, мадемуазель Немрод, полагаю, они не составляют для вас секрета. Так что – начали!

Тадеуш сам запускает руку в мешок и достает черный камешек.

– Итак... Честь открыть боевые действия выпадает Мими Багровый Ужас. Вперед, Мими, покажите ваш талант!

Ведущий спускается с ринга и усаживается в первом ряду.

Загорается экран с лицами соперниц без масок и показаниями приборов, пока что у обеих по 1 из 20.

Мими откашливается.

– Две сироты в приюте. Одна красotka, другая в нее влюблена, но не знает, как признаться, и наблюдает за любимой. Однажды она видит, что та изготовилась изрезать себе ножки кончиком компаса, и думает, что проще всего понравиться ей, сделав ей больно.

В зале тишина, все ждут развязки.

– Это и есть мой анекдот, – сообщает Мари-Анж Джакометти.

Лукреция Немрод остается невозмутима. Прибор показывает всего 3 из 20. Слово ей.

– Две сироты в приюте. Одной очень одиноко, она знакомится с другой, как будто понимающей ее. Она воображает, что наконец-то нашла с кем общаться. Но другая ее не любила, а просто хотела над ней поиздеваться.

В зале гробовое молчание.

– Это весь мой анекдот.

Гальванометр Мари-Анж показывает 6 из 20, но это не смех, просто волнение.

Зал принимается улюлюкать, признав выпады недоброкачественными.

– РАССМЕШИ ИЛИ УМРИ! – гаркает кто-то.

Мари-Анж меняется в лице.

– Нет, какое там издевательство! Ей просто хотелось расцветить повседневность, ведь приютская жизнь однообразна и тосклива. Вот она и решила: раз подруге нравится страдать, надо ей помочь. Она думала, что нащупала наилучший способ до нее достучаться.

Из зала несется недовольный свист.

Гальванометр Лукреции остается на единице. Она четко выговаривает:

– Нет, одна сирота злоупотребила доверием другой. Вместо того чтобы лелеять их интимную связь, она привязала ее голой к кровати, позвала других девчонок и стала рисовать на ее теле рыбин с криком «апрельская рыба!».

Теперь некоторым в зале смешно.

Мари-Анж не в силах справиться с чувствами, что отражается на экране: у нее уже 9 из 20.

В зале поднимаются руки: нашлись желающие делать ставки. Тадеуш удивлен, но жестом отправляет к согласным рискнуть девушек Дариуса.

– Скажи, что сожалеешь, – просит научная журналистка.

– А вот и нет! Ты разбудила во мне два таланта: комический и садомазохистский. Спасибо, Лукреция.

Зал реагирует одобрительно, от желающих поставить уже нет отбоя, все внимательно слушают этот странный диалог, непохожий на привычную дуэль ПЗПП.

– Раньше у нас не было возможности побеседовать, и я расскажу тебе, как соединила две эти страсти. Покинув пансион, я пыталась выступать с юмористическими номерами в маленьких кабаре, но безуспешно. У меня не было работы, я была готова на все ради подработки, предпочтительно на телевидении или на радио. Однажды моя подруга, профессиональная садомазогоспожа, предложила мне сотрудничество. Она была так востребована, что не успевала удовлетворять стремительно увеличивавшуюся клиентуру. Первый сеанс проходил в ее квартире, переделанной в пыточную. Там собрались восемь мужчин в стрингах и в семейных трусах. Я опознала среди них руководителей телеканалов и радиостанций. Я не верила своим глазам. Шишки, до которых я не могла достучаться, моля о работе, ползали теперь передо мной на четвереньках в кожаных удавках на мужском хозяйстве, натягивая поводки. «Валяй, бей их, за этим они сюда и пришли!» – скомандовала госпожа. Я послушалась и услышала жалобный скулеж. Я спросила, что не так, и подруга ответила, что я бью недостаточно сильно, и у них впечатление, что они зря потратились.

Теперь зал веселится от души.

– Тогда я стала лупить их что было силы, и из-под намордников раздались совсем другие звуки. Чисто животные! Вообрази, Лукреция, князя массмедиа, к которым на выстрел не подойдешь, ползают передо мной на четвереньках! А я всласть охаживаю их розгами. Но я мечтала о другом, сказать о чем? Всучить им свою анкету и получить работу на канале!

Зал дружно покатывается со смеху. Одна Лукреция Немрод держится: судя по прибору, ее веселье не заходит выше 3 из 20. Ее соперница продолжает:

– Мне бы хоть в секретарши!

Зал вне себя.

– Пришлось умерить аппетиты и найти занятие, соответствовавшее моей первой страсти: я пошла продавцом в магазин всяких ненужных смешных штучек. Ну, знаешь, комиксы для взрослых, чесоточный порошок... Там я оказалась на своем месте: перед тринадцатилетними сопляками-садистами, будущими директорами прайм-каналов и будущей клиентурой моей приятельницы.

Публика лежит под креслами, но молодой журналистке хоть бы что.

– Заработок был, конечно, невелик, но мне хватало, чтобы платить за свой выход на сцену. Я совершенствовала свое умение смешить, чтобы стать профессионалом.

– Раз ты здесь, значит, ты все еще на стадии дебюта, – возражает Лукреция.

Некоторые в зале одобрительно похохатывают.

– Ты мне нравишься такой. Свобода, крутизна! Знаю, ты мне не поверишь, но я всегда тебя любила, Лукреция. Таких красавиц, как ты, я больше не встречала. Ты – воплощение женственности.

Залу уже не до смеха.

Счетчик Лукреции остается на 3 из 20.

– ПЗПП! ПЗПП! ПЗПП! – заводит свое публика.

– А я считаю тебя жалкой, – отвечает Лукреция. – Ты всего лишь продавщица всякой хрени, Мари-Анж.

– СМЕШИ ИЛИ УМРИ! СМЕШИ ИЛИ УМРИ! – напоминает правила зал.

– Я никогда тебя не забывала, Лукреция. Ты – самая сильная моя любовь. Но тебе этого не понять. Что ж, теперь мне придется тебя укокошить, потому что смех – мое ремесло. Твоя смерть станет завершением шутки, затеянной десять с гаком лет назад.

Показания прибора Лукреции подлетают до 9 из 20. Это приступ гнева. Зрители начинают разочаровываться.

– Хватит трепать! ПЗПП! ПЗПП! СМЕШИ ИЛИ УМРИ! – выражает кто-то чувства большинства.

– Видишь, ты огорчаешь публику. Ты не остроумна. Больше юмора! Учти, сказав тебе тогда «подумаешь!», я ушла к себе и попробовала покончить с собой.

Зал хлопает.

– Покончить с собой?

Мари-Анж не может сдержать конвульсий смеха, и ее показатель подскакивает до 13 из 20.

Поднятые руки свидетельствуют о появлении желающих поднять ставки. Дариус-гёрлз бегают между азартными игроками. Предпочтение отдано Лукреции Немрод, на нее ставят 8 против 1.

Мари-Анж Джакометти начинает беспокоиться и решает атаковать.

– Ты была такой смешной, когда, привязанная к кровати, извивалась, голая дурочка, вся изрисованная рыбой!

Она имитирует ртом рыбы дыхание. Зал находит это смешным.

Гальванометр Лукреции фиксирует 11 из 20, так силен ее гнев.

Прибор регистрирует и смех, и злость. Природа моих мыслей ему недоступна. Радость и горе – просто эмоции, отражающиеся в электрических импульсах.

Отсутствие юмора она может восполнить цинизмом. Оружие меняется, я должна к этому приспособиться.

– Знаешь, почему тебе нравилось причинять мне боль, Мари-Анж? Потому что только так ты можешь самоутвердиться. Просто любить меня ты не умела, потому что вообще не способна любить кого-то нормально. Вот и развила в себе два пристрастия: смех и садомазохизм. Насмехаться и причинять боль – два способа преодолеть твою патологию – аноргазмию.

Последнее слово приводит к бегу цифр на счетчике Мари-Анж.

– СМЕШИ ИЛИ УМРИ! – кричит публика. Она разочарована, но при этом заинтригована.

– В настоящей любви нет ничего смешного, и она не сопровождается муками.

Счетчик Мари-Анж подлетает к 14, но там застревает.

Ее очередь высказаться.

– Что ж, согласна, я извращенка, я люблю причинять другим страдания и насмехаться. Но тогда ответь на вопрос: что привлекло во мне тебя? Если у меня аноргазмия, то ты, судя по виду, только и делала, что оргазмировала! Отношения палач – жертва подразумевают двоих. Нас было двое, Лукреция. Вот я и спрашиваю: кто из нас двоих бóльшая извращенка? Не та ли, которой эти отношения доставляют наибольшее удовольствие? И если ты своей покорностью преобразила меня, то в чем ты теперь меня упрекаешь?

Слышать это до того неожиданно, что Лукреция реагирует очень странно, это похоже на тик.

Видя, что брешь нащупана, Мари-Анж ломится напролом:

– Между прочим, почему ты меня спасла в моем поединке с Кати Серебристой Лаской, если не потому, что хваталась за меня что было сил?

Лукрецию охватывает неодолимое желание расхохотаться. По спине

уже течет пот, вся она покрывается мурашками. Она пытается не дышать, но гальванометр не обманешь: 12... 13... 14... 15... 16... 17...

«Умирает женщина. Ее жизнь была образцовой, и на небесах ее сердечно встречает святой Петр.

– Добро пожаловать в рай.

Вокруг сплошная благодать, одни ангелы играют на арфах, другие, скользя мимо, улыбаются ей.

Проведя первый день в чистой радости, благости и безмятежной неге, женщина, устраиваясь в своей келье, слышит снизу барабанный бой.

Утром она спрашивает святого Петра:

– Что это были за звуки?

– Это те, кто внизу. Хочешь на них взглянуть? – И святой Петр открывает дверцу в облаке.

Женщина наклоняется и видит лестницу, под ней клубится красноватый пар, сквозь который пробивается сладострастная музыка и звуки ударных инструментов.

– Это же ад! – удивляется женщина.

– Если хочешь, можешь спуститься и посмотреть, – предлагает святой Петр.

Женщина, колебавшись, начинает спускаться. Внизу она застаёт шумный праздник, жару, голые потные люди пляшут под заразительную синкопированную музыку. Всю ночь женщина забавляется. Красавцы, вызывающие у нее сладкий трепет, один за другим предлагают ей танцевать, пить, петь. Ранним утром женщина поднимается в рай, где все спокойно и чинно, ангелы декламируют стихи и перебирают струны арф. Женщина идет к святому Петру.

– Есть ли у меня выбор, где находиться? – робко осведомляется она.

– Конечно. Но, выбрав рай или ад, ты уже не сможешь передумать.

– Раз так, я выбираю ад. Прости, святой Петр, но этот рай – вылитый хоспис для стариков.

– Прекрасно, – отвечает святой Петр и снова открывает дверцу, ведущую на лестницу.

Внизу на женщину набрасываются бесы: они осыпают ее ударами, кусают, приковывают к скале. Отовсюду слышны вопли, из земли поднимается зловонный пар.

Появляется дьявол-великан с большими вилами и, глядя на нее, вонзает их в ее тело.

– Ой!

Он продолжает.

– Что такое? – возмущается женщина. – В прошлый раз здесь все было по-другому. Почему такая перемена?

Дьявол со смехом колет ее вилами и отвечает:

– Не надо путать туризм и иммиграцию!»

Из скетча Дариуса Возняка «После меня хоть потоп».

...18 ...19...

В этот момент звучит пожарная сирена, на публику и на сцену льется вода. Под холодным душем у Лукреции Немрод мигом пропадает охота смеяться. Струи воды обдают весь зал. Отовсюду рвутся языки пламени. Публика в панике. Открываются аварийные выходы, и люди, давя друг друга, бросаются туда.

Тадеуш Возняк спешит на ринг и отвязывает Мари-Анж. Лукрецию он оставляет в кресле. Как ни извивается молодая журналистка, прочные кожаные ремни не поддаются. Зрители покидают зал, по которому стремительно распространяется огонь.

Струи воды не справляются с пожаром. Лукреция уже грызет свои путы, как попавший в силки зверек. От дыма щиплет глаза, она надсадно кашляет.

В дыму к ней приближается неясный силуэт и начинает ее развязывать.

– Не очень-то вы торопились, Исидор... – выдавливает она, не переставая чихать и кашлять.

– Не ворчите, а то я пожалею, что вмешался.

– Апчхи! Я не нуждалась в вашей помощи, все и так шло отлично. Я бы разобралась сама. Апчхи!

Исидор возится с особенно тугой пряжкой у нее на предплечье.

– Вы так преуспели, что уже схватили 19 из 20, – напоминает он, пытаясь перепилить твердую кожу зубчатым ключом из своей связки.

Она кашляет, ловит ртом воздух.

– Не 19, а 18, у меня еще был запас прочности, но вы помешали мне отомстить.

Огонь приближается. С потолка падают охваченные пламенем балки.

– Могли бы придумать что-то еще, необязательно было разрушать театр.

– Критиковать легко, творить гораздо труднее.

Лукреция прикусывает язык.

Исидору никак не поддается последний ремень. Он пускает в ход ногти, зубы. В театре остались только они двое. Пожарная тревога стихла, водопад прекратился, но шум и треск пожара рвут барабанные перепонки. Все затянуто едким серым дымом. Осыпанная искрами балка падает с

потолка, разрезая воздух, и ударяет Лукрецию в плечо.

Она, наглотавшись дыма, теряет сознание. Журналист, прилагая все силы, отрывает от кресла подлокотник, к которому пристегнут ремень. Потом он хватает Лукрецию на руки и выносит из театра. На улице, положив ее на асфальт, он пытается отдышаться.

Она по-прежнему не шевелится. Он, поколебавшись, делает ей искусственное дыхание. Она не сразу реагирует, ему приходится несколько раз припадать к ее рту. Наконец она открывает глаза.

– Чего ни сделаешь... – Она заходится кашлем. – Чего ни сделаешь, чтобы добиться вашего поцелуя, Исидор!

На эту фразу ушли все ее силы, и зеленые глазища прячутся под веки.

1528 г.

Франция. Монпелье.

Кучка студентов-медиков выкапывала на кладбище трупы.

То был единственный оставшийся у них способ проникнуть в тайны человеческой анатомии. Даже зная, что за подобное святотатство им грозит смертная казнь, они были так увлечены своими научными изысканиями, что не собирались отказываться от вскрытия мертвецов.

Бригаду с заступами и лопатами возглавлял высокий представительный человек по имени Франсуа Рабле. Он был лишенным сана бенедиктинцем, отцом двух детей, самым обаятельным в их студенческой братии. Он не только владел дюжиной языков, в том числе древнееврейским, греческим и латынью, но и сочинял стихи, добиваясь успеха у девушек, внимавших его лирическим виршам.

Когда студенты из Монпелье не выкапывали мертвых и не врачевали живых, они тайком собирались в подвалах, чтобы выпивать, танцевать и веселиться до зари. Они любили богохульные песенки и загадки. Вдали от лишних глаз и ушей они потешались над церковниками-реакционерами, над профессорами теологии парижской Сорбонны, над всеми важными буржуа и аристократами, навевавшими на них смертельную скуку.

В конце концов проделки Франсуа Рабле и его окружения вызвали недовольство. Несмотря на то что большинство из них стали блестящими врачами, их тайные сборища возбуждали зависть и превратились в притчу во языцех. Пришлось им бежать из города.

Весной 1532 г. Франсуа Рабле поступил лекарем в больницу «Лионский Божий дом» и стал обучать студентов медицине Гиппократ и Галена. Там он познакомился с поэтом Жоашеном дю Белле, взявшим его под свое покровительство. В июле того же года тот позвал Рабле с собой в Бретань и там привел в необыкновенное тайное место, где познакомил со скрытой от других наукой. Кроме того, Жоашен дю Белле дал ему прочесть сочинения великого нидерландского писателя Эразма.

То было откровение. Франсуа Рабле полностью забросил поэзию и заделался романистом. В том же году он опубликовал под псевдонимом Алькофрибас Назье (анаграмма Франсуа Рабле) комический текст под названием «Пантагрюэль, сын великана Гаргантюа, король дипсодов, показанный в его доподлинном виде, со всеми его ужасающими деяниями

и подвигами».

В этом плутовском романе Франсуа Рабле пародировал великие рыцарские романы и смеялся над знатью и святошами. Он прославлял народную смекалку, оставляющую в дураках важных властителей. Его герой-весельчак, великан Пантагрюэль, любил праздники, блуд и вино. В своей книге он, не называя Эразма по имени, прославлял его, объявлял себя его духовным сыном и обещал развивать его философию.

Невзирая на огромный успех книги в народе, эрудиты упрекали ее в вульгарности и грубости языка. Под давлением епископов книгу объявили «еретической» и «порнографической».

Вследствие этого ее внесли в Index Librorum Prohibitorum (список официально запрещенных книг).

Это не помешало писателю-врачу издать спустя два года под тем же псевдонимом Алькофрибас Назье продолжение «Пантагрюэля» – «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля».

В этой книге он остался верен себе и даже пошел дальше в разнузданности, перемешав политику, безудержную распущенность и едкую критику (например, он сравнивал достоинства разных «подтирок», от птенцов до дубовых листьев), проявляя недюжинную фантазию. Среди его персонажей фигурировал даже реальный Франсуа Вийон.

В этот раз на «похабника» ополчилась профессура Сорбонны.

Надо сказать, что, объявляя себя хранительницей морали и религии, эта публика сочинила текст, где утверждала, что смех «противен нравственности» и что «смеющийся грешит против Бога».

Однако Франсуа Рабле не отступал и благодаря политической поддержке, в частности со стороны кардинала Жана дю Белле (брата Жоашена), получил в 1550 г. от французского короля Генриха III право на издательскую деятельность и печатание без малейшей цензуры любых книг по собственному выбору. Все больше смелея, он выпустил «Третью книгу героических деяний и речений доброго Пантагрюэля». Под защитой королевского авторитета Франсуа Рабле решил впредь подписываться собственным именем. Последовала «Четвертая книга героических деяний и речений доблестного Пантагрюэля».

Франсуа Рабле стремился постичь механизмы юмора. Это он провозгласил, что «человеку свойственно смеяться». Ему принадлежат такие неувядающие изречения, как: «Желающий пукнуть выше собственной задницы да проделает у себя в спине дыру», «Старых пьяниц больше, чем старых врачей», «Жаль, что добропорядочный зад некрасив», «Аппетит приходит во время еды, а жажда приходит во время питья».

Он изобрел малопрстойные «перевертыши» – например, про «безумную на мессе», *la femme folle a la messe*, что легко спутать с *molle a la fesse* («мягкозадая»). Он увлекался игрой слов: *Le Grand Dieu fit les PLANETES, et nous faisons les PLATS NETS* («Бог сотворил планеты, а мы – какашки»), однако нам он дороже глубокими мыслями: «Наука без совести – гибель души», «Всего добивается тот, кто умеет ждать». Франсуа Рабле мыслил свободно и был фантазером. Он придумал идеальное место, где все от природы красивы, умны, культурны и образованы, – Телемское аббатство, девиз которого «Делай что хочешь!». Он объездил всю Европу, всюду набирался ума и совершенствовался во всех областях знаний.

9 апреля 1553 г., выпивая и веселясь с друзьями в подвальчике, совсем пьяный Франсуа Рабле заявил, что дописывает роман «Пятая, последняя книга героических речений и деяний Пантагрюэля». Показав собутыльникам рукопись, он выпил еще, а потом совершил нечто странное: достал из сумы синий деревянный ларчик и со смехом сообщил, что в нем «начало и конец». После этого он открыл у всех на виду крышку с надписью на латыни.

Заглянул в ларчик – и немедленно скончался. Умерли и находившиеся с ним, по официальному заключению – «от избыточного питания». Выжили лишь двое, не разумевающие латыни.

Что до его последнего произведения, «Пятой книги», то оно вышло через 11 лет после смерти автора стараниями двоих его выживших друзей.

Большая история смеха. Источник GLH.

Она все еще не открывает глаз, но дышит.

Как она красива во сне.

И вообще она просто красива.

Думаю, никогда еще я не видел такой женственной, умной, желанной, изящной и сильной женщины.

В ней соединилось все.

Она – совершенство.

Исидор Каценберг кладет Лукрецию в коляску мотоцикла, укутывает ее попоной, надевает ей на голову шлем, осторожно подпирает ей голову плечом.

Обыскав ее карманы, он находит ключ зажигания, тоже нахлобучивает шлем и пытается завести мотор.

Никогда еще он не управлял мотоциклом.

Надо вспомнить, как его заводит Лукреция. Кажется, сначала она поворачивает ключ, потом пинает какую-то педаль, потом крутит ручку, чтобы добавить газу и набрать скорость.

Научный журналист запускает мотор, но тот глохнет на первой передаче. После нескольких попыток он все-таки трогается с места.

Благодаря трем колесам мотоцикл с коляской не способен перевернуться.

Из осторожности Исидор плетется по Парижу на второй передаче, не превышая 40 км в час. Так он намерен добраться до отеля на Монмартре.

Он включает мотоциклетную магнитоу, громыхает Bign группы «Дип Перпл».

Музыка хиппи 70-х. У нее хороший вкус, пусть и немного устаревший.

Редко когда рок-музыканты были так же плодовиты. Надо признать за ней еще один талант: у нее доброкачественная музыкальная культура.

Bign – пророческое название^[24].

Он подъезжает к отелю Avinir.

С Лукрецией на руках он здоровается с дежурным, не переставая удивляться этой необычной паре.

Он вносит ее в номер и опускает на постель.

Сейчас она отойдет от шока.

Наконец-то он признаётся себе, что вообще-то это любовь.

Забавно, как это «вообще-то» нивелирует «любовь».

Потому-то я и стараюсь соблюдать дистанцию.

Я причинил столько зла Кассандре... Но сначала я должен узнать, кто ты такая на самом деле.

Исидор Каценберг включает айфон и запускает в «Гугл» поиск «Лукреция Немрод». Поисковик находит много всякой всячины.

Как и Кассандре, ей всегда мешали состояться как личности. Сирота, грабительница, журналистка и при этом всегда... никто. При ее уме и красоте ей, кажется, всегда твердили: «Лично ты не важна». Понятно, откуда взялась ее склонность к насилию, ее злость на весь мир.

Он говорит себе, что она ищет в нем не только отца.

Она ищет просто кого-то, кто признает ее существование.

Он смотрит на нее.

И потом, она отличная журналистка. Я смог в этом убедиться на примере прошлых исследований.

Исидор заботливо укрывает ее и садится у окна любоваться ярко освещенным Парижем.

Он вспоминает собственный дебют в «Геттёр Модерн».

Флоран Пеллегрини, старый матерый репортер, сказал ему: «Увидишь, счастливых журналистов не бывает».

Исидор – ему тогда было 23 года – ответил, что всегда мечтал работать в таком престижном издании. На это Флоран Пеллегрини отреагировал словами:

– Есть «престижные» рестораны, где лучше не соваться на кухню.

Молодой Исидор Каценберг не обратил внимания на этот странный ответ, он был слишком счастлив оттого, что займется делом своей мечты.

Первой неожиданностью для него стали коллеги из отдела «Потребление», писавшие статьи только тогда, когда им презентовали описываемую продукцию. Это могли быть даже телевизоры, компьютеры, автомобили. Они не боялись обсуждать эту «традицию», считая ее в порядке вещей, «обычаем» и даже «профессиональной привилегией».

Совсем как «право первой ночи» у аристократов. Что воспевашь, то и употребляешь.

Удивили его и коллеги из рубрики «Литература», сочинявшие под псевдонимами рецензии... на свои собственные опусы – понятное дело, хвалебные.

Ни для кого в журнале это не составляло тайны, это тоже считалось профессиональной привилегией. Флорану Пеллегрини принадлежала формулировка: «Это так грубо, что, если это вскроется, никто не поверит. К тому же это хотя бы дает уверенность, что критик знаком с критикуемой

книгой».

Открытия, следовавшие одно за другим на «кухне» престижного издания, удивляли его все больше.

Сильно настораживала проверка достоверности информации. Сам Флоран Пеллегрини удостоился награды как лучший военный репортер во время Вьетнамской войны за статью, целиком написанную... в Париже, путем перетаскивания цитат из статей американских журналистов, бывавших под пулями, и разбавления их поэтическими сравнениями собственного изготовления.

«Пойми, военный репортер стоит дорого. Отель, страховки, туда-сюда... И потом, публике плевать, видел ли автор все то, о чем пишет, главное, чтобы было бойко описано. Даже не бойко, а с чувством», – поправлялся он.

Еще Флоран Пеллегрини поделился с ним одним из своих трюков: военные репортажи он неизменно начинал с одной и той же картинки: с ребенка, рыдающего над телом убитой матери.

Он вставлял этот эпизод во все свои статьи, и никто ни разу не схватил его за руку.

– Когда сочиняешь военный репортаж, представляй, что снимаешь фильм. Это очень выигрышный кадр.

Для статей о голоде у него тоже был повторяющийся кадр: мальчуган с глазами, полными мух.

Еще одно открытие: в журнале, кричавшем о своей левизне, не было ни одного левого журналиста.

Флоран объяснял это так:

– Они пишут редакционные статьи о политике и экономике, как будто они социалисты, но состояние и беспокойство за передачу наследства детям не оставляют им выбора, и они поступают как нормальные богачи: голосуют за правых. Что касается заведующих некоторыми редакциями, например нашей Тенардье, то эти вообще крайне правые. В частных беседах она никогда не скрывает своих симпатий к Национальному фронту.

Сначала Исидор Каценберг думал, что у старого репортера давний зуб на начальство, потому он его и поносит. Но существовали настораживающие факты.

– Вот скажи, когда у директора шикарная машина с водителем, а большинство молодых журналистов висят на ниточке и получают гроши, не состоят в штате и недотягивают даже до минимальной зарплаты, ты можешь поверить, что здесь заправляют люди с искренними левыми убеждениями?

Чертов Флоран!

Исидор знал, что он же, «лицо» «Геттёр Модерн», знакомил Лукрецию с тайнами ремесла.

Как и сам Исидор, она начинала внештатницей.

Как и он, она мечтала о зачислении в штат.

Сев на край постели, Исидор любит мирно дышащей девушкой. На пару с Лукрецией они уже дважды докапывались до секретов, которые нельзя было преподносить широкой публике. Хорошо, что теперь он сам по себе, не зависит от Тенардье и ей подобных. Теперь он сможет сказать правду, прикрывшись обложкой романа.

Это вывернутый наизнанку мир.

Журналисты в своих статьях преподносят не реальность, а вымысел, но им все верят. Писатели пишут романы, где сквозит реальность, но им никто не верит.

Исидор Каценберг гладит волосы Лукреции. Ясное дело, он вспоминает, как они любили друг друга. Вспоминает испуганного зверька, помешанного на контроле, который вдруг потерял всякий самоконтроль.

Тогда он долго ее ласкал, чтобы успокоить. Ласкал и говорил себе: «Она исполнена ярости. Что бы я ни сделал, этого всегда будет мало».

Вообще-то, их первые объятия ему не понравились.

Лукреция начинает шевелиться. Кажется, ей что-то приснилось. Не открывая глаз, она говорит во сне:

– ...18 из 20. Ничего, выпутаемся.

– 19, – подхватывает Исидор.

– 18.

Она открывает глаза, видит рядом Исидора и заходится кашлем.

Ей трудно глотать. Он приносит ей воды. Она пьет, приподнимается на локте, горестно вздыхает.

– Не надо было мне мешать, я бы ее прикончила.

– Вас саму едва не прикончили. Вы чуть не погибли из-за нехватки юмора.

Она трет глаза.

– Зачем вы спасли Мари-Анж?

– Вы сами ее спасли, вспомните. Вы ринулись вниз и предотвратили выстрел.

– Я должна была сразиться с ней на равных. Я хотела сама с ней расправиться.

– Она и есть ваша Немезида?^[25]

– Очередное ваше мудреное словечко!

– Личный враг, оправдание вашего существования, если вам так больше нравится.

– А кто ваша Немезида?

– Тенардье, жалкое создание.

Лукреция Немрод делает глубокий вдох и все припоминает.

– Вы спасли фотоаппараты и видеокамеры?

– Нет. Я вам говорил, на первом месте у меня всегда живые существа.

Она опять вздыхает.

– Значит, все пошло прахом!

Исидор Каценберг идет за мокрым полотенцем и кладет его ей на лоб.

– Нет, расследование продвигается. Пока вы отвлекались на Мари-Анж, я рылся в кабинете Тадеуша.

– Нашли что-нибудь?

– Ничего. Но мое убеждение окрепло.

– Можно узнать, каково ваше умозаключение, мистер Холмс?

Он достает айфон.

– Пока вы спали, я не сидел сложа руки. Я нашел намеки на буквы BQT на форумах комиков. Возможно, это Bague Qui Tue^[26]. Многие профессиональные юмористы верят в это волшебство.

– Вы согласны, что текст из синей шкатулки смертелен?

– Этого я не говорил. Я сказал лишь, что в это верите не вы одна. В инопланетян, допустим, тоже верите не вы одна. То, что многие верят в одну и ту же галиматью...

– Знаю я эти ваши фразочки на все случаи жизни! «Если ошибающихся много, это не значит, что они правы».

Она садится удобнее, подперев спину подушками.

– Так или иначе, наше расследование продолжается. Дальше предстоит выяснить: 1) Кто убил Дариуса? 2)...

– Тадеуш, – спешит с ответом он. – Он унаследовал империю Возняков.

– Он стоял рядом с гримеркой и не мог быть грустным клоуном, он бы не смог войти, пожарный и телохранитель его заметили бы.

– Грустный клоун – один из его людей, переодетый в «розовый костюм».

Зеленые глаза Лукреции Немрод смотрят в его карие глаза.

Пожав плечами, она неожиданно встает, идет в ванную и там запирается.

– Остается небольшое затруднение, – сообщает он, повысив голос.

– Какое? – спрашивает она через дверь, подражая его голосу.

– Люди Тадеуша обязательно нас отыщут.

Она решает применить шампунь с ромашкой, осветляющий волосы и придающий им блеск.

– У вас есть предложения, Исидор?

– Лучшая оборона – нападение. Если я прав и у них есть ВQT, мы ее у них похитим. Это их главное оружие, и я, кажется, знаю, где они его прячут.

– Где же?

– У себя во дворце. В «Версале».

1600 г.

Франция. Версаль.

В Италии комическая мода того времени носила имя «Комедия дель арте», буквально «театр, где играют актеры»). Ее ввел в XVI веке Анджело Беолько, желавший показать мир селян. Потом жанр развился и обрел самостоятельность.

Пьесы комедии дель арте игрались перед простонародьем на площадях и на рынках, на наскоро сколоченных подмостках, служивших сценами для странствующих трупп. Эффективность комедии дель арте определялась несколькими элементами. Публика знала ее карикатурных персонажей в узнаваемых масках: Панталоне, Лекаря, Капитана, Лакея, хорошенькую влюбленную Изабель и ее служанку Зербинетту. Женские роли исполняли женщины, тогда как раньше это делали загримированные мужчины в париках. Актеры помногу импровизировали, отчего спектакль от раза к разу менялся. Наконец, этот театр зиждился на театральных движениях и на тщательной постановке, требовавшей талантов мима, акробата и жонглера.

Однажды Николо Барбьери, руководитель популярной итальянской труппы, гастролировавшей в Париже, поймал восторженный взгляд ребенка, сказавшего ему потом, что хотел бы играть на сцене. Мальчика звали Жан-Батист Поклен.

Повзрослев, Поклен создал собственную французскую труппу комедии дель арте и взял псевдоним Мольер.

Труппа Мольера сыграла несколько намеренно карикатурных фарсов: «Ревность Барбулье», «Летающий лекарь», «Лекарь поневоле». Но труппа еще не нашла своего стиля и своего зрителя.

В марте 1658 г., гастролируя во Франции, труппа Мольера раскинула свой шатер в Руане. Пришедший на них посмотреть человек поманил их за собой. Он познакомил Мольера со своим братом, самим Пьером Корнелем – знаменитым драматургом.

Знакомство состоялось в доме Корнеля в Руане. Там директор труппы услышал необычайную историю хозяина.

Пьер Корнель был адвокатом, но обожал комический театр. Он написал девять комедий, но славы не добился. Поэтому десятая его пьеса, «Сид», уже была трагедией.

«Сид» прогремел по всей стране, во всех слоях общества: пьесу знали и аристократы, и бедняки, многие даже выучили ее наизусть. Решив наградить автора за это монументальное произведение, король Людовик XIII даровал дворянство ему и его отцу и ввел его во Французскую академию.

Но старые ханжи-завистники тут же его возненавидели. Они обвинили «Сида» в отходе от священных правил классической трагедии: там действительно не было соблюдено единство места, декорации менялись от сцены к сцене.

Корнель признался Мольеру, что, невзирая на славу трагика, его на самом деле влекла только комедия. Но о ней он не мог даже помыслить: никто не понял бы, если бы серьезный драматург унизился до народной комедии. Это противоречило театральной иерархии.

90 % театральной продукции представляли собой фарсы, тем не менее этот жанр считался низменным, предназначенным для простонародья, для вульгарной толпы. В нем допускалось любое буйство, даже шутки на тему испражнений и соития – к величайшему удовольствию зрителей.

То был первый уровень. Второй уровень представлял собой трагикомедию – смешение жанров, понятное более искушенной публике.

Третий уровень – античная трагедия на темы греческой и римской мифологии – был предназначен для аристократии и крупных буржуа, людей образованных и культурных.

Был и четвертый уровень, самая вершина – величайшее достижение театра, мистическая героическая трагедия (жития святых и Иисуса Христа).

Серьезные авторы, естественно, создавали только трагедии. Если они сочиняли комедии, то не ставили под ними свои подписи, потому что стыдились этого жанра.

Директор труппы согласился подписывать комедии своим именем. Мольер и Корнель приглянулись друг другу и решили работать вместе.

Труппа расположилась у Корнеля в саду. В тот период автор «Сида» увлекся главной актрисой труппы Армандой Бежар.

Желая помочь новому другу, Пьер Корнель познакомил Мольера с Фуке, а тот его – с братом короля.

В октябре того же года Мольер получил огромную привилегию выступить в Версале, перед самым королем Людовиком XIV. Чтобы наверняка произвести хорошее, серьезное впечатление, остановились на трагедии Корнеля на античную тему «Никомед».

Спектакль провалился, сюжет не заинтересовал зал. Король откровенно зевал в первом ряду.

Предотвращая катастрофу, Мольер решил сыграть во втором акте написанную тем же Корнелем, но переданную ему комедию «Любовная досада». Король уже собирался отправиться почивать, но остался ради второго спектакля и первым засмеялся. После того как он прыснул во второй раз, весь зал покатился со смеху. То был триумф.

В конце король горячо хлопал в ладоши стоя. После этого Мольер был назначен королевским комедиантом и получил для своей труппы целый театр – зал для игры в мяч, будущий зал Марэ.

Теперь Мольер ставил только пьесы Корнеля. Сначала он завоевывал доверие трагедиями. Но они вызывали у всех тоску, и он перемежал их комедиями Корнеля, которые подписывал собственным именем: «Школа жен», «Ученые женщины», «Жорж Данден», «Мизантроп», «Тартюф», «Дон Жуан» и др.

В этих четко выстроенных комедиях со сложными психологическими портретами Корнель сводил свои личные счеты. В «Ученых женщинах», например, он вспоминал своих старых врагов: маркизу де Рамбуйе, ее дочь и сестру, прежде причинявших ему унижения.

В 1673 г. Мольер скончался прямо на сцене, играя в спектакле с пророческим названием «Мнимый больной».

Корнель, по-прежнему чуравшийся комедий из страха остракизма со стороны членов Французской академии, остаток жизни посвятил серьезной работе, в частности поэтическому переводу с латыни «Подражание Иисусу Христу» – переложению четырех Евангелий, которое станут изучать во французских школах и которое принесет ему наибольший коммерческий успех. Оно обеспечит его на всю жизнь и утвердит его авторитет верного канонам, верующего автора.

Но далеко в Бретани, в нескольких сотнях километров от Руана, кучка обитавших в подполье людей знала, что на самом деле Корнель – один из самых видных среди них изобретатель «комедии нравов».

Большая история смеха. Источник GLH.

В небе белеет полная луна, видимые невооруженному глазу кратеры делают ее похожей на насупленное в задумчивости лицо.

Двое научных журналистов перелезли через стену, окружающую дворцовый парк семейства Возняк. Их атакует свора доберманов. Вознагражденные за бдительность мясом, наспигованным снотворным, собаки мирно засыпают.

В полуночной тьме журналисты пробираются по огромному парку маленького персонального Версаля Дариуса.

На шесте медленно вращается видеокамера.

Они прячутся и ждут, пока камера отвернется.

– Вы всерьез считаете, что это Тадеуш прибег к BQT, чтобы избавиться от брата и завладеть «Циклоп Продакшен»? – спрашивает Лукреция шепотом.

– Пока что это наиболее вероятная версия.

– Кюре из Карнака утверждает, что Дариус находился среди напавших на маяк.

– Ну и что? Тадеуш мог забрать шкатулку и использовать ее против брата.

Она строит недоверчивую гримасу.

Камера снимает не их, они тем временем движутся по парку. Новая вращающаяся камера. Опять прятаться!

Вторая камера тоже отворачивается, можно идти дальше.

Они минуют копии версальского парадного плаца и подъездного двора. На бульваре стоят десятки машин.

Во всех окнах двух нижних этажей дворца горит свет.

– Вы уверены, что не надо еще подождать? – шепчет Лукреция.

– Наоборот, самое то: во дворце бессонница!

Журналисты проникают во дворец.

Там, спрятавшись в углу, они надевают жилеты ремонтников-компьютерщиков. Это идея Лукреции: во время своего первого интервью она видела здесь фургон службы SOS Informatique. Наверняка здесь всегда есть что чинить и налаживать.

Она довершает маскарад беретом, под который убирает волосы, и большими очками.

Исидор клеит себе усы и напяливает такой же, как у нее, берет.

В правом крыле несколько просторных помещений с сотнями прилипших к компьютерам молодых людей.

Часы над их головами показывают время в Лондоне, Мадриде, Берлине, Москве, Пекине, Токио, Сеуле, Сиднее, Лос-Анджелесе, Дели и Стамбуле.

Исидор с Лукрецией хватают какие-то коробки и смешиваются со снующей туда-сюда толпой. Никто не обращает на них внимания.

Они садятся перед двумя свободными мониторами и читают. Справа движущаяся колонка.

Анекдоты! Десятки, сотни, тысячи – с порядковыми номерами, датами, ярлыками, статистической оценкой.

– Да здесь целая фабрика по поточному производству гэггов и скетчей! – уважительно восклицает Лукреция.

Исидор озирается.

– Прямо изнуренные рабы на галерах! Смотрите, какие они все бледные от перенапряжения!

Лукреция тоже разглядывает исподтишка окружающих трудяг. На всех наушники с микрофоном. Компьютеры у многих увешаны листками с почерпнутыми из Сети идеями.

Эти, наверное, самые головастые.

Некоторые, щелкая по клавиатуре, машинально тянут напитки, жуют гамбургеры, пиццу, суши.

Другие теребят резиновые игрушки, чтобы занять в процессе размышления руки.

Журналисты делают вид, что тоже работают за бесхозными компьютерами. Анекдоты в бегущей колонке помечены временем их включения в банк данных «Циклоп Продакшен».

– Прочли номер 103 683? – спрашивает Исидор. – Симпатично!

Она читает:

«Два новорожденных в роддоме. Один спрашивает другого:

– Ты мальчик или девочка?

– Девочка, а ты?

– Не знаю.

– Убери пеленку, я скажу, кто ты.

Он убирает пеленку, но девочка говорит:

– Ниже, не вижу.

Он опускает пеленку еще ниже, и девочка говорит:

– Все ясно, ты мальчик.

– Откуда ты знаешь?

– У тебя синие пинетки».

Исидор заносит анекдот в свою папку «Филогелос».

Лукреция делает жест, означающий, что им пора изобразить деловитость и проследовать дальше.

Они обследуют этажи один за другим. На одном огромная библиотека, на другом ринг для импровизированных дуэлей и лаборатория, где анекдоты опробуют на испытуемых, проверяя их реакцию.

Несмотря на поздний час, десятки людей вокруг усердно трудятся.

– Дуэли, библиотека, лаборатория – это повторение GLH. Только вместо кустарного тайного общества здесь индустриальное, занятое поточным производством. «Циклоп Интернешнл Энтертейнмент».

Исидор увлекает молодую спутницу все выше.

Они видят молодежь в очках, смотрящую из кресел комические сериалы и что-то отмечающую в ноутбуках.

– Чем это они заняты?

– Выуживанием гэгов. Они отсматривают все на свете юмористические сериалы и спектакли всех времен, добывая гэги, которые можно использовать повторно.

На большом экране появляются странные тексты: «Идея 132 806: «Муж спрашивает жену, со сколькими мужчинами она спала, она отвечает, что только с ним, с остальными она бодрствовала»».

«Идея 132 807: «Пожилая пара приходит в воскресенье утром в церковь. В разгар мессы жена наклоняется к мужу и говорит: «Я случайно тихонько пукнула. Что делать?» – «Пока что ничего, – отвечает муж, – вот вернемся домой, я вставлю в твой слуховой аппарат новую батарейку»».

Лукреция возмущена.

– Это и есть их сырье?

– Оно самое, переработанный юмор.

– Понятно, почему Дариус был любимейшим французом французов: он черпал из богатейшего колодца ворованных гэгов. Здесь вкалывают не меньше полтысячи человек!

– Кустарный юмор больше не в чести.

Журналисты поднимаются на следующий этаж. Там мужчины в костюмах и галстуках работают с большими световыми картами мира.

Они переговариваются между собой по-английски. Исидор и Лукреция понимают, что они строят статистические графики главных тенденций юмора по странам, языкам, культурам. Мимо их внимания не проходят даже анекдоты локального масштаба, которые травят на местных наречиях.

На счетчике, показывающем суммы, появляются портреты.

– Как только какой-то комик становится популярным, они его покупают или копируют, создавая версию для других стран, – шепчет Лукреция, начинающая понимать происходящее.

– А еще Возняки скупают по всему миру театры, – подхватывает Исидор, указывая на другую группу в костюмах.

– Остроумно! Пока музыка, кино, литература страдают от интернет-пиратства, комические зрелища процветают. Комики повсюду: в рекламе, политике, кино, они гастролируют по провинциальным городам, деревням. Единственный барьер – языковой.

Они приглядываются к таблицам и диаграммам.

– Смотрите, цифры под портретами беспрерывно меняются.

– По-моему, это биржа комиков. Их изучают и оценивают, как скаковых лошадей, – цедит Лукреция.

Дальше они набредают на архитекторов, склонившихся над макетом.

– Надо же, они не медлят, вместо сгоревшего Театра Дариуса у них готов новый проект.

– Видите, сколько запланировано мест? Не зал, а стадион на тысячу болельщиков!

– Вообразите, поединки ПЗПП перед такой аудиторией! В полночь понедельника всей мафии планеты будет не до сна!

– Жертвы, добровольно идущие на убой, и тысяча аплодирующих соучастников! Это чревато нешуточной юридической проблемой... – бормочет Исидор.

Они переходят из правого крыла в левое, где Лукреция ведет Исидора в апартаменты семьи Возняк.

Там темнота.

– Когда я пришла сюда в первый раз взять интервью у матери Дариуса, меня заинтересовали фотографии на стенах. Профессиональная деформация, я все же бывшая домушница.

– Вы вынесли кое-какие шедевры, Лукреция?

– Запомнила один, – уклончиво отвечает она, – намертво приклеенный к стене. Значит, он поворачивается на шарнирах, а за ним наверняка сейф.

Они молча крадутся дальше, освещая себе путь мобильниками.

Лукреция подходит к стене, увешанной фотографиями в толстых рамках. Под каждой подпись: «По-вашему, это смешно?» На одной «Титаник», на другой диктатор Пол Пот, на третьей человек на электрическом стуле, на четвертой ку-клукс-клановцы в капюшонах вешают негра, на пятой атомный взрыв в Хиросиме.

К этой, пятой, Лукреция и направляется.

Позади фотографии обнаруживается сейф с электронным экраном. Она разглядывает его.

– Сумеете открыть?

– Современная модель, я с такими не знакома. Ничего, справлюсь.

Она достает электронный стетоскоп и набор сверхмощных неодимовых магнитов.

– Вся штука в том, – бормочет она себе под нос, – чтобы правильно расположить магниты, не касаясь внутреннего механизма. Посветите повыше, Исидор.

Он светит. Она крепит магниты, слушает, перемещает их на несколько миллиметров, слушает опять – и дверца сейфа отрывается.

В нем хранятся пакетики с кокаином, пачки денег, современная стальная шкатулка, широкая и плоская. На крышке три буквы: BQT.

– Бинго!

Лукреция аккуратно берет шкатулку и передает, как гранату без чеки, Исидору.

Но, возвращая на место фотографию Хиросимы, она незаметно для себя запускает невидимый механизм.

Срабатывает охранная система, взывает сирена, начинают мигать красные лампочки.

Вбегает мужчина с револьвером в руке и с широкой улыбкой на лице.

– Не хотелось верить, но теперь это очевидно.

Он держит их на мушке.

– Вы, мадемуазель Немрод, и есть тот самый «грустный клоун», которого вы якобы преследуете.

1689 г.

Англия. Лондон.

Питер Фланнаган, директор большого конного театра, пребывал в унынии. Публика посещала его представления день ото дня все ленивее. И это притом, что у него работали лучшие наездники. Только они умели выполнять такие зрелищные и опасные фигуры, как «двойная мельница» (всадник вертит ногами над лошадиной шеей и над крупом), «обратные ножницы» (стойка на руках, скрещивание ног, переворот), езда боком на одной руке, не говоря о подъеме коня на дыбы с остановкой строго на линии. А главное, его звезда, отставной капитан Уильям Макферсон был национальным военным героем.

Если так продолжится, то артистам, сплошь бывшим королевским кавалеристам, придется искать другую работу, а самому Питеру Фланнагану – продать свой замечательный конный театр.

Пока директор думал эту невеселую думу, на сцене стряслась беда. В разгар представления, на глазах у десятков пораженных зрителей, вдрызг пьяный конюх Джозеф Армстронг учудил худшее, что только мог: перелез через барьер и побежал за Уильямом Макферсоном, который сидел в седле как влитой, делая вид, что его не видит. Конюх, пьяно гогоча, кричал непристойности и передразнивал славного всадника. Наконец он с идиотским воем уцепился за конский хвост.

«Ну, все, этот пьяный обормот уволен!» – подумал Питер Фланнаган. Но пока он пылал негодованием, Армстронг надел на ладони свои огромные башмаки и принялся кувыркаться через голову, раз за разом плюхаясь на зад. Зрителям стало очень смешно, они радостно отбивали ладоши. Подбодренный их реакцией, конюх отдал им честь, оскалил зубы, как будто собрался укусить лошадь в порядке мести, и возобновил погоню.

Уильям Макферсон пустил своего скакуна галопом, но Армстронг без всякого труда преградил ему путь, поймал и разозлил своим кривлянием. Негодующий наездник хотел спешиться и убрать негодника с глаз долой. Однако конюх, черпая силы в одобрении со стороны зрителей, обожающих сюрпризы, пустился наутек. Успех был огромным. Директору пришлось признать очевидное: никогда еще его публика не заходила в таком восторге. Питер Фланнаган не только не уволил конюха, но и попросил его повторить на завтра это представление. Чтобы никто не сомневался, что он

пьяница, конюху было предложено покрасить себе нос, да еще и одеться из рук вон плохо, в просторную не по размеру одежду, и обуть еще более длинные башмаки.

Появление конюха в таком виде восхитило публику. Он повторил все давешние ужимки, с той разницей, что разгневанный капитан Уильям Макферсон спрыгнул с коня, поймал кривляку и двинул его кулаком в живот. Публика подбадривала Армстронга оглушительными криками, доказывая, что зритель всегда занимает сторону того, кто ее смешит, а не того, кто прав. В тот же вечер капитан кавалерии Уильям Макферсон получил расчет, а конюх Джозеф Армстронг – прибавку к жалованью.

С того дня в конном театре Фланнагана всегда был аншлаг. Другие подобные ему театры стали изобретать своих собственных «пьяниц». Их нарекли clowns от слова clod, «деревенский увалень».

Принцип зрелища состоял в том, что клоун был «кривым зеркалом» наездника. Он пытался неудачно копировать его ухватки, чем и веселил зрителей. Сила их смеха зависела от броскости контраста между серьезностью наездника и неуклюжестью клоуна.

Для пущего эффекта наездник стал наряжаться во все белое, цвет благородства и чистоты, а клоун выбирал кричащие расцветки и лепил себе на нос багровую нашлепку.

На конные шоу без клоунов перестали ходить, шоу же с клоунами беспрестанно развивались. Вскоре пала и исчезла с арены даже былая звезда – лошадь.

Клоун стал выходить в белом гриме, начав именоваться белым клоуном, надевал белый головной убор и рисовал себе укоризненно задранную бровь.

Красноносый клоун назвался Августом (пародия на римских императоров) и напялил балахон в красную клетку, мятую бесформенную кепку и длиннющие башмаки, превращавшие в комедию каждый его шаг. Не говоря о кувyrках.

Сложился следующий сценарий: белый клоун поручал Августу какое-нибудь сложное задание. Тот внимательно слушал и обещал не подкачать. Но, вопреки всем советам и своим собственным стараниям, неуклюжий Август вытворял черт знает что под барабаны и цимбалы, подчеркивавшие комический эффект.

Но и это зрелище в конце концов приелось, и клоуны перешли в цирк, где сделались частью программы.

Тем не менее дети, а зачастую и их родители по-прежнему ценили их больше всего остального. Большинство клоунов становились

знаменитостями и богачами и завершали свои дни в роскоши. Что до Джозефа Армстронга, изобретателя ампула, то он в зените своей славы отправился во Францию, в Бретань, где примкнул к тайному обществу.

Там, вдали от взоров, он задался целью усовершенствовать грим, мизансцены и все гэги.

Большая история смеха. Источник GLH.

– Гм... Должна признать, что выгляжу виноватой.

Тадеуш Возняк упорно держит ее на мушке.

Лукреция Немрод ищет глазами Исидора, но тот как сквозь землю провалился.

Успел сбежать, забрав шкатулку. Теперь ВQT у нас. Я должна выиграть время. Как манипулировать этим человеком? Обычные отмычки здесь не подойдут. Страх не сработает, деньги тем более.

– Хорошо, я все объясню. Может, перейдем к вам, там будет поспокойнее?

– Нет, я предпочитаю здесь.

Соблазнение тоже не проходит.

– Все козыри у вас. Согласна, ваша взяла.

– Я так не считаю. Заявиться сюда, уничтожив мой театр и убив моего брата, – это... Вы не обидитесь, если я назову это наглостью?

Самолюбования он тоже чужд. Надо срочно нащупать что-то еще!

– Ладно, я все скажу. Грустный клоун – это не я. В убийстве вашего брата я подозреваю вас. Я здесь в поисках улики.

Правда – вот лучшее оружие.

Он изображает огорчение.

– Как вы понимаете, мне необходимо от вас избавиться.

Так, тогда – юмор. В конце концов, он на нем собаку съел.

– На вашем месте я бы не колебалась.

Он понимающе улыбается.

– При всем том я джентльмен. Поэтому я предоставляю вам выбор. Куда выстрелить – в сердце или в голову?

– А Я ТЕБЕ ГОВОРЮ, ЧТО ТЫ НИКОГО НЕ УБЬЕШЬ!

Оба оглядываются.

На пороге стоит Анна Магдалена Возняк, на ней ночная рубашка в желтый цветочек.

– Что ты здесь делаешь, мама? Иди спать! Я поймал на месте преступления воровку, вот и все.

– Я все слышала, ты грозил ее убить! Эту девушку я знаю, она журналистка «Геттёр Модерн».

– Ну и что?

– Это будет преступлением, Таду.

– Прекрати, мама, все серьезно. Скоро час ночи, что понадобилось здесь в такой час журналистке? Она проникла сюда с целью ограбления и прикинулась журналисткой для рекогносцировки. Ты клюнула на ее удочку. Иди спать, я все сделаю сам.

Но мать подскакивает к сыну и хватает его за ухо. Он кривится от боли.

– Кем ты себя возомнил, Таду? Не я ли меняла тебе подгузники и десять лет укладывала тебя баиньки? Не тебе говорить матери «иди спать»!

Вот ключ – матушка! Мне это не приходит в голову, потому что у меня не было родителей, но это могучая сила. Страх огорчить мать! Большинство мужчин при виде своих матерей превращаются в малых детей. Даже Цезарь и Аль Капоне наверняка боялись расстроить своих мамочек. Лучше не вмешиваться, она все сделает за меня.

– Мама, ты не понимаешь, чего от меня требуешь!

– Замолчи, Таду. Думаешь, я не знаю, чем ты занимаешься? Слишком долго я молчала. Все, хватит! Довольно крови, довольно мертвецов!

– Отпусти ухо, мама, больно! Может, это она убила Дариуса.

– Болтаешь что попало, лишь бы не признавать, что проштрафился! Будешь стоять на своем, придется намылить тебе язык.

– Нет, только не мыло...

Анна Магдалена хватает револьвер за дуло и кладет в карман своего халата.

Лукреция, воспользовавшись обстановкой, успевает сбежать.

За ней никто не гонится. Она покидает дворец и парк и бежит к кустам, где спрятала мотоцикл.

Она уверена, что Исидора давно след простыл, но он сидит в коляске, в шлеме, и играет на айфоне в какую-то игру.

– Я совсем заждался, – жалуется он.

– Могли бы остаться и вступить в бой! Все-таки вы трус, Исидор. Джентльмен не забирается в панцирь, как черепаха, когда женщине грозит опасность.

Он, поразмыслив, кивает головой.

– Ваша правда. А теперь, если не возражаете, давайте уедем отсюда, они обязательно бросятся за нами в погоню.

И они мчатся в ночь.

Отъехав на достаточное расстояние, Лукреция включает свою магнитолу. Звучит старый добрый «Пинк Флойд», Shine On You Crazy Diamond.

Мчась все быстрее, с Исидором в коляске, со шкатулкой BQT на

коленях, с выбившимися из-под шлема и трепещущими на ветру волосами, она впервые за долгое время чувствует настоящее удовлетворение.

1688 г.

Франция. Париж.

Пьер Карле де Шамблен де Мариво родился через пятнадцать лет после смерти Мольера. Сначала он учился праву, потом стал журналистом в «Нуво Меркюр», затем в «Спектатёр Франсэ». Женившись на девушке из аристократической семьи, он благодаря ее приданому быстро стал богат. Он заделался завсегдатаем парижских салонов и мечтал писать для театра.

1720 год стал для него фатальным. Сначала крах банка «Лоу» лишил его состояния. Потом с треском провалилась его первая пьеса «Ганнибал». В том же году умерла его жена.

И тут в его дверь постучался незнакомец. Он высоко оценил психологизм провалившейся на сцене драмы и посоветовал драматургу перейти с трагедий на комедии.

Он пригласил его посмотреть комедию дель арте и пьесы Мольера. Мариво возразил, что желает быть принятым во Французскую академию, а для этого необходима серьезная драматургия – трагедия.

Но таинственный незнакомец настаивал, что Мариво следует открыть для себя комический театр и не спешить с суждением, будто «популярность равна заурядности».

– Слезы проще вызвать, чем смех, – молвил загадочный гость.

Эти слова засели в голове Мариво.

– Понравиться критикам проще, чем широкой публике, – продолжил гость.

Это было удивительно, даже забавно.

– В конечном итоге народ – лучший судья, чем надутые самопровозглашенные аристократы духа в париках. Они следуют изменчивой моде, манипулируют ею, чтобы придать себе важности. Время покажет, насколько это очевидно.

– Кто вы? – не выдержал Мариво.

– Тот, кто указывает на ваш истинный талант.

– Нет, я чувствую, что вы недоговариваете.

– Скажем так: я принадлежу к группе влиятельных людей.

– К группе людей?..

– Мы – тайное общество, одна из целей которого – помочь хорошим авторам не погрязнуть в трагедии, когда они могли бы блистать в комедии.

– Что толку вызывать у людей смех? Смешно!

– Заставлять смеяться – значит принуждать запоминать. Комическое обладает свойством насыщать и образовывать толпу куда успешнее, чем трагическое. Речи, вызвавшие смех, у всех на языке, они далеко летят и долго живут. Вызывая смех, вы можете весьма преуспеть в улучшении поведения ваших современников. Как говаривали римляне, *castigat ridendo mores*, бичевать нравы смехом.

Заинтригованный этим загадочным посещением и словами о тайном обществе, помогающем авторам не погрязнуть в элитарной трагедии, Мариво попробовал силы в сочинении своей первой комической пьесы «Арлекин, воспитанный любовью». Она имела некоторый успех, позволивший ему продолжить. Последовала «Игра любви и случая».

Но, не желая ограничиваться простеньким театром, Мариво замахивался на философию. Он написал утопические «Остров рабов» и «Новую колонию», где стремился показать, что, при всех стараниях заключить реальность в жесткие рамки, подчинить ее старинным ритуалам и архаическим институтам, человеческая природа все преодолее и одержит верх.

Мариво написал больше тридцати пьес, в том числе «Двойное непостоянство» и «Безрассудные клятвы». Не добившись признания в кругу интеллектуалов, он утвердился в мире парижского народного театра.

Величайшим его противником был Вольтер, метивший в то же кресло во Французской академии. Они ненавидели друг друга. Вольтер считал соперника поверхностным, его театр легковесным. Мариво находил у Вольтера напыщенность и склонность к поучениям.

Заручившись необходимым влиянием, Мариво все же добился в 1743 г. звания академика.

Но, отвергаемый, невзирая на академическое кресло, критиками и парижской интеллигенцией, он сталкивался с растущими трудностями при постановке своих пьес, и успех у простонародья ничем не мог ему в этом помочь. При жизни его талант так и не будет по-настоящему признан, и он умрет в бедности, хотя и поддерживаемый тайными друзьями.

Только спустя столетие Сен-Бёв снова откроет его наследие и добьется, чтобы его пьесы опять ставились.

Теперь публика и критики будут единодушны в одобрении. Мариво станет вторым после Мольера автором комических пьес по числу постановок.

Большая история смеха. Источник GLH.

Рука Исидора медленно поглаживает крышку шкатулки с буквами ВQT.

Пальцы другой руки ползут к замочку шкатулки. Чтобы открыть крышку, не надо ничего поворачивать или отодвигать.

Лукреция отбрасывает его руку.

– Чего вы боитесь, Лукреция?

– У меня дурное предчувствие. Штуковина вроде этой побывала в руках у Дариуса Возняка. Где он теперь? Умер молодым.

Исидор Каценберг пожимает плечами.

– Не ребячьтесь, тексты не убивают. Это просто слова. А слова – это выстроенные построчно кучки рисунков-букв.

Он отталкивает ее плечом и открывает железную шкатулку. Не глядя на Луkreцию, он берет лежащий там документ, открывает и начинает читать.

Лукреция закрывает глаза.

Теперь он умрет. Все это расследование привело только к гибели самого дорогого мне человека.

Мари-Анж права, по сути я – мазохиста. За всеми моими действиями стоит одно желание: потерять то, за что я сильнее всего держусь. Сначала я хотела лишиться жизни, теперь лишусь Исидора.

Он продолжает читать.

Наблюдая за ним, молодая женщина начинает ерзать.

Долго еще это будет продолжаться? Наверное, этот анекдот длиннее, чем я думала.

Она напряженно ждет его реакции.

Он переворачивает страницу и читает дальше.

Там есть вторая страница?

У него серьезный вид, он кивает головой, переходит к третьей странице и вчитывается в нее с прежним прилежанием.

Еще и третья!

Кое-что его удивляет, кое-что вызывает особенный интерес, кое-что впечатляет, кое-что вызывает удивленную улыбку.

Дальше ждать невыносимо! Умрет он или не умрет?

Исидор Каценберг слюнявит палец и переходит к четвертой странице.

– Ну, что там?

– Это поразительно! – откликается Исидор.
– Что именно? Говорите же наконец!
– Скажите, пожалуйста! А я думал, что вы считаете это чтение смертельно опасным. Не хотелось бы становиться виновником вашей безвременной кончины. Вы так молоды!

Ну и нервнрует он меня!

Он переворачивает еще одну страницу.

– Дайте посмотреть.

– Нет уж, вам это может быть опасно. Я кое-как сопротивляюсь, а вы...

Еще поколебавшись, она пытается вырвать у него документ, но он успевает отпрянуть.

– Нельзя! Слишком опасно. Я вам перескажу.

Я хочу знать!

Лукреция Немрод снова пытается отнять у него документ, но в этот раз он поворачивается к ней спиной и, превратившись в живой щит, приступает к комментарию.

– Тут сказано, что некто изобрел ВQT более трех тысяч лет назад. Это был некий Ниссим Бен Иегуда, придворный советник царя Соломона. Он якобы создал тайную мастерскую для сочинения «магического текста, способного потрясти читающего до глубины души». Потом изобретатель умер.

Наверное, его угрбило его собственное творение.

Отказавшись от борьбы, Лукреция садится, готовая слушать дальше. Исидор устраивается напротив нее и продолжает чтение.

– Когда греки разрушили храм Соломона, еврей по имени Эммануил Вениамин сбежал с этим сокровищем в Афины. Там он передал его Эпихарму, тогдашнему автору комедий.

– Ни тот ни другой его не читали?

– Такова была рекомендация тем, у кого находился текст: не открывать и не читать.

– Что дальше?

– Дальше он путешествовал по рукам драматургов, писавших комедии: Аристофана, Менандра, Плавта, Теренция. Его следы затерялись в Риме, потом он всплыл в Галлии, у некоего Люсьена Самосатского.

– Как все это понимать?

– Слушайте дальше. В XIII веке франки-крестоносцы находят в подвале храма Соломона копию этого «волшебного манускрипта, запертого в синий ларец». Они заказывают его перевод с древнееврейского, и переводчики умирают. Но сами они придумывают, как защититься.

Он делает загадочную паузу.

– Они делят текст на три части и раскладывают их по трем ларцам. Клавший первую часть в первый ларец не смотрел на второго и не говорил с ним, второй не говорил с третьим и не смотрел на него. Так они сделали BQT транспортабельной и не слишком опасной.

Остроумно.

– Потом BQT попала в сокровища тамплиеров и стала их тайным духовным оружием. С его помощью они отомстили Гийому де Ногаре, Филиппу Красивому, Гийому Юмберу и даже папе Клементу. Здесь утверждается, что все они, так или иначе, ухитрились открыть ящик или ларчик, доставали оттуда бумагу, читали ее – и сразу выпускали дух.

– Значит, BQT – орудие кары проклятых королей?

Исидор Каценберг вместо ответа переворачивает еще одну страницу. То, что ждет его там, представляет, как кажется, немалый интерес.

– Ну?! – не терпится Лукреции.

– Потом тамплиеры перебрались в Шотландию, где основали при поддержке первого короля Шотландии Роберта I тайное общество.

– Великую ложу юмора?

– Они разработали ритуал, иерархическую структуру, костюмы, свое устройство. Первый шотландский великий магистр GLH звался Давидом Байолем. Официальный королевский шут, неофициально – серый кардинал и глава секретных служб.

В воображении впечатлительной зеленоглазой женщины появляются захватывающие картины: шотландцы в килтах, присягающие в укромном месте на верность... юмору.

У Исидора блестят глаза, как будто он пробует деликатесы.

– Из шотландской материнской ложи тамплиеры GLH расползаются по миру. Дюжина подается в сторону Испании и процветает в Толедо. Но королева Изабелла, узнавшая об их существовании от изменника из их числа, направляет на них инквизицию, чтобы завладеть сокровищем Соломона. Приходится членам испанской GLH использовать свое оружие против королевы, и та умирает от недуга, который никто в те времена не додумывается назвать инфарктом.

– Сколько исторических инфарктов в действительности были ударами тамплиеров, применявшими BQT!

– После этого несколько членов GLH, а с ними и насильно обращенные в христианство евреи, называемые марранами, бежали из Испании с Христофором Колумбом. Паруса каравелл несли символы тамплиеров: лапчатые кресты на белом фоне.

– Гонимые иудеи и тамплиеры GLH вместе ищут укрытие для BQT в Новом Свете?

Журналист читает про себя дальше, а потом досадливо объясняет:

– Ветвь, поселившаяся на карибском острове Санто-Доминго, прекращает существование, когда один из братьев по ошибке открывает ларец с надписью «Не смейте читать!».

По мнению Лукреции Немрод, BQT ведет себя как смертельный вирус: в любой момент может вырваться на свободу и начать разить тех, чья слабость – простое невинное любопытство.

Стоит задать вопрос «что это такое?» – и ты уже одной ногой в могиле. Есть еще копии. Сколько у смертельного вируса копий? Первый убийственный штамм BQT угас в Бретани, второй – в Америке. Но люди раз за разом утраивали его и таким образом сохраняли и множили. Своеобразная биология, где вместо цепочек генов – цепочки фраз.

Она необычайно заинтригована.

– Америка XV века... Еще одна отмершая ветвь?

– Зато шотландская продолжала расти.

– Копии в трех ларцах позволяют переводить и воспроизводить BQT?

– Похоже на то. Во всяком случае, английский король Генрих VIII послушался хитреца Томаса Мора и решил защитить «шотландских философов» – так их тогда называли.

Умельцев обращаться со смертельной шуткой из трех частей так, чтобы самим не пострадать.

– Томас Мор – писатель, изобретший слово «утопия»?

– Он самый. И он же – главный королевский советник.

Исидор переворачивает страницу, Лукреция подбирает под себя ноги – так ей удобнее слушать премудрость, которой делится с ней друг.

– Это приведет к крупным политическим последствиям. Ватикан, прознав о могуществе этого еретического духовного оружия, пожелает завладеть им любой ценой, применив всю силу, которой тогда располагал. Меряясь силами с папой Клементом VII, Генрих VIII решил отказаться от католицизма и основать англиканство. Новый король Испании Филипп II, тоже узнав об этой истории и возжелав любой ценой познать BQT, спустя несколько лет спустил на воду Непобедимую армаду, чтобы с папского благословения покорить Англию.

– Непобедимая армада? Морское сражение между тяжелыми испанскими галеонами и быстроходными английскими суденышками?

– Да, и сокрушительный разгром испанцев. Если я правильно понимаю то, что читаю, разгром этот был во многом вызван необъяснимым

сердечным припадком у испанского адмирала герцога Медина-Сидония, случившимся в разгар боя.

– BQT?

– Высказано предположение, что тамплиеры и здесь приложили руку.

Исидор наливает себе зеленый чай, читает и разъясняет:

– Но ветер меняет направление. Тамплиеры GLH боятся, что королева Елизавета I, дочь Генриха VIII, до сих пор поддерживавшая их, передумает. Они возвращаются в Шотландию, в штаб-квартиру своей материнской логи. Совершенно не участвуя в общественной жизни, они прячутся в замке и разрабатывают «кодексы жизни» Великой логи юмора. Франкмасоны становятся специалистами по строительству храмов, а они – специалистами по анекдотам. Творения первых рвутся ввысь и становятся все более изощренными, творения вторых – все короче и проще.

– Невероятно!

– Под влиянием GLH Шекспир напишет лучшую свою комедию, «Укрощение строптивой», Бен Джонсон – уморительную пьесу «Алхимик». Но в Англии период смуты. Шотландская GLH действует осторожнее, но в это самое время расцветают две другие ветви: итальянская и в особенности французская.

– Возвращение к истокам?

– Здесь говорится о великих магистрах, управлявших GLH: об отцах-основателях Эразме и Франсуа Рабле, потом о французах Лафонтене, Лесаже и Пьере Корнеле.

– Где же Мольер?

– О нем ни слова, только о Пьере Корнеле.

– Что потом?

– В этом расследовании говорится, что последним известным великим магистром GLH был в 1799 г. Пьер-Огюстен Карон де Бомарше. Он якобы умер, прочтя BQT.

– Бомарше?!

Журналист снова слюнявит палец и открывает последнюю страницу.

– Дальше!

– Это все. Расследование обрывается на Бомарше.

Журналисты умолкают. Оба чувствуют, что расследование окунуло их в параллельную историю, о которой ничего не сказано в учебниках.

Очень может быть, что это подделка, что одних фактов недостает, другие приукрашены, но нет сомнения, что все это – совершенно новый взгляд на историю.

Юмор и защитники юмора – тайные инициаторы мировой политики,

защитники ценностей гуманизма.

Их оружие – комедия, фарс, анекдот.

И абсолютное оружие: ВQT.

Исидор подходит к окну и вдыхает полными легкими парижский воздух, как будто силится переварить этот непомерный объем невероятной информации.

– Послушайте, это просто документ, а не та самая ВQT, «шутка, которая убивает». Это значит, что версия об убийстве Тадеушем Возняком своего брата Дариуса скукоживается, как шагреновая кожа, – говорит ему Лукреция.

– Не будьте ребенком, Лукреция. У любого есть право ошибиться. Это живая жизнь, а не роман. В жизни люди выдвигают предположения, позволяющие изучать версии большей или меньшей состоятельности. Мне кажется, что мы проделали немалый путь.

– Мы выбивались из сил, идя по ложному пути. Но кое-что мы накопили – материал для вашего романа. А я занимаюсь журналистским расследованием смерти Дариуса, и в нем я застряла на мертвой точке.

Исидор, вспомнив какую-то подробность, берет документ и вертит его так и эдак.

Теперь у него вид победителя.

– Что еще вы нашли?

– Взгляните, чьим именем подписана эта памятка.

1794 г.

Франция. Париж.

Механизм настенных часов ожил, раздалось тиканье. Довольный Пьер Бомарше слышал доносящиеся с улицы звуки. Он повернулся к окну и увидел проплывающие за ним головы, насаженные на пики.

«Все это зашло слишком далеко», – пронеслось в его голове.

Он продолжил отладку часовой пружины.

От отца, профессионального часовщика, Пьер де Бомарше унаследовал вкус к сложным механизмам, которые вдруг начинают работать сами по себе и долго не ломаются.

Снаружи чернь начала горланить «Карманьолу». Пьер де Бомарше открыл окно и увидел толпу, спешащую на площадь Шатле, где была установлена гильотина.

Он закрыл глаза, отложил инструменты часовщика и погрузился в воспоминания.

В 24 года Пьер де Бомарше женился на Мадлен-Катрин Обертен, женщине на десять лет старше его, очень состоятельной. Через год она умерла, и его заподозрили в убийстве жены. Состоялся суд. Он был вынужден отказаться от честолюбивых стремлений, хотя его вину так и не доказали.

Но брак Пьера де Бомарше, смерть жены, наследство – все это было только начало его карьеры авантюриста. В 1759 г. благодаря умелым интригам он был принят учителем игры на арфе к дочерям Людовика XV. Он подружился с королевским финансистом и с его легкой руки занялся рискованным инвестированием. Он быстро сколотил состояние и получил звание «королевского секретаря».

Вот теперь он смог предаться главному своему удовольствию – сочинению комических текстов. Он писал пьесы для мелких театров: «Сапоги-сорокоходы», «Зирзабель», «Жан-дурак на ярмарке».

Потом он женился на Женевиеве-Мадлен Ваттельблед. Та умерла при обстоятельствах, схожих с обстоятельствами смерти его первой жены, и тоже спустя год. И снова он получил наследство, в этот раз еще более крупное. Новый судебный процесс по подозрению в убийстве и в присвоении наследства. Эти юридические тревожнения вдохновили его на «Юридические мемуары».

Снова он вывернулся, в третий раз женился – на Марии-Терезе Виллермолаз – и начал карьеру королевского шпиона. Побывал в Нидерландах, Германии, Австрии, где даже угодил в тюрьму за вредительство. После освобождения подался в Англию за письмами, находившимися у шевалье д’Эона, другого французского шпиона, прикидывавшегося для незаметности женщиной.

В 1775 г. Пьер де Бомарше поплыл в Соединенные Штаты для изучения политического положения в стране по просьбе министерства иностранных дел. Там он открыто занял сторону борцов за независимость от Англии и убедил короля Людовика XVI тайно снабжать восставших оружием. Через португальскую компанию он стал продавать американцам порох и боеприпасы и разбогател. Он даже умудрился передать сторонникам независимости целую частную флотилию, предназначенную для нападения на английские суда.

Теперь, богатый, знаменитый, добившийся поддержки короля Людовика XVI, он отдал должное своей давней страсти и сочинил первую комическую пьесу из четырех актов, «Севильский цирюльник», поставленную в «Комеди Франсез» и немедленно снискавшую славу. За ней последовала пятиактная «Женитьба Фигаро». В 1790 г. он примкнул к революционерам и стал членом Парижской коммуны. На этом посту Пьер де Бомарше использовал свою сеть торговли оружием, раньше помогавшую Американской революции, для вооружения войск Робеспьера.

Он поддерживал власть, что позволило ему основать общество авторов-сочинителей и впервые добился признания законности авторских прав. Наконец-то литературные произведения обрели полноправных авторов. Те, кто приобретал авторские права, теперь должны были выплачивать авторам дивиденды.

Бомарше отложил часы.

На площади ликовали все громче, и он не мог сосредоточиться, чтобы доделать работу. Пришлось закрыть окно.

В дверь постучали. Он открыл дверь и узнал одного из членов GLH. Тот запыхался и был багровым от натуги.

– Бегите, магистр, они сейчас нагрянут! Главное, спасайте то, что надо спасти.

Пьер де Бомарше быстро отпер свой сейф и достал драгоценный ларец с надписью «Не смейте читать» и буквами BQT.

Немного помедлив, он спрятал ларец в мешок. В коридоре уже раздавался стук сапог и звон оружия.

Он схватил часы, пистолет, скрипку и спрятал все это в другой мешок, побольше.

Стражники забарабанили в дверь. Он едва успел скрыться через запасной выход. Соратник из GLH ждал его с лошадьми. Они понеслись, как ветер.

Удалившись на безопасное расстояние, они перешли с галопа на рысь.

– Что произошло? – спросил Пьер де Бомарше своего спутника.

– Члены Комитета общественного спасения рехнулись, они изобличают и убивают друг друга. Робеспьер заделался кровавым тираном. Они схватили даже Дантона!

– Дантона? Сумасшедшие!

– Кровопролитие влечет кровопролитие. Теперь придется держаться от них подальше.

– Куда мы едем?

– Далеко.

Но внезапно перед ними выросла преграда. Со всех сторон их окружили стражники.

– Берите это и спасайтесь! Им нужен я!

И соратник ускакал, забрав бесценный мешок.

Бомарше схватили и бросили в тюрьму под названием «Аббатство». Суд над ним привлек огромное внимание. Благодаря своему ораторскому таланту он избежал эшафота, а потом при помощи сохранивших влияние друзей бежал в Гамбург. Дождавшись, пока улягутся революционные страсти, он вернулся во Францию в 1796 г. и написал воспоминания. В 1799 г., от всего устав, этот часовщик, арфист, дипломат, шпион, контрабандист, автор комических сочинений и прозаик решил свести счеты с жизнью. В возрасте 67 лет он отправился в Бретань, добрался до потайного места, миновал несколько дверей и открыл драгоценный ларец, оставленный там человеком, подсказавшим ему в разгар террора уносить ноги.

Через несколько секунд он умер с широкой улыбкой на устах.

Большая история смеха. Источник GLH.

Весь потолок закрыт скелетом динозавра. Кажется, его усеянные острыми зубами челюсти готовы снова кусать и рвать на части.

Исидор Каценберг и Лукреция Немрод посещают Музей естественной истории.

– Да, это я провел расследование по заказу Циклопа. Все, так или иначе, причастные к миру юмора, когда-либо работали на Дариуса Возняка. Таково требование эпохи. На те жалкие гроши, которые мне платят как ученому Национального центра научных исследований, прожить невозможно. Поэтому я и составил эту историческую памятку. Этот труд был щедро вознагражден.

Профессор Анри Лёвенбрюк ведет их по галерее «Эволюция». За гигантами-динозаврами притаилась живность помельче. Вереница рептилий, словно движущаяся в сторону обретения ума, наводит молодую журналистку на занятные мысли, которые она спешит занести в свой блокнот.

– Почему Дариус так неровно дышал к ВQT? – спрашивает она.

– Как вы, вероятно, знаете, сейчас разворачивается всемирное противостояние двух видов юмора – ремесленного и индустриального. Индустриальный уже практически победил. Сильные все активнее пожирают слабых. Таков закон эволюции. Динозавры едят ящериц.

– Динозавры вымерли, – напоминает Лукреция Немрод.

– На данный момент война еще идет. В ней поставлено на карту много сложных вещей. Понятно, что сторона, владеющая ВQT, будет иметь серьезный перевес над противником. ВQT – этот Грааль, вернее, Эскалибур, священное оружие, и тот, кто им владеет, легитимен, в отличие от того, кто не смог им завладеть.

– Вы выбрали себе окоп, – заключает она. – Вы на стороне динозавров, против ящериц.

Профессор Анри Лёвенбрюк поглаживает свою седую бороденку.

– Скорее, на стороне юмора будущего, против юмора прошлого.

– Вы заблуждаетесь, никакое это не будущее, – уверенно говорит Лукреция. – Возможно, юмор будет последним бастионом, который устоит против власти денежного мешка. Промышленная формула всегда будет уступать ремесленной. Малая форма может быть удачливой. Ждите сюрпризов!

Она указывает пальцем на фрагмент декорации, изображающий метеоритный дождь, погубивший динозавров. Здесь же, неподалеку, – следующее звено эволюционной цепочки: покрытый шерстью теплокровный зверек вроде землеройки.

– То же самое говорили о музыке. Знаете, что представляет собой верхняя полусотня, те «Топ-50», которые слушает молодежь? Это мелодии, сварганенные из проверенных в прошлом во всем мире образцов. Специалисты просто перезаписывают их так, чтобы избежать обвинений в плагиате.

– Никто не хочет рисковать, – поддакивает Исидор.

– Если риск и есть, то он высчитывается математически. Графики – вот чем манипулируют маркетологи. Они и есть новейшие мэтры экономики. Последний штрих – нанесение позолоты и блесок: клипы, разноцветная одежда. Содержание заменяется оберткой.

Профессор показывает пестрых пернатых – маленьких павлинов, иллюстрирующих закономерности эволюции.

– Здесь нет места ни разнообразию, ни новизне, – стоит на своем Лукреция.

– Продюсеры – что музыкальные, что в сфере юмора – стремятся к широчайшему консенсусу. Творческих людей издавна просят не противоречить модным тенденциям.

Историк указывает на чучела пингвинов.

– С юмором будет в точности так же. Смех стал коммерческой продукцией, как и все остальное.

Они медленно прохаживаются перед слонами, львами, леопардами, страусами, газелями.

– Ваши изыскания обрываются после отъезда Бомарше в Карнак. Вам удалось выяснить, что такое BQT? – спрашивает Исидор.

Они добрались до крупных обезьян: горилл, шимпанзе, орангутангов.

– Бомарше – последний великий магистр, которого я смог идентифицировать с GLH. В конце концов он не удержался, не смог воспротивиться своей тяге к знанию. Он открыл ящик Пандоры, прочитал текст и умер.

– Ваше мнение, что это за текст?

Потухший взгляд профессора загорается.

– Мое мнение? Это волшебство, нечто необыкновенное, невероятно могущественное. Духовная атомная бомба! Альберт Эйнштейн раскрыл тайны материи, и появилась атомная бомба. Ниссим Бен Иегуда раскрыл тайны юмора, и появилась BQT.

И тут Лукреция застывает. Слева от построенных по росту приматов, все лучше держащихся на нижних конечностях, со все более прямой спиной, она вдруг различает фигуру ростом с восковой манекен.

За мной следит грустный клоун!

Она трет глаза.

– Попала соринка, Лукреция?

– Галлюцинация... Наверное, я устала. Пора заморить червячка, а то у меня будет приступ гипогликемии.

Это дело мне не по плечу, уже ум за разум заходит... Только этого не хватало! Такие галлюцинации опасны.

Профессор Анри Лёвенбрюк не обращает на нее внимания, он поглощен совсем другим.

– Вокруг этого дела поднялась политическая возня, и ею нельзя пренебрегать. Вот какой вывод я сделал, готовя этот доклад. В наше время юмор – оружие, причем как экономическое, так и – прежде всего – политическое.

«Машины американского, русского и китайского президентов останавливаются на одном перекрестке. На стрелке, указывающей вправо, написано «КАПИТАЛИЗМ», на стрелке, указывающей влево, – «СОЦИАЛИЗМ».

Американский президент уверенно сворачивает направо. Сначала все хорошо, потом появляются трещины, масляные лужи, машину заносит, покрышки лопаются на гвоздях. Президент приказывает починить колеса и ехать дальше. Русский президент сворачивает в социализм, сначала все хорошо, потом дорога покрывается грязью, он вязнет, с трудом разворачивается, возвращается на перекресток и там сворачивает в капитализм.

Китайский президент смотрит налево, смотрит направо и говорит водителю:

– Поменяй указатели местами и поезжай в социализм».

Из скетча Дариуса Возняка «Зависит от точки зрения».

В китайском ресторане «Зачарованная пагода» совершенно пусто. В огромном освещенном аквариуме снуют оранжево-белые рыбки, озадаченные судьбой своих соплеменниц, завершивших жизненный путь на раскаленной сковороде.

Юркая официантка, вылитая юмористка Ин Ми, проигравшая дуэль ПЗПП, предлагает паре клиентов меню из сотни блюд, поделенное на главы: птица, рыба, говядина, свинина.

Исидор выбирает креветки на пару, Лукреция – утку по-пекински.

Владелец «Пагоды», желая предоставить своим гостям все мыслимые удовольствия, повесил над аквариумом огромный телевизор, непрерывно показывающий новостные выпуски.

Молодая журналистка понимает, почему Исидора потянуло в этот ресторан.

Он не может обойтись без мировых новостей, даже когда ест.

– У вас переутомление, Лукреция. Настало время отдохнуть.

Он наливает ей пиво «Цзин Тао». Она уплетает закуску – креветочные чипсы.

– Какова дальнейшая увеселительная программа, дорогой коллега?

– Не знаю. Мы в тупике. У меня достаточно материала для романа, а что касается расследования, то даже не знаю, как в нем продвинуться.

Официантка приносит заказ, и оба принимаются ловко орудовать палочками.

– Вы допускаете, что ВQT может быть эффективной, то есть что от смеха можно умереть?

– Не обессудьте, но в это я верю не больше, чем в Санта-Клауса, зубную фею, Песочного Человека и демократию.

– А я убеждена, что это и есть ключ ко всему расследованию. Надо обязательно понять, как можно убить... текстом!

Он наслаждается едой.

– Неистребимое расхождение между нашими с вами концепциями расследования, Лукреция! Я пытаюсь узнать почему, а вы – как. Странно, обычно вопрос «почему» волнует женщин, а вопрос «как» – мужчин. Вдруг в нашем биноме женщина – это впрямь я?

Он хохочет во все горло и давится едой, начинает задыхаться, багровеет, пытается откашляться, демонстрирует признаки асфиксии.

Официантка-китаянка наблюдает, ничего не предпринимая. Лукреция с размаху хлопает его по спине, но толку нет. Тогда она обхватывает его руками и стискивает в надчревной области. Непроглоченный кусок пищи вылетает как из пушки и падает за аквариумом.

Он просит прощения, с трудом восстанавливает дыхание, опять пытается смеяться с глазами, полными слез. Молодая журналистка садится и продолжает пить пиво.

– Убедились, что от смеха можно умереть? Вы чуть не задохнулись. Хотите еще доказательств?

– Спасибо, Лукреция.

Его веселое расположение не проходит.

– Зададимся вопросом: что смешит вас, Исидор? В какой момент вы хохотали сильнее всего?

Он наливает пива себе и жадно пьет, следя за пузырьками, поднимающимися в янтарной жидкости.

– Мне было семнадцать лет. У меня впервые случился любовный акт, и в процессе меня разобрал смех. Девушка решила, что я смеюсь над ней, оскорбилась, сбежала и потом отказывалась со мной встречаться. Второй подружкой я намеренно избрал неумную хохотунью. В момент нашего одновременного оргазма мы оба захохотали. Год потом не расставались.

Зачем он мне это рассказывает? Я прошу рассказать о смехе, а слышу о его сексуальных победах.

– Что, кроме любви, вызывало у вас безумный смех?

– Титры к фильму «Монти Пайтон и Священный Грааль»! Мне было восемнадцать лет, я еще не знал, что это за ребята. Увидеть систему с первых же гэгов, с титров, было настолько ново и удивительно! Я расхохотался, а так как никто в зале, кроме меня, не смеялся, на меня стали шикать, но меня от этого еще сильнее разобрало. Такой безумный смех надо бы запретить!

Он играет с палочками.

– Да, для меня искренний смех – бунт индивидуума против большинства. «Монти Пайтон» отлично работают с таким троллингом.

Она ест свою утку по-пекински. Выбирает косточку и принимается ее шумно обсасывать.

– А вас что смешит, Лукреция?

– Есть одно давнее-предавнее воспоминание про то, как меня рассмешил анекдот...

– Вот откуда эта ваша вера в силу анекдота!

– Там к врачу приходит пациент в цилиндре. Врач спрашивает: «На что

жалуетесь?» Человек приподнимает цилиндр, под ним лягушка, прилипшая лапами к лысине. Врач в ужасе спрашивает: «Давно это у вас?» Ему отвечает не больной, а лягушка: «Началось с простой бородавки...»

Исидор едва не падает со стула от смеха. Лукреция удивлена успехом своей шутки.

– Замечательно, тут вся суть в абсурде!

– Когда мне это рассказали, мне было четырнадцать лет. У меня как раз были бородавки, меня это ужасно смущало. Анекдот помог это пережить. А у вас какой любимый анекдот?

– Я их не запоминаю. Услышу – и сразу забываю.

– Сделайте усилие!

– Разве что такой, совсем коротенький: «Доктор, у меня провалы в памяти. – Давно? – Что «давно»?»

– И все? Не смешно.

– А мне смешно, потому что я боюсь болезни Альцгеймера. Это тоже анекдот-экзорцизм.

Она вдруг умолкает и прирастает взглядом к телеэкрану.

– Черт, сегодня же двадцать седьмое марта!

– И что с того?

Она указывает на экран с теленовостями.

Журналист ведет репортаж от зала «Олимпия». У него за спиной огромная афиша со знаменитым глазом с сердечком. Перед дверями прославленного мюзик-холла бурлит толпа.

Лукреция Немрод вскакивает с места.

– Бежим!

– Куда, зачем? Можно хоть раз спокойно поужинать?

– В «Олимпии» начинается большой гала-концерт «Памяти Циклопа».

«Циклопчик спрашивает папу:

– Почему я в классе один одноглазый?

Отец читает за завтраком газету и не отвечает.

– Папа, почему только у меня один глаз, а у всех остальных два?

Почему, папа?

Отец опускает газету и цедит:

– Потому что ты циклоп, а циклопы одноглазые.

Ребенок молча размышляет. Потом спрашивает:

– Почему циклопы одноглазые?

Отец загораживается от сына газетой.

– Ну, папа, папа, почему циклопы одноглазые?

Отец зло бросает газету.

– Прекрати крутить мне яйца!»

Из скетча Дариуса Возняка «Жизнь артиста».

Сердечко в глазнице.

У входа развевается флаг Дариуса. На фасаде «Олимпии» сияет огромная неоновая надпись «ПАМЯТИ ЦИКЛОПА».

Черные лимузины один за другим высаживают звезд, их тут же расстреливают вспышками выстроившиеся стеной фотографы.

Меры безопасности впечатляют. Теперь это не «розовые костюмы» «Циклоп Продакшен», а черные, из службы охраны Стефана Крауза: они стоят на всех входах, в том числе для VIP-персон.

– Очень жаль, но вы не можете пройти.

Лукреция показывает свою карточку прессы.

– К сожалению, все места расписаны по гостям, вашего имени в списках нет.

– Я знаю Стефана Крауза лично, – не отступает Лукреция. – Спросите его самого, если сомневаетесь.

Бдительный страж соглашается позвонить своему начальнику.

– Очень жаль, но свободные места закончились уже три дня назад. Мы вынуждены всем отказывать.

– Я – журналистка «Геттёр Модерн».

– В таком случае можете не беспокоиться, ваш журнал уже представлен. Мадам Тенардые или что-то в этом роде.

Лукреция и Исидор прекращают борьбу. Они обходят здание «Олимпии». У входа для артистов топчутся, чтобы согреться, курильщики.

– Цель оправдывает средства, – говорит Лукреция.

Увидев парочку розовых клоунов, примерно соответствующих телосложением ей и Исидору, она манит их в пустой вестибюль, где, угрожая револьвером, связывает обоих и удаляется, забрав все клоуновское облачение.

Исидор немного ослабляет веревки и кладет недалеко их мобильные телефоны, чтобы обоим было нетрудно освободиться и позвать на помощь.

– Неудачный момент для политеса! – фыркает Лукреция.

– Они уступили нам свою одежду, я просто отвечаю услугой на услугу.

Переодевшись, оба проникают в театр вместе с группой клоунов. В следующую секунду охрана запирает двери, чтобы не пропустить журналистов.

– Браво, пути отступления перерезаны.

– Спрячемся где-нибудь и будем наблюдать. Все действующие лица в сборе.

Они замечают «розовый костюм» с песьей головой, кружащий в поисках кого-то или чего-то, и пятятся, чтобы не попасться ему на глаза. В следующую секунду их хватают за руки.

– Вот и вы, сразу оба, вас уже обыскались! Поторапливайтесь, начало через несколько минут.

Дело в цифрах у них на спине. Лукреция и Исидор осматривают друг друга, оба помечены цифрой 19.

– Наверное, мы – дуэт, – в тревоге бормочет Исидор.

«Розовый костюм» с песьей головой смотрит в оба, но деваться некуда.

Ассистент заталкивает их в большую комнату, к другим клоунам, одетым, как они.

Они гримируются, беря пример с остальных, приклеивают себе красные носы, надевают черную повязку на глаз и вместе с толпой вываливаются в коридор.

Все комики, даже самые известные, загримированы точно так же.

Подбегает нервный ассистент с наушником в ухе.

– Все выучили текст? Учтите, не будет ни бегущей строки, ни суфлера.

Исполнителям раздают напитки, на экране сцена.

Лукреция узнает в группе Феликса Четтэма. Тот, к счастью, так занят заучиванием своего текста, что не обращает на нее внимания. Громкоговоритель предупреждает:

– Две минуты!

Напряжение растет. «Розовый костюм» с песьей головой не шевелится – не иначе, что-то почуял.

– Я чувствую себя как парашютист перед прыжком, – шепчет Лукреция. – Только маленькая деталь: без парашюта.

– Можно глупый вопрос, Лукреция? Можете не отвечать. Почему вы решили, что нам обязательно нужно быть здесь?

– Я тоже развиваю в себе женскую интуицию, Исидор.

– Пускай. Кого вы подозреваете?

– Одного из клоунов. Интересно видеть столько потенциальных убийц Дариуса в одном месте и в одно время, да еще при обстоятельствах почти как при убийстве. Вы же знаете: убийца всегда возвращается на место преступления.

Журналист пожимает плечами, она его не убедила.

– Тридцать секунд, – пугает громкоговоритель.

Лукреция указывает на пожарного, сворачивающего сигарету.

– Пожарный Фрэнк Тампести, мой первый свидетель, тоже здесь. Доверьтесь мне хотя бы в порядке исключения, давайте поступим по-моему.

Исидор вскидывает брови.

– У меня нехорошее предчувствие. По-моему, лучше сделать ноги, как только уйдет этот костолом с песьей башкой. Будем смотреть представление из укромного местечка.

– Пять секунд, четыре, три, две, одна, – разорвется громкоговоритель. – Тишина на площадке! Мотор! Поехали!

Начинает звучать симфоническая музыка.

В луче одного прожектора медленно разворачивается огромный портрет Дариуса.

Первым перед публикой предстает Стефан Крауз в роли конференсье. Зал встречает его аплодисментами. Он ждет, пока они стихнут.

– Впервые увидев Дариуса, я сказал ему: «Рассмешите меня, у вас три минуты». Я включил хронометр. Ровно через пятьдесят шесть целых две десятых секунды он заставил меня задохнуться от хохота. Его больше нет, но его магия жива. Прошло двадцать лет, и я не боюсь сказать, что Дариус по-прежнему меня смешит. Еще долгие века он продолжит смешить миллионы людей.

Зал аплодирует.

– Дариус бессмертен. Он навечно останется в наших сердцах. Я хорошо его знал и могу вам сказать, что за личиной потешного клоуна скрывался необыкновенный человек: высококультурный, невероятно щедрый, беспримерно отважный. Потому, наверное, его и нарекли не просто Циклопом, а Дариусом Великим.

Буря оваций.

Стефан Крауз объявляет программу представления и зачитывает список комиков, которые, нарядившись по примеру Дариуса в розовых клоунов, исполнят его скетчи.

Звучит музыка, раздвигается занавес, Феликс Четтэм в сопровождении десятка девушек, розовых клоунесс, заводит первый скетч, подражая голосу мастера:

– Приветствую, друзья мои, я – призрак Дариуса, вселившийся в Феликса, ух, как мне приятно, что по случаю моей смерти вы собрались в еще большем числе, чем на мои спектакли...

Зал реагирует одобительно.

Клоуны за кулисами облегченно переводят дух. Первый парашютист прыгнул удачно. Зал смеется, начало положено. Остальным будет легче.

– Терпеть не могу пародистов. Они воруют голоса, – говорит юмористка в клоунском наряде. – Они – хамелеоны, у них нет собственной окраски, вот они и заимствуют чужую.

– Мне Феликс Четтэм вообще не кажется смешным.

– Вы только его послушайте, он возомнил себя новым Дариусом!

Юмористы презрительно посмеиваются. Лукреция удивлена их недоброжелательности.

– Я вам говорил, комики – злобный народец, – шепчет Исидор.

– Во всех профессиях об отсутствующих коллегах принято говорить гадости. Сами знаете, как у нас в «Геттёр Модерн» перебивают за обедом косточки всем журналистам!

– У комиков еще хуже, безжалостность – их ремесло.

Лукреции Немрод нечего добавить.

– Больше не вижу розового громилу с песьей башкой. Идем?

Они уже готовы улизнуть, но к клоунам пожаловал Стефан Крауз, и они остаются.

– Номер два, скорее, Феликс уже закругляется. Поправьте грим и марш на стартовый рубеж! Встаньте к белой полосе, иначе вас не снимет боковая камера.

– У них расписан порядок выхода, – шепчет Исидор. – Пока дело дойдет до номера девятнадцать, мы успеем придумать, как отсюда смыться.

Клоуны продолжают отпускать комментарии.

– Дариуса готовятся объявить святым, хотя все знают, что он воровал чужие сценки, – ворчит клоун под номером 13.

– Под конец ему даже воровать было лень, его бригада посещала все комические представления и собирала удачные находки. Высший пилотаж.

– Заставить мошенничать в твоих интересах других, – подхватывает номер 15.

Собакоголовый «розовый костюм» возвращается и садится в кресло напротив гримерной.

На сцене выступает со своим скетчем второй номер. Остальные комики наперебой обсуждают его.

– Этот гэг ему не удался, – замечает номер 13.

– А с этим проскочило, – говорит номер 15.

– Теперь он забыл текст! Это все марихуана, если столько курить, совсем память отшибет! – радуется номер 11.

– Публика не отреагировала на его «пережаренного цыпленка». Это был его крупный калибр. Бедняга уже использовал все боеприпасы!

Через несколько минут клоун возвращается к коллегам за кулисы.

– Ну и как вам? – тревожно спрашивает он.
– Шикарно! – заверяет его клоун номер 13.
– Ты их околдовал! Ты можешь вить из них веревки! – подхватывает номер 11.

– Зал был твой с потрохами! – вносит свою лепту номер 15.
– Точно? Вы уверены? У меня в какой-то момент было впечатление, что я недотягиваю...

– Просто ты перфекционист.
Готовится номер 3. Остальные его поддерживают.
– Мы будем держать за тебя кулачки!
Удивительно, каждый думает, наверное, что злословят о ком угодно, только не о нем самом!

Номер 3 ныряет под световой душ прожекторов. Клоун номер 13 провожает его глазами и говорит остальным:

– Если хотите знать мое мнение, Дариуса угробил кокаин. Он стал так им увлекаться, что уже дрожал на сцене. Говоришь с ним, а у него в ноздрях белый порошок!

– Видите? – спрашивает одними губами Лукреция. – Они что-то знают о его смерти!

– Я вижу одно: нам будет нелегко унести отсюда ноги.
– Если его причислят к лику святых, то это будет первый святой-кокаинист, – выпаливает клоун номер 24.

Все хохочут.
– Лично я не встречал таких злобных людей, как Дариус, – делится наблюдением клоун номер 11.

– А до чего алчный! Никогда не ходил в ресторан с кошельком! С ума сойти: жить во дворце и не платить по счету!

– Тот еще был «человек из народа»! Зависимых от него людей он гонял в хвост и в гриву, оскорблял официантов. Чаевые и он – взаимоисключающие понятия.

– И он еще играл сценку об официанте, наказывающем клиентов-скряг!

Снова смешки.
Из туалета появляется бледный Феликс Четтэм, его там стошнило. Все умолкают. Потом клоун номер 13 бормочет у него за спиной:

– Совершить на сцене промах – вот его «призрак»!
Звучит одобрительный смех.

Очередная сценка пользуется успехом. Вызывают клоуна номер 4. Он зовет за собой других участников своего номера.

Тем временем Стефан Крауз напоминает со сцены, что Циклоп не только смешил, но и основал Школу смеха и Театр Дариуса, чтобы поддерживать новое поколение комиков.

Какой удивительный контраст между всем хорошим, что звучит о нем со сцены, и всем плохим, что болтают за кулисами! Не знаю, что и подумать...

– Идемте, кажется, путь свободен, – зовет Исидор.

Но в тот самый момент, когда они собираются улизнуть, клоун номер 7 отвешивает молодой журналистке звонкий шлепок.

– Что, вошла во вкус? Жду не дождусь увидеть тебя на сцене!

Удивленная Лукреция вглядывается в лицо с красным носом и перевязанным глазом.

Мари-Анж!

– Ты хоть знаешь, что должна делать пара номер девятнадцать? – насмешливо интересуется та.

Лукреция невозмутима.

– Знаменитый скетч Дариуса «Раздевание», стриптиз под болтовню.

Молодая женщина сжимает кулаки.

– Сейчас не время привлекать к себе внимание, – шепчет ей Исидор.

– А-а, ты здесь с папочкой! А я принимала тебя за сиротку! Поздравляю, ты его нашла! – не унимается Мари-Анж.

Лукреция кусает губы.

– Знаешь, что всегда меня в тебе огорчало, Лукреция? Отсутствие чувства юмора! Ты насмешила меня только в то Первое апреля. Превзойдешь себя сегодня?

Лукреция уже готова ей врезать, но Исидор, знающий нрав своей партнерши, успевает встать между ними.

– Приготовиться номеру семь, – звучит голос распорядителя.

– Увы, друзья мои, как мне ни хочется продолжить эту беседу, долг превыше всего.

Исидор наклоняется к уху Лукреции:

– Учтите, в следующий раз, увидев, что вы не владеете собой, я вас оставлю. Не собираюсь терять время на неврастеничку, не умеющую держать себя в руках и кидающуюся на людей, как бык на красную тряпку. Бежим!

Но далеко им не уйти. Собакоголовый охранник возвращается, и им приходится терпеть дальше.

Остальные клоуны, ожидающие своей очереди, продолжают судачить.

– Эта Мари-Анж Джакометти, похоже, спала с Дариусом, –

сплетничает клоун номер 11.

– Не только с ним, но и с его братьями. И со всей охраной заодно!
Веселый смех.

– А по-моему, Дариус был молодцом, – возражает клоун номер 9. – Я женщина, а он не только помогал мне, но и всегда проявлял уважение.

– А как же, ты ведь не такая красотка, как Мари-Анж, ты годишься для фильмов Феллини, а не для фильмов Тима Бертон.

Смех.

– Ну и пусть, зато Дариус был настоящей звездой, а вы – шайка завистников. Если бы не этот вечер его памяти, вам бы не видать «Олимпиады» как своих ушей!

Выкрикнув это, номер 9 пятится, чтобы не получить оплеуху от посрамленных коллег.

Не желаю быть вместе с волками.

Молодая научная журналистка не сводит глаз с экрана, надеясь на провал своей бывшей приятельской подружки. Но та, подстегиваемая, должно быть, желанием ее впечатлить, превосходит себя и заставляет публику кататься от хохота.

И тут из громкоговорителя раздается: «Изменение программы, вместо номера восемь выйдет пара номер девятнадцать, приготовьтесь!»

Исидор и Лукреция застывают как в столбняке. Охранник не сходит с места, теперь его развлекает беседой пожарный Фрэнк Тампести.

О побеге можно не мечтать! Попались как мыши в мышеловку!

– Один вопрос, Лукреция. Я последовал за вами, положившись на вашу интуицию. Теперь нас зовут на сцену. Что мы, собственно, будем там делать?

Она смотрит в листок с текстом, полученный от распорядителя, но не может сосредоточиться, чтоб выучить его наизусть за двадцать секунд. Исидор обливается потом.

За ними уже идут. Ассистент ведет их туда, откуда видна заканчивающая выступление Мари-Анж. Последний взрыв смеха, и зал награждает ее благодарными аплодисментами.

Занавес закрывается, Мари-Анж возвращается за кулисы. Наступает очередь номера 19.

Мари-Анж появляется в первом ряду партера. Сцена снова залита светом, Стефан Крауз объявляет в микрофон:

– Теперь мы выходим на международный уровень. Поприветствуем пару из Квебека, Давида и Ванессу Битоновски! Они сыграют нам сценку «Стриптиз». Предупреждаю, это будет незаурядное зрелище!

Ассистент манит пару к белой полосе.

– Вам везет, публика хорошо разогрета.

Лукреция и Исидор ждут посреди сцены, касаясь лицами красного бархата занавеса.

Как странно, это очень похоже на другое, давнее мгновение...

Красный бархатный занавес медленно открывается.

То давнее мгновение – это... мое рождение.

Когда-то у меня была мама, я была у нее внутри.

Когда-то вокруг было черно, потом я увидела красные стенки, они разошлись, и я оказалась на свету.

А потом были взгляды. Люди смотрели на меня и чего-то от меня ждали.

Тяжелый красный занавес «Олимпии» раздвигается, и два журналиста оказываются перед набитым до отказа залом, под сотнями нацеленных на них взглядов.

За слепящими прожекторами Лукреция различает телекамеры, напрямую передающие картинку еще миллионам глаз во Франции и всем франкоговорящим в мире.

Она чувствует, как по шее потоком стекает пот. В первом ряду сидит министр культуры, при нем гроздь политиков. Тут же знаменитые актеры и семеро выступивших раньше клоунов.

У всех доброжелательные лица.

Она видит Мари-Анж, та ей подмигивает.

Справа еще политики, журналисты, Кристиана Тенардые в вечернем туалете, с ожерельем на шее, похожем на стетоскоп.

Что-то в момент моего рождения пошло не так.

На меня смотрели и чего-то от меня ждали.

А я не делала этого.

Стоящий рядом с ней Исидор тоже превратился в соляной столб.

Правда, он чуть улыбается и телепатически транслирует ей простой вопрос:

Ну, дорогая моя Лукреция, что теперь?

«Трое хоронят общего друга. Стоя над гробом, они гадают, что сказали бы о них, если бы на его месте, в незакрытом еще гробу, лежал один из них.

– Мне бы, – говорит один, – хотелось услышать, что я был хорошим отцом семейства, любим детьми и женой, никогда их не подводил.

– Мне бы, – говорит второй, – хотелось услышать, что я был отличным преподавателем, умел привить моим ученикам трудолюбие.

– А мне, – говорит последний, глядя в гроб, – хотелось бы, чтобы люди сказали: «Смотрите-ка, он шевелится!»

Отрывок из скетча Дариуса Возняка «Последняя воля на краю пропасти».

– Начинайте! – шепчет из-за кулис ассистент.

Лукреция Немрод и Исидор Каценберг не шелохнутся, совсем как кролики, ослепленные фарами готового их раздавить грузовика.

Исидор будет на меня зол, но я чувствую нечто, что определит продолжение нашего расследования, и понять это можно, только примерив на себя то, что испытывают на сцене юмористы.

Она старается не мигать.

Когда я родилась, на меня тоже смотрели, ожидая, что я что-то сделаю, но я этого не делала, и они забеспокоились...

Обращенные на нее взгляды пронзают ее, как стрелы.

Я умираю.

Нет, умереть – это гораздо лучше. У смерти нет последствий. Труп редко вызывает смех. В худшем случае он жалок. Сотни людей здесь и еще миллионы телезрителей удивляются: «Чего она ждет, почему не смешит нас?»

Я больше не существую.

На меня смотрят только для того, чтобы убедиться, что меня нет, – ужаснейшее чувство, какое я когда-либо испытывала.

В конце концов, даже в то 1 апреля, устроенное Мари-Анж, я была смешна только прыцавым девчонкам.

А здесь тысячи, нет, миллионы глаз...

Я умираю.

Что будет дальше?

Мне хочется пошевелиться, но никак не получается.

Медленно дышать. Заставлять биться сердце. Глотать.

Что меня сюда привело?

И эта Тенардь в переднем ряду!

Следящая за мной Мари-Анж.

Вся эта жизнь – огромный заговор с целью приблизить эту секунду, когда я бью все рекорды отчаяния.

Я чувствую, что разрушаюсь изнутри. Черная дыра в сердце всасывает мою плоть, мою душу.

МНЕ КОНЕЦ.

Единственное утешение – что в этой чудовищной ситуации я не одна.

У меня есть товарищ по несчастью. Еще одно ужасное совместное

испытание.

ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ СЕЙЧАС?

В зале нарастает недоумение.

Некоторые от смущения грызут ногти.

Двое клоунов на сцене, один высокий и толстый, другой маленький и щуплый, стоят, стиснув зубы и не проявляя никаких чувств.

В больничной палате, в день моего рождения, моя собственная мать, наверное, считала меня жалкой, заслуживающей пощечин, и переживала, что нельзя наказывать ребенка уже в первые секунды его жизни.

А Я ЗАСЛУЖИВАЛА НАКАЗАНИЯ.

Хорошего шлепка, который научил бы меня приличиям: родилась – изволь сказать «здравствуйте, спасибо, пожалуйста».

Здравствуй, вселенная.

Спасибо, жизнь.

Спасибо родителям, что меня зачали.

Спасибо матери, что носила меня девять месяцев и превращалась из-за меня из красотки во что-то бесформенное.

Спасибо матери за то, что терпела головокружение, обмороки, отяжелевшие груди, и все по моей вине.

Спасибо акушеркам, что извлекли меня из липкой утробы, с моими узкими плечиками, с большой головой, с вывернутыми коленками и с ручками как у разломанной марионетки.

Спасибо матери, что вынесла боль моего появления на свет.

Но я, такая неблагодарная, ничего этого не сказала.

Потому, видать, она меня потом и бросила. Мой отец тоже был, наверное, там, среди смотревших на меня людей, тоже ждал, что я что-то сделаю, и был разочарован тем, что я этого не делала.

В зале, за кулисами, за телекамерами, на сцене уже безраздельно властвует тревога. Ничто не может ее ослабить. 5, 10, 20 секунд безмолвия. Каждая секунда растягивается на много минут.

– Чего вы ждете? Говорите текст и раздевайтесь! – подсказывает паническим шепотом ассистент.

Но двое загримированных в клоунов журналистов по-прежнему в параличе.

Чего все они ждали от меня, только что народившейся? ЧЕГО? Что я забыла сделать? Почему я всех их разочаровала в первые же мгновения существования?

Минуты стали часами.

Ручейки пота у нее на шее сливаются в широкий поток.

Теперь понятно, почему за выступление на сцене платят так много. Это тяжелейшее испытание. Все эти жадные глаза... И как он мерзок, страх не сумеет рассмешить!

Дариусу Возняку тоже, наверное, знаком был этот тошнотворный мандраж, и он компенсировал его наркотиками, насилием.

Часы становятся годами. В ее голове проносятся картинки из жизни, от появления на свет до выхода на публику в «Олимпии». Она видит лица акушеров, похоть на лице Мари-Анж, удивление не узнающей ее Тенардье, черные круги объективов и красные диоды над ними, каких-то раздосадованных людей – она подозревает, что это ее родители... Внезапно кое-кого осеняет. Некто в белой маске хватается ее за ноги, ставит на голову, отвешивает ей шлепок.

Подделом мне, так и надо поступать со зловердными младенцами, не обученными приличиям и не ведающими, как себя вести.

Так всегда и надо со мной обращаться, раз я всех разочаровываю.

Потому родители от меня и отказались.

Ей устроили заслуженную взбучку. Ее наказывали и продолжают наказывать за неподобающее поведение.

Неожиданно для себя самой Лукреция оглашает зал «Олимпии» истошным визгом.

Исидор остается безучастным.

Лукреция Немрод не перестает визжать.

Смятение в зале достигает апогея, оно как набухшая черная туча, готовая пролиться дождем. И вдруг где-то в задних рядах раздается смех.

Наверное, первозданный вопль со сцены напомнил зрителю его собственный крик при рождении. Его смех превращается в приступ безудержного хохота. Остальной зал пока что безмолвствует.

Мизансцена: огромный неподвижный толстяк, смотрящий в никуда, маленькая женщина, надрывающаяся в крике. И чей-то неукротимый хохот в глубине зала.

Это тройственное исполнение не оставляет зал равнодушным. Камеры показывают крупным планом Лукрецию.

Копящийся в туче дождь не может не пролиться. То же и в зале: смеющемуся начинают вторить еще двое.

Не могут сдержаться еще несколько человек, теперь уже в первом ряду: они нервно хихикают, как фыркают перед стартом лошадки, словно ожидая отмашки, чтобы расхохотаться во все горло.

Волю своему веселью дают уже два десятка человек.

Дальше происходит чудо – настоящий ливень смеха.

На протяжении нескончаемых секунд гремит дружный смех. Публика смеется над собой, над своей способностью смеяться без причины. Два клоуна на сцене при этом остаются без движения: один успешно имитирует соляной столб, другой захлебывается криком.

Не знаю, что со мной.

Не знаю, что с ними.

Зал смеется все громче.

Она знает, что ассистент кричит им из-за кулис непотребства, но не обращает на это внимания.

Лица в первом ряду покраснели от смеха, некоторые показывают на клоунов пальцем, приглашая своих соседей в свидетели всей этой нелепости.

Как же их уродует смех! Лица искажены и плывут, как расплавленный пластилин.

Крик продолжается, смех тоже.

Секунды скрежещут, как зубья несмазанного механизма.

Люди напротив хохочут, даже телеоператор не выдерживает и снимает очки, чтобы вытереть слезы.

Наконец она, задохнувшись, умолкает. Зал поступает так же.

Она икает и ударяется в рев.

Грандиозный триумф! Все вскакивают и рукоплещут волнующему представлению.

Вот чего ждала от меня вселенная с момента моего рождения: крика и слез.

Я обманывала ожидания всех вокруг тем, что забывала разораться и разреваться перед ними. Я делала это тайком, но на людях – никогда.

Потому меня и считают «суровой и бессердечной».

Раз уж я родилась, то должна была дышать, чтобы выжить. С тех пор у меня привычка дышать, так я выживаю. Но я обошлась без вопля ликования, издаваемого всеми людьми в момент начала великого жизненного приключения.

Это – «спасибо» новорожденного.

Крик младенца, счастливого оттого, что родился.

Крик, означающий «ОХ, КАК Я ДОВОЛЕН, ЧТО ПОЯВИЛСЯ НА СВЕТ, ЧТО ЖИВУ, ЧТО ВЫ – МОИ РОДИТЕЛИ!»

Этот крик я издаю только сейчас, все это чувствуют, отсюда их облегчение, их смех.

Некоторые никак не отсмеются.

Исидор по-прежнему неподвижен. Но Лукреция утратила

непроницаемость, из ее глаз струится влага.

Наконец-то их заслоняют два спасительных щита: это сходятся половинки красного бархатного занавеса.

Они слышат гром неумолчных аплодисментов.

Ассистент, недавно клявший их на чем свет стоит, теперь рассыпается в поздравлениях.

Получилось! Черт возьми, получилось! Я рассмешила толпу! Я сделала это!

На фоне красного бархата появляется конференсье Стефан Крауз. Покашляв, он обращается к постепенно стихающему залу:

– Что ж, порой юмор – это молчание. Это как у Моцарта: тишина, следующая за скетчем Дариуса, – это снова Дариус. Но тишины оказалось мало, и Ванесса сумела сказать свое слово. То был крик боли, поток слез, вызванный уходом нашего друга Дариуса.

Зрители опять не жалеют ладоней.

– Все мы дали высокую оценку их новому прочтению скетча «Стриптиз». Что может быть строже полного отказа от игры и простого горестного воя? Как я уже говорил, раньше вы были лишены удовольствия смотреть на Давида и Ванессу, этот комический дуэт специально прилетел из Квебека, чтобы отдать дань памяти Дариусу Великому. Поприветствуем их еще сердечнее!

Гремит единодушная овация.

Исидор и Лукреция никак не выйдут из столбняка, так им легче пережить это страшное мгновение. Сердца у обоих готовы выскочить из грудной клетки, оба задыхаются.

Лукреция хватает и сильно стискивает руку Исидора.

– Я думал, что сейчас умру, – признается без затей он.

А мне показалось, что это рождение.

– Американский комик Энди Кауфман так уже пробовал в семидесятых: минута полного молчания, без слов и мимики. У него получилось. В такой обстановке это был единственный выход, – лепечет Исидор как в бреду.

– Бросьте делать вид, что все предусмотрели, не прикрывайтесь авторитетами. У нас была паника, она нас и спасла. Мы ничего не сделали, и это оказалось правильнее всего. А я заорала, потому что...

Потому что снова пережила свой первый провал, повлекший все последующие.

– Потому что...

– Потому что ожидание было невыносимым.

Они решают досмотреть представление из-за кулис.

Остальные комики смотрят на них со смесью страха и недоверия.

Лучше не спрашивать, какого они мнения о нашем выступлении.

Они садятся и смотрят на экран.

Стефан Крауз возвращается на сцену и объявляет неожиданный номер.

– Встречайте друга, коллегу, а главное, крупного продюсера. Приветствуем брата Циклопа собственной персоной: Тадеуш Возняк!

На Тадеуше розовый костюм и галстук-бабочка цвета фуксии. В знак приветствия он прикрывает тремя пальцами правый глаз.

Потом пожимает Краузу руку, крепко его обнимает.

– Дорогой Стефан! Можно называть тебя Стеф? Так вот, Стеф, я знаю, как тебя ценил Дариус и как он был тебе обязан. Не сомневайся, если он сейчас смотрит на нас сверху, то ему наверняка нравится этот вечер в его честь, нравится этот зал, где собрались все его друзья и почитатели.

– Спасибо, Тад. Ты – замечательный человек!

– Не за что, Стеф. Знаешь, в тот вечер, когда не стало моего брата, я сидел здесь, в «Олимпии», в первом ряду. Вспоминаю его последний скетч. Хочу прочесть его вам сегодня.

Тадеуш Возняк разворачивает листок и читает. Последнюю фразу он произносит медленно, почти по слогам:

– «...он... расхохотался... и... умер».

Зал вскакивает в едином порыве и аплодирует.

Исидор вытирает салфеткой лицо. Другую салфетку он протягивает партнерше.

Та говорит нейтральным тоном:

– Подождите. Мне надо в туалет.

Лукреция толкает дверь с соответствующим обозначением. В ее распоряжении две кабинки. Она дергает одну, вторую ручку. Занято.

Только этого не хватало! Я сейчас описаюсь!

Она колотит в дверь, торопя засевшую в кабинке особу. Голос оттуда просит ее потерпеть.

Она умывает лицо ледяной водой. Редко когда эта процедура доставляет ей такое удовольствие.

Родись я в бассейне, не нужно было бы ни плакать, ни кричать. Только поплыть. Потому, наверное, меня так восторгает плавание Исидора в компании дельфинов. Надо приобрести нового Левиафана.

Она вздрагивает от неожиданного громкого звука.

В гримерной по соседству хохочет мужчина, хохот уж больно бурный.

Охваченная предчувствием, Лукреция выбегает из туалета, бежит на

хохот и оказывается перед дверью гримерной Тадеуша Возняка.

К ней присоединяется Исидор Каценберг, за ним топает пожарный Фрэнк Тампести.

Тадеуш заходится хохотом. Лукреция уже пытается высадить дверь, пока безуспешно. Она бьет в дверь ногой.

Смех в гримерке сменяется криком агонии. Слышится удар, звук падения. Сбегается целая толпа.

Пожарный уже ищет в своей связке нужный ключ, но волнуется и никак не находит.

Лукреция боится, что так он провозится до завтра, и предпочитает нырнуть в группу сотни поклонников, после панегирика Тадеуша потянувшихся к выходу. Исидор, уловивший ее мысль, торопится за ней.

– Туда! – кричит она. – Он там!

Она переходит на бег, потом вдруг замирает. Исидор налетает на нее и чуть не сбивает с ног.

– Я видела его! Грустного клоуна!

Она тяжело дышит. Внезапно клоун снова мелькает в конце коридора.

– Вон он!

– Эй! Стой!

Грустный клоун озирается и бросается наутек.

– Ловите его! Ловите! – кричит Лукреция.

Но столпотворение поклонников сковывает их движения.

Грустный клоун бежит вверх по лестнице, толкает дверь, ныряет в верхний проход. Журналисты, преследуя его, оказываются над сценой, под ними десять метров пустоты.

Беглец хорошо виден.

Зал внизу внимает новому скетчу в исполнении клоуна номер 13.

– Ловите его! – кричит Лукреция вслед убегающему.

Но грустный клоун хватается за канат и соскальзывает вниз, на середину сцены.

Удивленный 13-й клоун и его артисты застывают.

Грустный клоун делает кувырок и прикрывает тремя пальцами свой правый глаз. Зал, решив, что его продолжают смешить, хлопает.

Лукреция и Исидор спускаются тем же способом и тоже оказываются в центре сцены. Публика узнает их и радостно кричит:

– Давид! Ванесса!

Они тоже закрывают себе правый глаз, тоже кое-как кувыркаются и срывают аплодисменты.

Лукреция и Исидор имеют возможность проверить справедливость

закона Анри Бергсона: юмор функционирует еще лучше при повторе.

Тем временем грустный клоун, всех растолкав, кидается к запасному выходу и выскакивает на улицу.

Журналисты видят, как он прыгает на мотоцикл и срывается с места.

Они гонятся за ним на своем мотоцикле с коляской.

Промчавшись по бульвару Итальянцев с двусторонним движением, они вылетают на бульвар Пуассоньер, где движение одностороннее.

Мотоцикл уверенно мчится в лоб машинам, распугивая одни и виляя между другими.

Мотоциклу с коляской недоступна эта наглость во всей полноте. Лукреция с трудом избегает столкновения с грузовиком, проскакивает в сантиметре от легкового автомобиля, слышит брань разъяренного пешехода – и вынуждена отказаться от погони, чуть было не повиснув на автобусном бампере.

– Что дальше, Лукреция?

– Вы сделайте что хотите, а мне срочно надо в туалет.

«Деревня, живущая только туризмом. Но из-за экономического кризиса туристы заглядывают сюда очень редко.

Месяц проходит за месяцем, экономические перспективы расцениваются в деревне все пессимистичнее.

Вдруг появляется турист. Он снимает комнату и платит купюрой в 100 евро.

Он еще не дошел до своей комнаты, а хозяин гостиницы уже бежит к мяснику, которому задолжал 100 евро.

Мясник несет 100 евро крестьянину, поставляющему ему мясо.

Крестьянин спешит вернуть долг проститутке, с которой приятно проводил время.

Проститутка замыкает круг, расплачиваясь с хозяином гостиницы, пускавшим ее в номера в кредит.

Когда она кладет 100 евро на стойку, турист, спустившийся сказать хозяину, что ему не нравится номер и что он уходит, забирает деньги и исчезает.

Ничего не истрачено, не заработано, не потеряно.

Зато в деревне больше нет должников. Разве не так устраняется мировой экономический кризис?»

Из скетча Дариуса Возняка «Простой политический анализ».

Акт III

Умереть со смеху

«МИР ЮМОРА СНОВА ПОРАЖЕН В САМОЕ СЕРДЦЕ».

«БРАТ ЦИКЛОПА УМИРАЕТ ПОСЛЕ КОНЦЕРТА В ПАМЯТЬ О ДАРИУСЕ».

«ТАДЕУШ ВОЗНЯК УМИРАЕТ ПРИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, СХОЖИХ СО СМЕРТЬЮ БРАТА».

С такими заголовками выходят на следующий день газеты.

В теленовостях в час дня этот сюжет идет первым:

– «Олимпия» в глубоком трауре. После вечера памяти Дариуса родной брат звезды Тадеуш Возняк скончался вчера вечером от инфаркта, находясь в одиночестве в своей гримерной. На месте трагедии находится наш специальный корреспондент...

Камера показывает гримерную артиста и нарисованный мелом на полу контур человеческого тела.

– ...Да, Жером, смерть Тадеуша поражает, он ушел из жизни там же, в той же самой гримерной, что и его прославленный брат Дариус. Об этой странной кончине я буду говорить с доктором Патриком Боуэном, патологоанатомом парижского Института криминологии. Итак, доктор Боуэн, как бы вы объяснили эту вторую смерть, когда нет ни следов, ни улики?

Камера показывает специалиста крупным планом.

– На этой стадии следствия ничего нельзя утверждать. Тадеуш Возняк находился один в своей гримерной, запертой на ключ изнутри. Там он скоропостижно скончался от сердечного приступа. Судя по оставшейся на его лице улыбке, он не испытал боли.

– Не считаете ли вы, доктор Боуэн, что причина – некий свойственный этой семье порок сердца?

– Есть и такая версия. И Дариус, и Тадеуш вели чрезвычайно активную жизнь. Окружавшие их люди утверждают, что они курили, пили, недосыпали. Театральное представление – нелегкое испытание для организма и для души. Я считаю, что оба брата могли страдать одной и той же сердечной недостаточностью. Более точные данные сможет дать вскрытие.

– Благодарю, доктор Боуэн.

Корреспондент сообщает:

– Президент республики направил соболезнование семье. Тадеуша

Возняка похоронят в семейном склепе на кладбище Монмартр во вторник в 11 часов.

– «ПРОКЛЯТИЕ ВОЗНЯКОВ НАНЕСЛО НОВЫЙ УДАР», знак вопроса. Или сразу три вопроса? Как вам такой заголовок? – спрашивает Кристиана Тенардье.

– Лучше не придумашь! – звучат несколько подобострастных голосов.

– Неудивительно, что вам нравится: это предложение руководства. Но оно никуда не годится, а знаете почему? Потому что с этим заголовком уже вышли две ежедневные газеты. У вас что, нет времени на чтение прессы? Ну и ну! Ищем что-то другое, гораздо лучше!

Заведующая редакцией «Общество» вооружается зубочисткой и принимается ковырять в зубах. Кажется, ей доставляет удовольствие вызывать у окружающих отвращение. Она демонстрирует, что может позволить себе все что захочет и что никто не посмеет ее критиковать.

Два десятка журналистов делают вид, что записывают или читают записи.

– «БРАТЯ: ПРОКЛЯТИЕ ЮМОРА»? – предлагает ретивый, как всегда, Максим Вожирар.

– Неплохо. Что еще?

– «СЕРИЙНЫЙ ЗАКОН В «ОЛИМПИИ»?

– Прямо как спагетти-вестерн. Еще?

– «ПАДЕНИЕ ДОМА ВОЗНЯКОВ»?

– Привет Эдгару По. Дальше? Иссякли? Как бы нам не отстать от конкурентов. Подумать только, ведь я видела умершего за несколько минут до смерти! Меня вечно обвиняют в том, что меня не бывает на месте события, но в этот раз я оказалась в эпицентре драмы. У меня могли бы взять интервью как у свидетеля. А где Лукреция? Разве не она ведет журналистское расследование смерти Дариуса? Как назло, когда она могла бы оказаться полезной, ее нет! Кто-нибудь что-нибудь о ней знает?

Несколько журналистов отрицательно крутят головами, довольные, что в прицел начальницы попали не они.

– Флоран! Вы ее лучший друг. Знаете, куда она подевалась?

Он изображает полное неведение.

– Тем лучше! Это капля, переполнившая чашу терпения. Завтра я ее уволю.

Дверь открывается, появляется Лукреция. Сев в свое кресло, она

поправляет рыжие волосы.

– Извините за опоздание.

– «Извините» звучит как приказ. «Прошу меня извинить» – вот как надо выражаться. Надеюсь, вам есть чем нас удивить. Как ваше расследование, мадемуазель Немрод?

Молодая женщина сбрасывает пиджак и опять остается в шелковой китайской блузке, в этот раз тоже фиолетово-черной, но с вышитым слоном.

– Тадеуша убили, – сообщает научная журналистка.

Кристиана Тенардые закидывает обе ноги на стол, сверкая подошвами сапог.

– Знаем мы эту вашу рабочую гипотезу. Пока что вы не можете этого доказать. Судя по данным вскрытия, это был, как назло, сердечный приступ.

– Тадеуша убили точно таким же способом, как Дариуса. Убийца действовал так же. То же самое оружие, то же самое место, те же самые обстоятельства.

– Ну и что это за загадочное «оружие», по-вашему?

Лукреция Немрод тяжело вздыхает, словно утомилась повторять одно и то же.

– Текст. Такой, который при чтении убивает.

– Что же это за смерть?

– От смеха.

Вся редакционная планерка, переварив услышанное, насмешливо фыркает.

– Как бы нам самим здесь не помереть от смеха, мадемуазель Немрод. Думаю, вам слегка недостает опыта, вы еще не умеете отличать смехотворные версии от возможных.

Молодая женщина не отвечает. Пережитое в «Олимпии» научило ее силе молчания. Она смотрит на заведующую и вызывающе молчит.

Это создает напряжение, и заведующая редакцией «Общество» считает необходимым его прервать:

– Знаете, мадемуазель Немрод, вы сейчас напомнили мне Ванессу и Давида, немых клоунов из «Олимпии»!

У смотревших концерт по телевизору такое же впечатление.

Бунтовать рано. Пока что действует правило: «Подчиниться, чтобы возобладать».

Прикинусь, что я такая же, как все они, иначе окажусь одиночкой в башне, как Исидор.

Помню его совет: «Единственный способ достучаться до кретина – сказать ему комплимент. Комплимент создает у кретина впечатление, что вы его понимаете, и он уже вас любит».

– Я очень вам признательна, Кристиана, – лебезит Лукреция. – Благодаря бюджету расследования и вашему доверию я нашла улики, представляющие интерес. По-моему, интуиция вам не изменила.

И она демонстрирует синюю шкатулку с позолоченными буквами BQT и надписью «Не смейте читать». Еще она показывает клочок фотобумаги.

– Ах, это? Вы уже это показывали. Есть что-нибудь поинтереснее?

– В прошлый раз я показывала шкатулку из гримерной Дариуса. Это другая, ее пожарный подобрал в гримерной Тадеуша.

Она выкладывает на стол вторую шкатулку, в точности такую же.

– Вы были правы, Кристиана. Убийца орудовал этим оружием.

– Как насчет отпечатков? – спрашивает Флоран Пеллегрини.

– Из-за них я и задержалась. Я только что из лаборатории криминалистики. Отпечатков нет. Но я видела убийцу, он был в перчатках.

Она протягивает рапорт об экспертизе.

– Вы видели убийцу? – удивленно переспрашивает Тенардь.

– Конечно.

– И кто же он? – спрашивает она с ухмылкой.

Молодая журналистка показывает сделанную ею фотографию, на которой можно различить лицо.

– Вижу красный нос, грим, парик, шапку. Оpozнание невозможно, – ворчит заведующая редакцией.

– Мы его упустили, но его остановил... автобус.

В редакции снова хихикают.

– Вы отдаете себе отчет, что вы нам тут скармливаете, мадемуазель Немрод?

Тенардь ищет по карманам сигару, находит, нюхает, обрезает на своей гильотинке, закуривает и выдыхает клубы скепсиса.

– Во всяком случае, у меня есть версия, связывающая эти две смерти. Больше ни у кого из журналистов версий нет, – настаивает Лукреция.

– Бла-бла-бла. Шкатулки, черные бумажки, клоуны с неразличимыми физиономиями, завиральные непроверяемые версии. Короче, у вас нет ровным счетом ничего для статьи, достойной называться статьей. Из всего этого можно состряпать сумасшедший роман, но не серьезную статью.

– Две одинаковые смерти в одном и том же месте, при одинаковых обстоятельствах, да еще от...

Кристиана Тенардь резко встает и хлопает ладонью по столу.

– От инфаркта! В этой семье так уже бывало. Моя бедная Лукреция, я решила: с этого момента вы официально уволены. Причина увольнения – в том, что вы всего-навсего...

– ...журналистка, хорошо делающая свое дело.

Эти слова произнес только что вошедший мужчина.

Заведующая редакцией окидывает его взглядом с головы до ног.

– «Здравствуй, призрак!» Исидор Каценберг? Какими судьбами? В этой редакции вам не рады. Вам здесь давно нечего делать. У нас рабочее совещание, вас на него не приглашали. Уйдите!

Но журналист вместо того чтобы подчиниться, разваливается в глубоком пустующем кресле, обитом бежевой кожей.

– Если вы хотите ответов на вопросы, вам без нас не обойтись. Без мадемуазель Немрод и без меня.

– Вы никому не нужны, Исидор. Вы только и делаете, что превращаете всех в своих врагов. Потому вас отсюда и выпроводили. Как я выпроваживаю сейчас эту своенравную пустышку.

– Вы этого не сделаете.

– Не вам мне указывать, что делать, мой бедный Исидор. Вы – журналист-неудачник, не более того. Предлагаю вам уйти самому, не вынуждайте вызывать охрану.

Он не соизволит шелохнуться.

– Через три дня мы найдем убийцу, оружие и мотив убийства братьев Возняк. Мы с Лукрецией уже сильно продвинулись в расследовании. Скоро мы придем к его победному завершению. Вам не хуже, чем мне, известно, что другие журналы не посылали своих репортеров по следу убийцы. Хотите получить эксклюзив, настоящую сенсацию по досье Возняков – придется рискнуть и довериться нам. Мне. И Лукреции.

Никто не реагирует, поэтому Исидор спокойно продолжает:

– Насколько я знаю, журнал не в том положении, чтобы отказаться от такой возможности из пустой гордыни. Не думаю, что руководство благосклонно отнесется к чинимому вами произволу. Вы сводите личные счеты, а это непрофессионально.

Лучшая защита – нападение. Есть сила – бей.

Кристиана Тенардье сильно затягивается сигарой, словно ищет поддержки у никотина. Ее журналисты, до того безмолвствовавшие, теперь шушукаются.

Исидор достает лакричный леденец без сахара, медленно снимает обертку и начинает шумно сосать, нагло глядя на заведующую. Та колеблется, потом тушит сигару в пепельнице.

– Что вы, собственно, нашли?

– Услуга за услугу. 1) Вы не увольняете мадемуазель Немрод. 2) Вы выделяете нам новый бюджет на расследование. Мы уже понесли расходы порядка трех тысяч евро. 3) В случае сбоя вы нас прикроете. Все это фиксируется письменно, с подписью и датой.

Тенардые поджигает новую сигару. Она взвешивает все за и против, переглядывается с остальными, ища поддержки. Флоран Пеллегрини кивает – соглашайтесь, мол.

– Даю три дня. Ни дня больше.

– Отлично! Идемте, Лукреция, работаем дальше.

Он берет партнершу за руку и уводит ее из этого места, которое считает нездоровым.

– Терпеть вас не могу, Исидор! – кричит им вслед Тенардые. – Мне все в вас не нравится: походка, голос, манеры!

Он останавливается и оглядывается.

– Я тоже вас не люблю, Кристиана.

– Что бы ни произошло, вам не будет места в этой редакции.

– Очень надо! Меня всегда воротило от тюрем и от тюремщиков. После ухода из этого журнала у меня наладился сон. Меня больше не мучит совесть.

Остальные реагируют глухим ропотом.

Этот человек мне все больше нравится.

Кристиана Тенардые давит в пепельнице только что раскуренную сигару.

Мимо внимания ее журналистов не прошло, что ей в кои-то веки дали отпор.

Разбитая в лобовом бою, она пытается напасть с фланга:

– Один вопрос, Исидор. Вы сами ничего этим не приобретете: ни славы, ни денег. Зачем вы помогаете этой девчонке? Знаю, знаю! Захотелось ее поиметь, да? Тогда другой вопрос: зачем так усложнять себе жизнь? Довольствуйтесь какой-нибудь шлюхой! Раз вы погрязли в юморе, то вот вам до кучи: в чем разница между платной и бесплатной любовью? Бесплатная обычно гораздо дороже.

Она смеется собственной шутке, остальные журналисты неубедительно изображают смех.

Исидор пожимает плечами.

– У Лукреции есть кое-что, чего вам, Кристиана, не видать как своих ушей. – Глядя на нее в упор, он договаривает: – Настоящий журналистский талант.

«Бродяга, стоя над канализационным люком, повторяет:

– Тридцать три, тридцать три, тридцать три...

Прохожий спрашивает:

– Чего ты заладил «тридцать три»?

Бродяга сталкивает его в люк и заводит:

– Тридцать четыре, тридцать четыре, тридцать четыре...»

Из скетча Дариуса Возняка «После меня хоть потоп».

Лукреция делит с Флораном Пеллегрини не отдельный кабинет, у них отгороженный низкой стенкой закуток в общем зале. У каждого свой компьютер с большим экраном, гора непрочитанной почты, гора прочитанной, несколько полезных журналов.

Остальные журналисты следят за ним издали, еще не переварив апломба, с каким Исидор отбрил ту, перед которой все они привыкли пресмыкаться.

Исидор уже включил компьютер и открыл папку «текст».

– Итак, что мы имеем? Мы имеем войну «розовых костюмов» Дариуса Возняка...

– «Темных», – подсказывает Лукреция.

– ...и Великой ложи юмора, к которой примкнул Тристан Маньяр.

– Это «светлые».

– Есть еще третье действующее лицо, грустный клоун, пока что он кажется независимым.

– Этот пусть будет «синим». Шкатулка, которую он подсылает, всегда синяя, – предлагает журналистка. – Я все больше убеждаюсь, что форма его лица под гримом мне знакома... – добавляет она про себя.

– У меня тоже впечатление, что я где-то его видел.

К ним присоединяется Флоран Пеллегрини. Сейчас глубокие морщины на лице умудренного журналиста похожи на мимику радости, так он доволен встречей с давним коллегой.

– Как тебе работается с нашей малышкой? – небрежно интересуется он.

– Все как обычно, – отзывается Исидор.

– Одна подробность, – вступает в разговор Лукреция. – Дом Исидора затопило, в моем случился пожар, поэтому мы ютимся в отеле. Запиши, Флоран, вдруг захочешь нас навестить: отель «Авенир» на Монмартре, комната восемнадцать.

Флоран Пеллегрини чиркает в блокноте.

Исидор ищет в «Гугле»: «грустный клоун».

На экране пронумерованы лица клоунов с фамилиями и с именами авторов грима. Ни одно не совпадает с тем, за кем они гнались.

Флоран Пеллегрини подъезжает к ним в своем рабочем кресле.

– Совсем забыл, Лукреция, у тебя много почты. Тебя не было

несколько дней, она все время съезжала с твоего стола, я все убрал в ящик.

– Спасибо, Флоран, это подождет.

Она поглощена изучением грустных клоунов.

Старый журналист пожимает плечами.

– Давай я наскоро проверю, почту нельзя забрасывать, а то потом в ней утонешь.

Он по одному вскрывает конверты длинным ножом в форме ятагана, потом принимается за посылки.

– погоди! – кричит Лукреция.

Она указывает на синюю лакированную шкатулку, которую он только что вынул из коричневой обертки. Взяв с бесконечными предосторожностями шкатулку, она опускает ее в прозрачный полиэтиленовый пакет.

Исидор видит, что все на месте: буквы BQT, надпись «Не смейте читать!». На оберточной бумаге напечатано: «Это то, что все вы хотите знать».

– Смена ракурса. Охотники становятся дичью, – замечает он.

– Причем бывшая дичь ездит на танке, – подхватывает Лукреция.

Флоран Пеллегрини непонимающе хлопает глазами.

– Глянем, что внутри? – предлагает Исидор Каценберг.

– Шутите?!

– Ничуть, Лукреция. Не верите же вы в эту чушь с «шуткой, которая убивает»?

Он тянется к пакету, она ударяет его по руке.

– Адресат – я, не трогайте!

И она прячет пакет с бесценным содержимым в свою сумку.

– Вы все равно не удержитесь, Лукреция. Любопытство пересилит. Дайте я сам открою. Я старше, у меня нет будущего. Если одному из нас суждено умереть от смеха, для всех лучше, если это буду я.

Она упрямо молчит.

– Будет вам, мадемуазель Лукреция. Наука отдыхает, мы находимся в сфере волшебства.

Я ему не Кристиана, меня ему не провести. Я уже понимаю его приемы словесной дуэли. Я выстою.

– Скажем так: у меня серьезные подозрения, что этот странный предмет связан с кончиной двух человек, и этого достаточно, – говорит она.

Он пожимает плечами.

Она засовывает пакет со шкатулкой глубже и накрывает шарфом.

– Не настаивайте, Исидор. Сказано вам: нет!

– Я знаю, как работает этот «волшебный текст», – не унимается Исидор. – Тут все дело в вере. Раз все верят, что, читая шутку, можно умереть от смеха, то этот текст потрясает. А вот я не верю, и со мной ничего не будет. Мой природный скепсис играет роль вакцины.

– Я устала, – говорит она. – Все, я пошла. Вы остаетесь?

Флоран Пеллегрини не вмешивается. Он с улыбкой достает из своего ящика бутылку виски, опрокидывает рюмку и блаженно жмурится. Свалив так и не открытую почту в коробку, он задвигает ее под стол.

«Пассажиры занимают места в самолете и ждут пилотов. Вскоре на борт поднимаются двое в летной форме и в черных очках. Одного сопровождает собака-поводырь, другой водит перед собой белой палочкой.

Они запираются в кабине. Пассажиры нервно хихикают и переглядываются со смесью удивления и страха.

Вскоре взывают двигатели, самолет начинает разбег по полосе. Скорость нарастает, но кажется, что самолет никогда не взлетит. Глядя в иллюминаторы, пассажиры убеждаются, что взлетной полосе конец, впереди озеро. Многие понимают, что сейчас самолет вместо взлета нырнет в воду. Все в панике голосят. И тут самолет мягко поднимается в воздух. Пассажиры облегченно переводят дух, им уже стыдно, что они клюнули на розыгрыш.

Еще несколько минут – и инцидент забыт. Пилот в кабине щупает приборное табло, находит и нажимает кнопку автопилота.

– Знаешь, что меня пугает, Сильвен? – обращается он ко второму пилоту.

– Что, Доминик?

– Что в один прекрасный день они опоздают с воплями, и мы все погибнем».

Из скетча Дариуса Возняка «Так, ерунда».

Мотоцикл с коляской.

Исидор Каценберг как будто спокоен, а вот Лукреция раздражена. Сумка болтается у нее на левом плече, в недосягаемости для коллеги в коляске.

Они едут молча, поэтому она врубает хард-рок, Nothing Else Matters группы «Металлика».

«Шутка, которая убивает» всего в 25 сантиметрах от моих глаз, вся моя защита – деревянная шкатулка да кожаная сумка.

Ну и что это такое? Буквы, слова, фразы, которые, соединяясь, вызывают смерть?

Она проезжает на красный и отвечает на возмущенные гудки непристойным жестом.

Исидор прав, это невозможно.

Я же не верю в колдовство.

Тем не менее я чувствую, что читать это нельзя.

Профессор Лёвенбрюк называет это «ящиком Пандоры»? Ящиком, который нельзя открывать, иначе наружу вырвутся адские черти.

Она выезжает на широкий проспект.

Исидор часто бывает прав, но здесь, чувствую, он не прав. Моя интуиция сильнее, чем его.

Она сворачивает на парижский «периферик», где начинает обгонять грузовики, легковые автомобили, другие мотоциклы.

Вырвавшись на свободный участок, она минует Порт-де-Клиньянкур и закладывает по «периферик» второй круг.

Исидор не возражает – понимает, что на скорости ей лучше думается.

Шутка, еще со времен Античности убивающая тех, кто ее читает... Такое нелегко проглотить. И все же...

Дариус мертв.

Тадеуш мертв.

Мы, преследующие грустного клоуна, получаем смертельную посылку.

Лукреция наращивает скорость, наплевав на засекающие ее автоматические радары.

Шевели мозгами! Последствия известны. Причины неясны.

По словам Лёвенбрюка, в разные эпохи люди смеются над разными вещами. В разных странах смех вызывают разные причины.

Но BQT едина для всех культур и поколений. Шутка-абсолют? Невозможно. Невозможно! И все же...

Вот и отель. В лобби Исидор возвращает себе командные полномочия.

– Хватит ребячиться, Лукреция. Я взрослый, позвольте мне принять ответственность. Я готов рискнуть жизнью, чтобы узнать, что такое BQT.

Она прыгает в готовый закрыться лифт и не держит двери. Он поднимается по лестнице. Она уже в номере 18. Он входит и закрывает дверь.

– Ладно, признаю, теперь и я заинтригован. Я хочу знать, что лежит в этой чертовой синей шкатулке.

– По-моему, вы не отдаете себе отчета, что угодило к нам в руки.

– Буквы на бумаге – не взрывчатка. Не будьте ребенком, Лукреция. Дайте ее мне.

Он пытается схватить ее сумку, но она увертывается.

– Слова, Лукреция – это всего лишь слова!

– Слова могут убивать. Дариус и Тадеуш убиты.

– Они были слабы духом.

– Они были не дураки.

– Позвольте мне прочесть, вся ответственность лежит на мне.

– НЕТ!

– Почему?

Ты слишком мне дорог, осел!

Он валится на кровать и смотрит в потолок.

– Не ошиблись ли мы, взявшись за расследование вместе? Мы по-разному понимаем установление истины.

– Вы еще скажете мне спасибо за спасение вашей жизни.

– Я предпочел бы умереть, познав истину, нежели жить в неведении.

– Будем считать, что я предпочитаю знать, что вы живы, пускай и в неведении.

– Рано или поздно вы уснете, и я завладею вашей сумкой.

Тогда Лукреция Немрод идет к сейфу, кидает внутрь синюю шкатулку и запирает дверцу на четырехзначный код.

Он разочарованно пожимает плечами.

– Может, разыграем BQT в «три камешка»? Если я выиграю, шкатулка моя.

– Нет! – категорически отрезает Лукреция.

– А поцелуй? Назовите мне код замка за поцелуй?

В этот момент раздается стук в дверь.

«У директора цирка посетитель.

– Я приготовил невероятный номер. Невероятный! Вы обязательно примете меня в труппу!

– Прямо уж невероятный? Как это?

– Я забираюсь на высоту сорок метров, прыгаю вниз, раскинув руки, делаю три кувырка в воздухе, потом штопор и оказываюсь в простой стеклянной бутылке, стоящей на дорожке.

Директор в недоумении.

– Вам этого мало? Могу даже с завязанными глазами.

Директор колеблется.

– Вы требовательны, но это нормально. С завязанными глазами и связанными за спиной руками!

Директор все еще в сомнении.

– На высоту сорок метров я забираюсь на одних зубах! Ну, возьмете меня? Мне надо есть, у меня дети!

– Если у вас все это получится, я вас приму. Но строго между нами, тут есть какая-то хитрость, иначе всего этого ни за что не проделать... В чем она?

– Хитрость в том, что... – Акробат тянется к директорскому уху. – В горлышко бутылки будет вставлена воронка».

Из скетча Дариуса Возняка «Я всего лишь клоун».

В дверь стучат все сильнее.

Молодая журналистка накидывает цепочку и открывает дверь.

– Я вас не побеспокоил, мадемуазель Немрод?

Это Стефан Крауз.

Лукреция распахивает дверь. Изящный гость ищет глазами где сесть и выбирает край кровати.

– Можно?

– У вас три минуты, чтобы меня рассмешить, – повторяет она его формулу. – За неимением песочных часов я воспользуюсь секундомером. Поехали!

– «Политый поливальщик», первый киногэг.

– Две минуты пятьдесят пять секунд.

Он оборачивается к вставшему с кровати Исидору.

– Не сомневайтесь, я узнал вас, когда вы вышли вместо Ванессы и Давида. В моей профессии приходится быть физиономистом. Я узнаю лица даже под гримом.

Он разглядывает номер, большую кровать и показывает кивком, что понимает: они вместе.

– Я пришел вас поблагодарить.

– Это за что же?

– Во время вашего номера показатель зрительского интереса зашкалил. Тишина! Вы уже сыграли со мной эту шутку у меня в кабинете, мадемуазель, но я не знал, как это может повлиять на публику. Знаете, кто впервые испробовал этот трюк?

– Американский комик Энди Кауфман?

– Bravo! Глубочайшие познания в мире комического! Он проделал это перед полным залом, а вы – в прямой телетрансляции. Для этого нужна смелость.

– У вас минута пятьдесят, – предупреждает она, глядя на часы.

– А потом погнаться за свалившимся сверху клоуном! Это вообще фантастика. Жаль, что я сам о таком не подумал. Между прочим, все решили, что это моя режиссура, теленачалство принялось меня поздравлять. Нас упомянули даже в новостях нефранкоговорящих стран! «Удивить» – вот ключевое слово всякого хорошего представления, и вы были удивительны – это еще мягко выражаясь!

– Сорок пять секунд. Не будете же вы утверждать, что явились поздравить нас со скачком зрительского индекса!

Продюсер суровее.

– Я явился за BQT, – холодно произносит он.

– Откуда вы знаете, что она у нас?

– У меня свои источники информации.

– У источника есть имя: Флоран Пеллегрини, – предполагает Исидор.

Стефан Крауз не спорит.

– Он мой старый приятель по научно-популярным постановкам.

– Флоран? – не верит Лукреция. – А я еще считала его другом!

– С такими друзьями необязательно иметь врагов, – вворачивает Исидор.

– Он знал, что меня интересует ваше расследование. Он рассказал мне о вашей посылке и о ее редкостном содержимом.

– Еще он дал вам адрес отеля.

– В прошлом я оказал ему немало услуг. Отправить лифт назад – нормальный жест вежливости.

Продюсер улыбается, как заправский коммивояжер.

– Говорите, вы можете узнавать людей даже в гриме? Ну, так помогите нам найти отправителя посылки!

Лукреция показывает на своем айфоне фотографию грустного клоуна.

– Кто это? – спрашивает Стефан Крауз.

– Убийца Дариуса и Тадеуша. Скорее всего он и есть отправитель милой посылочки, которая вам так понадобилась.

Стефан Крауз заинтересованно вертит фотографию.

– Увы, впервые его вижу. По-моему, вы не отдаете себе отчета, чем располагаете.

Лукреция бровью не ведет.

– В руках несведущих людей это «оружие» может наделать бед. Собственно, уже наделало, как вам отлично известно. Отдайте его мне. Это в ваших интересах.

– Что мы получим взамен? – спрашивает Лукреция.

– Жизнь! Вам этого мало? Я забираю у вас бомбу с запущенным часовым механизмом. Без нее вам будет не в пример лучше, поверьте.

Исидор встает, наливает в чашку горячей воды и выпаливает:

– Вы – член GLH, мсье Крауз?

Продюсер вместо ответа включает смеющийся брелок, и Лукреция понимает, что так он выигрывает время.

– Надо же, вы знаете о нашем маленьком клубе, Исидор Каценберг?

Исидор опускает в чашку чайный пакетик, вынимает, опять опускает.

– Предлагаю нехитрый договор. Вы отводите нас в новый тайник GLH и все нам рассказываете: кто вы, как действуете. А мы вам даем...

– ...«возвращаете», так будет правильнее. Напоминаю, это собственность нашего «клуба».

– Хорошо, мы возвращаем вам вашу «бомбу», по неведомым мне причинам оказавшуюся у нас.

Стефан Крауз улыбается Исидору, Исидор – ему.

– Мы уподобились Икару: излишне приблизились к солнцу. Вот солнышко и решило опалить нам крылышки. Так?

– Так.

– Вы не ответили, согласны ли на сделку.

Стефан Крауз снова оценивает его взглядом.

Отдать им BQT? Ни за что! Что мы получим взамен? Место в тайном обществе где-то в глухой провинции? Мне это их тайное общество ни к чему, наше расследование хорошо продвигается и здесь. Разве что...

Дошло! Исидор решил, что раз Дариуса убил не Тадеуш, значит, это сделал кто-то из GLH. И теперь расследование должно идти не в сердце лагеря «темных», а в сердце лагеря «светлых».

Продюсер продолжает улыбаться, но это подозрительная улыбка.

– Вы должны понимать нынешнее положение. Недавно в нашем «клубе» произошли...

– ...неприятности? – подсказывает в своей манере Исидор.

– Это иносказание.

– На вас напали «розовые костюмы» Дариуса. Вы понесли потери. По логике вещей, вы должны обороняться, – подхватывает Лукреция.

– По меньшей мере.

– Вы решили усилить свою герметичность, вообще никому не доверять, стать вдесятеро осторожнее, чтобы тайное общество оставалось таковым и впредь.

Исидор медленно пьет свой зеленый чай.

– Вижу, вам совсем не хочется удовлетворять мою просьбу, вы считаете ее простым журналистским любопытством.

– Вы исчерпывающе изложили ситуацию.

– Тем не менее BQT у нас. Вы хотите ее получить.

– А если я отниму ее силой? – И Стефан Крауз достает из кармана револьвер.

– Так мы ни о чем не договоримся, – предупреждает Лукреция. – У

моего друга Исихора аллергия на насилие.

– Так оно и есть. Я нахожу эти аксессуары бессмысленными и вредными для качества диалога. В моем будущем романе не будет места даже пращам и скаутским перочинным ножикам.

– Мне импонирует ваше самообладание, мсье Каценберг, но, боюсь, вы не отдадите себе отчета, что стоит на кону. Ради BQT мы готовы на риск.

Он передергивает затвор.

– Все зашло слишком далеко, одна-другая лишняя смерть уже ничего не изменит. Ну, где она, наша синяя шкатулочка?

Он приставляет револьвер к виску Исихора, но тот знай себе попивает чаек, оставив мизинец.

– Мы не настолько наивны, мсье Крауз. Мы ее спрятали. Она далеко. Убьете нас – вам ее не видать.

– Вы блефуете!

– Хотите рискнуть?

Револьвер опускается, продюсер достает мобильный и пишет эсэмэс. Приходит ответ, он пишет еще. Обмен сообщениями затягивается, Стефан Крауз выглядит озабоченным.

– Они не отвергают ваше предложение, но нужны дополнительные предосторожности.

Исихор прихлебывает зеленый чай.

– Чтобы с нами встретиться, надо быть одним из наших, – продолжает Стефан Крауз. – Это непреложное правило.

– Значит, Дариус был из ваших. Спасибо за информацию, – бросает Исихор.

– Вы хотите сказать, что для знакомства с вашими друзьями нужно пройти обряд посвящения? – задает простой вопрос Лукреция.

– Да, это непременно условие.

– Можно вступить, а потом выйти? – интересуется Лукреция.

– Обряд посвящения подразумевает освоение новых навыков. Когда научишься плавать или ездить на велосипеде, этот навык остается с тобой навсегда. Разве забудется вкус сахара или соли? Нет, раз войдя, уже не выйдешь. Вы узнаете кое-что новое, вы будете одной из наших. А мы – «закрытый клуб». Выбирайте сами. Я ни к чему вас не принуждаю. Можете просто отдать мне BQT, и я уйду, как пришел.

Он убирает револьвер в карман.

– Вступить в GLH, чтобы узнать, что это такое? Вы принимаете нас за дурачков? – спрашивает Лукреция.

Стефан Крауз садится удобнее, чувствуя себя хозяином положения.

Для заполнения паузы он опять включает искусственный смех.

Исидор и Лукреция совещаются.

– Нам надо подумать, – сообщает Исидор. – Отставьте нам номер вашего мобильного, мы перезвоним.

– Нет! – возражает Лукреция. – Мы согласны. Встретимся завтра в шестнадцать часов в лобби нашего отеля. У нас будет ВQT. Вы отвезете нас в новое логово вашего «клуба».

– Вижу, вы умеете быстро принимать четкие решения. Знайте, я это ценю, мадемуазель Немрод.

Продюсер встает и идет к двери.

– Да, еще одно. Захватите теплую одежду. Путь неблизкий, как бы вы не замерзли.

«Мужчина встречает на улице давнюю знакомую.

– Привет! Что ты тащишь в этих огромных чемоданах?

– Открой, сам увидишь.

Мужчина открывает один из чемоданов и видит там здоровенный болт с гайкой.

– Что это такое?

– Не видишь, что ли? Болт!

– А что в другом чемодане?

В другом чемодане дым коромыслом, из дыма выныривает джинн со словами:

– Говори желание, я его исполню.

– Хочу миллиард!

Он задирает голову, небо разверзается, на землю падает бильярдный стол.

– Это что? Твой джинн глухой? Я просил миллиард, а не бильярд.

– Ладно бы только глухой! Он еще и намеков не понимает!»

Из скетча Дариуса Возняка «Будьте здоровы!».

Продавщица секс-шопа демонстрирует модели кожаных наручников. Рядом с Монмартром находится Пигаль, поэтому поблизости от отеля «Авенир» хватает специальных магазинчиков.

– Не хотите кожаные? Есть с розовым мехом и с губкой, это удобнее.

Покупательница отклоняет предложение и останавливается на железных, как в американской полиции, – самых дорогих и прочных.

Продолжая подготовку, она приобретает новые туфли, на выбор которых ушел час; продавщица уже близка к истерике, и она покупает первые, которые примеряла.

Следующий на очереди – ее стилист Алессандро.

– О-ля-ля, как живется твоим волосам, Лукреция? Не волосы, а артишоки! Молчи, я сам догадаюсь: тебя выставил твой бойфренд?

– Браво! Ты угадал.

Он берет ее за руку.

– Брось, не переживай. Одного потеряла – десяток нашла. Ты моя любимая клиентка. Если бы меня привлекали женщины, я бы тебя растерзал.

– Спасибо.

Он изучает волосы клиентки.

– Ммм... Плохо дело. У тебя проблемы на работе. Начальница не дала прибавки?

– Не дала. И вообще выгнала.

– Помню, ты рассказывала, эта та, с прической под горшок, выкрашенная в рыжий цвет?

– Аплодирую твоей памяти!

– Что сегодня, укладка? С феном или без? Полная обработка?

– Массаж головы. Вообще-то меня похитят и запихнут в багажник.

Вряд ли есть смысл представлять перед ними во всей красе.

– Похитят? Запихнут в багажник? Ты шутишь?

Она показывает ему наручники.

– Ничего, я все предусмотрела. Видишь, какие прочные?

Он массирует ей плечи.

– В кризисных ситуациях моего диплома по психологии недостаточно.

– Ты учился на психолога?

– А как же, семь лет в университете! Без этого в парикмахеры уже не

берут. Ты меня разволновала, тебе потребуется кое-что посильнее.

Он ведет ее в заднее помещение. Подобие розового кукольного домика с афишами кинофильмов, фарфоровой посудой, фотографиями певцов 60-х годов, коллекциями почтовых открыток, ракушками.

Он усаживает ее в бархатное кресло с цветочками.

– Там, где пасует психология, начинаются... карты Таро.

Алессандро выдвигает ящик, достает колоду ветхих карт и дает ей.

– Тасуешь, снимаешь, тянешь карту наугад.

Она подчиняется.

– Смотри! Эта карта – ты.

Она переворачивает карту. На ней мужчина в широкополой шляпе показывает фокусы со стаканами и палочками. На карте цифра 1.

– Барабанщик. Ты живешь иллюзиями. Производишь на людей ложное впечатление. Но ты не дура и хочешь измениться. Тяни другую.

Она вытягивает вторую карту.

– Это твой противник. Твоя настоящая проблема.

Она переворачивает карту. На ней бородатый старик с палкой, освещающий фонарем тьму.

– Аркан семь. Отшельник.

Исидор?

– Отшельник – это одиночество. Ты боишься закончить свои дни совсем одна.

Значит, это не Исидор, а я.

– Ты гадаешь, существует ли человек, который захочет сопровождать тебя на жизненном пути. Это тебя беспокоит. Тяни третью карту. Посмотрим, что тебя тормозит.

На карте мужчина с козлиной головой, держащий на поводке мужчину и женщину, и цифра 14.

– Дьявол. Тебе мешают первобытные импульсы: сексуальность, желание обладать и принадлежать, обжорство, злость, страх, агрессивность. Сидящая внутри тебя инстинктивная обезьяна действует без размышлений, удовлетворяя свои непосредственные желания. Тяни четвертую.

Она переворачивает карту. Римский папа в кресле и цифра 3.

– Папа. Человек старше тебя, следующий за тобой. Он читает или пишет книги. Он в духовном поиске, не похожем на твой. Он на троне, а ты в блужданиях. У него нет иллюзий. Вы друг друга дополняете. Он очень благотворно на тебя влияет. Это он тебя бросил?

– Еще нет. Но скоро бросит. Уже приходится ждать, чтобы быть

вместе.

– Тяни пятую. Посмотрим, как все кончится.

Лукреция Немрод переворачивает последнюю карту. На ней ухмыляющийся скелет, срезающий косой торчащие из земли головы и руки. И цифра тринадцать.

Лукреция поневоле ежится.

– Смерть?

– Да, Смерть. Аркан тринадцать. Но ты не волнуйся.

– То есть?

– В твоей жизни произойдет резкая перемена.

– Я умру?

– Нет, ты изменишься. Радикально. Аркан тринадцать – карта обновления, поэтому она в середине колоды. Иначе она была бы в конце. Видишь растения? Сначала зима, потом весна. Не может быть строительства без предшествующего разрушения. Должны опасть старые листья, чтобы проклюнулись новые почки.

Лукреция не то что согласна, но принимает это объяснение.

– Не знаю, прояснил ли я тебе положение, но мне все представляется позитивным. Тебе помогают, перед тобой истинный духовный путь, возможность шагнуть от иллюзий к реальности.

– Спасибо, Алессандро. Ты мне как брат.

– Эти карты навели меня на мысль о твоей новой прическе. Попробуем каштановый оттенок. Ты видишься мне светлой шатенкой. Пожалуйста, для меня это важно. Я считаю, что цвет излучает энергию. Знаешь, меня посетила еще одна мысль: я в шаге от изобретения таро-ухода за волосами. Буду создавать дамские прически в зависимости от того, как лягут карты.

Лукреция Немрод принимает его предложение и соглашается на трансформацию. Когда все готово, она, глядя в зеркало, борется с желанием завопить, вонзить в Алессандро все его расчески и ножницы, отказаться платить. В итоге она платит, оставляет чаевые и удаляется, снова поблагодарив его за сеанс Таро, наведший ее на размышления. И покупает платок, чтобы скрыть катастрофу у себя на голове.

Счастье, что сегодня мне не надо ходить в важные места, он совершенно не угадал с цветом волос. Теперь у них цвет «Нутеллы». Поменять стилиста? Он прав, видеть – его интуитивная потребность. В психотерапии есть принцип – соблюдать расстояние между специалистом и пациентом. Теперь, став моим другом, он уже не объективен.

Проходя мимо зоомагазина, она думает, не купить ли новую рыбку.

Это подождет до моего возвращения. Карта 13 не предвещает ничего хорошего.

Журналистка покупает дорожную сумку, шерстяные свитеры и стальной кейс.

Завершаются приобретения бутылкой виски и тремя плитками шоколада.

Если я скоро умру, то самое время повеселиться.

Она возвращается в гостиницу, там ее ждет Исидор.

Он замечает наручник, которым к ее запястью прикован железный чемоданчик.

– Здесь кодовый замок. Правила обмена BQT будем диктовать мы, – объясняет она.

Во всяком случае, я на это надеюсь.

«Священник и монахиня заблудились в метель. Им попадаетеся хижина. Они утомлены и готовятся ко сну. На полу спальный мешок и одеяла, но кровать в хижине одна.

Священник ведет себя по-мужски.

– Вы будете спать на кровати, сестра, а я на полу, в мешке, – говорит он.

Стоит ему улечься и закрыть глаза, как монахиня скулит:

– Святой отец, мне холодно.

Он расстегивает спальный мешок, встает и укрывает ее одеялом. Снова залезает в мешок, застегивает его и уже задремывает, но монахиня тянет свое:

– Мне очень холодно, святой отец.

Он расстегивает мешок, встает, берет еще одно одеяло, укрывает ее, возвращается в спальный мешок, закрывает глаза...

– Святой отец, мне та-а-а-ак холодно...

Уже не вставая, он говорит:

– Сестра, у меня идея: мы невесть в какой глуши, никто ни о чем не узнает. Поступим так, как если бы мы были женаты.

– С удовольствием! Я согласна.

– Вот и не морочь мне голову! – кричит священник. – Встань, сама возьми клятое одеяло и дай мне спокойно поспать!»

Из скетча Дариуса Возняка «В чаще леса».

Стенки и задняя дверца фургона не застеклены. Стефан Крауз останавливается перед отелем «Авенир» и с облегчением убеждается, что оба журналиста на месте.

– Я говорил, что мы поедem в багажнике, но, как видите, позаботился о вашем комфорте.

– Нашего слова вам мало? – спрашивает Лукреция, которую не радует мысль о путешествии вслепую.

– Не обессудьте, за сорок с лишним лет сотрудничества с журналистами я узнал цену их слова. Попробую поверить вам в одном: что вы не выпрыгнете на ходу.

– Откуда такое недоверие?

– Один из наших девизов гласит: «Шутить можно над чем угодно, кроме юмора». Наш «закрытый клуб» привержен полнейшей конфиденциальности. Учтите, эта поездка и так пробивает большую брешь в наших правилах безопасности.

Он видит наручник, которым к правому запястью Лукреции прикован чемоданчик.

– Это как у нас: шутить можно с чем угодно, кроме ВQT. Мы доверяем вам не больше, чем вы нам, – парирует Лукреция.

Журналисты лезут в фургон и садятся на скамейку. Фургон освещен изнутри единственной лампочкой на потолке.

Продюсер заводит дизельный двигатель и трогается.

Лукреция видит между кузовом и водительской кабиной вентиляционную решетку.

– Можно задавать вам вопросы в пути? – спрашивает она.

– Как обычно, только пять.

– Дариуса убили члены вашего «клуба» и вы?

– На это я вам уже отвечал. Нет. Тщательнее готовьте вопросы, мадемуазель.

– Вы знаете того, кто его убил?

– Не знаю. Осталось три вопроса.

– Как вы считаете, можно умереть от смеха?

– Да. Два вопроса.

– Вы верите, что Дариуса убил смех, когда он читал ВQT?

– Да. Остался один вопрос.

– Вы как-то в этом замешаны, прямо или косвенно?

– Возможно. Это всё.

– Послушайте, вы его ненавидели?

– Я? Шутите! Я Дариуса обожал. Он был мне как сын. Это был блестящий ум, человек высочайшей культуры, незаурядная личность, добившаяся известности. Кажется, я первым заметил его врожденный комический талант, а также его способность превращать несчастье в источник шуток. Уникальный был человек! Один из очень немногих, до кого дотронулась своей волшебной палочкой фея Веселье. Что бы он ни сделал дальше, он принес бы окружающим больше добра, чем зла. Вы понимаете, сколько радости он всем доставлял? Его называли любимейшим французом всех французов, и на то, представьте, были причины. Довольно, отдыхайте. Когда приедем, я вас разбужу.

Крауз включает музыку. Звучат «Гимнопедии» Эрика Сати.

– Я завел вам эту музыку, потому что композитор, сочинивший ее, входил в GLH. Это нечто вроде посвящения в тему. Эрик Сати – гений! Он пытался писать юмористическую музыку. Полакомьтесь закуской, раз вы так изголодались по правде о GLH!

Лукреция слушает странную музыку.

Какой чарующий момент! Мне нравится ехать неведомо куда, где меня ждут откровения.

Нравится ехать с Исидором.

Он сказал этой Тенардье и всем журналистам редакции, что у меня талант к журналистике.

Об этом я не могла и мечтать.

Если я стала хорошей журналисткой, то только благодаря тому, что меня учили уму-разуму два поверивших в меня человека: Жан-Франсис Эльд и Исидор Каценберг. Первый научил меня работать на земле и не бояться быть самой собой. Второй – наблюдать и думать, пренебрегая видимостью.

У меня два отца – и ни одной матери.

То есть их у меня целых две, но обе со знаком минус: Мари-Анж и эта Тенардье. Я – женщина, любившая только женщин и отвергавшая мужчин. Теперь все наоборот.

Получавшееся раньше больше не получается или получается задом наперед.

Ну и пусть!

Таков урок, преподанный мне Исидором.

Принимать изнанку вещей.

Сидящий напротив нее Исидор Каценберг тоже размышляет.
Какой отвратительный момент! Какая мерзость – ехать неведомо куда.

А что Лукреция?

Сидит с закрытыми глазами. Спит, должно быть, набирается сил для расследования. Первокласная девушка! Для нее репортаж – это «я иду куда-то, опрашиваю подозреваемых и жду, пока кто-то из них расколется. Если никто не раскалывается, я угрожаю и пускаю в ход кулаки».

Но в этом мире каждый из нас лжет.

Ложь – цемент, благодаря которому общество не рушится. Если бы люди говорили правду, все коллективные структуры развалились бы.

Что произошло бы, если бы политик сказал: «Голосуйте за меня, хотя я никак не смогу превзойти моего предшественника, поскольку впредь все решения будут приниматься на общемировом уровне, а мы – маленькая страна без серьезного влияния»?

Что произошло бы, если бы муж сказал жене: «Дорогая, мы живем вместе двадцать лет, и наша любовь стала такой банальной и однообразной, что я, честно говоря, предпочел бы девушку по вызову, которая проявила бы хоть какую-то выдумку, подбавила бы перчику»?

Но нет, никто не говорит правды. Да и слышать ее никто не желает.

А вот эта девочка нащупала гениальный сюжет: «Почему мы смеемся?»

Не знаю, что мы найдем в конце этой извилистой дороги, зато знаю, что нашел благодаря ей я сам: вкус к знаниям, неведомым другим. И вкус к тому, чтобы рассказывать об этих открытиях людям, чтобы их развлекать.

С самого начала я ошибался, журналистика – совершенно не то место, откуда можно распространять знания.

Журналистика – это тупик.

Роман – противоположность статье.

Роман подразумевает, что читатель способен сам составить мнение. Статья берется навязать мнение журналиста и для усиления эффекта прибегает к уловке: фотографии с подписью.

На телевидении идут еще дальше в обмане: используют музыку, действующую на подсознание.

Как выйти из плена лжи?

Один я никогда не смог бы противостоять целой профессии, дурные привычки которой восходят к Средневековью.

Но как же мне хочется своротить этот валун!

Раньше я думал, что распространять знания, как это делал Дидро с его прославленной «Энциклопедией», – это подготавливать революции.

Потом я решил, что предлагая людям представить будущее с помощью такого подспорья, как Древо Возможностей, можно побудить их искать перспективу, а значит, понимание.

Теперь надо найти третий рычаг, чтобы сдвинуть с места тяжелый камень.

Смех?

Может быть, Лукреция, как ни наивна она с виду, опять подскажет мне ответы на самые трудные вопросы.

При помощи смеха, чего же еще!

Один смех позволяет пересилить всех властных тартюфов. По примеру Аристофана, Мольера, Рабле нужно идти против всех тоскливых ханжесей, против всех сильных мира сего, безжалостно их высмеивая.

Однако я никогда не находил у себя истинного таланта в этой области.

Думаю, это расследование – небывалая возможность восполнить мой изъян.

Да, думаю, теперь во мне окрепло подлинное желание овладеть тем новым, чего я был лишен, – искусством вызывать смех.

- «Супруги пришли к судье разводиться.
- Сколько вам лет?
  - Девяносто восемь, – говорит женщина.
  - А вам, мсье?
  - Сто один, – отвечает мужчина.
  - Сколько лет вы в браке?
  - Мы поженились семьдесят лет назад.
  - Когда у вас возникли проблемы?
  - Шестьдесят пять лет назад. С тех пор становится хуже и хуже, – с горечью признается женщина.
  - Она только и делает, что упрекает меня, – говорит старик. – С ума сойти можно!
  - Почему же вы только теперь решили развестись?
  - Мы боялись огорчить детей и решили дождаться их смерти».
- Из скетча Дариуса Возняка «Супружеские проблемы».

По ощущению журналистов, они едут часов шесть-семь.

Наконец машина шумно тормозит и останавливается.

Стефан Крауз открывает заднюю дверцу фургона и приказывает им надеть на глаза повязки.

Они повинуются и вылезают из фургона.

Чувствуется, что вокруг простор, овеваемый привольным ветром.

Кто-то ведет их сначала по одной улице, потом по другой, довольно крутой. Третья улица взбирается вверх еще круче, они часто поскальзываются на булыжниках. Наконец скрипит тяжелая деревянная дверь.

Они пересекают два двора.

Стефан Крауз вполголоса отдает распоряжения невидимым людям, чье присутствие рядом нельзя не почувствовать. Открывается еще одна дверь. В помещении, куда их вводят, прохладно. Лукреция инстинктивно нащупывает и сжимает руку Исидора, он не возражает.

Как меня возбуждает эта повязка на глазах!

Если бы мы с Исидором сейчас занялись любовью, мне бы хотелось, чтобы он сначала ласкал меня в неожиданных местах: целовал в затылок, потом внизу, там, откуда растет позвоночник, потом за ухом...

Лязг ржавого засова вырывает молодую журналистку из мира сладостных грез. Они спускаются по лестнице. Коридор. Еще лестница. Еще коридор. Вниз по винтовой лестнице.

В теплом помещении им предлагают сесть.

Наконец-то Стефан Крауз снимает с их глаз повязки.

Они на ринге, в креслах, но не связанные, нет ни ремней, ни приставленных к виску пистолетов.

Все почти так же, как в зале, в луче прожектора, только здесь тесновато.

Они видят рядом с собой фигуру в тунике, в фиолетовом плаще, фиолетовой маске, изображающей ликование: рот до ушей, задранные брови.

За ней двое в более светлых, сиреневых плащах и туниках, тоже в смеющихся масках.

За спинами этих двоих стоят еще двое в розовых масках, тоже смеющихся, но уже не так весело.

Стефан Крауз тоже надевает сиреневый плащ и смеющуюся маску и обращается к силуэту в фиолетовом плаще и в маске, изображающей ликование:

– Привет тебе, Великая магистерша. Я доставил тебе Лукрецию Немрод, научную журналистку из «Геттёр Модерн». Ей двадцать восемь лет. Ее я встретил первой. Она расследовала смерть Дариуса.

Спокойный голос Крауза контрастирует с ухмылкой его маски. Женщина, названная Великой магистершей, кивает головой.

– А это – Исидор Каценберг, безработный журналист.

– ...отставной, – поправляет Исидор.

– В общем, не работающий. В свое время он тоже был научным журналистом «Геттёр Модерн».

– ...пока не выгнали, – подсказывает Исидор.

– Ему сорок восемь лет. Оба расследуют гибель Циклопа и уже пронюхали о нашем существовании. Они побывали на маяке и знают о драме.

Женщина в фиолетовой маске слегка ежится.

– С недавних пор у них BQT.

Люди в масках тихо переговариваются.

– Отберите! – приказывает она.

– В наш кейс заложена взрывчатка, – предупреждает Лукреция. – При попытке вскрытия без кода ценное содержимое будет уничтожено.

Женщина в фиолетовой маске поворачивается к Стефану Краузу, тот утвердительно кивает.

– Чего вы хотите в обмен на BQT? – спрашивает она.

– Нам нужно знание, – отвечает Исидор. – Я думал, все это уже обговорено и скреплено подписями.

– Что за знание?

– О смехе, о вашем тайном обществе, о вас.

– И только?

Серьезность голоса контрастирует с ликующей маской.

– Полагаю, об этом было условлено перед нашим приездом, – напоминает Лукреция.

– Мы не развлекаем туристов. Чтобы узнать про нас, нужно посвящение. А это тяжело, трудно, долго, опасно – очень опасно. Вы уверены, что хотите?

– Сколько времени длится посвящение? – спрашивает Исидор.

– Девять месяцев, как беременность.

– Тогда мы отдадим вам BQT через девять месяцев, – заявляет Исидор

Каценберг.

Женщина в фиолетовой маске совещается с помощниками в сиреневых плащах и масках, держащихся немного позади.

– Дело в том, что мы торопимся, – произносит она. – Без BQT мы все равно что...

– Раковина без жемчужины? – подсказывает Исидор.

– Собор без реликвии. Она обеспечивает нам легитимность.

Присутствующие согласны с ней.

– Как вам известно, на наследование нашей традиции безосновательно претендуют другие лица. Мы столкнулись с проблемами... диссидентства.

– «Циклоп Продакшен»? – предполагает Лукреция.

Женщина в фиолетовой маске молчит.

Исидор прав, ключ к смерти Дариуса находится здесь. Это и пытался донести до меня Себастьян Долин, говоря: «Найдите Тристана Маньяра, попадите в GLH – и убийство Дариуса будет раскрыто». «Попадите...» Так и сказал. Как будто предвидел то, что происходит сейчас.

Великая магистерша в фиолетовой маске наконец говорит:

– Учитывая необычность ситуации, мы в порядке исключения нарушим ради вас собственные правила и проведем ускоренную подготовку. Ваше посвящение займет не девять месяцев, а... девять дней.

Сиреневые маски согласны. Из-под розовых масок слышен неодобрительный ропот.

– Решение принято! – чеканит женщина в фиолетовой маске и хлопает в ладоши, требуя тишины.

Розовые постепенно стихают.

– Вашим наставником будет уже знакомый вам Стефан Крауз. Через девять дней вы сдадите вступительный экзамен и отдадите нам BQT.

Исидор Каценберг доволен донельзя.

– Если я правильно понял, вы собираетесь за девять дней научить нас остроумию?

Под масками раздаются смешки. Великая магистерша опять хлопает в ладоши.

– Как видите, эффект уже налицо: вы начинаете быть смешными.

Куда мы попали? Уж не в лечебницу ли для умалишенных? Все эти маски и плащи не предвещают ничего хорошего. Хотя Исидор, похоже, ничуть не встревожен...

По сигналу женщины в фиолетовой маске к ним подходит некто во всем розовом.

– Вы наверняка устали. Сейчас вас проводят в ваши покои.

Светло-розовый плащ ведет их наверх. Они оказываются в коридоре с десятками пронумерованных дверей.

Лукреция замечает, что у дверей нет замков. Человек в светло-розовом открывает дверь номер 103.

Там обстановка в пределах строгой необходимости: двухъярусная железная койка, стол, два стула, шкаф. Окна нет. Справа ванная комната.

Лукреция пристегивает кейс к прикрученной к полу стойке кровати и прячет его под матрас.

Оба падают на койки.

– Что вы обо всем этом думаете, Исидор?

Но журналист так изнурен пережитым за день, что уже храпит у себя наверху.

Боюсь, как бы мы не совершили ужасную глупость.

«Встречаются два друга.

– Как твоя работа? – спрашивает один.

– Плохо. Фирма разорилась, меня уволили, работы нет, но я сплю как ребенок.

– Как жена?

– Ушла от меня из-за того, что я стал безработным, к другому, побогаче. Но я сплю как ребенок.

– Здоровье-то как?

– Ничего хорошего, боли вот здесь... Пошел к врачу, мне сказали, что невзгоды привели к раку. Но я сплю как ребенок.

– Удивительно, – говорит друг, – на тебя столько всего обрушилось, а ты говоришь, что спишь как ребенок!

– Ты видел, как спят дети? Все время просыпаются и ревут».

Шутка GLH № 911432.

Исидора и Лукрецию будит далекий колокольный звон.

Окна в комнате нет, и о наступлении утра говорит только время на часах – 7.0. На спинках двух стульев висят белые туники и плащи, тут же белые маски с нейтральной мимикой – не грустят, но и не улыбаются.

Они принимают душ. Вода холодная и не регулируется.

– Прямо как в монастыре, – жалуется Лукреция.

– Скорее, как в казарме, – поправляет ее Исидор. – Осталось выяснить, за что здесь воюют – за духовное или за политическое.

К ним заглядывает Стефан Крауз, по-прежнему в сиреневой тунике, плаще, маске.

Он снимает маску.

– Как спалось?

– Матрас жестковат, – говорит молодая женщина, ее зеленые глаза глядят устало.

Он ставит на стол поднос с чаем и хлебом.

– Знаю, все скромно. Вам надо быть налегке, посвящение начинается уже сегодня.

– Почему белый цвет? – интересуется Исидор, указывая на свою тунику.

– Цвет послушничества. После посвящения вы получите право на светло-розовый цвет стажеров. Накопив опыт и проявив способности, вы дорастете до темно-розового цвета кавалеров. Ну а дальше – сиреневая туника.

– Степень магистра, полагаю, – говорит Лукреция.

– Верно. Во все фиолетовое облачается только Великий магистр. А вы пока на нулевом уровне, вы не сделали еще ни шага по пути посвящения. Поэтому ваши маски ничего не выражают. Нигде не снимайте масок.

– Почему?

– Некоторые из нас выходят наружу и не должны опознавать и называть других. Поэтому в наших помещениях лица скрыты. Такова система безопасности, пришедшая из Средневековья, точнее, из времен преследований, когда некоторые братья под пытками выдавали других.

Они надевают белые туники и плащи, примеряют маски.

– Похоже на тайное общество типа франкмасонов? – спрашивает Лукреция, доставая свой блокнот.

– В некоторых аспектах. Но наша учеба имеет больше сходства со школой боевых искусств.

– Вызывать смех – боевое искусство? – удивляется Лукреция.

– Так оно и есть. Вызвать смех – значит отправить другим энергию. Эта энергия может идти во благо или во вред – зависит от способа ее применения и от дозировки.

– Любой умеет смешить, даже не изучая вашего «боевого искусства»! – восклицает Лукреция.

– О том и речь. Многие умеют смешить неосознанно, не зная, что происходит. Другие неосознанно дерутся на кулаках. Насколько лучше они дрались бы, если бы освоили кунг-фу школы Шаолинь!

– Хотите сделать из нас Брюсов Ли шутки?

Он не реагирует на сарказм.

– Здесь вы научитесь делать сознательно и методично то, что раньше у вас получалось чисто интуитивно. Мы научим вас взвешивать каждое слово, каждую запятую, каждый восклицательный знак, так ваше искусство смешить достигнет совершенства. Ваши шутки станут метко разящим оружием.

– Оружием?

– Да. Шутка – это закаленный клинок. Подчиняясь тому, кто ею владеет, она задевает, ранит, рубит – или спасает...

– Еще она убивает, – договаривает за него Лукреция.

Продюсер наливает им чай из термоса.

– Запомните главное правило двух первых дней посвящения: не смей смеяться.

Мне не слышалось?

– Категорический запрет, нарушение наказуемо.

– Какое предусмотрено наказание?

– Раньше применялись телесные, но новая Великая магистерша взялась за модернизацию, и теперь санкции смягчены.

– Наказание? Как глупо! Мы не дети! – заявляет Лукреция.

– Учить вас будут как детей. Вы поймете, почему с юмором не шутят.

Не иначе, эта фраза – их девиз.

Исидор кивает.

– Все логично. Пустота позволяет оценить полноту. Монахи дают обет молчания, чтобы вкусить радость беседы. Чтобы насладиться едой, надо сначала попоститься, удовольствию телесного слияния способствует предварительное воздержание. Наслаждаться музыкой нас учит тишина. Понимать краски учит темнота.

Стефан Крауз доволен, что его поняли.

– Какое же наказание пришло на смену телесному? – любопытствует Лукреция.

– Засмеетесь – узнаете. Дам вам совет: что бы сегодня ни происходило, не забывайте главное: не смейте смеяться.

– Не смеяться? Это невозможно. В какой-то момент человек обязательно теряет самоконтроль.

Стефан Крауз меняет тон: теперь его голос звучит очень сухо.

– Чтобы вам было у нас комфортно, вам, мадемуазель, следует забыть о постоянных насмешках, характерных для современной жизни. Расстаньтесь с манерой бездумно зубоскалить. Смех – это энергия, без самоконтроля нет эффективного смеха.

– Все постоянно шутят по любому поводу, это дает уверенность в себе. Это разрядка. Это выигрыш времени. Это попытка понравиться. Признак дружелюбия. Общительности.

– Трудно все время быть серьезным, – согласен с Лукрецией Исидор.

– Ничего, два дня можно потерпеть, у обычных послушников все куда серьезнее: целый месяц без смеха!

Научные журналисты селятся представить, как можно продержаться целый месяц при такой строгой дисциплине.

– В наше время средняя частота смеха – восемь раз в день. Обычно с возрастом она снижается. Для сравнения, этот средний показатель равен девятистам двум случаям смеха у детей младше пяти лет. Взрослый смеется в среднем четыре минуты в день. В 1936 году он смеялся целых девятнадцать минут!

Интересно, как они получили эту цифру. Опросы проводили? Мало ли что люди несут, когда их опрашивают! Это как спросить, сколько раз в неделю человек занимается любовью. Он ответит, сколько раз в неделю хотел бы заниматься любовью! К счастью, профессия научила меня сомневаться в статистике такого свойства, взятой с потолка.

– Когда вступает в силу запрет смеяться? – спрашивает Исидор.

Продюсер смотрит на часы.

– Сегодня ровно в восемь. Действует ровно до восьми часов послезавтра. Никто не должен видеть вас смеющимися по какому бы то ни было поводу. Вот вам мой совет: чувствуете желание засмеяться – укусите себя за язык, ущипните себя в кармане, наступите себе на пальцы ног каблуком. Обычно это помогает.

Так и есть – дурдом!

– Который сейчас час? – осведомляется научный журналист,

принимающий все это полностью всерьез.

– Семь пятьдесят восемь. У вас остается еще две минуты, чтобы хохотнуть напоследок.

Лукреция Немрод давится, но безуспешно. Исидор молча ждет с закрытыми глазами.

– Внимание! Четыре, три, два, один... Все, ровно восемь. С этого момента вы должны продержаться двое суток. Полный запрет на любой смех.

После завтрака Стефан Крауз манит их за собой.

Помещение гораздо просторнее, чем могло показаться сначала. Здесь настоящий лабиринт коридоров, залов, лестниц на разных уровнях.

Продюсер ведет их в зал наверху, полный этажерок с книгами. В глубине зала трехметровая статуя сидящего по-турецки, как Будда, Граучо Маркса в каком-то сари. В углу рта у него наполовину выкуренная сигара, на кончике носа очки, глаза сильно косят.

Посередине зала овальный стол со стульями.

– Тема первого дня посвящения – история. Часто говорят об Эросе и Танатосе, но забывают о Гелосе – юморе. Это третья великая энергия, побуждающая людей действовать. Знаете ли вы о ее истинных корнях?

– У нас была возможность побеседовать с профессором Лёвенбрюком, – говорит Лукреция.

– Я знаком с его теориями. Они не только банальны, но и недостаточно продуманы. У него был доступ к некоторым деталям головоломки, но слишком много недоставало.

Человек в сиреневой тунике берет с этажерки фолиант размером 70 на 30 см, вылитый колдовской гримуар.

На обложке написано изогнутыми золотыми буквами: «Большая История Юмора. Источник GLH».

На первой странице иллюстрация с непонятными персонажами.

– Самая древняя шутка родилась два миллиона лет назад в регионе, соответствующем нынешней Южной Африке. По данным двух палеонтологов, связанных с GLH, мужчина спасался бегством от саблезубого тигра. Хищник уже собирался схватить до смерти напуганную жертву, но был раздавлен мамонтом, выбежавшим ему наперерез. Сначала ужас, потом нежданное появление мамонта и полное изменение соотношения сил – все это вызвало у доисторического человека гипервентиляцию.

– Откуда вы знаете? – спрашивает Лукреция, неизменно пристрастная к источникам информации.

– Бедняга от смеха зазевался, увяз в глине и погиб. Нам достался отпечаток, подобие рельефной фотографии этой сцены. Судя по положению челюсти и костей таза, смерть настигла его в момент приступа хохота.

– Ловко! – одобряет Исидор.

– Конечно, о полной уверенности говорить не приходится. При новой Великой магистерше мы скромнее подходим к оценкам и датируем зарождение юмора периодом за 320 тысяч лет до нашей эры. Дело было там, где нынче расположена Кения.

– 320 тысяч лет? – полна сомнений Лукреция.

– Столкнулись два племени, перевес в бою уже склонялся на одну из сторон, как вдруг в глаз вождю-победителю упал помет пролетавшего над ними стервятника.

– Помет стервятника в глазу – это и есть ваша первая шутка? Что тут смешного? – И Лукреция Немрод не удерживается от усмешки.

– Я вас предупреждал, – огорченно произносит Стефан Крауз. – Латинская крылатая фраза гласит: *dura lex sed lex*, закон суров, но это закон. И он звенит в маленький колокольчик.

Подбегают трое верзил в розовых плащах и волокут отбивающуюся журналистку в подвал.

– Что с ней сделают? – спрашивает Исидор.

– Наказание – способ закрепления информации.

– Кажется, вы говорили, что телесные наказания отменены.

– А они не телесные. По-моему, это гораздо хуже. Через несколько минут она вернется.

Когда Лукреция поднимается из подвала, у нее пунцовые щеки и прерывистое дыхание. Кажется, у нее за плечами сильное переживание, но она не грустит, просто очень серьезна.

– Простите, – говорит она, потупив взор. – Не сомневайтесь, я больше не буду.

Не обращая на нее внимания, Стефан Крауз продолжает:

– Хорошо, итак, самой древней шутке, как я сказал, 320 тысяч лет. Как нам представляется, она принесла пользу эволюции вида: в Восточной Африке произошел резкий скачок сознания.

Стефан Крауз переворачивает страницу.

– Третья важная шутка в наших архивах родилась 45 тысяч лет до нашей эры. Это история непонимания между кроманьонцами и неандертальцами.

Он пересказывает им древний эпизод и как будто ждет смеха журналистки, но та серьезно пишет в блокноте.

Он признал, что Дариус входил в GLH.

Значит, здесь был Циклоп. Наверное, его учили как нас. Он тоже слушал байку про помет стервятника... Как видно, что-то ему не понравилось, вот и возникло желание бороться с этими людьми. Чувствую, что члены GLH скрывают что-то... темное.

Стефан Крауз выглядит довольным.

– Переходим к шумерам. 4803 год до нашей эры.

– Что-то насчет женщины на коленях у мужа? – спрашивает Исидор.

– Вы в курсе? Читали диссертацию профессора Макдональда о происхождении юмора? Любопытно, но тоже неполно. Макдональд пересказывает шумерский анекдот 1908 года до нашей эры, мой несравненно древнее.

И он рассказывает о том, как шумерский царь Эн-Шакушана посмеялся над аккадским царем Энбиэштаром.

Он переворачивает страницы.

– Потом юмор перекочевал в Индию. Мы нашли анекдот 3200 года до нашей эры, из цивилизации Харрапа.

Стефан Крауз рассказывает о принце и танцовщице, попавших в затруднительное положение в ходе любовного соития.

Лукреция Немрод икает и заходится смехом. Продюсер снова огорчен, снова звенит колокольчиком.

– Нет! Честное слово, я больше не засмеюсь! – клянется она.

– Вам же лучше. В следующий раз будете осторожнее.

На звон колокольчика прибегают трое верзил и уволакивают ее, как она ни сопротивляется, как ни кричит: «Нет, только не это!»

Через несколько минут она возвращается еще более красная, чем в первый раз, заплаканная, но не опечаленная, скорее усталая.

– Не знаю, чего меня так разобрало. В следующий раз я сдержусь.

И она опускает глаза.

– То, что мы узнаем сейчас здесь, когда-нибудь может спасти вам жизнь, – говорит наставник.

За утро с Лукрецией случается еще два приступа смеха, за которыми следуют две отлучки в подвал и два возвращения в пристыженном состоянии.

Они знакомятся с юмором разных стран Античного мира.

Наконец им разрешают пообедать в столовой.

– Почему здесь все без масок?

– Здесь не едят те, кто должен оставаться неузнанными.

Стефан Крауз снимает маску, двое послушников тоже.

Все перестают есть и таращатся на них.

Лукреция Немрод тоже разглядывает обедающих. Их больше сотни, многие в преклонных годах.

Большинство – женщины старше 40 лет.

– Добрый день, – говорит Исидор, ни к кому не обращаясь, и приветственно поднимает руку. – Всем приятного аппетита.

Атмосфера разряжается.

Понятно, почему Дариус захотел их свергнуть. Вечная борьба между стариками при власти и зубастой молодежью! Но я у них в руках, это они делятся со мной премудростью. Придется отказаться от предрассудков и впитывать знания, чтобы проникнуть в их тайну и в проблему Дариуса. Держись, Лукреция! Не забывай слова Исидора: «Бои всегда проигрывают из-за недооценки противника». С виду они незлые, у всех живой взгляд. Наверное, юмор добавляет радости жизни.

– Что с вами, Лукреция? У вас рассеянный вид. Переживаете травму «наказания»? – спрашивает Исидор.

– Не знаю, что со мной. Извините.

– Что они с вами делали?

– Хотите узнать – сами засмейтесь.

Женщина в сиреневой тоге предлагает им овощи и рыбу на пару. На десерт фрукты. Подливки, мяса, хлеба, молочных продуктов не предусмотрено, только оливковое масло к овощам и рыбе.

За едой журналистка продолжает разглядывать столовую.

– Мы им подозрительны, – шепчет она.

– Наверное, они недоверчиво относятся ко всем новеньким. Все закрытые клубы одинаковые.

К ним присоединяется Стефан Крауз.

– Вкусно? Биологические продукты прямо из наших садов и огородов. Остроумный человек – отличный спортсмен, он строго соблюдает гигиену питания.

– Как насчет вина? – спрашивает Лукреция.

– Может быть, в конце посвящения. На данной стадии оно вам вряд ли поможет.

– Перестаньте, Лукреция! Вы видели, чтобы ученики храма Шаолинь пили на курсах кунг-фу вино?

– А покурить? Мне не выжить девять дней без сигарет!

– Можем снабдить вас никотиновым пластырем, не более того.

Лукреция пожимает плечами.

– Благодарю. Вы подсказали мне дополнительную причину не

смеяться.

Стефан Крауз наливает им холодной воды.

– Ни вина, ни пива, ни газировки.

– А кофе?

– Что может быть смешнее воды?

– Морковный сок.

– Это можно, это я люблю, – радуется Исидор.

Лукреции Немрод становится скучно.

– Не думаю, что долго здесь протяну, – бормочет она.

– Увидите, человек ко всему привыкает. Ваш организм еще поблагодарит вас за здоровое питание, без сахаров и жиров.

Они дисциплинированно жуют.

Днем курс истории юмора набирает обороты.

Стефан Крауз оказывается хорошим преподавателем, он повествует о шестии по планете юмора в виде анекдотов и живых картин, приводит в пример незаурядных людей.

– Не все великие комики входили в наш «клуб», но их было здесь немало. Вы узнаете о юмористах, о которых раньше не слыхивали, хотя они были великими первооткрывателями. В истории порой остаются только подражатели, о которых вовремя раструбили.

Потом Стефан Крауз открывает иллюстрированный фолиант, посвященный артистам в цветастых нарядах.

– Я расскажу вам о шутах. У королевских шутов, они же «дураки», был очень странный статус. Во Франции с XIV до XVII века король сам их назначал, ни с кем не советуясь. Им хорошо платили, им одним разрешалось не придерживаться придворных правил. Они имели право насмехаться над королевскими вассалами, поэтому те их подкупали, чтобы не становиться мишенями их представлений. Некоторые шуты, например Трибуле и Бриандас, сильно разбогатели.

– Мечта, а не работа, – говорит Исидор.

– Если бы! Их и боялись, и ненавидели. Они символически брали на себя часть зла, приписываемого суверену. Шутов считали воплощениями дьявола.

– Максимум привилегий и максимум ненависти, – подытоживает Лукреция.

– В глазах народа они были вроде громоотводов, разряжавших заряды негодования, которые король метал в своих вассалов.

– Через шутки?

– Через фразы, снимавшие драматизм. Их умом восхищались, но их самих презирали. Их даже не причисляли к христианам и лишали права на христианское погребение.

– Как долго это происходило во Франции?

– Ретроспективно можно сказать, что последним шутом был Мольер. Вернее, он превратил функцию шута в функцию «королевского комедианта». При нем эта работа стала подобием чиновничьей.

Терпеливо дожидаясь момента, когда можно будет действовать, журналисты скрепя сердце изображают довольство, делают хорошую мину при плохой игре, хотя вещи, которые им рассказывают, порой и впрямь поразительны, проливают свет на неведомые прежде закоулки истории.

К полуночи Стефан Крауз добирается до Бомарше.

Лукреция Немрод с удивлением обнаруживает, что не заметила, как прошел день, что ей не хочется курить и что она придерживается своего обещания не смеяться.

Стефан Крауз ведет их в пустую столовую, где они с опозданием едят холодный ужин. Потом он провожает их в комнату.

– Завтра начало в семь утра. Пользуйтесь выпавшим вам шансом пройти инициацию за девять дней, остальные могут об этом только мечтать.

– Вечером, у себя, смеяться можно?

– Я бы не советовал. Кто-нибудь, проходя мимо вашей двери, услышит ваш смех и вас выдаст. Дождитесь утра послезавтра – тогда и смейтесь сколько влезет. Спокойной ночи. Завтра у нас история юмора после Бомарше. – Глядя на них, Стефан Крауз продолжает: – Совсем забыл! С восьми утра послезавтра вы будете обязаны смеяться. Если хотите научиться терпению, могу предложить вам первое практическое упражнение. Попробуйте как можно дольше задерживать дыхание. В туалете прервите мочеиспускание, а потом возобновите простым усилием воли. Сегодня вечером попробуйте уснуть в тот самый момент, когда захотите этого, утром тоже проснитесь, когда захотите. Опытные йоги умеют усилием воли управлять пищеварением и сердцебиением. Вот что значит владеть своим телом.

Он подходит к молодой журналистке.

– Наш организм – как избалованный ребенок, требующий все больше сладостей, ласки, комфорта. Но если его воспитывать, учить делать что-то когда нужно, не раньше и не позже, то сначала он будет упираться, а потом скажет спасибо. Вам больше не придется его терпеть, вы будете его воспитывать и управлять им.

Продюсер еще раз желает им доброй ночи и уходит, оставив их одних.

Лукреция встает под ледяной душ. Закрывает глаза, слушает свое дыхание, биение сердца. Она не уверена, что все автоматические процессы поддаются контролю.

Удивительно, мне кажется, что внутри меня и вправду произошла перемена.

Тянет, конечно, покурить, поесть сладкого и жирного, похихикать. Но тут же стоит новая Лукреция – более сдержанная, более спокойная, более сильная.

Неужели находиться среди этих старичков полезно? Меня устраивает даже этот ледяной душ, я горда, что способна его выдержать.

Намыливаясь, она слышит урчание у себя в животе.

Желудок бунтует без мяса и сладостей.

Она чихает.

Легкие тоже возмущены, им подавай никотина и смолы.

Она усиливает напор воды.

Если бы мне сказали, что расследование смерти Дариуса выльется в такое приключение, я бы дважды подумала, прежде чем за него взяться.

Эти люди кажутся мне все более странными. За своим призванием защищать юмор они скрывают что-то постыдное.

Она мужественно подставляет голову под ледяные струи.

«У машины на шоссе спускает колесо. Водитель хочет его поменять, но запасное тоже пробито. Он пытается голосовать, чтобы ему помогли, но никто не останавливается.

Припускает дождь. В дождь тем более не находится желающих останавливаться.

Внезапно рядом тормозит спортивный автомобиль. За рулем шикарная блондинка, она предлагает помощь и везет его в автосервис.

Едут они, едут, а сервиса все нет. Блондинка говорит: уже темнеет, остановимся-ка в деревне, поужинаем. Дело к ночи, они решают переночевать, но в их распоряжении только одна комната с единственной кроватью. Они ложатся вместе, ночью женщина прижимается к нему, и они занимаются любовью. Наутро, проснувшись, водитель видит, что уже поздно. Он быстро одевается, спускается и спрашивает дежурного, есть ли в подвале бильярд. Узнав, что есть, водитель идет туда и мажет руки синим мелом. Вызвав такси, он торопится домой.

Жена встречает его на пороге, грозно сжимая скалку.

– Как ты оправдаешься теперь? Где ты провел ночь?

– Милая, ты не поверишь! Вчера вечером на дороге у меня пробило колесо. Запаска тоже оказалась негодной, я стал голосовать, а тут еще и дождь пошел. Никто не останавливается. Вдруг тормозит спортивный автомобиль, молодая женщина, потрясающая блондинка, предлагает помощь. Мы ищем автосервис. Ничего не находим, ужинаем в деревне, ночуем в гостинице, где всего один номер с одной кроватью. Спим вместе, ночью занимаемся любовью, я так устал, что утром заспался...

Жена успокаивается и насмешливо говорит:

– Думаешь, я поверю твоим басням и не замечу, что у тебя руки в мелу? Не старайся, я поняла, опять всю ночь резался с мужиками в бильярд!»

Анекдот GLH № 572587.

Вода стекает по волосам, по плечам, течет по высокой груди, по бедрам.

– Пошевеливайтесь! – торопит ее Исидор.

– Что еще? – кричит она, выключая воду.

Она выходит, обмотав голову махровым полотенцем.

– Расследование продолжается! Что-то здесь не то!

Мы с ним приходим к одинаковым выводам.

– У этих воинов «юмора света» рыльце в пушку.

Прямо с языка снял!

– Не будем же мы все это время корчить из себя подмастерьев юмора!

Наш долг – объяснить смерть Дариуса. Теперь, когда мы уверены, что его брат Тадеуш ни при чем, есть сильное подозрение, что это сделал кто-то из GLH.

– У людей GLH нет BQT.

– Была, а потом они ее потеряли. Или кто-то из них действует на собственный страх и риск. Так или иначе, ключ к разгадке здесь, я это чувствую.

Он у меня попляшет! Я ткну его носом в его же противоречия!

– Вы больше нравитесь мне таким, Исидор, – не анализирующим, а действующим.

– В данный момент надо любой ценой обследовать все закоулки.

Он достает из-под белого плаща мешок.

– За обедом я притворился, что иду в туалет, а сам заглянул в чулан и стащил две сиреневые формы, в них нас не опознают.

– Какой у вас план?

– Нам надо выяснить, где мы находимся, кто на самом деле эти люди, что скрывают под вполне симпатичной личиной.

– Снова ваша интуиция?

– Она, родная. Было бы непрофессионально довольствоваться информацией, которую нам дают. Надо докопаться до сути.

Он уже надел тунику и показывает ей припасенные электрические фонари.

Времени на дискуссию нет: прямо так, с мокрыми волосами, морщась, она натягивает сиреневое облачение.

– Вперед, к новым приключениям, как говорят в кино!

В этот поздний час большинство крепко спит. Они идут по коридорам, никого не встречая.

– Что вы думаете обо всем этом цирке, дорогой Исидор?

– То же, что и вы, дорогая Лукреция.

– Мое мнение, что это старческая секта, со скуки корчащая серьезность.

Тут из-за угла появляются двое. Молодая научная журналистка вздрагивает, но коллега показывает жестом: не замедляйте шаг.

Двое во всем сиреновом спокойно приближаются.

Вдруг это местная полиция?

Один, поравнявшись с ними, бросает:

– Ничего подозрительного?

– Ничего, – как ни в чем не бывало отвечает Исидор, не сбавляя шаг.

Они расходятся. Когда пара исчезает за поворотом, Исидор поворачивается к Лукреции.

– Вы вся дрожите. Боитесь наказания? Выкладывайте, что с вами делали, когда вы смеялись!

– Хотите узнать – сами засмейтесь. Извините, это платное развлечение.

Они идут дальше по коридору.

– Мы лезем в самую волчью пасть, Исидор.

– С волком можно познакомиться только так.

Перед ними лестница.

– Поднимемся? Узнаем, что там, наверху.

– Нет, лучше спустимся. Самое интересное всегда происходит в глубине.

Они спускаются по лестнице.

– Вам не страшно, Исидор?

– Я отношусь к этому как к стажировке. У нас сейчас первый год... как назвать этот курс? «Филогелозии». Философия, если буквально, – это искусство любить мудрость, а филогелозия – наука любить смех.

– Наука?

– Почему бы нет? Мы изучаем здесь шутки, как в других местах изучают вирусы. В сущности, шутки – те же вирусы. Стоит пошутить – и шутка распространяется из уст в уста. Мутирует она тоже, как вирус.

– И убивает, как вирус.

С этим он не согласен.

– Боюсь, все это плохо кончится, Исидор. Мы здесь застряли, все эти люди мне не нравятся. Мы даже не знаем, где находимся.

– Жизнь – кинофильм с плохим концом, Лукреция. Интерес

представляет действие до завершающих титров. – Он размышляет и заканчивает: – Вообще-то я не прав. Это плохо кончается для нашей плоти, но хорошо для души.

Лукрецию не устраивает этот прогноз.

– Вы верите в бессмертие души?

– Моя душа верит, а тело сомневается.

Как я погляжу, на этой стадии «филогелозии» он стремится превзойти себя.

Коридорам нет конца.

– Думаете, через эти девять дней мы станем остроумцами?

– Хочется надеяться. Напрасно я до сих пор игнорировал эту сферу, комичное во мне самом. Благодаря вам и нашему расследованию я бы очень хотел восполнить этот недостаток.

– А я? Вы считаете меня остроумной?

– Вы неотразимы, Лукреция! При виде вас я давлюсь от смеха.

Эта фраза произнесена нейтральным тоном.

– Вы все еще надо мной смеетесь, Исидор?

– Да. Это вас смущает?

– Немного.

Они выходят на галерею, ведущую к массивным воротам с замысловатой ковкой.

– Теперь ваша очередь демонстрировать таланты.

Лукреция напоминает ему, что она здесь с пустыми руками, так ей запоры не одолеть. К ним приближаются два стража порядка. Чтобы не сталкиваться с ними, Лукреция и Исидор прячутся в углу.

«Шерлок Холмс и доктор Ватсон ставят палатку в лесу, ужинают у костра и засыпают. Ночью Холмс просыпается и будит Ватсона.

– Взгляните, Ватсон. Что вы об этом думаете?

Доктор Ватсон не понимает, зачем Холмс его разбудил.

– Я вижу тысячи звезд и говорю себе, что наша маленькая планета затеряна в необъятной Вселенной.

Шерлок Холмс настаивает:

– А если конкретнее?

Ватсон задумывается.

– Если звезд тысячи, а может, миллионы, то очень вероятно, что существуют планеты, схожие с Землей. Возможно, на этих планетах есть жизнь.

– Какие мысли навевают вам все эти звезды?

– О разумной инопланетной жизни. По всей вероятности, она не менее разумна, чем наша.

– Нет, дорогой Ватсон, ваша дедукция неверна, – говорит ему Шерлок Холмс. – То, что вы видите все эти звезды, означает, что пока мы спали, у нас сперли палатку».

Шутка GLH № 878332.

Звенит колокольчик. Проснувшись, оба находят чистые белые туники и плащи. На стуле лежит программа.

– Сегодня опять «история», еще больше, чем вчера. Конец еще позже, – говорит Лукреция со вздохом.

– При таком ритме мы выбьемся из сил и не будем иметь времени на расследование.

– А ведь ключ к смерти Циклопа почти наверняка здесь!

Они принимают душ, завтракают и идут в знакомый зал.

Статуя Граучо Маркса в сари впечатляет их еще сильнее, чем накануне. Урок посвящен современным юмористам, великим магистрам GLN, изобретателям, блестящим практикам, философам юмора.

– На ком мы остановились? Ах да, на Бомарше. Напомню, мы занимаемся только теми, кого больше нет в живых, других имен я вам не назову, – предупреждает Стефан Крауз. – Ни один брат-юморист не может упоминать другого брата, если тот не даст на это разрешения.

Он открывает тяжелый гримуар и показывает фотографии.

– После Бомарше хочется назвать Эжена Лабиша, 1815–1888. Он изобрел современную комическую театральную сказку. Вместе с Жаком Оффенбахом он создал оперу-буфф. Он был Великим магистром GLN.

Продюсер цитирует фразы Лабиша, часто приписываемые другим:

– «Эгоист – человек, не думающий обо мне». «Я заметил, что моя супруга верна не только мне». «Один Бог вправе убивать себе подобных». «Люди признательны нам не за услуги, которые мы оказываем им, а за услуги, которые они оказывают нам».

– «Путешествие мсье Перришона», – вспоминает источник Исидор.

Наставник переворачивает страницы.

– Следующий – не комик, не клоун, не писатель-юморист: Анри Бергсон, 1859–1941. Он был первым современным философом, теоретизировавшим о принципе смеха и юмора. Это он сформулировал: «Смех – это механическое, наложенное на живое».

– Он тоже был Великим магистром GLN?

– Нет, просто магистром. Он воспринимал юмор излишне серьезно. Многовато аналитики, маловато практики. Цитирую: «Главное в искусстве писателя – заставить нас забыть, что он употребляет слова». «Предвидеть – это проецировать в будущее понятое в прошлом».

В конечном итоге лучший способ разобраться в человеке – прочесть не его биографию, а его сентенции. Всего несколькими цитатами Стефан Крауз знакомит нас с человеком гораздо лучше любого исторического тома.

Дальше речь заходит о Жорже Фейдо, 1862–1921.

– Он старался понять само явление юмора. Был этим одержим, оттого и умер.

– Прочитайте нам Жоржа Фейдо, – просит Лукреция, старательно изображая прилежную ученицу.

– «Единственная моя гимнастика – посещение похорон друзей, делавших гимнастику для здоровья». «Мужья нравящихся нам женщин – как на подбор идиоты».

Исидора Каценберга тянет рассмеяться, но он вовремя сдерживается.

– А теперь – Чарли Чаплин, 1889–1977. Расскажу малоизвестный анекдот из жизни этого универсального гения. Однажды сценарист Чарльз Макартур попросил у Чаплина совета об одной комической сцене в сценарии: «Как вызвать смех, показывая толстушку, поскользывающуюся на банановой кожуре? Показать сначала кожуру, потом толстушку? Или сначала ее, потом кожуру, потом как она поскользывается?» Чарли Чаплин ответил: «Не так. Сначала она подходит, потом кожура, потом и она, и кожура. Толстушка аккуратно перешагивает кожуру и падает в открытый канализационный люк».

– Шикарно! – не может удержаться Лукреция.

– Чарли Чаплин принадлежал к GLH?

– Конечно. В свое время у GLH было сильное американское ответвление. Он был Великим магистром.

Исидор записывает эту подробность.

– Теперь – Граучо Маркс, 1890–1977. Специально для мадемуазель Немрод, любительницы цитат: «Я родился очень молодым», «Не хотел бы вступать в клуб, куда приняли бы членом меня», «Мужчина так молод, как молода любящая его женщина», «Либо этот человек мертв, либо время остановилось».

Лукреция и Исидор очень стараются не смеяться.

– Граучо Маркс был магистром GLH?

– Великим магистром на протяжении трех лет.

– То есть вступил в конце концов в клуб, согласившись принять его в члены, – замечает журналистка.

Продюсер листает свой фолиант.

– Саша Гитри, 1885–1957. Его пьесы уже не ставят. Вот несколько

цитат из него: «Я бы охотно согласился с тем, что женщины нас превосходят, если бы это разубедило их выдавать себя за нашу ровню». «Если бы те, кто меня хулит, точно знали, что я о них думаю, то стали бы хулить меня гораздо сильнее». «Вы слышали, чтобы ребенок говорил: «Вот вырасту – стану профессиональным критиком»?» «Бывают по-настоящему надежные люди. Обычно это те, кто никому не нужен».

– Неплохо, – одобряет Лукреция.

– Лучшая вот эта: «Цитировать чужие мысли – значит жалеть, что они не пришли в голову вам».

– Саша Гитри был Великим магистром GLH?

– Нет, просто магистром. А вот один из самых важных персонажей, Пьер Дак, 1893–1975. Тоже Великий магистр, а еще участник Сопротивления во Вторую мировую войну. Он вел комические передачи, высмеивая правительство Виши и Гитлера. Его фразы: «Тому, кто начинал в жизни с нуля и ничего не добился, некого благодарить». «Лучшее доказательство существования внеземного разума – то, что он не пытается связаться с нами». «Заткнуться стоит не потому, что нечего сказать».

Сегодня мы закончим им. Мы совершили обзор от Бомарше до Пьера Дака.

Он закрывает книгу и приглашает их на трапезу.

За обедом у них прорезается аппетит. Благодарить за это надо, наверное, пионеров юмора.

Лукреция подмечает у всех них кое-что общее.

Их объединяет богатое прошлое, трудная жизнь. Смех придавал им несгибаемость, с его помощью они справлялись с душащей тревогой. Они преуспели в жизни благодаря юмору, но у всех на склоне лет была потребность просить прощения за свое остроумие. Многие порывались писать трагедии, недовольные своим имиджем.

Стефан Крауз провожает их в комнату.

Исидор принимает душ, натягивает футболку и молча лезет к себе на верхнюю койку.

Лукреция, ложась спать, улыбается.

Завтра я смогу смеяться.

Вернее, завтра я должна буду смеяться.

Ей трудно было удержаться от смеха, но смеяться по приказу может быть еще труднее.

Я должна научиться владеть собой.

Она старается управлять дыханием.

Попробую обратный отсчет. Дойду до нуля – и сразу усну. 10, 9, 8, 7,

6, 5, 4, 3, 2...

– Не будем забывать о расследовании, Лукреция. За дело!

Исидор уже стоит с сиреневыми плащами и масками, а также с двумя фонарями.

Они идут той же дорогой, что накануне.

У больших ворот он показывает Лукреции раздобытые где-то отвертку и моток проволоки.

Она начинает возиться с замком, но задача оказывается слишком сложной.

– Я считал вас специалисткой! – фыркает Исидор.

– Я специализируюсь на современных электронных сейфах, а не на старье трехсотлетней давности. Понятия не имею, как работают эти штуковины, там внутри столько всяких винтиков, которых я не вижу. Прямо часовой механизм!

– Вы меня разочаровываете, Лукреция. Как бы я вас не переоценил!

От этих его слов она утраивает рвение.

Сейчас я ему покажу!

Она припадает к замку ухом, но ничего не слышит и показывает знаком, что сегодня ничего не выйдет.

– Нужен рентген, чтобы заглянуть внутрь этого замка.

В их сторону снова движутся двое в сиреновом, и в этот раз им уже негде спрятаться.

«Неужели я действительно его разочаровала?» – горюет Лукреция.

«Адам скучает в раю и требует себе женщину. Бог обещает ему нечто особенное: красавицу, ласковую, кроткую, умницу, внимательную, умудренную во всех искусствах, гибкую, нежную, совершеннейшее из всех Его творений. Проблема в том, что это дорого обойдется: в один глаз, одну руку, шесть пальцев ног. Адам, подумав, отвечает: «Дороговато, конечно. Что я получу за одно ребро?»

Анекдот GLH № 234445.

Палец уверенно жмет на кнопку хронометра.

– Внимание, приготовиться! На счет три начинаем. Один, два, три! Смейтесь!

Лукреция натужно давится, потом расходится, смех постепенно становится звучным и ритмичным.

– Стоп! – снова жмет Стефан Крауз на кнопку хронометра.

Она не сразу прекращает, но находит силы сдержаться и умолкнуть.

– Повторить. На счет три. Один, два, три! Смейтесь!

Она только начинает расходиться, а Стефан Крауз уже требует прекратить.

В этот раз она добивается более эффективного торможения.

– Еще!

Теперь он позволяет ей смеяться долго, пока она сама не выдыхается.

– Пять минут двадцать две секунды. Если вас не прерывать, вы смеетесь более-менее естественно пять минут двадцать две секунды. Теперь вы, Исидор.

Исидор подсаживается к Стефану Краузу.

– Готовы? Внимание, на счет три. Один...

– Нельзя ли какой-нибудь анекдотец, так легче начать? – просит журналист.

– Нет, спонтанный смех – часть тренировки. Делайте как ваша подруга: начинайте и прекращайте смеяться без всякой помощи.

Журналист показывает жестом, что готов, глубоко вздыхает.

– Один, два, три... Смейтесь!

Наставник включает хронометр, и Исидор хихикает – тоненько и неубедительно.

– Что еще за ржавые шестерни? Соберитесь, Исидор. Можете мысленно рассказывать любые истории.

Исидор вспоминает анекдот, и его смех становится естественнее.

– Еще раз, вы можете! Начинаем. Один, два, три... Смейтесь!

Исидор смеется все громче, все искреннее, переходит с третьей передачи на четвертую. Он же готов воткнуть пятую, но Стефан Крауз неумолим.

– Стоп!

Исидор притормаживает, переключается на третью, на вторую,

останавливается на первой и встает.

– Прогресс налицо. Только надо научиться резко тормозить. Обоих касается: копите в голове анекдоты для ускорения смеха и печальные истории для торможения.

Что он еще придумает? Этот тип начинает меня пугать.

– Как видите, у всех нас проведена в голове невидимая черта остроумия, граница, при пересечении которой включается механический смех. Будем вместе миллиметр за миллиметром исследовать эту границу.

– Зачем? – спрашивает Лукреция.

Продюсер вскидывает брови.

– Это элемент посвящения. Вы же сами этого хотите, разве нет?

– А если поточнее?

– Что ж, раз вы настаиваете... Для последнего, смертельного испытания, которым увенчается ваше посвящение.

ЧТО?

– Мы договаривались...

– ...что вы пройдете посвящение. И вы его пройдете, как все здесь.

– А как же BQT?

– Это гарантия вашего посвящения. Но мы никогда не говорили, что это будет гарантией вашего выживания.

Вот она, западня!

Стефан Крауз широко улыбается.

– Да вы не волнуйтесь, я ваш инструктор, мой долг – так подготовить вас к финальному испытанию, чтобы оно прошло наилучшим образом. Раз все мы здесь, значит, его можно пережить. Ради этого я подвергну вас любому наказанию, любому испытанию. Моя цель – закалить вас перед судьбоносным днем.

Мы пропали. Ты спас меня, Дариус, но желание понять твою смерть меня погубит.

– Ну-ка, Лукреция, какая мысль быстрее всего лишает вас желания смеяться?

– Я обязана отвечать? Это очень личное. Эпизод травли в приюте.

– А вас, Исидор?

– Я был свидетелем теракта.

– Отлично. Держите это в памяти, чтобы в любой момент перестать смеяться. Эти упражнения будут вам очень полезны в последующие дни. После истории будет медицина. Мы увидим, как работает смех.

Стефан Крауз ведет их по другим коридорам и по другим лестницам, в небольшую лабораторию, похожую на ту, которую Исидор обнаружил в

больнице Помпиду. Там установлены сканеры и рентгеновские аппараты, позволяющие отслеживать электрические импульсы в мозге.

– Первая машина – IRM-F, функциональная магнитно-резонансная томография. Не путать с просто IRM. Эта технология позволяет следить за изменениями магнитных и электрических полей в мозге.

Он усаживает их в пластмассовые яйцеобразные кресла, с помощью ассистентов в темно-розовом обвешивает их датчиками. Когда все подключено, он рассказывает анекдот.

Лукреция и Исидор смеются.

На экране появляется стрелка.

Научные журналисты следят за траекторией анекдота в своем мозге, вспыхивающие участки указывают на активацию нейронных пучков.

– Мы займемся контролем анекдота. Я расскажу еще один, вы засмеетесь, потом по моему сигналу перестанете смеяться. Новый мой сигнал – и вы возобновляете смех.

Журналисты тренируются и добиваются все более приличных результатов.

Их переводят в зал с подробными картами тела и мозга.

– Смех – комплексное явление, происходящее на многих уровнях, – объясняет Стефан Крауз. – Левое полушарие мозга – это аналитик, который, получив неожиданную информацию и не находя в ней логики, перебрасывает ее в правое, поэтическое полушарие, но то тоже не знает, что делать с этой горячей картошкой и включает нервный импульс смеха, позволяющий выиграть время.

На гормональном уровне смех высвобождает эндорфины, вызывающие ощущение удовольствия и эмоциональный подъем.

На уровне сердечно-сосудистой деятельности – ускорение сердцебиения.

Вплоть до остановки сердца?

Стефан Крауз показывает на карте другой участок.

– Прыжки диафрагмы. На уровне легких смех вызывает гипервентиляцию, импульсный выброс воздуха со скоростью сто двадцать км в час, что резко колеблет живот, массирует все соседние органы – желудок, печень, селезенку, кишечник, растягивает ткани живота. Смех сотрясает весь организм на всех этажах. Между прочим, – продолжает продюсер, – мужчина не может одновременно заниматься любовью и смеяться. Женщина тоже. Тот и другой акты требуют от организма всей энергии.

Двое послушников GLH посвящают все утро стараниям укротить

своих норовистых «мозговых лошадок», как это называет Стефан Крауз.

За обедом они удивляются, до чего у них разыгрался аппетит.

– Смех возбуждает аппетит. От смеха худеют. Это нормально, смеющийся организм потребляет много жиров и сахаров. Это вообще прекрасный способ сбросить вес.

Вся еда кажется им очень вкусной, даже морковь, редиска, огурцы.

Вторая половина дня занята упражнениями, тренировками, описанием электрических и химических механизмов смеха.

В 6 часов вечера начинается работа с понятием «короткой шутки». Для этого они переходят на другой аппарат.

– Перед вами сканер позитронно-эмиссионной томографии, PET. Он позволяет наблюдать циркуляцию жидкостей – крови, воды, лимфы. В хорошей шутке должна быть «нехватка слов». Слова не произносятся, а подразумеваются. Слушающий пишет часть шутки в своей голове. Вот пример: «В чем разница между «Пастисом» и позой «69»? Ответ: от «Пастиса» у тебя нос в анисе».

Лукреция морщится: уровень шутки ниже плинтуса. При этом ничего «сексуального» не прозвучало, только подразумевалось. Это даже хуже.

На мониторе можно наблюдать воздействие анекдота на ее организм: появляются окрашенные участки.

– Давайте без ханжества, восемьдесят процентов анекдотов на свете касаются табуированных тем: секса, смерти, испражнений. Это самые распространенные запреты. Их нарушение наиболее эффективно.

Стефан Крауз приводит еще несколько примеров: «Разговор двух сперматозоидов. «Далеко еще до яичников?» – «Далеко, пока только железы»».

Продюсер проверяет эффект.

– Или еще мягкая копрофагия: «Почему собаки часто лизут друг другу зады? – Потому что могут!»

Лукреция не может сдержать смехок.

– Есть, конечно, и более слабые табу, но и эффект их, как вы сейчас убедитесь, послабее: «Жандарм останавливает женщину-водителя. «Вы не видели красный сигнал светофора?» – «Видела, но не видела вас».

– Потрудитесь записать анекдоты и потом их изучить. Подумайте, почему они действуют или не действуют. Каковы пределы табуирования, что способствует максимизации эффекта. Подходите к шутке как к кулинарному рецепту, который можно усовершенствовать, лучше подобрав соотношение ингредиентов.

Он показывает журналистам, как последние шутки воздействовали на

их организмы. В одном участке мозга появились белые полосы, но в другие участки они не проникли.

– Подумайте о соотношении речи и образа. В сознании слушающего анекдот должна появиться картинка. Например: «На пловца в бассейне накричали: он помочился в воду. «Бросьте, – возмущается он, – как будто я один такой!» – «Представьте, один: никто больше не мочится с прыжковой вышки!»

Продюсер знакомит слушников с основными технологиями изготовления анекдота: «обратный разлом», «неожиданный возврат», «двойные стандарты», «скрытый персонаж», «ложь с замедлением», «невозможная эскалация», «игривый подтекст».

Стефан Крауз продолжает:

– Еще один принцип – «нелогичная логика». Пример: «Ученый дрессирует блоху. «Прыгай!» Блоха прыгает. Он отрезает ей лапки и командует: «Прыгай!» Она не прыгает. Ученый записывает: «Если блохе ампутировать лапки, она оглохнет»».

Оба журналиста сохраняют серьезность. Судя по мониторам, этот анекдот мало подействовал на их мозг.

– Раз вы так суровы, начинайте сочинять сами.

Исидору и Лукреции позволено самим создавать анекдоты.

Начинать надо с коротких трехсоставных структур с падением в третьем такте, противоречащим двум первым.

Несколько секунд на сочинение анекдота? Так, с ходу, у меня не получится!

– Вперед, поверьте в себя, не бойтесь показаться смешными или малопристойными, главное – удивить!

Молодая журналистка закрывает глаза и выдает скабрёзную шутку о мужском эгоизме. Исидор отвечает шуткой про истеричек.

Стефан Крауз слушает, оценивает, дает советы об оптимизации, показывает их слабость и силу, творит вместе с ними. За ужином он откровенничает:

– Анекдот – это хокку западной культуры. Вы в курсе, это японские стихотворения из трех строк. Подобно хокку, анекдот всегда следует правилу трехсоставности. В нем всегда три такта: первый – представление действующих лиц и места. Второй: драматургическое развитие, быстро создающее напряжение. Третий: максимально неожиданная развязка. Материал каждого уровня подлежит урезанию, чтобы оставалось только самое главное, это повышает эффективность. Старайтесь придать максимум веса последнему слову.

Исидор и Лукреция записывают рекомендации.

– Сейчас я расскажу длинноватую байку, в которой хорошо видна трехтактность. Вы увидите, что эта конструкция очень мало отличается от киносценария. Кстати, хороший анекдот – это маленькое кино с интригой, загадкой, действующими лицами. Вы должны быстро убрать все лишнее и оставить только необходимое. Завтра я жду от вас детального анализа со всей механикой.

«Трое попадают в рай. Их встречает святой Петр, он поражен их увечностью и подавленным видом.

– Что это с вами? – спрашивает он.

Первый рассказывает:

– Я заподозрил жену в неверности и вернулся с работы раньше времени. Открываю дверь, вбегаю в спальню, жена голая в постели. Где, кричу, мерзавец, имеющий мою жену среди бела дня? Она молчит, я ищу. Из спальни виден балкон, там прячется мужик. Я туда. Мы живем на седьмом этаже. Он виснет на руках. Я стараюсь его сбросить, он орет что-то непонятное. Сбросить не удастся, я хватаю на кухне молоток и колочу его по пальцам, пока они не разжимаются. Я наклоняюсь, чтобы проследить его полет, но мужику везет: он падает на крышу цветочного киоска внизу и спрыгивает оттуда невредимым. Я бегу в кухню, поднимаю холодильник, тащу на балкон, сбрасываю вниз. От мужика остается лепешка.

– Но лица-то нет на тебе! Почему?

– Я не рассчитал, холодильник утянул меня за собой, но на крышу киоска я не попал и разбился.

– А ты? – обращается святой Петр ко второму.

– Мне надоела ржавчина на балконе, дай, думаю, закрашу. Сделал люльку, повесил ее на два крюка, крашу. Крюки один за другим срываются, я лечу вниз, но цепляюсь за балкон этажом ниже. Тут появляется мужик. Жду помощи, а он бьет меня по рукам. Я кричу, он уходит. Ну, думаю, сейчас принесет веревку и вытянет меня, но этот псих возвращается с молотком и давай дубасить меня по пальцам. Я падаю, но цветочный киоск внизу смягчает падение. Не успеваю прийти в себя, а сверху уже летит холодильник...

– Понимаю. Ну а ты? – спрашивает святой Петр третьего.

– А я – любовник. Слышу, муж идет, лезу в холодильник и жду. Потом холодильник улетел. Я так ничего и не понял».

Шутка GLH № 773423.

Лукреции снится сон.

Она в огромном, со стадион, театре. Она поднимается на сцену, обрамленную красным бархатным занавесом, и смотрит в полный зал.

Она знает, что должна смешить эти десятки тысяч внимательных зрителей.

Для начала она раздевается.

Долой блузку, брюки, чулки, туфли. На ней только бюстгальтер и трусы. Она снимает бюстгальтер и остается с голой грудью. Потом трусы. Она отворачивается от зала и демонстрирует ягодичы. Раззадоренный зал оглушительно свистит. Она смешно вращает задом.

Потом она манит на сцену Исидора в белом плаще и в маске.

Тот подходит к подставке с микрофоном.

– Шутки – как вирусы. Стоит их запустить, как они начинают распространяться, передаваться от уст в уста, мутировать, как вирусы... и, как вирусы, убивать.

Зал аплодирует.

Он достает из-под плаща перевязанный лентой сверток.

– С Первым апреля! С праздником, Лукреция!

Она развязывает ленту, снимает обертку и видит синюю деревянную шкатулку с позолоченными петлями. Сверху надпись: BQT, снизу: «Не смейте читать!».

– Не смейте читать, Лукреция! – говорит ей Исидор.

Из люка на сцену лезет Дариус Возняк.

– О нет! – говорит он насмешливо. – Не смейте!

Он приподнимает повязку на глазу. В пустой глазнице не сердечко, а пластмассовая фигурка, брелок со смехом. «Не смейте читать!» – звучит механический голос.

Следующими из-под сцены вылезают брат и мать Дариуса.

– У моего сына было железное здоровье, – говорит мать.

– Первый, кто засмеется, получит пулю, – говорит брат.

По трапеции на сцену спускается грустный клоун.

Он снимает маску и оказывается профессором Лёвенбрюком.

– Это ящик Пандоры, – говорит он. – Тот, кто его открывает, не знает, на что себя обрекает.

В следующий момент профессор Лёвенбрюк становится Себастьяном

Долином и говорит:

– Это поцелуй, ласка для души.

Себастьян Долин превращается в кюре из Карнака, отца Легерна.

– Это сатана, дьявол!

Наконец на сцену выбегает Стефан Крауз. Сняв свою сиреневую маску, он декламирует:

– Этот анекдот – всего лишь хокку, он подчиняется правилу трех тактов.

Он тычет пальцем в голую грудь Лукреции:

– Экспозиция.

Он указывает на ее ягодичи:

– Развитие.

Теперь очередь лобка:

– Заключение.

Девушка закрывает себе руками соски и низ живота.

– Долой стеснение! Юмор – это секс, копрофагия, все запретное и шокирующее. Юмор – это беспокойство, грязь, это плевок в лицо обществу. Юмор должен быть тошнотворным. Нос в анисе, Лукреция, в анисе!

Он пытается заставить ее убрать руки, но она не дается.

Звонят тарелки, оркестр новоорлеанского джаза раздражается сумасшедшими фанфарами.

Прожектор бьет в угол сцены, где рядом с цветочным киоском лежат двое разбившихся, один из них вдобавок раздавлен холодильником. Из холодильника вылезает окровавленный человек.

– Лично я – любовник, я ничего не понял! – объявляет он.

Зал аплодирует.

Приглядевшись, Лукреция узнает в нем своего собственного любовника, которого она прогнала, чтобы посвятить себя расследованию. Сверху падает еще что-то и разбивается на мелкие кусочки. Это ее компьютер.

Снова аплодисменты в зале.

За спиной Стефана Крауза появляется Великая магистерша в фиолетовой маске. Она подходит к микрофону.

– Через девять дней вас ждет смертельное испытание. Девять дней – это как девять месяцев, срок вынашивания.

Пожарный Тампести выкатывает гроб на колесиках, на крышке гроба написано: «Здесь покоится Лукреция Немрод, никем не любимая, потому что уродина, дура, даже расследование до конца довести не может».

Следом за пожарным семенит, крестясь, отец Легерн.

– На кладбище рождена, на кладбище возвратилась...

Публика хлопает. К микрофону подходит Лукреция.

– Вы считаете меня пустым местом, потому что я не совсем голая. Надо продолжить стриптиз, я зашла не достаточно далеко.

Стефан Крауз наводит на нее револьвер.

– Валяй, рассмеши нас, это ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ИСПЫТАНИЕ твоего посвящения.

Она прикасается к волосам и стягивает с головы парик, под ним голый, как яйцо, череп. Она нащупывает на затылке застежку-молнию, тянет за нее и снимает с себя всю кожу, как комбинезон ныряльщицы, оголяя красные мускулы и желтые жировые наслоения.

Потом убирает мускулы, отделяет органы: сердце, кишки, печень, поджелудочную, легкие. Все это она складывает перед собой, как одежду, которую потом надо будет снова надеть. Избавившись от последних мышц, она оголяет скелет.

Зал поощряет стриптизершу свистом.

– Дальше? – спрашивает она.

Стефан Крауз дергает револьверным дулом.

– Последнее испытание!

Она отвинчивает, как крышку на банке с вареньем, верхнюю половинку своего черепа, достает розовый мозг, похожий на цветную капусту в желатине, и кладет его рядом со своими органами.

Скелет открывает шкатулку и достает оттуда жареную рыбешку с выпученными глазами Левиафана.

Аплодисменты.

Она разворачивает свиток и громко читает:

– Вы правда хотите, чтобы я вас рассмешила? Это последнее испытание? Что ж, теперь я готова прочесть вам ВQT. Вы готовы ее слушать?

– Да, да, да! – гремит хор.

Исидор доволен. Тенардые хлопает в ладоши. Тампести закуривает и подпаливает себе усы. Крауз говорит:

– Помните о четкой артикуляции, перед каждой фразой делайте вдох.

Она, по-прежнему скелет, делает вдох и подносит свиток к своим пустым глазницам:

– «Это история знаменитого комика, которого убило чтение шутки».

Дариус поднимает руку.

– Это я, я!

Залу уже смешно.

– «Двое научных журналистов расследуют, что это за шутка».

Исидор грохочет:

– Это мы, мы!

Залу еще смешнее.

– А вот и развязка: «В конце они выясняют, что шутка – это секрет того, что такое на самом деле человек!»

И зрители раздражаются хохотом.

Десятки тысяч громко ржут в унисон. От натуги они лопаются, со всех ключьями слезает кожа, обваливаются мышцы, выпадают внутренние органы, и все до одного, включая Исидора, превращаются в лязгающие челюстями скелеты.

– Вот оно как! – удивляется Исидор. – Шутка шуток – это, оказывается, напоминание людям, что на самом деле они – задрапированные мясом кости!

И он сам вибрирует всеми костями от хохота.

– Это и есть заразный вирус – знание истины... Она до того нестерпима, что человек хохочет, чтобы не сойти с ума.

Прожектор освещает в глубине толстые ворота вроде тех, которыми заканчивается подземная галерея. В замочной скважине медленно поворачивается древний ключ. Ворота открываются, за ними стоит стилист Алессандро. Он протягивает Лукреции косу.

– Пора завершить работу. Скоси все, что торчит. Поверь, Лукреция, стрижка всегда идет на пользу.

Подражая скелету с карты Таро, Лукреция со свистом орудует косой, лихо снося хохочущие над смертельной шуткой головы зрителей...

Будильник в ее «Блэкберри» будит ее несносной мексиканской «кукарачей».

Она просыпается вся в поту, с кошмарными картинками из своего сна в голове.

Она трет глаза.

Смыть кошмар! Зачем мозг показал мне это омерзительное кино?

Она помнит сон, помнит и реальность.

Накануне вечером они с Исидором опять пытались отпереть ворота, но тщетно.

Под душем она трет себя едва ли не до крови, чтобы избавиться от ошметков сна.

Зубы она счистит с таким остервенением, что заплевывает кровью всю раковину.

Ни слова не говоря коллеге – он тоже встал, – она одевается, красится,

причесывается, надевает плащ и маску.

Все так же молча они выходят в коридор, где мимо них шмыгают розовые и сиреневые плащи.

Стефан Крауз уже ждет их в столовой.

– Ну, что вы думаете об анекдоте про троих в раю?

– У него замечательная структура, – отвечает Исидор. – Тот, кто его придумал, поработал над мельчайшими подробностями.

– Его сочинил в 1973 году наш тогдашний Великий магистр Сильвен Ордюро. О нашем существовании никто не подозревает, поэтому анекдот был запущен в мир без всякого авторского права и с тех пор живет-поживает.

– 1973 год? Наверняка с тех пор он претерпел изменения.

– И немалые. Чем их больше, тем успешнее шутка. Гениальность создателя шутки заключается в том, чтобы она, все время пересказываемая, искажаемая, даже отчасти забытая, не теряла первоначального смысла. Речь идет об устной литературе, которой люди делятся друг с другом. Каждый рассказчик как бы сочиняет шутку заново. Это искусство, где приходится заранее предвидеть талант или отсутствие таланта у тех, кто будет распространять его плоды.

На завтрак фрукты.

Лукреция Немрод ловит себя на том, что больше не изнывает по сигаретам и свободнее дышит. Она делится своим наблюдением с наставником.

– Один из эффектов смеха, – объясняет тот – Он очищает бронхи. Смех – идеальное средство вывода смолы и никотина из легочных альвеол.

Он улыбается.

– Сегодня у нас в программе лечение смехом и... смеховой плен. Смех – оружие не только самозащиты, но и саморазрушения.

Они переходят в незнакомый зал со звукоизоляцией, где учатся смеяться горлом, легкими, животом.

– От некоторых шуток сотрясается именно живот, это полезный массаж на случай запора.

Лукреция и Исидор узнают о возможности лечить боль в горле горловым смехом, головную боль и мигрени – некоторыми церебральными шутками.

Научив их целительному смеху, он переходит к смеху как оружию.

– Шутка должна разить с той скоростью и с той мощностью, которые нужны шутящему. Первое – предупредить, второе – нарушить равновесие, третье – навалиться и сбить с ног. Здесь скорее уже не кунг-фу, а дзюдо.

Они разбирают несколько шуток, отвечая по очереди, как делать финальную подсечку.

Выясняется, что смех вызывается не только изложением шутки, но и энергией в голосе рассказчика. Энергия эта подобна дыханию, сила и дальность которого поддаются регулировке.

– Сейчас вы три раза расскажете один и тот же анекдот. Первый раз с ближней энергией, во второй раз с более удаленной, в третий раз – с лазерной энергией, преодолевающей все преграды. И не забывайте о взгляде, поддерживающем энергию шутки.

Далее следуют уроки постановки, модулирования голосов персонажей. Примером служит анекдот про лягушку.

– «У лягушки огромный рот, она страшно тянет слова. Видит корову на лугу и обращается к ней: «БОННННЖУУУУРРР, мадам КОРООООВА! Что вы ЕДИИИИИТЕ?» – «Траву». – «Вкууууусно?» – «Да», – отвечает корова. Встречает лягушка с огромным ртом собаку на цепи. «БОННННЖУУУУРРР МСБЕЕЕЕ ПЁЁЁС! Что вы ЕДИИИИИТЕ?» – «Паштет». – «ВКУУУУУУСНО?» – «Да, хочешь попробовать?» Но лягушка уже далеко, у озера, где ищет пропитание аист. «БОНННЖУУУУУР, мадам АИСТИИИИХА! Что ЕДИИИТЕ?» – «Лягушек с огромным ртом». Лягушка в ответ: «Вряд ли их здесь много водится».

Последнюю фразу Стефан Крауз произносит, сложив губы бантиком и выталкивая слова из маленькой дырочки.

– Ваше право до бесконечности множить число животных, которым вы подражаете. Все держится на контрасте между мимикой лягушки, растягивающей рот, и финалом, где у нее уже не рот, а куриная гузка.

Они добросовестно упражняются и смешат друг друга вариантами исполнения.

Атмосфера за обедом вполне расслабленная.

Далее заходит речь о создании персонажей и об управлении ими.

– Надо расходовать на них как можно меньше слов, но стараться, чтобы их сразу можно было представить. «Старик», «красотка», «мальчишка»... Не бояться легкой карикатуры, но не злоупотреблять этим, иначе пропадает эффект. Минимум слов: «однажды мужик...» Не более пяти персонажей на анекдот. Больше люди все равно не запоминают и ленятся представлять.

Исидор и Лукреция учатся придумывать анекдоты с карикатурными персонажами.

Стефан Крауз старательно их поправляет, улучшая их поделки.

– Кстати, еще одно. Уймись вы, оставьте попытки взломать замок подземных ворот. Во-первых, в коридорах натканы камеры и микрофоны, вас видят и слышат. А главное, я сам завтра вас туда отведу.

Исидор и Лукреция переглядываются, не веря своим ушам.

– Если вы знали, почему нас не остановили?

– Дежурным, которые за вами наблюдали, было очень весело. Двум «сиреневым плащам», каждый раз мимо вас прогуливавшимся, – тоже. Простите, но смех – наша религия, мы стараемся не пропускать забавных ситуаций.

Журналистам немного обидно.

– Зачем тогда вы сказали об этом сейчас?

– Не люблю, когда насмеются над моими учениками. Хочу, чтобы вы окрепли духом для финального испытания.

На сон грядущий продюсер преподносит очередной анекдот, предлагая поразмыслить над ним к завтрашнему дню. Он основан на визуальном восприятии, хотя его было бы невозможно воспроизвести средствами кинематографа.

«Астроном-любитель строит огромный телескоп и направляет его в точку вселенной, где подозревает существование разумной жизни. Он бьется над совершенствованием своей конструкции. Он систематически наблюдает за одним и тем же участком, уверенный, что там есть жизнь. Потом он умирает. Телескоп достается по наследству его сыну. В завещании отец просил сына продолжить его работу. Сын совершенствует телескоп и однажды – о чудо! – замечает на маленькой планете именно в том углу космоса нечто невероятное. По всей ее поверхности выведена надпись: «КТО ВЫ?»

Судя по ее огромным размерам, надпись сделана какими-то гигантскими механизмами.

Сын астронома-любителя оповещает всех ученых Земли и показывает им то, что видит. Все согласны, что надпись никак не может быть случайностью. Они различают вопросительный знак, буквы выведены очень четко.

ООН принимает решение написать бульдозерами во всю длину пустыни Сахара: «МЫ ЗЕМЛЯНЕ, А ВЫ?»

На программу уходит год. Все обсерватории нацелены на маленькую планету, все ждут продолжения межпланетного диалога. Постепенно надпись «КТО ВЫ?» стирается, вместо нее появляется другая: «ВОПРОС НЕ К ВАМ».

Шутка GLH № 208765.

На пятый день Стефан Крауз учит их сочинять шутки.

На шутку-эмбрион им отводится час.

Опять извлекается секундомер, и работа начинается по команде.

– Странно, – замечает Лукреция, – раньше юмор лез из меня спонтанно, а теперь, с этой вашей GLH-премудростью, ничего не выходит...

– Это как при фотографировании. Помните, когда у вас только появилась «мыльница» или простая цифровая камера, получались отличные снимки. Потом, с приобретением профессиональной техники с несчетными настройками, с регулировкой диафрагмы, затвора, чувствительности, с анализом источника света все, как назло, пошло из рук вон плохо...

– А ведь верно! – подает голос Исидор.

– Такова цена перехода с любительского на профессиональный уровень. Когда вы начинаете делать что-то на совесть, все усложняется. Надо преодолеть этот перевал, и ваши снимки станут не в пример лучше. Вы будете делать их сознательно.

Исидор Каценберг согласен и с этим.

Потом два ученика, постигающие филогелозию, переходят к психоанализу шутки.

– Зигмунд Фрейд был страстным коллекционером анекдотов. Он считал смех клапаном, который открывают для снижения внутреннего давления. Юмор как таковой позволяет снимать запреты и разбираться с подавленными чувствами. Он дает самовыразиться подсознанию. Зигмунд Фрейд без колебания прибегал к юмору для лечения болезней.

Они знакомятся с новыми рычагами юмора.

- Ложное направление.
- Аллегория.
- Подтекст.
- Перевернутая шутка, она же «тарт татен».
- «Больная мозоль»: когда произносится запретное.
- Лишний элемент в списке. Пример: «Я пригласила своего бывшего на обед. Испекла ему блинчики на молоке, яйцах, крысином яде и муке».

Дальше речь заходит об иностранном юморе.

Стефан Крауз показывает карту с цифрами.

– Отношение к смеху – показатель состояния общества. В 1960-е годы у немцев обнаружили склонность к фекальному юмору, у американцев – к шуткам на тему фелляции, у англичан – про гомосексуалов, у французов – про супружескую измену. Количественные и качественные показатели юмора говорят об общем настроении в стране.

Лукреция и Исидор замечают, что в наиболее развитых странах не самое высокое качество смеха.

– В Японии смех и улыбка – признак слабости и глупости. Афганские талибы попросту запретили публичный смех под страхом наказания плетью. Но есть страны с настоящим культом самоиронии: Индия, Тибет.

Стефан Крауз показывает лица залиvisto смеющихся людей из разных стран. Послушникам предлагается изучить по фотографиям работу лицевых мышц, выражение глаз, позы.

– Начиналось все с первобытного, порожденного страхом смеха, имевшего смысл экзорцизма. – Стефан Крауз показывает таблицу. – Ему на смену пришел нейтральный смех непонимания. Один дурак говорит другому, красящему потолок: «Держись за кисть, я забираю лестницу».

И наконец, возвышающий смех.

Он ведет их в маленький зал, где стоит двухметровая статуя смеющегося Будды. Здесь нет ни шкафов, ни книг, только статуя. И единственный стул напротив нее.

– Цель любой духовной личности – этот смех. Смех отрешенности. Поняв насмешливость мира, потешающегося над ним, человек отрешается, приобретает легкость и воспаряет над драмами и страстями. Для него все – источник радости. Это смех окончательного просветления.

– Какой цели служит этот зал? – спрашивает Лукреция.

– Цели смеха полной отрешенности, – отвечает ей Исидор.

– Верно. Только здесь нет натужного смеха, смеховой йоги. Поняв насмешливость мира, человек приходит сюда посмеяться над самим собой.

– Думаю, чаще всего здесь пусто, – говорит Лукреция.

– Увы, смех этого уровня труднодостижим. Сюда заглядывают раз-два в год, редко чаще, и только Великие магистры и магистры. И смеются по-настоящему.

Судя по виду Исидора, этот Будда его зачаровал. Лукреция тоже взволнована.

Какая красота! Значит, существует и изысканный смех. Все тревожнения духа кончаются смехом... Неожиданный подход!

Напротив Будды висит «Мона Лиза» Леонардо да Винчи. Продюсер объясняет:

– Ее улыбка предшествует такому смеху. Мы говорим о смехе человека будущего.

Смех как путь эволюции человеческого сознания...

Исидор и Лукреция все больше превращаются в фанатов смехового обучения.

Продюсер приводит их в следующий зал, где вывешены изображения позорных столбов, костров, пыточных механизмов, крестов с распятыми, сцен расстрела.

– А теперь поговорим о врагах юмора. Первый пример – Платон. Этот человек, так высоко ценимый официальными философами, написал буквально следующее: «Две истинные причины смеха – порок и глупость».

Стефан Крауз привлекает их внимание к портретам.

– Аристотель, другая звезда философии, провозглашал: «Смех – выражение грязи и уродства».

На другой картине изображен человек с нимбом над головой.

– Савл из Тарса, более известен как святой Павел, официальный создатель католицизма. В Послании к Ефесеянам он призывает к отказу от радостей «секса без деторождения» и от шуток, «формы духовного блуда». Произнося это, трудно удержаться от улыбки. Эти люди не знали, что страдают агеластией.

Журналисты делают стойку на новое словечко.

– Это хорошо известная и подробно описанная патология, – объясняет продюсер. – Приставка «а» означает «без», «гелос» – смех. Название придумал врач по имени... Франсуа Рабле.

Снова он! Как я погляжу, этот человек придумал вообще все. Прямо Леонардо да Винчи в юморе!

– Это настоящая болезнь, поражающая некоторых людей: они либо не смеются вообще, либо смеются крайне редко. К самым известным агиластам относился Исаак Ньютон. По воспоминаниям окружавших его людей, он засмеялся один-единственный раз – когда его спросили, какой интерес он находит в чтении «Начал» Евклида. Еще Сталин: как потом говорили, он улыбался или смеялся только при фотографировании и при съемках пропагандистских фильмов. Настоящий смех у него вызывали только казни бывших ленинских соратников.

Среди врагов смеха Стефан Крауз упоминает также Адольфа Гитлера, который после громкого суда над юмористом, имевшим дерзость дать своему псу кличку Адольф, продиктовал закон о запрете шутить и смеяться на «недозволенные темы».

– Бастер Китон, прозванный «человеком, который никогда не смеется»,

был агеластом? – осведомляется Лукреция.

– Нет, просто по контракту с киностудией ему запрещалось смеяться на камеру, а так, в частной жизни, он был очень жизнерадостным.

Стефан Крауз переворачивает страницы пудового гримуара.

– Врагов смеха было много во все времена. Но, как вы скоро узнаете, некоторые боролись со смехом оружием... смеха. Были даже агеласты, как, например, Джонатан Свифт, весьма угрюмый субъект, ставшие... магистрами GLH. Не надо смешивать мастера и его инструмент. Все зависит от намерения. Юмор – оружие, которое можно применять совсем не в тех целях, которые ставят юмористы. Например, для утешения тиранов. Чаушеску, скажем, учредил целое министерство юмора, чтобы смеющиеся над ним люди не вздумали бунтовать.

Исидор записывает эту подробность.

– Сейчас эта борьба в разгаре: надо постараться, чтобы плохой юмор не заглушил хороший. Они всегда соседствуют и друг друга аннулируют.

– Как плохой и хороший холестерин, – подсказывает Лукреция.

Рассказав о врагах смеха, продюсер переходит к способам содействия веселью.

– Представьте волну, оседлав которую, серфер мчится быстрее самой волны. Для усиления эффекта шутки можно, например, одновременно готовить другую, еще смешнее. Мы называем это «турбоэффектом», ускорением ускорения.

Следуют соответствующие упражнения. Порой двигатель захлебывается, тогда они должны представить себе мозг в виде двигателя, который нельзя заливать избытком топлива.

– При излишнем или слишком долгом усилии турбоэффект бывает опасным, а то и смертельным для коры головного мозга? – догадывается Лукреция.

Продюсер отвечает не сразу. Он спокойно смотрит на них, поняв, куда клонит молодая журналистка. Но он не выходит из роли наставника.

– Да, в истории зафиксировано несколько случаев «смерти от смеха». – Он берет и листает другой фолиант. – Древнегреческий живописец Зевксис умер от вызванной смехом кататонии, глядя на собственную картину – уродливую женщину. Позднее Энтони Троллоп умер от смеха, читая роман Ф. Энсти «Наоборот».

Стефан Крауз несколько часов подряд рассказывает о смехе как о «боевом искусстве». После этого он предлагает Исидору и Лукреции вступить в смеховой поединок.

– Турнир ПЗПП? – спрашивает Исидор.

Лицо наставника суровее. Исидор видел его таким в номере гостиницы, Лукреция – еще раньше.

– Странно, что вы уже в курсе...

– Это и есть завершающее испытание? – спрашивает Исидор.

– Да, мы еще об этом не говорили, но в конце у вас действительно будет состязание ПЗПП.

– То есть как? – восклицает Лукреция. – Мы договаривались, что...

– Что в обмен на посвящение в нашу GLN вы отдаете нам BQT. Но двух посвящений там не упомянуто. Значит, выход один – ПЗПП. Победитель турнира вступит в Ложу.

Я правильно расслышала? Мне что же, убивать Исидора?

Она наблюдает за своим товарищем, который остается безучастен. Можно подумать, что он не находит в этом ничего странного.

– Наш принцип в том и состоит, что цена посвящения одного – гибель другого. Он введен пятьсот лет назад нашим шотландским филиалом. Это неотъемлемая часть многовековых традиций, залог того, что среди нас будут только лучшие.

– Этот ритуал должен лишать вас многих отличных кандидатов, – возражает Исидор.

– Не разбив яиц, не сделаешь омлет.

Лукреция бьет по столу кулаком, кладя конец всему этому лицемерию.

– Это безумцы! Скорее, Исидор, прочь из этой преступной секты!

Но Исидор недвижим.

Стефан Крауз опускает глаза.

– Собственно, сначала, в Иудее, а потом в Бретани, смертельного поединка не устраивали. Но потом Давид Байоль, убедившись в успехе GLN, решил отбирать кандидатов, чтобы в Ложу попадали только лучшие. Позднее никто уже не ставил под сомнение этот выпускной экзамен. Напротив, он закреплял нас в мысли, что «юмор – дело серьезное».

– Сколько же прекрасных людей вы перебили! – гневается Лукреция.

– Да, этот ритуал губит множество превосходных людей. Зато он улучшает отбор. Желание по-настоящему преуспеть в остроумии возникает только под страхом смерти.

Убийства! Они ничем не отличаются от «розовых костюмов», они убивают смеха ради, и все в их сообществе считают это в порядке вещей, в том числе сами жертвы...

Наставник упорно разглядывает носы своих ботинок.

– Придется вам сразиться. Один из вас, Исидор, Лукреция, тот, кто окажется остроумнее, выживет и будет принят в наш «клуб».

– А если мы откажемся?

– Поздно. Вы уже дали согласие на посвящение, а оно включает это условие.

– Сделайте что-нибудь, Исидор! Это такие же преступники, как те, другие! Вы были правы, им тоже было что скрывать!

Исидор не шевелится.

– Бросьте разыгрывать удивление, Лукреция. Мы всё знали. Наименьшее уравнивается наибольшим. Чем больше выигрыш, тем больше риск при проигрыше.

– ЧТО?!

– Вы же сами готовы были на поединок ПЗПП с Мари-Анж, вашим злейшим врагом. Почему бы теперь не сразиться со мной?

Он отказывается со мной переспать, но готов рискнуть жизнью! Все вверх ногами!

Лукреция пытается сбежать, но не тут-то было.

Они идут в столовую, но ей совершенно не до еды.

После десерта она плетется за ними, но упорно молчит. Дальнейшее обучение становится все более техническим.

До Лукреции доходит, что их готовят к схватке, как спортсменов высокого уровня. В этой подготовке нет мелочей. Питание крайне важно, плохое пищеварение может ослабить внимание, снизить эффективность шуток, не дать совладать со смехом. То же относится ко сну. Усталость напрямую скажется на результате дуэли.

Что касается Исидора, он жадно поглощает знания. Поняв технику построения шуток, он делает заметки. Он отказался от айфона в пользу блокнота и карандаша, рисует схемы шуток с кружочками, стрелочками и циферками.

– Откажитесь от своего негативизма, Лукреция. Сейчас мы на одинаковом уровне, и я не в силах предугадать, кто возьмет верх на турнире ПЗПП. Юмор Исидора интеллектуальнее, ваш, Лукреция, – непосредственнее. Вы как римские гладиаторы. Вас, Лукреция, можно сравнить с гладиатором-мурмиллоном – тяжелым, мускулистым, в шлеме с маской, с коротким мечом и щитом. Ваша стратегия – силовой натиск.

Молодая журналистка угрюмо помалкивает.

– А вы, Исидор, больше похожи на гопломаха с трезубцем и сетью. Вам надо быть стремительнее и заставить соперника врасплох.

Стефан Крауз лицемерно подбадривает обоих хлопками по плечу.

– Нас ждет захватывающий турнир! Не скрою, здесь все только об этом и говорят. Всем не терпится увидеть вас в деле.

Вот почему на нас с самого начала так странно смотрят!

– Я вам еще не говорил? Это произойдет в субботу вечером. В полночь.

На шестой день они переходят к анекдотам, причем длинным. Лукреция соглашается участвовать, но ведет себя безынициативно. Впрочем, дуэльная практика будит в ней, вопреки воле, воинственный инстинкт.

Подготовка к вечернему турниру становится все напряженнее и изощреннее.

Стефан Крауз навещает их и предлагает:

– Могу показать, как юмор может приводить к политическим раздумьям.

«Африканский министр наносит официальный визит во Францию. Французский коллега приглашает его на ужин.

Министр восхищен его роскошной виллой, подлинниками великих мастеров на стенах. Он спрашивает, откуда при скромном жалованье чиновника берутся средства на такой образ жизни.

Француз подводит гостя к окну.

– Видите шоссе? Оно стоило 200 миллионов евро, фирма запросила 210 и заплатила мне 10 миллионов разницы.

Через два года французский министр наносит официальный визит в Африку и посещает своего коллегу. У того невиданный дворец: сплошь мрамор, серебряная мебель, золотая утварь...

Африканец подводит француза к окну.

– Я внял вашему совету и запустил проект автострады на 210 миллионов евро. Видите, вон она! – Он указывает на долину вдали.

– Не вижу... – Француз трет глаза. – Ничего не вижу! Там одни джунгли.

Африканский министр хлопает его по спине и хохочет.

– Вот именно, так я и обогатился!»

Шутка GLH № 123567.

Настает восьмой, последний день посвящения.

По мнению Стефана Крауза, оба послушника достигли впечатляющего прогресса.

Лукреция Немрод, сначала бунтовавшая, потом впавшая в безразличие, теперь испытывает странный энтузиазм. Она совсем забыла, что раньше курила. Она полюбила вареные овощи и морковный сок. В разговоре она обдумывает каждое свое слово и в конце любой своей фразы противоречит сказанному перед этим, да еще намеренно подчеркивает последнее слово.

Теперь ее постоянное состояние – обучение.

Исидор тоже изменился. Неделя без жиров и сахаров позволила ему заметно сбросить вес. Он не перестает улыбаться, что означает готовность смеяться с полуоборота.

В каждом шаге, каждом слове он ищет шутку, игру слов, что-то смачное или даже неприличное.

В последний вечер Стефан Крауз приглашает их поужинать за другим столом, в компании десятка «сиреневых плащей».

Общение с этими магистрами GLH сродни купанию в фонтане остроумия, в струях гэгов и ловких словесных находок.

Исидор замечает, что пресыщения не наступает: чем больше он шутит и чем больше слышит чужих шуток, тем сильнее ему хочется идти дальше, говорить и слушать еще и еще.

Невзирая на опасность положения, Лукреция наслаждается обществом этих необыкновенных людей с тонким чувством юмора.

Только в этот вечер им вдруг предлагают вина. Языки развязываются, и мелкий лысый господин в очках признается, что это он сочинил анекдот про астронома и планету с надписью «ВОПРОС НЕ К ВАМ».

– Этот анекдот был принят на ура, когда его использовал в одном из своих скетчей Дариус, – рассказывает гордый сочинитель.

Полноватая дама, тоже в летах, утверждает, что это она запустила шуточки на тему «сколько нужно... (рассказчик сам решает, кого), чтобы ввернуть лампочку?». Чаще всего вставляют «женщин». Ответ: «Ни одной, это мужская работа».

Третий, специалист по уличным анекдотам, выдает себя за автора расхожей байки с сознательным пропуском и стилистическим взрывом в конце типа: «Что такое – зеленое и скачет с ветки на ветку?» Ответ:

«Жвачка в кармане у Тарзана».

Лукреция Немрод приходит к выводу, что культура анекдота, обычно считающаяся низовой, на самом деле оказывает огромное влияние на общество через детей и подростков, к которым в основном и адресована. Она на всю жизнь оставляет в них глубокий след.

Поломавшись и решив, что накануне дуэли можно расслабиться, молодая женщина с зелеными глазищами и каштановыми – теперь – волосами соглашается выпить вина. Тогда и Исидор соглашается.

Последний вечер их посвящения завершается распеванием хулиганских песенок, авторами многих из которых оказываются члены Ложы смеха, почти равные известностью Рабле, Корнелю и Бомарше.

Поле ужина Стефан Крауз решает сдержать свое обещание. Они спускаются по узкой лестнице и подходят к бронированной двери, с запорами которой безуспешно пытались справиться Лукреция и Исидор в предыдущие дни.

Наставник достает сложный тяжелый ключ и отпирает дверь.

Изнутри ее сторожит тип, похожий на Санта-Клауса.

– Пропусти нас, Жак, я готовлю новичков к посвящению.

– Новички – это лучше, чем бычки.

Да это же Жак Весельчак, тот самый Капитан Игра Слов! Теперь понятно, почему он так легко одержал победу, он же член GLH! В дуэлях ПЗПП им нет равных. Зачем он вообще в ней участвовал? Не иначе, чтобы шпионить за вражеским лагерем...

Жак пропускает троицу и снова погружается в чтение альманаха Вермо^[27].

– Шутки не обязаны действовать, – рассказывает Стефан Крауз. – Более того, чаще всего они не действуют. По-настоящему остроумная шутка – это чудо. Перед вами «зал бесчестья» плохих шуток. Мы прозвали это место «адам», вернее «комико инферно».

Он включает свет. Они входят в квадратное помещение.

– Здесь собраны все неудачные шутки, а также те, которые завершились фиаско при проверке в нашем кругу. Мы стараемся их подлатать и перезапустить.

Продюсер берет толстую папку и зачитывает несколько жалких, вульгарных или попросту несмешных текстов. Потом указывает на один из шкафов с книгами.

– Здесь не доведенные до ума прототипы, как начатые, так и почти законченные шутки, не дошедшие до стадии производства, не говоря о стадии распространения. Можно назвать их мертворожденными.

– Печально, – говорит Лукреция. – Шутка, не вызвавшая смеха, – это очень грустно.

– Напрашивается сравнение с соборами, – говорит Исидор. – Обычно восхищаются теми, которые удерживаются сантиметровыми контрфорсами, но кто скажет доброе слово обо всех тех, что рухнули на голову прихожанам именно из-за недостаточной толщины контрфорса?

Кладбище абортированных шуток. Здесь покоятся шутки, которые никто никогда не расскажет, не прочтет, не вставит в постановку.

Стефан Крауз поворачивается к сторожу.

– Как насчет новых поступлений, Жак?

Тот показывает на амбарную книгу.

– Здесь собраны шутки с бергамотом. – Он подмигивает. – Такая же гадость, как чай с ним.

– Вечером в пятницу Жак Весельчак составляет описи неудачных шуток, – объясняет Стефан Крауз. – Он – единственный, кто способен находиться рядом со всем этим сомнительным материалом. Для остальных наших это невыносимо, у них от этого депрессия.

Он переходит на шепот:

– Есть подозрение, что Жак тайком их читает. Настоящее извращение!

– Раз так, они не вполне мертвы, – говорит Лукреция, вспоминая выступление Жака в Театре Дариуса.

– Непонятно, зачем такие серьезные запоры и охрана, – удивляется Исидор.

– Наш долг – всячески препятствовать распространению плохого юмора, – объясняет Стефан Крауз.

Сторож с обликом Санта-Клауса заговорщически подмигивает и подкручивает усищи, придавая им форму велосипедного руля.

Они поднимаются на следующий этаж.

– Что ж, вот вы и посвящены во все наши секреты. Если что-то вас еще тревожит, готовьтесь этой ночью к завтрашнему бою вдовем. Учитесь друг друга разгадывать. У нас есть поговорка: «За один бой ПЗПП человека можно понять лучше, чем за двадцать лет супружества».

«Глухого цепляет и опрокидывает велосипедист. Он встает, не слышит мотоцикл, мотоцикл ударяет его в живот. Он встает и не видит несущийся на него автомобиль. Автомобиль ударяет его в плечо, он встает и не видит самолет. Самолет бьет его шасси в спину. «Остановите карусель! – кричит прохожий. – У вас на круге посторонний!»

Шутка GLH № 505115.

Они в своей комнате. Лукреция садится на кровать.

– Это они убили Дариуса. Они преступники, безумцы. Делают вид, что защищают юмор, а сами держат в страхе своих членов. Циклопа они устранили потому, что он знал о них и мог раскрыть их существование, их тайну.

– Ерунда! Убийцы Дариуса, если они существуют, располагают BQT. У этих BQT нет, они хотят получить ее от нас.

– Возможно, некоторые из них ведут двойную игру.

– Возможно.

Странно, таким он мне не нравится. Кажется, он что-то понял, но не хочет со мной поделиться. Но ведь у нас совместное расследование!

– Напрасно мы согласились на последнее испытание. Это слишком опасно.

– Не спорю.

– У нас есть защита, то, что представляет для них наивысшую ценность: код от чемоданчика с BQT.

Он не отвечает.

– Хотите его узнать? Вдруг я умру... – произносит Лукреция с деланным равнодушием.

– Хочу.

– Никакого кода нет. Нажимаешь на кнопку – и замок открывается сам.

– Недурно.

– Вы сами меня этому научили. Использовать чужое воображение, а не технологии.

Он читает комикс Марселя Готлиба «La Rubrique-abras» из библиотеки. Наготове у него книжки Вуди Аллена, Гэри Ларсена и Пьера Депрожа.

Вот зубрила! Готовится к поединку, начитывая смешные тексты. Может, и мне заняться тем же?

– Слушайте, Исидор, вам не хочется взглянуть на BQT?

Он улыбается, читая комикс, и не глядя отвечает:

– Начав учебу в GLH, я все больше понимаю, что юмор – странная штука, мощная и непознанная, разрушительную силу которой я еще не до конца осознаю.

Она заставляет его опустить комикс и посмотреть на нее.

– Поцелуйте меня, Исидор!

Он не реагирует.

Тогда она сама целует его в губы. Они остаются крепко сжатыми.

– Завтра один из нас умрет, – напоминает она трагическим тоном.

– Может случиться и такое.

– Прекратите от всего отмахиваться! Сегодня последний вечер, когда «это» может произойти.

Она добила его внимания. Она пододвигается совсем близко, от его губ ее отделяют считанные сантиметры. Он чувствует сладостный запах ее кожи.

– Чтобы просить мужчину о любви, женщина должна перешагнуть через свою гордость. Я вам не подхожу, Исидор?

– Вы, наверное, самая очаровательная женщина из всех, кто мне встречался. Без сомнения, многие мужчины мечтали бы оказаться на моем месте.

Он смеется надо мной?

– Тогда не отталкивайте меня, прошу! – шепчет она.

И медленно приближает губы к его губам. Он не шарахается. До двух розовых подушечек пять сантиметров, три, два. Он не шевелится. Она продолжает сближение. Сантиметр, полсантиметра, четверть. Он неподвижен.

Поцелуй!

Теперь он изволит приоткрыть рот. Поцелуй обретает силу, страсть, протяженность. Наконец он отодвигается.

– То есть как? – удивляется она. – Вы не хотите продолжения?

Он снова берет свой комикс и напускает на себя чинный вид.

– Пока остановимся на этом. Шутка прервется, не перейдя в пик.

Она колеблется, потом хватает книгу Вуди Аллена и со всей силы швыряет ему в лицо.

– Ах ты...

– Я никогда не притворялся кем-то еще. До завтра, Лукреция. Пусть победит сильнейший!

– Я вас раздавлю, Исидор. Вы всего-навсего...

Она подыскивает правильное слово и увязает в вариантах оскорбления.

Хам, мерзавец, недоумок, умственно отсталый самодовольный лицемер, педант, невежа, хвастун, эгоист, эгоцентрик, самовлюбленный пуп земли, уверенный в своей правоте и всезнайстве, возомнивший о себе невесть что...

И она выстреливает снарядом, объединяющим все сразу:
– Вы всего-навсего... мужчина.

«Пьяная женщина бродит в кустах, отхлебывая из горла виски.

– Пьяница! – говорит ей крокодил.

Она кряхтит, отхлебывает еще и идет дальше.

– Пьяница! – повторяет крокодил.

– Будешь обзывать – поймаю и выверну наизнанку, как перчатку, – грозит она ему.

Видя, что она не перестает пить, крокодил в третий раз говорит:

– Пьяница!

Она хватает его за рыло.

– Я тебя предупреждала!

Она просовывает руку далеко ему в пасть, добирается изнутри до хвоста, дергает, выворачивает наизнанку, швыряет в воду и, довольная, идет дальше. Сзади раздается:

– АЦИНЯЫП!»

Шутка GLH № 900329.

Лукреция Немрод уснула. Под полупрозрачной кожей ее лица пробегают нервные судороги, губы произвольно шевелятся, грудь вздымается, словно ей снится страшный сон с беготней и драками.

Исидор Каценберг встает и наблюдает за ее сном.

Она то улыбается, то хмурится.

– Нет... – лепечет она. – Нет, только не это...

Она дрожит, с ее губ слетает:

– Это другое дело, почему вы раньше не сказали? Хотя... нет. Нет, прошу вас, нет...

Он гладит ее по голове, и она тут же успокаивается. Чувствуя затылком его дыхание, она улыбается.

Не иначе, вспоминает расследование Последнего Секрета.

Его завершение они отпраздновали любовью.

Его отношения с женщинами всегда были непростыми.

Сначала властная мать.

Все более редкое присутствие отца.

Вечерами мать только и делала, что громко упрекала отца.

Зато она заразила сына пристрастием к любым формам искусства: к живописи, музыке, кино, театру. Она воспитала в нем вкус и добилась, чтобы он его не утратил. Как он ни сопротивлялся.

– Иси, ты гений, – твердила она ему.

Он знал, что ей не важно, какой он на самом деле, что она пытается воплотить в нем свою фантазию об идеальном сыне.

И все же это ее «Иси, ты гений» его запрограммировало. Он хотел сделать матери приятное, показать, что она в нем не ошиблась, что он достоин ее восхищения.

Он вырос не зазнайкой, а работягой.

Чувствуя, что у него вполне заурядный ум, не находя в себе особого таланта, он сказал себе: чтобы не разочаровать мать, ты должен восполнить свою заурядность усердием.

Он мало спал и запоем читал. Хотел все обо всем узнать. Все испытать. Все понять. Никогда не пасовать перед трудностями, стараться, не бояться неудач и идти к победе. Пусть нет таланта, зато хватает силы воли!

Все это – чтобы не разочаровывать первую женщину в своей жизни.

Свою мать.

Как ни странно, невротическое материнское воспитание принесло пользу. Он видел себя не «победителем», а «достигающим все больше прогресса, чтобы быть достойным пророчества своей матери».

Мать, не зная этого и даже не очень стараясь, все же сумела сделать своего ребенка в буквальном смысле неординарным: выбивающимся из нормы.

Эта разница, невидимая глазу, зато прекрасно ощущаемая, немедленно вызывала недоверие и зависть у других детей.

«За кого себя принимает Исидор? Не отрывается от своих книжек, задирает перед нами нос!»

Начались первые драки. Преподаватели тоже его не любили, считая, что начитанный ученик уверен, что знает больше их, поэтому не упускали случая поставить его на место.

Об отличных оценках ему можно было не мечтать.

Он заперся в своей скорлупе. Компании, иерархия, попойки, дружный хохот – все это было не для него.

С чем он был на ты – так это с одиночеством. А еще искал свободы, автономии любой ценой, чтобы не зависеть от чужих взглядов и суждений.

Параллельно усложнялись его отношения с женщинами.

Он делал выбор в пользу женщин, напоминавших ему мать. Их, как ее, восхищали в нем способности и своеобразие. Он расставался с ними, как только они начинали его упрекать или провоцировали споры – в точности как его мать.

Он признавал, что не вполне понятен противоположному полу. Это и служило, возможно, объяснением того, что в свои сорок восемь лет он оставался холостяком.

Он помнил все мгновения соприкосновения своей кожи с женской. Это всегда было сопряжено у него со страхом. Со страхом оказаться не на высоте, разочаровать и самому разочароваться.

Никогда он не занимался любовью по-настоящему непринужденно.

Никогда – за исключением того случая с Лукрецией Немрод, на Лазурном Берегу, когда они расследовали Последний Секрет. Да, ему больше не хотелось себя обманывать. Тогда он почувствовал уникальную химию. Ту, что связывает некоторые орхидеи с пчелами. Они такие разные, тем не менее созданы для союза. Для симбиоза. Он ее покорила, познал. Он заставил ее вибрировать. А она его преобразила. Лыдинка стала паром, миновав стадию воды. Он был холоден, а сделался горяч. Был тяжел, а стал легок. Был жестким, а стал воздушным.

Такова великая волшебная сила женщин, они преобразжают мужчин, предъявляя им то лучшее, что есть в них самих.

Это произошло при особенных обстоятельствах.

Они вместе преодолели трудности, они так глубоко исследовали тему удовольствия, что сблизилась, а потом расслабилась в любовном акте. Впервые, наверное, за всю свою жизнь он любил тогда без страха, забыв, кто он, – так на него повлиял чудесный наркотик под названием «Лукреция Немрод».

Но, впервые не испугавшись женщины, он испугался отношений.

Я в зрелом возрасте, а она молода.

Я на излете карьеры, а она свою только начинает.

Я большой и толстый. Она маленькая и тоненькая.

Она заслуживает лучшего, чем я, – молодого, вдохновенного, веселого, любящего праздники, ночные клубы, который сделал бы ей детей, женился бы на ней, обеспечил бы ей нормальное будущее.

Я даже могу помочь ей найти такого человека. Она действительно заслуживает счастья с достойным ее мужчиной.

А я мог бы остаться ей другом. Я помог бы ей с избранником, был бы свидетелем у них на свадьбе, крестным отцом их детей. Что угодно, только не она и я вместе.

Я должен быть холоднее, дальше, недоступнее, чтобы освободить ее от чувств, которые она ко мне еще питает. Нужно помочь ей избавиться от глупой мысли, что между нами может быть что-то помимо профессиональной взаимодополняемости и дружбы...

Он видит эффект их расследования: он похудел, сбросил от своих прежних 95 кг целых 5. Это чувствуется. Она, наоборот, немного набрала вес, стала мускулистее.

Что произойдет завтра?

Он подходит и целует ее в лоб.

– Думаю, я тебя люблю, Лукреция. Наверное, ты первый в моей жизни человек, которого я люблю по-настоящему.

«Толстый водитель грузовика зашел в бар опрокинуть рюмочку. Появляется человечек с вопросом, чей питбуль ждет снаружи.

– Мой, – отвечает водитель, – тебе-то что?

– Вообще-то ничего, просто мой пес, кажется, только что убил вашего.

Водитель вскакивает.

– ЧТО?! Какая у тебя собака?

– Карликовый пудель.

– Как карликовый пудель умудрился убить питбуля?!

– Один другим подавился...»

Из скетча Дариуса Возняка «Друзья наши звери».

Луч внезапно включившегося прожектора бьет в центр арены.

Собрались все члены GLH.

Двоих научных журналистов вводят в большой зал. Оба в белых туниках, белых плащах, в безучастных масках.

«Дожили!» – думает Лукреция.

Они садятся в глубокие кресла, к которым их пристегивают кожаными ремнями.

Ассистенты в светло-розовых плащах крепят на треногах два длинноствольных пистолета Manurhin PP 22, дуло одного пистолета упирается в висок Исидору, дуло другого – в висок Лукреции.

«У меня плохое предчувствие», – думает Лукреция.

На ринг поднимается Великая магистерша в ярко-фиолетовой маске и таком же плаще и произносит напыщенным голосом:

– Сегодня особенный день. Два наши кандидата на вступление в GLH получили право на самое стремительное в нашей истории посвящение – за девять дней. Можно ли научиться остроумию за девять дней? Скоро узнаем.

Зал одобрительно гудит.

– Не будем тянуть и перейдем к дуэли ПЗПП. Ladies first. Пусть начинает Лукреция Немрод.

Молодая журналистка наблюдает через прорези в маске за противником. Герои ее первого анекдота – бесстыжие кролики.

Торпеда пошла.

Исидор посмеивается для приличия. 9 из 20.

Его ответный анекдот – об обезлюдевшей деревне. Реакция Лукреции – 8 из 20.

Обмен приветствиями произошел. Он не стремится меня уничтожить. Блицкрига не будет, будет окопная война. Мы станем продвигаться ползком, сантиметр за сантиметром.

Лукреция выстреливает анекдотом о гомосексуалах, на который Исидор реагирует 10 баллами из 20. Его ответный выстрел – анекдот про блондинок-нимфоманок. У Лукреции 11 из 20.

Это же продолжение игры в «три камешка». Надо предвидеть, что скажет противник. И спрашивать себя, что он думает, что я думаю, что он думает...

Исидор мне по зубам. Если бы не столь тяжелые последствия, я бы с радостью показала, что поняла его систему и могу разгромить его на его территории.

Она шутит про собак-поводырей. Показатель гальванометра Исидора опускается к 7 из 20.

Упс, я забыла, что шутки про слепых могут восприниматься плохо.

Исидор пытается рассмешить ее пингвинами-кокаиниками и достигает результата: ей почти смешно (13 из 20).

Ужас, я смеюсь в знак извинения за свою предыдущую шутку.

Аудитория от нетерпения топает ногами.

Тем хуже, вред причинен. Будь что будет, это расследование больше мне не подчиняется, оно свернуло не туда. Этого безумия мне не одолеть, и я сделаю все, чтобы спасти свою шкуру, пускай даже ценой твоей.

Лукреция опять чувствует, что у нее между лопатками струится пот.

Прежде всего я должна быть сильной. Я представляю себе свой дух: это цитадель, окруженная высокими толстыми стенами. На стене катапульта. Я должна метать из нее по соседней цитадели камни, здоровенные валуны.

Она шутит про Бога. Соседней мозговой цитадели нанесен приличный ущерб: 14 из 20. Исидор почти смеется.

Готово, слабое место нащупано. Он в особых отношениях с Богом. В нем сидит страх Божий.

Он в ответ шутит про смерть, чем пробивает в укреплении Лукреции брешь такой же ширины – 14 из 20.

Мне надо укрепить оборонительные порядки. Скорее! Заделать брешь, пока он ее не расширил.

В ее голове воины с мастерками закладывают и замазывают дыру, а расчет катапульты готовит метательный снаряд – горящий клочок сена. Эту роль играет анекдот о двух толстяках.

Если у него есть малейший комплекс по поводу собственного избыточного веса, то анекдот может нанести сильный удар.

И действительно, Исидор реагирует на 15 из 20.

Работает! Надо повысить точность стрельбы. Применить свое знание цели, чтобы бить ближе к яблочку. Мои представления: 1) он отвергает меня, потому что боится женщин; 2) значит, он боится себя самого; 3) значит, он глупец.

Лукреция швыряет в него анекдот про мужчину, боящегося женщин и выставяющего себя глупцом. Зажигательный снаряд взмывает высоко в воздух, перелетает через вражескую стену и поджигает жилые постройки.

16 из 20.

Исидор хихикает громче, чем в прошлый раз, но быстро берет себя в руки. Он понимает, что надо приспособливаться к ситуации.

Он шутит про мужчину, встречающегося с девушкой на двадцать лет моложе его и выставляющего себя кретином.

Зал в изумлении перестает дышать.

Он прибегает к самоиронии, вызывает огонь на себя! Смеясь над собой, он застает меня врасплох.

Лукреция чувствует, как в ней нарастает хохот, и срочно вспоминает все, что ее печалит. На помощь приходит сцена унижения, причиненного ей Мари-Анж.

Хорошо, что Стефан Крауз научил меня пользоваться малым и большим тормозом. Здесь надо сильно дернуть ручник, иначе мне несдобровать.

Из нее уже норовит вырваться смех, но она стабилизирует ситуацию на опасном уровне 17 из 20.

Я стреляю из катапульты, он – из тяжелого точного арбалета, стрела которого может оставить от меня мокрое место.

Она представляет себе огромный пролом в стене своей цитадели, который будет нелегко заделать.

Он старается меня подкараулить. Если в следующем раунде он опять выставит себя смешным, я могу не сдержаться.

Она затаскивает на свою стену тяжелую метательную машину под названием «требушет», которая благодаря массивному противовесу способна выстреливать огромными снарядами.

Нет, лучше я его побью его собственным оружием.

Она отказывается от катапульты и прибегает к огромному арбалету – анекдоту про девицу-геронтофилку, стремящуюся затащить в постель мужчину старше ее на 40 лет. Опозорена сама девица.

Исидор удивлен, но не так сильно, как Лукреция, только на 16 из 20.

Не подражать. Предлагать новое. Этого нужно было ожидать: раз он применил против меня самоиронию, значит, был готов, что я поступлю так же.

Исидор отвечает безобидной шуткой про журналистов.

Эффект средненький, 13 из 20.

Он притупляет игру. Ему нужно время, чтобы подготовить сокрушительный удар.

Девушка ставит дополнительное заграждение, отбивающее самоиронию.

Она предлагает посмеяться над писателями (14 из 20), Исидор – над парикмахерами (16 из 20). Ее ответ – анекдот про сексуальную несостоятельность (15 из 20).

Зал затаил дыхание.

Соперники показывают чудеса изворотливости, нанося друг другу все более чувствительные удары, но бою не видно конца.

– Мирмиллон против гопломаха! – напоминает Стефан Крауз своему соседу. – Одинаковый уровень, разная стилистика.

Соперники устраивают себе короткую передышку: как оглушенные боксеры, они обмениваются легковесными шутками. Потом возобновляются точные удары. Но оба раз за разом умудряются не захохотать, и дуэль продолжается.

Десять минут, двадцать. Полчаса.

Пулеметная пальба мелким калибром сменяется залпами – длинными, глубокими анекдотами. Наука Стефана Крауза пошла на пользу обоим ученикам с высокой мотивацией. Всякий раз, видя творческое применение полученных от него знаний, магистр гордо сопит под маской и шепотом называет примененную технику:

– Bravo, «двойной подтекст»! «Скрытый смысл». «Тройной ключ». «Вывернутая матрешка». «Сальто назад».

Через час показатели снижаются и колеблются в диапазоне между 8 и 13, редко поднимаясь до 14. Лукреция морщится под своей белой маской.

Это как когда ждешь оргазма: если не случилось с первого раза, появляется внутренний блок.

– РАССМЕШИ ИЛИ УМРИ! – кричит кто-то из зала.

Лукрецию прошибает пот, она дергает руками и ногами, туго стянутыми ремнями, чтобы восстановить кровообращение.

Мы слишком хорошо знаем друг друга. Мы вместе вели расследование, занимались любовью, ссорились, играли в «три камешка». Неудивительно, что у обоих теперь непроницаемые щиты.

Наконец Великая магистерша встает и ударяет в гонг.

– Стоп! Это никогда не кончится.

В зале удивленный ропот.

– Все потому, что у них любовь, – объясняет она. – Их останавливает взаимное притяжение. Они никогда не сделают друг другу больно.

Ропот нарастает.

– Знаю, такого еще не бывало. Что ж, рано или поздно это должно было произойти. Нам придется адаптироваться. Предлагаю пощадить обоих.

Из-под всех розовых масок раздается возмущенный свист.

– РАССМЕШИ ИЛИ УМРИ! – вопят маски.

Великая магистерша в фиолетовом плаще поднимается на ринг и отводит от голов Лукреции и Исидора пистолеты.

– Нет! – говорит она в микрофон. – Хватит смертей. Сегодня я постановляю, что любовь служит причиной для объявления ничьей. Освободить их!

Ассистенты артачатся, тогда она сама расстегивает ремни.

– Объявляю ничью. Победителями вышли оба! Сегодня вечером у нас в GLH прибавление: новый брат и новая сестра.

Но ропот не стихает. Некоторые возмущенно топают ногами. С задних рядов из-под масок несется:

– РАССМЕШИ ИЛИ УМРИ!

Великая магистерша ударяет в гонг так сильно, что в передних рядах затыкают уши.

– Довольно крови! Объявляю, что с сегодняшнего дня турниры ПЗПП проводятся без смертельного оружия.

Гул и ропот сменяются криком, от топота дрожат стены.

– Святотатство! – раздается из-под чьей-то маски.

Обвинение подхватывают другие, оно катится и вздымается, как волна.

– Великая магистерша не вправе изменять ритуал без нашего согласия! – кричат сзади. – Выберем нового Великого магистра!

– Выборы! Выборы!

Требование подхвачено десятками голосов и наполняет весь зал.

Посрамленная возмущенными собратьями, Великая магистерша поворачивается к Исидору и Лукреции.

– Все они рисковали жизнью, чтобы вступить в Ложу, и теперь не принимают моего намерения поставить под вопрос этот ритуал. Но я не отступлюсь, хватит с меня кровопролития!

Она снова включает микрофон.

– Хотите выбрать нового Великого магистра? Что ж, выбирайте. Прямо сейчас!

Собрание взволновано. Маски недоуменно переговариваются.

Фиолетовая женщина снова ударяет в гонг.

– Кто желает стать Великим магистром вместо меня? Кто? Отвечайте либо молчите и повинуйтесь!

Ответа нет.

– КТО??!!

Молчание. Наконец в зале поднимается рука.

– Я.

Все оборачиваются на сиреневую маску.

Лукреция узнает голос претендента: это Стефан Крауз.

Не снимая маску, продюсер протискивается среди сидящих и поднимается на сцену. Зал бурлит.

Ударом в гонг Великая магистерша восстанавливает тишину.

– Послушаем! – предлагает она.

– Наметились две тенденции. Одна – традиционалистская, желание идти по прежнему пути. Другая – реформаторская, желание поменять правила вслед за недавними трагическими событиями. Лично я считаю, что лучший способ явить силу GLH – показать, что она стоит как несокрушимая скала, выдерживая все бури и удары волн.

– А я думаю иначе: закон вселенной – это непрерывные изменения, – берет слово Великая магистерша GLH. – Все меняется, все движется – такова жизнь. Вслед за летом наступает осень, осень сменяется зимой, зима – весной. У нас за плечами зима, суровая и гибельная. Сейчас весна, так сбросим же старую кожу, поменяем ритуалы. Этого требует жизнь.

По залу пробегает ропот.

– Наше общество тайное, но демократическое, – продолжает Великая магистерша. – Предлагаю прямое голосование поднятием рук.

Предложение вызывает одобрение.

– Кто хочет, чтобы новым Великим магистром стал Стефан Крауз?

Поднимаются десятки рук. Есть колеблющиеся. Некоторые опускают руки, некоторые поднимают.

При помощи двух ассистентов в сиреневых плащах Великая магистерша производит подсчет: из 144 членов 72 выступают за продюсера.

– Что ж, как ни удивительно, мы разделились строго поровну. Предлагаю переголосовать, вдруг кто-то передумает. Кто за Стефана?

Голосование повторяется, один передумывает и теперь голосует за Стефана, но противовесом ему оказывается другой передумавший в пользу Великой магистерши. Тогда в зале опускается еще одна рука.

– Что ж, выбор сделан. Политика реформ отклонена. Вам не смеют резко противоречить, но ваше посягательство на правила не прошло. Тысячелетняя традиция остается неприкосновенной. Так будет и впредь...

Фиолетовая маска против сиреневой, ликующая против веселой. Стефан снимает маску.

– Всегда!

– Коли так, брат Стефан, то тебе известна традиция экстренной замены

Великого магистра.

Он судорожно сглатывает.

– Ты можешь сразиться со мной в дуэли ПЗПП. Выиграешь – автоматически займешь мое место и так закрепшишь традицию, чтобы никто никогда не смог на нее замахнуться. Хочешь? Я готова сесть в кресло.

Стефан смотрит на неподвижную маску.

Он разрывается между желанием рискнуть и пониманием силы соперницы.

Он оглядывается и видит, что поднятые за него руки опускаются одна за другой.

Он швыряет на пол маску и выбегает в боковую дверь.

– Есть другие кандидаты? – спрашивает женщина в фиолетовой маске.

Больше никто не поднимает руку.

– Таким образом, я остаюсь Великой магистершей GLH, и вот мое решение: отныне смертельное посвящение отменяется. Мы будем тщательнее отбирать претендентов и потом, уже здесь, принимать решение о приеме.

Кто-то хлопает, кто-то улюлюкает.

– Это решение принято большинством голосов, и ваш долг следовать ему. А вы, Исидор и Лукреция, теперь состоите в GLH.

Она хлопает в ладоши, и ассистентка подает им туники, плащи и маски – все светло-розовое.

Жестом она велит Лукреции опуститься на колени и прикасается лезвием шпаги сначала к одному ее плечу, потом к другому.

– Объявляю тебя стажеркой GLH. Отныне ты – кавалер Дела Роста Духовности на земле. Ты обязана защищать юмор от всех посягательств сил тьмы. Ты обязана хранить тайну существования нашей Ложи и быть солидарной со всеми нашими братьями и сестрами. Клянешься в повиновении GLH, мадемуазель Лукреция Немрод?

– Клянусь.

– А если ты предашь GLH, то пусть отсохнет твой язык, ослепнут глаза, выпадут волосы, навсегда заходят ходуном руки!

Исидор Каценберг, стоя на коленях, приносит такую же клятву и тоже посвящен прикосновением шпаги.

Великая магистерша поднимает его, ударяет в гонг, берет микрофон.

– Лучшее я припасла под конец. Знайте, братья и сестры, что новообращенные привезли нам наше сокровище – BQT.

«Восьмидесятилетний старик проходит у врача ежегодный осмотр.

– Как самочувствие? – спрашивает его человек в белом халате.

– Я в отличной форме, встречаюсь с двадцатилетней женщиной, она даже от меня забеременела, – отвечает пациент.

– Расскажу вам одну историю, – говорит врач. – Есть у меня друг, страстный охотник, никогда не пропускающий охотничьего сезона. Однажды, торопясь на охоту, он вместо ружья взял зонтик. В чаще на него бросился огромный кабан. Он приложил к плечу ручку зонтика. Знаете, что было потом?

– Нет...

– Кабан упал замертво к его ногам.

– Не может быть! – возмущается старик. – Кто-то выстрелил вместо него.

– К этому я и клоню...»

Шутка GLH № 53763.

Тонкие пальцы берут фиолетовую маску за край. Великая магистерша снимает веселую маску и являет свое истинное лицо.

Перед Лукрецией Немрод брюнетка лет пятидесяти с короткой стрижкой и живым взглядом, только ужасно усталая. У нее гордая прямая осанка, каждый ее жест полон изящества. Но она совсем не улыбается.

– Меня зовут Беатрис, – представляется она и, сглотнув, произносит слова, давно просившиеся с языка: – Где ОНА?

Поняв вопрос, Лукреция указывает в направлении своей комнаты и вместе с Исидором ведет Беатрис туда. Достав ключик, она размыкает наручник, которым чемоданчик пристегнут к ножке кровати.

Она отдает чемоданчик женщине в фиолетовом плаще.

Великая магистерша GLH ласково гладит чемоданчик ладонью. Многолетнему ожиданию пришел конец.

– Знали бы вы, какой путь проделала эта бумага! Знали бы вы, сколько людей ее переписывали, читали, продлевали ее жизнь. А скольких она убила!..

– В соглашении четко указано, что наше желание все знать должно быть удовлетворено, – напоминает Лукреция Немрод.

– Что ж, следуйте за мной.

Она ведет их в свой большой круглый кабинет с портретами мужчин и женщин в фиолетовой одежде. Лукреция полагает, что это предыдущие Великие магистры.

Беатрис садится за письменный стол и с бесконечными предосторожностями водружает перед собой стальной чемоданчик.

– Докуда вы дошли в изучении истории? – спрашивает она.

– Мы со Стефаном Краузом остановились на Пьере Даке и на Второй мировой войне.

– В войну часть Ложи сбежала в США, часть осталась во Франции, скрывалась и сражалась в рядах Сопротивления. Подпольные газеты, поддерживаемые нашим Движением, высмеивали Гитлера. Когда карикатуристы попадались, их расстреливали. Некоторые давали показания под пытками. Так Гитлер узнал о существовании Меча Соломона. Мы поддерживали добрые отношения с масонами и с юмористами-евреями, отчего становились еще подозрительнее. Нас преследовала петеновская милиция, многих наших схватили и депортировали.

– Что стало с членами GLH, перебравшимися в Америку?

– Не знаю, говорил ли вам Стефан о том, что американский филиал вел себя очень активно. Чарли Чаплин, входивший в наше благородное сообщество, пошел всем наперекор и вопреки угрозам снял «Великого диктатора». Он знал, что в борьбе с нацизмом надо любой ценой применять оружие смеха, иначе остался бы один страх, и Гитлер победил бы в психологической войне.

– А что во Франции? – спрашивает Лукреция.

– Сначала все шло хорошо. Но нас предал один из наших, соблазнившийся нацистскими теориями. Он сообщил о существовании кургана в Карнаке, нашего стратегического центра в Европе. Однажды утром весной 1943 года полиция Виши окружила часовню Сен-Мишель. Наши держали оборону. Погибло сто человек, лишь немногие сумели сбежать через потайной ход.

– Не знала, что борьба за юмор сопровождалась столькими жертвами, – признается молодая научная журналистка.

– Мы не колебались отправлять наши смертоносные письма с BQT не в меру ретивым коллаборационистам. Так мы участвовали в Сопротивлении. Одно письмо с BQT (переведенное на немецкий благодаря нашей технологии трех разных кусков, а потом вслепую собранное) отправили даже Гитлеру. Но его почту открывали секретари, поэтому там было много трупов, но фюрер не пострадал.

– Невероятно! – бормочет Исидор.

– Андре Мальро, министр культуры при де Голле, знал о нашем существовании и о наших мучениках, поэтому преподнес нам достойное «возмещение» – величественный алтарь.

– Маяк-призрак за Карнаком? – спрашивает Лукреция.

– Он самый. Этот маяк особенный. Его не должно быть на картах, чтобы не вводить в заблуждение моряков. Снаружи он кажется заброшенным. Французские секретные службы использовали его как передовой наблюдательный пункт. Идея маяка-призрака посетила еще Наполеона, готовившегося к нападению англичан с моря. Простой заброшенный маяк, заметный издали, а внутри – военный объект. Во Вторую мировую войну Петен сообщил о маяке немцам. Они там много копали, устроили еще более просторные залы, все подготовили, чтобы разместить там тайную ставку в случае нападения союзников на юге Бретани.

– Теперь понятно, откуда там лестницы, лифты, вода, электричество, комфортные условия для нескольких сотен людей.

– Этот остаток немецкой оккупации не вызывал большого интереса. Немногие, кто был в курсе, считали его частью Атлантического вала, превратившейся в зловонную свалку. Наш тогдашний Великий магистр предложил министру обороны тайно передать объект нам, что и было сделано. 1 апреля 1947 года GLH переехала на маяк и навела там порядок.

– Там вы наконец зажили спокойно.

Она встает и указывает на портрет мужчины в фиолетовом облачении – лысого, с сигаретой в зубах.

– Тогда нашим Великим магистром был он, Пьер Дак. Во время войны он руководил подпольным радиовещанием «Французы говорят с французами» под эгидой Лондонского радио. Как деятеля Сопротивления его схватили и бросили в застенки. Он бежал и стал из Лондона высмеивать правительство Виши.

– Знаменитый лозунг «Радио Парижа лжет, радио Парижа немецкое» под музыку «Ла Кукарача»! – демонстрирует познания Исидор.

– Браво, это мало кто знает! После войны Пьер Дак и его друзья Франсис Бланш, Рене Госсини и Жан Янн изобрели жесткий юмор. Так возрождались GLH. Мы проникали в сатирические журналы, в издания комиксов, в политические газеты, потом на радио, на телевидение, в кинематограф. Без нас не было бы фильмов с Бурвилем, Фернанделем, де Фюнесом.

Она не может сдержаться и гладит закрытый чемоданчик с BQT.

– После смерти Пьера Дака управление переходило из рук в руки людей, не пользовавшихся известностью за пределами маяка. Движение становилось все герметичнее, отрывалось от окружающего мира. Нас тайно финансировали щедрые дарители, часто из числа прославленных комиков и кинопродюсеров. Так мы пришли к полной автономии и к регулярному анонимному сочинению шуток.

– Тех, что звучат в бистро и в школьных коридорах, тех, что помещают на обертках сладостей?

– Любых, но с одной и той же философией: обличение тиранов, ретроградов и зазнаек, борьба со святошами и с занудами, против суеверия и расизма. Можно обо всем говорить, надо всем смеяться, лишь бы с уважением к человеку, а не с намерением его унижить.

– У вас была своя школа?

– Конечно, на маяке велась учеба. Мы повышали квалификацию юмористов, подсказывали им темы для шуток. Борис Виан был из наших. Это он обнаружил, что «выход – это вход, которым пользуются наоборот» и что «говорить об идиотах в наши глубокомысленные дни – единственный

способ доказать наличие у тебя свободной независимой мысли».

Лукреция уже подметила, что цитирование юмористов – местный вид спорта: вся GLH только этим и занимается.

– В мае 1968 года мы стояли за студенческим движением, снабжали его лозунгами, афишами, гэггами: «Под мостовой пляж», «Запрещать запрещено», «Не желаю тратить жизнь на заработки», «Будьте реалистами, требуйте невозможного», «Беги, позади тебя старый мир». Все эти юмористические лозунги придумали наши творческие люди из маяка-призрака.

– Но Май-68 провалился, – напоминает Лукреция.

– У нас была идеологическая программа нового общества. Студенты и профсоюзы слушали нас вполуха. Личные интересы и политический эгоизм пересилили истинное желание изменить мир. После провала Мая-68 мы решили действовать коварнее. Через наш английский филиал мы поспособствовали созданию британской комической группы «Монти Пайтон».

– За ними тоже стояли вы? – с воодушевлением переспрашивает Исидор. – Обожаю их! С ними никто не сравнится.

– «Монти Пайтон» – полные беспредельщики, совсем не знают берегов. Дошли до того, что как-то раз сочинили скетч про... BQT!

Беатрис встает и идет мимо портретов своих предшественников к двери, на которой висят плакаты с кадрами из фильмов. На одном группа «Монти Пайтон».

– Помню, это скетч «Самая смешная на свете шутка»! – радуется Исидор Каценберг.

– «Монти Пайтон» попросили у нас разрешения намекнуть на BQT. Один из них, Грэм Чепмен, учившийся на маяке, сказал Великому магистру: «BQT – это так невероятно, что никто не способен вообразить, что она может существовать».

– Неужели тогдашний Великий магистр позволил выдать миру величайший секрет вашего общества? – не верит Лукреция.

– В 1973 году это был еще Пьер Дак. Он уже состарился, устал, но по-прежнему любил дерзость. Это показалось ему забавным. Скетч «Самая смешная на свете шутка» был впервые показан в апреле 1973 года в их программе «Летающий цирк», между двумя другими сценками «Монти Пайтон», и люди смеялись «как положено».

– Невероятно! – ахает научный журналист.

Беатрис возвращается в кресло, ей трудно оторвать взгляд от стального чемоданчика. Ее ладонь благоговейно гладит сталь, во всем ее облике

сквозит ностальгия.

– Лично я здесь с 1991 года. Мой отец был комиком, и с ним сыграли грязную шутку...

Она мрачнеет. Исидор понимает, что произошло что-то серьезное, и просит рассказать.

– Он играл в большом, на триста мест, театре. Однажды он начал выступать, и при первом скетче никто не засмеялся. Он сохранил спокойствие и продолжил, но второй скетч тоже не вызвал смеха. Он отыграл всю программу при гробовом молчании зала.

Ужас какой!

– На протяжении всего спектакля не засмеялся ни один человек из всех трехсот. Ни звука из зала! Улыбок – и тех не было. Триста непроницаемых физиономий, глухая стена.

Бр-р... Кошмар!

– Все это были статисты, которым заплатили, чтобы они не смеялись. Таким был «комический» замысел телепостановщика.

– Триста человек не смеются все полтора часа? Оглушительная тишина! – сочувствует Лукреция, помнящая собственный страх сцены.

– Для комика это худший кошмар. Он был белый как мел, весь трясся. Публика, очевидно, сочла это забавным. Так в Средние века находили забавными публичные пытки.

Рассказчица вдруг умолкает.

– Что было дальше? – торопит ее Лукреция.

– Отец сделал вид, что остался равнодушен к тому, что угодил в ловушку, а потом взял и покончил с собой. Обошелся без BQT, хватило веревки и табуретки.

Беатрис опускает глаза.

– Так я узнала, что юмор – не панацея. Чтобы рассмешить ближнего, можно совершать настоящие подлости.

Мне ли этого не знать! Мари-Анж научила меня уму-разуму.

– Эта драма заставила меня вступить в борьбу против «плохого юмора». Я решила, что лучшее место для этого – здесь, у скрытых истоков. Отец рассказывал мне об этом за несколько месяцев до ухода. Я приехала сюда, прошла посвящение, участвовала в дуэли, победила. Начала подниматься вверх, стала преподавать. И вот однажды...

– Вы увидели, как высаживается Тристан Маньяр, – договаривает за нее Исидор.

– Он искал «место, где рождается юмор». Двигаясь к истоку одной шутки, от рассказчика к рассказчику, он добрался до нас. Я стала его учить,

подготовила к дуэли. И надо же было такому случиться, чтобы его противником оказался его импресарио, последовавший за ним!

– Джимми Петросян?

– Собственной персоной. Тристан выиграл и стал стажером GLH.

– ...и вашим близким другом, – догадывается Исидор.

Она быстро преодолевает удивление.

– Все так. Учеба нас сблизила. Под землей, вдали от всего, наша страсть вспыхнула с особенной силой.

– Красота! – восхищается Исидор.

Он забыл, что ради великой любви под маяком Тристан Маньяр бросил жену и детей. Не знаю, хватит ли им юмора, когда они узнают всю эту историю.

Взгляд Беатрис теряется вдали.

– Когда подал в отставку по старости следующий за Пьером Даком Великий магистр GLH, прошли выборы, на которых был единогласно выбран Тристан.

Она показывает на портрет Тристана Маньяра во всем сиреневом. Обоим журналистам трудно узнать в этом зрелом улыбающемся мужчине морщинистого бородача, агонизировавшего в темной комнате.

– Всегда в подземелье, под маяком... Вы не страдали от клаустрофобии?

На это Беатрис отвечает широкой улыбкой.

– Юмор – как большое окно у нас в голове. Благодаря юмору мы не испытываем недостатка тепла и света. Здешняя повседневная жизнь состояла из смеха и шуток. Это был рай. Мы поддерживали связь с некоторыми звездами, наведывавшимися к нам, но соблюдавшими секретность.

– Де Фюнес?

– Нет, Бурвиль. – Она показывает на портрет комика в фиолетовом одеянии.

– Колюш?

– Нет, Депрож. Нас не все принимали, некоторые нас принципиально презирали. Были и завистники. Помните телевизионщика, косвенно убившего моего отца. Постепенно набрали силу люди одного с ним пошиба, чей юмор противоречит нашим принципам уважения к личности.

– Вы о ком?

– Юмор – это энергия вроде атомной. Можно построить АЭС, которая будет делать жизнь людей удобнее, а можно сделать атомную бомбу, которая убьет миллионы.

– Как молоток, – подхватывает Лукреция, вспоминая объяснения своего коллеги. – Его можно использовать при строительстве дома, и им же можно разбивать головы.

– Инструмент не важен, важно сознание того, кто им пользуется. Все зависит от мотиваций пользователя новой технологии. У тиранов есть подручные-юмористы, помогающие делать население бессильным перед тоталитаризмом.

Мотивация – вот одна из отмычек!

– Эта колоссальная энергия может попасть в руки к опасным людям. Так возникло новое явление, мы назвали его «юмором тьмы». Побудить смеяться над бедой моего отца, над иностранцами, над женщинами, над умственно отсталыми, над бедняками... Унижать смехом других – тоже юмор.

– Ирония и цинизм – разные вещи, – формулирует Лукреция.

– Юмор – это аристократия духа. Но в грязных руках он становится разрушительным.

Журналисты начинают догадываться о цели этого разговора.

– Сейчас доброкачественных и злокозненных юмористов поровну. Но злокозненные порой используют доброкачественных как ширму для продвижения мерзких идей. Здесь, в GLH, мы внимательно следим за этой волной юмора тьмы, способной утопить юмор света.

– Злыдни всегда остроумнее добряков, – соглашается Исидор.

– Под видом провокации некоторые юмористы отстаивали ревизионистские и расистские теории, утверждая, что все это просто «смеха ради».

– А тех, кто обличал этот дрейф, обвиняли в отсутствии юмора, – дополняет Исидор.

– Повторяю, в первую очередь мы – гуманистическое движение. Необходимо было контратаковать.

Великая магистерша поглаживает стальной чемоданчик.

– Стефан Крауз, отличный продюсер, уже три года у нас. Он предложил решение: «Для борьбы с юмором тьмы нужен предводитель». Он пригласил на маяк девять молодых юмористов, которых счел на тот момент самыми многообещающими. А они взяли и перебили друг друга...

– В выигрыше остался Дариус Возняк? – догадывается Лукреция.

Вот как все началось!

– Именно он. Он получил у нас самую лучшую подготовку. Над ним бились по восемь часов в день, воспитывая у него беспримерные рефлексy импровизатора. Бригада физиологов изучала его мозг. С ним работали

режиссеры, актеры, мимы. Ничто не проходило мимо их внимания: ни его дыхание, ни осанка, ни выражение единственного глаза. Кто, по-вашему, придумал это сердечко в глазнице? Я! Все было тщательно продумано. Когда решили, что он готов, его спустили с поводка, используя для его рекламы все влияние GLH. Он выступал в самых больших театрах, быстро попал в самые рейтинговые телепрограммы, мы все употребили – свое богатство, политическое влияние, науку, – чтобы он стал тем воином, который покончит с модным «плохим юмором».

Беатрис встает и вплотную подходит к фотографии Тристана Маньяра, на которого смотрит с обожанием.

– Успех Дариуса превзошел все ожидания. Это было землетрясение! Перед его обаянием не мог устоять никто. Мы достигли цели. «Юмористы тьмы» мигом вышли из моды. Они застряли на втором уровне, а он парил на третьем и даже на четвертом. Его обхаживали политики, чтобы через него влиять на молодежь. За кулисами трудились десятки авторов GLH, снабжавшие его первоклассными скетчами.

Великая магистерша умолкает, захлестнутая воспоминаниями.

– Что было дальше?

– Дальше Дариус стал Циклопом, Циклоп стал «любимейшим французом французов». Эту публикацию мы отпраздновали шампанским. Стараниями Стефана Крауза его успех принес нам огромные средства, позволившие повысить комфорт GLH под маяком.

– И?.. – не терпится Лукреции, не выносящей ожидания.

– Он выскользнул из наших рук. Думаю, его испортили слава и кокаин. Робость сменилась самолюбованием, невроз – мегаломанией. А главное, он свихнулся на BQT. Ему обязательно нужно было узнать, что это такое!

Теперь Беатрис гладит чемоданчик, как домашнего любимца.

– Однажды он опять заявился на маяк и потребовал собрать «сиреневые плащи». Он произнес речь о том, что он самый богатый и знаменитый и что GLH на нем кормится, а посему нам надо провести выборы и избрать Великим магистром вместо Тристана Маньяра его.

– Логично, – признает Исидор.

– Выборы так выборы... Самое удивительное, что для избрания ему не хватило всего одного голоса – возможно, моего. Уходя, он пригрозил: «Отказываете вежливой просьбе – придется поступить по-другому...»

– Вашему «воину юмора» не хватало остроумия, – говорит Исидор.

– Мы не знали, что выпестовали монстра.

– Диктаторов Фиделя Кастро, Норьегу и Бен Ладена сначала поддерживало ЦРУ, – напоминает Исидор.

– Дарт Вейдер был джедаем, а потом перешел на темную сторону Силы и стал воевать со своими создателями, – вносит свою лепту Лукреция.

– Но разрыва пока еще не произошло. Мы так им гордились, что не видели очевидного. Ему все прощалось, все предоставлялось на блюде с голубой каемочкой, как избалованному вундеркинду. Дариус Возняк создал свой театр, потом свою Школу смеха – с нашей финансовой помощью, конечно, с нашими инструкторами, с нашим ноу-хау. Мы тогда еще воображали, что он, говоря словами Стефана Крауза, – «наше окно в мир». А тем временем его могущество росло. Дариус завораживал толпы. У него хохотали целые стадионы, десятки тысяч людей.

– Берси, Парк де Прэнс, Стад де Франс... – перечисляет Лукреция.

– Икар подлетел к солнцу и опалил крылья... – бормочет Исидор.

– Самомнение Дариуса не переставало раздуваться. В частной жизни он превратился в буйного тирана, неводержанного параноика. Он не переносил малейшей критики, утратил всякую самоиронию. Он уже не желал служить мишенью для юмора.

Она кладет на чемоданчик обе ладони.

– Нам не хотелось признавать реальность, мы по-прежнему находили для него оправдания. Мы видели во всем этом мелкие капризы избалованной прессой звезды.

– Вы не желали видеть, что ошиблись со знаменосцем.

– Так продолжалось до тех пор, пока он не ушел из «Стефан Крауз Продакшен» и не решил создать с братом Тадеушем собственную компанию. Тогда разрыв стал официальным. Он забыл, что всем обязан нам. Он все у нас украл: концепцию школы смеха, концепцию ПЗПП, даже розовый цвет кавалеров GHL. Он пытался параллельно создать собственное тайное общество, копируя все, что знал, и пользуясь военными трофеями – плодами своей популярности.

– Одного ему не доставало – BQT! Скипетра, без которого король не король, – говорит Исидор.

– Да, Меча Соломона, Эскалибура, нашей реликвии, этого атрибута истинной власти, оплота нашей легитимности, нашего якоря в истории протяженностью более чем в три тысячи лет!

– И вот он снова заявляется на маяк. «Не захотели по-хорошему – придется по-плохому!»

– С ним было шестеро сообщников. Трое братьев Возняк и телохранитель странного вида...

Тот, с песей башкой!

– А еще девушка и усатый мужчина, – продолжает Беатрис. – Сначала они называли себя парламентарями... Мы высказали недовольство: в наш храм запрещено приводить чужих. Дариус вдруг распахнулся – он успел прославиться такими неспровоцированными взрывами гнева – и заявил: он у себя дома, здесь все его. Наша служба порядка уже теснила их к выходу. Он подал знак, и у них в руках появились автоматы...

Лицо Беатрис превращается в маску боли.

– Мы бросились врассыпную. Тристана самоотверженно заслонили несколько человек, дав ему скрыться с BQT.

– В муравейнике тоже первым делом спасают матку и расплод, – бормочет Исидор.

– Некоторым удалось спастись. Многие пали. Тристан спрятался, укрывая BQT. Мы бежали без оглядки. Измена, приведшая нацистов под карнакский курган зимой 1943 года, глубоко отпечаталась в сознании членов Ложи и заставила позаботиться об аварийном выходе. Мы воспользовались им и уплыли на моторках.

– Но Дариус и его свора не оставили вас в покое? – спрашивает Лукреция.

– Наверное, он хотел всех нас перебить, чтобы не осталось свидетелей.

– Вас спас священник, спрятав в подземелье часовни Сен-Мишель.

– Отец Паскаль Легерн быстро понял, что к чему. Он молодец!

Она не спешит продолжать, припоминая ход событий.

– Но мы недосчитались Тристана и решили, что Дариус схватил его и завладел BQT.

Лукрецию подмывало рассказать, что стало с Тристаном, но Исидор легонько наступая ей на ногу, намекая, что лучше помалкивать.

– Что было дальше? – спрашивает он.

– Мы ждали, пока минует опасность. Отец Легерн предложил нам перебазироваться в другое надежное место. О маяке нам пришлось забыть. Так мы очутились здесь.

– Где, собственно, мы находимся?

Беатрис тяжело вздыхает.

– Теперь вы вправе это знать. Идемте. Самое забавное, что вы сами в разговоре раз десять называли это место.

Великая магистерша предлагает им подняться по лестнице.

С каждой преодоленной ступенькой звуки и запахи позволяют все лучше понять, в каком удивительном месте устроила GLH свой новый секретный храм.

«В чем разница между католиком, протестантом и евреем? У католика жена и любовница, он любит любовницу. У протестанта жена и любовница, он любит жену. У еврея жена и любовница, а он любит маму».

Шутка GLH № 452897.

Беатрис ведет их, крепко держа в правой руке чемоданчик.

Они выходят из подземелья в сад.

– Сад Иерусалимского Креста, – объясняет Великая магистерша.

Исидор и Лукреция удивленно переглядываются.

Они поднимаются на просторный верхний этаж.

– Рыцарский зал!

Новый проход.

– Дорога Тридцати свечей.

Они в северном трансепте величественного собора.

– Ну, теперь вы поняли, где находитесь?

Лукреция и Исидор смотрят в открытое окно на бескрайний морской простор. Крики чаек, йодистый морской дух...

Церковь на морском берегу?

Беатрис приглашает их на готические хоры. Перейдя центральный двор, они оказываются в южном трансепте и поднимаются по винтовой лестнице на церковную башню, увенчанную колоколом. На него водружена золоченая фигурка архангела Михаила, поражающего мечом дракона.

Мы снова на острове. Вернее, не вполне на острове...

Она улыбается.

Сен-Мишель. Мон-Сен-Мишель.

– Отец Легерн из карнакской церкви Сен-Мишель связал нас с братией этой одноименной обители.

– Я думала, что кюре Карнака считает BQT воплощением дьявола! – удивляется Лукреция.

– Отец Легерн узнал о существовании BQT уже после того, как члены GLH перебрались сюда, – объясняет вместо Беатрис Исидор.

Они видят внизу людей во власяницах.

– Монахи нас любят. Отец Легерн не делится с ними своими фантазиями насчет BQT.

– Это место сильно отличается от острова-призрака в океане. Мон-Сен-Мишель – третье по посещаемости место во Франции после Эйфелевой башни и Версаля. Сорок один постоянный обитатель и... три миллиона посетителей в год. Оцените парадокс: от нескромных взглядов вас защищают толпы туристов с фотоаппаратами! – радуется Исидор.

Вдали выстроились по линеечке сотни туристических автобусов.

Кому придет в голову, что тайное общество юмора обоснуется под католическим монастырем?

Вокруг них носятся чайки, одна садится на фигуру святого Михаила, пронзающего дракона.

– Феерическое место! – восторгается Исидор. – На границе Нормандии и Бретани, наполовину остров, наполовину континент, наполовину суша, наполовину море. Всегда считал, что это что-то сверхъестественное!

– Переезд помог модернизации. Мы больше не шлем людей на велосипедах подкладывать под менгиры железные банки с анекдотами. Теперь к нашим услугам совершенно безопасный интернет. Мы применяем ультрасовременные технологии. У нас есть иностранный отдел и целая бригада переводчиков.

– Это ведь вы инициировали модернизацию? – спрашивает Лукреция Немрод. – Это вы поняли, что на Мон-Сен-Мишель нельзя жить как на маяке-призраке.

– Меня выбрали Великой магистершей, потому что потребовался человек, умеющий действовать при кризисе и не пасующий при неизбежных переменах. Но я знала, что сами мы не справимся. Мы ждали чуда, и оно случилось.

– Чудо? – переспрашивает молодая журналистка.

– Да. Это чудо – вы.

Беатрис поворачивается к зеленоглазой девушке, перекрасившейся из рыжей в шатенку.

– Вы, Лукреция Немрод. Вы побывали у Стефана Крауза и убедили его в двух вещах: 1) что ВQT не у Дариуса, 2) что человек, подобравший ее при нашем бегстве, тайно нам помогал. И еще: 3) этот человек убил Дариуса, 4) он гримируется под грустного клоуна.

– Он – или она – не из ваших? – спрашивает Лукреция.

– Нет. Мы не могли представить, что кому-то хватит духу прикончить нашего палача, вручив ему то, чего он сильнее всего жаждал. Это было попросту...

– Прекрасная шутка? – предполагает Исидор.

– Идеальное преступление. Мы о таком могли только мечтать. Помочь нам снова обрести ВQT и найти грустного клоуна могли... только вы, мадемуазель Немрод.

Она вздыхает.

– Стефан Крауз поручил одному из наших людей следить за вами. Он обыскал вашу квартиру. Он думал, что вы что-то знаете о ВQT. Он установил у вас дома прослушивающую аппаратуру.

– Следы обыска я видела, но микрофонов не нашла.

– Микрофон был под аквариумом. После пожара в вашей квартире контакт был утрачен.

– Он восстановился, когда мы вернулись в «Геттёр Модерн», – продолжает за Беатрис Исидор.

– Репортер Флоран Пеллегрини – друг Стефана Крауза. Он знал, что Стефан вами занимается, и рассказал ему про посылку. Мы сразу связали это с BQT.

– Флоран сообщил ему адрес нашего отеля, – бормочет Лукреция.

– Не осуждайте его. Поймите, после всего того, что произошло вокруг BQT, мы опасались, как бы...

Беатрис умолкает и застывает.

Лукреция и Исидор оборачиваются.

На них направлено два ствола.

«Кюре гуляет в густом лесу. Внезапно у него под ногами начинает осыпаться земля. Он вязнет в зыбучем песке. Он уже погрузился по лодыжки, когда появляется пожарная машина.

– Вам нужна помощь? – спрашивает его бригадир. – Мы можем бросить вам веревку.

– Это лишнее, мне поможет моя вера, Всевышний меня спасет.

Он увязает уже по пояс. Пожарные снова проезжают мимо и спрашивают его:

– Вы уверены, что не нуждаетесь в помощи?

– Я уже сказал, со мной вера. Всевышний меня спасет.

Когда из песка уже торчит одна голова, пожарные появляются в третий раз.

– Вам точно не надо бросить веревку?

– Со мной вера, Бог меня никогда не оставит.

Кюре увязает с головой, захлебывается песком и выпускает дух.

Попав в рай, он сердито обращается к Господу:

– Хотелось бы знать, почему Ты меня подвел, я ведь посвятил жизнь служению Тебе!

Бог отвечает:

– Я трижды присылал тебе пожарных, не знаю, что еще можно было поделать».

Шутка GLH № 511905.

Двое в плащах и масках держат их на мушке и заставляют спуститься в храм GLH. Их спрятанное под плащами оружие не привлекает внимания редких встречаемых. Все пятеро спускаются в тайное святилище.

Там, без свидетелей, один из мужчин в сиреневом плаще закрывает дверь на засов.

– Жизнь – вечное возобновление, не правда ли? – спрашивает он.

– Как вы нас нашли? – спрашивает Исидор.

– Благодарите мадемуазель Немрод. Вернее, ее мобильный телефон. С ума сойти, как полезны эти штуки для слежки! Мы не выпускали вас из виду. Потом сигнал пропал. Наверное, вы оказались в зоне без сотового покрытия.

– В маске жарко, – говорит один и снимает маску. Лукреция узнает Павла Возняка, младшего брата Дариуса.

Второй человек в сиреневом плаще поступает так же, и они узнают телохранителя с песьей головой.

Первый наводит на них здоровенный хромированный пистолет, второй – автомат.

– Пока вы оставались в подzemелье, сигнала не было, потом вы поднялись в церковь, и мы вас нашли.

Лукреция Немрод замечает, что охранник нервничает.

– Вот она! – Павел восторженно указывает на металлический чемоданчик.

Он хочет вырвать чемоданчик из рук Великой магистерши, но вмешивается Исидор:

– Здесь кодовый замок. Если вы при первой же попытке не наберете правильный код, внутри все самоуничтожится.

– Это блеф!

– Вы готовы рискнуть?

Исидор уже забрал чемоданчик, как папаша, не позволяющий неуклюжему ребенку натворить бед. Павел Возняк приставляет пистолет к виску журналиста, тот замирает.

– Это мое, – бесхитростно произносит Павел.

– Это ведь вы похитили его у Тристана Маньяра? Вы считаете, что вор может сойти за собственника? Считайте что хотите, ваше право. Но на самом деле собственники сейчас мы, потому что у нас код.

Исидор не выпускает чемоданчик, не обращая внимания на дуло у своего виска. Он садится в кресло для ПЗПП и продолжает беспечным тоном:

– Представляю, как все произошло. Напав на маяк, вы заметили, как Тристан Маньяр шмыгнул в боковой коридор. Вы бросились за ним.

Павел Возняк настороженно слушает. Его охранник ждет приказаний.

– Тристан Маньяр, не зная этого, привел вас в свой кабинет, – спокойно продолжает Исидор. – Вы проскочили туда следом за ним, прежде чем дверь захлопнулась.

Беатрис проявляет большой интерес к его рассказу.

– Откуда вы знаете? – не удерживается от вопроса брат Циклопа.

– Я вывожу это из вашего теперешнего поведения, – отвечает Исидор с прежним спокойствием. – Итак, вы нагнали Тристана в его секретном кабинете, стали ему угрожать, он не хотел уступать, вы выстрелили ему в живот, и он, мучаясь от боли, выдал вам тайник. Вы забрали шкатулку и оставили Тристана умирать.

Павел Возняк сохраняет невозмутимость.

– Ваше молчание – лучший ответ. Итак, при нападении на маяк-призрак вы забрали BQT, чтобы, согласно договоренности, отдать ее вашему брату Дариусу. Но что-то помешало вам это сделать. Это «что-то» – желание оставить BQT себе. Наверное, чтобы самому стать главным...

«Розовый костюм» с песьей головой, поняв, что спешки нет, вешает автомат на плечо. На фалангах его пальцев синеют татуировки. Одна складывается в слово «смешно», другая – в слово «грустно».

Насилие – последний аргумент идиотов.

Павел Возняк, не опуская пистолет, цедит:

– Дариус меня не уважал. Вечно я был «младшим братишкой». Мать говорила: «Того, чего у Дариуса много, у Павла мало». Он называл меня своим «придатком». Он не боялся меня оскорблять. Это казалось ему очень остроумным.

– Тадеуш от него не отставал? – поддает жару Исидор.

– Нет, Тадеуш был себе на уме. Он всегда видел и знал, что Дариус – тиран. Мне он говорил: «Не надо с ним воевать, лучше его использовать. Он вытянет нас наверх». Когда Дариус меня оскорблял, он твердил: «Ему нужен козел отпущения, брат, не ты, так я».

Говоря, он немного опускает пистолет.

– Когда я уже собирался отдать BQT Дариусу, он посмотрел на меня с презрением и сказал: «Куда ты запропастился? От тебя, Павел, нет никакого проку. Может, лучше было бы обойтись без тебя».

– Опрометчиво с его стороны, – соглашается Исидор.
– Тут меня разобрало, и я сказал себе: «Дариус не заслуживает ВQT».
– Логично, – соглашается Лукреция, поняв маневр своего напарника. – Сокровище у вас, вы сильнее.

Младший брат с затуманенным взором вспоминает былое.

– Той ночью, после схватки под маяком, мы совсем обессилели. Хотелось со всем этим покончить. Дариус нюхнул кокаина, был на взводе, весь в нетерпении. Все его раздражало. Мы сели в моторные лодки и вернулись на берег, где Дариус думал настигнуть сбежавших и отнять у них сокровище.

Бледная Беатрис тяжело дышит.

– Вы поняли, что находитесь в одном шаге от того, чтобы возглавить целую империю – империю смеха, – говорит Лукреция. – Это вы убили с помощью ВQT обоих ваших братьев. Вы и есть грустный клоун!

– Бросьте, Лукреция! – возражает Исидор. – Если бы было так, он бы сейчас нам не угрожал.

– Она была у него, он пустил ее в ход, а потом потерял, – гнет свое она.

Отличный способ его отвлечь. Пусть думает, что у нас разногласия.

– Может быть, только он ее потерял, не успев пустить в ход.

Павел не может не внести ясность:

– Ваш коллега прав. Пока остальные прочесывали окрестности Карнака в поисках членов GLH, я смог спокойно заглянуть в шкатулку.

Он выразительно умолкает.

– И?!

– Кто-то ударил меня сзади по голове. Когда я очнулся, ВQT уже не было.

Павел Возняк по-прежнему наводит пистолет на троицу, но его слишком увлек собственный рассказ.

– Я подумал, что это кто-то из местных. Через два дня, когда Дариус вернулся в Париж, я снова подался в Карнак, искать ВQT.

– И?.. – торопит его Лукреция.

– Я наткнулся на местную милицию с охотничьими ружьями, за главного у них был кюре. Я решил унести ноги, чтобы вернуться позже, уже не один.

– Потом к вам в «Версаль» заявила Лукреция Немрод, – напоминает ему Исидор.

– Вы пришли к моей матери со шкатулкой «Не смейте читать». Нас это рассмешило. Мы с Тадеушем не поверили своим глазам.

– Вы успешно скрыли удивление, – говорит она.

– Это все изменило. Тадеуш решил, что ключ ко всему – вы. Он навел о вас справки.

– Люди из GLH к тому времени уже подсунули микрофон под аквариум. Где был ваш, в цветочном горшке? – иронизирует Исидор.

– Я решил следить за вашим сотовым. Это был вдвойне правильный выбор: благодаря вам, Лукреция, я нашел и BQT, и новое логово GLH.

Внезапно Павел Возняк заламывает ей руку за спину и приставляет пистолет к подбородку.

– Хватит зря терять время! Мне нужен код к чемоданчику.

– И не мечтайте, – спокойно произносит Исидор.

– Считаю до трех и стреляю.

– Не в моих привычках уступать ультиматумам и угрозам, – говорит научный журналист. – Можете ее убить.

Теперь ясно, насколько я ему важна.

– Один...

– Это дело принципа, уступить один раз – значит опозориться на всю жизнь.

Он готов мной пожертвовать, лишь бы сберечь тайну паршивого расследования!..

– Два...

Я его переоценивала. Обманщик! Как все мужчины.

Не глядя на них, Исидор загоразивает собой Беатрис. Это выглядит естественным.

Ну и наивная же я! Как я могла поверить, что представляю для него какую-то ценность? Он присоединился к моему расследованию ради материала для своего романа. На меня ему наплевать.

Павел Возняк поднимает дуло пистолета.

– Ваша взяла, я уступаю силе.

Исидор Каценберг одним движением открывает чемоданчик, достает синюю шкатулку с надписями BQT и «Не смейте читать!» и откидывает ее крышку.

Павел Возняк и его охранник с песьей головой не могут оторвать глаз от листка с тремя фразами.

С выражением невероятного изумления они читают слева направо буквы, складывающиеся в слова, складывающиеся в предложения, складывающиеся в мысли.

Сначала они застывают, как в столбняке. Это длится долго. Потом они начинают улыбаться, прыскают и разражаются хохотом. Хохот становится

все громче.

«Два яблока наблюдают с верхушки яблони за жизнью внизу.

– Какие смешные людишки! Что-то доказывают, дерутся, никто ни с кем не соглашается. Настанет день, когда Землей завладеем мы, яблоки.

– Какие «мы»? – спрашивает другое яблоко. – Красные или желтые?»

Шутка GLH № 511905.

Они хохочут все неистовее, сгибаясь и держась за животы. Потом начинается икота...

Павел Возняк машинально опускает пистолет, чтобы вытереть слезы.

Они задыхаются, выпучивают глаза.

Два журналиста и Великая магистерша GLH не могут отвести от них глаз.

Этому не видно конца. Смех становится болезненным, потом постепенно стихает.

И тут раздается выстрел, потом другой.

Первая пуля угодила Павлу Возняку в лоб, и он падает как подкошенный. Вторая пуля пробивает голову его охраннику. Он успевает загородить обеими ладонями лицо, и пуля проходит сквозь фалангу под татуировкой «грустно».

Журналисты оборачиваются. Беатрис, стрелявшая из одного из дуэльных пистолетов, разжимает пальцы.

Лукреция помимо воли смотрит внутрь шкатулки BQT. Листка там нет, он вылетел и лежит на полу надписью вниз.

Исидор наклоняется, подбирает листок, переворачивает.

НЕТ!

Научный журналист надевает очки и читает три предложения.

В нем мощно нарастает неудержимое желание хохотать.

Он кашляет, кудахчет, давится, потом кивает головой.

– Вот и все, вот и все! – Можно подумать, что он совершил удачный прыжок с парашютом.

– Вы еще живы? – спрашивает Лукреция, не веря своим глазам.

– Я вас предупреждал, – говорит Исидор. – Это действует только на тех, кто в это верит. Эта парочка, как видите, погибла от выстрелов в голову, а не от убийственного смеха.

Лукреция заинтригована. Она впивается взглядом в листок в руках у Исидора.

Неужели он прав? Или он умудряется выдерживать «шутку, которая убивает»? Я должна знать!

Преодолев страх, она набирает в легкие побольше воздуха, храбро хватая листок и смотрит на изогнутые буквы.

Первое предложение: «Не суйтесь в эту историю».

Второе: «Иначе в следующий раз будет настоящая ВQT».

Третье: «И тогда вы по-настоящему умрете от смеха».

– Ненастоящая! Только предупреждение, – объясняет Исидор.

Здорово же нас провели!

«Двое охотятся на гориллу. Один говорит другому: «Ты оставайся здесь с ружьем и с собакой, а я полезу на дерево. Я его потрясу, и горилла свалится. Собака обучена броситься на нее и крепко вцепиться. Ты воспользуешься удивлением гориллы и свяжешь ее веревкой».

– Зачем тогда ружье? – спрашивает другой.

– Если с дерева вдруг свалюсь я, ты застрелишь собаку».

Шутка GLH № 134437.

Через несколько часов они выходят с вещами, и Беатрис сама отвозит их на ближайший вокзал.

– Поезжайте. Продолжайте расследование. Узнайте, кто грустный клоун, – напутствует она их. – Привезите мне настоящую шкатулку с BQT. Об этом вас прошу я, Великая магистерша ордена, к которому вы теперь принадлежите. К тому же таково было условие вашего посвящения. Вы должны сдержать слово.

Она говорит это с плохо сдерживаемой яростью.

Исидор чем-то смущен.

– Перед смертью Тристан попросил меня кое-что вам передать, – говорит он.

– Что?

– Прежде чем испустить дух, он прошептал мне на ухо одну фразу...

– Какую?

– «Я тебя люблю, Беатрис. Продолжай».

Великая магистерша GLH стоит неподвижно, по ее щеке медленно стекает слеза.

На перроне звенит звонок. Механические двери закрываются, поезд трогается.

За окнами проносятся пейзажи. Коровы пасутся, не видя ничего вокруг. С тех пор как поезда TGV превысили скорость 200 км в час, коровам разонравилось на них смотреть.

Исидор кладет на верхнюю полку чемоданы, садится в позе лотоса и медленно поднимает веки.

– Медитация с открытыми глазами?

– Это новая практика, меня недавно научила ей племянница Кассандра, она называет это «открытием пяти чувств». Так можно погрузиться в настоящее, анализируя всю поступающую в мозг информацию: зрительную, звуковую, осязательную, обонятельную, вкусовую.

– Зачем?

– Чтобы перестать думать о прошлом и о будущем. Чтобы жить здесь и сейчас, в собственном теле.

Лукреция Немрод заинтригована, она принимает на сиденье напротив ту же позу.

– Что происходит у вас в мозгу, когда вы открываете свои пять чувств?
– Зрение. Здесь и сейчас я вижу: 1) вас, Лукреция, 2) вагон, 3) окно, за которым пролетает пейзаж, 4) очень смутно: кончик своего носа.

А я вижу Исидора. Дверь, открывающуюся и закрывающуюся для прохода пассажиров. Эмблему TGV на скатерти.

Он закрывает глаза и продолжает:

– Слух. Я слышу: 1) собственный голос, 2) шум поезда, 3) плачущего в соседнем отсеке ребенка, 4) мое собственное дыхание.

Я слышу его голос, покачивание вагона, ветер за стеклом, скрип сиденья подо мной.

Он выдерживает паузу.

– Осязание. Я чувствую кожей: 1) свою одежду, 2) ткань обивки, 3) крен вагона.

Я чувствую свой тесный лифчик. Царапающую лямку на спине. Кольцо на большом пальце левой руки.

Он втягивает носом воздух.

– Обоняние. Я чую: 1) ваши духи, 2) запах вашей кожи, 3) запах еды из соседнего отсека, 4) что-то вроде озона – наверное, вагонный кондиционер.

Я чувствую запах его туалетной воды. Возможно, Chrome. Запах его пота – скорее приятный. Запах собственных волос – пора их вымыть! Или в эту сырую погоду у меня появится естественная завивка?

Он цокает языком.

– Вкус: привкус зеленого чая, который подали десять минут назад.

А я – вкус кофе робуста.

– А теперь открываются все пять чувств вместе, в голове больше нет мыслей ни о прошлом, ни о будущем. Только о настоящем – максимально!

Она широко распахивает веки и чувствует мгновение.

Мне нравится эта секунда после сильных переживаний. Нет, мне не надо думать о прошлом. Мне нравится эта секунда, предшествующая решению. Теперь я думаю, что мы добьемся успеха. Нет, о будущем думать тоже не надо. Мне нравится эта секунда, я делю ее с Исидором, превращаясь на пару с ним в ребенка.

Она вздыхает, чувствуя, как в легкие входит воздух. Ей хочется сосредоточиться на этом мгновении, но сознание уже порхает, рот открывается.

– Тристан Маньяр действительно сказал перед смертью «Я тебя люблю, Беатрис»?

Он отвечает не сразу. Сначала он меняет позу на нормальную.

– Нет, но Беатрис нужно было это услышать. Если можно доставить

удовольствие маленькой ложью, то почему бы этого не сделать?

– Что сказал Тристан на самом деле?

– Это был непонятный лепет. Беда с комиками, иногда у них хромает дикция.

Молодая женщина приглаживает себе волосы и нюхает пальцы, чтобы понять, как пахнет ее голова.

– Какие наши дальнейшие действия?

– Что, если остановить расследование? – предлагает Исидор.

Вечно ему нужно меня ошарашить! Спорт это у него, что ли? Занятия боевыми искусствами научили меня отбивать нападения. Не блокировать, а сопровождать, чтобы противника увлек его собственный напор...

– Почему бы и нет, собственно? Это только в романах находят убийцу, сокровища, только романы завершаются пылкими объятиями героев. На деле: 1) убийца на свободе, 2) сокровище неизвестно где, 3) герои спят в отдельных постелях. В статье я напущу туману, намекну на грядущие разоблачения. Чем я хуже других писак из «Геттёр Модерн»?

Они пролетают мимо деревушки.

– Шутка! Мы дали слово Беатрис. Это не Тенардьё, это GLH. Мы теперь ее члены, это подразумевает обязанности.

– Вы приняли это посвящение всерьез?

– Вы забыли, что мы чудом остались в живых? В пистолете, прижатом к вашему виску, была настоящая пуля. Да, я принимаю все это всерьез. Мы найдем BQT.

Он читает свой айфон.

– Мне не дает покоя грустный клоун, – признается Лукреция. – Уверена, мы с ним уже сталкивались. Нос к носу, в его взгляде есть что-то знакомое. Что вы предлагаете?

– Это как в «трех камешках»: чтобы победить, нужно предвидеть ход противника. Пока что мы играем в его игру. Пора перехватить инициативу и навязать ему свой ритм. Лучшая оборона – наступление. Это он, грустный клоун, должен реагировать на наши атаки, а не наоборот.

– Звучит красиво. А поконкретнее?

За окном холм, поле рапса, речка.

Исидор задумывается, открывает свои файлы.

– Что нам известно о грустном клоуне? Что он знал Дариуса. Отдавая ему шкатулку, он сказал: «Это то, что ты всегда хотел узнать». Они были на ты.

– Безусловно. Что еще?

– В момент нападения и похищения ВQT он находился в Карнаке. Значит, либо он «розовый костюм», либо член Ложи.

– Еще он может быть жителем Карнака.

– ?..

– Предположим, кюре, отцом Легерном.

Пейзаж ускоряет бег, пролетает атомная электростанция, охотники, замок.

– Кюре не мог быть на пустоши, не мог оглушить Павла, он находился в подземелье вместе с членами GLH.

– В Париже, тем более в «Олимпии», он тоже не мог быть.

– И вообще, он слишком полный, грустный клоун совсем другой.

Оба размышляют.

– Возьмем версию «розового костюма». Что мы знаем о той ночной атаке? – спрашивает Исидор.

– В Карнаке было шестеро «розовых», в том числе все три Возняка: Дариус, Тадеуш, Павел. Убийца с песьей головой. Итак, четверых мы знаем.

– Кто же двое других? Один из них – тот, кто нам нужен, – отвечает Исидор.

– Как узнать, который?

Научный журналист перечитывает свои записи.

– Помните, Беатрис говорила о мужчине с усами и о женщине? Женщина, сопровождающая мужчин в карательной экспедиции, – либо профессиональная убийца, либо...

– Либо очень близка с кем-то из пятерых. Вы всерьез считаете, что грустный клоун может оказаться женщиной?

– А что? Грим, парик, большой красный нос – и пола не угадать.

– Жаль, что у нас нет свидетеля той сцены! Мы бы заставили его все вспомнить и...

– Этот свидетель сидит в нас.

Лукреция в недоумении.

– Наше воображение, интуиция, душа способны подключиться к этому мгновению, вписанному во время и в пространство.

Опять в нем ожила склонность к мистике. Общение со странной племянницей Кассандрой, этой тронутой, плохо на него повлияло.

Он снова принимает позу лотоса и закрывает глаза.

– Воспроизводим картину. Направляем воображаемую камеру на Карнак в тот вечер, когда Павел и «розовые костюмы» прочесывали пустошь в поисках беглецов. Та же техника, как при открытии пяти чувств,

только управляем не настоящим, а воображаемым прошлым. Воспользуемся теми элементами, которыми располагаем.

Гримаса молодой журналистки выдает ее сомнение.

– Сто процентов выигравших в лото покупали билеты. Ничего не имея на руках, глупо чего-то ждать, – напирает он.

Лукреция тоже садится в позу лотоса и закрывает глаза, чтобы вывести кадры на экран воображаемого кино. Желая показать, что может проявить инициативу, она начинает:

– Ночь. Возможно, мелкий дождик, это в Бретани обычное дело. Шестеро с электрическими фонарями. Холодно.

– Павел с фонарем и, наверное, со шкатулкой BQT в кармане. Он нервничает. Он схватил горячую картофелину, от которой может быть и вред, и польза. Он на чеку.

– Тут появляется грустный клоун. Это...

– Наезд камеры, как в кино. Ну, кто это?

– Женщина в розовом, выдающая себя за подругу Дариуса.

– Энергичная женщина, известная в банде Циклопа.

– Она способна на насилие.

– Женщина в банде комиков сама должна обладать комическим талантом.

– ...Особенно если притворяется клоуном. В окружении Дариуса не так-то много женщин-комиков.

Лукреция распахивает глаза.

– Черт возьми! Вы гений, Исидор! Как я раньше об этом не подумала!

«Американец и турист-француз беседуют на верхнем этаже здания. Американец говорит:

– В Нью-Йорке есть секреты, известные только настоящим ньюйоркцам. Например, небоскребы создают воздушные завихрения. Потоки воздуха так сильны, что могут переносить людей между домами.

– Не считайте меня дураком, – говорит турист. – Никогда не поверю в эту чепуху!

– Не верите? Видите освещенное окно в доме напротив?

– Конечно. Не станете же вы утверждать, что сейчас перенесетесь туда по воздуху?

Американец лезет в окно, прыгает, растопыривает руки – и преспокойно оказывается в окне напротив.

– Видели? – кричит он оттуда. – Такие сильные потоки воздуха, что выдерживают тяжесть человека. Ну, летите! Жду вас здесь.

Турист в сомнении. Тем не менее он выбирается на подоконник.

– Не бойтесь! – кричит американец. – Все получится само собой!

Турист шагает в пустоту, раскидывает руки, пролетает 20 сантиметров – и с криком падает вниз с высоты 120 метров. Внизу от него остается мокрое место.

За спиной у американца появляется уборщица и ворчит:

– Вечно ты делаешь гадости, когда выпьешь, Супермен».

Шутка GLH № 556673.

Театр «Дыра дырой».

Большой зал – на целых 120 мест – полон под завязку.

– Всем выключить мобильники, – предупреждает билетерша. – У нас снимает телевидение, они боятся помех.

Открывается занавес, выходит исполнитель и декламирует громовым голосом первый скетч. Звучит смех – залог дальнейшего веселья.

Как ни увлечена Мари-Анж собственными гэггами, она не может не заметить двух лиц в первом ряду.

Это Лукреция Немрод и ее коллега – лысый толстяк в очках, вылезавший вместе с ней на сцену во время представления в память о Циклопе.

Мари-Анж справляется с дрожью. Слева и справа на нее направлены видеокамеры.

Она изображает консьержку, потом толстушку, потом роды с осложнениями.

Зал в восторге, но она все время косится на Лукрецию и на Исидора, веселящихся вместе с остальными.

Еще один скетч – и можно принять душ. Как скаковая лошадь перед финишной прямой, она ускоряет бег. И тут происходит невообразимое. В разгар скетча, в момент, когда зал затаил дыхание, Лукреция Немрод встает и поднимается на сцену.

Без малейшего смущения она приветствует маленький зал, как будто ее выход – часть программы.

Зрители удивлены, но отвечают ей аплодисментами. Они знают, что в театре все всегда подстроено.

Мари-Анж так удивлена вторжением, что не смеет шелохнуться.

Лукреция насмешливо тянет слова:

– Ма-ри... Ма-ри... Ма-ри... Помнишь наш сеанс садомазохизма в приюте, когда обе мы были совсем молоденькими?

– А как же, а как же, Лулу!

– Как насчет того, чтобы повторить? Прямо здесь, у всех на виду? Не возражаешь? Иди сюда, не бойся, ты же мне доверяешь?

В зале радость. Подчиняясь публике, уверенной, что все идет по плану, Мари-Анж протягивает руки, вызывая новый взрыв смеха.

Лукреция Немрод достает из кармана веревку, связывает ей руки за

спиной, садится на табурет и связывает ей ноги.

Зал задерживает дыхание. Молодая женщина достает из другого кармана ножницы и показывает их публике, которая после недолгого колебания опять смеется и хлопает: зря, что ли, платили по 20 евро?

– Примерно так все и было, помнишь, Мари, мой обожаемый ангел?

– Это было так давно, так давно, Лулу... – отвечает Мари-Анж, пытаюсь замаскировать смятение натужным смехом.

– У нас были зрители, хотя и меньше, чем сейчас, верно, Мари-Анж, сладенькая?

Лукреция Немрод методично, по одной, срезает с ее блузки все пуговицы.

Мари-Анж, не зная, как реагировать, не перестает улыбаться и демонстрировать беспечность, следуя принципу Талейрана: «Когда что-то вам неподвластно, делайте вид, что это происходит согласно вашему замыслу».

Лукреция стаскивает с нее блузку. На Мари-Анж черный кружевной бюстгальтер. Лукреция поддевает ножницами лямку.

– Прекрати, Лукреция, – шепчет Мари-Анж. – Это не смешно. Всё это снимают!

– Мы тогда здорово распалились, – громко говорит Лукреция, – ты помнишь, Мари, моя бархатная тигрица?

– Еще как помню, моя бесценная Лулу!

– У тебя уже тогда было чувство юмора. Ты учила меня: «Главное в юморе – неожиданность».

Она перерезает обе лямки бюстгальтера, и Мари-Анж остается перед своей публикой с обнаженной грудью.

– Знаете, что она мне сказала? «Прекрати, Лукреция, это не смешно». Публика, тебе смешно?

Зал смеется и хлопает, чтобы не показывать смущения.

– Видишь, Мари, ангел мой, им нравится. Доверься мне, мы сейчас такое выкинем!..

Поколебавшись, Мари-Анж решает выдавить улыбку.

Лукреция достает фломастер и начинает рисовать на ней рыбу. Рисунок готов. Теперь подпись: «АПРЕЛЬСКАЯ РЫБА».

– Сегодня Первое апреля! Вот это праздник так праздник! Ты не находишь, Мари, любовь моя? Продолжим?

Она уже подносит ножницы к ее брюкам.

– Хватит, Лукреция, сегодня прямая трансляция, ты не понимаешь, что делаешь! – гневно шепчет Мари-Анж.

– Где твой второй уровень? Протри глаза: им нравится! В этом зале спящих нет, я тебя уверяю. Правда, мадам и мсье? Подбодрим артистку!

Зал отвечает воодушевленными аплодисментами.

– Ты дорого за это заплатишь, Лукреция!

Ей отвечают ножницы – уверенным щелканьем.

– Чего ты хочешь? Отомстить?

– Для начала. «Гнева опозоренной женщины ничто не сдержит, даже ад».

– Ты добила своего. Что дальше? Чем все это кончится?

Лукреция принимается за ее штанины – режет снизу вверх.

– Мне нужна ВQT. Думаю, она у тебя.

Мари-Анж напрягает все силы, рвет веревку, отталкивает Лукрецию и убегает за кулисы.

Пока двое журналистов переваривают неожиданность, она выскакивает на улицу, прыгает на свой мотоцикл «Харли-Дэвидсон» и уносится в темноту.

Но Лукреция и Исидор не сдаются. Они преследуют ее на мотоцикле «Гуцци» с коляской.

Они проносятся через весь Париж.

На этот раз ей не уйти.

Но Мари-Анж мчится что есть мочи, а главное, ее мотоцикл превосходит тяжелый «Гуцци» верткостью. На углу бульвара, стоит загореться зеленому, она резко тормозит, оставляя на асфальте длинный след. Лукреция не ждала этого фокуса, она тоже тормозит, но ее выносит далеко от светофора.

Мари-Анж не мешкает. Лукреция тоже развивает максимальную скорость, благо что бульвар в этот поздний час относительно пуст.

Точка впереди – Мари-Анж – начинает набухать.

Водители провожают ошалелыми взглядами амазонку с голой грудью и с развевающимися черными волосами. Некоторые не справляются с управлением и сталкиваются.

Это осложняет погоню.

Даже полиция не смеет вмешиваться. Всем интересно, как по городу носятся всадницы Апокалипсиса – две женщины на гроыхающих байках.

«Адвокат и блондинка сидят рядом в самолете. Рейс дальний. Адвокат предлагает сыграть в забавную игру, усталая блондинка отказывается. Адвокат настаивает, объясняя, что игра очень простая.

– Я задаю вопрос. Не знаете ответа – платите мне 5 евро. И наоборот.

Блондинка снова вежливо отказывается, адвокат не отстает.

– Тогда так. Вы не знаете ответа – 5 евро. Я не знаю ответа – 100 евро!

Блондинке становится любопытно, и она соглашается. Адвокат начинает:

– Расстояние от Земли до Луны.

Блондинка молча расстегивает портмоне и дает адвокату 5 евро.

– Ваша очередь, – говорит он.

– Кто поднимается в гору на трех лапах, а спускается на четырех?

Адвокат не знает ответа, но 100 евро – это много, и он отчаянно ломает голову. Потом достает лэптоп, копается в энциклопедии на диске, проверяет все ссылки – ничего. Он подключается к интернету через свой мобильный телефон и сервис самолета и ищет по всем сайтам, во всех банках загадок. Снова ничего. Через час он будит блондинку и платит ей 100 евро. Та благодарит и намерена спать дальше.

– Так какой ответ? – спрашивает огорченный адвокат.

Блондинка молча открывает портмоне и платит адвокату 5 евро».

Шутка GLH № 974432.

Мотоцикл с коляской влетает в тупик. Там на асфальте дымится «Харли-Дэвидсон»: наездница впопыхах не опустила подпорку, и мотоцикл упал на бок.

В тупике пусто и тихо.

Лукреция Немрод и Исидор Каценберг читают вывески магазинов. Одна привлекает их внимание: «Тещин Язык. Смешные штучки для всех возрастов».

Дверь открыта: кто-то не успел ее запереть.

Они входят. Свет не включается. Лукреция бежит назад и находит в коляске фонарь.

Теперь в одной руке у нее фонарь, в другой револьвер. Исидор следует за ней, как турист за экскурсоводом.

Мари-Анж говорила, что сперва работала в такой лавочке, может, это она и есть?

Перед молодой журналисткой появляется огромный паук. Она отпрыгивает, потом трогает его и чувствует резину. При свете фонаря паук отбрасывает на стену огромную тень.

Она наступает на змею – тоже резиновую.

Вокруг них хаос из масок, мешочков, грозящих испортить воздух, прыгающих брусков мыла, перечных конфет, кусачих чашек, бутылочек с ледяной жидкостью, лжебинтов с гвоздями, лязгающих челюстей.

Похоже, здесь давно никто не прибирался, или хаос намеренный?

Они медленно крадутся по магазину, освещая все более странные предметы: сахар с мухами, взрывающиеся сигареты, пластмассовые фекалии.

Исидор случайно наступает на подушку-пердушку. В следующее мгновение справа от них что-то начинает шевелиться.

Лукреция светит туда и обнаруживает толстого мохнатого кота. Он отпрыгивает в сторону. Срабатывают баночки с горчицей: из них выпрыгивают хохочущие чертята.

Кот ведет их по лестнице на второй этаж.

Журналисты огибают челюсти на ножках, клацающие им вслед.

Светя перед собой фонарем, они поднимаются в помещение с манекенами и маскарадными костюмами.

Манекены в натуральную величину выглядят как замершие живые

люди с насмешливыми лицами. На некоторых ухмыляющиеся клоунские маски.

Лукреция прижимает палец к губам, требуя от Исидора полной тишины.

Луч фонаря шарит по помещению, но ничего не находит. Лукреция делает вид, что уходит, потом вдруг оборачивается и разглядывает манекены один за другим.

Она трогает одну маску, другую, тянется рукой к клоуну с зелеными волосами. Тот шумно дышит.

Две женщины катятся по полу, сшибая манекены. Они колотят друг дружку любым подворачивающимся под руку предметом: гибким молотком, издающим вдруг унитазную трель, колоколом, бьющим током.

Они кусаются, рвут друг дружке волосы.

Исидор достает мобильный телефон и включает камеру.

– Вы что, Исидор?! – кричит Лукреция. – Нашли время! Лучше помогите, у меня проблема, вы не видите?

Осмотрев несколько этажерок, Исидор находит шерсть для почесывания и кладет ее Мари-Анж на шею. Та отвлекается – и терпит поражение.

Они приматывают ее к креслу бумажными дудками, гирляндами, ремнями и тесемками. Лукреция с особенным удовольствием стягивает ей грудь, запястья, лодыжки и бедра.

– Как в приюте, в старые добрые времена, да, Мари-Анж?

– Чего тебе надо, в конце-то концов, Лукреция?

– BQT у тебя, да?

Мари-Анж сразу замыкается и стискивает челюсти.

Лукреция вооружается пером из индейского головного убора и начинает щекотать ей щеку.

– Так меня наказывали в GLH во время посвящения. Можешь мне поверить, это невыносимо.

Мари-Анж дрожит мелкой дрожью, кусает губы.

– Люблю щекотать!

Лукреция водит пером у нее под мышкой. Напряжение растет, Мари-Анж не может сдержать смех, молит о пощаде, но журналистка неумолима. Ее бывшая подруга колотится, как в падучей, кажется, еще немного – и на ней лопнут все путы. Лукреция оголяет ее правую ногу и подносит свое страшное оружие к ступне.

– Я все скажу!

Она пытается отдышаться.

– Где ВQT? – грозно спрашивает Лукреция, хватая ее за разорванный ворот.

– Спокойнее, Лукреция, – вмешивается Исидор. – Чувствую, мадемуазель готова покаяться. Мы не торопимся. Начинайте потихоньку, мы спокойно послушаем, как все началось.

– Но...

– Тс-с, Лукреция. Не путайте скорость и спешку.

Он достает блокнот. Взяв со стола бутылку с водой, он наливает стакан и подает пленнице.

Изображает из себя доброго копа. А я буду злой.

– Итак, мы не спешим. Как вы повстречали Дариуса? Он распознал в вас комический талант?

Мари-Анж сглатывает.

– Не комический, а талант садомазогоспожи. Меня пригласили в их дворец. Там тусовался весь шоу-бизнес. Я стегала его брата Павла, когда появился Дариус. Он сказал, что ему нравится мой «стиль».

– Забавно, – говорит Исидор.

– Он предложил мне отстегать его брата Тадеуша. Я привязала его к кресту и давай охаживать. Дариус стоял рядом и меня подбадривал. Так возбуждился, что привел какую-то девку, подвесил за руки и стал стегать.

– Дариус был садистом? – недоверчиво спрашивает Лукреция.

– Не знаю, что такое настоящий садизм. Ему нравилось смотреть, он приказал своим охранникам продолжить вместо него.

– Понятно, бывают садисты-лентяи, – шутит Исидор.

– Неужели никто не жаловался? – удивляется Лукреция.

– Какие еще жалобы! На Дариуса Великого, на Циклопа? Девушки приходили туда по доброй воле, в надежде на роли в его фильмах. Они гордились тем, что находились рядом с ним.

– Вечно одно и то же! – понимающе кивает Исидор. – Надо было их предостеречь...

– Давай дальше! – приказывает Лукреция.

– Дальше мы с Дариусом поднялись в его спальню и занялись любовью.

– Любовь усталых палачей? – иронизирует с высокомерным видом Лукреция.

– Нет, смельчаков в мире трусов! Мы были двумя хищниками, почувшшими друг друга.

– Много жертв и мало хищников... – поддакивает полный сострадания Исидор.

– Я рассказала ему, что пробую стать юмористкой, и он обещал мне помочь. Я устала от продюсеров, дававших обещания и не сдерживавших их. Им надо было одного – переспать со мной. Он по крайней мере не обманул. Моим продюсером стал его брат Тадеуш, он свел меня с приятелями-журналистами, своими частыми гостями. Те стали писать обо мне хвалебные статьи.

– Как приятно! – умиляется Исидор.

– Но Дариус не хотел, чтобы я слишком «звездила», – боялся, что я от него сбегу. Поэтому он включил меня в свою группу «розовых костюмов». Я была там единственной девушкой.

– При этом он не переставал с тобой спать.

– Моя коллега имеет в виду интимные отношения, – зачем-то разъясняет Исидор.

– «Отношения» – это громко сказано. Тут такое дело... У Дариуса была небольшая физиологическая проблема.

Кажется, она сейчас покраснеет.

– Какая?

– Не знаю, можно ли об этом говорить. Это довольно интимно...

– Тебе ли смущаться! – хихикает Лукреция.

– Его сексуальная проблема была связана со вполне определенной шуткой. Такого нарочно не придумаешь при всем желании!

Исидор погружается в глубокие раздумья. Взяв блокнот, он просматривает все анекдоты, записанные с самого начала расследования, и вдруг восклицает:

– Шутка о циклопе! Я понял, Лукреция! У Дариуса было одно яичко!

Мари-Анж подтверждает его догадку.

– У некоторых это не имеет последствий. А у него... В общем, он не мог нормально заниматься любовью.

– Есть версия, что у Гитлера была та же патология, но проверить ее так и не удалось, – делится печалью Исидор.

– У Дариуса это было врожденное. Чистое совпадение, что потом он лишился также и глаза.

– Шутка может обусловить целую жизнь, – бормочет Лукреция. – Потому, наверное, он и злобствовал так с женщинами, так подавлял мужчин. Компенсация, однако.

– Он очень нуждался в похвале. Редко видела людей с такой ненавистью к самому себе. Когда мы жили вместе, он начинал день с желания покончить с собой. Он говорил: «Я худший из людей, я заслуживаю всех мыслимых кар, просто никто не смеет преградить мне

путь. Где взять такого смельчака?» А однажды – в тот день его как раз выбрали «любимейшим французом французов» – у него случилось озарение. «Побей меня, Мими!» – сказал он мне.

Исидор и Лукреция удивленно молчат.

– Казалось, он пытается дойти до крайности. Испытать максимальную боль, сделать максимум того, на что способен. С этим противоречием – с тем, что его любило столько людей, а он себя на дух не переносил, – могла, как он вдруг решил, справиться только я.

– Такова сила женщин: они преобразуют мужчин, – комментирует Исидор. – И наверное, спасают от них самих.

Что он болтает? Опять его потянуло на философию. Нашел время! Как он все-таки меня бесит!

– Я причиняла ему сильную боль, но, как ни странно, именно тогда он полностью мне доверился. Он прогнал остальных любовниц. Не боюсь сказать, что в то время я была его единственной женщиной. Одна я знала его темную сторону. Он так мне поверил, что стал делиться со мной мыслями о политике. Он задумал создать собственную партию. И вот однажды, когда я его лупила, у него опять случилось озарение. «Мне нужна BQT!» – сказал он. И объяснил, что это. Наконец-то появился проект ему под стать. С этого момента это стало его наваждением. День и ночь он только об этом и говорил.

– Избалованный ребенок, вот и все, – цедит Лукреция, разочаровавшаяся в человеке, которого раньше боготворила.

– Не надо его осуждать. У него случались приступы благородства и великодушия. Когда ему нравился артист, он мог обеспечить ему блестящее будущее. Он помогал благотворительным организациям, ничего не ожидая взамен, даже не говорил об этом прессе.

– А еще он воровал чужие скетчи и забирал себе «бесхозные» шутки, чтобы выдавать их за свои! – напоминает Лукреция.

– Не надо его окарикатуривать. Его деятельность не сводилась только к этому. Он придумывал собственные скетчи, собственные анекдоты, у него был несравненный талант импровизации, этого никто не может отрицать.

– Она права, – говорит Исидор. – Будь это так просто, кто-нибудь сделал бы то же самое задолго до него. Нет, его вклад чрезвычайно велик, не будем отрицать очевидное.

– Его скетчи были великолепны! Комплекс неполноценности, вызванный «циклопичностью», делал его трогательным. Он понимал чужую боль. И вообще, он был... хорошим человеком.

Лукреция продолжает сомневаться, а вот Исидор готов пересмотреть

свою прежнюю позицию. Он знает, что человека нельзя мазать одной краской и что нужно выслушать мнения всех знающих людей, прежде чем составить собственное впечатление.

– Можно подробнее про BQT? Вы были в тот роковой вечер в Карнаке. Что там произошло?

– Да, я была с Возняками при нападении на маяк-призрак. Думаю, Дариус ожидал более упорного сопротивления. Уверяю вас, он надеялся, что они будут вооружены, дадут отпор, выстоят...

– Каждый желает возвыситься, пока жизнь не отвесит ему затрещину. После этого человек становится смиреннее, – говорит Исидор.

– Жизнь не торопилась с затрещиной. Его била одна я, и то по его же указанию. Он хотел дойти до края. Он уже убивал. Уже организовал дуэли ПЗПП. Теперь ему вздумалось проверить, сможет ли он безнаказанно перебить десятки людей.

– Причем это были люди, которым он был всем обязан. Эдипов комплекс, желание уничтожить собственного отца, – подсказывает Исидор.

– Скорее комплекс Эжена Лабиша^[28], автора «Мсье Перришона», – поправляет его Лукреция, прилежная ученица. – Тех, кому ты всем обязан, страшно трудно благодарить. В истории кишат люди, которые предпочли ударить ножом в спину, а не сказать «спасибо».

– На острове с неработающим маяком развернулась настоящая бойня. Люди из GLH ни о чем не подозревали. Когда прозвучал сигнал, я спряталась за чужие спины. Мне дали оружие, но я не стала стрелять. Увидев мое бездействие, Дариус стал меня заставлять кого-нибудь прикончить. «Это тебе не шлепки по попе, куколка. Расстанься с невинностью, Мими, ты наша сообщница, недаром на тебе розовый костюм». Он нанюхался кокаина и был на взводе. Я спряталась в углу, меня вырвало...

– Вы не пытались убежать? – спрашивает Исидор.

– Я находилась под его влиянием. Он меня околдовал. «Любимейший француз французов» – это что-то да значит! Человек, вызывавший смех у людей всех поколений. Я ведь мечтала о блестящей комической карьере. У нас с ним не было интимных отношений, но я все равно к нему приросла... Такое не объяснить.

– Я несколько не удивлена, – вворачивает Лукреция.

– Перебив одних и обратив в бегство других, Дариус взбесился: где BQT? «Мы не можем вернуться с пустыми руками», – твердил он. Выяснилось, что человек сто сбежали по потайной лестнице. Дариус обозвал всех нас болванами. Мы приплыли обратно в Карнак и стали

прочесывать район мегалитов. Дариус вбил себе в голову, что беглецы прячутся в соседнем лесу.

Мари-Анж умолкает и переводит дух.

– В какой-то момент я наткнулась на Павла, его брата. У него был рюкзак, фонарь, автомат. Он был какой-то странный. Я его спрашиваю: в чем дело? Он отвечает: все в порядке, ВQT вот-вот найдется. Но мы ничего не нашли. Ну и вернулись в Париж. Это все.

Журналисты молча смотрят на нее.

– По-моему, вы нагло лжете, мадемуазель Мари-Анж, – сухо произносит Исидор.

– Клянусь, все это правда!

– Вы готовы к дополнительному сеансу щекотки, Лукреция?

– В этот раз мы займемся кончиками пальцев ног.

Лукреция срывает с Мари-Анж клоунские ботинки и подносит к ноге перо.

– Нет, вы не имеете права!

Журналистка пускает в ход перо. Жертва хохочет – сначала нервно, потом с болью.

– Хватит!!!

Она с трудом восстанавливает дыхание.

– Я стала следить за Павлом. Вдруг непонятно кто выскочил из канавы и огрел его дубиной по голове. Я дала очередь из автомата. Неизвестный убежал. Я подошла. Павел лежал неподвижно, со шкатулкой в руках.

– Так это ты похитила ВQT! – кричит Лукреция.

– Да, сначала она была у меня. Но недолго.

– Не принимай нас за идиотов!

Лукреция опять грозит ей пером.

– Я не знала, что с ней делать. Я понимала, что это бомба и что она может взорвать того, кто ею владеет. Вот я ее и... отдала. Любимому человеку. Я знала, что он разберется, как с ней быть.

– Дариусу?..

– Нет, другому.

– Приросла к Дариусу, а шкатулку для него пожалела?

За Мари-Анж отвечает Исидор:

– Вы плохо слушаете, Лукреция. Она же сказала, что у него была проблема. Она любила его как официального спутника и как товарища по извращениям, но для постели завела себе еще кое-кого...

– Ну и кого?

Исидор улыбается.

Опять он взялся сам давать ответы и мотать мне нервы!

– «Розовый костюм» с усами, не один из братьев и не собакоголовый охранник. Не иначе, юморист и друг семьи. Раньше ходил с усами, а теперь сбрил. Кажется, я знаю, кто это...

Он называет имя, и удивленная Мари-Анж признает: да, он.

– Теперь, когда я все вам выложила, вы можете меня отвязать? – спрашивает сбитая с толку комическая актриса.

Лукреция подходит к подруге своей ранней юности, крепко целует ее в губы и отворачивается со словами:

– С Первым апреля, Мари-Анж.

«Морис совершает морскую прогулку. Его яхта тонет, выживших всего двое: он и Джулия Робертс, знаменитая американская киноактриса. Они приплывают на спасательной шлюпке на необитаемый остров. В первый вечер они разбивают лагерь, ищут пропитание, разводят костер и, оставшись без сил, засыпают. На второй день они беседуют, обживаются, ищут способ вызвать подмогу. На третий день они опять беседуют. На четвертый занимаются любовью. Утром пятого дня Морис садится завтракать к костру и смущенно говорит:

– У меня к тебе странная просьба, ты можешь не соглашаться.

– Говори, Морис.

– Если ты не возражаешь, мне хотелось бы, чтобы ты всего на несколько минут разрешила мне называть тебя... Альбером.

Актриса в недоумении, она гадает, зачем ему это.

– Я называю тебя Альбером, ты отвечаешь мне, как будто ты Альбер. Ничего не спрашивай, просто доставь мне это удовольствие. Я всю жизнь об этом мечтал!

Она соглашается, несмотря на удивление: похоже, ему это действительно важно.

Морис широко улыбается и с воодушевлением говорит:

– Алло, Альбер, это Морис. Угадай, с кем я вчера спал. Ни за что не угадаешь! С самой Джулией Робертс!»

Из скетча Дариуса Возняка «Жизнь-жестянка».

Он живет на роскошной вилле на острове Жетти в Нейи. Здесь устроен музей клоунской одежды. В музее стоят бюсты в цирковой раскраске: белый клоун, Август, английские, американские, французские, итальянские, испанские, африканские, индонезийские, даже корейские клоуны.

– Мне кажется, вы не осознаете нынешние вызовы. Война за BQT – не просто битва за юмор, это решающая битва за... умы!

Комик Феликс Четтэм подходит к клоуну с накладными пластмассовыми бицепсами.

– Когда-то, на заре человеческой истории, власть была у тех, кто имел мускулы и махал палицей. Им подчинялись из страха физически пострадать.

Он переходит к клоуну, похожему на чучело.

– Потом власть перешла к тем, кто владел пахотными землями. Им подчинялись из страха умереть с голоду.

Следующий манекен одет как кюре.

– Затем власть перешла к тем, кто заправлял в церквях и охмурял верующих. Им подчинялись из страха угодить в ад.

Феликс подходит к манекену в жандармском мундире.

– Новый переход власти – к управленцам-администраторам, контролировавшим общественную жизнь. Им подчинялись из страха перед полицией, юстицией, тюрьмой.

Он указывает на клоуна в одежде буржуа.

– Дальше – к тем, кто заправлял промышленностью, производившей товары, которые дарят нам ощущение счастья. Им подчинялись ради удовольствия водить машины и коллекционировать навязываемое рекламой ненужное барахло.

Следующий клоун – толстопузый капиталист с сигарой.

– На очереди финансовые заправилы. Им подчинялись, потому что они обещали, что, взяв деньги, они отдадут больше. А также потому, что они обеспечивали удовольствие обогащаться, бездельничая.

Он указывает на клоуна-репортера с фотоаппаратом и карточкой прессы.

– Переход власти к заправилам массмедиа. Появился на экране – и ты нравишься женщинам, завален подарками и привилегиями и даже налогов

не платишь. Телевизионные персонажи вторгаются в семьи и напрямую на них влияют. Основа их власти – удовольствие быть проинформированными.

Вот и конец траектории Феликса Четтэма – кукла в розовом костюме в маске, сильно смахивающая на Дариуса Возняка.

– Сейчас власть у тех, кто управляет смехом толпы. Это особая подкаста работников массмедиа. Даже не подкаста, а подкласс. Его власть зиждется на способности заставить людей забыть о бедах или поверить в их относительность. На умении развлекать в пресыщенном и скучающем мире. Главный нынешний страх – страх скуки. По-моему, уметь рассмешить – величайшая власть, ее никто не превзойдет.

– Они же просто развлекают, – возражает Лукреция.

– Потому их и недооценивают, и это им только на руку. Они – вернее, мы – стали главными во всех играх.

Третья сила. Эрос, Танатос... Гелос.

– Нашу власть никто не оспаривает, не то что власть политиков и даже прессы. Мы превыше закона. Превыше всего. Сказать, что указывает на эту невидимую власть? Вы заметили, что политики, экономисты, даже ученые все свои выступления начинают с шутки? Они хотят завоевать симпатии аудитории. Если бы не юмор, они бы были просто... пресными.

– Мы недавно это обсуждали. Это как соль. Соль – усилитель вкуса. Возникает привыкание к соли, и она нас разъедает, – замечает Исидор Каценберг.

Феликс вздыхает.

– Юмор помогает направлять аудиторию в желаемую сторону. Первым президентом-актером был Рональд Рейган. Слыхали, мэром Рейкьявика выбрали самого знаменитого исландского комика Гнарра. Вот увидите, скоро в одной из великих держав будет президент-комик.

– Клоун в Елисейском дворце или в Белом доме? – ахает Лукреция.

С ответом снова спешит Исидор:

– Колюш баллотировался на выборах 1981 года и должен был получить в первом туре 18 % голосов. Миттеран всерьез беспокоился. Через неделю после обнародования этого прогноза убили режиссера Колюша, Рене Горлена. Тогда он снял свою кандидатуру.

– «После» не значит «поэтому». Вы уверены, что эти два события связаны?

Феликс тонко улыбается.

– Колюш провалился, потому что был одиночкой, ремесленником. Дариус изучал его кандидатуру. Я знаю, я вместе с ним просматривал

документы. Он все детально проанализировал и извлек уроки.

Феликс приглашает гостей в гостиную и предлагает сесть.

– Надо осознать положение в мире. Раньше юмористы были независимыми ремесленниками, слабыми людьми без амбиций. Но вокруг смехаросло много экономики и политики, и это сокровище больше нельзя доверять людям, не умеющим с ним обращаться.

– Например, Себастьяну Долину.

– Конечно! Себастьян Долин был сказочно креативен, но, увы, слишком мягок. Он играл по правилам, а надо было жульничать! Такие люди вредны, они внушают опасения.

– Вот его и не стало.

– Он принял участие в ПЗПП, чтобы стать миллионером. Он мог бы выиграть. Он вступил в игру и проиграл.

Исидор предпочитает вернуться к теме юмора.

– Мы видели, как образуются сильные группировки. Дариус, что бы о нем ни говорили, оказался прорицателем. Он предсказал переход юмора от ремесленничества к промышленному масштабу.

– Он вложил много денег в «Циклоп Продакшен».

– Много – это мягко сказано! Говорю, он был прорицателем, понявшим, что ракета не полетит без керосина.

Керосином Дариуса были не деньги, а эта энергия, Гелос, придающая деньгам форму и смысл... Это как если бы нефть сама заблаговременно тянула нефтепроводы... Чудеса!

– Он нанимал сотни авторов для сочинения гэгов, над их постановкой трудились многочисленные режиссеры, выпускники престижных коммерческих училищ занимались маркетингом, коммуникациями, продажей скетчей, шуток, фильмов, телепрограмм по всему миру. Он первым зарегистрировал компанию юмора на бирже и пропихнул ее в закрытый круг биржевого индекса САС 40.

Он действовал как настоящий стратег мирового сражения за юмор.

– По примеру своего великого предшественника и тезки, перса Дария Великого, он намеревался создать империю и раздавить всех конкурентов, – добавляет Исидор.

– Верно, он оставил позади себя немало трупов. Но кто вспоминает о трупах сотен тысяч строителей Великой Китайской стены или Версальского дворца? У каждого шедевра есть свое кладбище. Такова цена... обычная цена вхождения в историю.

– Продолжайте.

– Дариус был очень требователен, он был неумолимым

перфекционистом. Ни один юморист не вознес искусство смеха на такую высоту.

Лукреция кивает и задает вопрос, с самого начала не дающий ей покоя.

– Наследник императора – вы. Это ведь вы убили императора?

– Дариус был моим наставником. Я всем ему обязан. Он меня выпестовал, взял к себе в школу, потом к себе в театр, потом в свои телепрограммы.

– ...а потом в свою личную гвардию «розовых костюмов», – коварно бросает Лукреция.

Феликс как будто ее не слышит.

– Он приобщил меня к сцене, приобщил к славе. Он был мне как отец. Я был его дофином, наследным принцем. Я был ему как родной, я занимал второе место. Семья Возняков приняла меня как сына.

Он говорит все это с гордостью.

– Теперь, когда братьев Возняков нет в живых, выживание гигантской империи Дариуса оказалось под угрозой из-за отсутствия лидера. Только вы и можете подхватить этот тяжелый, но благородный факел. Это и было предложение матери Дариуса? – спрашивает Исидор.

Феликс Четтэм смущен этой лобовой атакой.

– Действительно, после гибели всех своих детей она попросила меня – это произошло как раз сегодня утром – взять на себя управление «Циклоп Продакшен». Скоро она созывает собрание акционеров, чтобы меня назначили официально.

– Теперь вы обладаете и властью, и BQT?

Он не отвечает.

– Мари-Анж созналась, – продолжает Лукреция. – Это вы завладели BQT. Вы ее любовник, не так ли?

Он закуривает, чтобы потянуть время. Лукреции страсть как хочется поступить так же.

Незаметно для меня самой все эти шуточки заглушили во мне привычку курить!

Он тяжело вздыхает.

– Мы, комики, превосходим желанием секса обычных людей. Это, наверное, из-за нашей повышенной чувствительности. К тому же юмор – сильнейший афродизиак. Слыхали поговорку: «Если женщина смеется, считай, она уже лежит»?

– BQT у вас? Хватит бродить вокруг да около, отвечайте на вопросы! – И Лукреция хлопает ладонью по столу.

Феликс Четтэм неторопливо встает, подходит к книжному шкафу,

делает вид, что просматривает юмористические книги. Не глядя на них, он начинает говорить:

– Это было в тот вечер, когда мы напали на бездействующий маяк. Уцелевшие бежали, мы их преследовали. Трофей оказался у Павла. Я это заметил и проследил за ним.

– Вы его оглушили? – спрашивает Лукреция.

– Нет, я нашел его уже бесчувственным.

– Вы не слушаете, Лукреция. Мари-Анж говорила, что видела, как кто-то его ударил. Они сговорились. Теперь BQT у Феликса.

Лукреция злится на партнера, отвечающего вместо подозреваемого.

– Вы – последний обладатель BQT, – говорит она.

– Ваша правда. Но я знал, что если я ее прочту, то умру.

– Вы верите в эту легенду? – спрашивает Исидор.

– Вы забрали шкатулку и пустили ее в ход, чтобы убрать Дариуса? – наседает Лукреция.

– Я знал, какую важность представляет этот предмет.

– Куда вы его дели? Да отвечайте вы! Где BQT?!

– Дайте ему сказать, Лукреция. Будете его перебивать, этому не будет конца.

– Кто бы говорил, Исидор! Это у вас манера перебивать подозреваемых. Вы хотите мне показать, что заранее знаете все ответы.

– Все, хватит вам спорить! Все карты на столе, мне больше нечего скрывать.

Лукреция сгорает от нетерпения.

– Что произошло после того, как вы завладели BQT?

И снова вперед вылезает Исидор:

– Я вам скажу, что произошло. При всей признательности к наставнику Феликс его не выносил. Он влюбился в вашу Мари-Анж и изнывал из-за того, что она флиртует с боссом.

Феликс не шевелится, журналист разворачивает свою версию.

– Словом, Дариус становится все более невыносимым для своего окружения.

У него участились приступы гнева, он принимал все более сильные наркотики. Какой из такого глава компании, тем более империи?

– Вы прикинулись грустным клоуном, благо костюм под рукой, и сунули ему BQT со словами: «Это то, что ты всегда хотел узнать», – продолжает Лукреция. – Что ж, вот и все, дело раскрыто. Убийца – Феликс. Остается выдать его полиции и написать статью.

Она тянется к телефону, но Исидор Каценберг накрывает его ладонью.

– Нет.

– Что «нет»?

– Он бы не пустил нас к себе, если бы был виновен. Я прав, Феликс?

Комик кивает, выпуская струйку дыма. Потом предлагает сигарету Лукреции, но та, сделав над собой усилие, отказывается.

Какой же он осел! Он доведет меня до нервного припадка.

– Я закончил коммерческое училище. Я управленец. Я разумный человек. Я спрятал BQT в надежном месте, чтобы было время поразмыслить.

– Где это ваше надежное место?

– В Театре Дариуса. Там в подвале современный сейф. Знаете, что это? Полая голова двухметровой сидячей статуи Дариуса, курящего сигару!

Копия скульптуры Граучо Маркса! Даже ее слизал!

– Я его правая рука, доверенное лицо. У меня есть шифр.

– Разумно. Если бы Дариус ее нашел, вы могли бы сказать, что собирались отдать ее ему.

– Вы хотите сказать, что BQT, которую искал Дариус, находилась внутри его собственной статуи, прямо в ее голове? – не верит своим ушам молодая журналистка.

– Я завернул BQT в газетку. В сейфе было много всякой всячины, и все в газетных обертках. Вышло вроде бы незаметно...

– Блестяще! Дариус не мог представить, что такая лакомая вещь находится прямо у него под носом, там, откуда он выгребает деньги и наркоту.

Феликс не реагирует на комплимент.

– Это не помешало кому-то похитить BQT.

– Кому? – едва не кричит молодая журналистка.

– Не знаю, кто это сделал, зато знаю, когда. Ровно за четыре дня до его гибели, во время одного из поединков ПЗПП. Все смотрели на ринг, кабинет Дариуса остался без присмотра.

Все подозреваемые морочат нам голову. Но у меня впечатление, что мы близки к цели как никогда. Этот человек был третьим, к кому я явилась, начав расследование. Если бы я тогда задала ему правильные вопросы, то можно было бы не идти по ложным следам. Вот смеху было бы, если бы BQT нашлась у первого же подозреваемого – пожарного! Если она у него, то я сначала вдоволь насмеюсь, а потом его прибую. Чем докажу, что обладать BQT опасно для жизни.

Исидор вопросительно смотрит на нее.

Он думает так же, как я. Мы так сработались, что скоро начнем

общаться телепатически. Сейчас он спрашивает: «Какое ваше мнение, дорогая, обожаемая Лукреция?» Я шлю ему телепатический ответ: «Думаю, дражайший Исидор, что сейчас самое время взять его за жабры и заставить признаться, что он сделал с этим долбаным сейфом, набитым газетной бумагой!»

Исидор приподнимает правую бровь.

Это его стандартный ответ: «Насилие – последний аргумент идиотов».

Он морщится, она читает это как: «И вообще, вряд ли он знает больше, чем сказал. По-моему, он не кривит душой».

Она косится на свой сжатый кулак.

Даже если он говорит правду, он мне не нравится. Мне доставило бы удовольствие его отдубасить, мне очень нужна разрядка.

В знак неодобрения Исидор приподнимает вторую бровь.

Они встают, готовые уйти.

– Вы нашли решение моей загадки? – спрашивает Феликс, прежде чем проводить их к двери.

– Загадайте еще раз.

– Человек ищет сокровище. Перед ним перекресток двух дорог. Он знает, что одна ведет к сокровищу, другая к дракону, то есть к гибели. Каждую дорогу сторожит рыцарь, он может подсказать, как быть, но один хронический лгун, другой правдоруб. Можно задать один-единственный вопрос. К кому из двоих обратиться и что спросить?

– Чего тут думать? – говорит Лукреция. – Попросить любого рыцаря показать, какая дорога ведет к гибели. Не важно, к кому обратиться, к лгуну или к правдивому, ответ непременно укажет путь к кладу.

– Неплохо, – говорит Феликс. – Почему вы не позвонили и не сказали ответ?

Журналистка усмехается.

– Потому что он пришел мне в голову только сейчас, когда я слышала вашу ложь.

«Пожилая дама регулярно вносит на свой счет внушительные суммы. Однажды директор банка, не выдержав, спрашивает ее:

– Не могу не поинтересоваться, откуда у вас столько денег. Чем вы зарабатываете на жизнь?

– Очень просто: я заключаю пари.

– Пари столько приносят? Что это за пари?

– Например, я ставлю 10 000 евро, что у вас квадратные яйца.

– Вы шутите?

– Нисколько. Если вы согласны, завтра я приду с адвокатом и со свидетелем, проверим, права ли я.

Директор соображает, что это легкий способ выиграть кучу денег.

Назавтра дама приводит адвоката, входит в кабинет директора, расстегивает ему ширинку и изучает в лупу его хозяйство.

– Что ж, мсье, я проиграла пари. Завтра я принесу вам 10 000 евро.

Директору совестно забирать у нее столько денег.

– Не надо, мадам, забудем это смешное пари.

– Не переживайте за меня, я поспорила на 100 000 евро со своим адвокатом, что войду в кабинет директора банка, расстегну ему ширинку и залезу ему в трусы, а он не даст мне по рукам, а потом будет иметь довольный вид».

Из скетча Дариуса Возняка «Жизнь-жестянка».

Кладбище Монмартр.

Исидор и Лукреция бредут среди надгробий.

– Знаете, что я думаю, Лукреция? Скоро мы завершим наши поиски, ничего не найдя: ни ВQT, ни убийцы. Первое расследование в моем романе тоже кончится неудачей.

– Это огорчит и нас, и ваших читателей. Хотя это что-то новенькое. Очень современно!

Небо над ними хмурится.

– Ладно, я пошутил. Я не стану опускать руки, Лукреция, это не в моем стиле.

– У вас есть план «Б»?

Ветер нагоняет тучи, в ветвях деревьев начинается шум.

– Знаете, как я поступал в молодости? Проверял какую-то формулу, и если она не срабатывала, делал в точности наоборот.

– Какова же противоположность нашего расследования?

Они идут по участку с захоронениями аристократов. Мимо пролетают несколько воронов с антрацитовыми крыльями.

– Не думаю, что Феликс лжет. Он сказал правду, и теперь мы не знаем, как быть. Мы искали ВQT, нашли последнее место, где она находилась, и уперлись в тупик. Значит, надо отказаться от прежних методов, теперь они не принесут результата. Надо вывернуть задачу наизнанку. Исходить не из истории жертвы и не из истории орудия преступления. Мы должны встать на точку зрения... убийцы.

Лукреция подходит к крохотной могиле Левиафана и кладет на нее маргаритку.

– Сейчас, дорогая Лукреция, я задам вам вопрос, не приходивший нам в голову с самого начала расследования. Почему грустный клоун грустный?

Перед ними высится склеп, на котором перечислены двадцать членов семейства.

– Что-то я вас не пойму, Исидор...

– Отгадаем мотивы грустного клоуна – поставим ему капкан. Это как мышеловка с кусочком сыра.

Лукреция тяжело вздыхает.

– Значит, вместо вопроса «откуда смех?» надо спросить «откуда грусть?».

Неподалеку утирает слезы женщина, навещающая могилу.

Они идут по проходу между надгробиями.

– Я здесь родилась, – говорит Лукреция, – отсюда моя грусть. Отсюда же мое особенное отношение к смерти. Поэтому мне всегда хотелось утвердиться среди живых. И поэтому я люблю приходить сюда, на место моего первого преступления – появления на свет. Здесь же меня впервые наказали – бросили.

Журналист понимающе кивает.

– А что вызывает грусть у вас, Исидор?

– Система с большой буквы «С». Я анархист, не выношу подчиняться. Даже иерархия в партии анархистов не для меня. Я все отвергаю: бога, господина, профсоюз, партию, группировку. Всю жизнь я боролся с мелким начальством, всю жизнь сопротивлялся системе, где есть контролеры и контролируемые. Сплошь и рядом произрастают естественным образом начальники вместе с поклоняющимися им придворными.

– Короче говоря, вы не желаете играть в принятую в обществе игру, не приемлете его...

– Лицемерия? О да. Я вывожу лицемеров на чистую воду, а они на меня ополчаются.

Он не только мизантроп, но и параноик.

– Рабы и тираны дружно меня ненавидят. Короче, общество людей в своих простейших проявлениях – это постоянный источник разочарования. Просмотр теленовостей для меня – ежедневный акт мазохизма. Ничего не смогу с собой поделать, все равно включаю.

– Вы называли это «вшивым апофеозом».

– Я считаю себя бунтарем против системы, порочность которой никому не видна. Во мне кипит ярость, и ей никогда не погаснуть.

Кажется, я начинаю понимать, каков он. Он сложнее, чем я думала. Раз он такой, значит, он вытесняет что-то старое и глубокое.

Наверное, он многих разозлил, прежде чем приняться за меня.

Наделал себе уйму врагов.

Все потому, что он не такой, как другие. Ничего не делает, чтобы понравиться, сойти за своего.

Вспоминаются его слова: «Не умею быть счастливым, зато несчастным – запросто: достаточно захотеть всем на свете нравиться».

Обоим журналистам по душе это тихое место вдали от городской суеты.

– Все носят в сердце раны юности. Почему так, Исидор?

– Все дети страдают. Таков закон жизни. Все делают вид, что

защищают вдов и сирот, но это не так. Во всем мире вдовам некуда приткнуться, а сироты попадают в сети сутенеров.

Он ежится.

– Нам достаются только мелкие неудобства. Другие становятся жертвами инцеста, подвергаются побоям, недоедают, попадают под влияние фанатиков, их насильно выдают замуж... Они с самого начала сломлены, порой по вине родителей. Им уже не возродиться.

– Получается, мы какие-то исчадия...

– Нет, просто молодой вид, воспроизводящий насилие прежних поколений. Так может продолжаться без конца. Насилие – единственная знакомая система, других мы не знаем. Посмотрите, какие видеоигры продаются лучше всего: те, где убивают, причиняют другим страдания. Сражение, война будят в нас что-то архаическое. Братство – новое понятие, в наших клетках на него ничто не откликается. Приходится насиловать свою природу, вытягивать себя за уши.

Лукреция останавливается перед одним надгробием. На фотографии довольный мужчина в шляпе, с сигаретой.

Вдруг он прав? Мы не знаем ничего, кроме насилия. Чтобы его не применять, чтобы быть способными на любовь, требуются воображение и творчество.

– Однажды в школе старшие ребята разбили мне лицо. Я пошел к учителю. «Ну и что? – сказал он. – Ты не понял, жизнь – джунгли. Никто тебе не поможет. Самые сильные и агрессивные топчут самых слабых и чувствительных. Все претензии к Дарвину. Скажи спасибо тем, кто тебя избил, так они подготовили тебя к будущей встрече с миром».

Лукреция поддевает кончиком туфли и отправляет в полет камешек.

– Нас воспитывали в конкурентной среде с мыслью, что для выживания надо опрокидывать других.

– Думаю, да. Стресс не оставляет нас с момента выхода из материнского чрева. Что бы ни говорили, родители чаще всего не умеют любить детей, их этому не учат.

Их самих тоже не любили.

– Как изобрести с нуля незнакомое тебе чувство?

Они подходят к могиле Дариуса.

– А он?

– Все то же самое. Нелюбимый ребенок, не любивший других. Но он хотя бы нащупал собственную систему выживания: вызывать смех.

– Систему выживания? – переспрашивает Лукреция.

– Это как изменчивость видов, приспособление к хищникам и к

трудным условиям жизни. Его мутацией было развитие таланта и его использование на все сто. Одна из проблем эволюции нашего вида – психологическая защита, поэтому его быстро признали героем.

– Но в душе у него ничего не поменялось, просто он нашел способ быстрой адаптации, – подхватывает Лукреция.

– В нем всегда сидел плачущий ребенок. Он страшно нуждался в ободрении. Смех – способ восполнить нехватку любви.

А еще ему не хватало глаза и яичка...

Журналисты снова читают надпись на надгробье: «Я бы предпочел, чтобы в этом гробу лежали вы, а не я».

Лукреция Немрод поправляет один из многочисленных букетов на могиле комика. Здесь же принесенные его поклонниками фигурки, записки, футболки, рисунки.

– Ему был присущ несомненный размах, – признает Исидор. – Не будь он смел и упрям, его достижения были бы скромнее.

– По-моему, под конец он пресытился, у него было все: деньги, власть, женщины, наркотики, обожание толп, поддержка политиков. И высший шик: возможность безнаказанно убивать.

– BQT была последним предметом его желания, и именно потому, что недостижима. Потому он и приложил столько сил, чтобы ее заиметь.

Они продолжают прогулку по дорожкам кладбища Монмартр.

– Чем Дариус опечалил до слез грустного клоуна? Вот в чем вопрос, – говорит Исидор.

– Список подозреваемых велик. Это и Себастьян Долин (его он обокрал, опозорил, разорил), и Стефан Крауз (его он лишил авторских прав), и члены GLH (он перебил немало их собратьев и уколошил самого Великого магистра), и Великая магистерша Беатрис (он убил ее возлюбленного), и его брат Павел (его он всегда унижал), и его брат Тадеуш (его он всегда держал в тени). Кто еще?

– Комики, которых он грабил, семьи комиков, убитых на турнирах ПЗПП...

– ...не говоря о мафиози, потерявших деньги на ставках, о политиках, которым он давал обещания, но не сдерживал их.

– А Феликс Четтэм? Дариус спал с Мари-Анж. Феликс хотел стать вместо него номером один и главой компании.

– Грустным клоуном был не Феликс.

Они доходят до могилы другого прославленного комика, умершего за несколько лет до Дариуса.

– Знаете, Лукреция, я вам соврал.

– Что?!

Что я сейчас узнаю? Что он женат?

– Когда я вам говорил, что знаю юмористов как мрачную публику, я интересничал. Пора внести поправку. Я знавал разных комиков: тревожных, психованных, буйных, с манией величия, но все они составляют крохотное меньшинство. Если честно, большинство – замечательные ребята.

Это другое дело!

– Некоторые были смешными на сцене, но грустными в жизни. Некоторые – смешными там и там. Вторых несравненно больше.

Еще лучше!

– По отдельности они славные, но их портит система – профессия, деньги, слава, пресса. Когда эти молодые юмористы начинали, им нравилось просто смешить свое окружение.

Ветер крепчает, все злее ворошит листву, небо нависло ниже некуда.

– Грустный клоун давно не смеется... – бормочет Исидор с закрытыми глазами. – Это из-за Дариуса. Он убивает, чтобы вспомнить, как смеяться.

– Вы в трансе, Исидор?

– Грустный клоун убил Дариуса и Тадеуша. Его месть завершена.

Внезапно в небе сверкает молния.

Исидор испуганно открывает глаза.

– Хотя нет, еще не завершена. Грустный клоун нанесет новый удар.

– Снова ваша «женская интуиция», Исидор?

– Нет, кое-что гораздо точнее. Вот!

И он указывает на что-то перед собой.

«Через три недели после свадьбы женщина звонит венчавшему ее священнику:

– Святой отец, муж закатил мне страшный скандал.

– Успокойтесь, дитя мое, не драматизируйте. Ни одна пара не обходится без споров. Наверняка все не так серьезно, как вы изображаете.

– Знаю, знаю! – отвечает женщина. – Но дайте мне последний совет, святой отец: что мне делать с трупом?»

Из скетча Дариуса Возняка «Супружеская проблема».

Она смотрит телевизор и вяжет из розовой шерсти свитер. Лениво покачиваясь в кресле-качалке, она почти задремала. Сидя спиной к двери, она не видит проскальзывающую в комнату фигуру.

Скорость вязания все больше замедляется.

Человек встает перед ней.

Это грустный клоун.

У него большой красный нос и широкий рот с опущенными углами, на левой щеке намалевана слеза.

– Вот то, что вы всегда хотели узнать, – говорит клоун и протягивает руками в белых перчатках коробочку с надписями BQT и «Не смейте читать!».

Кресло-качалка перестает качаться. Руки откладывают спицы и розовый свитер. Руки трут глаза, берут шкатулку, кладут ее на колени.

Потом руки ищут в корзинке с вязаньем очки и вынимают... большой револьвер.

– Руки вверх!

В глазах грустного клоуна мелькает удивление, но нога, вовремя подставленная под качалку, опрокидывает ее вместе с сидящей.

От сотрясения с головы Лукреции Немрод слетает парик. Она заgrimировалась под Анну Магдалену Возняк, мать Дариуса.

Оглушенная журналистка тянется за упавшим револьвером, но грустный клоун уже схватил бесценную шкатулку.

– Исидор! Не выпускайте его! – кричит Лукреция, задирая сковывающий ее движения длинный подол.

Журналист всей своей внушительной массой перекрывает грустному клоуну путь к бегству.

Беглец понимает, что его дело плохо, тем не менее предпринимает странный маневр: бежит на Исидора и позволяет ему себя поймать.

Исидор прижимает его к себе. Но у грустного клоуна свободны руки. Он хватает Исидора за бока и щекочет. Гигант инстинктивно разжимает объятия.

Пока Исидор переводит дух, клоун нажимает на маленькую грушу, и из маргаритки у него на воротнике в глаза журналисту брызжет лимонная вода. Исидор, бранясь, протирает глаза. Путь свободен. Грустный клоун

выбегает из дворца, прыгает за руль маленького «Смарта» и уезжает.

Журналисты гонятся за автомобильчиком на своем мотоцикле с коляской.

Прибавляя газу, Лукреция гневно бичует своего напарника по расследованию:

- Почему вы его не остановили, Исидор! Он был уже у вас в руках!
- Он меня защекотал. Я боюсь щекотки. Сразу теряю самоконтроль.
- Я специально сунула вам в карман револьвер. Надо было выстрелить ему в ногу, тогда я успела бы встать.

– По-моему, огнестрельное оружие – чрезмерное средство против маргаритки, прыскающей лимонной водичкой.

«Смарт» проскакивает на красный свет и исчезает на горизонте. Слева и справа накатываются машины, Лукреция еле успевает затормозить.

- Как же быстро вы отчаиваетесь!
- Мы его упустили! Он был уже у нас в руках! А теперь все пропало!

ВСЕ ПРОПАЛО!

Исидор не считает нужным отвечать. Он всего лишь пожимает плечами с видом ребенка, на которого беспричинно накричали.

Да, я немного переборщила. Признаю, мы нашли клоуна благодаря ему. Увидев на могиле Дариуса место для имени Анны Магдалены, последней из клана Возняков, он сделал вывод, что следующей жертвой будет она. И не ошибся. Но, черт возьми, почему он все делает только наполовину?

- Ну, раз вы такой умник, что нам делать теперь?
- Найти грустного клоуна и раз и навсегда с ним объясниться. Так всегда бывает в романах.

Лукреция Немрод взбешена его спокойствием.

- Вы, конечно, знаете, кто он и куда умчался?

- Знаю.

- Тогда вперед!

Он ее удерживает.

– Не дергайтесь, не путайте скорость и спешку. Который сейчас час? Полночь? В это время я обычно предаюсь совершенно безумному занятию.

- Какому?

– Сплю. А вот завтра утром, после хорошего душа и вкусного завтрака, мы отправимся за ним. Ладно, утолю ваше любопытство. Я знаю кое-что о личности этого персонажа, способное вас заинтересовать.

- Вам не надоело меня изводить?

- Это не грустный клоун, а... грустная клоунесса. Я успел почувствовать ее грудь, маленькую, но твердую. Когда вы увидите, кто она,

ВЫ ВСЕ ПОЙМЕТЕ.

«Через несколько дней после начала учебного года класс по традиции фотографируется. На следующей неделе учительница уговаривает учеников купить фотографии.

– Подумайте о будущем, через несколько десятилетий, когда вы вырастаете, приятно будет сказать: вот это Франсуаза, она стала врачом. А это Сильвен, он инженер!

Голосок с задней парты:

– А это учительница. Жаль, умерла!»

Из скетча Дариуса Возняка «Жизнь – сумма деликатных моментов».

Голубой пол, белые коридоры.

Они идут серыми коридорами, потом коридоры светлеют, белеют. Снующие взад-вперед женщины в белой форме не обращают на них никакого внимания.

С потолка льется тусклый свет.

На двери изображен череп, под ним надпись: «ОСТОРОЖНО, РАДИАЦИЯ».

Войдя и взяв белые халаты, они входят в операционный зал. Никто не оборачивается. Несколько человек внимательно наблюдают за происходящим за стеклом. Там лежит на койке мужчина в белой сорочке. По сигналу койка заезжает в белый цилиндр, снаружи остаются торчать только ноги.

Раздается механический шум.

На экранах появляются картинки мозга, передаваемые напрямую под разными углами рентгеновскими аппаратами, соединенными со сканерами и с позитронными камерами. Звучит спокойный голос:

– Анекдот 1. «В автобус входит женщина с младенцем. «В жизни не видел такого уродливого ребенка», – говорит ей водитель. Женщина проходит в глубь салона, садится и возмущенно говорит соседу: «Водитель меня оскорбил!» – «Не спускайте оскорбления, идите, я посторожу вашу обезьянку».

Через секунду из трубы раздается хохот испытуемого. Пальцы его ног сводит судорога.

На большом экране видна яркая точка в мозге.

Женщина в белом халате, читавшая анекдот, просматривает видеозапись в замедленном режиме. Вспышка вытягивается в линию белого света, начинающуюся позади мозжечка, поднимающуюся по тонкой коре полушарий, пронзающую мозолистое тело и завершающую траекторию в лобных долях.

Женщина в белом халате снова наклоняется к микрофону.

– Анекдот 2. «Телеантенна влюбилась в громоотвод. «Ты веришь в удар молнии?»^[29]» – спрашивает она его».

Испытуемый снова хохочет, на карте его мозга появляется белое пятно, ноги дергаются.

На экране траектория шутки, похожая на траекторию космического

спутника – от места взлета до места посадки, расположенного в передней части мозга.

– Анекдот 3. «Два охотника идут по лесу. Вдруг один падает. Кажется, что он не дышит, взгляд остановился. Второй звонит по мобильному в «Скорую помощь»: «Мой друг умер, как быть?» Ему отвечают: «Спокойно. Убедитесь, что он действительно мертв». Молчание. Выстрел. «Готово, – говорит охотник, – что теперь, доктор?»

Пальцы ног снова дергаются. Из пластмассового цилиндра доносится смех, и женщина в белом халате объявляет:

– Довольно с него. Всем спасибо.

Койка с испытуемым выезжает наружу, ассистентка помогает ему встать. Он еще не отошел от анекдотов и продолжает икать. Ассистентка уводит его, женщина в белом халате остается одна. Она изучает траектории света в мозге.

– Можно побеседовать с вами с глазу на глаз, доктор?

Она оборачивается и узнает журналиста.

– Кажется, я уже давала интервью вашему журналу, мсье Каценберг.

– У меня остался маленький вопрос. Я предпочел бы задать его в вашем кабинете, вдали от чужих ушей. Это возможно, доктор Катрин Скалезе... или вас надо называть Кати Серебристая Ласка?

Она колеблется, смотрит на часы и говорит в переговорное устройство:

– Перерыв. У меня интервью с прессой. Вернусь через пять минут. Скажите следующему испытуемому подождать. Займитесь графиками.

Доктор Катрин Скалезе приглашает обоих журналистов к себе в кабинет. Он весь в цветастых коврах и в портретах ученых, изучавших механизмы юмора. Все они в белых халатах и глядят воинственно, как первопроходцы; можно подумать, они вот-вот доберутся до самой сути юмора.

За креслом доктора Скалезе висит лозунг: «ВООБРАЖЕНИЕ ДАНО ЧЕЛОВЕКУ ДЛЯ КОМПЕНСАЦИИ ТОГО, ЧЕМ ОН НЕ ЯВЛЯЕТСЯ, ЮМОР – ДЛЯ УТЕШЕНИЯ В СВЯЗИ С ТЕМ, КТО ОН ЕСТЬ». ГЕКТОР Х. МАНРО.

Доктор Скалезе закрывает дверь и берет телефон.

– Пять минут никого ко мне не пускать. Я даю интервью. Спасибо.

Она спокойно усаживает журналистов в большие кожаные кресла, предлагает им апельсиновый сок в высоких бокалах и ждет.

Наконец она спрашивает:

– Как вы меня нашли?

– Вчера, обнимая вас, я почувствовал ваш запах и вспомнил нашу первую встречу. Тогда я удивился, что вы душились, работая в лаборатории, тем более детскими духами Tartine et Chocolat. Я сказал себе: «Она не хочет расставаться с детством».

– Как вы внимательны!

– Еще я заметил топаз у вас в ухе. Что толку гримироваться в клоуна, если душиться теми же духами и не снимать серьги?

– Вот это внимательность!

– Ремесло требует тренировки всех пяти органов чувств.

У нее странная улыбка, ее ничего не берет.

– Значит, мы договоримся. Подлинное внимание – первая и, наверное, главная форма ума.

– Знаете, зачем мы с коллегой к вам пожаловали?

– Хотите узнать, где BQT?

– И еще – зачем вы убили Дариуса, – сухо добавляет Лукреция.

Доктор Катрин Скалезе, кажется, не удивлена. Она наливает себе апельсинового сока, подливает гранатового и пьет маленькими глотками.

– У нас есть другие вопросы в связи с убийством...

– Перестаньте, Лукреция, любезность – прежде всего.

Бред! Он стыдит меня перед подозреваемой!

– Катрин – можно мне так вас называть? Вы поможете нам узнать правду о деле Возняков?

Она откидывается в кресле.

– Я очень хочу рассказать вам правду, но готовы ли вы ее услышать, а главное, понять?

– Вы нас принимаете за кре...

– Значит, так, Катрин, – перебивает Лукрецию Исидор. – С этой секунды наши компьютеры перезагружены. Мы гоним всякое предубеждение, всякое торопливое суждение, всякую заднюю мысль. Мы слушаем вас с единственным намерением – добраться до истины.

Она все еще в сомнении.

– Что в этом толку для меня самой? Я облегчу душу? Поверю в силу истины? Избавлюсь от тягостной тайны? Я уже не в том возрасте, чтобы верить в такой вздор.

Скорее, нам нужен ключ. Она готова отпереть последнюю дверь, но ей потребуется помощь. Как помочь такой женщине во всем признаться? Пригрозить полицией? Слишком просто. Лишить ее работы? Не зря он сказал, что надо наблюдать. Она душилась духами с ароматом детства. Значит, ключик там, в ее детстве. Ключ к Тадеушу и вообще к мужчинам

– их мать, а ключ к Катрин – это...

– Ваш отец! – выпаливает Лукреция.

Катрин Скалезе вздрагивает, как от удара током.

– Что мой отец?

– Все это из-за вашего отца.

Наблюдать. Глядеть в оба. Найти ключ! Тут может пригодиться загадка Феликса Четтэма про двух рыцарей на перекрестке двух дорог. Если я солгу, а она в ответ тоже солжет, то я узнаю правду. Если она не солжет, то... я все равно узнаю правду.

– Причина смерти Дариуса – ваш отец.

В этот раз она реагирует бурно: она тяжело дышит, ее щеки багровеют, ей трудно глотать.

– Что вы несете?!

– Ваш отец знал Дариуса?

– Вы порылись в судебных архивах? Там сплошная чушь!

Теперь она в гневе, глаза пылают.

Бинго! Замочек начал поддаваться.

– Кем ты себя вообразила, пиявка? Копаешься в архивах несусветной давности и веришь газетам? Вы, журналюги, верите в собственное вранье. Наврать гораздо проще, чем...

Она случайно сбрасывает на пол стопку папок.

Исидор не шелохнется.

– Успокойтесь, Катрин. Мы пришли именно за правдой. Газеты наврали про вашего отца, я вам верю.

Теперь он со мной, он меня поддерживают.

– Что вы сделаете? Постараетесь, чтобы меня арестовали? Тогда к прошлому вранью добавится новое!

Хорошо, даже слишком! Задний ход! Надо ее подбодрить.

– Мы на вашей стороне, – говорит Исидор. – Иначе мы не пришли бы.

– Вы помешали мне...

Убить Анну Магдалену Возняк?

Она умокает, словно эта мысль прозвучала.

– Если я расскажу вам свою версию фактов, вы обещаете опубликовать ее, ничего не изменив?

– Слово журналиста! – выпаливает Лукреция.

– Конечно, мы для этого и пришли.

Еще поколебавшись, она решается.

– Все началось, когда мне было шестнадцать лет, а Дариусу семнадцать. Мы полюбили друг друга. Все большие драмы начинаются,

наверное, с маленьких романов. Это само по себе первый анекдот, вы согласны?

Исидор согласен.

– Мой отец стал его другом, вернее, учителем и наставником. Он взял его к себе, как собачонку из приюта – из жалости. Будущий Циклоп был тогда неотесанным юнцом, злым и испорченным, ему светила тюрьма и вырождение, никакого будущего. По чистой случайности его мать и мой отец были знакомы. Это она настояла, чтобы он ему помог. У нее не хватало на него терпения, слишком он бы необузданным.

– Ваш отец был...

– Увидев его, он сказал мне: «Я встретил несчастного парня. Он ни в чем не виноват, просто родился в неудачном месте и в неудачный момент. Я заметил в нем некоторую предрасположенность к фарсу. Попробую поливать и окучивать росток таланта».

– Так ваш отец...

– Он был комиком, выступал под псевдонимом Момо. Он был виртуозом в искусстве смеха, имел учеников, возвращал их. А еще он передавал все свои познания одному человеку...

– Кому? – спрашивает Исидор.

– Мне. Отец обучил искусству остроумия нас обоих, Дариуса и меня. Два семечка проросли рядом друг с другом. Иногда отец просил нас гримироваться. Он повторял, что искусство комического заложили клоуны. Дариус был смеющимся клоуном, я – клоуном-плаксой. Нас сблизила совместная учеба, вот такая идиллия...

Катрин Скалезе достает из ящика красный клоунский нос и нервно его крутит.

– Однажды отец сказал: «Когда вы будете готовы, я познакомлю вас с моим другом Стефаном Краузом, крупным продюсером. Вы вступите в GLH. Возможно, придет день, когда вам откроется величайшая тайна всех комиков: BQT».

Кажется, она снова переживает все то, что рассказывает.

«Что такое GLH?» – не могла не спросить я. «Что такое BQT?» – не мог не спросить Дариус. Отец все нам объяснил. Дариус был поражен, ему захотелось непременно узнать тайну BQT. А мне – непременно вступить в GLH.

Она все более нервно теревит пальцами красный нос.

– Обучение продолжилось, но Дариус сильно изменился. Он заболел тайной BQT.

Она тяжело вздыхает.

– А потом произошло «это»...

– Дариус потерял на заброшенном заводе глаз? – подсказывает Лукреция, помнящая рассказ Анны Магдалены Возняк и желающая опередить в дедукции Исидора.

– Это не был несчастный случай!

Эти слова доктор Катрин Скалете произносит с неожиданной злостью.

– Мой отец прикипел к нему душой, занимался с ним больше, чем со мной. Я не хотела быть в стороне, я наблюдала за ними издали. Однажды они репетировали жонглирование, я смотрела сверху. Они беседовали. Вдруг Дариус взбеленился. Я все слышала, речь шла о BQT: «Говори, что такое BQT, а то убью!» Отец был маленький, тощий, а Дариус крупный и очень злой, даже в свои семнадцать лет он бы запросто его одолел. Он сгреб отца за ворот и сунул головой под железную балку...

Катрин Скалете не хватает дыхания, ее душат воспоминания.

– Отец не понимал, что происходит, он думал, что это скоротечный приступ злости. Но Дариус не успокаивался, он продолжал грозить: «Говори! Расскажи секрет шутки-убийцы! Я хочу знать!» Но отец молчал. «ТЫ У МЕНЯ ЗАГОВОРИШЬ! УЧТИ, Я НИ ПЕРЕД ЧЕМ НЕ ОСТАНОВЛЮСЬ!» Тогда отец признался, что никто, даже члены GLH, не знают слов BQT, потому что они несут смерть. Дариус не хотел ему верить, он бесился и повторял: «ТЫ ЗАГОВОРИШЬ? ГОВОРИ, А ТО Я ЗА СЕБЯ НЕ ОТВЕЧАЮ!» Отцу хватило силы духа ответить ему в тон: «Лучше выпей чаю!» Но Дариус не засмеялся, а снова заорал: «ТЫ МЕНЯ ЗНАЕШЬ, Я НЕ ОТСТУПЛЮСЬ!» Мой отец прохрипел из-под балки: «Все равно не расколуюсь». Дариус ему: «ТЫ САМ НАПРОСИЛСЯ!» Отец хотел опять ответить шуткой, успел проговорить: «Ты давно не постил...», но тут Дариус дернул рычаг, и огромная балка раздавила отцу голову, как орех.

Она дышит нервными толчками.

– Я не могла поверить своим глазам, я не думала, что так произойдет, считала, что у них там, внизу, просто юмористическая сценка. Теперь я ждала, что все обойдется, что это не отец, а манекен, что кровь ненастоящая, что все это розыгрыш. Но нет, это было самое настоящее убийство.

Красный нос у нее в руках трескается, не выдержав нажима.

– Удар был так силен, что вылетевший изо рта отца зуб выбил Дариусу правый глаз.

Доктор Катрин Скалете умолкает, ее лицо искажено судорогой.

– Что было потом? – бормочет Исидор.

Она отхлебывает апельсиново-гранатовый сок.

– Я выдала его полиции. Следователи нашли на месте преступления как улики, подкреплявшие мою версию, так и другие, ставившие ее под сомнение. Суд присяжных признал его виновным в преднамеренном убийстве и назначил содержание под стражей.

– Я ничего этого не знала, – сознается Лукреция.

– Его брат Тадеуш и мать, Анна Магдалена, показали, что были там же, и подтвердили версию Дариуса о случайно обрушившихся ржавых стропилах. Но хуже всего была защита Дариуса. Он сказал судье: «Я убил Момо, потому что он знал секрет шутки-убийцы, а я хотел его вывести».

Ее опять бьет дрожь.

– Сказал – и замолчал. Сначала прыснул его адвокат, потом двое-трое присяжных. Дальше случилось, как при лесном пожаре: покатились со смеху все присяжные и весь зал. Судье пришлось стучать молоточком, добиваясь тишины.

Знаменитый прием: правда, которой никто не желает верить. Прав был Стефан Крауз: шутки – это оружие...

– Добившись первого смеха – того, который мой отец называл «пробным вкусом акулы», – он выиграл процесс. «Заодно я избавился от своего правого глаза, – продолжил он. – Сами понимаете, куда мне столько глаз? Одного хватает за глаза». Он уже носил повязку, а тут сдвинул ее и показал пустую глазницу. Присяжные и зрители не могли на это не отреагировать. «Теперь меня можно называть Циклопом», – закончил он.

Доктор Катрин Скалезе откладывает клоунский нос и проводит рукой по лбу.

– Контраст между этой жуткой пустой глазницей и бойким тоном Дариуса сработал безотказно: все уже хохотали как умалишенные, в том числе судья и прокурор.

А ведь силен! Когда у человека такая беда, трудно не решить, что он уже достаточно наказан.

– Смех долго не стихал. Когда пришла очередь моих показаний, меня уже не слушали. Некоторые продолжали вытирать слезы смеха. Я говорила нейтральным тоном, строго придерживаясь фактов, и в такой обстановке это не вызвало доверия.

Она же не старалась рассмешить, а публика предпочитает тех, кто ее смешит.

– Когда я назвала мотивом убийства BQT, меня попросту засмеяли.

– Дариус превратил все в шутку. Он провел минирование, – объясняет Исидор.

– А когда я сказала, что глаз ему выбил вылетевший отцовский зуб,

публика и весь суд легли на пол.

– Механизм «повтора», – вспоминает Лукреция учебу в GLH.

– Вердикт присяжных был единогласным: несчастный случай. Один из них даже встретился со мной, посоветовал не видеть за каждым углом зло и вручил свою визитную карточку. Он оказался психиатром.

Она снова хватает и теребит дрожащими пальцами клоунский нос.

– Я подала апелляцию, но вышло еще хуже. Публика пришла послушать обвиняемого, уже прозванного Циклопом. Дариус не обманул их ожиданий. Второй процесс вылился в яркое представление. Он опять заладил про «шутку, которая убивает» и про Циклопа. Этого ему показалось мало, и он рассказал о нашей с ним совместной учебе, даже о наших отношениях.

Вот что значит не бояться правды о своей личной жизни!

– Он сказал, что понимает меня и что на моем месте поступил бы точно так же: нашел бы любого виноватого, чтобы выместить на нем свою злость. И продолжил: «Если это тебе поможет, Кати, то я готов сказать: да, я виновен, да, твой отец погиб по моей вине».

Трюк «корова Эриксона»: когда слушателей тянут в одну сторону, они инстинктивно шарахаются в противоположную.

– «...Я даже готов лечь под гильотину, сунуть голову в петлю, сесть на электрический стул – не знаю, что сейчас в моде». Это был триумф, его наградили смехом и аплодисментами. Он выставил меня завистливой девчонкой, вздумавшей подставить ножку артисту-сопернику, а себя – воплощением великодушия. Он даже послал мне воздушный поцелуй и громко сказал: «Я не сержусь, Кати, понадобится помощь – не стесняйся, звони. Я всегда готов помочь в память о твоём отце... и о том, что было у нас с тобой».

– Первое выступление перед публикой, – бормочет Исидор, тоже взволнованный.

– Моя жизнь кончилась. Я впала в депрессию. Не могла ни двигаться, ни говорить. Невзлюбила все, что хотя бы отдаленно походило на шутки, анекдоты, любой комизм. Как-то раз столкнулась с группой «Красный нос, белый халат», ребята увидели, в какой я прострации, и решили меня развлечь, рассмешить. Я излупила их всем, что попало под руку.

Красный пластмассовый нос приходит в ее пальцах в полную негодность, и она со злостью швыряет его в мусорную корзину.

– Потом я познакомилась с клиническим психологом, и он поставил мне диагноз.

– Агеластия? – спрашивает Исидор.

– Она самая. Откуда вы знаете?

– Узнали в GLH. Это слово изобрел Рабле, – торопится с ответом хорошая ученица Лукреция Немрод.

– Эта болезнь может принимать разные формы. Иногда она развивается после травм. У меня развилась самая острая форма: никакого смеха, тотальная аллергия на юмор. Любая шутка вызывала у меня сыпь, скетч по телевизору – приступ головокружения. Тот психиатр предупредил, что хроническая агеластия не лечится, однако он готов испытать на мне новую мягкую терапию на основе... чтения трагедий.

– Гениально! – вырывается у Исидора.

– Он стал рассказывать мне печальные истории, велел читать произведения с плохим концом: «Ромео и Джульетту» и «Макбета» Шекспира, «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго, «Хижину дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу, «Цветы для Элджернона» Дэниела Киза. Я полюбила истории о невозможной любви, о героях, умирающих или кончающих с собой. Так я чувствовала, что не я одна – жертва несправедливости. Любой хеппи-энд, любой смешной рассказ были для меня табу.

Катрин Скалезе встает и смотрит на фотографии Зигмунда Фрейда, Альфреда Адлера, Анри Бергсона.

– Вы не представляете, что такое жизнь без смеха. Смех – реакция, помогающая переварить несчастье. Когда не смеешься, он накапливается в мозгу.

– Долго вы лежали в больнице после депрессии? – спрашивает Лукреция.

– Несколько месяцев, потом меня перевели. Три года я провела в специальном санатории. Мой психиатр заставлял меня мириться с моим отчаянием, он научил меня медицине. Он считал, что я должна сама себя излечить, а для этого понять свой мозг.

– У вас были с ним отношения? – спрашивает Исидор.

Опять он меня подрезал! Мне надо было соображать быстрее. Понятно же, что у нее был на этого человека перенос.

Катрин Скалезе садится в ближнее к ним кресло.

– Он меня спас. Выйдя из больницы, я стала изучать медицину. Когда пришло время дипломной работы, психиатр предложил тему: механизм смеха. Он считал, что это пойдет мне на пользу.

Новое подтверждение моей теории о том, что врачи выбирают специальностью свою личную проблему. Психиатры – безумцы. У дерматологов прыщи. Специалисты по смеху – агеласты.

– Я написала исчерпывающую работу по механизму смеха. Там его история, неврологическое, психологическое, электрическое, химическое действие. Никто никогда не писал с такой полнотой на эту кажущуюся нехитрой тему: шестьсот тридцать страниц! На меня набрел журналист, и я прославилась, даже ненадолго вошла в моду.

– Может, это был кто-то из «Геттёр Модерн»? – пытается счастья Лукреция.

– Нет, из конкурирующего издания, кажется, «Л’Энстантане». Ко мне проявил интерес продюсер Стефан Крауз. Познакомившись с моими работами по физиологии юмора, он загорелся и предложил мне небольшое путешествие.

– В багажнике машины? С завязанными глазами? – спрашивает Исидор.

– Откуда вы знаете?

– Продолжайте. Вас привели в подземелье под недействующим маяком...

– Там я познакомилась с GLH, знаменитой Ложей, о которой мне рассказывал отец. У меня возникло ощущение продолжения моей истории с того места, где она прервалась: отец обещал мне GLH, и вот я здесь. В голове у меня как будто отодвинулся засов. В конце концов для меня открыли лабораторию, вложили в нее серьезные средства, предоставили мне доступ к недостающим сведениям о механизме юмора.

– Вы прошли посвящение?

Она подтверждает это, хотя не сразу.

– Да. Ценой убийства человека. Такова цена знания: расставание с невинностью. Моя дуэль ПЗПП вышла скоротечной. Против меня шутил маленький симпатичный толстячок. Бедняга не знал, что у него не было шансов: при моей болезни я была непобедима.

Она пожимает плечами.

– С моим статусом исследовательницы я имела почти исключительную привилегию по собственному желанию покидать маяк-призрак и возвращаться туда. Я была там, когда Дариус потребовал избрать его Великим магистром. Я была среди сиреневых плащей, он меня не узнал. Конечно, я проголосовала против него. Кажется, его соперник прошел с большинством в один-единственный голос.

– Они напали при вас? – спрашивает Исидор.

– Да. Я была среди спасшихся. Они укрылись в подземелье под церковью Сен-Мишель, а я предпочла ждать снаружи.

– Вы хотели убить Дариуса? – спрашивает Исидор.

– Я вооружилась палкой. Они рассыпались, у каждого было оружие и фонарь. Я дожидалась Дариуса. Мне показалось, что я его узнала, и я со всей силы огрела его по голове.

– Это был не он, а Павел, – говорит Лукреция.

– Увы. Но когда он падал, из его рюкзака что-то выпало.

– BQT?

– Не мешайте ей рассказывать! – не выдерживает Лукреция.

Беда с ним, вечно он перебивает, тычет в нос свою сообразительность и мешает мне говорить!

– У меня в голове все происходило очень быстро. Желание отомстить пересилило любопытство. Вспомнилась отцовская шутка: «Когда Бог хочет наказать нас за наши дела, он осуществляет наши желания». Я сказала себе: «Заберу BQT и отомщу Дариусу: вручу ему то, чем ему так хотелось обладать».

– Не надо было ее трогать, он бы сам ее забрал, – говорит Лукреция.

– Нет, я хотела отдать ее сама, глядя ему в глаза, со словами: «Вот то, чего тебе всегда хотелось». Я нагнулась, чтобы ее подобрать. Но рядом оказалась женщина во всем розовом...

– Мари-Анж, – подсказывает Лукреция.

– Смутно различая мой силуэт, она выстрелила. Все решилось за доли секунды: вместо того чтобы подобрать шкатулку, я бросилась наутек. Спрятавшись, я стала наблюдать за происходящим. Мари-Анж схватила шкатулку с BQT и позвала на помощь, сказав, что Павла оглушили.

– Прибежал Феликс...

– Она показала ему BQT и тело Павла. Они заспорили. Феликс решил не отдавать BQT Дариусу, а спрятать. Оба были сильно на взводе, так кричали, что я слышала каждое слово. Она сказала: «Если Дариус узнает, что ты оставил BQT себе, он тебя убьет». Феликс ответил: «Если я спрячу ее в сейфе у него в театре и он ее там найдет, то меня не в чем будет обвинить».

К таким мыслям приводит структура анекдотов. Сказать правду, чтобы тебе не поверили. Спрятать предмет среди вещей того, кто его ищет. Неплохо!

– То есть я знала, у кого BQT и где она спрятана, оставалось ее забрать и осуществить месть.

– Вы выдали себя за Кати Серебристую Ласку?

– Надо было как-то туда просочиться и осмотреться. Как ни странно, именно во время схваток ПЗПП там ослабевала система безопасности, «розовых костюмов» явно не доставало: всем хотелось посмотреть дуэль. Я

записалась, чтобы сориентироваться в театре.

– Вышло так, что вы сами стали участницей. Вы не боялись умереть?

– У меня иммунитет – болезнь агеластия. Отцовская наука, учеба в GLH, познания в физиологии смеха – все это были мои неотразимые козыри. Я чувствовала себя воительницей в доспехах и с длинной шпагой среди пещерных людей с палицами. Чего мне было бояться ПЗПП?

– Как-никак поединок не на жизнь, а на смерть... – замечает Лукреция.

– Мои противники, и яркие, и тусклые, были любителями. Всем им было страшно. А когда тебе страшно, ты уже наполовину проиграл. У меня была странная проблема: изображать смех, чтобы не вызывать подозрений.

– Как же вы накручивали свой гальванометр?

– Грустная мысль не менее эмоциональна, чем веселая. Я изображала смех, но вспоминала отца. Так я управляла появлявшимися на экране цифрами.

Исидор впечатлен ее уверенностью.

– Благодаря своему скромному успеху на ПЗПП я очутилась там, где хотела. Я наблюдала за действиями моих врагов, не вызывая подозрений, и могла искать сокровище в самом их логове.

Доктор Катрин Скалезе слабо улыбается.

– Я вошла во вкус. Сочетание Гелоса и Танатоса – взрывоопасный эмоциональный коктейль.

Против такой соперницы у Себастьяна Долина не было шансов.

– Значит, пока разворачивались напряженные сражения, вы шарили по кабинетам в поисках BQT?

– И я ее нашла! Я подслушала слова Феликса: «Я засуну ее в голову». Я не сразу их поняла, сначала приняла за метафору. Штука в том, что мы часто понимаем во втором значении то, что следует понимать в первом. Она действительно находилась в голове. В голове огромной статуи.

– Неплохо!

– Вот только я не знала кода. Сколько раз пыталась вскрыть эту чертову полую голову – все без толку.

– Все мы обладаем дополнительными талантами, Катрин. Попросили бы меня, я бы с радостью вам помогла, замки – тема моего диплома, – говорит с неожиданным сочувствием Лукреция.

– В конце концов у меня получилось. Я завладела BQT.

В этот момент в дверь влетает взволнованная ассистентка.

– Мы больше не можем ждать, доктор Скалезе, пять минут давно истекли! Испытуемый 154 готов, он уже в сканере, датчики установлены.

– Да? Прошу меня извинить, мне пора. На первом месте работа,

удовольствия потом.

Видя, что журналисты в сомнении, доктор Скалезе их успокаивает:

– Не волнуйтесь, я вернусь и расскажу, чем все кончилось, обещаю.

Исидор провожает ее взглядом, встает и наугад берет с книжной полки один из «филогелосов».

«Ученого и философа преследует лев. Ученый говорит:

– Берегитесь, по моим подсчетам, лев сокращает расстояние и вот-вот нас сцапает.

Философ отвечает ученому:

– Эта информация меня не интересует. Я не намерен бежать быстрее льва. Мне достаточно бежать... быстрее вас».

Из скетча Дариуса Возняка «Жизнь – сумма деликатных моментов».

Лукреция Немрод снова читает лозунг на стене:

– «ВООБРАЖЕНИЕ ДАНО ЧЕЛОВЕКУ ДЛЯ КОМПЕНСАЦИИ ТОГО, ЧЕМ ОН НЕ ЯВЛЯЕТСЯ, ЮМОР – ДЛЯ УТЕШЕНИЯ В СВЯЗИ С ТЕМ, КТО ОН ЕСТЬ».

ГЕКТОР Х. МАНРО.

Вы знаете, кто этот Гектор Монро?

– Ветеран Индийской армии, автор рассказов в жанре черного английского юмора, прожженный циник. Сильнейшая фраза! Думаю, он лучше всех, не считая Рабле, понимал юмор.

– Иногда мне кажется, Исидор, что мы немного наивны, – жалуется молодая женщина.

– Откуда такие мысли?

Он внимательно разглядывает письменный стол.

– Подозреваемая бросает: «Подождите, я скоро вернусь», и расследователи доверчиво ждут! Даже в эксцентричной комедии не дошли бы до такого маразма.

Исидор, завершив изучение сборников анекдотов и некоторые переписав, подходит к коллекции красных носов разных размеров на подставках.

Лукреция смотрит на часы.

– Еще не поздно, если Катрин Скалезе в лаборатории, мы можем ее перехватить.

– И что дальше, Лукреция? Связать и зачекотать, как Мари-Анж?

– Задержать.

– Мы не полицейские.

Мои нервы!..

– В общем, заставить сознаться. Я записала разговор с самого начала и...

– Суд не принимает во внимание звуковые улики, считая, что их можно подделать. Ее не пришлось заставлять, она сама была не прочь признаться, что BQT была у нее.

Молодая журналистка раздраженно кружит по комнате.

– Вы серьезно верите, что она вернется и отдаст нам BQT?

– Вера ни при чем, верят священники и мистики. Мы – научные журналисты, мы видим, слушаем, нюхаем, пытаемся нащупать связь между

событиями и свидетельствами, чтобы понять правду.

Лукреция Немрод с громким вздохом валится в свое кресло.

– Проклятье, остаться с пустыми руками, когда цель была так близка, только потому, что она нас опередила, а мы не смогли ее остановить! Вот досада!

Исидор Каценберг разглядывает книги на дальних полках.

– Вы представляете жизнь без смеха? Дариус Возняк, часами смешивший целые толпы, напрочь лишил ее смеха. И поплатился за это жизнью.

Лукреция его не слушает.

– Она оставила нас с носом! Удрала домой! Узнаем адрес – и к ней. Или назовем ее приметы полиции, пускай ее арестуют.

Дверь распаивается, появляется доктор Катрин Скалезе с толстой пачкой папок под мышкой.

– Извините, надеюсь, я не очень долго?

– Мы прервались в том месте, когда вы вскрыли сейф в театре и забрали BQT, – говорит Лукреция, застигнутая врасплох.

– Ммм... ну да.

Специалист по физиологии смеха садится за свой рабочий стол и снова предлагает им апельсиновый сок.

– Ну?! – нетерпеливо прикрикивает на нее Лукреция. – Вы прочли BQT?

– Да.

– И? Что-нибудь произошло?

– Агеластия защищает ее от смертельного смеха, поэтому она выжила, – опять спешит с ответом Исидор. – Катрин Скалезе принадлежит к тем крайне немногочисленным людям, которые могут прочесть эту шутку без всякого вреда для себя.

Доктор Скалезе утвердительно кивает.

– BQT – действительно необыкновенная шутка. Особенно если знать, что ее придумал еще при царе Соломоне, три тысячи лет назад, простой юморист-любитель. Ее механизм так же чудесен, как устройство точных часов. Прочтя первую фразу, ты не можешь не прочесть вторую, а последняя оказывается полной неожиданностью и совершенно завораживает.

Больше не могу! Я должна знать. Что за проклятая шутка? ЧТО ЭТО?

– Три фразы: голова, живот, хвост. Все вместе – смертоносное чудовище. Как живое существо, как дракон. Этот Ниссим определенно

обогнал свою эпоху.

– Так что же это такое?! – окончательно теряет терпение Лукреция.

– В жизни не слышала лучшей шутки! Много лет не смеялась, а тут что-то во мне лопнуло. Я почувствовала зуд, какую-то мозговую дрожь, и расхохоталась. Копившееся годами напряжение ушло. Мне казалось, что вместо головы у меня извергающийся вулкан. Я смеялась и не могла остановиться. Я рыдала от смеха.

– И???

– Я осталась жива. Это удивительно! Как и то, что сейчас я с вами говорю.

– Я всегда знал, что это не работает, – говорит Исидор.

– Так или иначе, я выздоровела. Эта шутка излечила меня от агеластии.

– Значит, работает! – радуется Лукреция.

– Нет, не работает. Она же говорит, что прочла и выжила, – стоит на своем Исидор.

– Она другое дело, она исключение. Для любого нормального человека BQT смертельна.

– Не работает! – настаивает научный журналист.

– Работает! – не сдается Лукреция.

– Нет.

– Да.

Почему он не уступает? Он же знает, что я права. У нее иммунитет. Поэтому она просто хохотала, а то умерла бы.

Доктор Катрин Скалезе прерывает их спор:

– Ваш друг прав, мадемуазель. Нет, это не работает. Это просто очень хорошая, даже превосходная шутка, но не более того.

Ничего не понимаю!

– Что не мешает существованию тысячелетнего мифа о BQT.

– Все те люди, которые утверждали, что чтение BQT убивает...

– ...оказались лжецами. Все это только слухи, рассказы, косвенные свидетельства, никогда не получавшие подтверждения, – заключает Исидор.

– Но...

Специалистка по физиологии смеха подтверждает его слова.

– Жаль вас разочаровывать, мадемуазель, но ваш коллега снова прав. Это очень славная шутка, но никак не смертельная. Если некоторые от нее умерли, то только потому, что имели серьезные проблемы со здоровьем, и это была капля, переполнившая чашу.

– Но...

– Знаю, вы огорчены, как и я в тот момент. Однако многие по-прежнему твердо верят в эту легенду, она – миф всех юмористов. А ремесло медика научило меня, что вера может влиять на реальность. Если беззаветно верить, нереальное может стать реальным.

– Потребность верить обратно пропорциональна потребности в истине, – говорит со вздохом Исидор, резюмируя одной фразой тысячелетия религиозных войн. – Лично я всегда думал, что самолет держится в воздухе только верой пассажиров. Они свято убеждены, что эта груда железа, гвоздей и пластмассы легче облаков. Если хотя бы одного пассажира посетит мысль, что это как-то нелогично, – все, самолет грохнется.

Лукреция Немрод нервничает, ее зеленые глаза мечут молнии.

– Итак, вы выясняете, что BQT скорее всего не смертельна...

– ...но не хочу отказываться от своего сценария мести. Поэтому приступаю к проекту превращения легенды в реальность.

– Фантастическая затея! – хвалит Исидор.

Если я не брежу, он не прочь за ней поволочиться! Чем она лучше меня? Я красивее, моложе, свежее. А она – заурядная баба. Даже причесана кое-как. А руки? Она грызет ногти! Явно не ходит на маникюр. Статус ученого – вот все, что в ней есть привлекательного.

Доктор Катрин Скалезе запускает руку в ящик стола, достает новый красный клоунский нос и принимается его вертеть, как будто доказывая, что не разучилась жонглировать.

– Дальше! – требует Лукреция.

– Дальше... я ее сфабриковала. Изобрела настоящую BQT, убивающую тех, кто ее читает.

Ошеломленные журналисты обмениваются недоуменными взглядами.

– Я почувствовала, что мой долг – продолжить, вернее, завершить труд, начатый Ниссимом Бен Иегудой три тысячи лет назад. Он нашел путь, я должна была его пройти. Это осуществимо только в наши дни. Я знаю, что происходит в нашем организме во время смеха. Знаю, как действуют шутки любого типа. Могу проследить их траектории в мозге с точностью до микрона.

– Как возможно такое чудо? – хочет знать Исидор.

– Проблема в том, что смех очень субъективен. Он зависит от пола, возраста, языка, страны, уровня ума.

Катрин Скалезе встает и достает из шкафа большой розовый кейс со сложным электронным замком, похожим на маленький компьютер.

Она ставит его на стол.

– Вот настоящая BQT, гарантия гибели для любого, кто ее прочтет.

Журналисты осторожничают и не желают приближаться.

Катрин Скалезе подходит к белой доске и берет фломастер.

– Как я справилась с этой неразрешимой задачей? Сначала я задалась вопросом: «Как сделать смех по-настоящему сильным?» И я нашла ответ: закись азота.

– Я знаю эту формулу, – докладывает Исидор.

– Bravo! Она же – «веселящий газ». Открыт Джозефом Пристли в 1776 году. Люди собирались, чтобы дышать им и вместе смеяться. Дантисту Хорасу Уэллсу пришла мысль использовать его как обезболивающее в стоматологии. Но возникла опасность удушья из-за нехватки кислорода. Поэтому сейчас этот газ смешивают с кислородом.

– Если не ошибаюсь, еще закись азота применяется как топливо для шрапнельных снарядов, – припоминает Исидор.

– И как пылеотталкиватель для компьютеров. Она входит даже в состав ракетного топлива. Некоторые применяют ее как наркотик.

– С побочными эффектами...

Как толкует эта парочка, как перебрасывается познаниями! Еще одна садистка, специально тянущая резину...

– В 1992 году профессор Смит открыл токсичность веселящего газа, указав, в частности, на природу болезней, развивающихся после анестезии.

– Передозировка закиси азота?

– Скажем для простоты, что это приводит к проблемам с нервной системой и с органами дыхания.

– Вы усугубили токсичность?

Катрин Скалезе дает понять, что ее не устраивают такие поспешные выводы. Ей хочется рассказать о своем «изобретении» со всеми подробностями.

– Я придумала увеличить концентрацию закиси азота и смешать ее с газами, усиливающими эффект.

– Так появился химический смертельный смех! – восклицает Лукреция, не желающая отставать.

– Летальный исход обеспечивается закисью азота, газовыми добавками и самой шуткой. Процент токсичности разных ингредиентов моего коктейля таков: 70 % – закись азота, 20 % – другие газы и только 10 % – сама шутка. Если сравнить с динамитом, то закись азота – это порох, другие газы – фитиль, а BQT – огонь.

Исидор в восторге от ее находки.

– Не уверена, что все правильно поняла, – жалуется Лукреция.

Исидор берется все растолковать:

– Будем считать, что химическое вещество действует на нейротрансмиттеры, как машины, заезжающие на 100-местный паром. При нормальном химическом стимулировании закисью азота на 100-местный паром заезжают 70 машин. Газовые присадки – еще 20. Теперь у нас на пароме 90 машин. Ну и еще интеллектуальное усилие – последние 10 машин. Паркинг – нейротрансмиттеры – заполнен, что дает сигнал событию: набитый машинами паром отправляется в последнее плавание по реке Стикс.

– Лучше не скажешь! – хвалит его доктор Скалезе.

– Этого достаточно, чтобы убить?

– Насыщение нейротрансмиттеров немедленно приводит к сильному нервному импульсу, запускающему сердечную фибрилляцию. Она так сильна, что останавливает даже здоровое сердце.

Доктор Скалезе пишет на доске:

ЗАКИСЬ АЗОТА + ДОБАВКИ + ШУТКА = ФИБРИЛЛЯЦИЯ = ОСТАНОВКА СЕРДЦА.

Решение интеллектуальной проблемы посредством химической формулы. До чего у нее мощная мотивация!

Она указывает на чемоданчик:

– Сложнее всего было подготовить шкатулку.

Катрин Скалезе показывает, где находились баллончики с газом.

– Я испытала газовую смесь, погружавшую в коматозное состояние морских свинок, так я получила девяносто процентов желаемого эффекта. После морских свинок я перешла на кроликов, потом на обезьян. Объекты всегда были при смерти, дело было за малым – как их добить.

– «Человеку свойственно смеяться», – напоминает Исидор.

– Только человеку! Одним словом, бомба была недоделана на десять процентов.

– Невероятно! У вас был динамит, был фитиль, но не было искры.

– У меня не оставалось выбора. Первой моей двуногой морской свинкой стал тот, ради кого все это затевалось: сам Циклоп.

Я знала. Значит, убийство. А орудие убийства – ВQT.

Катрин Скалезе продолжает профессиональным тоном:

– Это тоже было непросто. Надо было исключить риск, что шутку прочтут другие.

– Вы нашли выход: ролик фоточувствительной бумаги, чернеющей сразу после прочтения.

– Очень удобно! Но как добиться, чтобы ему захотелось открыть шкатулку? Вот тут и понадобилась психология...

– Вы прикинулись грустным клоуном?

– Так я разбудила в нем память о прошлом и любопытство. Он не мог узнать меня саму, но грим и улыбка были узнаваемы.

– Все сработало?

– Сверх ожиданий! Он сказал: «Моя Кати! Как здорово встретить тебя через столько лет! Как ты?» Он заговорил со мной, как с подругой детства. Надо отдать ему должное, он обладал редчайшей способностью никогда не удивляться, никогда не воспринимать вещи в первом значении, оставаться дружелюбным с худшими врагами. Он убивал, предавал, унижал, но все это с улыбочкой, с шуточкой, весело.

– Вы ответили: «Вот то, что ты всегда хотел узнать», – предполагает Лукреция.

Катрин Скалезе поворачивается к ней.

– К моему удивлению, это сработало. Я поняла это из новостей на следующий день.

– Значит, это вы изобрели настоящую BQT, «шутку, которая убивает». Гениально! – разливается соловьем Исидор Каценберг. – Ниссим Бен Иегуда гордился бы вами! Вы его превзошли. Ваше имя может стоять в ряду величайших ученых в истории, таких, как Мари Кюри, Розалин Сасмен Ялоу и Рита Леви-Монтальчини^[30].

Я точно брежу! Сейчас он поздравит ее с преступлением!

– Вы убийца! – вносит ясность Лукреция.

Но доктору Катрин Скалезе хоть бы что.

– Когда вы пришли ко мне, мсье Каценберг, когда заговорили о «смерти от смеха», я поняла, что имею дело с человеком, напавшим на след.

– Я вам не мешаю? – осведомляется Лукреция.

– Я сразу навела справки и узнала, кто вы. Я была впечатлена.

– Трогательная похвала в устах такой женщины, как вы, – бормочет Исидор, опуская глаза.

– Мы – пионеры в наших областях. Поэтому нам труднее жить в обществе, чем остальным, только повторяющим и копирующим.

Нет, вы только послушайте, как они воркуют!

– Вы только что сознались, что преднамеренно и хладнокровно убили человека. После первого безнаказанного убийства вы без колебания применили вашу дьявольскую машину против второй жертвы – Тадеуша Возняка.

Теперь доктор Катрин Скалезе соглашается обратить внимание на молодую журналистку.

– Он лжесвидетельствовал на суде по делу об убийстве моего отца. Он должен был за это поплатиться.

– Потом вы прислали шкатулку с BQT в нашу редакцию!

– Каждый исполняет свою роль, Лукреция, – вмешивается Исидор. – Нельзя упрекать противника в том, что он защищается.

– Я просто хотела вам помешать. Я видела, что вы приближаетесь ко мне гигантскими шагами.

Молодая зеленоглазая женщина игнорирует коллегу.

– Вы без колебаний напали на семидесятивосьмилетнюю старушку. Вы хотели убить Анну Магдалену Возняк!

Катрин Скалезе скептически улыбается.

– Ее лживые показания сыграли решающую роль. Если бы она промолчала, я могла бы выиграть процесс. Тогда Дариус жил бы по сей день.

– В тюрьме?

– Да, там ему было самое место.

– Тогда он не сочинил бы своих скетчей, не сделал бы карьеры, не создал бы молодежного театра. Миллионы французов не смеялись бы, – напоминает журналистка.

– Зато не было бы разоренных комиков. Никто не погиб бы на дуэли ПЗПП, – договаривает за нее Исидор.

А я покончила бы с собой в приюте, в ванне.

Катрин Скалезе как-то странно поглаживает свой чемоданчик.

– Порядок восстановлен. Теперь душа моего отца спокойна.

Доктор Скалезе достает из ящика красный клоунский нос, превосходящий размером те, которые она теребила раньше.

– Теперь вы все знаете. Или почти все.

Она медленно и аккуратно нажимает на клавиши клавиатуры, управляющей замком чемоданчика. Синхронно щелкают два язычка. Вынув синюю лакированную шкатулку, она поворачивается к гостям. На крышке шкатулки горят золотом три знакомые буквы: BQT.

Под ними вычурно выведено: «Не смейте читать».

Она надевает себе на лицо красный шар и говорит в нос:

– После всех ваших стараний я считаю необходимым полностью удовлетворить ваше любопытство. Вот то, «что вы всегда хотели узнать».

И, не дожидаясь их реакции, она открывает синюю шкатулку, повернув ее к ним.

Из дырок в деревянной стенке с шипением вырываются два серых газовых облачка. Они сливаются в одно, которое быстро наполняет комнату.

– Не дышите, Лукреция! – кричит Исидор! – Бежим!

Он зажимает себе нос, его партнерша поступает так же.

– Катрин не пострадает, красный нос – это противогаз! – догадывается Лукреция.

Женщина с большим красным носом утвердительно кивает.

– Еще одно мое запатентованное изобретение, «мини-противогаз», – гундосит специалистка по физиологии юмора. Улыбаясь, она достает ключ от двери.

– Скорблю об утрате одного из редких людей, вроде бы проявивших понимание. Но, боюсь, вы не оставляете мне выбора. Сами виноваты, заставили меня слишком много болтать.

Лукреции Немрод не хватает воздуха, и она приоткрывает рот. У нее на глазах Исидор начинает задыхаться.

Несколько миллионов атомов проникают ей в ротовое отверстие и достигают легких, оттуда попадают в кровь. Толкаемая сердцем кровь достигает по артериям мозга.

В его клетках происходит описанный Исидором химический процесс. Сосудики нейротрансмиттеров на 90 % насыщаются закисью азота.

Лукреция Немрод чувствует неодолимое желание хохотать. Смех распирает ее, как пар – гейзер.

Нет! Нельзя. Крепись. Это просто химия.

Ей хочется врезать красноносой женщине кулаком, но ее замедленные жесты смешны. Зато сердцебиение становится бешеным. Она видит, что Исидор тоже давится от смеха.

Катрин Скалезе хватается шкатулку со свернутым текстом. В этот раз он написан не на фотобумаге. Она сует ее им под нос

– Прошу, BQT в вашем распоряжении. Позвольте дать совет: не смейте читать!

Лукреция Немрод одной ладонью загораживает глаза себе, другой – Исидору.

Доктор Катрин Скалезе выходит из кабинета и запирает дверь снаружи.

Оба журналиста не в силах ей помешать.

Исидор пытается оттолкнуть руку Лукреции и заглянуть в оставленную на столе шкатулку. Она хватается его за рукав.

– Это... искра, – выдавливает она – Если прочтете...BQT... Ха-ха-ха!

Завязывается то ли замедленный танец, то ли драка-балет. Исидор

тянется к шкатулке, Лукреция не пускает.

Журналист падает на пол. Он извивается, Лукреция, пуская слюни, бьет по полу кулаком в надежде, что боль помешает веселящему действию газа.

– Ха-ха-ха!

– Хи-хи-хи!

Они уже дышат толчками, сердце у обоих того и гляди выскочит из груди. Исидор хватается за ножку кресла, кое-как поднимается и тащится к столу, его манит развернутая смертельная шутка.

Она пытается его остановить.

– Ха! Ха! Ха! НЕТ! У-у-у... НЕ СМЕЙТЕ, ИСИДОР, НЕ ВЗДУМАЙТЕ... ЧИТАТЬ!

«Три белые мыши делятся в клетке результатами работы.

– Я большой ученый, – говорит одна. – Моя специализация – физика. У меня в клетке большое колесо с генератором. Кажется, я вывела закономерность: чем быстрее бежишь в колесе, чем ярче горит лампочка.

– Подумаешь! – фыркает вторая. – Я еще более крупный ученый. Моя специализация – геометрия. Я вывела математическую формулу, как быстрее всего находить дорогу в любом лабиринте. Она помогает экономить время.

– Да ну, все это ерунда, – говорит третья мышь. – То ли дело мое открытие. Я работаю в области психологии, конкретно психологии животных. Вы не поверите, я приучила к послушанию человека. Действует принцип условного рефлекса: стоит мне нажать на клавишу, чтобы раздался звонок, и человек сразу дает мне поесть».

Из скетча Дариуса Возняка «Друзья наши звери».

В кабинете доктора Скалезе не умолкает хохот. Знаменитые ученые, застывшие на фотографиях в дурацких позах, как будто потешаются над двумя журналистами.

Исидор Каценберг все пытается добраться до стола, до возжеленной развернутой бумажки под лампой.

Она сказала, что это не фотобумага, – думает Лукреция, напрягая последние способные на серьезную работу нейроны. – Значит, она не почернеет на свету.

Катрин Скалезе говорила о трех фразах.

Голова.

Живот.

Хвост чудовища.

Если их прочесть, дракон изрыгнет пламя, оно подожжет фитиль, и мозг взорвется.

Перекатившись по полу, Лукреция хватает Исидора за ногу. Оба не в силах перестать смеяться. Завязывается вялая борьба.

– Дайте мне прочесть, Лукреция! Ха-ха-ха!

– Нельзя! Хи-хи-хи!

– Я хочу знать! Ху-ху-ху!

Исидор роняет крупные слезы и неуклонно приближается к бумажке.

Его слабое место – любопытство.

Я сильнее его. Для меня допустимо не знать.

Молодая женщина вдруг представляет себе золотого святого Михаила, разящего дракона, на шпиле церкви Сен-Мишель.

Сейчас меч – это ее мысль.

Меч – любовь.

Щит – юмор.

Эта фраза, прочитанная в какой-то книге, приобретает сейчас особый смысл.

Меч – любовь.

Любовь к Исидору – вот что позволит ей найти оружие, чтобы преодолеть его любопытство.

Она ныряет в свои воспоминания, в ее жизни случались эпизоды, когда у нее получалось побеждать бессознательные импульсы. Так бывало, когда Мари-Анж причиняла ей мучения.

Вот тормоз, как учил нас Стефан Крауз.

Я должна ясно представить это ужасное мгновение из моего прошлого.

Должна увидеть, как она меня привязывает, как завязывает мне глаза, как вставляет в рот кляп.

«АПРЕЛЬСКАЯ РЫБА».

Так вот для чего нужны травматические воспоминания: они отбивают желание читать смертоносные шутки.

Она воображает себя в доспехах, со щитом, с мечом, как у архангела Михаила. Она вонзает меч в драконью голову и видит разинутую в агонии пасть.

Она издает что есть мочи боевой клич:

– АПРЕЛЬСКАЯ РЫБА!

Прилив энергии позволяет ей вскочить, схватить бумажку с шуткой и порвать ее на четыре части.

Исидор, не переставая смеяться, силится сложить кусочки вместе.

Тогда Лукреция, тоже смеясь, рвет их все мельче. Исидор не отчаивается, хотя головоломка становится все сложнее.

Собственная абсурдная деятельность вызывает у обоих новый приступ безумного смеха, и они без сил валяются на пол.

Спустя немалое время икающая Лукреция добирается до окна и пытается его открыть, но ручка отсутствует, открывание не предусмотрено. Она берет стул и бросает его слабыми руками в стекло, но стул отскакивает.

Исидор подползает к шкафу с коллекцией красных носов и разбивает стекло. Носы оказываются пустыми, без фильтров.

Лукреция решает выбить дверь, но она сделана на совесть, да и сил у Лукреции никаких. Исидор хватает телефон.

– Ха-ха-ха! Полиция? Скорее сюда, освободите нас, мы заперты в больнице Жоржа Помпиду, в отделении неврологии. Ха-ха-ха!

Но полицейский, приняв это за шутку, кладет трубку.

Исидор пробует звонить пожарным – с тем же результатом.

– Ха-ха-ха! Нужны доверенные люди... – Исидор пытается вспомнить хоть один номер, жмет непослушными пальцами на кнопки, но от этого мало проку. Комната по-прежнему полна паров закиси азота.

– Не знаю, сколько пройдет времени, прежде чем нас вызволят. Надо срочно подумать о грустном.

– Об экономическом кризисе?

Он опять заходится смехом.

– Прекратите! – умоляет она, уличив секунду. – Не смешите меня, а то

я умру. Придумайте что-нибудь погрустнее.

– Глобальное потепление?

Ей опять смешно.

– Хи-хи-хи! Тут сгодятся трюки, к которым вы прибегаете, чтобы оттянуть оргазм.

– Самое верное средство – вспомнить Тенардьё.

Ее это так смешит, что она боится за сердце.

– Вы решили меня прикончить, Исидор? Невозможно грустное, скорее!

– Ну, не знаю... Вспомните смерть родителей.

– Ой, сейчас умру! Забыли, что я сирота? Родители бросили меня на кладбище.

– Черт!

Он тоже хохочет.

– Готово, придумал!

Он шепчет ей на ухо, и оба умолкают. У обоих успокаивается сердцебиение, хотя спазмы смеха еще не улеглись.

Лукрецию посещает свежая мысль. Вспомнив, как Исидор спас ее в Театре Дариуса, она сгребает обрывки ВQT и поджигает. Дымок тянется к детектору дыма, и... ничего.

Она подносит к детектору горящую бумагу, прибор не реагирует. Наверное, сломан.

Нам крышка. Выход один – не смеяться над своим идиотским положением.

В этот момент дверь кабинета падает на пол.

Личность спасителя удивляет журналистов.

Это Жак Весельчак, Капитан Игра Слов, страж подземного зала Comico Inferno. Он решительно входит в кабинет, не выпуская из рук большой огнетушитель.

– Простите за промедление, – говорит он. – По приказу Беатрис я следил за вами с момента вашего ухода с холма Сен-Мишель. Мы ориентировались по вашему брелочку со смехом. Виноват, замешкался, прямо как в том анек...

Лукреция Немрод подсакивает к нему и затыкает ему ладонью рот.

Только анекдота нам здесь не хватало! На пороховом складе не играют со спичками!

Исидор, поняв ее реакцию, кладет свою ладонь поверх ее, чтобы изо рта Весельчака не просочилось больше ни слова.

Капитан Игра Слов недоуменно таращит глаза.

Молодая женщина вытирает слезы и выпаливает, кое-как отдышавшись:

– Не надо, умоляю, Жак! Сжальтесь, потерпите... Никаких шуточек, никакой игры слов! Если хотите что-то нам сказать, то только что-нибудь грустное, а лучше трагическое, деморализующее!

«Девочка спрашивает маму:

– Как родились самые первые родители?

– Первых людей, Адама и Еву, сотворил Бог. У них родились дети, ставшие потом родителями, и так далее. Так появилось человечество.

Через два дня девочка задает тот же вопрос отцу.

– Миллионы лет, – отвечает он, – обезьяны медленно эволюционировали и в конце концов превратились в людей, в нас.

Озадаченная девочка бежит к матери.

– Странно, ты говоришь, что первых родителей сотворил Бог, а папа – что это эволюция обезьян.

Мать с улыбкой отвечает:

– Все просто, милая. Я рассказала тебе о своей семье, а папа – о своей».

Из скетча Дариуса Возняка «Война полов с вашим участием».

Дельфин Ринго падает в воду, поднимая фонтан брызг. Второй дельфин, Пол, выпрыгивает еще выше.

Акула Жорж спряталась от всей этой суматохи в дальний угол отремонтированной и укрепленной цистерны.

Исидор Каценберг сидит за письменным столом. Ремонт позволил значительно усовершенствовать всю обстановку.

Бассейн посередине остался широким и глубоким, но выглядит более экзотично. Вокруг прибавилось пальм, всяческих саженцев, ползучих растений, песчаных дюн.

На самом большом из экранов постоянно отображено Древо возможностей – интернет-сайт, где любой может отразить свои представления о будущем в виде листочков на дереве. Все эти варианты будущего образуют буйнозеленую листву на черном фоне.

На Исидоре наушники, подключенные к айфону. Он слушает музыку к фильму «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».

Она помогает ему вспоминать ключевые моменты расследования BQT.

Доставая из чемоданчика по одному различные предметы, он раскладывает их на столе.

Пакетик с блинчиками из Карнака, пластмассовая игрушка в виде яхты, на которой они приплыли на остров с маяком, рисунок – царь Соломон, белая маска послушника GLH с нейтральной мимикой, почтовая открытка с шеренгами карнакских менгиров, открытка с видами Мон-Сен-Мишель, фотография архангела, поражающего дракона, бюстик Граучо Маркса в тоге, фотографии Дариуса и его могилы, фотография Анри Бергсона. Здесь же сборники анекдотов, филогелосы всех стран и эпох. Исидор долго смотрит на большой клоунский нос.

Он вводит в компьютер вопрос: «Почему мы смеемся?»

На его лице улыбка. Хорошее начало для задуманной истории!

Он тербит клоунский нос, катая его поочередно каждым пальцем, потом бросает его в сторону бассейна. Красный шарик еще не долетел до воды, а дельфин Джон уже выскочил оттуда, радуясь новой игре. Ринго и Пол присоединяются к нему, и троица затевает веселую игру в мячик.

Исидор Каценберг размышляет. По его мнению, нельзя нанизывать фразы, как жемчужины в ожерелье, надо следовать генеральному плану и многослойной интриге.

Он стремится изобрести свой собственный инструментарий, приспособленный к особенностям жанра, которому он намерен следовать: напряженный научный детектив.

Он говорит себе, что всякая творческая работа тождественна сотворению жизни. К истории нужно относиться как к живому существу: сначала скелет – интрига, на которой держится сюжет. На скелет нанизываются органы – ключевые сцены, благодаря которым в интриге циркулируют кровь, воздух и гормоны. Потом, когда скелет обретает равновесие, а органы силу, наступает очередь кожи – накидки, скрывающей происходящее внутри.

При этом необходим простой и эффективный стиль, родственный стилю анекдотов. Никаких затей, никаких бросающихся в глаза красот, никаких длинных усложненных фраз. Только прочная кожа, натянутая не невидимую геометрию скелета.

Научный журналист, он же потенциальный романист, берет карандаш и ручку. Слушая мощную симфоническую музыку из «Чайки по имени Джонатан Левингстон», он рисует силуэт – очертания своей истории. Тут и ноги, и бедра, и живот с пупком, руки, шея, голова и... половой орган.

Там, где это кажется уместным, он размещает фразы.

«Почему мы смеемся?» – на уровне ног.

Он вертит ручку и пишет на уровне правой икры: «Кто убил Дариуса?»

На уровне левой икры: «Как совершить убийство в закрытом помещении, не оставив следов?»

На уровне правого колена: «Первые версии».

На уровне полового органа: «Три энергии: Эрос – секс. Танатос – смерть. Гелос – смех».

Эти три энергии пронизуют весь организм его романа.

На сердце он пишет крупными буквами: «МОЖНО ЛИ УМЕРЕТЬ ОТ СМЕХА?»

На уровне кишечника: «ПЗПП, дуэли, пожирающие юмористов и превращающие их в трупы».

На уровне лба: «GLH, священное наследие из глубины времен».

На уровне бедер: «Тусовка парижского шоу-бизнеса».

Чем больше он размышляет, тем сильнее подозревает, что драма Дариуса искусственно спровоцирована системой, зажигающей звезды только для того, чтобы эффектно тушить, принося в жертву.

Система надувает их, напиговывает деньгами, подсовывает власть, кокаин, секс, а потом закалывает, как разжиревших рождественских индюшек, и питается их смертью, превращая ее в зрелище.

Исидор Каценберг бросает дельфинам белую маску. Один просовывает морду в резинку и плавает в маске, как будто понял ее предназначение.

Маски – вот ловушка. Звезды путают маски со своей сущностью. Простившись с реальностью, они обречены.

Среда юмора еще более жестока, потому что в ней еще сильнее власть.

Дариус Возняк вырос, без сомнения, среди юмора света, но рухнул в юмор тьмы и породил третью энергию – Катрин Скалезе.

Та изобрела на свой манер новое направление развития юмора – «синий юмор».

Он пишет на уровне горла: «Доктор Катрин Скалезе».

Она все поняла в юморе. Воспитанная как клоун, она уловила глубинный механизм смеха и довела его до пароксизма. Она еще больше, чем Беатрис, заслужила звание Великой магистерши GLH.

Он задумчиво изучает свой рисунок.

Нет, Беатрис лучше, потому что связана с источником не смеха, а письменной шутки. При ней Ложжа пребывает в чудеснейшем на свете месте, не на острове и не на материке, а где-то посередине. Мон-Сен-Мишель – сам по себе геологический анекдот.

Дальше он пишет: «Сочинение романа похоже на сотворение живого существа».

А значит... «Любой роман можно свести... к длинному анекдоту».

«Что, если сама человеческая жизнь – попросту шутка? – пишет он. – Что, если всякая форма жизни – шутка?»

Что, если юмор – высочайший уровень самосознания?

Что, если эволюция любой формы жизни приводит к тому, что она становится невозможно смешной?»

Он погружен в раздумья.

Внезапно раздается звонок.

Он дистанционно отпирает дверь.

Посередине острова возникает Лукреция Немрод. Она проходит по мостику и направляется к нему.

На блузке Лукреции снова пронзенный мечом дракон, только в этот раз блузка не китайская, а венецианская. На ней мини-юбка и туфли на высоком каблуке. Длинные светло-каштановые волосы собраны в сложную прическу со сложными завитушками.

Она целует его в лоб.

– Ну? – с ходу спрашивает Исидор.

Она бросает на письменный стол номер «Геттёр Модерн». На обложке

набрано большими красными буквами: «БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ». Ниже почти так же крупно: «ЭКСКЛЮЗИВ О СМЕРТИ ЦИКЛОПА».

Исидор удивленно поднимает на нее глаза.

– Вы уговорили Тенардье? Не думал, что получится, браво, Лукреция!

Он хватает журнал и рассматривает обложку. Последние секунды Дариуса в зале «Олимпия»: он приветствует публику, приподнимая повязку и показывая сердечко в пустой глазнице.

– Кто мог подумать, что этот жест – кульминация расследования? Все сочувствовали его физическому изъязу, а это было доказательством его преступления. Даже сердечко намекало, возможно, на его роман с Катрин Скалезе. Все было в его глазу и у нас на глазах с самого начала. Вот это анекдот так анекдот!

Он открывает статью. В ней фотография могилы юмориста и заголовок белыми буквами на черном фоне: «ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДАРИУСА ВОЗНЯКА. НАШ УБОЙНЫЙ ДОКУМЕНТ. Эксклюзивное расследование Кристианы ТЕНАРДЬЕ, репортер – Флоран ПЕЛЛЕГРИНИ».

Лукреция Немрод опережает Исидора, открывшего было рот:

– Таково было жесткое условие публикации статьи. Кристиане Тенардье требовалось восстановить репутацию: все давно смеются, что она за всю жизнь не написала ни строчки.

– А Флоран Пеллегрини при чем? Он, что ли, автор статьи?

– Нет, я. Но эта Тенардье сказала, что под всеми серьезными криминальными расследованиями публика привыкла видеть подпись Флорана Пеллегрини. По ее выражению, «это залог достоверности».

– Понятно.

– Я упомянута в конце статьи.

Исидор замечает, что к двум подписям внизу страницы добавлено мелким курсивом, да еще в скобках: «Сбор материала: Лукреция Немрод».

– Это лучше, чем ничего. Там тридцать один лист, и мне в кои-то веки заплатили правильно. Даже очень правильно. Мне повысили ставку: теперь мне платят пятьдесят евро за лист.

Исидор молчит. Он быстро читает начало статьи.

– Это еще не все. Тенардье согласилась погасить все расходы: на рестораны, отели, бензин.

Ему не передается ее энтузиазм.

– Для главной статьи номера это минимум, – бросает он.

Лукреция продолжает:

– Кристиана Тенардье меня поздравила. Сказала даже, что подумает о моем переводе в штат. Пообещала поговорить об этом с руководством.

Научный журналист переворачивает страницу и спотыкается о подзаголовок: «ДАРИУС УМЕР ОТ СМЕХА НА СЦЕНЕ, КАК ВЕЛИКИЙ МОЛЬЕР В «МНИМОМ БОЛЬНОМ»».

– Это вы придумали?

– Нет, Пеллегрини.

– Ясно. Великие артисты умирают на сцене, в разгар спектакля. Страдают, видите ли, жертвуя собой ради чужого развлечения. Какое геройство! Удачный поворот.

Он смеется надо мной! Он не слышал обещание Тенардье. Или думает, что она обманет. Почему ему обязательно надо все испортить?

Лукреция в раздражении пытается отнять у него журнал.

– Напрасно я пришла. Знала, что лучше не надо. Дальше вам лучше не читать.

– Наоборот, мне делается все интереснее.

– Нет, я сама вам расскажу. 1) Дариус горел на работе. 2) Ему удалось примирить поколения смехом. 3) Он искал и поощрял молодые таланты. 4) Он не следил за своим здоровьем, слишком был поглощен своей миссией – делать добро современникам. 5) Он искал абсолютную шутку, доходя в своей профессиональной требовательности до маниакальности. 6) Вероятно, из-за этой чрезмерной требовательности и поиска совершенства он и умер на сцене.

– Вы не упомянули Катрин Скалезе?

– Я подробно рассказала о ней Тенардье.

– И что?

– Я предложила ей избежать судебных исков. Она ответила буквально следующее: «И речи быть не может о том, чтобы чернить образ Дариуса, тем более в момент, когда рассматривается вопрос переноса его праха в Пантеон».

Исидор Каценберг медленно качает головой с замкнутым выражением на лице.

– Бросьте, Исидор, мы оба хорошо знаем, что правду нельзя обнародовать. К тому же ее никто не желает знать. Эта Тенардье так и сказала: «Клеветать на Дариуса – значит терять читателей».

– Что ж, по крайней мере мы пролили свет на загадку. Лично я люблю разоблачать ложь, когда ее скармливают широкой публике, а я один из немногих, кто знает правду. Это изощренное удовольствие.

Исидор откладывает журнал и подходит к бассейну. Дельфины подплывают к его ногам, он бросает им селедки.

– Она сказала: «Дариус – надежда на успех для тысяч молодых,

живущих в бедных пригородах. Все они хотят походить на него. А вы им сообщите, что он был пресыщенным циником? Нарциссом, мегаломаньяком и кокаинистом?»

– То же самое стало известно о кумире молодежи, аргентинском футболисте Диего Марадоне. И где революция? Он даже не утратил популярности.

– То, что приемлемо в футболе, неприемлемо в сфере смеха. Комики – более неприкосновенные фигуры, чем футболисты.

Исидор не отвечает, продолжая кормить своих китообразных.

– Еще Тенардье сказала: «Вы хотите революции, мадемуазель Немрод? Все очень хрупко. Большинство опрошенных говорит, что Циклоп был образцовым гражданином, таково мнение по меньшей мере двадцати миллионов человек, а вы станете его опровергать, заявляя, что они по наивности не способны отличить хорошего человека от негодяя?»

– Тенардье права. Мазохистам нельзя говорить об их любви к мучениям. Гадам нельзя говорить, что они гады, а то они обидятся.

Исидор возвращается к письменному столу, хватая журнал и наугад выхватывает фразу из статьи: «...Дариус – это артист-глыба, чье комическое искусство навсегда запечатлелось в коллективной памяти».

– Это не кажется вам перебором, Лукреция? Зная правду, вы могли бы, что называется, соблюсти приличия.

– Стоит придумать заголовок и цепляющую тему – и правда начинает казаться просто топливом. Не это в статье главное. Или вы упрекаете меня в том, что я продала душу?

Журналист понимающе кивает, она в ответ закипает.

– Не обессудьте, Исидор, я все еще часть системы. Мне надо зарабатывать на жизнь и писать то, что требуется, а не эту вашу никчемную правду, которой никто не интересуется и которая к тому же... недостоверна.

– Какой тогда смысл ее доискиваться?

– Наверное, я и не собиралась раскапывать, что произошло в «Олимпии» на самом деле.

Исидор Каценберг отворачивается и идет к холодильнику за говяжьим боком для акулы Жоржа.

– Вы себя недооцениваете, Лукреция. Я никогда не сомневался, чем все кончится.

Расстроенная Лукреция садится и забирает журнал, как будто боится, что он прочтет статью целиком.

– Как поживает ваш роман, Исидор?

Он бросает мясо в бассейн, акула подплывает, разевает пасть с двумя

рядами острых зубов и одним рывком раздирает говяжий бок.

– Это будет противоположностью тому, что делаете вы. Точнее, дополнением. Я буду писать правду, а ей никто не будет верить. Но правда по крайней мере где-то появится. Я привлеку внимание людей к вопросу, кающемуся банальным, а на самом деле ключевому: почему мы смеемся?

– Как на него отвечаете вы сами?

Он подходит к своей музыкальной системе. Из колонок начинает литься «Аквариум» из «Карнавала животных» Камиля Сен-Санса.

Исидор раздевается, надевает очки для плавания и ныряет в бассейн.

Он плавает с дельфинами. Рядом акула Жорж изображает трудную борьбу с огромной порцией говядины.

Нет, он меня бесит.

Лукреция тоже раздевается до трусов и лифчика и погружается в воду. Подплыв к нему, она держится на поверхности, двигая одними ногами.

– Перед тем как я изорвала BQT на мелкие кусочки, вы подсмотрели, что там было?

– Только первое предложение.

– Ну и какой она была, голова дракона?

– Лучше я промолчу, чтобы вас не смущать.

– Я хочу знать. Хотя бы первое из трех предложений. Без закиси азота и без остальных двух предложений оно не причинит вреда.

– Вы заблуждаетесь. Первое – само по себе очень мощное и сбивающее с толку. Не смею даже гадать, что было во втором и в третьем.

– Вы издеваетесь, Исидор?

– Ладно, признаюсь: я ничего не видел. Мы так ничего и не узнали.

Как понять, когда он говорит серьезно? Сейчас он врет? Боится моей реакции?

– Я выяснил, что Катрин Скалезе так и не вернулась в больницу Помпиду. Она считается пропавшей.

– Ее месть удалась. Она останется безнаказанной.

Она узнаёт проплывающего мимо дельфина: это Джон. Он подставляет ей плавник, и она знакомится с редким удовольствием – когда тебя стремительно влечет в воде такой гладкий смысленный забавник.

Чудесно! Просто фантастика!

Дельфин доставляет ее к Исидору.

Журналист неподвижен, он не сводит с нее глаз. Его рука ласково касается ее длинных мокрых волос. Она не возражает.

– Знаете, Лукреция, я должен вас поблагодарить. Это расследование многому меня научило. В частности, тому, что я больше не могу работать

один.

– Я тоже вам признательна, Исидор. Это расследование многому научило и меня. В частности, тому, что я могу работать... одна. Во всяком случае, без вас.

Они обмениваются воинственными взглядами.

– Скажите, Лукреция, если бы я предложил вам переехать жить ко мне, вы бы согласились?

Она легко целует его в губы.

– Нет, спасибо. Я предпочитаю, чтобы мы оставались друзьями. Я уже сняла новую студию и перевезла туда вещи. Даже новую золотую рыбку купила – сиамского императорского карпа толщиной с мою руку. Его зовут Левиафан второй. Уверена, он вам понравится, когда вы придете ко мне выпить чаю.

Он не улыбается.

– Как насчет того, чтобы разыграть решение в «три камешка»? Выигрываете вы – отправляетесь к своему Левиафану второму и мы время от времени вместе пьем чай. Выигрываю я – вы переезжаете ко мне на водокачку.

– Переезжаю?..

– Хотя бы на несколько дней. Чтобы лучше узнать друг друга.

– На несколько дней? Ну вы даете! Вы идете ва-банк, Исидор!

– По-моему, так забавнее.

Лукреция Немрод колеблется, потом принимает вызов. Они вылезают из воды, садятся на край бассейна, прячут за спиной по три спички, потом вытягивают сжатые кулаки.

– Ноль, – начинает она.

– Одна, – говорит он.

Они разжимают кулаки. У обоих пусто.

– Браво, Лукреция, вы угадали. Но это только начало.

– Странно, у меня такое чувство, будто я продолжаю дуэль ПЗПП. – Она победно откладывает спичку, оставляя себе только две.

– Танец двух умов – чем не дуэль? Это всегда союз трех энергий: Эроса, Танатоса и Гелоса.

– Три! – объявляет она.

– Четыре! – отзывается он.

Он разжимает ладонь с тремя спичками. Она разжимает свою – пустую.

– Недурно, – бормочет он.

Игра продолжается. Лукреция объявляет:

– Четыре.

– Три.

В этот раз выигрывает Исидор. Он кладет перед собой спичку. Теперь первым говорит он.

– Две.

– Одна.

Выигрывает опять он.

– Два-два. Сейчас решится, чья возьмет.

Два выброшенных вперед кулака соприкасаются. Исидор медлит.

– Одна, – решается он наконец.

Лукреция вглядывается в него, тяжело вздыхает, зажмуривается.

– Две.

Он разжимает ладонь с одной спичкой. Она – свою, тоже с одной. Она выиграла.

– Вы выиграли, я проиграл, Лукреция. Я вас недооценил и поплатился. Поделом мне.

Никогда еще не слышала таких слов от мужчины. В этом его сила, у его машины есть задний ход.

– Причем не только сейчас. Я ошибался и во многом другом.

– В чем же? Выкладывайте, мне интересно.

Пусть заплатит за то, что меня отверг.

– Я говорил, что не люблю шутки. Но с самого начала расследования это бессмысленное занятие доставляло мне огромное удовольствие. Теперь для меня это крайне важно – шутить. Теперь я считаю юмор высочайшим уровнем духовности. Когда все поймешь – смеешься.

Он выглядит растерянным.

– Дальше.

– Еще я думаю, что теперь я вас... ценю.

«Ценит»? Неужели так сложно признаться в любви?

– ...очень ценю, – выдавливает он.

В этот момент дельфин Ринго выпрыгивает из воды и, падая, окатывает Лукрецию с головы до ног. Исидор приносит сухое теплое полотенце и укрывает ей плечи.

Потом он привлекает ее к себе, крепко обнимает. Не спросив разрешения, он целует ее в шею, поднимается к подбородку, впивается в губы долгим поцелуем. Лукреция не сопротивляется. Когда он отрывается от ее губ, она долго и внимательно на него смотрит.

Время останавливается. Взгляды скрещиваются, каждый ждет, чтобы

молчание нарушил другой.

Исидор не выдерживает первым. Все начинается с искорки в его глазах, которой не было секунду назад, – совсем крохотной, в глубине зрачка. В ответ такая же искра вспыхивает в изумрудных глазах Лукреции. От этого у нее на щеке появляется крошка-ямочка, легкое напряжение мышцы, рождение улыбки, на которую откликается щека Исидора. Все ускоряется, этап улыбки сразу пройден, Исидор разражается смехом, Лукреция ему вторит.

Журналистов разбирает неудержимый хохот. Это длится долго, все напряжение, накопившееся за время расследования, сгорает в пожаре веселья.

– Если бы мы надышались закисью азота, то сыграли бы в ящик! – стонет она.

– ...или нет, – отвечает он, как будто продолжая игру в «три камешка».

– Кажется, я тоже способна признавать свои ошибки и включать заднюю передачу. Я отменяю свое решение, – говорит молодая журналистка. – Я перееду к вам на неделю. Но ни на день больше. Захватчу Левиафана второго. Уверена, он поладит с Жоржем, Ринго, Джоном и Полом. Но давайте начистоту, Исидор. Провозглашаю три правила: 1) запрет меня трогать, 2) запрет меня возбуждать, 3) запрет...

Он касается пальцем ее губ.

– Боюсь, столько запретов мне не соблюсти. Слишком велик соблазн.

– Предупреждаю, если вы будете настаивать, то я, чего доброго... уступлю.

– Я вас не боюсь, мадемуазель Немрод.

– И еще одно. Это дело принципа. Умоляйте меня остаться.

– Умоляю, Лукреция, вы хотите остаться здесь со мной подольше?

– Согласна на пятнадцать дней.

– Шестнадцать?

– Ладно. Но не больше трех недель, – отвечает она.

Они смотрят друг на друга и снова чувствуют неудержимое желание смеяться. Лукреция замечает, что сам он ни на что не претендует.

Кажется, он отказался от всего избыточного, утяжеляющего, чтобы дать мне то, чего мне не хватало. Это и есть, наверное, «настоящая встреча»: два переплетающихся комплекса. Комплекс брошенности, повстречавшийся с мизантропией.

Он вытирает ее махровым полотенцем, массирует плечи. Она резко оборачивается, берет в ладони его лицо и впивается в его губы долгим глубоким поцелуем, от которого у обоих перехватывает дыхание.

Потом, не дав ему опомниться, она валит его на пол приемом своего лукреция-квондо, прижимается к нему всем телом и, оторвавшись от его рта, шепчет:

– Хочу вас прямо сейчас, Исидор.

– Сегодня решения принимаете вы.

Она срывает с себя остаток одежды и долго его ласкает, засыпая поцелуями с головы до ног.

Сколько можно тратить время на прелюдию?

Заинтригованные дельфины и акула подплывают ближе.

На взгляд дельфина Ринго, два розовых человеческих тела сливаются в одно двухголовое существо о восьми конечностях.

Чтобы ничего не упустить, дельфины высовываются из воды, соблюдая при этом максимум деликатности.

Жорж тоже не прочь выпрыгнуть из воды, он понимает, что на берегу происходит что-то новое и интересное. Но он к такому не приспособлен и приходит к выводу, что лучше бы они занялись тем же самым на глубине.

Как будто уловив его мысли, люди подкатываются к бассейну, падают в воду и продолжают свой странный танец там.

Дельфины и акула могут кружить и наблюдать это под всеми углами. Два розовых тела расходятся, потом снова сливаются.

Они долго смеются, они веселы и довольны.

Они плывут к берегу под одобрительные крики дельфинов, решивших им подражать... хотя в их троице нет самки. Они приглашают и акулу, но Жорж пугается и уходит на дно.

Люди в изнеможении выползают на берег.

– Выходит, ученые ошибались, – говорит с улыбкой Лукреция. – Заниматься любовью и одновременно смеяться вполне возможно.

– Достаточно найти правильного партнера, – соглашается Исидор.

– Ты не ответил. Почему, по-твоему, мы смеемся?

Какое-то время он раздумывает, а потом говорит:

– Наверное, в моменты просветления мы понимаем, что ничего не бывает серьезным настолько, насколько нас убеждают. Тогда мы отстраняемся, наш мозг объявляет перерыв и в сторонке смеется над собой.

– Неплохо. Это объясняет, почему животные не смеются. Они страдают, но в их арсенале нет этого оружия обороны.

Дельфины, как будто взявшись ее опровергнуть, устраивают концерт, который вполне может сойти за смех.

Исидор Каценберг ищет всеобъемлющую формулу, которая обобщила бы его размышления, и находит:

– Мы смеемся, чтобы сбежать от реальности.

КОНЕЦ

Все дело в Нем (Авраам).

Все дело в Любви (Иисус Христос).

Все дело в сексе (Зигмунд Фрейд).

Все дело в экономике (Карл Маркс).

Все относительно (Альберт Эйнштейн).

Все – юмор (Исидор Каценберг).

Послесловие

«Смех Циклопа» произрос из истории, случившейся со мной в 17-летнем возрасте. Я уже год писал «Муравьев», но роман по неведомым мне причинам застопорился. Я давал его читать друзьям и видел, что он выпадает у них из рук, им никогда не хватало времени его дочитать. В рукописи было как-никак 1500 страниц (тогда я восторгался «Дюной» Фрэнка Герберта и «Саламбо» Флобера, мне нравились эпические полотна, сражения, дух приключений). Что-то не клеилось, но я никак не мог понять, что именно.

Прорыв произошел в Пиренеях, во время похода в горы. Нас было восемь человек. Сначала нас поливал ледяной дождь, потом у одного из нас случился приступ астмы.

В час ночи (вместо пяти вечера) мы добрались до горного приюта. Мы замерзли, проголодались, вымотались, в кровь стерли ноги, отморозили пальцы, нам слышался волчий вой.

В небе не было ни луны, ни звезд, приходилось довольствоваться фонариками.

Мы сбились в кучку, как загнанные звери, и один из нас предложил «для разогрева» устроить конкурс анекдотов.

Мы травили по очереди анекдоты, часто неудачные (смеялись через силу, ради приличия), чтобы забыть про голод и холод. Один из нас спросил: «А этот, про желтый теннисный мячик, слышали?» Мы покрутили головами, готовясь к очередной ерунде.

«Ученик сдает экзамены на отлично. Отец хочет наградить его велосипедом, но он говорит:

– Спасибо, папа, я всегда мечтал о велике, но если ты хочешь доставить мне настоящее удовольствие, то подари кое-что другое: желтый теннисный мячик.

– Но ты же не играешь в теннис! – удивляется отец.

– Не играю.

– Может, лучше набор мячиков?

– Нет, всего один. Но обязательно желтого цвета.

– Зачем тебе?

– Папа, ты спросил, чего бы мне хотелось, я ответил. Если тебе обязательно хочется понять смысл подарка, можешь подарить велосипед, но огромного удовольствия это мне не доставит.

Удивленный отец уступает и покупает мячик.

Через несколько лет отличная оценка уже на выпускном экзамене. Отец хочет купить сыну мотоцикл. Но тот отвечает: да, об этом все мечтают, но лично у него другая мечта: желтый теннисный мячик.

– Опять? Куда ты девал тот? И потом, ты, кажется, так и не стал играть в теннис.

– Не спрашивай, папа, когда-нибудь я объясню. Если ты действительно хочешь меня порадовать, то это единственное, чего мне по-настоящему хочется. Мячик, всего один, желтого цвета.

Отец уступает и покупает.

Сын учится на врача и превосходит успеваемостью весь курс. Отец хочет снять квартиру-студию, чтобы сын жил рядом с университетом. Но он отвечает, что предпочитает квартире желтый теннисный мячик.

– Ты так и не хочешь сказать почему?

– Когда-нибудь объясню.

Потом сын женится, отец хочет подарить машину, но сыну снова подавай желтый теннисный мячик.

– Ты же до сих пор не теннисист! Может, хоть белый для разнообразия? Или коробку с шестью желтыми? Так мы хотя бы выиграем время.

– Нет, один, желтый.

Отец снова дарит ему мячик.

Потом сын попадает в аварию. Он серьезно ранен. Отец мчится в больницу, где слышит от врача, что дело плохо, сын не выкарабкается, даже ночи не протянет.

Безутешный отец входит в палату к сыну, тот лежит весь в бинтах и в трубках.

– Какой ужас! Сынок!..

Из-под бинтов доносится:

– Я знаю, зачем ты пришел, папа. Завтра меня не станет. У тебя есть право знать.

– Не говори так, ты должен жить!

– Нет, врач сказал, что надежды нет. Я ждал тебя, чтобы раскрыть секрет.

– Нет, сынок, это совершенно не важно.

– Важно, папа. Ты столько лет хотел подарить мне велосипед, мотоцикл, квартиру, машину, но я раз за разом предпочитал желтый теннисный мячик. Тому есть конкретная причина. Подставь ухо, я раскрою тебе секрет. Я хотел желтый теннисный мячик, потому что... а-а-а-а...

И он умирает».

Наш друг замолчал, и воцарилась страшная тишина. Потом все набросились на него и жестоко защекотали в наказание за разочарование.

– Мерзавец! Как ты посмел так нас надуть?

Но одновременно произошло нечто, очень сильно меня поразившее.

Пока он рассказывал, мы позабыли обо всех невзгодах похода, о волдырях, кровавых мозолях, приступе астмы у нашей подруги, волках. Всех так заморозил этот желтый теннисный мячик, что все остальное стало не важно.

Кульминация рассказа заставила нас поволноваться. Потому мы и кинулись на рассказчика, вместо того чтобы только вежливо посмеяться, как над остальными малоудачными анекдотами. Благодаря этой простой истории мы испытали некое физическое чувство.

У меня в голове произошла вспышка. *Вот он, великий секрет захватывающего изложения!* – сказал я себе. – *Придумать «желтый теннисный мячик»!*

И я стал переписывать «Муравьев» по принципу «желтого теннисного мячика» – таинственного погребца. Семья унаследовала дом с запертым погребом. Спускавшиеся туда говорили: «То, что я там видел, до того немыслимо, что я даже не могу вам сказать, что это». Книга начала эксплуатировать читательское воображение. Читатель, сам того не зная, при каждом спуске действующего лица в погреб придумывает, что тот видит, но не хочет рассказывать, потому что это слишком невероятно.

Так анекдот научил меня искусству рассказчика.

И по-моему, всякий хороший рассказ сродни хорошему анекдоту.

«Улисс» Гомера: человек десятки лет плавает в Средиземном море, только чтобы потом, при встрече, жена сказала ему: «Надеюсь, ты мне не изменял».

«Граф Монте-Кристо» Александра Дюма: человек из сил выбивается, чтобы осуществить месть, а отомстив, задумывается, не лучше ли было бы отказаться от мести.

«Мадам Бовари» Флобера: провинциальная блондинка совершает от скуки одну глупость за другой.

«Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго: умственно отсталый горбун влюбляется в танцовщицу-цыганку и удивляется, что она его отвергает.

Потом я стал гадать, кто же тот гений, изобретший историю о желтом теннисном мячике, кто же стал, не ведая этого, моим «учителем».

Я попытался подняться к истокам. Я нашел несколько вариантов этого

анекдота, в том числе про «китайскую ширму», где все в точности наоборот.

Парень говорит отцу: «Мне хочется узнать, что это за история о китайской ширме, про которую в нашей семье нельзя говорить». Отец в ответ бьет его кулаками и ногами и выгоняет из дому – с одобрения матери. Парень прячется у своей невесты. После венчания та спрашивает, почему не пришли его родители. Он объясняет, что из-за того, что он упомянул историю с китайской ширмой. Женщина немедленно аннулирует брак и уходит от него. На работе он рассказывает о своей беде хозяину. Тот спрашивает, почему все от него отворачиваются, и он объясняет, что это результат его интереса к «истории с китайской ширмой». Хозяин звереет, хватает нож для бумаги и втыкает ему в сердце. Умиравший спрашивает врача, почему все хотят скрыть от него историю с «китайской ширмой». Врач в порыве гнева отключает его от аппаратов поддержания жизни».

Сколько людей воспользовались этой «механикой желтого теннисного мячика»? Чудесно, что эти анекдоты превращают рассказчика в сказителя и изобретателя. Анекдоты – настоящие заготовки для романов.

Изобретателя «желтого теннисного мячика» я так и не нашел, зато заразился страстью к анекдотам – недооцененному и пренебрегаемому литературному жанру, считающемуся пригодным разве что для детей и для любителей побалагурить после сытной трапезы.

Пять лет назад я начал размышлять о том, как реализовать эту мою страсть к анекдотам и передать их мудрость (лично я их запоминаю с большим трудом). Я написал рассказ «Там, где рождаются шутки», включенный в сборник «Рай на заказ». На вопрос, какой рассказ понравился им больше всего, читатели – пользователи интернета ответили, что этот занимает одно из первых мест (второе, сразу после «Завтра – женщины»).

Таков генезис «Смеха Циклопа».

Мне хотелось продолжить приключения Исихора и Лукреции, эти герои мне очень нравятся. Порой автор становится другом придуманных им самим персонажей и ждет новых встреч с ними. Вот я и связал «Там, где рождаются шутки» с «Расследованиями Исихора и Лукреции».

P.S. Персонажи и события в этой книге полностью вымышлены, всякое сходство с реально существующими или существовавшими людьми и событиями совершенно случайно.

P. P. S. Тем не менее я спешу поблагодарить всех моих друзей – профессиональных юмористов, рассказавших мне о жизни за кулисами комического ремесла: о конкуренции, продюсерах, финансовых условиях,

механике скетчей.

Р. Р. Р. S. История о полном зале несмеющихся зрителей произошла на самом деле с бельгийским юмористом Ришаром Ребенем. Он действительно промучился полтора часа перед многочисленной и совершенно безучастной публикой. На самом деле всем этим людям заплатили, чтобы они не смеялись: их снимало телевидение.

Р. Р. Р. Р. S. Огромная благодарность всем интернет-пользователям, которые выкладывали и отбирали шутки на www.bernardwerber.com.

Благодарность

Ришару Дюкуссе, Франсуазе Шафанель-Ферран, Мюгет Вивиан, Рен Сильбер.

Жилю Малансону, д-ру Патрику Боуэну (все о медицине), Стефану Краузу, Франку Феррану (кое-что из истории), Себастьяну Друэну, Изабель Долл, Паскалю Легерну, Себастьяну Теске, Мелани Лажуани (веб-мастеру сайта Esra on-line), Гюставу Паркину, Марку Жоливе, Кристине Берру, Джонатану Верберу, Сильвену Тимси (веб-мастеру сайта bernardwerber.com).

Музыка, звучавшая при работе над романом:

Густав Хольст «Симфония планет»,

«Дженесис» Man of our time,

«Мьюз» Resistance,

«Дип Перпл» Burn,

«Пинк Флойд» Shine On You Crazy Diamond.

Эрик Сати «Гимнопедии»,

Нил Даймонд «Джонатан Ливингстон»,

Камиль Сен-Санс «Аквариум».

---

notes

Примечания

Франсуа Рабле (1494–1553) – французский писатель-сатирик. Граучо Маркс (1890–1977) – американский актер-комик. Пьер Депрож (1939–1988) – французский юморист. Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) – французский католический мыслитель.

«Вращающаяся говядина» (фр.).

«Белоснежка с разорванной глоткой» (фр.).

«Квалификационное время для бостонского марафона» (*англ.*).

«Будь спокоен» (*англ.*).

«Большая викторина» (англ.).

«Дамы вперед» (*англ.*).

Так буквально переводится французское *tomber amoureux*.

Так во Франции называют первоапрельские розыгрыши.

Блажен, кто помалкивает (*фр.*).

Колюш (1944–1986) – французский комик. В 1980 году собирался баллотироваться на пост президента. Погиб в результате дорожной аварии.

Тьерри Ле Люрон (1952–1986) – французский пародист.

Гиньоль и Няфрон – персонажи французского ярмарочного кукольного театра.

«Кто? Что? Когда? Где? Почему?» (англ.).

Triste – грустный (*фр.*).

«Отель Будущего» (фр.).

Ашиль Заватта (1915–1993) – знаменитый французский клоун.

Саша Гитри (1885–1957) – французский деятель театра и кино: автор пьес и сценариев, режиссер, актер, продюсер.

«Пирь в первый день сатурналий» (*лат.*).

Менгиры – высокие мегалиты, распространенные в Бретани.

Иди прочь, Сатана (*лат.*).

Никогда не читай этого (лат.).

Великая ложа юмора (*фр.*).

Burn – «гореть» (*англ.*).

Древнегреческая богиня возмездия.

«Шутка, которая убивает» (фр.).

Сборник шуток и каламбуров.

Эжен Лабиш (1815–1888) – французский комедиограф, автор «Соломенной шляпки».

По-французски «ударом молнии» – coup de foudre – называют любовь с первого взгляда.

Эти ученые получили Нобелевскую премию в области физики, химии и медицины.